ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРОСВЕЩЕНИЕ В КИЕВСКОЙ РУСИ X-XIII вв. И В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV-XVII вв.

Введение 9

Глава I. **Просвещение в Киевской Руси X-XIII вв.**

Летописные известия о начале церковного просвещения в Киевской Руси 13
Поучение Владимира Мономаха детям (XI в.) . . . . . —

Глава II. **Просвещение в Московском государстве XV-XVI вв.**

Послание Геннадия (конец XV в.) 17
Постановления «Стоглава» об обучении и училищах (1554 г.) 18
С. Князьков. Школы мастеров грамоты в Московском государстве XV-XVII вв. . . . 19
«Домострой» (XVI в.) 26

Глава III. **Просвещение на Украине и в Белоруссии первой половины XVII в.**

Устав школы Луцкого братства (1624 г.) 31
Возникновение и характер Киево-могилянской академии . 35

Глава IV. **Просвещение в Московском государстве XVII в.**

И. Забелин. Содержание и характер русской учебной книги XVII в. 39
Д. Мордовцев. Семь «свободных искусств» в освещении «Азбуковника полного» второй половины XVII в. 49
Из учебной и научной литературы в Московском государстве XVI—XVII вв 55
Симеон Полоцкий. «Обед душевный» и «Вечеря душевная» (2-я пол. XVII в.) . . . 60
Епифаний Славинецкий. «Гражданство обычаев детских» (2-я пол. XVII в.) 68
Привилегия Московской академии (1682 г.) 72
Примечания и пояснения к I-му разделу 78

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

РАЗВИТИЕ ДВОРЯНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ XVIII в.

Введение 85

Глава I. **Просветительная реформа Петра I**

Указы Петра I об обучении и училищах 90
Инструкция Морской академии в Санктпетербурге (1715 г.) 95
Из учебных руководств петровских училищ (отрывки текстов) 97
«Юности честное зерцало» (1717 г.) 98
«Духовный регламент» (1721 г.) . 101
Н. Т. Посошков. Об обучении народа грамоте 1724 г. . . . 109
В. Н. Татищев. «Разговор о пользе наук и училищ» (1733 г.) 110

Глава II. **Законодательство о воспитании и обучении в середине XVIII в.**

Указ императрицы Анны о записи дворян в Кадетский корпус (1731 г.) 124

Указ императрицы Елизаветы о вменении родителям в обязанность обучать детей своих катехизису (1743 г.) . . . 125
О гимназиях при Московском университете (из проекта 1755 г.) 126
Гимназия при Московском университете первых лет ее существования по воспоминаниям Д. И. Фонвизина . . . 127

Глава III. **Учебно-воспитательные учреждения Екатерины II**

«Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» (1764 г.) 129
«Генеральный план Московского воспитательного дома» (1763 г.) 131
«Устав Воспитательного общества благородных девиц» (1764 г.) 134
«Устав Шляхетного сухопутного корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества» (1766 г.) 141
Спор о народном образовании в Законодательной комиссии 1767 г 151

Глава IV. **Основание системы народных училищ**

«Устав народным училищам в Российской империи» (1786 г.) 156
«О должностях человека и гражданина» 170
Из жизни народной школы конца XVIII в 176
Статистические данные об учебных заведениях в России конца XVIII в 178

Глава V. **Педагогическая теория в конце XVIII в.**

Н. И. Новиков. «О воспитании и наставлении детей для распространения общеполезных знаний и всеобщего благополучия» (1783 г.) 179
Примечания и пояснения ко 2-му разделу 190

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

КРИЗИС ДВОРЯНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Введение 195

Глава I. **Просветительная реформа правительства Александра I**

Манифест об учреждении министерств и в их числе министерства народного просвещения (1802 г.) 210
«Устав учебных заведений, подведомственных университетам» (1804 г.) 211
Статистические данные об учебных заведениях в России начала XIX в. 231

Глава II. **Реакция в области школьного дела правительства Александра I**

Манифест об учреждении министерства духовных дел и народного просвещения (1817 г.) 232
Циркулярное предложение о предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах (1819 г.) 232
Инструкция директору Казанского университета (1820 г.) 235
Речь министра народного просвещения А. Шишкова об «истинном просвещении» народных масс (1824 г.) . . . 245
Предложения министра народного просвещения А. Шишкова по разработке нового плана народного просвещения (1824 г.) 246

Глава III. **Школьная политика правительства Николая I**

Рескрипт Николая I об основах нового устройства учебных заведений (1827 г.) 249
«Устав гимназий и училищ, состоящих в ведомстве университетов» (1828 г.) 250
О принятии мер к усилению русского языка в училищах западных губерний (1832 г.) . 274

Положение о реальных классах при учебных заведениях министерства народного просвещения (1839 г.) 275
Главные начала школьной политики Николая I в изложении министра народного просвещения С. Уварова . . 277
О мерах к затруднению прилива учащихся в гимназии (1845 г.) 279
«Циркулярное предложение об усугублении надзора по воспитанию в учебных заведениях» (1848 г.) 280
Об изменении устава гимназии в направлении бифуркации ее с 5-го класса и усиления практического характера обучения (1849 г.) 281
«О прекращении в некоторых гимназиях преподавания греческого языка и замене сего предмета курсом наук естественных» (1851 г.) . . 283
Статистические данные об учебных заведениях в России за период 1830—1858 гг. . . . 284

Глава IV. **Педагогическая теория в первой половине XIX в.**

И. П. Пнин. «Опыт о просвещении относительно России» (1804 г.) 286
В. Г. Белинский. «О воспитании детей вообще» (1840 г.) . . 296

Глава V. **Воспитание и образование в первой половине XIX в. по воспоминаниям современников**

Домашнее воспитание дворянина в первой четверти XIX в. по воспоминаниям А. И. Герцена 311
Провинциальный пансион 30 — 40-х гг. по воспоминаниям В. Н. Карпова 316
Гимназия 30—40-х гг. по воспоминаниям С. М. Соловьева. 324
Гимназия 50-х гг. по воспоминиям Л. Ф. Пантелеева . . 326
Примечания и пояснения к 3-му разделу 330

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

БУРЖУАЗНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ 1860-х гг.

Введение 333

Глава I. **Новое устройство среднего и начального образования**

Устав гимназий и прогимназий министерства народного просвещения (1864 г.) . . . 342
Положение о начальных народных училищах (1864 г.) 350

Глава II. **Буржуазная педагогическая теория 60-х гг.**

Н. И. Пирогов. «Вопросы жизни» (1856 г.) 356
«О предметах суждений и прений педагогических советов гимназий» (1859 г.) . 368
«Основные начала правил о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа» (1859 г.) 374
К. Д. Ушинский. «О народности в общественном воспитании» (1857 г.) 381
«Родное слово» (1861 г.) . . 392
«О первоначальном преподавании родного языка» (1864 г.) 396
«Проект учительской семинарии» (1861 г.) 410
Педагогика как искусство воспитания (Из введения к книге «Человек, как предмет воспитания» (1867 г.) . 416
Л. Н. Толстой. «О народном образовании» (1862 г.) . . 418
Общий очерк характера яснополянской школы (1862 г.) 434
Свободная школа (Из статьи «Воспитание и образование» 1862 г.) 451

План устройства дела народного образования (Из статьи «О народном образовании» 1874 г.) 456
Из позднейших педагогических высказываний . . 466

Глава III. **Демократическая и буржуазно-радикальная педагогика 60-х гг.**

Н. А. Добролюбов. «О значении авторитета в воспитании» (1857 г.) 469
«Всероссийские иллюзии, — разрушаемые розгами» (1860 г.) 475
Н. Г. Чернышевский. Критический отзыв о журнале «Ясная Поляна» Л. Н. Толстого (1862 г.) 490

Д. И. Писарев. «Наша университетская наука» (ст. 2) «Общее образование» (1863 г.) 502
«Школа и жизнь» (1865 г.) 515
О воспитании женщин (1865 г.) 518

Примечания и пояснения к 4-му разделу 523

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный том историко-педагогической хрестоматии, посвященный истории русской педагогики до Октябрьской социалистической революции, является первым опытом учебного пособия, где наряду с теоретической педагогикой представлена также и практика дореволюционной школы.

Задача составления такого пособия представляла немалые трудности. С одной стороны, требовалось, чтобы собранный материал отразил последовательное развитие просвещения за огромный период времени — от Киевской Руси X—XIII вв. до Февральской революции 1917 г. включительно. С другой — из относящегося сюда многочисленного, разнородного и мало когда систематизировавшегося материала надо было отобрать сравнительно немногое, максимально выразительное, расположив это в хрестоматии так, чтобы ориентировка в ней читателя была достаточно удобна.

Что для решения этих задач сделано? В поисках нужного для хрестоматии материала составитель произвел довольно широкое обследование историко-документальных фондов и извлек оттуда в целом ряде случаев то, что не только никогда не было в учебном употреблении, но со времени своего появления и вообще не перепечатывалось. Целям систематизации материала хрестоматии, наряду с основным делением ее на 6 разделов (I—IV в первой части и V—VI — во второй), служит также принятый составителем порядок расположения материалов внутри раздела: вначале идут документы, характеризующие, главным образом, политику в области просвещения (как она выражена была в соответственных политических заявлениях, уставах, циркулярах, учебных планах, программах и т. п.), затем — произведения из теоретической педагогики и, наконец, те или иные данные о педагогической практике (отрывки из описаний современников, мемуаров и т. п.). Известную помощь читателю в ориентировке среди материала книги должны оказать также специально составленные для того вводные очерки и примечания к разделам. Задача очерка, предваряющего раздел, — наметить основные линии анализа представленного в разделе материала. Задача примечаний, заключающих раздел, — дать для этого анализа в дополнение к самому материалу некоторый подсобный справочно-исторический аппарат (отсылки к этим примечаниям обозначены особым порядковым по разделу номером, заключенным в двойную скобку).

Многое из поставленных перед хрестоматией задач за сравнительно короткий срок подготовки издания, конечно, и не разрешено. Ряд моментов, требующих дополнительной работы, очевиден для составителя уже теперь: а) поиски и отбор характерных документов, особенно в части методической, необходимо продолжить; б) непоследовательности, вкравшиеся в транскрипцию столь разнородных и никогда не привлекавших к себе спе-

циального издательского интереса текстов, нужно устранить; в) комплект документальных историко-педагогических иллюстраций следует расширить и г) методически трудные места книги приблизить к учащемуся.

Очень многое для конкретного учета необходимых хрестоматии научно-методических улучшений должна дать практика ее применения в педагогических учебных заведениях, вследствие чего все связанные с последней критические указания по хрестоматии составитель примет с полнейшей готовностью взять из них то, что ответит задаче усовершенствования данного учебного пособия.

Одновременно составитель считает долгом отметить высокоценную товарищескую помощь, оказанную ему при составлении настоящего тома редакторами последнего С. А. Каменевым и С. А. Фрумовым.

За энергичную и всегда отзывчивую к нуждам историка-исследователя помощь в подыскании и использовании редкой по Москве старинной педагогической книги составитель приносит также благодарность персоналу библиотеки Государственного исторического музея.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРОСВЕЩЕНИЕ В КИЕВСКОЙ РУСИ X—XIII вв. И В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV—XVII вв.

ВВЕДЕНИЕ

История древнерусского просвещения открывается летописными известиями о том, что киевские князья X—XI вв. Владимир и Ярослав начали строить по городам церкви, стали собирать в них для учения детей и обязали новоприбывших из Византии попов «учити людей, потому что это им поручено самим богом».

При всей сомнительности этих летописных известий в частностях, несомненным остается основное: просвещение на Руси, в связи с проникновением сюда греческого духовенства, попало в руки восточнохристианской церкви и при своем развитии должно было получить тот типично средневековый характер, когда «наука была смиренной служанкой церкви, и ей не было позволено выходить за пределы, установленные верой; короче, она была чем угодно, только не наукой» (Энгельс, Предисловие к английскому изданию книги «Развитие социализма от утопии к науке», изд. 1931 г., стр. 20).

Насквозь пронизанное религией, древнерусское просвещение вошло в систему феодальных отношений и стало орудием закрепощения масс.

Памятники письменности Киевской Руси X—XIII вв. и Московского государства XV—XVII вв. довольно показательно отражают мрачное лицо древнерусской церковно-просветительной системы и позволяют нам установить как ее принципы, так и применявшиеся ею средства. Доминирующее место занимало «учение страху божию», которое должно было расположить и приучить «грешное» население, особенно трудящиеся массы, к «искупительным» жертвам в пользу «бога». «Прежде всего веруйте в бога, веруйте также в воскресение и жизнь вечную и в муку вечную, уготованную для грешников, — читаем в одном из самых ранних церковных поучений XI в., — не ленитесь ходить в церковь: и на заутреню, и на обедню, и на вечерню; и в клети своей, отходя ко сну, прежде помолись богу и тогда ложись на постель. В церкви стойте со страхом божиим, не говоря ни о чем и не думая, но всей мыслью моля бога, чтобы он отпустил тебе грехи твои». Сотни и тысячи раз повторяемое в церквах взрослым, это учение как через церковь, так и через семью передавалось детям. «Да, дети мои, — писал в своем «Поучении» к молодым князьям киевский великий князь XI в. Владимир Мономах, — первое, бога деля и души своея, страх имейте божий в сердце своем и милостыню творя неоскудно — то бо есть начаток всякому добру». С неменьшим усердием твердил о том же молодому поколению и московско-новгородский памятник XVI в. «Домострой». «Страх божий, — читаем там, — всегда имей в сердце своем и память смертную, всегда волю божию творить и по заповедям его ходить; достоит всякому христианину готову быти в добрых делах, в чистоте и покаянии и во всяком исповедании, всегда чающе часа смертного».

В соответствии с этим «принципом» и преследуемою им практическою задачей церковь определяла далее и воспитательные приемы. На вопрос, «како дети учити и страхом спасати», «Домострой» словами ветхозаветного библейского поучения отвечал: «Кажни сына своего в юности и покоит тя на старость твою... и не ослабляй бия младенца... воспитай детище с прещением... не смейся к нему, игры творя... и не даждь ему власти в юности, но сокруши ему ребра, донележе растет». Затем, по мере роста ребенка и при наличии в семье материальных к тому возможностей, в систему «учения страху божию» вводились и «науки». «Издревле российским детоводцем и

учителем обычай бе и есть, — сообщает нам одно старинное учебное руководство, — учити дети малые в начале азбуце, потом часословцу и псалтыри; также писати; по сих же нецыи преподают и чтение апостола». Для осуществления этой задачи церковь вставала перед необходимостью ввести в систему просвещения у ч и л и щ а. Образовательная деятельность духовенства в Киевской Руси X—XIII вв. не опиралась на сколько-нибудь закрепленную сеть училищ. Поэтому вполне понятно, что даже в таких крупных городах, как Новгород, оставшихся к тому же в стороне от татарского нашествия, в XIV—XV вв. не существовало сколько-нибудь установившейся школьной сети. Потеряв связи с питавшим Киевскую Русь идеологическим центром — Византией — и до середины XVII в. почти совершенно изолированная от культурных центров Запада, греко-русская церковь не оказалась в состоянии организовать школы также и в экономически отсталом Московском государстве XV— XVI вв. Задача обучения детей легла на вольных «мастеров грамоты», и в их частной, весьма сомнительной по качеству, практике принуждено было искать удовлетворения своих элементарно-образовательных запросов не только «мирское» население, но даже и само духовенство. Лишь во второй половине XVII в., когда в близком юго-западном соседстве возник новый центр «православной учености» — Киево-могилянская академия — и выходцы из этого центра появились в Москве, начинается движение за организацию училищ. Но учрежденные в результате этого движения училища (среди них наиболее крупным была Славяно-греко-латинская академия) появились в таком ничтожном числе и так поздно, что сыграть существенной роли в истории церковного просвещения уже не смогли.

С такими односторонне-отрицательными задачами «учения страху божию», примитивными библейскими средствами воспитания и более чем скудной образовательной программой обращалась древнерусская церковь к подрастающим поколениям «мирян», стремясь реализовать свое право на всеобъемлющее идеологическое руководство ими.

Но для развертывающейся деятельности светских сословий требовалось нечто большее; требовалась такая подготовка подрастающих поколений, которая вместе с религиозными «началами» передавала бы им практические знания и умения, приобретенные опытом предшествующих поколений. Перед лицом этой огромной жизненной проблемы система церковного просвещения оказывалась явно несостоятельной.

О «педагогических идеалах» господствующего класса русского феодального общества — князей и бояр — и о характере той сословно-практической подготовки, которую они старались обеспечить своему молодому поколению, ясное представление дает известное «Поучение князя Владимира Мономаха детям».

Признав главной задачей воспитания внушение «страха божия», воинственный и дипломатичный князь говорит, что «ни одиночество, ни чернечество, ни голод, яко инии добрии терпят, но малым делом (можно) улучити милость божию»; эти «малые дела» — покаяние, слезы и милостыня — вполне достаточны для «спасения» военного человека. А затем, после того как дорога для военно-практического воспитания расчищена, Владимир излагает такие советы, которые носят сугубо практический характер. «В дому своем не ленитесь, не полагайтесь на прикащиков и слуг, но все видите... На войну вышед, не ленитесь, не надейтесь на воевод, сами расставляйте везде караулы и не ложитесь спать без оружия. Встав пораньше утром и воздав хвалу богу, садитесь или за совет с дружиной или за судебную расправу; а если дел нет, отправляйтесь на охоту, просто поездите и... ложитесь спать: спать днем сам бог определил... Что знаете доброго, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь». При этом «светские» предложения князя подкреплены и соответствующей «мирской» аргументацией: при военной небрежности воин легко может погибнуть, хозяйственная запущенность княжеского имения вызовет насмешки гостей, приходящих в дом; за хорошие знания князя ему «честь есть от иных земель», т. е. известные политические выгоды.

Как же строилась практическая подготовка торгово-ремесленных сословий? В этом отношении весьма характерен для своего времени новгородско-

московский памятник XVI в. «Домострой», который включает в традиционную формулу задач воспитания «всякое благочиние, вежество, промыслы и рукоделия» и с особой тщательностью останавливается на последнем. «По времени и детям смотря и по возрасту, — говорится в главе XV, — учити рукоделию: матери — дщери, а отцу — сынове, кто чего достоин, каков кому просуг (дарование) бог даст». Родители, выполняющие эту важную, с точки зрения автора, обязанность, не только будут «от бога помилованы и от священного чина благословены», но и «от добрых людей хвалимы» (что открывает возможность для хорошо подготовленных людей выгодного брака — «по своей версте»). С неменьшим реализмом рисуются им далее и невыгодные стороны родительского небрежения в этом деле: «А дети, аще небрегомы будут... и отцом и матерем с детьми от бога грех, а от людей укор и посмех, а дому тщета, а себе скорбь и убыток, а от судей продажа и соромота».

Таковы были «дополнения» со стороны военно-землевладельческого и торгового сословий к скудной практическими моментами программе церковного «просвещения». По своей форме опыты светских рассуждений в отмеченных выше памятниках чрезвычайно примитивны и не могли пока итти ни в какое сравнение с искусством построения церковных поучений. Но на их стороне была сила применяемых ими новых жизненных аргументов.

С развитием торговли и ремесл, с проникновением в Москву новой западноевропейской техники военного дела, с осложнением общественных отношений и задач государственного управления затруднения церковного просвещения перерастали в кризис. Перед лицом угрожающей ей потери влияния на общество церковь попыталась обновить и подкрепить себя оживлением сношений с греческими, южнославянскими и южнорусскими центрами православия. «Исправляя» свое православие, она не остановилась перед разрывом с наиболее идеологически-реакционными элементами закосневшего в невежестве духовенства и, для борьбы с «ересями», обнаружила даже некоторую готовность сговора с католическим Западом.

Но все это в конце концов оказалось недостаточным для удовлетворения вновь возникших практических требований и неспособным остановить поиски новых средств просвещения. Связи Московского государства с техникой и технически сведущими людьми Запада росли, иностранный городок с его новой «неверной» культурой вырос в пределах самой Москвы (Немецкая слобода), и вопиющая потребность наладить, наконец, подготовку технически сведущих людей вызвала мысль о такой системе образования, места для которой при существующей церковной организации просвещения пока не было. Контуры новой системы образования, мысль о которой сложилась, повидимому, среди некоторых придворных кругов царя Алексея Михайловича, наметил в одном из церковно-педагогических поучений Симеон Полоцкий. Разделив жизнь подрастающего человека на три семилетних периода и отдав первый из них для обучения языку — «да учат родитилие чада си благая и чистая словеса, а не худая и скверная глаголати, праведная, а не ложная вещати», Симеон второе семилетие отводит «художествам» — «учат я коемуждо художеству, да возмогут тем нуждная житию стяжати» — и на третье, завершающее семилетие ставит одновременно «мудрость, како богу жити» и «разумение же и искусство, како честно гражданствовати в мире».

В этой схеме многое оставалось неясным: не раскрыта программа обучения «художествам», не определено соотношение светской и религиозной «мудрости», не указано, в каких видах училищ должно быть преподаваемо и то и другое... Но церковь и ее руководство, несмотря на очевидную в этом вопросе заинтересованность двора, не обнаружили ни малейшей готовности к какой-либо работе в направлении, намеченном схемой Полоцкого, и обрушились даже на пропагандистов новых педагогических взглядов с целым рядом жестоких преследований.

Идеологический разброд, который можно было наблюдать в Москве к концу XVII в., и жалкую роль, которую играла при этом церковь, историк С. М. Соловьев обрисовал в следующих словах: «Симеон Полоцкий разно-

гласит с Е. Славинецким, потом великороссиянин С. Медведев, ученик Полоцкого, ведет ожесточенные споры с учителями Академии — греками Лихудами. Двор на стороне Медведева, патриарх на стороне Лихудов... Верховный пастырь церкви находился при этом в незавидном положении: раскольники обзывали его еретиком, при дворе, в обществах, находившихся под влиянием Полоцких, Медведевых, над ним смеялись, как над неучем. И действительно, недостаток научного образования препятствовал ясности его взгляда на то, что делалось вокруг, к чему шло дело; им овладел безотчетный страх перед новым... Резко вооружаясь против всего нового на словах, патриарх не имел твердости сопротивляться на деле...» (Соч., дополн. том, стр. 1003.)

На рубеже XVII и XVIII вв. расхождение между традицией церковного просвещения и практическими запросами военно-землевладельческих и торговых слоев общества привело к необходимости новой организации просвещения и нашло себе определенное разрешение в петровской просветительной реформе.

ГЛАВА I

ПРОСВЕЩЕНИЕ В КИЕВСКОЙ РУСИ X—XIII вв.

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О НАЧАЛЕ ЦЕРКОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В КИЕВСКОЙ РУСИ [1]

В лето 6496 (988). Володимер же ... нача ставити по градом церкви и попы и люди на крещение приводити по всем градом и селом. Послав нача поимати у нарочитое чади дети[1] и даяти нача на ученье книжное; матере же чад сих плакаху по них, еще бо не бяху ся утвердили верою[2], но акы по мертвеци плакахуся.

(Полн. собр. летописей, изд. Археогр. ком., т. I, стр. 51.)

В лето 6536 (1028)... Иде великий князь Ярослав на Чудь, и победи я, и постави град Юрьев; и прииде к Новгороду, собра от старост и поповых детей 300 учити книгам.

(Полн. собр. летописей, т. V, стр. 136.)

В лето 6545 (1037). Заложи Ярослав город великый Кыев, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью... И при семь нача вера хрестьянска плодитися и расширяти, черноризци почаша множитися, и монастырове починаху быти. И бе Ярослав любя церковные уставы, попы любяще повелику, излиха же черноризце[3], и книгам прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне: и собра писце многы, и прекладаше от грек на словенское письмо, и списаша книгы многы и сниска[4], ими же поучащеся, вернии людье наслаждаются ученья божественнаго... И ины церкви ставляше по градом и по местом, поставляя попы и дая им от именья своего урок, веля им учити люди, понеже тем есть поручено богом...

(Полн. собр. летописей, т. I, стр. 65.)

ПОУЧЕНИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА ДЕТЯМ [2]

(XI в.)

Седя на санех, помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сих днев грешнаго допровади[5]. Да дети моя или ин кто, слышав сию грамотицю, не посмейтеся, но кому же любо детий

---

[1] Через посланных людей стал брать детей у знатных (лучших) дружинников.

[2] Потому что еще не тверды были в вере.

[3] Сильно любил попов, особенно же монахов.

[4] Приобрел (купил).

[5] Довел (довел до сих дней, т. е. продолжил мою жизнь до сих дней).

моих, а приметь е в сердьце свое и не ленитися начнеть, такоже и тружатися[1]. Первое, бога деля[2] и душа своея, страх имейте божий в сердци своемь и милостыню творя неоскудну; то бо есть начаток всякому добру. Аще ли кому не люба грамотица си, а не похритаються[3], но тако се рекуть: на далечи пути да на санех седя, безлепицю[4] си молвил. Усретоша бо мя съльı от братья моея на Волзе, реша: «потъснися к нам, да выженем Ростиславича[5] и волость их отъимем; оже ли не пойдеши с нами, то мы собе будем, а ты собе». И рех: «аще вы ся и гневаете, не могу вы я ити, ни креста переступити». И отрядив я[6], взем псалтырю в печали, разгнух ю, и то ми ся выня: «вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя?» и прочая. И потом собрах словца си любая и складох по ряду и написах: «аще вы последняя не люба, а передняя приймайте...»

По истине, дети моя, разумейте, како ти есть[7] человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы человеци грешни суще и смертни, то оже ны[8] зло сотворить, то хощем и пожрети и кровь его прольяти вскоре; а господь наш, владея и животом и смертью, согрешенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего, яко отец чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е к собе. Такоже и господь наш показал ны есть на врагы победу, 3-ми делы добрыми избыти его и победити его: покаяньем, слезами и милостынею; да то вы, дети мои, не тяжька заповедь божья, оже теми делы 3-ми избыти грехов своих и царствия не лишитися. А бога деля не ленитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дел тех: не бо суть тяжька; ни одиночство, ни чернечство, ни голод, яко инии добрии[9], терпять, но малым делом улучити милость божью. Си словца прочитаюче, дети моя, божественная, похвалите бога, давшаго нам милость свою, и се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене; аще не всего приимете, то половину. Аще вы бог умягчить сердце[10], и слезы своя испустите о гресех своих, рекуще: «яко же блудницю и разбойника и мытаря помиловал еси, тако и нас, грешных, помилуй». И в церкви то дейте и ложася. Не грешите ни одину же ночь: аще можете поклонитися до земли, али вы ся начнеть не мочи[11], а трижды; а того не забывайте, не ленитеся; тем бо нощным поклоном и пеньем человек побежает дьявола, и что в день согрешит, а тем человек избывает. Аще и на кони ездяче не будеть ни с кым орудья, аще инех молитв не умеете молвити, а «господи помилуй» зовете беспрестани, втайне; та бо есть молитва всех лепши, нежели мыслити безлепицю.

---

[1] Не смейтесь, но кому из детей моих она (грамотица) понравится, пусть воспримет ее в свое сердце и начнет вести не ленивую, но трудовую жизнь.
[2] Деля — для — ради.
[3] Не будут браниться.
[4] Нелепость, пустяк.
[5] На Волге встретили меня послы (съльı) моих братьев с такими словами (реша): «поспеши к нам, чтобы мы вместе прогнали Ростиславичей...»
[6] И отпустив их (послов).
[7] Насколько.
[8] Если нам кто.
[9] Некоторые доблестные (хорошие) люди.
[10] Если бог смягчит ваше сердце.
[11] Занеможете, будете не в силах.

ГЛАВА II

ПРОСВЕЩЕНИЕ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV—XVI вв.

ПОСЛАНИЕ ГЕННАДИЯ [3]

(Конец XV в.)

Господину отцу моему, Симону митрополиту всея Руссии, сын твой, архиепископ Великого Новагорода и Пскова, владыка Генадей челом биет...

Да бил есми челом государю великому князю, чтобы велел училища учинити, а ведь яз своему государю воспоминаю на его же честь да и на спасение, а нам бы простор был: занеже ведь толко п ведут кого грамоте горазда, и мы ему велим одны октении да поставив его да отпущаю боржае[1], и научив, как ему божес служба совершати; ино им на меня ропту[2] неть. А се п мне мужика, и яз велю ему апостол дати чести, и он ступити, и яз ему велю псалтырю дати, и он и по то и яз его оторку[3], и они извет творят[4]: «земля, г не можем добыти, кто бы горазд грамоте»; — ин землю излаял[5], что нет человека в земле, кого бы ство. Да мне бьют челом: «пожалуй деи[6], госпо и яз прикажу учити их октении, и он и к сло ты говоришь ему то, а он иное говорит; и буку, и они, поучився мало азбуки, да прос ее учити. А иным ведь силы книжные не азбуку границу и с подтителными словы в книгах великую; а они не хотят учити не от усердия, и он живет долго; да от их нерадения, а моей силы нет,

А яз того для бью челом государ нити, да его разумом и грозою, а исправится; а ты бы, господин отец детем великим князем, печаловался[8],

---

[1] Тотчас же.
[2] Ропота, жалобы.
[3] Откажу ему.
[4] Извещают, сообщают.
[5] И то всю страну изругал (исхули
[6] Деи — де (непереводимо).
[7] Азбука граница — азбука с акрос под титлами, напр., бг (бог), стый (свя
[8] Т. е. не переставал делать предста ким князьям...

А се мужики невежи учат робят да речь ему испортит, да первое изучит ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денег, а завтреня также, а и свыше того, а часы то особно, да те поминки опроче могорца[1], что рядил от него; а от мастера отидет, и он ничего не умеет, толко-то бредет по книге, а церковнаго постатия[2] ничего не знает. Толко ж государь укажет псалтырю с следованием изучити, да и все, что выше писано, да что от того укажет имати, ино учащимся легко, а сяк не смеют огурятися[3]. А чтобы и попов ставленных велел учити, занеже то нерадение в землю вошло[4], и толко послышат то учащиися, и они с усердием приймут учение. А ныне у меня побежали ставленикы четыре, Максимко, да Куземко, да Офоноско, да Омельянко мясник, а тот с неделю не поучився, ступил прочь с ними ж; а и православны ли те будут? По мне, ино те непригожи в попы; о тех-то бог пророком рече: «ты разум мой отверже, аз же отрину тебе, да не будеши мне служитель». И ты бо, господин отец наш, государем великим князем печаловался; а яз твой сын, тебе, своему господину отцу, челом бию...

(Акты исторические, т. I, № 104.)

ЗАКОНОВЛЕНИЯ «СТОГЛАВА» ОБ ОБУЧЕНИИ И УЧИЛИЩАХ [4]

(1554 г.)

75. *О дьяцех, хотящих во дьяконы и в попы ставитися.* ... хотящих во дьяконы и в попы ставитися, а гра... и святителем их поставити — ино сопротивно священ... поставити — ино святыя церкви без пения будут, а ...яне без покаяния умирати. И святителем избиравилом — в попы ставити 30 лет, а в диаконы умели, чтобы могли церковь божию содержати ..., православных хрестьян, управити могли по ... о том их святители истязуют с великим ... о умеют грамоте, и они ответ чинят: мы-де ... у своих мастеров, а инде нам учитися ... и мастеры умеют, потому и нас учат, ... сами потомуж мало умеют, и силы ...ют; а учитися им негде. А преже сего ...скве, и в великом Новгороде, и по ... бывали, грамоте, и писати, и пети, ... грамоте, и писати, и пети, и чести ... и четцы, и добры писцы славны были

...*ких по всем градом.* И мы о том ... жили: в царствующем граде Москве ... топопом и старейшим священником

... к учению укоренилось в стране. ...зают, выведывают.

и со всеми священники и дьяконы, кийждо во своем граде, по благословению своего святителя, — избрати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков, женатых и благочестивых, имущих в сердцы страх божий, могущих и иных пользовати, и грамоте бы и чести и писати горазди. И у тех священников, и у дьяконов, и у дьяков учинити в домех училища, чтобы священницы, и дьяконы, и все православные хрестьяне в коемждо граде предавали им своих детей, на учение грамоте, и на учение книжнаго писма, и церковного пения псалтырнаго, и чтения налойнаго, и те бы священники, и дьяконы, и дьяки избранные учили своих учеников страху божию, и грамоте, и писати, и пети, и чести со всяким духовным наказанием... А учили бы есте своих учеников грамоте довольно, сколько сами умеете, и силу бы им в писании сказывали, по данному вам от бога таланту, ничтоже скрывающе; чтобы ученицы ваши все книги учили, которые соборная святая церковь приемлет, чтобы потом и впредь могли не токмо себе, но и протчих пользовати и учити страху божию о всех полезных; также бы учили своих учеников чести и пети и писати, сколько сами они умеют, ничтоже скрывающе, но от бога мзды ожидающе, а и зде от их родителей дары и почести приемлюще по их достоинству...

(«Стоглав», казанское изд. 1912 г.)

ШКОЛЫ МАСТЕРОВ ГРАМОТЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV—XVII вв. [5]

Можно думать, что тот приход, который содержал храм, выбирал священника и причт, посылая их для посвящения к архиерею, устраивал при своем храме богадельню и школу. При жилье священника или одного из причетников отводилась особая изба или клеть, где бы «ребятам грамоте учиться». Учителем такой школы, содержимой на средства прихода, был кто-нибудь из причта. Кроме таких школ, при церквах в Московском государстве были и вольные, так сказать, учителя, «мастера», как тогда говорили, которые кормились тем, что учили ребят. Такие учителя выходили из неимеющих места причетников, из отставных подьячих, просто из любителей книжного и школьного дела. Учили они или у себя на дому, имея для того особое помещение, или ходили по дворам, нанимались в домашние учителя и учили только детей тех, кто их нанял.

По старому обычаю, начинали учить ребенка грамоте, когда ему исполнялось семь лет. Отец призывал двух-трех ближайших родственников, советовался с ними, не пора ли мальчика отдать в «книжное научение». Решив, что пора, звали отца духовного и служили молебен покровителю наук пророку Науму и тому святому, тезоименит которому был мальчик. Ребенка кропили святой водой, духовник благословлял его и говорил приличное случаю поучение. Отец и мать благословляли мальчика и говорили ему тоже несколько напутственных слов о пользе ученья, о том, чтобы он слушался учителя, учился бы хорошо и т. д. Затем все, т. е. отец мальчика, двое или трое призванных отцом ближайших родственников и сам отдаваемый в науку мальчик шли к «ма-

стеру». Здесь, положив уставные поклоны и поздоровавшись с «мастером», отец мальчика начинал рядиться с учителем, уговариваться, чему мастер должен выучить ребенка и какую плату и чем должен получить за науку. Сговорившись обо всем этом, отец ученика и мастер ударяли по рукам, и приведенный мальчик поступал в распоряжение учителя. Сделав три поклона перед образом и поклонившись в ноги учителю, новый ученик получал букварь, вынимал из-за пазухи нарядную указку, заботливо подаренную ему матерью или кем-нибудь из родственников, садился на указанное ему учителем место за столом и начинал трудное дело «книжного научения».

Это был сухой и тяжелый труд, о котором теперешние учащиеся и понятия себе составить не могут. «Старинная грамота, — говорит один ученый, — являлась детям не снисходительной и любящей няней, как теперь, в возможной простоте и доступности, с полным вниманием к детским силам, а являлась она сухим и суровым дидаскалом с книгой и указкой в одной руке и с розгой — в другой».

В XV и XVI вв. буквари и книги были, конечно, рукописные, а в XVII в. — уже печатные. Многие лица зарабатывали себе хлеб тем, что писали «книжицы малыя, иже в научении бывают малым детям», т. е. буквари. В XVII в. московский Печатный двор в течение четырех лет (1647—1651 гг.) напечатал 9600 букварей.

При рукописных книгах, написанных различными почерками, часто без соблюдения каких-либо знаков препинания, в строку, без отделения одного предложения от другого, со словами, поставленными слитно, научиться читать было страшно трудным делом. Читающему приходилось не только схватывать глазом буквы и механически соединять их в слоги, а слоги в слова, — ему приходилось усиленно думать, что к чему в рукописи и какое слово относится прямо к какому, где кончается, где начинается мысль автора. «В наше время, — говорит проф. В. И. Сергеевич, — человек, выучившийся грамоте, может читать всякую книгу. Не то было в старину. Тогда мало был постигнут механизм чтения, это не давало еще ключа к пониманию написанного. В старину учитель должен был научить разделять слова и предложения, он должен был знакомить ученика с содержанием книг. В старину учились читать не книги вообще, а известную книгу: псалтырь, часослов и пр. Учение читать переходило в заучивание книги на память. Выучившийся читать псалтырь мог не справиться с другой книгой»...

Взяв назубок азбуку с ее трудными названиями букв — аз, буки, веди, глаголь, добро, есть, живете и т. д., ученик приступал к слогам или складам, сначала из двух букв — согласной и гласной, а потом из трех, и усердно долбил все эти буки-аз — ба, буки-есть — бе, буки-иже — би, веди-аз — ва, веди-он — во, или буки-рцы-аз — бра, глаголь-веди-аз — гва, добро-цы-еры — дцы и т. д. без конца. Склады читались обыкновенно вслух, хором, и гомон в школе стоял от этого такой, что за несколько домов было слышно, как учатся школяры.

Научившись складывать из слогов слова и прочтя с толком, «не борзяся» первые связные фразы молитвенного содержания и молитвы, напечатанные или написанные в азбуке, постигнув все слова под титлами, ученик со страхом и благоговением приступал к чтению «часослова»,

той церковной книги, которая содержит в себе основные церковные молитвословия — часы, павечерицу, полунощницу, утреню, кондаки и тропари праздникам. Начало чтения часослова было как бы переходом в следующий класс и сопровождалось особым торжеством. Накануне дома служили молебен. Утром, перед отходом в школу, ученику вручался горшок каши и гривна денег «в бумажке» — это он должен был передать учителю. Часослов брался назубок, как и букварь. За ним наступала очередь псалтыря, потом деяний апостольских и, наконец, в редких случаях, евангелия.

Изучение часослова, псалтыря и других книг сопровождалось со стороны учителя различными воспитательно-образовательными поучениями.

Кроме названных книг, в руках древнерусского ученика находился еще иногда «азбуковник», где, помимо алфавита и складов, имелся целый ряд различных сведений...

Попутно, но не ранее как ученик приступал к чтению часослова, велось обучение письму. Эта наука была тогда тоже не из легких. Прежде всего она была дорога, так как бумага в то время была много дороже нынешней, а писали гусиными перьями, которые нужно было выучиться очинивать особым ножичком. Плохо очиненное неумелой рукой перо спотыкалось и брызгало по шероховатой бумаге у неопытного писаки и доставляло ему немало огорчений. Перед учившимися писать всегда лежала «пропись», или «надписи», и он старательно списывал буквы, подражая прописи.

Суровый учитель, раз показав, как надо читать или писать, не любил повторять сказанное два раза и помощью розги и подзатыльников думал легче и скорее напомнить науку забывчивому ученику. Розга и «ремень плетной» вообще были первым подспорьем тогдашнего педагога. В азбуковниках встречаются целые стихотворные похвалы розге. Вот одна такая похвала, помещенная в начале книги:

В предисловии место сие полагаем:
Розгою дух святый детище бити велит,
Розга убо ниже мало здравия вредит.
Розга разум во главу детям вгоняет,
Учит молитве и злых всех встягает.
Розга родителем послушны дети творит,
Розга божественного писания учит.
Розга, аще бие́т, но не ломит кости,
А детище отставляет от всякия злости.
Розгою, аще отец и мать часто бию́т детище свое,
Избавляет душу его от всякого греха.
Розга учит делати вся присно ради хлеба,
Розга дети ведет правым путем до неба.
Розга убо всяким добротам поучает,
Розга и злых детей в преблагия претворяет.
Розгою отец и мати, еже детище не бию́т,
Удаву на выю его скоро увию́т.
Вразуми, боже, матери и учители,
Розгою малых детей быти ранители.
Благослови, боже, оные леса,
Иже розги добрыя родят, на долгия времена,
Малым детям — розга черемховая двоюлетняя,
Сверстным же — брезовая к воумлению,

Черемховая же — к страхованию учения,
Старым же — дубовый жезл к подкреплению.
Млад бо без розги не может ся воумити,
Старый же без жезла не может ходити.
Аще ли же без розги измлада возрастится,
Старости не достигнет, удобь скончится.

Придавая такое огромное значение розге в деле воспитания и обучения, тогдашняя педагогия советует ученикам любить это средство:

Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте:
Та суть безвинна, тех не проклинайте!

Школьный день начинался рано, часов с семи утра, по нашему счету. Добронравному ученику «азбуковник» предлагал такие стихотворные правила для начала дня:

В дому своем, от сна возстав, умыйся,
Прилучившагося плата краем добре утрися,
В поклонении святым образам продолжися,
Отцу и матери низко поклонися.
В школу тщательно иди
И товарища своего веди;
В школу с молитвою входи,
Тако же и вон исходи...

Войдя в школу, ученик крестился на образа и отвешивал низкий, даже земной, поклон учителю, если тот был священник, а потом, положив установленные три поклона перед образом, принимался повторять, не торопясь, «зады», т. е. пройденное вчера. Уроков на дом не задавалось и все проходилось в классе. Прочитав «зады», иной раз, если учитель был недоволен, повторив их два-три раза, ученик принимался читать и перечитывать новый урок, т. е. следующие страницы той книги, какую изучал. Учитель следил за чтением, прерывал, заставлял повторять, добиваясь, чтобы ученик читал без запинки, ровным голосом, слегка нараспев, «не борзяся», с толком.

В двенадцать часов наступал перерыв для обеда, и ученики шумной толпой, против чего напрасно ратовали строгие правила азбуковников, торопились домой обедать. После обеда спали, а к двум часам дня все снова были в школе и снова долбили урок. Сидели все за столом, на местах, указанных учителем; старшие занимали места получше, ближе к учителю, сидевшему в красном углу под образами, младшие же сидели ближе к дверям; кроме того, каждый ученик данного отдела занимал место по своим успехам, и учитель часто пересаживал успевавших и малоуспешных, в зависимости от их стараний и плодов этих стараний.

Учитель вызывал учеников по очереди. Каждый вызванный выходил из-за стола, кланялся учителю в ноги и начинал стоя «сказывать» свой урок. Если учитель бывал недоволен учеником, то приказывал ему сказывать урок стоя на коленях, в виду спасительной лозы.

Выдолбив урок, ученик молился перед образом, произнося особую молитву: «Господи Иисусе христе, боже наш, содетелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писания, и сим увем хотения твоя, яко

да славлю тя во веки веков. Аминь!». Сделав затем три поклона перед образом, он начинал новый стих урока.

Как только зазвонят к вечерне, т. е. часов около четырех дня, школьный день заканчивался; школьники вставали со своих мест и пели хором молитву Симеона-богоприимца: «Ныне отпущаеши...».

После молитвы ученики должны были замкнуть на застежки свои книги, посмотрев, не осталось ли в листах «указки», «указательного древца», как говорили, когда хотели выразиться понаряднее, и бережно клали книги на полки. Затем начиналась уборка школы; ученики выметали помещение, вытирали пыль, выносили лохань с грязной водой от умыванья, приносили свежую воду. За всем этим делом следил староста, т. е. старший ученик, назначенный на эту должность учителем.

Староста смотрел за тем, чтобы ученики не листовали без толку книг, любуясь цветными заставками, бережно клали бы их на место, не шумели в школе и при выходе из нее. В тех школах, которые были устроены при церквах, находились общежития для сирот, и тогда на обязанности старосты лежал надзор и за живущими при школе сиротами.

Школа в Московском государстве по изображению в букваре Ф. Поликарпова.

Прибрав школу, ученики расходились по домам. Если это было накануне праздника, то все учащиеся обязательно шли к вечерне, и учитель предостерегал их, чтобы они стояли в храме благопристойно, «потому что, — прибавляет наставление, — все знают, что вы учитесь в школе». От учеников школы требовалось вообще пристойное поведение. «Егда учитель отпустить вас, — читаем в одном наставлении при азбуковнике, — то со всяким смирением до дому своего идите: шуток и кощунств, пхания же друг друга и биения, и резваго бегания, и коменноверження, и всяких ненадобных детских глумлений да не водворится в вас... Если минуете святую церковь, и узрит кто образ христов, не мини, еже не помолитися...» Запрещено было также ученикам ходить без надобности по

улицам, в особенности же бегать туда, где почему-либо собиралась толпа. Пришедши домой, ученик должен был рассказать родителям, что он проходил в школе, и прочесть тот урок, те стихи или те склады, которые выучил.

За всякий школьный проступок или неуспехи ребенка и дома ожидало наказание. Таким образом, страх наказания, боль и стыд были средствами, которые тогда считались необходимыми в деле воспитания и обучения. Когда не помогали эти средства, и наука плохо давалась мальчику, то призывали священника и читали особые молитвы над «неудобьучащимся грамоте» мальчиком, призывая святых Сергия Радонежского и Александра Свирского уврачевать «скорбную главу», дать ей понимание и способность к учению. Мальчику рассказывали — и учитель и родители — «просторечным сказанием», как эти святые в детстве были косны на понимание, как они усердно молились пресвятой богородице, чтобы она отверзла их «умные очеса», и как молитва их была исполнена.

По воскресным дням ученики после обедни приходили в школу и «здравствовали» учителя, т. е. поздравляли его с праздником, а учитель беседовал с детьми о празднике, рассказывал им «просторечно», т. е. своими словами, разговорным языком, о празднике, о святом или священном событии, память которого чествовалась, и заключал свою повесть кратким поучением, после которого, помолившись, все расходились.

В воскресные дни при этих здравствованиях учителя происходило поднюшение ему различных даров, по большей части разных съестных припасов, кто что мог. Учитель жил этими поднюшениями, и когда они почему-либо оскудевали, тогдашний педагог писал родителям учеников почтительнейшее письмо, составленное самым витиеватым образом и каллиграфически написанное, в котором учитель высокопарно обращался к «государю» такому-то, бил челом и плакался, называл себя работничишком и писал так: «Помяни благоутробие свое ко мне, работничишку, господа ради и благоцветущия отрасли благонасажденнаго древа, единородного своего любезнейшего сына и пресладкаго ради божественнаго учения, благоцветущия ради отрасли твоей на поучение, а тебе, государю, на душевное утешение, пожалуй мне, работничишку твоему, на школьное строение, мне же с домашними на пропитание; благоутробне, смилуйся!» Иной педагог мог написать такое письмо превыспренными стихами и выражался так:

Прикажи, государь, нам от класорасленных плодов запасцу дати,
И от пресветлыя твоея трапезы говяд и тинолюбящия свинии преподати;
Со всеми же сими желаем и птах водоплавных,
Иже обретаются в домех ваших преславных,
От млек сгущеннаго и от семян изгнетеннаго масла,
Да в приходящий праздник усладят наша брашна,
Воздари происходящим сквозь огнь и воду,
Да благопотребно будет нашему дому:
Высокорасленнаго огорченнаго пива добрейшаго,
Пчелодельнаго меду сладчайшаго.
Молим бога, дабы о сих всех тебе, государю, известил,
Нас же, богомольцев своих, всеми сими посетил...

Очень многочисленны тогдашние школы не были. «Жития святых», хотя и упоминают о «многих сучениках» или сверстниках того или иного подвижника, но придавать большое значение этому общему выражению нельзя. Прежде всего, тогдашние помещения не позволяли собирать в своих стенах много детей. Надо думать, что число учеников в школе колебалось от пяти-шести до двадцати-тридцати человек. Сохранилось до нашего времени житие преподобного Сергия с картинками, написанное в XVI в. На одном рисунке так изображена школа: на лавке за столом сидят одиннадцать мальчиков с книгами, а один, сам преподобный, стоит перед учителем, который объясняет ему урок. Учились в такой школе не одни малолетки, а порой и молодые люди очень на возрасте. Так, Никандр Псковский стал учиться грамоте лет двадцати, находясь уже в услужении у одного купца. Сын князя Василия Голицына еле разбирал еще склады, когда подавал к царю просьбы о земельном наделе как взрослый полноправный человек.

Время обучения грамоте не могло быть продолжительно, несмотря на крайне трудные и грубые приемы самого обучения. Способные мальчики кончали всю начальную школьную премудрость года в два. Менее способные мальчики изучали все это, вероятно, года в три, даже в четыре...

Научить читать и писать «божественныя книги чести и церковное постатие» — это была цель, ради которой создавало училища правительство, за этим посылали к мастеру своих детей родители, и древнерусская школа по преимуществу учила и в меньшей степени воспитывала. Воспитание было делом не мастера, учившего за приличное вознаграждение «книги чести», а отца и матери; поприщем воспитания была не школа, а семья, где давно, от предков, установился определенный круг житейских правил «порядливого жития» и «христианского жительства»; эти правила родители и стремились внушить своим детям примером личной жизни и путем поучения и наставления. Жизнь свела эти правила, вырабатывавшиеся под непосредственным влиянием церкви и литературы книг св. писания, в определенный кодекс. Этот запас правил выработался, главным образом, под влиянием двух книг ветхого завета — «Притчей Соломоновых» и «Премудрости Иисуса, сына Сирахова». Из нового завета много внесли в склад выработки древнерусского воспитательного идеала «Послания св. апостола Павла», а из творений отцов церкви, главным образом, творения Иоанна Златоуста...

В половине XVI в. почерпнутые из ходовой ветхо- и новозаветной литературы — книг св. писания — принципы древнерусской педагогии были сведены в одно цельное поучение, в цельный свод. Этот свод состоял из трех наук или строений: то были строение *душевное* — учение о долге душевном, или дело спасения души, строение *мирское* — наука о гражданском общежитии, и строение *домовое* — наука о хозяйственном домоводстве. Усвоение этих трех дисциплин и составляло задачу общего образования в древней Руси.

(Князьков и Сербов, Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II, Москва, 1910 г.)

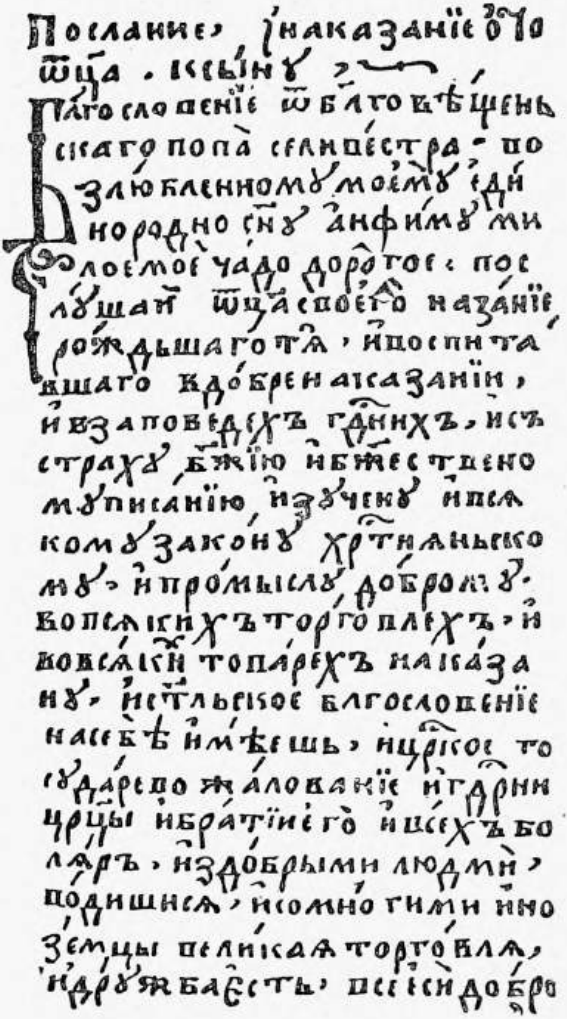
«ДОМОСТРОЙ» [6]

(XVI в.)

1. *Наказание от отца к сыну.* Благословляю аз грешный, имя рек, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего, имя рек, и его жену, и их чад и домочадцов: быти во всяком християнском законе, и во всякой чистой совести и правде; с верою творяще волю божию и хранящe заповеди его; себе утверждающе во всяком страсе божии и в законном жительстве; и жену поучающе, такоже и домочадцов своих наказующе: не нужею, ни ранами, ни работою тяжкою; имеюще яко дети, во всяком покое: сыты и одены, и в теплом храме, и во всяком устрое. И вдаю вам християнскому жительству писание се на память и вразумление: вам и чадом вашим. Аще сего моего писания не внемлете, и наказания не послушаете, и потому не учнете жити, и не тако творити, яко же есть писано, сами себе ответ дадите в день страшного суда; и аз вашим винам и греху не причастен, кроме моея души; аз о сем всяком благочинии благословлял, и плакал, и молил, и поучал, и писание предлагал вам; и аще воспримете сие мое худое учение и грубое наказание, и сие со всею чистотою душевною; и прочитая, прося у бога помощи и разума, поелику возможно, как бог вразумит вас; и начнете делом творити вся си: будет на вас милость божия, и пречистыя богородицы, и великих чудотворцев, и наше благословение, отныне и до века, и дом ваш, и чада ваша, и стяжание ваше, и обилие ваше, что вам бог подаровал от нашего благословения и от своих трудов, да будет благословенно, исполнено всяких благ, во веки, аминь.

14. *Како чтити детем отцов своих духовных и повиноватися им.* Подобает ведати се: како чтити детем отцов своих духовных. Изыскати отца духовного добра, боголюбива, и благоразумна, и рассудительна, а не потаковника, пьяницу; ни сребролюбива, ни гневлива; такова подобает чтити, и повиноватися ему во всем; и каятися пред ним со слезами; исповедати грехи своя не стыдно и бессрамно; и заповеди его хранити. А призывати его к себе в дом часто, и извещатися всегда, во всякой совести; и наказание его с любовию приимати, и послушати его во всем, и чтите его, и бейте челом пред ним низко; он учитель наш и наставник; и имейте его со страхом и любовию; к нему приходите, и приношение ему давайте от своих трудов по силе; и советовати с ним часть о житии полезном, и восстязатися от грехов своих; и како учити и любити мужу жена своя и чада, а жене мужа своего слушати, и спрашиватися, по вся дни; а извещатися о гресех своих всегда пред отцем духовным, и обнажати грехи своя вся, и покорятися пред ним во всем: тии бо бдят о душах наших, и ответ дадут о вас в день страшного суда; а не поносити их, ни осуждати, ни укоряти; а, о ком учнут печаловатися, ино его слушати, и виноватаго пожаловати, по вине смотря, с ним же рассудя.

15. *Како детей своих воспитати во всяком наказании и страсе божии.* А пошлет бог, у кого дети, сынове или дщери, ино имети

Начало поучения Сильвестра в московской редакции «Домостроя».

попечение отцу и матери о чадех своих: снабдити их и воспитати в добре наказании; и учити страху божию и вежеству[1] и всякому благочинию; и, по времени и детем смотря, и по возрасту, учити рукоделию; матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоин, каков кому

[1] Вежливости, вежливому обращению.

просуг[1] бог даст; любити их, и беречи, и страхом спасати. Уча и наказуя, и рассуждая, раны возлагати: наказуй дети во юности, покоит тя на старость твою; и хранити и блюсти о чистоте телесней, и от всякого греха, отцем чад своих, яко же зеницу ока и яко своя душа. Аще что дети согрешают отцовым и матерним небрежением, им о тех гресех ответ дати в день страшного суда. А дети, аще небрегомы будут, в ненаказании отцов и матерей, аще что согрешат или что зло сотворят, и отцем и матерем, с детьми, от бога грех, а от людей укор и посмех, а дому тщета, а себе скорбь и убыток, а от судей продажа и соромота. Аще у богобоязливых родителей, и у разумных и благорассудных, чада воспитани в страсе божии, и в добре наказании, и в благорассудном учении, всякому разуму и вежству, и промыслу, и рукоделию, и те чада с родители своими бывают от бога помиловани, а от священнаго чину благословены, а от добрых людей хвалими; а егда будут в совершене возрасте, добрые люди, с радостию и с благодарением, женят сыновей своих по своей версте[2], по суду божию; а дщери за их дети замуж выдают. И аще от таковых, которое чадо бог возьмет, в покаянии и с причастием; то от родителю бесскверная жертва к богу приносится, и в вечные кровы вселяются; а имеют дерзновение у бога милости просити, и оставление грехов и о родителях своих.

17. *Како дети учити и страхом спасати.* Казни сына своего от юности его, и покоит тя на старость твою, и даст красоту душе твоей. И не ослабляй, бия младенца: аще бо жезлом биеши его, не умрет, но здравее будет, ты бо, бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти. Дщерь ли имаши: положи на них грозу свою, соблюдеши я от телесных[3]: да не посрамиши лица своего, да в послушании ходит; да не свою волю приимши, и в неразумии сотворится знаем твоим в посмех, и посрамят тя пред множеством народа[4]; аще бо отдаси дщерь свою без порока, то яко велико дело совершиши, и посреди собора похвалишися; при концы не постонеши на ню[5].

Любя же сына своего, учащай ему раны, да последи о нем возвеселишися. Казни сына своего измлада, и порадуешися о нем в мужестве: и посреди злых похвалишися, и зависть приимут враги твои. Воспитай детище с прещением[6] и обрящеши о нем покой и благословение. Не смейся к нему, игры творя: в мале бо ся ослабиши, в велице поболиши, скорбя[7]; и после же яко оскомины твориши душе твоей. И не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растет, а, ожесточав, не повинет ти ся; и будет ти досаже-

---

[1] Дарование, способность.

[2] Соответственно своему положению (по своему рангу).

[3] Подчини их условиям самого строгого порядка (режима), и ты сохранишь их от соблазнов, идущих со стороны поселян (односельчан).

[4] Дабы подчинившись чужому влиянию, своим неразумием она не стала предметом осмеяния со стороны твоих знакомых (знаем) и не осрамила тебя перед множеством народа.

[5] Под конец не будешь стонать (горевать) над нею.

[6] В строгости.

[7] В немногом себя сдержишь (ограничишь) — в большом будешь болеть (сокрушаться), скорбя.

ние, и болезнь души, и тщетна домови, погибель имению, и укоризна от сусед, посмех пред враги, пред властию платеж и досада зла.

22. *Каковы люди держать и как о них промышлять: во всяком учении, и в божественных заповедях, и в домовном строении.* А людей у себя добрых дворовых держати, чтобы были рукоделны: кто чему достоин и какому рукоделию учен. Не вор бы, не бражник, не зерщик[1], не тать, не разбойник, не чародей, не корчмит[2], не оманщик. Всякой бы человек у добраго государя научен страху божию, и вежеству, и смиренью, и всяким добродетелем; доброму промыслу, не солгал, ни разбил, никого бы не обидел; сыт бы был государевым жалованьем да оден или своим рукоделием. А чем государь пожалует: платьем, или лошедь, и всяким нарядцом, или пашенькою, или какою торговлею, а и сам что замыслит своими труды, ино лучшее платенко верхнее и нижнее, и рубашка и сапог, — блюсти по праздником и при добрых людех, в ведро, а всегда бы было чистенко, и не изваляно, и не изгрязнено, и не излито, и не измочено, и не измято.

А который человек глуп и груб и невежда, и не брежен, а и есть у нево платенко, государьско жалованье, или своими труды сделано, да беречи не умеет, ино государю или кому приказано, у таких нечювственников платье берегут у себя лучшее; дадут коли во время надеть, да опять, снемше, у себя блюдут. А всем дворовым людям наказ: всегда, что делают, в ветшаном платье, а как пред государем и при людех, в чистом повседневном платейце; а в праздники и при добрых людех или с государем, или с государынею где быти: ино в лучшем платье; а беречи от грязи, и от дожжа, и от снегу; и пришед, да сняв платейце, высушить и вымять, и вытерть, и выпахать; хорошенько укласть и упрятать: где то живет. Ино и себе мило, и от людей чесно, и государю споро, и слушкам прочно, и всегды внове. А люди б были во чти и в грозе и во всяком дозоре. Промеж бы себя не кралися; чужого бы отнюдь не хотели ни коими дела, а государьского бы берегли, все за один; а государю бы и государыни не лгали, и не клеветали ни на кого ни в чем. А государи бы тем не потакали, обыскивали бы прямо: ставя с очей на очи; дурному бы не попущали, а доброго бы жаловали: ино всяк добру ревнует и государьское жалованья хочет выслужить правдою и прямою своею службою; и государьским наказом и добрым науком век живет; и душу спасет: и государю служит и богу угодит. Да наипаче указывати, которым вместно, к церкви божии всегда ходити, и по праздником; или во дворе петья слушати, и, особ, наедине, молитися; чистота телесная хранити от всякого пьянства и лакомства и от безвременного пития и ествы; и объядения и пиянства выздержатися; и отцов бы духовных и с женами своими имети; и на покояния приходили. А женатые с своими женами законно бы жили, по духовнаго отца наказанию. Да чему сам от государя научен, того бы и жены наказывали: всякому страху божию и вежству; и государыни бы слушали, и повино-

[1] Не игрок в кости.
[2] Не содержатель корчмы (трактирщик).

валися во всем; и своими труды и рукодельем выслуживалася, а не крала бы, и не лгала, и не бражничала, и с дурными речми к государыне не приходила, и волхвов, и с кореньем и с зельем, кто тем промышляет, с теми бы отнюдь не зналася, и государем бы про таких людей не сказывали: то бо суть слуги бесовские; служили бы государем своим верою и правдою, и добрыми делы, и праведными труды. — А государи бы и государыни людей своих: мужей и жен и ребят, и всяких слуг, жаловали, и кормили и поили, и одевали; и в тепле бы жили, и во всяком покои и в благоденстве всегда. И государя бы, себя и свою душу, и дом свой, добре строив, и домочадцов безо всякия скорби, — тоже нищих и странных и убогих, вдовиц и сирот, покоити достойно, от своих праведных трудов. И к церквам божиим . церковником и в монастыри приносити милостыня, и к себе, в домы своя, призывати: ино то и богу приятно и души полезно. А отнюдь бы не вмещалося в дом ни от насилия, ни от грабления, или от всякого мшелоимства[1], ни от посулу, ни от поклепу, ни от резоимства, ни от ябедничества, ни от крива-суда. Аще от сего зла бог соблюдет, тот дом будет благословен от ныне и до века.

39. *Аще муж сам не учит, ино суд от бога пришмет; аще сам творит и жену и домочадцев учит, милость от бога пришмет.* Аще муж сам того не творит, что в сей памяти писано, и жены не учит, и дом свой не по бозе строит, и о своей души не радит, и людей своих по сему писанию не учит, и он сам погублен в сем веце и в будущем, и дом свой погубит. Аще ли добрый муж о своем спасении радит, и жену наказует, тако же домочадцов своих всякому страху божию учит, и законному християньскому жительству, яко же есть писано, — и он, вкупе со всеми, в благоденстве по бозе жизнь свою препроводит и милость божию получит.

(«Домострой» по Сильвестровскому изводу, изд. 1911 г.)

---

[1] Корыстолюбия.

ГЛАВА III

ПРОСВЕЩЕНИЕ НА УКРАИНЕ И В БЕЛОРУССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. [7]

УСТАВ ШКОЛЫ ЛУЦКОГО БРАТСТВА

(1624 г.)

Волею божиею, мы все совокупно братия о Христе храма Воздвижения честного и животворящего креста господня, граждане луцкие, желая иметь надлежащее устройство в сем училище, к учащим в нем славянскому и русскому писанию придали еще двух мужей от нашей братии, для всякого наблюдения, и чтобы всякий беспорядок, противный постановлению сего устройства, исправляли они делом и словом: что и да будет известно каждому, хотящему на опыте увидеть устройство сего училища или отдать свое дитя для обучения.

Волею божиею, советом и повелением святейшего Кирилла, архиепископа Константинополя, Нового Рима, и вселенского патриарха, и благословением архиепископа митрополита Киевского, Галицкого и всея России господина Иова Борецкого — в городе Луцке, при церкви Воздвижения честного и животворящего креста господня, устроилась греческая и русская школа, по стародавним обычаям и правилам святых отцов исповедания греческого; великим старанием и иждивением и заботою мещан луцких русского рода, святого исповедания греческого; и пожертвованиями всех православных христиан как духовного сословия, так и особ княжеских, господских и дворянских, и всего простого народа, даже и до убогих вдовиц: чтобы восполнить всякий недостаток надлежащего учения, подвигнуть людей нерадивых, а противникам заградить уста; дабы отселе, с прекращением злобы, восприяло начала благих дел и по всей братии распространилось спасение: «Изменение бо злобы начаток есть во спасение; близь беды спасение».

Статья 1. Дидаскал, или учитель, сей школы должен быть благочестив, рассудителен, смиренномудр, кроток, воздержлив, не пьяница, не блудник, не лихоимец, не гневлив, не завистлив, не смехотворец, нескверносл ов, не чародей, не баснословитель, не пособник ересей, но споспешник благочестия, во всем представляя собою образец благих дел. В таких добродетелях да пребывают и ученики, как их учитель. К такому учителю кто-либо, приводя и отдавая на науку сына и других, должен взять с собою одного или двух соседей, «да при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол», и сделать с учителем поста-

новление о науке и о всем порядке, сообразно реестру сему, ниже написанному. И должен прежде всего быть прочитан ему тот реестр, дабы знал, каким образом будут учить его сына, и чтобы не препятствовал ему в том порядке, но всеми мерами содействовал детям в науке, приводя их в послушание учителю, как истинный отец, желающий видеть утешение и благой плод трудов. Потом имеет он, по обыкновению, записаться в список.

Статья 2. А учитель, взяв порученное ему дитя, должен заботливо учить его полезным наукам; за непослушание наказывать, но не тирански, а наставнически; не сверх меры, а по силам; не с буйством, а кротко и тихо; не только мирски, но и выше мирского. И чтобы он, по своей небрежности, зависти или лукавству, не остался виновен ни за одного ученика пред богом вседержителем, а также пред родственниками ученика и пред ним самим, если бы отнял у него время и занял его чем иным. Ибо сказано: «Лукавый раб и ленивый, подобаше ти вдати сребро мое торжником и пришед аз взял бых свое с лихвою». И еще: «Иже щадит жезл (свой) не навидит сына своего». И еще: «Аще без наказания есте, убо прелюбодейчища есте, а не сынове».

Статья 3. Садиться каждый должен на своем определенном месте, назначаемом по успехам. Кто больше будет знать, должен сидеть выше, хотя бы и весьма был беден; а кто меньше будет знать, должен сидеть на низшем месте.

Статья 4. Богатые пред убогими в школе ничем не могут быть выше, как только наукою; а по внешности равны все. Ибо все мы братия о христе; все мы члены одной главы христа; и ни один член, например глаз руке и рука ноге, «не может сказать: ты мне не нужна».

Статья 5. Учитель должен и учить и любить детей всех одинаково, как сыновей богатых, так и сирот убогих, и тех, которые ходят по улицам, прося пропитания. Учить их, сколько кто по силам научиться может, только не старательнее об одних, нежели о других. Ибо сказано: «Просящему у тебя дай, и хотящему у тебя взяти не отврати». И еще: «Бог хощет всем спастися и в разум истины прийти».

Статья 6. Сходиться в школу мальчики должны в определенное время, т. е. в большие дни, чтобы все были к 9-му часу; точно так же и в меньшие дни, как установит учитель. И отпускать их после учения домой также в определенный час. Ибо сказано: «Все да действуется во славу божию и в подобное время».

Статья 7. Каждое утро учитель должен тщательно наблюдать, чтобы, если какого мальчика не будет, тотчас же послать за ним и узнать причину, по которой не пришел: не занялся ли где игрою; не заленился ли дома; не спал ли сверх меры, и потому не пришел в школу. Обо всем том должны разведать и привести в школу. Ибо написано: «Овех страхом (и принуждением) спасайте».

Статья 8. Поутру все, сошедшись в назначенный час, не должны начинать учения, пока не прочтут молитв и обычного предисловия. Ибо сказано: «В начале дела твоего бога поминай».

Статья 9. Дети в школе должны быть разделены на трое: одни, которые будут учиться распознавать буквы и складывать; другие, которые будут учиться читать и выучивать наизусть разные уроки; третьи будут приучаться объяснять читанное, рассуждать и понимать. Ибо сказал св. Павел: «Егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовах, яко младенец смышлях, егда же бех муж, отвергох младенческая».

Статья 10. Поутру, после молитв, прежде всего каждый должен говорить вчерашний урок свой и показать свое писанье, какое писал дома, и изложение своего урока; а потом должны учиться по частям псалтыри или грамматике с разборами и иным многим полезным наукам, как усмотрит на то время учитель, сообразно с потребностью.

Статья 11. После обеда мальчики, каждый для себя, должны списывать на таблице свои уроки, заданные им от учителя, исключая малолетних, которым учитель сам обязан писать. А выучив в школе трудные слова, должны друг друга спрашивать, отходя домой или собираясь в школу. А вечером, пришедши из школы домой, дети перед родственниками, а посторонние всякого сословия ученики, живущие на квартирах, — перед своим хозяином должны прочитать тот урок, который в школе учили, с объяснением его, как то бывает в школе. А что учили в тот день, должны списать вечером на дому и принесть в школу поутру, и показать своему учителю, дабы всякий плод учения был известен. «От плода бо древо познано будет».

Статья 12. Учитель обязан будет учить и на письме им предлагать: от святого евангелия, от книг апостольских, от всех пророков, от учения святых отцов, от философов, поэтов, историков и прочая. «Елика бо преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася».

Статья 13. В субботу должны повторять все, чему учились в продолжение недели. И должны учиться пасхалии, и лунному течению, и счету, и вычислению, и правилам церковного пения. «Всяко писание богодухновенно и полезно есть ко учению».

Статья 14. После обеда в субботу учитель обязан не малое время и гораздо больше, чем в прочие дни, беседовать с детьми, поучая их страху божию и чистым юношеским нравам: как они должны быть в церкви перед богом, в доме перед родными своими, и как им везде сохранить добродетель и целомудрие, т. е. перед богом и святыми его почитание и страх, перед родными и учителем послушание, перед всеми вообще покорность и уважение, а сами в себе чистоту и добродетель. И сии наставления должны быть заново внушаемы детям; для чего не будет им мешать и памятного по школьной чаше испивать. Ибо писано: «Любяй сына прилежнее наказует, а не любяй щадит жезла». И еще: «Безумие висит на сердце юного, жезл же и наказание далече отгонит от него». «Вливают вино ново в мех новый, и обое соблюдется».

Статья 15. В воскресение и праздники господские, пока пойдут к литургии, учитель обязан со всеми беседовать и наставлять их о том празднике или святом дне, и учить их воле божией. А после

обеда должен всем изъяснить праздничное евангелие и апостол. Ибо сказано: «Блажен — иже в законе господни поучается день и нощь».

Статья 16. Двух или четырех мальчиков в каждую неделю иных, по порядку назначать должно для наблюдения, от чего ни один не может отказываться, когда до него дойдет очередь. Дело их будет: пораньше прийти в школу, подмести школу, затопить в печке и сидеть у дверей; и знать обо всех, кто выходит и входит; они должны записывать и доносить о тех, которые бы не учились, шалили или в церкви бесчинно стояли, или, домой идучи, не вели бы себя пристойно. Ибо сказано: «Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри; искупующе время, яко дние лукави суть».

Статья 17. Если бы какой мальчик один день ходил в школу, а другой пропускал и таким образом только тратил бы время, числясь в училище, такового больше не принимать; потому что и знахарь, если бы больного один день лечил, а в другой пропускал, то, вместо излечения поверг бы его в бо́льшую болезнь. Ибо сказано: «Отлучатися воле от всякого брата бозчинно входящи».

Статья 18. Учитель и братия, строители школьные, должны напоминать родителям об их сыновьях, а хозяевам о порученных им и сторонних детях, чтобы дети дома поступали сообразно с порядком учения школьного, показывая тем образованность и приличную летам своим людскость перед всяким сословием. И если бы что противное образованию оказалось в детях, имеет быть исследовано; а если бы учитель своим нерадением, или родственники хозяина беспорядком своим препятствовали науке и благим нравам, то виновный имеет подлежать ответственности.

Статья 19. Если бы также кто захотел взять своего сына от учителя для какой иной надобности, то должен взять его не заочно и не через других, а сам лично, и при тех же одном или двух лицах, при которых отдал его в учение, дабы своим беспорядочным поступком не сделать оскорбления ни ученику и себе самому, ни учителю, что отобрал у него ученика без объяснения причины, когда такой порядок соблюдают и все другие ремесленники. Ибо не только сына, но и слугу поручают ремесленнику при людях и порядком; и потом, когда чему научится, тем более не хотят пренебрегать таковым порядком, но, собравши многих, одобряют постоянство и терпеливость родных и его самого. Тогда и мастеру бывает великое удовольствие, что видит ученика своего не последним. И сие гораздо более должно наблюдать в училищах и у людей христианских. Ибо писано: «Всяк делаяй злая не приходит к свету; творяй же истину грядет к свету, да явятся дела его, яко о бозе суть сделана».

Статья 20. Если бы сам учитель или кто из учеников его был виновником таких поступков, которых закон не только не предписывает, но еще запрещает: был бы, например, блудник, пьяница, вор, кощун, нерадивец, сребролюбец, клеветник, гордец, такой отнюдь не должен быть здесь не только учителем, но даже и жителем. «Да не соблазните, — сказал спаситель, — ни единого от малых сих верующих во имя мое». Ибо будучи сам противником заповедей господних,

как может других сохранять в целомудрии и наставить на пользу? Сам господь сказал: «Не можете добре глаголати зли суще». И еще: «Всяко древо, еже не творит плода добра, посекают и в огнь вметают».

Школы словенской учение начинается так: сперва научаются складывать буквы; потом обучаются грамматике; притом учатся церковному порядку, чтению, пению. Также приучают ежедневно, чтобы дети один другого спрашивали по-гречески, а отвечали бы по-словенски, и также, чтобы спрашивали по-словенски, а отвечали бы на простом языке. Но вообще они не должны между собою разговаривать на одном простом языке, но на словенском и греческом. И таким образом, ныне тому учатся, приступая к высшим наукам: к диалектике и риторике, которые переведены по-словенски. На русском языке написаны диалектика и риторика и другие философские сочинения, принадлежащие к школе.

(М. И. Демков, Русская педагогика в главнейших ее представителях, 1898 г.)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ХАРАКТЕР КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ

Братство в Киеве является сравнительно позже, чем в других городах Западной России. Киев, выражаясь словами «Уписа»[1], «едва позде некогда возбнул от многого нерадения и лености и мрачного суетия мирского»[2], и позже других городов «прозрел к свету благоразумия...».

Не знаем, как случилось, что вновь устроенное братство в скором времени появляется уже на грунтах, подаренных 14 октября 1615 г. Елизаветой Галшкой православным обывателям киевского, волынского и браславского воеводств с тем, чтобы на них были построены монастырь, странноприимница и школа. Возможно, что слияние существовавшего до того братства с проектированными Галшкою учреждениями обусловливалось однородностью преследуемых ими целей и тем, что первое не успело еще совершенно ни сформироваться, ни устроиться на своих грунтах. Но как ни кратковременно было существование братства до фундации Галшки, оно, очевидно, уже успело завести школу, которую жертвовательница и «впровадила» на свой двор вместе с несколькими «духовными и свецкими», во главе с иноком Исаией Копинским. Так получила начало братская школа — первое в Киеве правильно организованное училище...

Киевская богоявленская школа с своим первоначальным характером, с типом братских школ, существовала только до конца 1631/32 учебного года. С началом 1632/33 учебного года она соединена была с

---

[1] «Упис (записи, летопись) Киевского братства» — исторический документ первой половины XVII в.

[2] Несколько запоздал пробуждением от большой беззаботности, лености и темной житейской суеты.

Лаврским училищем, составив вместе с ним Могилянскую коллегию, после — академию...

Когда именно Петр Могила начал устраивать школу в Лавре, достоверно не известно, но, очевидно, уже до 1 марта 1631 г. им было высказано это намерение, если митрополит Иов в духовном завещании, датированном этим числом, «под неблагословением[1] приказывал, абы школы в братстве Киевском для цвичения[2] деток хрестианских, а не где индей фундованы были». Борецкий, очевидно, боялся соперничества новой школы и именно Лаврской, хотя не упоминает ни о ней, ни о Петре Могиле как ее инициаторе. Но последний шел неуклонно к исполнению данного им себе обещания. Находясь во Львове, Петр Могила нашел там двух учителей — Исаию Трофимовича и Сильвестра Коссова. Он пригласил их в свою школу и письменно обещал им и тем, кто к ним присоединится, обеспечить и их и самое школу достаточным фундушем, будет ли она открыта в Печерском монастыре или где-либо в другом месте. Осенью 1631 г. было уже открыто учение. Место для коллегии архимандрит Петр Могила нашел в самой Печерской лавре. При выходе из главных ворот ее находился Троицкий больничный монастырь, и зданиями его Могила решил воспользоваться для училища. Когда этому воспротивились больничные старцы, которые не хотели уступить своих помещений, а советовали архимандриту устраивать школу в городе, если угодно, Могила сместил архимандрита Арсения и с назначенным им новым настоятелем Троицкого монастыря Филофеем совершил замену монастырской усадьбы, причем монахи переведены были по левую сторону ворот. Одновременно с этим было получено от патриарха Кирилла Лукариса благословение на учреждение училища, и 18 ноября Петр Могила известил о нем православную Русь, добавив, что школу Лаврскую «дозволили и благословили» митрополит Исаия Копинский с тремя епископами и что школа уже водворена при Троицкой церкви для преподавания свободных наук на греческом, славянском и латинском языках, с сохранением христианской веры восточного православия, и всегда будет пользоваться от Лавры полным содержанием.

Лаврское училище было устроено по образцу иезуитских школ. Оно состояло из философского отделения и пяти низших классов: инфимы, грамматики, синтаксимы и риторики с поэзией. В первых трех классах «магистром» был Ивашковский, в двух последних профессорствовал Почаский. Игнатий Иевлевич, сообщивший эти сведения, не говорит, преподавали ли что-нибудь префект школы Сильвестр Коссов и ректор Исаия Трофимович. Но, по всей вероятности, занимались и они, так как трудно в самом деле допустить, чтобы они ничего не преподавали, особенно при таком недостатке учителей, что один из них занимался в трех классах. Что в частности здесь преподавалась философия, это видно из свидетельства Геласия Диплица, который в посвящении своей «Антапологии» Петру Могиле, датированном 31 марта 1631 г., называет иеромонаха Исаию Филипповича про-

[1] Под угрозой неблагословения (т. е. проклятия).
[2] Для обучения.

Киево-могилянская академия и ее студенты (с гравюры конца XVII в., ярко отображающей клерикальное направление Киево-могилянской академии).

фессором философии. Точно так же и в списках должностных лиц братского монастыря и академии, составленных в половине XVIII в., Исаия Филиппович (и здесь, и в «Антопологии» нужно читать: Трофимович) является как профессор богословия уже под 1631 г. С другой стороны, возможно, что в программу преподавания было включено и богословие — догматическое ли или как совокупность знаний по всем предметам богословского ведения: за это говорит «Евхаристирион», панегирик, поднесенный Могиле в пасху 1632 г. «Од студеов гимназиум[1] его милости з школы (класса) реторики». Произведение это, имеющее значение и историческое, как показывающее и своей формой и содержанием, как близко подошла Лаврская школа к латинопольской риторике и поэтике, относительно богословия выражается, что Петр Могила «укопал колюмну» его на берегах Днепра и что теперь, даст бог, Русь «чужих кривиологов понехавши», станет слушать своих «феолиогов»[2] и «славить Христа с Домаскином, духа з отцом хвалить и з предвечным сыном».

Дворяне, духовенство и обыватели предъявили Петру Могиле формальное предложение соединить свою школу с братской, и Могила, уступая им, согласился на это, выговоривши себе звание старшего члена братства и пожизненного блюстителя и защитника Братского училища и других братских учреждений. Об этих условиях мы узнаем из двух документов, подписанных отдельно светской половиной братства и духовной и представлявших как бы объявление о совершившемся согласии. Спустя два месяца в пользу соединения школ высказался и гетман запорожский Иван Петрижицкий, признавший его вместе с войском за «речь святобливую и всей церкви православной велице потребную, и пожитечную», и пославший 17 марта «атаману и всем товарищам» своим, находившимся в Киеве, извещение о состоявшемся решении казачества стоять до смерти за то, чтобы науки преподавались в братском монастыре «за старанем, коштом и накладом» архимандрита Петра Могилы...

Есть известие, что в марте 1633 г., когда королем Владиславом IV были подтверждены права прочих православных училищ, Петр Могила исхлопотал у короля для своей коллегии привилегии и титул Академии.

(Карлампович, Западнорусские православные школы XVI и начала XVII вв., Казань, 1898 г., стр. 348—363.)

[1] От трудов, стараний гимназии.
[2] Теологов.

ГЛАВА IV

ПРОСВЕЩЕНИЕ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII в.

СОДЕРЖАНИЕ И ХАРАКТЕР РУССКОЙ УЧЕБНОЙ КНИГИ XVII в.

Буквари

Ученье начиналось, разумеется, с азбуки, которые до XVII столетия были рукописные. К сожалению, мы ничего не знаем о составе этих древнейших азбук, потому что ни одной из них до сих пор не удалось нам видеть. Сохранившиеся во множестве азбуки каллиграфические, или собственно *прописи*, без сомнения, во всем отличались от букварей; не знаем также положительно, в какое именно время в XVII столетии появились у нас азбуки или буквари печатные. До сих пор самою первою по времени издания может считаться азбука, изданная в 1634 г. Василием Бурцовым и переделанная им, может быть, из грамматики, или собственно азбуки, изданной в Вильне в 1621 г. Год издания этого букваря совпадает с тем временем, в которое царевич Алексей Михайлович, достигнув пятилетнего возраста, начал учиться грамоте; можно с большою вероятностью предполагать, что первоначальное обучение царевича было одною из побудительных причин к изданию этого букваря. Он напечатан в малую восьмушку, малой детской книжкой, крупным четким шрифтом в одиннадцать строк на странице. Известно также, что годом раньше дедушка царевича, патриарх Филарет Никитич, благословил его в 1633 г., вероятно при самом начале учения, «азбукою, большая печать, на столбце — указ, сверху речь золочена». Судя по выражению на столбце, можно думать, что эта азбука была напечатана на одном листке, столбцом, и содержала в себе только буквы и склады. Другое известие 1642 г. указывает на подобную же или на ту самую азбуку большой печати, которая была не на столбце, а книгою, потому что ее в это время переплетали.

Как бы то ни было, все это еще библиографический вопрос, и мы пока должны остановиться на азбуке Бурцова как более известной. Здесь мы рассмотрим второе ее издание, вышедшее в 1637 г.

В предисловии эта азбука названа *лествицею* к изучению *часовника, псалтири* и прочих божественных книг. В нем, между прочим, говорится, что́ «русстии сынове младые дети, первие починают учитися по сей составней словеньстей азбуце, по ряду словам, и потом, узнав писмена и слоги и изучив сию малую книжицу азбуку, начинают учити *часовник* и *псалтирю* и прочая книги. И преже тии самии младые дети младенцы быша и от матерень сосец млеко ссаху и

питахуся. По возвращении же телеси к твердей и дебелей пищи прикасахуся и насыщевахуся. Тако же и ныне начинающе учитися грамоте, первее простым словесем и слогам учатся, потом же, яко же и выше рехом, яко по лествице к прежереченным тем книгам и к прочим божественным догматом касаются на учение и на чтение простираются». Самый состав этой азбуки вполне соответствует религиозному направлению древней нашей грамотности. Поэтому и самое заглавие собственно к азбуке, т. е. перед началом букв, выражено здесь в следующих весьма знаменательных словах: «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания». Не ясно ли отсюда, что русский человек до Петра Великого признавал грамотность только в той мере, в какой она могла служить средством к достижению главной цели тогдашнего образования, т. е. к изучению веры и книг св. писания?

Предисловие азбуки заключается стихотворным обращением к детям:

Вы же, младые отрочата, слышите и разумейте и зрите сего:

Сия зримая малая книжица
По реченному алфавитица
Напечатана бысть по царьскому велению
Вам младым детям к научению.
Ты же, благоумное отроча, сему внимай
И от нижние степени на вышнюю восступай,
И не леностне и не нерадиве учися
И дидаскала (учителя) своего всегда блюдися...

После разных учительных наставлений стихотворение снова обращается к детям и говорит:

Первие начинается вам от дидаскала сей зримый аз,
Потом и на прочая пойдет вам указ.

Следует заглавие: «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания. За молитв пречистые ти матере и всех святых твоих господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас, аминь!».

Затем следуют буквы по единицам, т. е. отдельно каждая, а за ними склады двусложные, трехсложные и четверосложные: ба, ва, га, да, бла, вла, гла, дла, бру, вру, гру, дру и т. п. Потом читаются самые названия букв, славянские цифры — числа до 10 000, знаки надстрочные и знаки препинания, также с их названиями; далее расположены по алфавиту образцы изменения глаголов, глаголы и имена, сходные по начертанию, но различные по смыслу, который получают они от ударения; склонения имен, преимущественно тех, которые в церковном языке пишутся под титлами. Все это составляет значительную часть букваря и вполне соответствует тому требованию, какое представлял еще в начале XVI столетия архиепископ Геннадий, говоря, чтоб азбука была истолкована совсем да и подтительные слова. Потом следует *азбука толковая*, т. е. изречения, относящиеся к учению и жизни Христа спасителя, расположенные в алфавите по своим начальным буквам. Так, например, буква *а* начинается текстом «Аз есмь всему миру свет» и пр.

После толковой азбуки помещены заповеди и другие статьи, составляющие краткое катехизическое учение о вере, за которыми следуют выписки из св. писания, притчи и наставления Товии своему сыну. Азбука оканчивается сказанием «Како св. Кирилл философ состави азбуку» и послесловием, где означено и время издания азбуки, которое приводит читателя в недоумение следующими речами: «Начаты быша печатати (ся) сия книги азбуки в царствующем граде Москве в лета 7145-го месяца генваря в 29 день... Совершены же быша сия книги азбуки того же 145-го лета месяца февраля в 8 день...» Книжка, содержащая в себе 106 страничных листков, стало быть, была напечатана в течение десяти дней. Вероятно ли это?

По времени букварь В. Ф. Бурцова перепечатывался не один раз с устранением его имени и времени первоначальных его изданий. Таким способом он перепечатан в 1781 г. в Супрясльской типографии.

Другая редакция азбуки, напечатанной в 1679 г. в Верхней, т. е. дворцовой, типографии, имеет многие отличия от этой, первой. Вначале, после так называемого *выхода*, т. е. обозначения времени издания книги и после стихотворного предисловия, в ней находится «благословения отроков во училище учитися священным писаниям идущим», т. е. молитвы, которые давались иереем при начале учения, и после которых, по выражению букваря, «отходит с миром отрочя во училище; иерей же во свои си».

Потом, после букв, складов и имен под титлами в алфавите: ангел, ангельский, архангел, архангельский и т. д., следуют опять молитвы: царю небесный, отче наш, псалом: помилуй мя боже, слава в вышних богу, символ веры и пр. Далее «Беседа о православной вере, краткими вопросы и ответы удобнейшего ради познания, детем христианским: странный вопрошает, православный же отвещает»; десять заповедей и прочие катехизические статьи, о которых мы упоминали выше.

Молитвы: от сна восстав, утренняя, пред обедом, по обеде, пред вечерею, по вечери и на нощь. Далее знаки ударения и препинания, опять молитва 2-я ко пресвятой богородице, числа, и наконец *приветства* к родителю и к благодетелю на рождество христово, богоявление, воскресение, сошествие св. духа и на новое лето. Приветства эти однако же не столько любопытны, как бы следовало ожидать: все они заключаются в одних только риторических фразах. Букварь оканчивается *увещанием* в стихах о пользе наказания.

Кроме того, при этой редакции букваря находится *«Измарагд»*, или *«Стоглав»* о вере св. Геннадия, патриарха Константинопольского, состоящий из ста параграфов катехизического содержания, и «Тестамент, или завет Василия, царя греческого, к сыну его Льву Философу», с стихотворным *увещанием к читателю* и с послесловием, под заглавием «Типографом избранное». В этом послесловии, кроме исторических сведений о царе Василии, обозначено и содержание его *завета*, который «воистину достоин всякому или царю, или князю, или властелину, или домовиту по управлению жития своего, и чад своих, вящше же страстей своих». Две эти статьи, «Стоглав» и

«Тестамент», составляют как бы особые книжки, каждая с особою цифрациею страниц; «Тестамент» же имеет свой особенный выход, из которого видно, что он издан месяцем позже букваря, именно: в январе 1680 г.; букварь же издан в декабре 1679 г. Но, судя по внешним признакам, по шрифту, бумаге и пр., обе эти статьи, без сомнения, принадлежат к описанному нами букварю.

Скорописные азбуки

В то время, когда проходили этот курс *словесного учения*, дети, обыкновенно лет 7 или 8, садились учиться писать. *Скорописные азбуки*, которые служили в этом случае руководством, были написаны всегда *столбцом*, свитком из нескольких склеенных листков. В состав их входили сначала прописные и строчные буквы, выписанные с особенным тщанием и искусством, с разными вычурными украшениями; каждая буква, для обозначения различных почерков, писалась во множестве образцов, начиная с самых больших и оканчивая самыми малыми. Каждый ряд букв начинался вычурною и нередко весьма красивою *заставкою*, т. е. большою прописною буквою, в которой травы и узоры переплетались с изображением птиц и зверей. В некоторых азбуках помещалась также *азбука толковая*, т. е. разные изречения и апофегмы, расположенные в алфавите по начальным буквам, но содержанием своим эта азбука совершенно отличается от толковой азбуки, находящейся в букваре Василия Бурцова, в которой, как мы сказали уже, все изречения относятся только к учению и жизни спасителя. Здесь же эти апофегмы касаются вообще нравоучения. Так, например, под буквою *ж* читаем: «Желаем христиане спастися, желаем и неправду делать»; под буквою *ф* — «Фараоновых творений не чини и других на то не учи»; под буквою *х* — «Храни свещу твою от ветру, сиречь душу от лености», под буквою *о* «Отврати лице твое от жены чужие и много с нею не беседуй»; под буквою *ш* «Шатания и плясания диавольского удаляйся; плясание бо уподобися смертному убивству»; под буквою к с и — «Ксанф и философ был, а у раба своего Есопа в посрамлении много находился» и пр.

После букв следовали *прописи и склады:* под этим заглавием помещены также некоторые апофегмы и даже *загадки,* собственно *книжные.*

Статья эта начиналась всегда следующею молитвою: «За молитв святых отец наших господи Иисусе Христе, сыне божий; помилуй нас, аминь! За молитв пречистые твоея матери и всех святых твоих господи Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас, аминь! По милости божией и великих святителей Петра и Алексея, и Ионы, и Филиппа киевских и московских и всея Руссии чудотворцев».

Потом следовали прописи и склады, изречения и загадки, то именно, что мы теперь называем вообще *прописями.*

1. Не ищи, человече, мудрости, ищи прежде кротости; аще обрящеши кротость, тогда познаешь и мудрость.

2. Не тот милостив, кто всегда милостыню творит; тот милостив, кто никого не обидит и зла за зло никому не воздает.

3. Стоит море на пяти столпех. Царь речет — потеха моя, а царица речет — погибель моя. Царь есть тело, а царица — душа.

4. Стоит град пуст, а около его куст. Идет старец, несет ставец, а в ставце взварец, в взварце перец, в перце горечь, в горечи сладость, в сладости радость, в радости смерть.

5. Стоит град на пути, а пути к нему нет, идет посол нем, несет грамоту неписанную, а дает читать неученому.

Один из листов иллюстрированного букваря К. Истомина, составленного в конце XVII в.

6. Стоит человек в воде по горло, пить просит, а напитца не может.

7. Когда синица орла одолеет, тогда безумнии ума научатся.

8. Аще кто хощет много знати, тому подобает мало спати, а *мастеру* угождати.

9. Человече божий бойся бога, стоит смерть у порога, труба и коса ждет смертного часа, зде колико не ликовать, а по смерти гроба не миновать.

10. Виноград зелен несладок, млад человек умом некрепок.

11. Кто тя может убежати, смертный час.

12. Яко же мертвый не может на коне храбровати, тако и клеветник не может зла слова во устех своих удержати.

13. Бодро мудрый муж, аще и в беды некия впадет, то и худым покоряется дондеже желание свое исполнит.

14. Человек мудр, а не книжен, аки птица без крыл, не может мудра и тверда разума имети.

15. Человече пред множеством народа не буди на слова скор да не исторгнеши дело свое всуе и после не встужиши.

16. Аще кто не упивается вином, тот бывает крепок умом.

17. Умного учить, аки кладез копать, потом из него источницы бывают; а безумного учить, аки в мех воду лить, в конец льежь, а другим и вышло.

18. Замок воден, ключ древян, зайцы перебегли, а ловец утопе.

19. Не тот пьян, кто всегда пиет пиво и мед и вино; тот пьян, кто всегда блуд творит.

20. Царь Соломон рече: «Добро убо есть человеку пити вода да не мутит у человека ума».

21. Единого искахом, а три обретохом, обретохом же и не познахом, но показа нам мертвая девица (крест, найденный царицею Еленою, на котором воскресла девица).

22. Роди мя отец, аз родих жену, жена же моя роди детий, дети же мои родиша отцу моему матерь.

23. Твой отец — мой отец, тебе дед, а мне муж, ты же мне брат, аз тебе мать, в седмый день скончаемся (неделя).

24. Бывает, в пирах и в беседах глупые люди, хотя и впереди сидят и тут их обносят, а разумного и в углу видят и находят.

25. Иоанн Златоуст речет (Соломон рече): «Добро убо есть человеку пити вино да веселит в человеце сердце и простирает язык на многое глаголание».

26. Стоит древо, имеет на себе красные цветы; а под древом корыто, а на древе сидит птица и щиплет со древа красные цветы и мечет в корыто; цветы со древа не умаляются, а корыто цветов не наполнится. Древо глаголется свет мира сего, а ветвие — родове, а цветы — человецы, а корыто — земля, а птица — смерть...

Впоследствии, кроме этих *прописей,* в азбучках стали помещать апокрифическую «Беседу триех святителей: Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустого» в вопросах и ответах, и особую статью «Каким образом писать к кому писма», содержащую, впрочем, одни только титулы писем к патриарху, к митрополиту, к боярину, к отцу родному и пр.; но в одной скорописи мы нашли и форму письма, которая служит образцом старинных наших писем...

Книги потешные

...Любопытны так называемые *«Книги потешные»,* которые были двух родов:

Так, одни потешные книги представляли нечто похожее на живописную энциклопедию, содержание которой обусловливалось небогатыми

средствами тогдашнего образования... Разумеется, дух тогдашнего образования отражался и здесь и вносил в эти книги, вместе с изображениями *морского человека и морской девицы,* разные басни и рассказы о чудесах, которые почерпались из древних космографий.

До нас не дошли подлинники этих потешных книг или, по крайней мере, до сих пор они еще не открыты; но зато мы можем иметь самое подробное сведение о них из описания одной такой книги, приготовленной для 11-летнего сына царя Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича, в 1664 г. Это описание есть не что иное, как официальная роспись тех предметов, которые должны были составить «Потешную книгу», и приготовление которых было распределено по этой росписи между несколькими иконописцами, с означением, кому именно и что писать. Исполнением этого дела руководил государев иконописец Степан Рязанец, под надзором которого и производилось писание потешных книг большой статьи в течение всего 1665 г. Из сохранившихся записей одна свидетельствует, что 13 декабря 1665 г. за работу иконописцев следовало выдать кормовых денег 4 рубля 8 алтын 2 деньги, по 2 алтына 2 деньги в день каждому мастеру, которые в числе 9 человек употребили на работу 67 дней.

Приводим здесь эту роспись полностью как один из любопытнейших памятников царского домашнего быта.

«173 (1664) декабря в 8-й день, по указу великого государя, велеть писать иконописцам «Потешную книгу», чтоб перед *прежнею* была болши вдвое, и писать в ней *иным образцом, иные прибылые*[1] *статьи.*

Орла пластоново в клейме.

Прапорщик (с) знамем пешей.
Барабанщик и другои. 2 трубача.
Пешей с пратазаном. 2 с мушкетами.

С большим знаменем пешей. Барабанщик. Трубач. Два с пратазаны. Два с мушкеты. Два с топорками. Два с копьи. Два пушку тащат. Два с списами. Два с мушкеты долгими. Два пушку огненку тащат. Два с копьи.

На коне (с) значком. На коне с литаврами. На коне трубачи. На конях с карабины. На конях с копьи. На конях в латах.

Конми пушку тащат долгую. Конми пушку тащат верховую огненку. Пешие идут с рычагами. Плетут шанец. Землю копают. Осыпь делают.

Город над рекою. Под городом люди. Пасут кони. Пасут коровы. Воду носят. Воду возят.

Озеро с рыбами. На озере рыбу ловят. На берегу рыбу пекут. Варят ества. За столом сидят, обедают. С кубками стоят.

На озере птицы плавают. По птицам на озере стреляет. По птицам на дерево стреляет. Птицы ловят тенеты. Собачка на озере плывет по птичку. Дрова на огонь кладут.

---

[1] Дополнительные.

На озере по берегу сокола пущают. Вверху сокол со птицею деретца. Птица орел. Птица попугай. Птица неясыть. Птица финикс.

Птица сирин. Птица гамаюн. Птица строфокамил. Птица попугай зеленой. Птица сокол. Птица ястреб.

Птица лебедь. Гусь. Журавль. Лебеди на озере. Утята на озере. Избы под деревами.

Зверь лев. Единорог. Гриф. Львица. Слон. Вепреслон. Медведь. Волк.

Лисица и заец. Собака меденская. Собака гончая. Собачки малые. Векши на дереве. Обезьяны.

Коркодил. Ехидна. Василиск. Змей полоз. Черепаха. Еж зверок — под деревами.

Бобр. Соболь. Еж болшой — под деревами. Елень. Лось. Козы дикие.

Рыба кит. Рыба белуга. Зверь морж. Зверь медведь белой. Человек морской. Девица морская.

Корабль на море. С корабля из пушки стреляют. Рыбу бьют болшую. Рыбу ловят болшую. Из моря глядят морские звери. Нерпы бьют.

Бочки делают. В бочки сало льют. На возы кладут. Люди кита секут. В реке жемчуг ищут. Раковины на берегу перебирают, жемчуг смотрят.

Коркодил свинью ест привязанную. Коркодила бьют. Коркодилу бревно в челюсти кладут.

Каторга турская на воде. Насад. Карбас с лоткою. Судно с людьми. На судне стоят люди с знаменем. На судне с мушкеты.

В корете едут. В рыдване едут. В телеге едут.

Сняв шапку, в кафтане стоит. Сняв шапку, в однорядке стоит. В епанче стоит. В шапках.

В ферезее стоит. В турском кафтане стоит.

Немчина в шляпе. Немчин в епанче без шляпы. Немчин на пушке. Немчин с мушкетом.

(В подлиннике *зачеркнуто:* Кизылбашенин в чолме. Арапленин в чолме. Турчин в малой чолме. Литвин...)

Арапленин на верблюде. Арапленин на слоне. Верблюд со вьюком. На слоне город.

Медведь пляшет. Медведя собаки едят. Лося собаки едят. Собаки зайца гонят.

На конях рысь колют копьи. Льва кизылбаши колют копьи. Медведя колют копьи. Обезьян бьют палками. Обезьяны обуваются. Лев обезьяну ест.

Псарь собак ведет. Псарь собак кормит в корыте. Собаки волка травят. Мужики волка бьют цепами.

Птица пава. Курица и петух индейские.

Петух русской и курица. Свиньи в корыте едят, пастух глядит.

Сено косят. Сено возят. Пашут землю. Боронуют землю. Сеют хлеб. Жнут хлеб.

Возят рожь в снопах. На овине сушат хлеб. Молотят хлеб. Из вороху веют хлеб. В мешках в житницу носят хлеб.

Мелница на реке. Мелница ветреная. В жерновы человек мелет. Месит хлебы. В печь сажает хлебы. Раздает людям хлебы. Нищим дает милостыню.

Дети учатся грамоте. Дети пред мастером стоят. Дети мастеру кланяются. Дети за столом едят. Дети в саду гуляют. Дети яблоки и виноград щиплют.

Дети в корете едут. Дети в рыдване едут. Дети на конях. Дети пеши бегут от зверя. Дети в телеге едут. Дети круг катают».

Таким образом, эта «Потешная книга» была составлена полнее прежних и нельзя не заметить в ней некоторой системы, по крайней мере, в расположении и выборе изображений.

Здесь мы отчасти можем угадать и намерение древней педагогики — наглядно познакомить ребенка[1] с теми предметами, знание которых ему было нужнее в жизни, нежели знание множества бесплодных апофегм и изречений. Поэтому она сначала представляет рисунки *военного быта* с его подробностями, которые распространяются даже до того, «как плетут шанец, осыпь делают» и пр. Затем она переходит к *городу* и указывает некоторые предметы гражданского быта и птичью охоту, за которою идет ряд изображений птиц и зверей, замечательных в естественном отношении или полезных в быту человеческом. Потом изображается море с кораблями и китовым промыслом, река и ловля жемчуга и, наконец, суда военные, дающие понятие о флоте. Далее следует этнографический отдел, в котором однако же бо́льшая часть рисунков составлена, может быть, только для изображения нарядов или одежды. В картинках, помещенных после этого отдела, представлена звериная и псовая охота. Книга заключается изображениями, относящимися к сельскому хозяйству, и статьею о детях, их ученье и забавах.

Книги научного содержания

Совершенно неизвестно, входили ли в состав первоначального образования грамматика, счетная, или цифирная, мудрость, называвшаяся также арифмословием, всеобщая история (в хронографах), география (в космографиях) и языки иностранные. Сведения о полном составе тогдашней науки, т. е. *о седми свободных художествах,* появились у нас, кажется, не ранее конца XVII столетия. Около этого времени переведена была небольшая статья, или книга, *избранная вкратце о девяти мусах и о седми свободных художествах,* в которой излагаются общие понятия о сущности учения каждого художества, или, лучше сказать, представляется характеристика этих художеств, соответственно тогдашним понятиям о них.

«Философи древнии хотяще показати, яко всякое учение подобает в память быти и содержатися единому от другаго; понеже аще не в память пребывает учение, всуе труждаемся; аще и безчисленные книги прочитаем, и аще единаго учение познаваем, другаго же несвемы — хромое таковое учение явится. Сего ради сице изобразиша девять мус во образ девяти дев, яже друг друга рукою содержатся и на различное учение

[1] Речь идет о царских детях.

относятся и лик составляют. Между их сликовствует Аполлон, сиречь солнце, знаменуя, яко учение свет есть и миру сияет. Сего ради сице изобразиша девять мус во образ девяти дев, яже различным учением подобятся... им же имена сице положена суть: 1) *Клио,* сиречь славная, нареченная от славных дел, яже воспевается и историка именуется. 2) *Калиопи,* сиречь доброгласная, ради сладкого ее доброгласия. 3) *Ерато,* сиречь желаемая или возлюбленная, или от пения любве или яко от всех желается. 4) *Фалиа,* сиречь цветущая, от цветущих слышателей. 5) *Мелпомена,* сиречь воспеваемая, понеже воспевает. 6) *Терпсихора,* сиречь ликовеселящая, понеже лик веселит, яже нарицается и гусленница. 7) *Евтерпи,* сиречь благоукрасительная, яже благоукрашает; нарицается сия и трубительница, яже предстоит трубам. 8) *Полимнна,* сиречь многопесненная или многопамятная. 9) *Урания,* сиречь небесная, понеже о небесных делах учит...»

Описав, таким образом, девять муз, автор переходит к обозрению свободных художеств. «Первое свободное художество *грамматика,* имя свое получи от греческого *грамма,* сиречь писмо, от грамма же грамматика наречеся, сиречь *писменица.* Есть грамматика славенски изрядное художество глаголати и писати учащее и пр. Второе свободное художество *риторика,* есть художество яже учит слово украшати и увещевати... Конец риторики есть учити красно глаголати и увещевати... Третье — *диалектика,* яже и логика нарицается, имянуется от греческого речения *диалегоме,* сиречь истязаюся или любопрюся или скоро обретаю и изобретение чиновне сочиняю... Диалектика конец есть еже благое от зла и ложь от истины разделяти... Четвертое — *арифметика,* сиречь *числительница.* Пятое — *мусика,* сиречь *песньствование,* имя свое от мусы богини пения получи; есть же мусика сведения благо яже и армония, сиречь согласия наречеся... Шестое — *геометрия,* сиречь *земномерие*... от нея, яко от корени, состоятся начальство острологии, географии и иных художеств... Седьмое — *астрология,* сиречь звездословие... есть же астрология учение, толкующее силу и движение звездам...»

Подобными истолкованиями и вообще только характеристикою этих художеств ограничивается все содержание упомянутой книги, избранной вкратце. Полного изложения всех этих художеств предки наши не имели; первоначально принята была одна грамматика, как необходимое *орудие* к рассуждению высокого во святых книгах лежащего разумения.

Затем, если не вполне, то частями были переводимы и некоторые другие из этих художеств, например мусикия, арифметика; иные же были даже отречены, например геометрия, астрология. Притом и самая грамматика не входила в состав общего образования, а была специальным учением, необходимым только для духовных лиц, посвящавших себя ученым занятиям, например: исправлению книг, переводам.

Таким образом, свободные художества в полном их составе не были у нас водворены, и большею частью предки наши знали их только по именам. Кроме того, иные науки или художества смешивались в тогдашних понятиях с эллинскими языческими таинствами, да и вообще слово *эллинский* обозначало все языческое, а свободные художества шли от эллинов, следственно были языческие...

По свидетельству иностранцев, науки не были приняты в этом составе и в царском быту, т. е. в первоначальном образовании царских детей...

(Забелин, Домашний быт русских царей, Москва, 1915 г., ч. 2, стр. 146—184).

СЕМЬ «СВОБОДНЫХ ИСКУССТВ» В ОСВЕЩЕНИИ «АЗБУКОВНИКА ПОЛНОГО» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. [8]

Упомянутый «Азбуковник» носит название: «Азбуковник полный, имущий в себе увещания учения, наказания учеником от многих книг, множае же от грамматики».

Кроме заглавия в общем оглавлении сборника, самый «Азбуковник» называется еще иначе. На первом листе его значится: «*Азбуковник, его же должно есть добрым учителем повседневно прочитовати в наказание учеником*». Значит, учитель обязан был ежедневно читать этот «Азбуковник» для своих учеников. Положим, этому дословно нельзя верить. «Азбуковник» слишком велик, чтоб его можно было прочитывать от начала до конца, тем более, что, вероятно, дети учились в школе еще чему-нибудь другому, кроме этого «Азбуковника»; но верно то, что хотя по частям, он читался в школе, и содержание его было известным учащимся и, как кажется, они знали его наизусть...

Весь «Азбуковник» состоит из глав, которых число соответствует числу букв славянского алфавита, кроме тех, коими не может начинаться слово, как *ъ*, *ь* и др. Над каждой главой выставлена большая киноварская буква алфавита: над первой *а*, над второй *б* и т. д.; но, кроме того, какая буква выставлена над главой, той же самой буквой и глава начинается. Сверх этого каждая глава снабжена чем-то вроде стихотворного предисловия, состоящего из четырех двустиший, в которых сокращенно излагается содержание главы; самые же главы писаны прозою, изукрашенною всеми риторическими хитростями и вычурною до крайности. Только перед некоторыми главами недостает стихотворного предуведомления; но для них оставлено место, как будто бы автор или переписчик намеревался добавить их после. «Азбуковник» написан так, что в нем говорит от своего лица сама мудрость, называя себя *Софиею и Словесницею:* «София же аз есмь премудрость: тако бо нарицаюся греческим языком, *словенским же, в нем же бы ныне живете* (говорит она к русским ученикам), нарицаюся мудрость»; в другом месте она говорит о своей особе такими словами: «*Се аз прехитрая словесница мудрость*». Именуясь мудрой, словесница эта старается оправдывать свое название, и в самом деле говорит очень хитро и затейливо: от этого много теряет содержание «Азбуковника», потому что мудрость, прежде чем скажет дельное слово, наговорит столько пустых фраз, так разбавит водой свои поучения, что за фразами с трудом можно понять, что действительно она желает сказать...

Толкование семи свободных мудростей помещено в конце «Азбуковника», в семи отдельных главах. Это не что иное, как предисловие к каждой мудрости, но предисловия такие, в которых кратко излагается сущность и значение самого предмета. По обыкновению, все это на-

писано в высшей степени высокопарно, потому что каждая из семи мудростей старается выказать ученикам свои достоинства и хвалит обширность своих применений, т. е. где, и как, и почему каждая мудрость полезна и необходима...

О семи мудростях начинали беседовать в школе уже тогда, когда понятия юношей были к тому, по мнению учителя, достаточно подготовлены: «Сию ныне совершенным сам в любомудром разуме являю премудрую в философии грамматику». И этим начинается изложение этой первой мудрости.

1. Первая из семи свободных мудростей — Грамматика. Так как мы уже отчасти познакомились и с содержанием и с способом преподавания грамматики, то здесь и не будем останавливаться долго на этом предмете, тем более еще, что все предисловие исполнено общих мест и витиеватых фраз, которых содержание, однакоже, клонится к одной мысли, что грамматика полезна сама по себе и важна для учащихся. «Много вси мудрыи витии, — говорит она, — ритори же реку, и философи, достойные славы и великие почести себе достизают, яко же и древний Панамид и мудрый Промефус, с ними же и Комод: сии бо мя начертанием во еллинех составиша» и пр. Вот потому-то всякий, желающий быть мудрым и ученым, должен знать грамматику: «Кто книжная писмена устраяет, или *стихи сплетает,* или повести изъясняет, или посланиа посылает, или что таковых оставляет: то все мною, грамматикою снискает. Понеже на времена развожду, и на числа разочту, и на лицо роскажу, и на паденна уклоню (т. е. просклоняю), и на супружества сведу (т. е. проспрягаю), степени разсужду и роды разберу» и пр.

2. Вторая из семи мудростей — Диалектика, которая обращается к юношеству с такими словами: «Что чюдитеся и на мя зряще помышляете, и ко мне мнимаго ради строптивства не приступаете? Не есмь такова, еже вы мните мнительством, но есмь мудрая зрительством, есмь бо велика и честна и естеством свободна, едина от седми мудростей Диалектика по еллинех, *по сладчайшему же ми словенскому языку Словесница нарицаюся,* селение же имам и соуз общаго рачительства со премудрою грамматикою и со красовитою риторикою: одесную мене первая и ошуюю другая. Егда убо согласимся уставы, тогда чинно всяку стихам красоту полагаем, речение же и учение приличным подобием и ямвийскою мерою украшаем» и пр. Вообще назначение Диалектики, по ее собственным словам, очень важное; ни одна высокая мысль, ни убеждение, ни совет, ничто не может иметь настоящей силы без участия Диалектики. Она во всем: «мудрый от еллин Омир, и Платон, и похвальный во вратех Аристотель и прочии вси о мне Диалектице познашася в мире». В жизни практической и преимущественно в кругу общественной деятельности Диалектика едва ли не важнее всех прочих семи мудростей: она необходима в народных собраниях, «на соборех людских»; если на них примет участие Диалектика, все ей внимают, и жалеют, если замолчит она; если кто имеет тяжбу в суде, то с помощью Диалектики ни правый не обвинится, ни «виноватый не потягнется, ниже судяй погрешите в чесом может»; спорщик и суеслов откажутся от своей привычки спорить и туне глаголати,

потому что Диалектика научает истине. Вот почти такого содержания все фразы, влагаемые в уста второй из семи мудростей. Дети узнавали только, что есть какая-то Диалектика и что учит она таким-то и таким-то хитростям, но как учит, как приобретается знание этой мудрости, того они не ведали.

3. Риторика объясняет свое значение еще более высокими словами: «Есмь бо от седми честная и великая свободная мудрость, Риторика нарицаюся, сиречь хитроречия источник. Тем приимите мя с любовным вожделением, аз же дамся вам с быстрым светлоречием: аз бо есмь мудрость сладкогласнаго реченна, аз сладость дивнаго сказания, аз доброта неоскудеваемого богатства, аз сокровище некрадомого стяжательства, аз велеречие, не отягчающее утеса» и пр. и пр. Конечно, эти фразы кажутся до того высокопарными, что как будто в них нельзя подозревать и смысла, кроме разглагольствований; но смысл есть, и очень понятный, хотя тон самого объяснения и напоминает что-то в роде акафиста. Но в этом опять-таки виновато общее риторическое направление в письменности того времени. Естественно же, что в XVII в. Риторика говорит о себе так: «Селение и удобное совокупление имам с Диалектикою; похвальная же и златострунная Грамматика с нами же и начало нам». Этим, разумеется, хотели выразить связь и взаимную между собой зависимость этих мудростей и выразились свысока: тем не менее были поняты учениками, привыкшими и к тому языку и к способу тогдашнего выражения. Ученикам давали знать, что Риторика, по понятиям того века, была необходима во всяком писании, и в стихах и в посланиях, и в беседах, и в сочинениях, имеющих разговорную форму, что ее изучали все знаменитые люди и ученые. «Мною, — говорит Риторика, — и Димостен, древний он честный философ, славен ся учини, той бо мя исперва поиска и обрете, и по нем прочии Ритори, котории чюдни разумом в человецех явитася и хитроречию начальницы быша и Риторику мя нарекоша» и пр. Но это только объяснение Риторики, собственно ее предисловие; а как она преподавалась и в каком объеме, да и преподавалась ли даже, из «Азбуковника» решить невозможно.

4. Четвертое свободное художество — Музыка. К предисловию о Музыке прибавлено почти две страницы объяснений о значении и происхождении Музыки, что, вероятно, считали необходимым пояснить юношеству. Это вступление начинается так: «Щедрого и преблагого бога, давшего нам разум, познание своея истины, восхвалим вси не в варганы, и тимпаны, и мусикии, в них же *беззаконный он папа Петр гугнивый повеле в церкви играти и есть начальник богомерзкому сему гудению и играню;* Мусику же и аз предлагаю, но не руками человеческими, ниже теслы и ножами устроени (у?), но гласом из гортани нерукотворенныя происходящим восхвалим господа, и поем ему разумно во псалмех и пениих и песнех духовных, не от Петра онаго начинаемую, но от Иоавава, бывшего в первых родех, изобретенную и составленную, яко же бытейские книги поведуют, во дни же Иисуса, сына Навина, паки Епимифеусом, философом еллинским, обретенную. Сия мудрость, или муза, или Музыкина имя есть нарицательное, рода женска, числа единственного, образа единород-

ного, еже есть простого, падения именовательного и звательного, и отрицательного. И по философии деветь музы, си есть деветь угодий, или деветь сосудов или органов ко глаголанию, еже есть две губы или устне, четыре зубы началные, последняя, си есть конечная часть языка, горло дыхателное, гортани тщина и паючи, и сии деветь угодна глаголются музы, амоис, еже есть вода, зане без волготы онех, еже есть без мокрот, не может родитися глас, паки Музикиа глаголется некогда петие, и некогда мудрость, и от музы глаголется музика, си есть уметель тоя хитрости». И вот, только после этого предварительного вступления, начинается предисловие: «Утверждайте очи, отверзите слухи, ускоряйте духи, егда убо возшумлю, тогда вси умы возбужду» и т. д....

5. Арифметика имеет такое же пространное предисловие, в котором перечислены случаи, где знание Арифметики необходимо, и чему собственно научает эта мудрость. О своем имени она говорит, что *«еллинским языком Арифметика нарицаюся, сладчайшим же мне, рекши русским языком Числительница»*. Она исчисляет широту земли и высоту небес, измеряет пучины моря, назначает верный и безопасный путь кораблям, управляет всеми делами, царскими и боярскими, уставляет всему правильную меру и все *чиновные* числа, и меры и весы соединяет и разделяет, слагает, вычитает, на доли разделяет, долю к долям прилагает, и все в дроби раздробляет; она имеет неразрывную связь с Геометрией и Астрономией, а в музыке устанавливает степени, стояния, стопы и движения; она необходима для Грамматики, Риторики и Диалектики. Изобрел ее от *еллин мудрый Пифагор*. Цель ее — счисление всех возможных величин и измерений: пространства она считает локтями, пшеницу мерами, вино чашами, полки тысячами и сотнями.

6. Геометрия, шестое из свободных художеств, имеет в нашем «Азбуковнике» то значение, какого уже в настоящее время не имеет: в объяснении ее сбиваются то на космографию, то на математическую географию, то на географию политическую, одним словом, здесь понимают буквально, что Геометрия есть землемерие во всех отношениях. Оттого вступление в предисловие к Геометрии начинается так: «Юже видиши землю, от нея же ты и создан еси, по писанному, яко земля еси и в землю паки пойдеши, амо же вси тленнии отходим, помысли, кто сию измери и пределы положи, точию один бог. Той бо измеривый пядию небо и дланию землю, нам же созданию своему — человеком тленным, даде сея широту, и долготу, и толстоту доброумереннюю вервию любомудрыя Геометрии измеряти и тем комуждо данныя пределы познавати, ей же ныне предисловие полагаю, на видение доброты ея вас призываю». И после этого предварительного вступления раскрывалось самое значение Геометрии, ее важность и предмет, т. е. польза и цель ее знания. Знание этой мудрости свойственно одному человеку; хотя и между животными есть *владетельные* породы, как орел между птицами и лев между зверями, но они бессловесны и не *землемерительны;* один человек, хотя такое же животное, но разумное и словесное, а потому он животное *землемерительное* и не оттого, что может все измерить ногами и руками, но по существу своему человек есть *животное геометрическое,* или землемерительное: голова и сердце

его изображают восток, нижняя часть тела — запад, правая рука — юг, левая — север; середина земли есть середина тела человеческого: «высока бо есть и плоска, и на все случившееся приятелна и отвсюду помыслами населяема, аки водами обливаема и наводняема». Высказав несколько мыслей относительно физических явлений на земле, относительно явления цветов и относительно стихий, предисловие входит в область математической и политической географии: оно говорит, что греческие ученые, по обращению солнца и луны, измерили *круг земли,* который *равен* 20 601 *итальянской миле;* что из *Едема* исходит источник в четыре страны, и отсюда греки разделили землю на-четверо. Впрочем, гораздо лучше будет выписать остальную часть предисловия, как она есть в «Азбуковнике», и тогда всякий будет вправе вывести заключение о познаниях наших предков в географии, если только можно на свидетельстве одного детского руководства делать заключение о невежестве нашем по этой части. Вот конец предисловия: «Ова от сих Африка, ова же Асиа, и ина Европа, каяжда бо от действа своего вину звания приять. Асиа бо первая часть земли студености ради тако именуема, от Европы бо к Северному морю рекою Доном отделяется, а к Среднему морю рекою Истьмою; к ней прилег великий круг Акияна-моря. В той *убо части Асии великого благочестия светлосиятельное государство Российскаго царства*[1] пресветлая и богом снабдимая великая держава, ея же кто и Востоком обыкнувши нарицати не погрешит: солнце бо праведное Христос бог наш не точию на всяк день еже чювственное, но присно всех верных сердца теплотою духа божия просвещает всех; край же царства того в Европстей части, еже к западу и полунощию достизаше, идеже Студеным морем, от Странских королей предел, рекше рубеж, полагается, и паки от других стран еже к востоком и полудни, вниз Катаинския реки и Хвалижским морем до Истьмы реки, в тои же части обону страну тоя же *Катаинские реки, рекше Волги*[2], прилегли рубежи татарских царей, а к тем татарским рубежам прилегло Арапское море, что Сепфан атаман обладал и Козылбашем назвался, оттого же и доныне государство Кизылбаское именовася; пятая доля Асии, что осталося за четвертыми государствы и тою долею владеет Шпанской король, а по потопе та часть была Сима, сына Ноева, юже наричут Асиа. Африка же теплоты ради великия прозвася, предел же размеру ея сказуется Средним морем и Аглинским, и Ефиопским, и рекою Нилом; в той части Африке государство Палестинское, идеже Авраамовы наследницы быша, и Египет, и Ефиопиа, и Пустыня великая, которая пошла от реки Нубы к восточной стране, и оттуда ко Агланскому морю, еже противу запада и мало погнувшися к северу; а по потопе та часть земли Африка была Хама, сына Ноева, юже ныне Африку наричут. Европа, же третиа часть земли от дщери Агенаря царя именовалася, юже *Юпитер волхв, Зевесов сын,* в Крите на поли восхити. Сия Европиа местом своим по размерению моему, рекше Геометрии, и по

[1] Россия, значит, считалась азиатским государством?

[2] Мы не знаем, почему Волга называлась «Катаинскою» рекой. Разве потому, что в иных рукописях она еще смешивается с Танаисом: «Танаоус, или Волга», см. «Описание рукописей Рум. музея», стр. 762.

числу степенем потескотнейши Асии, людми же и всякими плоды зело изобилна есть: и та Европа отдалася к полунощи и западу; от полунощи же обошло Акиян-море, и от запада Средним морем Африкии отделися, а от Востока Понтским морем и рекою Доном и Истмою, которая в то же Понтское море вошла. В сей Европии великии государства, которые в древних летех всею землею владели: Римское, реку, и Македонское и преславное Седмохолмие еже есть великий град Констяньтин, и прочая места государств, их же описует Козмографиа. А по потопе та Европа часть земли была Афета, сына Ноева... Море глаголется всем водам общее имя, его же латини фретум (fretum) нарицают, греки же портфмол: а где разливается по местом, тогда иная имена приемлют, якоже убо и первая узина от источника Еллеспонт именуема; где же паки во другия узится, Тратибосфор именуется, а где во другиа места в ширину разливается, Понт Ексинон именуется. Егда же ко озеру приидет, Аймерик (?) Бофор (Босфор?) именуется, само же то озеро Меотис зовется и двема великими реками Доном и Нилом во все три части вселенныя разделяется; Дон убо от полунощи к полудни течет, всреди Меодета озера вливается; супротив же тому Нил от полудни к полунощи в море вливается. А что земли лежит от моря к тем рекам, от единыя страны Африка именуется, а от другиа Европа к Нилу, прочее же что ни есть Асиа именуется, а Америка во Асии же и во Европе. Таковым размерением моим геометриинным по всему лицу земли вся места и пределы государств размеряемы и разделяемы и се все мною могут разумети: чем которое государство больше или меньше, такоже и градовом всем разстояние, и сих основание, и домовное по межам ограждение, и всяких нив и поль, горы же и долы, и вся виногради и вертограды, и все пути и дубравы, и все что ни есть даже до последниа хлевины сограждения и премерениа, все моим геометрийским досужеством и наукою совершается. Тако есмь в шестом месте учиняема мудрость свободная».

7. «Последняя местом, первая же действом» свободная мудрость есть «Астрономия по-еллинех, Звездозаконие же по-словянех». Предисловие ее интересно в такой же степени, как и предисловия прочих мудростей, т. е. в нем поверхностно и с своей точки зрения показана цель астрономии и определена ее важность. Конечно, все это очень недостаточно и поверхностно, но для детской книги, для школьного учебника XVII в. и этого довольно: «Азбуковник» не преподает детям астрономии, а только говорит о ней и возбуждает желание заняться этой высокой мудростью. Астрономия сама сознается, что не здесь, не в «Азбуковнике», можно найти ее содержание, но где-то в другом месте, в какой-то «в книзе своей шествием и действом являюся всяко». Что это за книга — решить трудно; может быть, здесь намекают о какой-нибудь астрономии, о руководстве или просто об астрономическом сочинении, из которого взято содержание предисловия. Может быть, и тем больше достоверно это предположение, что сейчас же, за этим упоминанием о какой-то своей книге, Астрономия как будто заимствует содержание из этой книги, говоря о знаках зодиака: «Овен мой хребтом на полнощь, главою же на восток; к солнцу восходит и Лев, да восходит и заходит обращаяся; стрелец же восходит, право и заходит

стремглав, яко низверженный», и пр... Содержание этой науки, разумеется, солнце, луна, *планеты и звезды* (как видно, понималось различие между *звездами и планетами*); затем предметы ее — счисление времени по солнечному и лунному обращению. Период обращения луны в «Азбуковнике» определен в 29 дней и в полдня и в пять часов, и еще с получасом и с пятой частью часа (т. е. 29 дней 17 часов и $42^6/_7$ минут). В предисловии, кроме того, есть ссылка на известного древнего астронома Атланта («премудрый Атлан, иже в небо биет») [1].

Здесь оканчиваются объяснения семи свободных художеств и, после небольшой главы, в которой находится обращение к детям и желание пользы от приобретенных ими сведений, оканчивается самый «Азбуковник»...

(Извлечено из исследования Д. Мордовцева, О русских школьных книгах XVII в., Москва, 1862 г.).

ИЗ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI—XVII вв.

О вселенной

Природа. Насколько солнечный круг больше земного, настолько земной больше лунного. Так говорят те, кто хорошо изучил астрономию; они полагают, что земной круг заключает в себе 25 тем стадий, а поперечник ее более 8 тем... Солнце в поперечнике считают более 300 тем стадий [2], а на вид кажется нам его поперечник величиною в локоть, но писание справедливо говорит, что не светило так мало, а наше зрение умеьшает его, смотря в высоту... Взойди на высокую гору и посмотри на ровное место: какими покажутся тебе пасущиеся стада — не вроде ли муравьев или мух? Или взойди на вершину высоких холмов и посмотри оттуда на море, какими покажутся тебе плавающие по нем корабли? Не представится ли каждый твоему глазу меньше голубя? А в нем бывают огромные грузы. Или как велики морские острова? На них бывают бесчисленные города и села, а ты представляешь их себе какой-то плавающей черной точкой. Или где высокие горы изрезаны глубокими пропастями, а когда смотрим на них, они кажутся гладкими. Как мы уже сказали, зрение наше, устремляясь в пространство, постепенно теряет способность видеть. Итак, когда мы смотрим в ту безмерную высоту, как можем определить величину светил?

Господь сказал: да будут знамения на дни, на времена и годы; поэтому и бывают знамения в тех светилах на бурю, на тихую погоду. И вот если по обе стороны солнца явится знамение, блестящее наподобие солнца, это означает сильный дождь и ветер. Если же такое

[1] Атлант в честь своих астрономических открытий изображался упирающимся в небо или поддерживающим небо на своих плечах.

[2] «Тьма» — употреблено как числительное, обозначающее 10 000; «стадия» — мера длины, равная 189 метрам.

знамение явится с одной северной стороны, значит — будет северный ветер, а когда оно явится с южной стороны, то означает ветер с юга.

Подобно тому и луна тоже представляет много различных знамений. Если в четвертый день (новолуния) она будет чиста и тонка, предвещает долгую тихую погоду; если же будет тонка, но не чиста, а словно огненная, это означает сильный ветер, если при этом оба рога месяца одинаковы по виду; если же северный рог луны на ущербе будет более чист, это означает западные ветры. Когда же полная луна потемнеет, это к дождю... Эти знамения составляют великую милость и заботливость творца бога: они предвещают какое-нибудь неожиданное зло. Мы слышали, что некоторые пустые люди говорят, будто люди рождаются под той или другой звездой, и потому один бывает рус, другой белокур, третий красен, четвертый черен. Эта ложь явилась от неверных эллинов. Кроме того, эти люди рассказывают, прельщая нас, будто можно знать, каким возрастет человек телесно, считают себя знающими по течению звезд о болезнях и о смерти человеческой, предсказывают о подвигах храбрости, о жизни и богатстве... Нам же следует изобличить их... Бог сотворил все эти светила в четвертый день: тогда Адама еще не было на земле, — чье же рождение предзнаменовало такое множество звезд?... Обличим их и на счет русости и белости человеческой: неужели все эфиопляне родятся под одной и той же звездою, что они страшно черны, словно демоны?..

Звезды. Про звезды, которые, повидимому, падают к земле, люди говорят, что это действительно звезды, а другие говорят, что это мытарства лукавые. Но это не звезды и не мытарства, а пламенные обломки небесного огня; они падают вниз и по мере падения растопляются на воздухе. Поэтому никто никогда не видал, чтобы они упали на землю, они всегда на воздухе сливаются и рассыпаются. Они называются денницами. Звезды же никогда не падают; только при втором пришествии христовом спадут и звезды, и мытарства и духи тогда пойдут в огонь вечный. Это же, как мы сказали, суть пламеновидные отломки от небесного круга, и воистину это так.

О земле

Земля. Земля не четвероугольна, не треугольна, и не кругла, а устроена наподобие яйца. Подобно тому, как устроено яйцо: снаружи имеет белок и скорлупу, а в середине стоит желчь, — так же разумей и о земле. Земля есть желток в средине яйца, а воздух и небо — белок и скорлупа яйца. Как скорлупа окружает внутренность яйца, так окружает небо землю и воздух; и насколько отстоит от земли видимое нами небо, настолько же отстоит оно и под землею с четырех сторон, т. е. с востока и запада, севера и юга. Отовсюду земля окружена небом — и наверху, и внизу, и со всех четырех сторон; как средина яйца окружена скорлупой, так же земля окружена небом. Она стоит посредине, а небо вращается и безостановочно движется под нею и над нею, как это мы видим. Земля висит на воздухе посреди небесного пространства, не прикасаясь нигде к небесному веществу... Некоторые же говорят, будто земля стоит на семи столпах, но это —

неправда: если бы земля стояла на семи столпах, то во что же были бы водружены эти столпы?

Гром и молния. Гром и молния бывают таким образом. Вверху встречается несколько ветров; один дует в одну сторону, а другой в другую, и один несет облако, а другой другое; они, встретившись друг с другом, сталкиваются и испускают грохот с огнем. Подобно тому как кремень, ударяясь о железо, гремит и дает огонь, так и облака, сталкиваясь друг с другом, рождают грохот и огонь; грохот и есть гром, а огонь — молния. Поэтому не иначе бывает гром и молния, как тогда только, когда есть облака. Гром бывает сперва, а молния после; мы же сперва видим молнию, а потом слышим гром, — это потому, что зрение наше более быстро, и человек видит то, что хочет, без всякого промедления, поэтому глаз сейчас же видит молнию. Слух же воспринимает медленно и не сразу слышит звук грома и слышит его после молнии. То же можешь заметить, когда рубят дрова. Если рубящий далеко от нас, то мы видим, как топор ударяет по дереву, стука же не слышим, а спустя некоторое время слышим и стук. Подобно этому и молнию видим немедленно, а гром слышим после. Но эти молнии бывают от столкновения облаков, они не вредоносны и никому не вредят; если же во время столкновения облаков случится, что упадет частица огня небесного и, падая, соединится с облачной молнией, тогда такая молния спускается на землю и попаляет, что встретит по дороге — человека ли, или животное, или дерево.

Радуга. Дуга солнцезарными лучами, словно каким-нибудь ртом, тянет воду испарением теплоты и осушает водоточные жилы и мокроту и в виде облака превращается в дождь. Эту дугу (господь) положил как знамение и повелел ей вбирать в себя водное излитие, чтобы не повторилось того, что было до этого знамения, когда облака наводнили и потопили поднебесную; этим знамением бог указывает человеческому роду не бояться потопа. Сам господь сказал: «Это будет знамением между мною и вами и твоим племенем после тебя». Итак, эта дуга по повелению божию собирает воду морскую, как будто в мех.

О растениях

Асиди — трава, от которой убегают нечистые духи; растет она в индийских странах.

О животных

Балена. Рыба морская; величина ее бывает в длину 60 сажен, а поперек 30 сажен. Когда она начинает играть, то кричит, как лютый зверь. На носу у нее поднимаются вверх как будто две большие дымовые трубы, а как прыснет, то этим прыском может потопить корабль, если он плывет близко.

Птица алконост. Есть птица именем алконост; гнездо свое имеет на песчаном берегу моря, у самой воды, туда и кладет свои яйца. Птенцы ее выводятся зимою, и когда почует, что время им вылупляться из яиц, она берет яйца, несет на средину моря и опускает в глубину; в это время море сильно бушует и бьет о берег. Но когда алконост

снесет все яйца в одно место, опустит в глубину, а сам сядет над ними сверх воды, то море станет неподвижно на 7 дней, пока птенцы алконостовы не вылупятся в глубине и, вышедши наверх, не узнают родителей своих.

Птица фюникс. Есть птица в великой Индии, называемая фюникс, о ней пророк Давид сказал в 91-м псалме: «Праведник, яко фюникс процвете». Эта птица — одногнездница, не имеет ни подруги, ни детей, но одна в своем гнезде живет. Питаться она летает к кедрам ливанским и, летая там, наполняет крылья свои ароматом, поэтому всегда она благоухает. Когда же состарится, взлетает ввысь, берет огонь небесный и, спустясь, зажигает гнездо свое, тут же она сгорает и сама, но из пепла гнезда своего опять рождается, и какою была прежде птицей, такою же является и потом, с тем же нравом и тем же свойством.

Птица харадр. Есть птица называемая харадр, о которой написано в книге Второзакония. Птица эта вся белая и нет в ней никакой пестроты; внутренности ее исцеляют очи слепым. Если кто заболеет, то посредством харадра можно узнать, останется жив человек или умрет: если умереть больному, то харадр отвернется от него, а если выздороветь, то харадр с веселием взлетает на воздух против солнца, и окружающие думают, что харадр берет болезнь и распускает ее по воздуху.

Дикий вол. Дикий вол видом похож на вола, а хвост у него лошадиный. Если он зацепится хвостом за дерево или за камень, то стоит неподвижно, не желая оторвать ни одного волоса. Но тамошние жители, прийдя, отсекают хвост мечом, и он, прежде жалея один волос оторвать, теперь лишается всего хвоста и бежит. И у него хватает смысла беречь волосы свои, не так, как у безумых людей, бреющих бороды... Из хвоста его добывают хонень, которым красят хвосты лошадям.

О людях

Итанесиес называются люди, живущие за полуночным морем. У них такие большие уши, что они могут ими закрыть все тело...

Вретания — большой остров длиной в тысячу верст, а шириной в триста. На нем живет два больших племени, одно — каледонцы, другое — меаты. Последние живут на диких горах и пустынных равнинах, не имеют ни городов, ни жилищ, а переходят с одного места на другое нагие и босые; земли не пашут, а питаются от разведения волов и овощами; царя у них нет.

(По книге Алферова и Грузинского, Допетровская литература, изд. 3-е, стр. 79—86.)

О происхождении народов

Безначальна родителя и Творца всея твари угодник, корень же и прародитель человеческого рода по плоти, великий в патриарсех Ной, по потопе прием сыном своим, яко житие в мире сем на три чины разделив, коемуждо особь назначенова и определи: Симу сан священ-

ства, Хаму иго работы, Афету достояние царское, храбрость воинственную и расширение племене по имени его; Афет бо толкуется расширение или разширителен. Такожде им и землю в три части раздели, от них же первая нарицается Азиа, вторая Африка, третия Европа. Симу яшася страны к востоку зрящия в великой Азии, идеже ныне персиды и ассирияне. Хаму паде жребий на полудне во Африце, идеже ныне Египет, Муринския земли. Афету же осташася страны на запад и полунощь в Европе лежащия. А сей Афет есть прародитель и отец всех, наипаче в Европе обитающих христиан: ибо по благословении отца своего Ноя, сице от благополучнаго имени своего в велие размножение племенем своим возрасте, яко не точию по странам полунощным и западным, но и по восточным расширися. И тако оттуду ведати известно подобает: яко славенороссский христианский народ имать началю свойственнаго родства своего от Афета Ноева сына, и честно благонарочитыя породы своея, от него же яко от отца на своя чада изшедшею, от рода в род, аки некиим венцем присноцветущие славы украшаем, величается.

О первых киевских князьях

Беста у Рурика Князя Великоновгородского некая два нарочита мужа, о них же не бе тамо известно, аще идоша от колена основателя и первого князя Киевского Кия, Оскольд и Дир, и упросистася у него итти (яко свидетельствует летописец российский преподобный Нестор Печерский) к Царю-граду с роды своими, и идущим им вскрай Днепра, узрели град на горе, и ставше вопросили тамо живущих, чий есть сей град; и возвестита им, яко град есть Киев от трех братий, Кия, Щека и Хорева создан; и яко обидими суть от козарей, и дани им дают. И тако увестившеся о Киеве вселишася в нем, и совокупивше многи варяги, начаша владети тамо, и обладати всею Киевскою землею, аки князи.

О возникновении Москвы

Наречение сие Москва, от имени праотца Мосоха изшедшее, аще ою и издревле вестно древним летописцам бе, обаче на мнозе и в молчании пребываше: ибо, егда трие братия князи варяжстии, о них же будет нижае, и великая княгиня Ольга или Елена и всея России первый самодержец Владимир, и вторый Мономах Россиею обладаша, тогда россами или русаками звахуся; а в Российских землях точию Киевский, Владимирский, Великоновогородский, Черниговский, Галицкий, Славенский и прочии князи имениты бяху. Москва бо град над рекою Москвою от имени ея нареченный, первее из древа создан бысть и незнатен, даже до великого князя Иоанна Даниловича, иже престол княжения от Владимира града в Москву град пренесе.

И тако величеством славы престола княжения от Владимира града перенесенного, богоспасаемый град Москва прославися, и прародительное в нем имя Мосоха в народе российском обновися, еще неувядаемою в веки памятию процветая, изряднее же благодатию божиею от силы в силу и от славы во славу преспевая, на высочайший

степень самодержавного царствия востече и благочестием, силою и мужеством православных царей, наипаче великими чудеся святых российских московских чудотворцев, на высоту добродетелей возвысився, яко солнце по вселенней просветися, и паче иных сияет.

(«Синопсис», по изд. СПБ, 1746 г.)

Симеон Полоцкий [*]

«ОБЕД ДУШЕВНЫЙ» и «ВЕЧЕРЯ ДУШЕВНАЯ»

(Вторая половина XVII в.)

Велие зело есть блаженство в мире сем, плоды трудов своих ясти, слушателие православнии, вящше же того, еже при них имети не неплодну супругу и видети от нея словесный плод супружества своего. Оба та блаженства царствующий пророк провещает боящымся господа и ходящым в путех заповедей его: блажени вси (глаголет), боящиися господа, ходящии в путех его, труды плодов твоих снеси; блажен еси, и добро тебе будет. Жена твоя, яко лоза плодовитая, во странах дому твоего; сынове твои, яко леторасли масличныя, окрест трапезы твоея. Вящшее сие есть блаженство, нежели злато мира сего обдержати [1], ибо отец оставляяй по себе чада, аще и преставится от века сего, не умирает: живет бо в чадех своих, и слово его не погибает со шумом, зане в сынех и дщерех процветает. Бесчадный паки, аще и бесчисленных богатств будет обладатель, егда умрет, не к тому живет в мире, яко отрасли его не осташа. Богатства же его чуждым, иногда же и врагом его во обладательство приходят. Он трудися, а недрузи во труды его входят: и слава, яко ветр, преходит и, яко сень, мимо грядет.

Блаженно убо супружество, плода не лишаемое своего, но плода благаго, плода честнаго: плод бо зол и нечестный, окаянно паче, нежели блаженно супружество деет. И яко лучшее есть неплодное древо, нежели злыя и вредныя приносящее плоды: тако блаженнейшии сути родителие, чад неродившии, нежели родившии злая. Темже убо [2] тщание родители должно есть присное [3] имети, да плод их благ будет: ибо не яко во древесех, по естеству плод, или сладок, или горек рождается, но по наказанию [4] рождавших, и по обыкновению и воли рожденных, или добронравие, или зло обыкновение в сердца их вкореняется. Премудрый Платон, воску сердца юношеская уподобляет зане [5] якоже воск всякия печати на себе воображение приемлет, за

[1] Владеть.
[2] Вследствие этого.
[3] Постоянное.
[4] По учению.
[5] Потому что.

удобство мягкости своея: тако юных сердца, всякий нрав удобоприемлют мягкосердия ради[1]. На том воске напечатает ли кто целого и незлобивого голубя, выну пребудет человек той цел и незлобив, яко голубь. Напечатает ли кто орла высокопарна и светолюбива, присно той человек вышняя имать мудрствовати и светлая[2]. Напечатает ли кто землеточиву кроторию или блаторачителя вепря[3], по истинне той человек до смерти пребудет земных любитель и блата греховна искатель. Напечатает ли кто лютого льва или волка хищного, выну будет человек той жесток, яко лев, и хищлив, яко волк. Напечатает ли кто трудолюбива вола, выну имать той человек во трудех пребыти. Напечатает ли кто ленивого осла, всегда в лености той человек имать жити. Напечатает ли кто гневливого медведя, хитрого лиса или лающа пса, до кончины живота си той человек пребудет гневлив, хитр и лаятель[4] честных. Аще же напечатает кто смиренного агнца, или чистого горностая, той человек до последнего издыхания будет смирения любитель и чистоты хранитель. На ту приклонность[5] царствующий пророк[6] возглядая возопи сице ко юным: со преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со строптивым развратишися. Ин философ умы отрок юных уподобляет скрижали ненаписанней, на нейже учитель что либо хощет написати, может: точне во умех юношеских, что либо хощеши вообразится, или добро, или зло, и выну пребывает, и прибывает. Подобным обычаем, яко на дыни во ограде растущей, аще мало на малей вообразится писание[7], велико возрастет с возрастанием ея. Или яко семя, мало убо повергается на ниве, но во великий класс возрастает и приплодование творит; тако обучение юных мало засеется: но возрастет во велико и ветви произведет многи. Юных сердца найпаче суть скрижали не каменныя, но плотяныя, на нихже аще кто христово напишет послание, то пребудет выну. Аще же кто демонскую начертает букву, неудобь сотретися[8] может. Ин еще любомудрец уподобляет юныя отроки новому сосуду скуделному, в он же, аще что влиется в новости, того вони не лишится до старости: тако во истинну и юнии, к чесому во юной версте века[9] си приучени будут, того до кончины си не забудут. Напоследок младому древеси подобна есть юность: ибо аможе[10] хощет кто, тамо тонкое древо преклонити может: подобне век юношеский, к чему либо обратиши, удобно есть приклонен. Зрите убо родителие, како должни есте воспитавати чада ваша: добрая словеса и образы дел благих на том воску печатайте, божественная словеса, а не скверная и кощунная: на тех скрижалех

---

[1] Легко принимают вследствие мягкости сердца.
[2] Всегда тот человек способен высоко и светло размышлять.
[3] Роющегося в земле крота или любителя болот — кабана.
[4] Бранящий.
[5] Склонность.
[6] Царствующий пророк — имеется в виду «псалмопевец царь Давид».
[7] Если на малой изображено будет малое писание, с возрастанием ее оно вырастет большим.
[8] С трудом может быть стерта.
[9] К чему в юном возрасте.
[10] Амо, тамо — где, там.

и закон господень пишите. Миро благовонное учения душеполезнаго в тыя новыя сосуды скуделныя вливайте. Или по словеси господню: вино новое в мехи новыя вливайте, еже есть любовь божию в сердца их от юности вселяйте. К небеси юная сия древеса обращайте и клоните: да не земная, но небесная и зрят, и любят, и мудрствуют.

Но откуду честных родителей чада злонравие стяжут? Повем вам истинну, ради исправления: от матерня ласкательства, от отча ненаказания, от обою же пространновоспитания[1]. Блажит мати малаго сына малую злобу[2], а злоба в сердце аки терние корение его утверждает, и сыну растущу, срастет злоба паче. Егда же возрастет сын в количество непреклоннюе, совозрастет злоба во нрав неискоренимый: и тогда исполнится оная притча: юноша по пути своему, аще и состареет, ни отступит от него, ибо якоже сосуд глинян, аще в новосте пекла напиется, никогда же измыется. Тако человек, сосуд сыскуделен[3], во юности нрав восприятый, хранит до смерти. Тем же и господь люди израилския обличаше чрез Иеремна пророка сице: аще может применити ефиоплянин кожу свою или рысь пестроты своя, и вы можете благотворити: понеже научистеся злу. Подобне трудно есть злых родителей чадом изменити злый нрав, и добрая глаголати: яко от пелен родителма научаются злонравию и злословити. Не удобно трезвенным им быти, занеже от детства упиватися попущают. Не возможно чистым соблюстися: ибо в младенчестве си и видят, и слышат, и творят нечистоту невозбранно. Оле[4] злонравия! Оле богомерзких налогов! Кто же за сия суд приимет; ей, якоже насадителем сада вина приписуется кривины древес[5], яко не исправляху во юности их; и яко художником нелепие причитается вещей, неискусно ими содеянных. Тако родителем приписуется вина злонравия чад их: и суд приимут яко в детстве научиша, или попустиша им злобе навыкати[6]. Вы, православнии людие, да не приимете суда о злонравии чад ваших, тщитеся воспитовати я, добре храняще сия вещи, нуждныя благовоспитанию.

Первая вещь есть жезл, его же потребу сам бог всемогущий образно показал есть: егда бо даде перворожденному сыну си Израилю во пустыни манну, и повеле сосуд полный хранити ея в ковчезе завета, во память вечную того благодеяния, тамо жде благоволи храненну быти жезлу Ааронову и скрижалем завета: якоже воспоминает учитель языков. По второй же завесе, скиния глаголемая святая святых, злату имущая кадилницу: и ковчег завета, имущая манну, и жезл Ааронов прозябший, и скрижали завета[7]. Имже трием сих вещей купно положением[8] научает вся родители чадопитанию через манну

[1] Не ограничиваемого строгостью (свободного) воспитания.
[2] Потакает мать маленькому злу в маленьком сыне.
[3] Глиняный, горшечный.
[4] Горе, увы!
[5] Причина кривизны дерева.
[6] Допустили привыкать ко злу.
[7] За старой завесой находилась скиния (палатка), называемая «святая святых», имеющая золотую кадильницу, ковчег завета, манну, проросший Ааронов жезл и скрижали завета (стих из библии).
[8] Совмещением этих трех вещей.

убо, еже чадом пищу и вся нуждная промышляти отечески. Чрез скрижали, еже учити закону божию. Чрез жезл, еже послушныя, наказания достойнаго не лишати. Что само и приточник завещает глаголя. Не отрей[1] младенца наказовати, сице бо жезлом биеши его, не умрет от него, ты же убо бия его жезлом, душу его избавиши от злы смерти. И паки: иже щадит жезл свой, ненавидит сына своего. А любяй, прилежно наказует.

Вторая вещь есть, еже детем злаго возбраняти общества, с лукавыми дружитися не попущати: ибо и Ева прамати, яко с лукавым змием беседоваше, его проклятыя научися гордости, и восхоте равенство с богом в раи, якоже он иногда в небеси. Но яко той с небесе низвержеся: тако Ева со Адамом, соизволившим ея совету, изгнася из рая. Того деля бог всемогущий множицею увещаше люди израильския, еже потребити иноплеменники, и общения не имети со язычники, во еже бы им языческим не приложитися беззаконным деянием и богомерзским обычаем. Ихже словес господних яко не послушаша людие, заблудиша от отца небеснаго, к мучителю геенскому: забыша дел божественных и научишася демонских, якоже плачася пророк известует. Не потребиша язык, яже рече господь им: и смесишаяся во языцех, и навыкоша делом их, и поработаша истуканым их, и бысть им в соблазн. Се и солнца, зело полезно мирови сущее, егда со злым планетою или знамением случится на небеси, велию тщету в мире деет. Источник аще и велми чист сущ, егда с тинным случается блатом, обыче блатен быти, и тины смрад издаяти. Темже пророк глаголет: со строптивым развратишися; и Иисус Сирахов повествует: касаяся пекле очернится, и общаяся гордому точен[2] ему будет. Глаголет же пророк и сие: со преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши. Но увы нам, не толь удобне с добрыми добримся, якоже с лукавыми лукавимся.

Обаче с добрыми общение да будет чад ваших. Ибо яко вошедшии во мироварницу, и тамо время такое пребывшии, исполняются аромат благовонием и с собою ту благую воню износят. Тако общающиися благом, благостыни обучаются или поне зла творити не навыкают. И собеседующии мудрыми умудряются по глаголу приточника: ходяй с премудрым, премудр будет.

Третия вещь есть, еже злаго по себе образа не являти чадом: ибо якоже пифик[3], что видит человеки творящые абие, то тщится деяти: подобне чада, дела родителей своих видяще, подражателие им бывают. Блаженни убо суть родителие, ихже житие добродетельное есть чадом образ благонравия, зерцало исправления и правило деяний благих. Окаяннии же суть рождшии, иже злобным си житием чадо си соблазнают: чадоубийцы паче суть сии человецы, нежели родителие: ибо худшее раждают, а лучшее убивают: раждают бо плоть тленную, убивают же душу бессмертную, егда соблазняют чада си, и греха им виновницы бывающе, лишают я живота душ, яже есть благодать

[1] Не отталкивай младенца от наказаний.
[2] Похож.
[3] Обезьяна.

божия. Горе человеку тому, имже соблазнь приходит, глаголет Христос господь. И паки: иже аще соблазнит единаго от малых сих, верующих в мя, уне ему есть, да обесится жернов оселский на выи его и потонет в пучине морстей. Аще тако горе чуждым, многа паче родителем: ибо елико родителие суть ближнши кровию чадом, толико соблазн их лютшая и вредная паче: и грех соблазни их болш есть. Блюдитеся убо, о родителие, да не будете душегубцы чад ваших, соблазнию жития вашего. Да весте же, яко отец должен есть быти в дому, аки солнце, мати же, аки луна, чада, яко звезды. По оному видению Иосифову: се видех сон, аки солнце и месяц, и единанадесят звезд покланяхуся мне. Что знаменоваше, родители и чада, по домыслу Иакова патриарха, рекша: что есть сон сей иже еси видел, еда ли пришед аз и мати твоя с братиею твоею поклонимся тебе до земли? Убо отец имать быти, яко солнце, мати, якоже луна: ов, яко светило большее, сия же, яко светило меньшее да благими образы жития осиявают, яко светом звезды домов си, еже суть чада: да и они, яко звезды, светом жития святаго сияют. Но увы нам, яко солнце сие и луна множицею лишением света страждут. Луна убо чрез между вложение земли, еже есть, жена чрез междувложение земных мудрований и страстей, влагающихся между ею и мужем. Солнце паки, чрез противоположение луны, сиречь, муж, егда ему жена сопротивляется и прекает: и тако спона[1] бывает, да свет ко звездам не приходит. Свет глаголю доброобразия и благочестнаго жития не изливается на чада. Паче же тма помрачает я, егда домашняя разгласия, зол прописуют образ: егда нрави родителей развратнии соблазн родят, чада же злобное житие родителей подражают. Ибо яко в дому присно дымокурном живущии, удобь очерняются: тако злым родителей образом чада удобь развращаются. Храните убо себе родителие от всякия злобы, да не будете помрачителие звезд ваших, развратителие чад любезных, о нихже слово имате воздати общему всех господу и богу. И мзду по делом вашим восприяти.

Четвертая вещь и последняя есть, еже родителем, от младых ногтей, от сосцу матерню страху божию обучати младенцы своя, да паче растуть в добродетели, нежели в количество плоти. Чин же учения их буди сицев: первее, да учат прежде всех словес глаголати господню молитву и архангельский глас ко богородице. Второе — знати, яко бог есть един существом во троице ипостасей: и да учатся символу веры христианския. Третие, еже заповеди божия знати и хранити, найпаче десятословие. Четвертое, еже в дом божий на молитву учащати: изряднее же во дни святыя к литургии божественней. Пятое, наставляти, да тайнаго покаяния святаго, чрез истинное исповедание грехов своих, часто очищают душы своя. Шестое, учити достоит, еже утро и в вечер от сна восставше, и на сон грядуще молитися господу богу, пречистей богородице, ангелу хранителю, и тезоименным защитником, и всем святым. О прешедших благодарствие богу воссылати, о грядущих же прошение деяти. Седмое — хранити брежно отрочат от отроковиц сонграния, купноспания, да не диавольским навождением

[1] Преграда, препятствие.

впадут во искушение. Осмое, да обучают дети своя или рукоделию некоему, или иному честному коему упражнению; да не во празднестве живуще, приобыкнут злобам: праздность бо есть питательница тым[1]. Девятое, да промышляют им о честном и душеспасенном сане жития временного или духовного или мирского. Десятое, да и возрастшым завет им творят: якоже сотвори Товия старый сыну своему Товии юному, глаголя сице: во вся дни живота твоего, во уме да имееши бога и стрежи, да не когда греху изволиши и преступиши заповеди бога нашего. От имения же твоего твори милостыню и не отврати лица твоего ни от единого убогого. Аще се не сотвориши, то ни от тебе отвратится лице господне. Елико можеши, толико буди милосерд. Аще же много тебе будет, изобилно воздавай. Аще мало тебе будет, и малое благоволю участити помысли[2]. Мзды бо благи себе сокровищуеши в день потребный[3]: яко милостыня от всякого греха и от смерти избавит. И не оставит души ити во тму, и прочая. Сицевым образом, аще воспитаете чада ваша, истиннии будете родителие их, — не точию телесем, но и душам. Ибо телеси рождше я в мире естественне, душам родите богу нравно. Ему же, родителие, купно с чады вашими работайте усердно чрез вся дни живота вашего со страхом. Да мзду трудов ваших восприимите с радостию, во царствии его небесном.

Един от учителей искусных подает нам образ преполезный детския юности наставления сицев:

В первом глаголет седмилетии, да учат родителие чада си благая и чистая словеса, а не худая и скверная глаголати: праведная, а не ложная вещати: ибо, имже туком[4] нов сосуд исполнен будет, того вони из себе никогда избудет.

Во втором (глаголет) седмилетии, да учат я коемуждо художеству, да возмогут тем нуждная житию стяжати. Изряднее же, да соблюдают я от видения скверных: ибо, якоже несть лепо юным скверная глаголати, тако и видети. Дает вину[5] Аристотель, яко вся первая наипаче суть любима: и того ради, яже во первых зрятся, тем с вящшим удивлением присмотряются юним и твердо содержат я в памяти.

По втором же (глаголет) седмилетии, егда приимут разум благ и доволен, да учими будут страху божию, и мудрости, еже како богу жити, разумению же и искусству, како честно гражданствовати в мире.

В сия триседмичная лета, чесому юноша приложится, того и во старости удержится, по оному словеси: юноша по пути своему ходяй, аще и состареется, не отступит от него. Суть плодове во оградех, на них же что железом напишется младых, то во старости и вящше, и светлее, на себе изявляют: тым подобны суть юноши, ибо что приимут во юности, яко семя, то и во старости по себе явят, яко класы[6]. И каковыми яко древеса на весну цветы процветут, таковы во старости плоды сотворят...

---

[1] Питающий их (злые навыки) источник.
[2] Позаботься и малое доброжелательно участить.
[3] Хорошую награду подготовляешь себе в нужный день.
[4] Жиром.
[5] Объясняет причину.
[6] Колосья.

Различная есть в человецех мудрость, слушателие православнии: есть мудрость скотская, или мудрование плоти, о немже апостол глаголет сице: сущие во плоти плотская мудрствуют. Сия мудрость не точию несть полезна, но душегубна, ибо по томужде апостолу, мудрование плотское смерть есть. Чего ради, занеже мудрование плотское вражда на бога, закону бо божию не покоряется. Сию стяжут мудрость раби похотей телесных, пленницы страстей плотских, сластей всяческих любителие, все жития си время во угождении плотстем изнуряющии.

Есть вторая мудрость мирская, юже наипаче стяжут сребролюбцы, и лобочестием содержимии людие, о сей святый учитель языка глаголет сице: аще кто мнится мудр быти в вас во веце сем, буй[1] да бывает, яко да премудр будет (премудростию божиею), премудрость бо мира сего есть буйство у бога. Зде знаменати годствует, и увеститися всем лепо есть[2], яко не гаждаются[3] зде художества свободная: Грамматика, Риторика, Филосо́фия и прочая, яже зело суть полезна во гражданстве и к духовной премудрости пособственна; но обсуждается[4] зде разума естественного, художеством тех хитростию изощренного, божию словеси непокорство, егда кто, на естественныя вины взирая, божию не повинуется слову, та мудрость мира сего буйство есть у бога: ибо величайшее есть заблуждения начало, еже хотети божественная, и весма ум человеческий превосходящая, мерою человеческого разума мерити. Что подобно есть, аще бы сова хотела о свете солнца, всеконечно силу зрения ее превосходящем, суд творити. Еще аще кто разума своего остроту обращает на развращение правых, на помрачение истинны, на поборение лжи, на обиду немощных, на прехищрение неискусных, на гордость и лукавство, той мудрствует мирско, и буй есть у бога. Аще же кто весь разум свой и остроту его предреченными хитростми умудренную божию словеси покоряет и правды поборник содевается, купно же смирению мудрствует, той не мирски, но божественне мудр есть: ибо египетская сокровища, на божественного создание обращает храма. Такови бяху вси учителие церковнии, между ними же Григорий святый, яко луна посреде звезд сияет: он бо от детства си, вдан быв от родители своею обыкновению хитростей предреченных[5], толико в них трудися и преуспеваше, якоже вся сверстники своя превзыти ему, яко горе холмы. Не доволен же быв учением домашним, умысли морския преплавати пучины[6] во град афинский, иже во время то мати бяше всех учений свободных... Он убо дошед Афинейских училище, прилежаше хитростем высочайшым и прежне вся соученики своя в мудрости. Стяжа паки себе сверстника премудрости и благочестия, Василия святого, с нимже не во что ино упражняшеся, точию еллины, и самыя учители си ко благочестию приводити, и мир-

---

[1] Ярый.
[2] Здесь следует отметить и удобно осведомиться всем.
[3] Не порицаются.
[4] Но здесь имеется в виду...
[5] Приучению (навыкам) вышеназванным искусствам (грамматика, риторика, философия).
[6] Задумал переплыть море.

ских учений совершенству обучатися. Сам богомудрый Григорий о себе глаголет ся: имехома глаголет два токмо пути дел и поступлений наших: един первейший и изряднейший, еже люди в церковь божию, наипаче учителие наши поганыя, приводити и истинну им Христа бога нашего показовати. Вторый худший, еже в мирских учениих добрых мыслей искусство имети. Иная глаголет всякая дела оставляхома: и прочым, о титлах[1] и достоинствах тщавшымся, или родом, или учением хвалившымся, мы токмо о имени господа нашего Иисуса благословлихом и величахомся. Тоже само, яко нас христианы именоваху, паче всяческих достоинств и титл полагахом и тем самем паче Гигеса и Мида блаженны быти вменяхомся.

Есть же и третия мудрость, духовная, яже творит душу любезну господеви и обретаема точию в духовных, по глаголу апостола Павла: сущии по духу, духовная мудрствуют; и хранящим ю живот есть, по словести тогожде: мудрование духовное живот и мир, егоже нам живота и мира желая, апостол глаголет сице: сего ради и мы не престанем о вас молящеся и просяще, да испълнитеся в разуме воли его, во всякой премудрости и разуме духовнюм. Сей же разум, или мудрость духовная, есть трегуба[2]: сердечная, устная и делная. Первая сердца мудрость во триех содержится: в покаянии о гресех прешедших, во преобиждении[3] прибытков и в желании вечных благ... Вторая уст премудрость такожде во триех содержится: во исповедании грехов, во благодарствии[4] и в назидании ближних. Делная[5] же мудрость подобне в триех содержится: во отречении воли своея, во отсечении сластей плоти, в терпении противства мира сего...

Велие же древле благоразумных о том попечение бяше, да добронскусныя своим чадом учители обрящут. Иероним блаженный, единой честней жене, именованной Лета, сице чрез свое писание о воспитании дщере совещаше: учителя избери в летех благих, жития благочестного и учения. Александр великий, вселенныя покоритель, зело радовася и приветствова себе[6], яко в то время дадеся ему жити, внегда преславнейший всех любомудрых Аристотель живяше и учаше, и ему самому наставник дадеся. Феодосий царь, попечение имея отеческое о сыну си Аркадии и Онории, написа ко Гратиану царю послание, моля его, да пошлет ему в Царьград изряднейшего некоего во благочестии и мудрости мужа, наставления ради сыну его. Гратиан же написа о том епистолию к Дамасу папе: иже посла дивне благочестивого и ученого мужа Арсениа. Не довольно быти непщева[7] царь Феодосий, еже царство множеством всяческих богатств кипяще, наследие сынома дати своима: тщася к тому благонравием и благочестием прежде обогатити я: темже вручая чада си Арсению богомудрому, рече ему: отселе ты паче отец будеши сима отрокома, нежели аз. Оле любительства добронравия! Оле доброде-

[1] Письмах.
[2] Троякая.
[3] Презрение к наживе.
[4] В высказывании благодарности.
[5] Практическая.
[6] Поздравлял себя.
[7] Царь Феодосий считал недостаточным дать своим сыновьям в наследство царство, кипящее множеством всяких богатств...

тели царского достойныя сана! Сию царственную добродетель подражающа, преподобный Ксенофонт и преподобная Мариа, не изыскавша благочестного учителя в дом свой, чада си во Вирит к таковым учителем посласта.

(Демков, Русская педагогика, Опыт пед. хрестоматии, 1898 г.)

[10] *Епифаний Славинецкий*

«ГРАЖДАНСТВО ОБЫЧАЕВ ДЕТСКИХ»

(Вторая половина XVII в.)

1) *Вопрос:* Чин наказания детского колико части имать?

Ответ: Три наипаче, первая есть еже младому уму семя благочествия христианского пояти, вторая — еже учения свободная любити и их учитися, последняя — еще о первых жизни своея начатков благолепным обычаем обучатися.

2) *Вопрос:* Что есть гражданство?

Ответ: Есть обычаев добросклонность и человекопочитательство.

3) *Вопрос:* Почему знати то гражданство обычаев?

Ответ: По уму добре умеренному.

4) *Вопрос:* Ум же умеренный откуду знати?

Ответ: От очес, от бровей, от чела вкратце рещи от лица и от всея телесе ипостаси.

О нравах на сретении[1]

126. *В.* Что творити имать детище, аще кто е на пути чести достойный срящет?

О. С пути уступити, шапку честно сняти, аще же славный человек или достоинства яковаго будут имать, тому поклонитися.

127. *В.* Приличествует ли детищу сице мысли в себе, егда с ким честным на пути сретится, к чему мне пригодится сей незнаемый?

О. Не приличествует, понеже сию честь не человеку, но богу воздаем, иже противу лицу стару востати повеле и начальником или переем сугубую честь воздаяти.

128. *В.* Егда убо и язычники, идеже он гдьствует[2], должно есть чествовати?

О. Должно есть, ибо (яко святый Павел глаголет) мы должны есмы честь творити всем, им же должна творитися: в сих словесех заключается и язычников началство, и Петр святый глаголет, яко долженствуем быти послушни не точию благим господем, но и злым.

129. *В.* Кому же долженствуем честь первую по бозе воздавати?

О. Родителем и учителем: овым, яко на свет ны породиша и ради нас многия труды и скорби подяша[3], сим же, яко мысли наша изрядшую часть человеческую с великими трудами учат и чистят.

[1] При встрече.
[2] Находится.
[3] Подняли.

130. *В.* Аще убо се есть человеколюбие, еже сверстники своя взаим честию предваряти?

О. И зело есть, понеже Павел святый пиша учит, еже честию друг друга болше себе творити, аще бо равного или меншого шапкою[1] (яко глаголют) или честю предварим сим не будем последняшни, но паче добронравши.

131. *В.* Како беседовати детище с болшими?

О. Яко с равными любезно и дружески глаголати имать, тако с болшими честно и кротко: титлу[2] достоинства им приличную часто имать усугубляти; и не имать отити от них, дондеже отпущение возмет или от них будет отпущен.

132. *В.* Пристоит ли книги или шапку под пазухою держати?

О. Не приличествует, дабы еси не носил[3] (яко Горати глаголет) связкии хартии под пазухою, яко поселянин ягняте или пияная баба клубков краденыя волны, но просто шапку в руках держати.

133. *В.* В беседовании с людми где очеса имут зрети?

О. На глаголющего с тобою имут зрети, яже имут быти приятныя и просты и от них же ничтоже гордое и нечестное да явится, такожде убо семо и овамо очесы обращати знамение есть легкомыслия, в землю же зрети есть знамение злыя совести: кривозрети есть знамение гнусающаяся некиим.

134. *В.* Каковым названием кого имать сретати, егда с кем беседует?

О. Честным, аще же невесть титли сущия люди ученыя называти будет учителей, чести достойныя люди славныя незнаемыя будет называти, егда вся себе равныя, называти имать братию и другии.

135. *В.* Кия вещи в беседовании мерзки бывают?

О. Лице разными подобии (яко некоему протеусу) изменяти, нос смарщивати, чело навесити, брови подвышати, устне выставляти, уста разевати или сжимати, главою потрясла, власами трясти, без вины кашляти, покрякивати, главу почесывати, во ушесах угабляти, нос вытирати, по лицу потиратися, тыл у главы поглаживати, рамена расширяти, главы повертанием на нечто носоизваляти, киванием главы втыл звати кого, краткоже глаголя поставою или киванием или некоим маанием с людьми глаголати.

136. *В.* В беседовании с людми кия вещи зело бесчестны суть?

О. Раменами шагати, перстами пребирати, с ноги на ногу шататися, всем телом прекланятися, речь кому пресецати первее, неже совершит ю.

137. *В.* Каков долженствует быти глас?

О. Приятный и тихи, некрикливы ниже понижен, даже бы ко ухе не дошел соглаголящему[4] тебе.

138. *В.* Каково имат быти глаголание?

---

[1] Если перед равным себе или меньшим мы первыми снимем шапку или отдадим честь.

[2] Титул, наименование.

[3] Дабы ты не носил (как говорит Гораций) связанные свитки за пазухой, как поселянин ягнят или пьяная баба клубки краденой шерсти.

[4] Не крикливый, но и не настолько тихий, чтобы он не доходил до слуха разговаривающего с тобою.

О. Нескорое, дабы разума не предваряло, но протяжено и явственно и разделно, еже природное заикивание и повторение словес направляти обычей [1].

139. *В.* Како детище (аще сего потреба случится) вещь какову, стыд или мерзость приносящую, именовати имать?

О. Ону стыдливым окружением слова [2] назначенует, сию же, прощение взем, повест.

140. *В.* Еже аще хотел бы еси в умолчании или в потаении имети, кому имаши ввырити [3]?

О. Никому: понеже смешно есть, еже надеятися от кого молчания, его же сам в себе удержати не могл еси.

141. *В.* Что же наипаче дружество соединяет и приятство хранити обыче?

О. Обучение доброты, единыя вещи хотети и не хотети, общее благоволение, нравы всех человек носити и терпети, самолюбия не имети, не возноситися вышше иных, веры и знамения дружества древнего не вредити, благодеяния всегда памятствовати, приятелю усердно служати и угождати.

О обычаех во училищи и како слушати чтения

143. *В.* Во училищи како должнствуют пребывати дети?

О. Должнствуют любити молчание и воздержание; никиим шептанием и беседами невежливыми пресецати чтения; стерещися должни, да не восприимут достойного наказания: егда будут наказуеми в должностях своих, гордо да не отвещавают и влекутся всякого возвышения и злобе словес или досады; облекутся же во остроумие охотное и податное ко учению, всегда прилежно ушесы готовыми да слушают, проповеданому им усердно да внемлют, иже им учитель повесть да не препустят мимо ушес и еже услышат, яко некое сокровище.

144. *В.* Что должен речи юноше многословному и неприлично велеглаголивому?

О. Не стыдитися ли (рече) из слоневых влагалищ меч свинцовый извлачати.

145. *В.* Что должнствуют творити дети, егда из училища отпустятся?

О. Скоро в дом да спешат; не бегом потекут, яко усмошевцы спешащии на торжище; не должнствуют воплствовати, яко оный стентор; ниже мятеж некий творити, аки неистовствующии кони, егда взыграться им; ниже паки бегати подобает, яко скоту, семо и овамо; аще что в дому повелится им творити, должни то усердно и без роптания творити и содеяти, ко учению же паки не чрез понуждение, но усердно да возвратятся.

---

[1] Как принято исправлять природное заикание и (ненужное) повторение слов.

[2] Первую обозначить стыдливым иносказанием (намеком)...

[3] Доверить, поверить.

О играции

146. *В.* Что потребно во играции честным?

О. Благая мысль и умерение, не лесть, не лежа, не упорство, еже свары раждает, но мир — всякого блага мати.

147. *В.* Чесо ради попущается играние?

О. Утешения ради и отрады смысла ученми трудженного, а не ради некоего приобретения.

148. *В.* Что украшает играние?

О. Постоянство, честное веселие, борзость, крепость смысла, чинелюбовь общая играти истинно и праведно ти, яко глаголют верно добротою и не козниею или ухищрением во игре тобе ждати.

149. *В.* Кия игры заповеданны суть?

О. Всякое костырство кости, карты, купание в воде.

150. *В.* Кая же убо упражнения суть честная и детем приличная?

О. Кубарь, мечик, кики, обучение телесе в труды, скоротечение, италийскии мечик и нравыскакание различных скакати, яко коник или саранча травная, скакати обе нозе совокупив и на едином ноге и прочая.

151. *В.* Кое же убо собственнейшее есть одоление?

О. Самого себе победити, сего ради зело вяще есть уклонитися упрямства, нежели победу взяти.

152. *В.* Где наипаче познавается естество или острота детская?

О. В играции, понеже ему же летити, ему же лгати, ему же сваритися, гневатися, насилствовати, тщеславитися, кичитися естество есть приклонно: зде вред инаврение (sic!) естественное является.

153. *В.* Кия же вещи детския естны и во игре приличны суть?

О. С никим любопретися, егда же лучится прити к свару изваляти, паче победитися, нежели венец одаления взяти, или возложитися на рассуждения людей, а что друг изобрящет, не быти противу тому никакова начинати мятежя, ниже воплыствовати[1], не крамалитися[2], никому же тщеты творити сего ради, брате, егда хощеши играти или ино что творити, помни словеса святого апостола Павла: всяка ярость и напыщение, и гнев, и вопль, и злословие да отымется от вас со всякою злобою.

154. *В.* Чим убо бывает игра утешней?

О. Егда с неумеющими играя, аще и можеши всегда побеждати, даси им времени победити тя, или, еда с хуждшим играя не пометуеши, яко честней еси онаго.

155. *В.* Кия убо игры мусикии суть приличнешия?

О. Любити мусикию, сладкопение и играние на органех всяких остроту ума обучати.

156. *В.* Подобает ли детищем играющим ставити пенязи, пера, книжицы, завязки и прочая?

О. Много сие на дети, понеже сие к татбе окно отверзает и на злая дела обыче быти подущение нравом детским.

---

[1] Плакать.

[2] Не быть коварным.

157 *В.* Аще есть благочестно, еже у родителей украсти и глаголати, яко не есть грех?

О. Зело злочестно есть, сего ради глаголет Соломон: хищай отца или матерь и мнит не грешити, сей общник есть мужеубийцам.

158. *В.* О что убо дети играти будут?

О. Погубивый по совещанию да сотвори, еже повелит ему победивый его: или храмину уметет, или на руце воды принесет, или стихи некия на памет прочтет, или по совещанию в лунянове венце походит, или ино что сицевое да сотворит.

(Б у ш, Памятники старинного русского воспитания, Петроград, 1918 г.)

ПРИВИЛЕГИЯ МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ [11]

(1682 г.)

...«Мы великий государь... тщахомся[1] врученное нам царство право правити и должности царские совершати. От них же есть первая и величайшая должность охранение восточные православные веры и тоя о расширении промышление. Та же той подобная о благочинном государства управлении и о защищении имети тщание. Знающе же убо едину оных и прочих царских должностей родительницу и всяких благ изобретательницу и совершительницу быти мудрость: ибо оною паче иных всех образов слава божия умножается, православная наша восточная вера от злокозненных еретических хитростей в целости сохраняется и расширяется; варварские народы богознанием просвещаются; правоверные же ко известнейшему познанию догматов веры достизают и очищения совести хранити научаются. Тоюжде вся царствия благочинное расположение, правосудства управления и твердое защищение и великое распространение приобретают. Сокращение же да речем: мудростию во вещах гражданских и духовных познаваем злое и доброе. Злое — да от него уклонимся; доброе же — да ему последуем. И желающе за пребывание с премудростью нам великому государю присно быти, ни о чесом же тако тщание наше сотворяем, яко же о изобретении премудрости, с нею же вся благая от бога людем дарствуются...

Того ради... благоволим в царствующем нашем и богоспасаемом граде Москве при монастыре премудрости и смысла подателя всемилостивого Спаса, иже в Китае на Песках, нарицаемом Старый, на взыскание[2] юных свободных учений мудрости и собрания общего ради от благочестивых и в писании божественном благоискусных дидаскалов, изощрения разумов, храмы чином[3] Академии устроити; и во оных хощем семена мудрости, то есть науки гражданские и духовные, наченше от грамматики, пиитики, реторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия, учащей вещей божественных и совести очищения, постановити.

---

[1] Стараемся.
[2] Исследование.
[3] Здания (учреждения, заведения) порядка (типа) Академии.

При том же и учению правосудия духовного и мирского и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии, сиречь училищ, составляется быти. И в ней всему чину академическому, иже чин напишется и нашим царским рассмотрением по совету с отцом нашим и богомольцем святейшим патриархом усудится, постановится и утвердится; и оному во всякой целости не-порушно содержатися. Блюстителю же того дела и учителем подобающее учреждение сотворити, заповедающе всем, иже требуют ума, да приидут тамо и ядят хлеб слова божия, и пиют вино рассуждения без всякого сребродаяния туне.

И того ради во вечную оного добропохвального нашего царского дела крепость и утверждение, и от всяких еретиков и ересей православные нашей восточные веры охранение, сице царским нашим словом неизменно поставляем и вечно утверждаем:

1. Ради того училища вечного утвердительства, за основание полагаем на житие блюстителю и учителем монастырь Спаса, иже во граде Китае близ Неглинских врат. На устроение же училищ по чину Академии земли подле того монастыря... и того училища блюстителю и учителем на довольное и лепотствующее[1] препитание и нужных исполнение к оному Спаса монастырю жалуем, придаем во вечное время [монастыри, волости, пустоши]...

2. [Право принимать пожертвования и владеть ими].

3. Во училище же нашем быти установляем блюстителю и учителем, благочестивым и от благочестивых родителей рожденным и воспитанным во православной христианской восточной вере российского и греческого народа...

4. [О верной службе блюстителя и учителей].

5. Сему училищу быти общему и всякого чина, сана и возраста людем, точию[2] православные христианские веры, приходящим ради научения, без всякого зазора свободному, в нем всякие от церкви благословенные благочестивые науки да будут. А от церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учити и учителей таковых не имети. Аще же таковые учители где обрящутся, и оны со учениками, яко чароден, без всякого милосердия да сожгутся.

6. Указ наш царский непорушно полагаем, еже бы ни единому кому зде в царствующем граде Москве и в прочих нашея державы градех, разве[3] сего от нас учиненного училища, в своих домех греческому, польскому и латинскому и прочим странным[4] языкам без ведомости и позволения училищ блюстителя и учителей домовых учителей не держати и детей своих не учити, точию в сем едином общем училище да учатся, во еже бы от разных домовых учителей, паче же от иностранных и иноверных, противности каковой либо вере нашей православной не внестися и не быти разногласию...

7. [Об освобождении учащихся от общей подсудности по делам, кроме убийств].

---

[1] Благоприличное, привлекательное.
[2] Только, исключительно.
[3] Кроме, за исключением.
[4] Иностранным, чужим.

8. [О внутриакадемическом суде].

9. [О наградах за хорошую службу учителей и о порядке перехода их на другую государственную службу].

10. Аще же которые люботрудние[1] отроцы сего предрагого сокровища, то есть мудрости, по грамматической хитрости и прочих наук свободных, аки из недр земли злата, из различных диалектов писаний, наипаче же Славенского, Еллино-Греческого, Польского и Латинского, потщатся изыскивати прилежно; и оным за их в науках тщание, за свидетельством училищ блюстителя и учителей, от нас, великого государя, имать быти достойное мздовоздаяние. А по совершении свободных учений имуть быти милостивно пожалованы в приличные чины их разуму, и наше царское особое воспримут, яко мудрые, щедрое милосердие. А не научащихся свободным учениям, всяких чинов людей, детей их, разве благородных, в наши государские чины, в стольники, в стряпчие и в прочие, в ня же от нас великого государя жалуются благородные ни за какие дела, кроме учения и явственных на войнах и в иных государственных, нашия государские части ко умножению и государства к расширению соделаний, не допущати.

11. Иже имут, из разных стран, в наше царствие, разных вер и ересей ученые свободных наук люди приезжати ради каких-нибудь вин и восхощут в нашем царствии жити: и оных в вере разсмотрения силу даем блюстителю училищ от нас устроенных, и учителем, и свидетельство от них даяти; и кто по их свидетельству каковыя за своя науки чести, или жалования, или достоинства годен, и тем по их свидетельству совершати, а о них же они судят, яко не суть годны в нашем царствии, ради в вере нашей развращения быти, и оных абие из нашего царствия, яко негодных здешняго пребывания, из царствующего града выслати за пределы нашего царствия. А без свидетельства училищ блюстителя и учителей иностранным ученым людям, в наше царствие приходящим, в их учениях словесных и письменных, яже имут быти восточной нашей православной вере и церковным преданиям противны, никому им во оном не верити, и им не согласовати, и до нашея царския милости и жалования таковых не допущати. И нашего царского величества державы всяких чинов духовным и мирским людем никому таковых у себе в домех не держати и их никаковым образом не защищати, дабы вси знали наше царское в православной вере крепкое и, за сохранением божиим, никоим либо образом зыблемое пребывание и тоя, яко зеницы ока, хранение.

12. Блюстителю того училища и учителем при достойной их и подобающей чести[2] даем нашим царским повелением силу, еже бы им крепце наблюдати, дабы от противно святыя нашея православныя веры мудрствующих, всякого чина людей, каковыя в вере противности и распри и раздоры не являлися; аще же явятся, и оных блюстителю нам великому государю изъявляти[3] и их веры и святых

[1] Любящие труд.

[2] Сверх данных им почестей даем право крепко смотреть, чтобы...

[3] Сообщать, доносить, выявлять.

отец древняго церковнаго предания противности предлагати[1], нам же с советом святейшего патриарха таковым противником, или в противстве веры и церковных преданиях подозренным со блюстителем училищ и учительми в вере и церковных преданиях состязания весьма не давати[2]. И нетако божественная и святых отец наших писания толкующих, якоже толкует истинны и всякия веры достойный толковщик, святая наша восточная соборная и апостольская церковь, словес их и разсуждений никако же приимати и никому того никоим образом ни яве, ни тай творити[3], не допущати, ведяще, яко сумняйся в вере, не имать спастися.

Творящим убо или глаголющим православной нашей восточной вере и церковным преданиям противная, нашего царствия всякого чина иностранным и иноверным людем зде живущим, за достоверным свидетельством блюстителя училищ и учителей, дая им во оном веру, нашим царским повелением запрещати и смиряти, и достойным градским судом таковых, яко хулителей нашея восточныя святыя веры и церковных преданий целость терзателей, без всякого помилования судити; во еже бы всякому ведя наше царское крепкое в православной нашей вере и в преданиях церковных утверждение и о защищении тоя присное, усердное, крепкое промышление, никто же когда коимлибо образом восхоте оной делом и словом противен быти и укоризну каковую той приносити.

13. Из разных вер и ересей к нашей православной восточной вере приходящих и ону приемлющих, всех вписати в книги и отдати блюстителю училищ со учительми, дабы они их в хранении нашея православныя веры и церковных преданий наблюдали, и кто из них како житие свое в ней препровождает, и крепко ли и цело ону и церковная предания содержит, известие имели. Аще же кто из новопросвещенных не цело храняй православную нашу веру и церковныя предания явится, и такового в дальные наши грады, на Терек и в Сибирь ссылати. Аще же кто явится в державнии своея прежния веры или ереси, из нея же пришел есть к православной вере, а нашея веры в хулении, и таковый да сожжется без всякого милосердия.

14. И о сем им блюстителю со учительми тщатися крепце, еже бы всякого чина духовным и мирским людем волшебных и чародейных и гадательных, и всяких от церкви возбраняемых богохульных и богоненавистных книг и писаний у себя никому весьма не держати, и по оным не действовати, и иных тому не учити. А у них же таковыя книги, или писания ныне суть, и оным таковыя книги и писания сожигати, и никаких бы волхвований и чародеяний и гаданий впередь не держати. Такожде и неученым людем свободных учений никому польских, и латинских, и немецких, и лютерских, и калвинских, и прочих еретических книг у себе в домех не держати и их, за неимением довольнаго разсуждения и ради в вере нашей усомнения, не читати, и нигде никому из оных еретических книг и их восточной

[1] Противное (противоречащее) вере и преданиям присылать.
[2] Очень многих прений (дискуссий) не позволять.
[3] И никому того никак (толкований и рассуждений) ни явно, ни тайно...

нашей православной вере и церковным преданиям противных толкований состязаний не имети и подлогов не подлагати; зане обычай есть прелестником[1], яко они, таковые подлоги подлагая, глаголют, еже они то творят не ради в вере и церковных преданиях усумнения, но чином наукотворного состязания[2]. И таковыя книги еретические сожигати или к блюстителю училищ и учителем приносити. Аще же кто сему нашему царскому повелению явится противен и отныне начнет кто от духовных и мирских всякого чина людей волшебныя и чародейныя и гадательныя и всякия, от церкви возбраняемыя, богохульныя и богоненавистныя книги и писания у себе коим ни буди образом держати, и по оным действовати, и иных тому учити, или и без писания таковыя богоненавистная делеса творити, или таковыми злыми делами хвалитися, яко мощен он таковая творити; и таковый человек за достоверным свидетельством без всякого милосердия да сожжется. Аще же кто свободных учений неискусный имать польские, и латинские, и немецкие, лютерские, и калвинские, и иные еретические книги в доме своем имети, и их читати, и из них состязание имети, и подлоги на усумнения нашея восточныя веры и церковных преданий подлагати; и таковых предаяти казни, смотря по их вине, нещадно.

15. Аще кто от чуждоземцов и русских людей при пиршестве, или во ином каковом ни буди месте, при достодолжных свидетелех, православную нашу христианскую веру или церковная предания хулити и укорительная каковая словеса о ней глаголати имать, и таковаго на суд во оном деле отдавати блюстителю училищ со учительми. И аще кто в хулительстве нашея веры, или церковных преданий во укорительных словесах по суду явится, или во отрицании призывания святых в помощь, и святых икон поклонения и мощей святых почитания обличится, и таковый без всякого милосердия сожжен да будет.

16. Иже в наше православное царствие из иных стран приходят люди восточныя веры, и аще кто из оных, ради какового ни буди случая, оставя православную веру, и примет веру римскую, или лютерскую, и калвинскую, или инуюкакую ересь, или кто из них будет в римския веры, а, в наше царствие пришед, примет лютерскую, или калвинскую, или инуюкакую ересь, и таковый, аще истинно во оном деле обличится, иже был нашея восточныя православныя веры, и той да сожжется; а иже был римския веры, и той да накажется градским судом, и в ссылку да сошлется.

17. Государственную нашу вивлиофику в сохранение предаем блюстителю училищ со учительми, и оной нашей вивлиофики при том нашем училище вечно быти утверждаем.

18. Строение же того училища достойным образом Академии нашею царскою казною да строится; и того хранение и о целости его промышление наше царского величества ныне и впредь текущая времена да будет...

---

[1] Обольстителей, соблазнителей.
[2] В порядке научного спора.

Аще же кто по нас великом государе явится, не бояйся бога и церкви божией, и православному нашему царствию добра не желаяй, учений ненавистник, завистник или пакостник, и яве или тай[1] сему делу божию препинаяй[2], и от нас великого государя се наше утвержденное постановление в чем нарушаяй, или противность сему привилегию каковую привносяй, и таковому сама всемогущая десница божия, премудрость, местница[3] в сем и в будущем веце да будет, и гнев господень да поженет[4] и во вся дни живота его, дондеже рассыпатися костем его при аде...

(«Древняя российская вивлиофика», изд. Новикова, т. VI.)

---

[1] Тайно.
[2] Препятствующий.
[3] Мстительница.
[4] Преследует.

ПРИМЕЧАНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ К ПЕРВОМУ РАЗДЕЛУ

[1] Летописи — основной источник исторических сведений о древней Киевской Руси. Среди многочисленных летописных списков, дошедших до позднейших времен, списков, современных событиям X—XIII вв., не сохранилось. Наиболее старыми из сохранившихся являются списки: Лаврентьевский, возникновение которого относят к 1377 г., Ипатьевский — XIV—XV вв. и Новгородские — XV в. В этих-то списках мы и находим позаимствованные из несохранившихся древних, но при позаимствовании сильно измененные известия о Киевской Руси X—XIII вв. Историко-критическое изучение летописей в исторической науке России началось с середины XVIII в. и вызвало в среде историков (как этого, так и последующего века) двоякое отношение к ним.

Одни, как, например, Татищев, Карамзин, Погодин, Бутков и др., относились к летописным известиям с большим доверием и заимствованные оттуда фактические данные считали возможным выдавать за подлинную историю. Другие, как, например, Шлецер и Каченовский, сомневались в достоверности летописных сказаний и, в частности, для «грубых и необразованных» современников X—XIII вв. отрицали даже самую возможность составления такой обширной летописи, как приписываемая монаху Нестору «Повесть временных лет».

Эти продолжительные и упорные разногласия коснулись также и летописных известий о древнерусском просвещении. Часть исследователей, заинтересовавшихся данными известиями (например Лавровский, Миропольский), отнеслась к летописному тексту не только с полным доверием, но и постаралась дать ему тенденциозное расширительное истолкование. «В достоверности известия (Лаврентьевской летописи под 988 годом) нет никакого основания сомневаться», — писал Н. Лавровский в своей диссертации «О древнерусских училищах» в 1854 г. и, обращаясь к самому тексту известий, заявлял: «Из приведенных выше слов летописи Нестора ясно видно, в каком объеме должно понимать распоряжение Владимира касательно заведения училищ: из них ясно видно, что оно имело силу не для одного только Киева, а в равной мере и для других городов тогдашней Руси... Эти училища, по всей вероятности, устроены были по образцу Византийских. Только такие училища при постоянном наблюдении над ними князей и духовенства могли установить на прочных основаниях народное образование, содействовать возможно быстрому его распространению и обеспечить собою постоянно полный состав духовенства». Еще дальше в принятии и тенденциозном истолковании краткого летописного текста пошел С. Миропольский («Школа и государство», 1910 г.), утверждавший, что важнейшими чертами «учения книжного», установленного Владимиром, явились: а) религиозно-воспитательный характер народного образования, б) всесословность и в) всеобщность распространения грамотности, которая составляет «замечательный результат этой первой попытки обязательного просвещения в России».

Значительно иную картину древнекиевского просвещения вскрывают перед нами историки, критически использующие летопись. Отказываясь от какой-либо опоры на позднейшие, явно измышленные летописные известия в Киевской Руси (например на известие о педагогической деятельности киевского митрополита Михаила), эти историки достаточно обоснованно ограничивают и смысл тех старинных известий, к числу которых должны быть отнесены известия 988 и 1028 гг. «В письменных памятниках домонгольского периода, — говорит, например, Голубинский («История русской церкви»), — нет ни одного прямого упоминания о правитель-

ственных школах. Если бы они существовали, то были бы открываемы и новые, и об открытии хотя бы одной-двух из них было бы записано в летописях; но таких записей мы не встречаем». Таким образом, легенда об «обязательном государственном обучении» в Киевской Руси падает, и летописные известия об училищах получают смысл лишь как известия об обучении, организуемом церковью. Было ли последнее организовано только для поповских детей, в целях приготовления их к должностям церковников, или это обучение преследовало также более широкие цели общего просвещения детей знати, приняло ли оно характер сколько-нибудь организованных училищ или было простым обучением грамоте при церкви — об этом достаточных данных не имеется.

[2] Владимир Всеволодович, по прозванию Мономах (1053—1125), сначала князь Смоленский и Черниговский, с 1111 г. — великий князь Киевский. Стремился объединить под своей властью враждовавших мелких князей для общего военного действия против половцев и на запад. Достигнутые в этом отношении успехи создали Мономаху положение почти единодержца и окружили его имя различными легендами, связывавшими происхождение его власти с родством и пожалованиями византийских императоров (отчего венец позднейших московских царей получил название «шапки Мономаха»).

«Поучение князя Владимира Мономаха детям» находится в Лаврентьевском списке летописи под 1096 г. Обстоятельства его написания не вполне ясны. «Седя на санех» одни исследователи толкуют как указание на то, что свое поучение Владимир писал в дороге, чему действительно соответствует дата Любечского съезда князей — 1097 г. и потребность у Владимира подготовить некоторые меры «идеологического воздействия» для князей, приглашаемых им к объединению. Но другие исследователи, опираясь на то, что поучение носит характер обычного в те времена «завещания», связывают его с приготовлениями Владимира к смерти и толкуют слова «седя на санех» как выражение обычая класть умирающего человека в сани «для отправления в длинную дорогу». Со стороны содержания поучение не вполне оригинально и имеет очевидную связь с рядом появившихся ранее на Руси «поучений» (Ярослава и др.), но оно в ряду подобных документов является несомненно наиболее полным и ярким выражением идеологических тенденций правящего слоя Руси X—XIII вв. Внимательный филологический анализ поучения позволяет различить в нем до семи частей, появившихся, повидимому, в разное время и по различным обстоятельствам. Среди этих частей к «поучению» в узком и точном смысле этого слова должно быть отнесено только то, что следует со слов «сии словца прочитаючи, дети моя, божественная похвалите бога, давшего нам милость свою и се от худого моего безумья наказанье».

[3] Архиепископ Геннадий был одним из первых ставленников Москвы в Новгороде и управлял Новгородской епархией в период с 1484 по 1504 г. При осуществлении московской политики столкнулся с местной идеологической оппозицией, так называемой «ересью жидовствующих», опиравшейся в своих основах на некоторые рационалистические течения Запада. Попытка Геннадия бороться с «еретиками» идеологическими средствами церкви оказалась безуспешной, так как в результате отрыва Руси от Византии и длительной изоляции от сношения с Западом (после татарского завоевания), русское православное духовенство утратило свою образованность и ничем почти не возвышалось над безграмотной массой «мирян». Этим обстоятельством и вызваны были заботы Геннадия об учреждении училищ, в первую очередь для духовенства. В связи с этим написано было и данное послание. Не надеясь, однако, одолеть своих противников при помощи образовательных средств, Геннадий потребовал соборного суда над еретиками, «чтобы их казнити, жечи и вешати», ибо «люди у нас простые не умеют по обычным книгам говорить». И когда собор состоялся, Геннадий по примеру «шпанского» короля «сатанино воинство» еретиков предал настоящему ауто-да-фе.

[4] Под именем Стоглавого известен состоявшийся в Москве в 1551 г. собор «во исправление церковного благочиния, государственного управления

и всякого земского строения». Созванный Иваном Грозным, собор заключил собою длинную цепь мероприятий московского правительства по правовому оформлению молодого Московского государства и систематизации относящихся сюда «основ» и «начал». Основной задачей собора явилось «соборне уложить и утвердить обиход жизни по правилам св. апостол и св. отец и по прежним законам праотеческим». Постановления собора, собранные в одну книгу, впоследствии разделены были на 100 глав, что закрепило соответствующее название как за книгой, так и за самим собором. Собор признал необходимость образования духовенства и мирян и поставил вопрос о восстановлении прежде бывших на Руси училищ. Собор закреплял «древлее российское благочестие», «воссиявшее» когда-то в Киевской Руси, но с тех пор настолько отошедшее от своего греческого оригинала, что при соприкосновении с ним в нем не узнавали «своей веры» даже сами греки. Естественно, что быть орудием дальнейшего укрепления и развития Московского государства такая идеологическая система не могла. Церковно-реформаторские мероприятия в середине XVII в. свели на-нет юридическое значение постановлений «Стоглава». Тем не менее след, оставленный им в практике и теории воспитания, замечается в пределах не только XVI и XVII вв., но и в более позднее время.

[5] Данные о школах мастеров грамоты XV—XVII вв. интересны не только тем, что на фоне отсутствия в Московском государстве регламентированной школьной сети они воспроизводят основное учреждение этого времени по обучению грамоте; любопытные картины работы «мастеров» грамоты почти полностью могут быть отнесены и к тем школам грамоты России XIX в., художественное описание которых дал Л. Толстой в статье «О свободном возникновении и развитии школ в народе». Осудив эту форму школы с дидактической стороны, Толстой не обошел ее, однако, при разработке своего организационного плана нар. образования в 1874 г. Школа грамоты, как средство к разрешению задач народного образования, в конце XIX в. выступает также у реакционера Рачинского и у народников 90-х гг. (Пругавин и др.).

[6] «Домострой» — памятник старинного русского быта, сложившегося еще к началу XVI столетия. До нас дошли две редакции этого памятника: более ранняя и полная — новгородская и более поздняя и сокращенная — московская. По приложению к последней «Посланию и наказанию от отца (Сильвестра) к сыну (Анфиму)», авторство «Домостроя» исследователями было приписано московскому благовещенскому протопопу Сильвестру, известному советнику Ивана Грозного в его молодые годы. Ошибочность этого мнения можно считать доказанной, и Сильвестру помимо написания «послания» должна быть приписана лишь работа по сокращению полной новгородской редакции и приспособлению текста к московским обычаям. Как и «Поучение Мономаха», «Домострой» воспроизводит перед нами идеологию светской части правящего класса России того времени. Проникнутый началами христианско-церковной идеологии (в его «древлерусской» систематизированной «Стоглавом» форме), памятник в целом ряде мест отходит, однако, от принципа христианской аскетики, в качестве критерия оценок берет «мирское», т. е. земное благополучие и приковывает мысль читателя именно к проблеме организации хозяйства и домашнего быта зажиточной семьи, а не к «спасению души». Однако в узких пределах дома «Домострой», при наличии догматической опоры на один лишь обычай стародавней старины, устанавливает ту же мрачную обстановку суеверия и застоя, какую в общегосударственном масштабе установил «Стоглав». Между этими двумя памятниками и связанной с ними практикой воспитания налицо полное единство, чем обусловлена также и общая их судьба: потеря юридического значения с середины XVII в. и сохранение в быту отсталых слоев населения вплоть до XIX в. Со стороны содержания «Домострой» делится на 27 глав, и их последовательность воспроизводит перед нами ту фактическую цепь воспитательных влияний, которая в интересах господствующего класса должна была сковать в известное идеологическое единство все разносословное население Московского царства. Эта цепь отправляется от церкви и ее авторитетов (гл. XIV «Како чтити детям отцов своих духовных и повиноватися им»), через домохозяина-отца семейства она нисходит к его детям (гл. XV, XVI, XVII),

к жене (гл. XXIX) и замыкается дворовыми людьми (гл. XXII, XXXV). Ряд тем, затронутых в «Домострое», например вопрос о воспитании «вежества», найдет себе выражение и в педагогической литературе XVIII в. («Юности честное зерцало» и «Книга о должностях человека и гражданина»).

[7] После утраты политической самостоятельности Киевской Руси (XIII в.) западные княжества, входившие в ее состав (Галицкое, Волынское, Северское, Полоцкое и др.), стали испытывать на себе сильное военное давление со стороны Литвы и после непродолжительного периода зависимости от нее вместе с последней оказались включенными в состав объединенного Польско-Литовского государства (конец XIV в.). Развитое сословно-феодальное устройство Польши начало довольно быстро передаваться и украинско-белорусскому населению названных западных княжеств. Землевладельческие верхи этого населения получили привилегии польской крепостнической шляхты и поспешили перенять от нее также и ту образованность, последним источником которой был католический Рим. Низы сельского населения, напротив, стали перед перспективой крепостного закабаления, подчиниться которому без борьбы они не могли. Политической опорой этого все более и более расширяющегося протеста в XVI столетии стала военно-казацкая организация, выросшая на южной границе государства среди незаселенных просторов Запорожской степи, а его идеологической опорой — восточно-христианское православие, распространенное среди населения еще со времен Владимира и Ярослава.

К началу XVII в. политическая и сопутствующая ей идеологическая борьба на территории украинских и белорусских областей была уже в полном разгаре. Наступлению католической церкви и примкнувшей к ней образованной униатской верхушки украинско-белорусского духовенства обороняющаяся сторона противопоставила некоторое количество своих, бесспорно энергичных, но отсталых по образованию апологетов «православно-национальной» самобытности. «Унния (по-славянски юная) действительно на вид красна и чудна, разумом хитра и мудра, — заявлял один из видных представителей этой оппозиции в начале XVII в., бывший афонский монах Иоанн Вышенский, — но эта юная вера есть ложная и непостоянная, от человеческого мудрствования вымышленная; старая православная вера, напротив, хотя на вид и некрасива и противна, разумом глупа и нехитра, обычаем проста, ветха и неубрана, но зато это — коренная, неподвижная, прочная вера, от Христа-фундатора основанная». Отдавая в деле происходящей борьбы известное значение школе и завидуя успехам в этом деле своих противников, ревнители православной старины не знали, однако, средств, при помощи которых эту школу надлежащим образом можно было бы организовать. В полемике с католическими учеными Вышенский восклицал: «Не лучше ли тебе изучить часослов, псалтырь, октоих, апостол и евангелие с прочими нужными для церкви и быть простым богоугодником и жизнь вечную получить, чем постигнуть Аристотеля и Платона и философом мудрым в сей жизни зваться и в геенну отойти». Но сила растущего оппозиционного движения сказалась в том, что оно не остановилось на этих взглядах Вышенского. По мере политических успехов движения к нему стали примыкать как городская буржуазия, так и отдельные представители духовенства, ранее склонявшегося к унии. Присоединяясь к движению, представители этих слоев начали передавать последнему те моменты своей образованности, корни которых уходили в западную, «латинскую» культуру. «Первая причина, почему нашему народу потребна латинская наука, — доказывал один из проводников нового идеологического курса (А. Коссов), — та, чтобы нашей Руси не называли глупой Русью. А то поедет бедняга русин на трибунал, на сейм, на сеймик, в городской или земский суд, смотришь — без вины виноват: ни судьи, ни стряпчего, ни ума, ни посла, глядит только то на того, то на другого, вытаращив глаза, как ворона».

Устав Луцкой братской школы 1624 г. прекрасно обрисовывает нам то, на какую новую основу поставлена была этим идеологическим поворотом украинско-белорусская школа. А перевод из Галиции типографии в Киев и образование здесь нового училища создают для движения и самостоятельный ученый центр, с успехом противостоящий наступающему католи-

честву. Центральной фигурой киевского ученого учреждения с 1627—1632 гг. стал Петр Могила. Его первоначальные симпатии к униатству очевидны, и мотивы основания в Киево-печерском монастыре новой латинской школы при наличии в Киеве ранее основанной братской несколько туманны. Но подозрения городских властей и начавшееся против нее движение быстро заставили Могилу выявить свое лицо. Признав, что для обособленного существования в Киеве двух разных школ оснований нет, он пошел на объединение этих школ, установил в них режим иезуитских коллегий, обеспечил их сведущими учителями и после своего назначения митрополитом сообщил академии положение авторитетного представителя схоластической учености не только на Украине и Белоруссии, но, начиная с 40-х годов XVII в., и в пределах Московского государства.

[8] Термином «Азбуковник» в древнерусской письменности обозначались сборники статей по различным отраслям знания, расположенных в алфавитном порядке. В основе «Азбуковника» лежит не азбука и задача ее изучения, а алфавит слов непонятных и требующих разъяснения. Таким образом, в своем первоначальном виде «Азбуковник» это — словарь иностранных слов и вообще «неудобь разумеваемых речей», встречающихся книжному человеку в священном писании и проповедях. Но с течением времени простое объяснение слов в «Азбуковнике» заменяется изложением понятий, и таким образом словарь приобретает форму энциклопедии, которая становится тем более систематичной, чем более отвлеченный материал она берется изложить своему читателю. При таком построении «Азбуковника» алфавит уже теряет свое значение и сохраняется в нем лишь по традиции, играя главным образом роль нумерации глав. Появление «Азбуковников» на Руси должно быть отнесено к очень давним временам. Древнейший из них (новгородский) датируется 1282 г. Особенно много «Азбуковников» появляется со второй половины XVI в. «Азбуковник», описываемый Д. Мордовцевым, должен быть отнесен ко второй половине XVII в. и имеет характер уже вполне сложившейся системы, в пределах которой находит себе место не только изложение семи «свободных искусств», но и сведения по элементарной грамоте. Лучшего учебного изложения средневековой учености русские «Азбуковники», повидимому, не дали. В своем дальнейшем развитии они усиливают внимание к естественно-научным вопросам, используют данные новой западноевропейской науки и, таким образом, значительно отходят от схоластики. Некоторые отдаленные следы формы «Азбуковника» в XVIII в. носят еще петровские и екатерининские учебные книги.

[9] Симеон Петровский Ситианович — родом из Белоруссии (1629—1680), прозван был в Москве по месту своего рождения (г. Полоцк) Полоцким. Получив образование в Киево-могилянской академии, вернулся на родину и занялся там преподаванием, в связи с чем хорошо познакомился с постановкой обучения в польских католических коллегиях, распространенных тогда в литовско-белорусских областях. Во время длительных русско-польских войн выявил себя определенным сторонником русской ориентации, в связи с этим в 1656 г. познакомился с царем Алексеем Михайловичем, в 1664 г. переселился в Москву и в 1667 г. был назначен воспитателем царских детей. Обучая старших царских детей латинскому языку, пиитике, риторике и богословию, Симеон наблюдал также и за элементарным обучением младших (Софья, Петр). Особой ученостью в глазах современников Симеон не блистал. Но влиятельное положение при дворе и его роль проводника западного просвещения в кругу, который в это время, несомненно, уже подготовлял «петровские преобразования», облегчали Симеону Полоцкому высказывание таких идеологических тенденций, которые не могли исходить от лица, находившегося под контролем церкви. Около Симеона создается круг сторонников киевского течения, пытающегося опереться в защите греко-славянского православия на так или иначе приспособленную для этого схоластическую ученость католического Запада. Правда, за свои «латинские» тенденции Симеон на специально организованном для этого диспуте был «обличен» со стороны Епифания Славинецкого, но это нисколько не отразилось на его судьбе и даже не испортило его личных хороших отношений с самим «обличителем». Сторонников своих взглядов Симеон получил из

учрежденной им для обучения молодых людей Приказа тайных дел Заиконоспасской школы. К концу жизни Симеона из этого круга вышел проект учреждения в Москве (по образцу Киева) новой Академии как проводника схоластической учености в целях защиты религии от новейших течений «неверия». Через Сильвестра Медведева проект был представлен в 1682 г. Софье на утверждение. Характером деятельности Симеона Полоцкого определяется и содержание составленных им педагогических книг. В ряду их на первое место должна быть поставлена его «Книжица вопросом и ответом, иже в юности сущим зело потребны суть», выясняющая значение семи «свободных искусств» и устанавливающая большую роль науки в человеческой жизни («обаче грамотою собирается ум памяти ради»). Для знакомства с педагогическими взглядами Симеона, однако, не менее интересны и два других сборника, изданные под заглавием «Обед душевный» и «Вечеря душевная», где он касается следующих вопросов: 1) значение детства и важность воспитания, 2) основные средства и приемы воспитания, 3) план воспитания при развертывании его во времени, 4) содержание образования и 5) об учителе и приемах его воспитательной работы. Непосредственные западноевропейские источники теоретических воззрений Симеона по вопросам воспитания пока не определены.

[10] Епифаний Славинецкий — монах, родом из Украины. По окончании Киево-могилянской академии для завершения своего образования ездил за границу и, вернувшись оттуда, преподавал в Киево-братском училище. В 1649 г. по приглашению боярина Ртищева вместе с другими учеными монахами прибыл в Москву; по распоряжению патриарха Никона ему было поручено исправление церковных книг. Умер в Москве в 1676 г. У современников пользовался славой ученейшего человека. «Аще кто ин (есть ли кто другой) таков во времени сем, — спрашивает автор одной старинной записки, — не токмо грамматики и риторики, но и философии и самые филологии известный был испытатель и искусснейший рассудитель и опасный претолковник еллинского, славянского и польского диалектов». Не меньшим авторитетом Епифаний пользовался и по части «благочестия», т. е. ортодоксальности своих религиозных взглядов. Получив от Никона назначение «обязательного проповедника», Епифаний в качестве образца православно-христианского красноречия оставил до 50 «слов» и поучений, в которых догматы греко-русской церкви обосновываются философскими рассуждениями. Из этих рассуждений можно видеть, что Епифаний, помимо обычной для того времени схоластической мудрости, знал Плутарха, Плиния, Демокрита, Гомера, Аристотеля, т. е. так же, как и его отдаленный предшественник — Максим Грек, пользовался плодами западноевропейского Возрождения. Отдавая свое время почти исключительно книжной работе, он перевел и вновь составил много книг юридических, географических, медицинских. Епифаний, связанный с патриаршей Чудовой школой, уделил некоторое внимание и педагогике. Плодом этого явилась не вполне оригинальная, но безусловно новая и полезная для господствующего класса книга «Гражданство обычаев детских». Книга эта давно уже привлекала к себе внимание историков (например Ключевского). И она вполне заслуживает этого, как прототип петровской «Юности честное зерцало»: более чем за 50 лет до появления знаменитого документа, Епифаний Славинецкий в своей книге охватил почти весь круг вопросов светского воспитания. Текст этого документа впервые был опубликован лишь в 1918 г. (Бушем — в его «Памятниках старинного русского воспитания»). Книга начинается стихотворением, приглашающим отрока к воспитанию, и в дальнейшем, в форме вопросов и ответов, трактует: 1) о внешности ребенка (лицо, нос, щеки, рот, глаза, волосы, ноги), 2) об одежде, 3) о поведении в церкви, 4) о поведении во время обеда, 5) о поведении при встречах, 6) о поведении в училище, 7) об играх, 8) о сне и спальне. Появление и работа Епифания в Москве были показателем больших сдвигов в застоявшейся идеологической атмосфере Московского государства, показателем устанавливающихся связей России с западным просвещением и стремления правящего слоя опереться в своей воспитательной работе на культурные приобретения передовых стран. Связанность Епифания догматами ортодоксального православия не позволила ему, однако, при всей

его учености, стать главным проводником западного просвещения в Москве второй половины XVII в.

[11] Московская эллино-греческая (позднее — славяно-греко-латинская) академия возникла по инициативе «ревнителей» западного латино-схоластического просвещения, группировавшихся вокруг Симеона Полоцкого. Личное участие Симеона Полоцкого в составлении «Привилегии» оспаривается, но факт вручения ее правительнице Софье ближайшим учеником Симеона бесспорен. Наряду с этим надо отметить, что в промежуток времени между составлением «Привилегии» и моментом самого открытия Академии (1687 г.) в дело вмешалась церковная партия сторонников греческого просвещения во главе с патриархом Иоакимом, и внесенные ею поправки настолько существенно изменили характер вновь открываемого учреждения, что из опоры латинского просвещения оно фактически превращалось в оплот греческой церковной учености, что оказалось выраженным и в самом названии Академии «эллино-греческая». Для руководства Академией от Константинопольского патриарха были приглашены ученые греки, братья Лихуды, лично начавшие преподавание «свободных искусств» и занявшиеся составлением необходимых для этого учебников. Вынужденные опереться на латинскую схоластику, но приспособляя ее к нуждам греко-русской церкви, Лихуды под высоким покровительством восточных и Московского патриархов должны были сделать Академию ученым центром обороны и наступления Восточной церкви против всех ее врагов. В арсенале этой борьбы имелись все средства вплоть до... костра. «На помощь церкви была призвана наука, — писал С. М. Соловьев, — устроили в Москве школу, Академию, обязанностью которой было защищать православие; начальник (блюститель) и учителя должны были смотреть, чтобы ни у кого не было запрещенных книг; если кто-нибудь будет обвинен в хуле на православную веру, то отдается на суд блюстителям и учителям, и если они признают обвинение справедливым, то преступник подвергается сожжению. Таким образом, Академия уполномачивалась следить за движением врагов православия и бить врасплох при первой опасности; это была цитадель, которую хотели устроить для православной церкви при необходимом столкновении ее с иностранным Западом; это не училище только, это — страшный трибунал; произнесут блюстители и учителя слова: «Виновен в неправославии» — и костер запылает для преступника (соч., доп. том, стр. 1003). Но запоздавшему своим появлением на свет учреждению средневековой идеологии история уже не давала времени для развития и проявлений. В 1694 г. за излишние латинские симпатии отстранены были со своего поста Лихуды, получившие от своего константинопольского патрона звание «иуд-предателей православия» и фактически оставшиеся в Академии никем не замещенными. В 1701 г. Академия получает, наконец, от Петра I указ завести «учения латинския» и под руководством его ставленника — Стефана Яворского — включается в работу по преобразованию государства.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

РАЗВИТИЕ ДВОРЯНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ XVIII в.

ВВЕДЕНИЕ

XVIII век считается веком развития дворянской культуры в России. Мы знаем, на какой материальной основе создан был этот культурный подъем господствующего сословия и ценою каких лишений закрепощенного крестьянства создавались громоздкие просветительные учреждения того времени. Но за этими учреждениями нельзя отрицать и некоторой положительной роли, которую они сыграли в культурном развитии страны, став проводниками западноевропейского просвещения в различных сферах меняющейся русской жизни.

Учебно-воспитательные заведения заняли видное место среди учреждений просвещения XVIII в., и путь, пройденный ими от реформ Петра I до политики Екатерины II, представляет немалый интерес.

Припомним образовательную схему, наметившуюся в передовых «западнических» кругах еще в конце XVII в. В центре этой схемы стояли «художества» (ремесла, искусства, специально-практические знания), но завершающим и систематизирующим образование моментом оставалась попрежнему «мудрость, еже како богу жити». Схема эта, как мы знаем, не была реализована в допетровском образовании. Однако, ее соответствие хозяйственным и культурным потребностям и той практике технических заимствований, которая имела место уже в середине XVII в., обусловило ее конечный успех в столкновении с церковной реакцией. «Понадобились пушки, ружья, машины, корабли, мастерства, — говорил о Московском государстве XVII в. В. О. Ключевский. — В Москве решили, что все эти предметы безопасны для душевного спасения. Зато в заветной области чувств, понятий, верований решено было не уступать иноземному влиянию ни одной пяди» (Курс русской истории, III, 339).

После кризиса, испытанного церковью за последние два десятилетия XVII в., пришлось, конечно, уступить кое-что и из «заветной» сферы. Тем не менее образовательная схема, намеченная Симеоном Полоцким, сохранила свое значение. «Надо припомнить, — читаем у того же историка, — зачем посылал Петр десятки русской молодежи за границу и каких иноземцев выписывал он из-за границы. Посланные обучались математике, естествознанию, кораблестроению, мореплаванию; выписывали офицеров, кораблестроителей, мореходов, фабричных и других мастеров, горных инженеров, а потом правоведов и камералистов, знающих науку управления, особенно финансового. С помощью тех и других Петр заводил в России то, что он видел полезного на Западе и чего не было в России (регулярная армия, флот, фабрики и заводы)... Для всего этого необходимо было техническое знание — заведены были в столицах Морская академия, школы навигацкие и медицинские, училища артиллерийские и инженерные, школы латинские и математические и до полусотни начальных цифирных школ в губернских и провинциальных городах, да столько же гарнизонных для солдатских детей» («Курс», IV, 283).

Приняв узкоприкладной характер и в то же время сохранив идеологическую зависимость от религии, вновь созданные просветительные учреждения должны были испытать целый ряд отрицательных последствий этой зависимости с первых же шагов своей деятельности. «Математическим наукам в XVIII столетии, — читаем о первых годах существования Академии наук, — не могло представляться внешних препятствий к дальнейшему, так как эти

науки, не касаясь ни умственного, ни политического строя общества того времени, могли иногда наглядно показать существенную пользу от применения математических знаний на деле, даже в среде, не особенно ценившей науки вообще... Но едва эти же самые науки каким-нибудь образом касались таких истин, которые опровергали уже утвердившиеся веками воззрения, распространение их встречало непреодолимое затруднение» (Пекарский, История Академии наук, т. I, стр. XIV). Иллюстрациями этому положению явились в 1728 г. запрещение печатать на русском языке речь академика Делиля, где «разрешался утвердительно вопрос, вертится или нет земля», и в 1734 г. наложение такого же запрета на исторические работы Академии.

Подобные же ограничения наложены были и на работу вновь созданных технических учебных заведений, из программы которых «сомнительные» и опасные для веры теоретические элементы были устранены заранее при самой организации училищ. Узкопрактический характер этих училищ, обусловленный этими ограничениями, становится очевидным при рассмотрении «учебного» плана Морской академии, автором которого, как известно, был сам Петр, и общей системы ее занятий. В докладной записке 1713 г. читаем: «...и да идут они (кадеты) в залы, установленные для экзерциции их, где найдутся мастера для письма, рисования, математические, от фортификации и гидрографии. Побыв два часа в той экзерциции, да идут они в ридю (?), где будут мастера танцевания, фехтования и копейного учения. Два часа после полдень да найдутся они в назначенном месте в арсенале для мушкетного учения» и т. д. «Учителя считались наравне с ремесленниками, — читаем о Морской академии первой половины XVIII в., — и название «мастера» и «подмастерья» как нельзя лучше охарактеризовало печальное положение их в обществе» (Веселаго, Очерк истории Морского кадетского корпуса, стр. 100).

Недочеты вновь созданных учебных заведений скоро дали себя знать и самому дворянскому государству. «В научении многих наук лишенные», — жаловался на молодых дворян, получивших новое образование, в начале 1730-х гг. Татищев: «учат только нижние части математики, географии, астрономии, фортификации», «книг нужных читать не могут» и по производстве на службу «более по практике, нежели по тем наукам действуют» («Разговор», стр. 78).

Под напором нужды в более широко образованном поколении дворянской молодежи и уступая непрекращающимся требованиям самого дворянства дать ему улучшенную систему образования, преемники Петра I изменяют постепенно характер учебных заведений: их курс расширен присоединением к прежней военнотехнической специальности — специальности «гражданской» службы, продолжительность теоретического обучения увеличена, в программу этого обучения включены предметы общей культуры, необходимой дворянину, и для всестороннего охвата молодого дворянина этими культурными воздействиями учебного заведения перед последним поставлена задача *воспитания*. В итоге всех этих расширений, дополнений и изменений старый тип петровского узкоприкладного училища превратился в тип «разностороннего» учебно-воспитательного учреждения, подготовляющего дворянина одновременно и к военной, и к гражданской службе. Вот профиль «разностороннего» подготовленного дворянина, как он очерчен во вступительной части устава Сухопутного шляхетного корпуса 1766 г.:

«Когда кадеты выйдут из корпуса навыкнув повиноваться, зная все подробности и все пространство воинского звания, зная как повелевать и сохранять вверенную им команду, зная как написать письмо, реляцию и прошение на своем собственном и иностранном языке, зная не токмо общие должности согражданина, но и законы своего отечества, зная как вести себя по пристойности с своими начальниками и другими людьми, зная твердо географию, политику, мораль, арифметику, геометрию и другие математические науки, когда получат сведение об истории и охоту к чтению книг о делах славных военных людей, как вести приход и расход для вверенного полку или корпуса, когда узнают механическое движение часов или мельницы, как построить крепость или редут, сделать мост на барках или на плотах, сделать шлюз и пр., когда основания всех сведений утвердятся

в памяти и в нежных сердцах юности больше от примеров и нарочно сделанных моделей, нежели от чтения книг, — можно уже такое воспитание почесть достаточным, не требуя совершенства в их знаниях.

Сим образом показан будет каждому свободный путь распространять науки, углубляться в оные и исполнять намерения е. и. в.».

При взгляде на этот профиль и связанный с ним учебный план корпуса внимание читателя обращается на два обстоятельства:

1) Учебный план корпуса представляет собой большое разнообразие подлежащих прохождению предметов, причем наряду с предметами военной и гражданской специальности здесь представлены и элементы традиционной «культуры» дворянина (танцы, красноречие, правила обращения в «свете»), и элементы философии, естественного права и т. п.

2) Религия во всем курсе корпуса играет незначительную роль.

Таким образом, перед учебной системой, представленной в корпусе, открылся путь к использованию идущих с Запада новых влияний.

Сумела ли дворянская просветительная политика воспользоваться открывшимися перед ней перспективами и дать учебной системе, представленной в Сухопутном корпусе, то развитие, которое подсказывалось направлением западноевропейского просвещения XVIII в.? Ответ на этот вопрос мы сможем получить лишь при том условии, если предварительно уясним себе, какими недочетами страдал передовой тип дворянского учебно-воспитательного заведения XVIII в.

Учебный план Сухопутного шляхетного корпуса, как мы видели выше, «блистал» своею разносторонностью и стремлением к светской системе образования. Но фактически этой системы в плане пока еще не было. Учебные предметы, собранные в план, представляли не систему, а скорее механический набор, в котором можно было различить только тот порядок, что предметы общие предшествовали специальным, теоретические — практическим. Критерия, на основе которого был бы возможен подбор наиболее подходящих для учебного курса материалов, у составителей плана не было. При возникшей вследствие этого перегрузке и невозможности сконцентрировать усилия на основном, в корпусе установился тот тип образования, о котором Пушкин позднее сказал: «Мы все учились понемногу — чему-нибудь и как-нибудь». Кроме того, учебная программа корпуса, даже и при поверхностном прохождении предмета, не могла быть проработана в положенное для нее время. Это официально констатировано было в акте обследования корпуса екатерининской комиссией об училищах (в 1784 г.), где против длинного списка «не преподающихся» дисциплин учебного плана читаем пометки: «оставлены до следующего возраста», «не преподаются за недовольным знанием подготовительных дисциплин», «не преподаются за слабыми понятиями воспитанников сего возраста», «не оказались к тому склонны» и т. д. Не усвоив вовремя арифметики, кадеты оказывались крайне затрудненными в прохождении геометрии и уже совсем неспособными к работе по архитектуре; в «четвертом» возрасте, по наблюдениям комиссии, у них из преподавания исчезли все «науки гражданские», а в «пятом (последнем) возрасте», куда сгрудились все непройденные ранее предметы учебного плана, несчастные юноши, «отчаиваясь успеть во всех науках, ни к одной, повидимому, затем не применялись и ни в одной не успевали».

И только напряженная работа по отбору и концентрации предметов «разностороннего» образования, производимая на основе расширяющегося опыта соответствующих учебно-воспитательных учреждений, способна была бы до известной степени улучшить результат этого направления учебной работы.

Но вот данные по вопросу о том, благоприятствовало ли общее направление просветительной политики дворянского правительства второй половины XVIII в. распространению учебной программы того типа, который очерчен в уставах Сухопутного шляхетного корпуса 1731—1766 гг.

По линии *мужских дворянских* учебно-воспитательных заведений устав Сухопутного корпуса был несомненно типичным. Этот устав играл роль образца для целого ряда аналогичных учреждений. В обосновании нового штата Морского кадетского корпуса 1764 г. директор корпуса писал: «Сколь нужные науки философия, мораль, история и география для человека

и гражданина, всякому известно, а тем паче для такого училища, какое есть кадетский корпус, в котором воспитывается благородное юношество и приготовляется к произведению в высшие ступени».

По линии *женских дворянских* учебно-воспитательных заведений, насколько позволяет об этом судить устав Воспитательного общества благородных девиц (1764 г.), список подлежащих изучению предметов значительно сужен (из плана исключены математика, физика и др. естественные науки). Религия в этом плане выдвинута на первое место. «Первое попечение надлежит иметь о вере, — читаем в § 1 2-й главы устава, — дабы *з благовременно* посеять и вкоренить в сердцах благоговение, т. е. безмолвное почитание христианского благочестия». Церковная служба и проповеди на пути такого воспитания объявлены «верными предводителями», и к детальным требованиям, идущим в данном направлении, устав возвращается в § 3—5. Сокращая и снижая общеобразовательную программу, устав усиленно подчеркивал специально практические моменты «женского» воспитания.

По линии *мещанских воспитательных заведений*, перед которыми «Генеральным учреждением» 1764 г. была поставлена задача «создания третьего чина в государстве», учебно-воспитательная система выступила в еще более сниженной и удаленной от указанного выше образца форме. «Искусство доказало, — читаем в этом документе, — что один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина; но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных в юности своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оные в сердце его не вкоренены». В противоположность отвергнутому принципу «просвещения разума науками» этим воспитательным учреждениям предложено «первое прилагать старание, чтобы вселять в юношество страх божий».

Применительно к вопросам *просвещения широких народных масс* формула Екатерины II, выраженная ею в «Наказе» 1767 г., гласила: «Невозможно дать общего воспитания многомиллионному народу и вскормить всех детей в нарочно для того учрежденных домах» (ст. 350). Возлагая на семью воспитание «в страхе божием» и в догматах «православной нашей восточно-греческой веры» (ст. 351), императрица своим игнорированием вопроса о народной школе оставляла «многомиллионный народ» необеспеченным даже в отношении элементарной грамоты.

Лишь по истечении 15 лет, и то в связи с выяснившейся неудачей создания «третьего чина» через мещанские учебно-воспитательные заведения, в 1782—1786 гг. пришлось пойти на учреждение народных училищ в городах. В заимствованных для них из Австрии учебных планах «предметы воспитания, заключающие в себе чистое и разумное понятие о творце и его святом законе и основательные правила непоколебимой верности к государю и истинной любви к отечеству», признаны «главными подпорами общего государственного благосостояния». В силу этого, преподавание религии и «гражданской морали» прошло красной нитью через весь учебный план народных училищ.

Из всех этих данных можно установить следующее: относительно передовой тип дворянского учебно-воспитательного заведения, представленный в середине XVIII в. учебной системой Сухопутного корпуса, за пределы мужских дворянских учебно-воспитательных заведений не распространился. Узкая социальная база, на которой развертывалась просветительная политика XVIII в., не позволила этому типу учебно-воспитательного заведения стать господствующим типом образования в стране и привлечь к возникшим в его практике затруднениям необходимую работу общественно-педагогической мысли.

Теория воспитания XVIII в. складывается под известным влиянием ряда течений западноевропейской мысли, в частности — рационалистической философии. Но в своих новых элементах она пока мало систематизирована, перегружена противоречиями, вследствие этого плохо выполняет свою роль при решении практических вопросов и слабо закрепляет встречающиеся в практике частичные достижения общеобразовательной школы. Те или иные принципиальные положения о воспитании мыслителями этого века высказываются пока только ad hoc, применительно к встретившемуся в практике

частному случаю, и теряются в массе второстепенного материала. Примерами такой мало развитой педагогической теории должны быть признаны «Духовный регламент» Феофана Прокоповича и «Рассуждение о пользе наук и училищ» Татищева. Однако успехом педагогики XVIII в. следует считать то, что здесь многое было подготовлено и для дальнейшего развития педагогических систем. Уставам «Воспитательного общества благородных девиц» (1764 г.) и «Сухопутного шляхетного корпуса» (1766 г.) уже предпосланы особые главы «О воспитании вообще». А в работах Новикова, под углом его общего взгляда на воспитание, строится развернутое учение о воспитании физическом, умственном, нравственном и эстетическом и пропагандируется современная ему западно-европейская педагогика, особенно немецкая. «Трудам умных французов и англичан, — писал он в 1784 г., — обязаны германцы возбудившемуся в них ревнованию основательно научиться воспитательному искусству, извлекать некоторые правила из опытов, свойств человеческой души и наук, дабы, наконец, составить такую науку, которая наставляла бы педагога. Они имеют уже ныне довольно материалов для сия науки, которую можно назвать педагогикой, дабы одним словом означить воспитание и учение». Назвав далее имена теоретиков воспитания XVIII в., Новиков заключает: «и если потомки будут продолжать сию работу, пользуясь познаниями своих предков, исправляя и дополняя оные, свет приобретет науку, которая во всяком рассуждении будет заслуживать имя педагогики».

Такой открытой постановкой проблемы теоретической педагогики восемнадцатый век в России, так же как и на Западе, смыкается с девятнадцатым веком, столь богатым теоретическими работами в области педагогики.

ГЛАВА I

ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I

УКАЗЫ ПЕТРА I ОБ ОБУЧЕНИИ И УЧИЛИЩАХ [1].

1

Об основании школы математических и навигацких наук. 14 января 1701 г.

Великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, ревнуя древле бывшим греко-православным пресветло самодержавнейшим монархом... и иным в Европе, ныне содержащихся и премудро тщательно управляемых государствий, пресветло державнейшим монархом же и Речи Посполитыя управителем, указал именным своим великого государя повелением, в государстве богохранимыя своея державы... на славу всеславного имени всемудрейшего бога и своего богосодержимого храбропремудрейшего царствования, во избаву же и пользу православного христианства быть математических и навигацких, т. е. мореходных хитростных наук учению.

Во учителех же тех наук быть англинския земли урожденным: математической — Андрею Данилову сыну Фархварсону, навигацкой — Степану Гвыну, да рыцарю Грызу; и ведать те науки всяким в снабдении управлением во Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи, и тех наук ко учению усмотря избирать добровольно хотящих, иных же паче и со принуждением; и учинить неимущим во прокормление поденный корм усмотря арифметике или геометрии: ежели кто сыщется отчасти искусным, по пяти алтын в день; а иным же по гривне и меньше, рассмотрев коегождо искусства учения.

А для тех наук определить двор в Кадашеве мастерския палаты, называемой большой полотянной, и об очистке того двора послать в мастерскую палату постельничему Г. И. Головину свой великого государя указ; и взяв тот двор и усмотрев всякия нужныя в нем потребы, строить из доходов от Оружейной палаты.

(По книге Веселаго, Очерк истории Морского кадетского корпуса, СПБ, 1852.)

2

1714 г. янв. 20 — Сенату

...Послать во все губернии по нескольку человек из школ математических, чтобы учить дворянских детей, кроме однодворцов, приказного чина цыфири, геометрии, и положить штраф такой, что не-

вольно будет жениться, пока сего учится. И для того о том к архиереям о сем, дабы памятей венчальных не давали без сонзволения тех, которым школы приказаны.

3

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца указ в адмиралтейскую канцелярию тайному советнику адмиралу, генералу, кавалеру и губернатору и президенту адмиралтейств графу Федору Матвеевичу Апраксину с товарищи.

В нынешнем 716-м году генваря в 5 день в указех великого государя из канцелярии сената в адмиралтейскую канцелярию к тебе, тайному советнику, адмиралу, генералу, кавалеру и губернатору и президенту адмиралтейств графу Федору Матвеевичу с товарищи, писано.

Декабря 31-го числа прошлого 715 году великий государь указал, по имянному своему великого государя указу, в губерниях дворянских и приказного чина дьячих и подяческих детей по прежнему его, великого государя, имянному указу прошлого 714 году февраля 28 числа учить цыфири и некоторую часть геометрии, и для того учения взять из математических школ таких, которые географию и геометрию выучили, и послать во всякую губернию по два человека, а в губерниях оным при той науке быть, как о том в прежнем его, великого государя, указе назначено, и оных учителей на Москве из адмиралтейской канцелярии отослать в канцелярию сенацкого правления, а из сенацкой канцелярии разослать их по губерниям.

И о том в губернии и к Юрью Шишкину указы посланы.

А сего генваря 18 числа великий государь указал, по имянному своему, великого государя, указу, в вышеписанных наук учить детей в губерниях дьячьих и подяческих и всякого чина людей по прежнему его, великого государя, имянным указом 714 февраля 28-го, 715 декабря 28-го числа, окроме дворянских детей, и для того учения взят по прежнему из школы таких, которые географию и геометрию выучили, и послать во всякую губернию по два человека, а в губерниях оным при той науке быть, как о том в прежнем его, великого государя, указе назначено, и оных учителей на Москве из адмиралтейской канцелярии отослать в канцелярию сенацкого правления, а из сенацкой канцелярии разослать их по губерниям. И тайному советнику, адмиралу, генералу и кавалеру и губернатору и президенту адмиралтейств графу Феодору Матвеевичу Апраксину с товарищи учинить о том по сему его, великого государя, имянному указу. Подлинной указ за приписанием руки сенатора графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина.

4

1716 г. февраля в день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал, по имянному своему, великого государя, указу, послать во все губернии из адмиралтейской канцелярии, взяв из школы математической учеников по два человека, которые скончили геометрию, не

из знатных пород, и велеть им в тех губерниях обучат поповских и других церковного, також и купеческого чину и дворовых людей детей, кроме шляхетства, арифметики и до окончании наук, которых они сами обучены, и для того послать с ними к губернатором свои великого государя грамоты, означа в оных, дабы они губернаторы всякой в своей губернии объявили о том архиереем, чтоб они о том вышеозначенном ради всенародной ползы обучении были известны и тем вышеписанным посланным с Москвы в бытность их при учении велели давать кормовых денег по три алтына по две денги человеку на день из их архиерейских доходов и приказали б, кому пристойно, над ними надзирать непрестанно, чтоб те посланные собранных детей обучали, а дети учились со всяким тщанием, безленостно, и для того велели б во всех городех поповских, дьяконских и другого церковного чина не женатых всех переписат и к тому обучению во определенные места высылат немедленно, а протчих чинов детей, кроме шляхетства, призывать, чтоб они шли в то учение без всякого сумнительства и опасения, ибо то его величества соизволение не ради чего другого, но точию для народной ползы, и не обуча церковного чина детей женить и венечных памятей давать не велеть, и коликое число в которой губернии вышеозначенных детей и с каких чинов во учение в записке и кто из них из науки в науку превосходит будет и кто науку скончит, о том в адмиралтейскую канцелярию писат и присылат верные ведомости всегодно за руками посланных с Москвы учеников, и для той посылки избрат в Москве изо всех учеников добрых и постоянных людей и о том к учителям послат указ. Сей великого государя указ приказал записат адмирал генерал, ковалер, губернатор, тайной советник и президент адмиралтейств граф Федор Матвеевич Апраксин.

5

О Морской академии. 11 января 1719 г.

В Академии учить наукам: арифметике, геометрии, навигации, артиллерии, фортификации, географии, рисовать, живописного, и воинским обучениям: мушкетами и на рапирах и некоторых астрономии. И для того учения учителей, которых наук ныне в Академии не обретается, прибрать способных, а для раздачи денежные казны комиссара, а для смотрения над учителями и над школьниками товарища да для перевода книг, принадлежащих к наукам, переводчика.

6

Об учреждении Академии наук. 28 января 1724 г.

Е. и. в.[1] указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводили б книги... К расположению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания: первый образ называется Университет; второй — Академия, или социетет художеств и наук.

[1] Титул царя: его императорское величество.

§ 1. Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко теологии и юриспруденции (прав искусству), медицины и философии, сиречь, до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают. Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде в том градусе, в котором оные обретаются, знают, но и через новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а о обучении прочих никакого попечения не имеют.

§ 2. Хотя Академия из тех же наук и тако из тех же членов состоит, из которых и Университет, однако ж де обои сии здания в иных государствах для множества ученых людей, из которых разные собрания сочинить можно, никакого сообщения между сообою не имеют, дабы Академия, которая токмо о приведении художеств и наук в лучшее состояние старается, учением в спекуляциях (размышлениях) и разысканиях своих, отчего как профессоры в Университетах, так и студенты пользу имеют, помешательства не имела, а Университет некоторыми остроумными разысканиями и спекуляциями от обучения не отведен был и тако младые люди оставлены были.

§ 3. Поне же ныне в России здание к возвращению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в прочих государствах принятому образцу, но надлежит смотреть на состояние здешнего государства как в рассуждении обучающих, так и обучающихся, и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешнем временем распространялась, но и чрез обучение и распложение оных польза в народе впредь была.

§ 4. При заведении простой Академии наук обои намерения не исполнятся, ибо хотя чрез оную художествы и науки в своем состоянии производятся и распространяются, однако де оные не скоро в народе расплодятся, а при заведении Университета — меньше того, ибо когда рассудишь, что еще прямых школ, гимназиев и семинариев нет, в которых бы младые люди началам обучиться и потом выше градусы наук восприять и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при таком состоянии Университет некоторую пользу учинить мог.

§ 5. И тако потребнее всего, чтоб здесь таковое собрание заведено было, ежели бы из самолучших ученых людей состояло, которые довольны суть:

1) науки производить и совершать, однако ж де, чтоб они тем наукам

2) младых людей (ежели которые из оных угодны будут) публично обучали и чтоб они

3) некоторых людей при себе обучали, которые бы младых людей первым фундаментам (основательствам) всех наук обучать могли.

§ 6. И таким бы образом одно здание с малыми убытками тое же бы с великою пользою чинило, что в других государствах три разные собрания чинят, ибо оная:

1) яко б совершенная Академия была, понеже довольно б членов о совершенстве художеств и наук трудилось;

2) егда оные же члены те художествы и науки публично учить будут, то подобна оная будет Университету и такую ж прибыль произведет;

3) когда данные академикам младые люди, которым от е. и. в. довольно жалованье на пропитание определено будет, от них науку принявши и пробу искусства своего учинивши, младых людей с первых фундаментов обучать будут, то оное здание таково же полезно будет, яко особливое к тому сочиненное собрание, или гимназиум.

При том же бы вольные художества и мануфактуры, которые уже здесь заведены суть, или впредь еще заведены могут быть, от помянутого заведения пользу имели, когда им удобные машины показаны и инструменты их исправлены будут.

§ 7. И понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается, подобно есть (кроме сего различия и авантажа, что сия Академия и то чинит, что Университету или Коллегии чинить надлежит), того для я надеюсь, что сие здание удобнейше Академией названо быть имеет.

Науки, которые в сей Академии могут учинены быть, свободно бы в три класса разделить можно: в 1-м классе содержались бы все науки математические и которые от оных зависят, во 2-м — все части физики, в 3-м — гуманиора[1], история и права...

§ 14. В Университете четыре факультета имеются, а именно: 1) феология, 2) юриспруденция, 3) медицина, 4) философия. Факультет феологии здесь оставляется, и попечение о том токмо Синоду предается...

§ 16. Помянутые и в некоторые классы разделенные академики обязаны будут в своей науке ежедневно один час публичные лекции иметь, как и в прочих Университетах.

§ 17. Ежели который академик похощет за деньги партикулярные коллегии иметь, то ему позволено.

§ 18. А чтоб пользу от сих обучениев иметь, к тому требуются угодные люди, которые гуманиора отчасти знают и некоторые малые искусства философии и математики имеют. Того ради весьма нужно, дабы каждому академику один или два человека из младых студентов даны были и довольным жалованьем снабдены, которые со всем прилежанием обучаться и академикам вспомогать имеют. И понеже помянутые младые люди под дирекциею академиков без своих убытков наукам обучаться и при том (ежели себя хорошо ведут и некоторые пробы искусства своего объявят) надежду имеют произойти и учителям своим наследовать. И тако подобает, чтоб они за такую добродетель благодарствовали; того ради имеют оные тех, которые учиться начинают первым фундаментам наук, обучать, дабы и те со временем учением академическим пользоваться могли, и таким образом можно б без великих убытков намерения нижней школы исполнить...

§ 19. Ученые люди, которые о произведении наук стараются, обычайно мало думают на собственное свое содержание, того ради потребно есть, чтоб Академии кураторы непременные определены были,

---

[1] Гуманиора (humaniora) — гуманитарные знания (языки, литература, история и др.).

которые бы на оную смотрели, о благосостоятельстве их и надобном приуготовлении старались, нужду их императору при всех оказиях предлагали и доходы в своем ведении имели.

(Полн. собр. законов, № 4443.)

ИНСТРУКЦИЯ МОРСКОЙ АКАДЕМИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

(1715 г.)

1. Вся Морская гвардия по вся утра, в 7 часу от 1-го числа сего (октября) даже до последних чисел апреля месяца и от 6 часу поутру от 1 мая месяца даже до последнего числа сентября, должна собираться в залах Академии для обучения всех экзерциции[1], которые оным предписаны будут, под наказанием.

2. Оные соберутся в зале, которая определена будет для молитвы, прося господа бога о потребной милости и о здравии его царского величества и о благополучии его оружия, под наказанием.

3. И собравшись в залу для молитвы и для экзерциций своих, со всяким почтением и со всевозможною учтивостью сядут каждый по местам своим без всякой конфузии, недосадя друг другу, под наказанием.

4. Оные трудиться имеют, обучаться тому, что их учители, профессоры учить будут, и оные со всяким примечанием должны принимать все представления, которые помянутые учители, профессоры оным учинят и должны будут и оным надлежащее почтение иметь, под наказанием.

5. Такожде е. и. в. повелевает учителям и профессорам быть в Академии в те же вышеозначенные часы и трудиться обучать Морскую гвардию всему, что к их чину принадлежит, со всяким прилежанием и лучшим разумительным образом, под наказанием.

6. Е. и. в. заповедует всем мастерам, профессорам ничего не брать прямым, ниже посторонним образом с Морской гвардии, под штрафом вчетверо оное возвратить, которое употребиться имеет по благоизобретению е. и. в., и ежели како во оное погрешение впадут, под телесным наказанием.

7. Е. в. повелевает всем от Морской гвардии из Академии не отлучаться, ниже экзерциции ни под каким предлогом не пренебрегать, разве за необходимыми причинами, в котором случае оные должны те причины директору от Академии объявить, который в том позволение дает, ежели случай то требовать будет, под наказанием тем, которые в том противно поступят.

8. Е. в. заповедует всем от Морской гвардии никаково крику, ни шуму не чинить, ниже время провождать разговором с другими во время их экзерциции, под наказанием.

9. Е. в. повелевает всем из Морской гвардии друг другу иметь всевозможное почтение и друг друга называть моим господином, под наказанием.

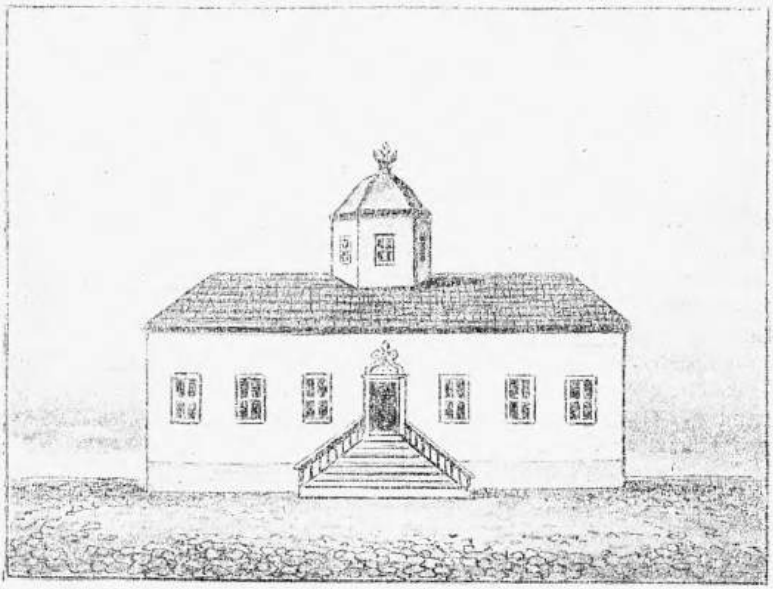
10. Е. в. такожде повелевает сим от Морской гвардии друг другу не досождать, ниже словами, ниже иным чем; а ежели кто из них

[1] Упражнениям.

иметь будет каку ссору или причину иметь на кого жаловаться, о том учинят они доношение директору, который, осведомясь о том деле, виновного накажет по состоянию случая.

11. Ежели кто от Морской гвардии ранит другого злостно, оной, которой на часах у дверей залы стоять будет, того за арест возьмет и немедленно о том уведомит директора, дабы оных за караул взять, а он, директор, уже о том донесет его снятельству адмиралу, или тому, кто вместо его командовать будет, оных наказать по состоянию случая.

12. По вся дни, три человека от Морской гвардии из каждой бригады, которая в 50 человек каждая состоять будет, для караулу взя-

Одно из зданий, отведенных для Морской академии при ее учреждении.

тые и расставлены будут у дверей, которые оным назначены и определены будут, и отправлять оные должны все солдатские дела и чины и исполнять исправно указы, которые оным даны будут, под наказанием.

20. Часовой, которой на карауле у часов стоять будет, должен-ствует по вся часы и половины в колокол ударить.

22. Е. в. заповедует всей Морской гвардии, что отнюдь, коль скоро тапту пробьют, из Академии и камор своих, когда они тамо жить будут, не отлучались под наказанием.

24. Никто из Морской гвардии не может отстать от службы, неполуча позволения е. в., под наказанием отдану быть в военный суд и судиму, яко дезертиру.

25. Е. в. оным повелевает иметь старание о платье своем, и быть всегда чисту, как в платье, так и в белье, под наказанием.

27. Е. в. повелевает директору Академии и командиру Морской гвардии по вся дни быть в залах или школах Морской гвардии и смотреть, что учители, профессоры каждой ли, по должности своей, исправляет и обучает ли Морскую гвардию, что они знают по всей науке и что Морская гвардия по должности своей прилежит ли.

Резолюция собственной руки е. в.:

На 7. Директору не отпускать из сего городу без подписания руки адмиральской ни для какой нужды.

На 8. Для унятия крика и бесчинства выбрать из гвардии отставных добрых солдат и быть им по человеку во всякой каморе во время учения и иметь хлыст в руках; и буде кто из учеников станет бесчинствовать, оным бить, несмотря какой бы он фамилии ни был, под жестоким наказанием, кто поманит.

В прочем быть так, только надлежит написать под всяким пунктом наказание, по обычаю академическому. (Полн. собр. зак. № 2937.)

ИЗ УЧЕБНЫХ РУКОВОДСТВ ПЕТРОВСКИХ УЧИЛИЩ

(Отрывки текстов)

1. Из Арифметики Л. Магницкого (1703 г.)

Что есть арифметика? — Арифметика, или числительница есть художество честное, независтное и всем удобопонятное, многополезнейшее и многохвалнейшее, от древнейших же и новейших, в разные времена являшихся, изряднейших арифметиков изобретенное и изложенное.

Что есть арифметика политика[1]? — Есть численне, сочиненное в толиком удобном образе: яко кийждо может исчислити всякое исчисление, великое и малое, в продажах и куплях, в мерах же и в весах и во всякой цене и во всяких денгах во вся царства всего мира.

На колико разделяется арифметика политика? — Разделяется на пять частей. 1. О числах целых. 2. О числах ломаных или с долями. 3. О правилах подобных, в трех, в пяти и в седьми перечнях. 4. О правилах фалшивых, еже есть гадателных. 5. О правилах радиксов квадратных и кубических, к геометрии принадлежащих.

Что есть нумерацио? — Нумерацио есть счисление, еже совершенно вся числа речию именовати, яже в десяти знаменованиях или изображениях содержатся и изображаются сице: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0, — из них же девять назначенателны суть, последнее же 0 (еже цыфрою или ничем именуется), егда убо оно едино стоит, тогда само о себе ничто же значит; егда же коему оных знаменований приложено будет, тогда умножает в десятеро, яко же предложено есть ниже сего...

Что есть аддицио? — Аддицию, или сложение есть дву или многих чисел во едино собрание или во един перечень совокупление.

Что есть субстракцио? — Субстракцию, или вычитание есть, им же малое число из болшого вычитаем и излишнее объявляем.

[1] Гражданская.

Что есть мультипликацио? — Мультипликацио, или умножение есть, им же что в числах умножаем или коликим вещем по множеству иных вещей раздаем и количество их числом показуем.

Что есть дивизио? — Дивизио, или деление есть, им же большее число или перечень на равные части меньшим разделяем, от них же едину, числом же показуем.

2. *Из руководств по навигации*

Что есть навигация плоская? — Ничто же ино именуется навигация плоская, но токмо кораблеплавание прямолинейное на плоской суперфиции[1] моря, и употребляется оное от всех нынешних навклеров[2] в бытность их близь экватора, зело преизрядно и правдиво; а в наших Европских государствах, в дальних путешествиях по морю, заподлинно на оное надеяться невозможно, потому что сие кораблеплавание в употреблении своем разумеет полусуперфицию земную быти плоским квадратом, а не шаровидным корпусом.

Что есть навигация круглая? — Навигация круглая есть мореплавание всех короче, однако зело трудно, на силу можно кораблем плавать.

Описание погони корабля за неприятелем. — При россветании дня един молодой человек или два на верх и посмотрите прилежно привосхождении солнца, невозможноль единого корабля тамо получить, с тем восточным ветром (един парус, един парус) близко при нас так лежит он лавеерт теловерт збак боордс галсен, который лежит южно через штром, я вижу его здесь около низости, как есть он от нас посади его при компасе прямо зюиде веста. Слушай, искусной человек, круеру, пусть падет фока и грота зниль, и примчи бакъборде галсен сюды, вытолкни фоор и гроот марзиил, пусть падет ваш безанс учреди гроот и фор марзиил; опусти ваше блинде; разреши гроот и фор брам зниил; прикажи и соделай просты все парусы; стереги хорошо у руера, так прямо так, наш корабль бежит зело скоро чрез воду, и мы набегаем его жестоко; есть ли он свой курс так содержит, мы имамы в два глазен при нем быть.

«ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО, ИЛИ ПОКАЗАНИЕ К ЖИТЕЙСКОМУ ОБХОЖДЕНИЮ, СОБРАННОЕ ОТ РАЗНЫХ АВТОРОВ ПОВЕЛЕНИЕМ ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА»

(1717 г.)

1. В первых наипаче всего должны дети отца и матерь в великой чести содержать. И когда от родителей что им приказано бывает, всегда шляпу в руках держать, а пред ними не вздевать, и возле них не садитися, и прежде оных не заседать, при них в окно всем телом не выглядывать, но все потаенным образом с великим почтением, не с ними вряд, но, немного уступя позади оных, в стороне

[1] Поверхность.
[2] Мореплавателей.

стоять, подобно яко паж некоторый или слуга. В доме ничего своим именем не повелевать, но именем отца или матере; от челядинцев просительным образом требовать, разве что у кого особливые слуги, которые самому ему подвержены бывают, для того, что обычайно служители и челядинцы не двум господам и госпожам, но токмо одному господину охотно служат. А кроме того, часто происходят ссоры и великие между ими бывают от того мятежи в доме, так что сами не опознают, что кому делать надлежит.

2. Дети не имеют без именнаго приказу родительского никого бранить или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вежливо и учтиво.

3. У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить, и других их сверстников в речи не впадать, но ожидать, пока они выговорят. Часто одного дела не повторять; на стол, на скамью или на что иное не опираться и не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется, но стоять должны прямо.

12. Всегда время пробавляй в делах благочестных, а празден и без дела отнюдь не бывай, ибо от того случается, что некоторые живут лениво, не бодро, а разум их затмится и иступится, потом из того добра никакого ожидать можно, кроме дряхлого тела и червоточины, которое с лености точно бывает.

13. Младый отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и беспокоен, подобно как в часах маятник, для того что бодрый господин ободряет и слуг, подобно яко бодрый и резвый конь учиняет седока прилежна и осторожна: потому можно отчасти, смотря на прилежность и бодрость или радение слуг, признать, како правление которого господина состоит и содержится, ибо не напрасно пословица говорится: каков игумен, такова и братия.

14. Когда прилучится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу:

В первых, обрежь себе ногти, да не явится, якобы оные бархатом обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сяди прямо и не хватай первый в блюдо, не жри, как свиния, и не дуй в ушное[1], чтобы везде брызгало, не сопи, егда яси. Первый не пий, будь воздержен и бегай пьянства; пий и яждь, сколько тебе потребно, в блюде будь последний. Когда что тебе предложат, то возьми часть из того, прочее отдай другому и возблагодари его. Руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай, когда тебе пить, не утирай (рта) губ рукою, но полотенцем, и не пий, пока еще пищи не проглотил. Не облизывай перстов и не грызи костей, но обрежь ножом. Зубов ножом не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой рот, когда зубы чистишь: хлеба, приложа к грудям, не режь, ешь, что пред тобою лежит, а инде не хватай. Ежели перед кого положить хощешь, не примай перстами, как некоторые народы ныне обыкли, над ествою не чавкай, как свиния, а головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо так делают крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять непри-

[1] Блюда делились на ушные (от «уха»), тельные (мясо, рыба) и хлебные (пирожное).

гоже. Когда яси яйцо, отрежь напредь хлеба и смотри, чтоб притом не вытекло, и яждь скоро. Яичной скорлупы не разбивай, и пока яси яйцо, не пий, между тем не замарай скатерти, и не облизывай перстов, около своей тарелки не делай забора из костей, корок, хлеба и прочего. Когда престанешь ясти, возблагодари бога, умой руки и лицо и выполощи рот.

15. Имеет отрок наипаче всех человек прилежать, как бы себя мог учинить благочестна и добродетельна, ибо не славная его фамилия и не высокой род приводит его в шляхетство, но благочестные и достохвальные его поступки. Понеже благочестие есть похвала юности, и щастие благополучное, и красота в старости, того ради оный имеет по правде тому подражать. То бо есть истинное избавление от убожества и прямая подпора и постоянный столп богатству.

18. Младый шляхтич, или дворянин, ежели в екзерциции (в обучении) своей совершен, а наипаче в языках, в конной езде, танцовании, в шпажной битве и может добрый разговор учинить, к томуж красноглаголив и в книгах научен, оный может с такими досугами прямым придворным человеком быть.

19. Прямый придворный человек имеет быть смел, отважен и не робок, а с государем каким говорить с великим почтением. И возможет о своем деле сам предъявлять, и доносить, и на других не имеет надеятися. Ибо где можно такого найти, который бы мог кому так верен быть, как сам себе. Кто при дворе стыдлив бывает, оный с порожними руками от двора отходит. Ибо когда кто господину верно служит, то надобно ему верная и надежная награда. А кто ища милости служит, того токмо милосердием награждают. Понеже никто ради какой милости должен кому служить, кроме бога. А государю какову ради чести и прибыли и для временной милости.

22. Отрок должен быть весьма учтив и вежлив как в словах, так и в делах: на руку не дерзок и не драчлив, также имеет оной стретившего, на три шага не дошед и шляпу приятным образом сняв, а не мимо прошедши, назад оглядываясь, поздравлять. Ибо вежливу быть на словах, а шляпу держать в руках неубыточно, а похвалы достойно, и лучше, когда кто про кого говорят: он есть вежлив, смиренный кавалер и молодец, нежели когда скажут про которого: он есть слесивый болван.

27. Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тем навыкнуть могли: а особливо, когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать: ибо каждый купец, товар свой похваляя, продает как может.

63. Млады шляхтич или отрок всегда должен быть охочь к научению всякаго добра, и что ему прилично быть может, и не имеет дожидаться, пока кто его о том попросит, или потребует, или чтоб за ним для того в дом прибегали. А наипаче платить возмездие служащим, ибо в том есть великий грех и порок, когда кто у кого кровию заслуженную и трудом выработанную мзду наемничу удержит.

(Алферов и Грузинский, Русская литература XVIII в., изд. 5-е.)

«ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ» [2]

(1721 г.)

Ч. 2, п. 4, «Домы училищные и в них учители и ученики»

Известно есть всему миру, каковая скудость и немощь была воинства российского, когда оное не имело правильного себе учения, и как несравненно умножилась сила его и надчаяние велика и страшна стала, когда державнейший наш монарх, его царское величество Петр Первый, обучил оное изрядными регулами. Тож разуметь и о архитектуре, и о врачевстве, и о политическом правительстве, и о всех протчих делах.

И наипаче тоеж разуметь о управлении церкви, когда нет света учения, нельзя быть доброму церкве поведению, и нельзя не быть нестроению, и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересем.

Дурно многие говорят, что учение виновное есть ересей, ибо кроме древних от гордого глупства, а не от учения бесновавшихся еретиков... наши же русские раскольщики не от грубости ли и невежества толь жестоко возбесновалися. А хотя и от ученых человек бывают ересиархи, но ересь в оных родилась не от учения, но от скудного священных писаний разумения, а возрасла и укрепилася от злобы и гордости, которая не попустила им применить дурное их мнение, уже и по познании истины, против совести своей. И есть ли посмотрим чрез истории, аки чрез зрительные трубки, на мимошедшие веки, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах. Не спесивились так епископи до четыресотного лета, как после возгорделися наипаче Константинопольский и Римский: ибо тогда было учение, а после оскудело. И аще бы учение церькви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшие христианстии особы и запрещали бы иным учитися: а то видя, что и учились вси древнии наши учители, не токмо священного писания, но и внешней философии, и кроме многих иных славнейшие столпы церковные поборствуют и о внешнем учении, а именно: Василий Великий в слове своем ко учащимся младенцам, Златоустый в книгах о монашестве, Григорий Богослов в словах своих на Иулиана апостата. Но много бы говорить, аще бы о едином сем нарочное слово было.

Убо учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и церкве, аки корень и семя и основание. Но сие накрепко наблюдать подобает, чтоб было учение доброе и основательное.

Ибо есть учение, которое и имени того недостойно есть, а обаче от людей хотя и умных, но того несведущих судится быть за прямое учение.

Обычно вопрошают мнози: в которых школах был онсица [1]; и когда услышат, что был он в реторике, в философии и в богословии, за единые тыя имена высоко ставят человека, в чем часто погрешают

[1] Тот-то.

Ибо и от добрых учителей не вси добре учатся: ово за тупость ума, ово за леность свою, кольми паче когда и учитель будет в деле своем мало или и ниже мало искусен.

Ведати же подобает, что от пятисотного до четыренадесятьсотного году, сиесть чрез девять сот лет, во всей Европе, вся почитай учения в великой скудости и неискусстве были, так что у самых лучших авторов, во оныя времена писавших, остроумие видим великое, а света великого не видим. По четыресотном над тысящу годе почали проявлятися любопытнейшии и по тому искуснейшии учители, и по малу многие Академии гораздо великую, и почитай от древних оных Августовых лет, большую силу возъимели: многие обаче училища в прежней тине остались, так что у оных реторики и философии и прочих учений, имена точию суть, а дело не тое. Причины того различные суть, которые зде за краткость не воспоминаются.

Таковаго же, тако рещи привиденного и мечтательного учения вкусившии, человецы глупейшии бывают от неученых. Ибо весьма темни суще, мнят себя быти совершенных и помышляя, что все, что либо знать мощно, познали, не хотят, но ниже думают честь книги и больше учитися. Когда вопреки[1] прямым учением просвещеный человек, никогда сытости не имеет в познании своем, но не престанет никогда же учитися, хотя бы он и Мафусалев век пережил.

Се же вельми бедно, что именованные неосновательные мудрецы не токмо неполезны, но и вельми вредны суть и дружеству и отчеству, и церкви, пред властьми надмеру[2] смиряются, но лукаво, чтоб так украсть милость их и пролезть на степень честный. Равного чина людей ненавидят, и есть ли кто во учении похваляем есть, того всячески тщатся пред народом и у властей обнести и охулити, к бунтам склонны, восприемля надежды высокие. Когда богословствуют, нельзя им не еретичествовать, за невежеством бо своим удобь проговорятся, а мнения своего изреченного переменить отнюдь не хотят, чтоб не показать себе, что не все знают. А мудрии мужие сие между собою утвердили пословие: мудраго человека свойство есть отменять мнение.

Сие предложить судилось за благо; что, есть ли царское величество похощет основать Академию, рассуждало бы духовное коллегиум, каковых исперва учителей определить и каковый учения образ указать оным, дабы не вотще[3] пошло государское иждивение, и вместо чаянной пользы не была бы тщета, смеха достойная.

А как бы в сем опасно и искусно справитися, угодныя суть последующие регулы[4].

1. Ненадобе исперва многих учителей, но первый год довольно единого или двоих, которые бы учили грамматике, си есть язык правильно знать латинский или греческий, или оба языка.

2. На другой год, и третей, и прочии, поступая к большим учениям, да и первого не отлагая для новых учеников, большее число и учителей придастся.

---

[1] Напротив.
[2] Чрезмерно.
[3] Не впустую.
[4] Правила.

3. Искушать всячески, каков в деле своем есть, кто хощет быть учитель школы; например: желая ведать, искусен ли в языке латинском, велеть ему сложение русское перевесть на латинское, також латинское слово некоего славного в языке том автора, перевесть на русское, и велеть искусным осмотреть и освидетельствовать переводы его, и тот час покажется, совершен ли есть или средний, или и того нижае, или весьма ничего. Суть же и иных учений свойственные искушения, которыя мощно будет особенно списать.

4. А хотя и неискусен в требуемом учении покажется, обаче мощно знать, что остроумен есть, то знатно он за леностию или за плохим своим учителем не достигнул того, и таковому повелеть полгода или год самому учитися от авторов, в деле том искусных, аще учитель хощет быть. Толькож сие делать за скудость людей; а лучше бы на таковых не надеятися.

5. Определенным и добрым учителем приказать, чтобы они исперва сказывали ученикам своим вкратце, но ясно, кая сила есть настоящего учения: грамматики, например, реторики, логики и прочая. И чего хощем достигнути чрез сие или оное учение, чтоб ученики видели берег, к которому пловут, и лучшую бы охоту возъимели, и познавали бы повседневную прибыль свою, також и недостатки.

6. Избрать изряднейших во всяком учении авторов, которые свидетельствовани суть в славных Академиях, именно же: в Париже, повелением короля Людовика четвертагонадесять, так кратко, а совершенно заключена латинская грамматика, что мощно надеятися остроумного ученика за един год совершенно научить языка оного, когда у нас за пять и за шесть лет мало кто постизает, что можно знать по тому, что студент, из философии, или богословии изшедший, не может перевесть и средняго стиля латинского. Избрав убо, яко же речеся, лучших в грамматики, реторики и в прочих учениях авторов, подать в Академию и приказать, чтоб оных руководством, а не иных, учено в школах.

7. В богословии собственно приказать, чтоб учено главныя догматы веры нашея и закон божий. Чел бы учитель богословский священное писание и учился бы правил, как прямую истую знать силу, и толк писаний; и вся бы догматы укреплял свидетельством писаний. А в помочь того дела чел бы прилежно святых отец книги, да таковых отец, которые прилежно писали о догматех, за нужду распрь в церкве случившихся с подвигом на противныя ереси. ...А хотя и может богословский учитель и от новейших иноверных учителей помощи искать, но должен не учитися от них и полагатися на их сказки, но только руководство их принимать, каких они от писания и от древних учителей доводов употребляют. Наипаче в догматех, в которых с нами иноверцы согласни суть, а однак доводом их не легко верить, но посмотреть, есть ли таковое в писании или в книгах отеческих слово и тую ли имеет силу, в яковой они приемлют; многажды бо лгут господа оные, и, чего не бывало, приводят. Многажды же слово истинное развращают... Должен убо учитель богословский не по чужим сказкам, но по своему ведению учить, и иногда, избрав собственное время, показать в книгах и ученикам своим, чтоб и они известны

сами были, а несумнились бы, правду ли говорит или лжет учитель их.

8. По случаю зде, с причины мимошедшего совета, воспоминается, что при школах надлежит быть библиотеке довольной. Ибо без библиотеки, как без души, Академиа. А довольную библиотеку мощно купить за две тысящи рублей.

Библиотека учителем по вся дни и часы ко употреблению невозбранна, только бы книг по келлиам не разбирали, но чли бы оные в самой библиотечной канторе. А ученикам и прочим охотникам отворять библиотеку в уреченные дни и часы.

И ходили б в библиотеку которые язык умеют в особенныя часы и дни по долженству, а в иные за охоту и в урочное время. Спрашивал бы всякаго свой учитель, котораго он автора чтет, и что прочел, и что списал; а есть ли чего не разумел, то б ему объяснил учитель. Сие вельми полезно и скоро человека аки претворяет в иного, хотя бы прежде грубых был обычаев.

9. Обращаяся к школьным учениям, сие видится быть вельми благоуспешно, что могут некая учения двое или трое вдруг одного часа и одним делом подаватися. Например: уча грамматики, может учитель с нею учить купно и географию и историю, понеже по регулам грамматическим нуждно есть делать экзерциции, си есть обучатися в переводах с моего языка на язык тот, котораго учуся, и вопреки, с языка того на мой язык. То мочно велеть ученикам переводить по части географию, или историю одну внешнюю, либо церковную, или на перемену оба те учения.

Обаче понеже историю честь без ведения географского есть как бы завязанными глазами по улицам ходить, того ради здравый совет есть: год, грамматике определенный, разделить на две части. И полгода первое учить грамматику с географиею, особенный в неделе день определяя, в которой на карте будет учитель показывать циркулы, планисферна и универсальную ситуацию мира. А еще лучше бы делать сие на глобусе и так обучать студентов, что б могли перстом показать, когда кто спросит их: где Асиа, где Африка, где Европа и к которым сторонам под нами лежит Америка; також и особь о государствах: где Египет, где Хина, где Португалиа и прочая. А другое полгода давать в экзерциции переводить историю универсальную да краткую; только бы был автор чистаго языка латинскаго, яковый есть Юстин историк, и мощно будет после других усмотреть.

И се вельми полезно, ибо ученицы великое ко учению возимеют доброхотство, когда невеселое языка учение толь веселым мира и мимошедших в мире дел познанием растворено им будет; и скоро от них грубость отпадет, и еще при береге почитай училищном не мало драгих товаров обрящут.

10. Чин учения таковый добрый кажется:

1) Грамматика купно с географиею и историею.
2) Арифметика и геометриа.
3) Логик или диалектика, и едино то двоименное учение.
4) Реторика купно или раздельно с стихотворным учением.
5) Фисика, присовокупя краткую метафисику.

6) Политика краткая Пуффендорфова, аще она потребна судится быть; и может она присовокупитися к диалектике.

7) Богословия. Первые шесть по году возьмут, а богословия два года. Ибо хотя и всякое учение (кроме диалектического и грамматического) пространное есть, обаче в школах сокращенно трактовать надобе и главнейшие только части. После сам долгим чтением и практикою совершится, кто так доброе руководство получит. Язык греческий и еврейский (есть ли будут учители) между иными учениями урочное себе время примут.

11. Ректора и префекта усмотреть прилежных человек, и которых учение и труды уже известны. И укажет им Духовное коллегиум тщательным быть в деле своем, с таковым угрожением, что ежели нечинно пойдут учения и неблагопоспешно, то они сами суду подпадут в Духовном коллегиум. И того ради смотреть должны, ходят ли всегда в школу учители, и так ли учат, как подобает; и должны ректор с префектом посетить в неделю две школы, а в другую неделю другие две, и так и прочие кругом. А когда в школу приидут, учитель при них учить будет, а они слышати, хотя чрез полчаса. Також и вопросами отведовать учеников, знают ли, что уже должно бы им знать.

12. Есть ли кто от учителей противен покажется Академицким уставом и непреклонен наставлению ректорскому, таковаго ректор объявит в Духовное коллегиум; и по следовании[1] отставлен, или наказан будет по разсуждению.

13. Мощно и фискалов определить, которые бы насматривали, все ли во Академии порядочно.

14. О учениках сие рассуждение: должны вси протопопы, и богатшии, и инии священницы детей своих посылать во Академию. Мощно тоеж указать и градским лучшым приказным людем; а о дворянех, как собственная воля будет царскаго величества.

15. Приходящия же тыя ученики были б при Академии до конца всех учений и не отпускать от школ ректору без ведома Духовного коллегиум. А естьли бы ректор, или префект, или иный кто отпустил ученика отай[2], за мзду поданую, и на таковаго преступника определить жестокое наказание.

16. Всем повсюду известно буди, что где будет человек ученый во Академии и от Академии свидетельствованный, того на степень духовныя или гражданския чести не может упредить неученый, с великим штрафом на власти оные, которые бы инако сделали.

17. Новопришедшаго ученика отведать память и остроумие и, есть ли покажется весьма туп, не принимать во Академию. Ибо лета потеряет, а ничего не научится.

А обаче возимеет о себе мнение, что он мудрый, и от таковых несть горших бездельников. А чтоб который не притворял себе тупости, желая отпуску в дом, как то другие притворяют телесную немощь от салдатства, искушению ума его целый год положить.

---

[1] По расследовании, по проверке.
[2] Тайно.

И может умный учитель примыслить способы искушения таковыя, яковых он познать и ухитрить не дознается.

18. Буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорив, и буде чрез годовое время ни увещании, ни жестокими наказании одолеть ему невозможно, хотяб и остроумен был, выслать из Академии, чтоб бешеному меча не дать.

19. Место Академии не в городе, но в стороне на веселом месте угодное, где несть народного шума, ниже частыя оказии, которыя обычно мешают учения, и находит на очи, что похищает мысли молодых человек и прилежать учением не попускает.

20. Ненадобе хвалитися Академии, но ниже смотреть на тое, что много учеников имеет; сие бы весьма суетно есть. Но смотреть, как много есть остроумных и добре учащихся, с великою пользы надеждою и как бы оных додержать постоянных до конца.

21. И сие есть отнюдь непотребно, паче же и тщетно, чтоб студентов, какие ни придут, принимать на поденныя деньги государевы. Приходят бо многие не для учения, но еще иные и неспособные по природе, для жалованья только, нищетною нуждею влекоми. Иные же и способныя, да сколько похотят при Академии живут, а когда и куды хотят, отходят. Чтож с того добра: только суетный убыток.

Принимать бы студентов с рассмотрением остроумия, и они бы запись давали на себе, что до конца учений пребудут во Академии, под великим штрафом, если бы обета своего не исполнили без крайней нужды. И так можно будет оных по совершении школьном презентовать царскому величеству и по его величества указу определять оных на разныя дела.

22. Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно: быть при Академии, или в начале и без Академии Семинариум для учения и воспитания детей, какие вымышлено не мало во иноземных странах. А того некий зде образ представляется:

1) Построить дом образом монастыря, котораго пространство и жилье и всякие к препитанию и одеянию и прочим нуждам припасы были б против числа детей (каковое определено будет по воли царского величества) пятьдесят, или семьдесят, или больше; також и потребных управителей и служителей.

2) В дому том имеют жить дети, и уже и большаго возраста юноши, по осьми или по девяти человек в единой избе. Обаче с таким расположением: большие во единой, средние в другой, малые в третией избе.

3) Всякому место определить при стене, вместо собственной канторы, где его стоит кроватка складная (чтоб в день логовища знать не было), також шкафа на книжки и иные вещицы, и стулик для седения.

4) Во всякой избе (сколько оных будет) имать быть префект, или надсмотрщик, человек хотя неученый, обаче честного жития; только б не вельми свирепый и не мелянхолик, летами от 30 до 50 году. А дело оного сие: насматривать, чтоб междо семинаристы (так воспитываемыя в дому том нарицаются) не было ссор, драки, сквернословия и всякого инаго бесчиния и чтоб во уреченные часы всяк делал, что должно. А всяк бы семинарист из избы своей

без его благословения не исходил, и то со объявлением причины, куды и для чего исходит.

5) В том же дому подобает быть хотя б трем ученым человеком монахом или мирским, из которых един будет ректор, дому всего управитель, а два — эксаминаторы, сиесть, розыщики учения, как кто учится, лениво или прилежно.

6) Во всякой избе префект имеет власть наказывать себе подчиненных за преступление; но малых розгою, а средних и больших словом угрозительным. А по том на неисправляющихся доносить ректору.

7) Також эксаминаторы за леность во учении с малыми, средними и большими поступать будут и ректору доносить.

8) Ректор, верховная власть всех, всяким по рассуждению наказанием наказывать может. А кто непреклонен ко исправлению явится, того ректору не отпускать из Семинариум без ведома Духовнаго коллегиум.

9) Определить времена ко всякому делу и покою семинаристом: когда спать ложиться, когда воставать, молиться, учиться, итить за трапезу, гулять и прочая. И вси бы оные часы колокольцем означать, и вси бы семинаристы, как салдаты на барабанной бой, так на колокольцев голос принимались за дело, какое на час уреченной назначено.

10) Не отпускать из Семинариум в городы или куды ни есть, к своим в гости, пока семинарист не обыкнет, пребывая в Семинариум, и не ощутит знатной пользы таковаго воспитания. А именно: до трех лет по приходе всякаго в Семинариум не испускать никуды; а и по третьем году не больши дважды в год позволить вытить в гости к родителем или сродником, и то не далече отстоящим, так чтоб не больше седьми дней прошло от изшествия до возвращения в самый дом семинарийский.

11) А когда и так испущен будет в гости семинарист, то обаче придавать оному честнаго человека, яко инспектора или наблюдателя, который был бы при нем везде и всегда и при всяких случаях. И по возвращении давал бы репорт ректору, что деялось. А если бы тот приданный инспектор, поноровя ему, утаил нечто худое, и таковаго плута бить гораздо. А можно будет тое познать и по сему, что возвратившийся семинарист не может не показати на себе некоей прежних нравов и охоты измены.

12) А когда какие сродники придут в Семинариум посетить своего тамо сродника, и тех гостей с ведомом ректорским ввесть в трапезу, или иную общую избу, или в сад, и тамо оным с сродником своим разговаривать, и мерно кушанием и питием потрактовать их можно, самому присутствующю ректору или одному эксаминатору, по разсуждению лиц.

13) Таковое младых человек житие кажется быти стужительное и заключению пленническому подобное. Но кто обыкнет так жить, хотя через един год, тому весьма сладко будет.

Обаче ко врачеванию скуки, последствующие регулы угодные суть.

14) Не принимать до Семинариум только малых детей от десятого до пятинадесятого году возраста, а выше того — разве за про-

шением честных лиц, свидетельствующих, что отрок и в доме родительском жил в страсе и добром насмотрении.

15) На всяк день два часа определить на гулянье семинаристом, а именно: по обеде и по вечери, и тогдаб невольно никому учитися и книже книжки в руках иметь. А гулянье было бы с играми честными и телодвижными: летом в саде, а зимою в своей же избе. Ибо сие и здравию полезно есть, и скуку отгоняет. А еще лучше таковыя избирать, которые с потехою подают полезное некое наставление; такое, например, есть водное на регулярных судах плавание, геометрические размеры, строение регулярных крепостей и прочая.

16) Можно единожды или дважды на месяц, наипаче летом, проездиться на острови, на поля и места веселыя, к дворам загородным государевым и, хотя единожды в год, в Санкт-Петербург.

17) В трапезе чтение будет ово историй воинских, ово церковных. А в начале всякого месяца, чрез два или три дни, чтомы да будут повести о мужах во учении просиявших, о церковных великих учителях, також и о древних и нынешних философах, астрономах, риторах, историках и прочая. Ибо таковых повестей слышание и сладко есть, и к подражанию мудрых оных людей поощряет.

18) Можно же еще дважды в год или больше делать некия акции, диспуты, комедии, риторские экзерциции. И то бо зело полезно к наставлению и к резолюции, си есть честной смелости, каковыя требует проповедь слова божия и дело посольское, но и веселую перемешку делают таковые акции.

19) Могут установлены быть и некие почести добре и тщательно учащимся.

20) Добре, в великие праздники, быть при столе оных семинаристов гласом мусикийских инструментов; и сие не трудно, ибо перваго токмо нанять маистера, а от него наученныя охотныя семинаристы должны будут и других научить на свое место туне; и сия седмь воспомянутыя регулы служат ко увеселению учащихся.

21) Подобает быть в Семинариум церкви, аптеке и доктору, а школы в близкой Академии, куды семинаристы ходить учитися будут. А есть ли в Семинариум и школы и учители будут, то Академия и Семинариум вместе будут. А для учеников прочих, которые не похотят жить в Семинариум, можно построить несколько жилья вне Семинариум и пустить в наем студентом.

22) Регулы учителей, учения и учеников, выше во Академии описанные, и зде хранитися должны.

23) Семинаристы едины будут люди убогии, и тыя, по милости царского величества, препитание и одеяние и прочая нуждная возимеют. А другие богатых людей дети, которые должны будут платить за корм и одеяние, а цене быть единой, на всегда определенной.

24) Как приидет семинарист в совершенный разум и к большим учениям достигнет, то должен учинить в церкви семинарийской при прочей братии своей присягу на том, что хощет он быть верен царскому величеству и его наследнику, и готов к службе, до которой угоден есть и позван будет указом государевым.

25) Совершившихся во учении семинаристов не отпустит ректор от Семинариум, пока прежде не обвестит до Коллегиум духовнаго. А Коллегиум презентовать оных будет царскому величеству. И по том даст оным абшит[1] со свидетельством искусства их.

26) А которые семинаристы по совершении учения угоднейшии покажутся к делу духовному, и оних у епископов были ближайшии к всяким степенем властелинским, паче прочих хотя бы и равно оным искусных, но не в Семинариум воспитанных, разве бы некий знатный порок на семинаристе показался, и то не был бы оной порок от клеветы; а на завистников и клеветников определить жестокое наказание.

И можно впредь будет больше придумать или от иноземных лучших Семинариов информации проискать, а от таковаго воспитания и учения воистинну надеятися великой пользы отечеству.

(По изданию 1776 г.)

И. Т. Посошков[3]

ОБ ОБУЧЕНИИ НАРОДА ГРАМОТЕ

(1724 г.)

Крестьянское житие скудостно ни от чего иного, токмо от своея их лености, а потом от нерассмотрения правителей, и от помещичья насилия, и от небрежения их...

Паки не малая пакость крестьянам чинится и от того, что грамотных людей у них нет. Аще в коей деревне дворов 20 и 30, а грамотного человека ни единого у них нет, и какой к ним не приедет с каким указом или и без указу, да скажет, что указ у него есть, то и тому и верят, и от того приемлют себе излишние убытки, потому что все они слепые, ничего не видят, ни розумеют. И того ради многие и без указу приехав пакости им чинят великия, а они оспорить не могут; а и в поборех много с них излишних денег емлют и от того даровой приемлют себе убыток.

И ради охранения от таковых напрасных убытков, видится, не худо б крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои 10-ти лет и ниже, отдавали дьячкам в наученье грамоты и, науча грамоте, и учили бы их писать. Я чаю, не худо бы было так учинить, чтобы не было и в малой деревне без грамотного человека, и положить им крепкое определение, чтобы безотложно детей своих отдавали учить грамоте, и положить им срок годы на три или четыре. А буде в четыре года детей своих не научат, такожде кое робета и впредь подрастут, а учить их не будут, то какое ни есть положить на них и страхование.

А егда грамоте и писать научатся, то они удобнее будут не токмо помещиков своих дела править, но и государевым делам угодны будут,

[1] Отпуск, увольнение.

наипаче в сотские и пятидесятские вельми будут пригодны, и никто уже их не изобидит, и ничего с них напрасно не возьмет.

А чаю не худо указ послать и в низовые городы, чтобы и у мордвы детей брать и грамоте учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самим им слюбится; потому что к ним паче русских деревень, приезжая солдаты и приставы и подъячии овогдаж и без указа, и чинят, что хотят; потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякой их изобижает, и чего никогда в указе не бывало, того на них спрашивают, и правежи правят.

А егде дети их научатся грамоте, то грамотные будут у них владетельми, и по прежнему в обиду их уже не дадут, и будут свою братию от всяких напрасных нападок оберегать.

А иные, выучась грамоте, познают святую христианскую веру, возжелают и креститися, то тии грамотники мало-по-малу иных свою братию к христианской вере приводить будут...

(«Книга о скудости и о богатстве», гл. VII «О крестьянстве», по изд. 1911 г.)

В. Н. Татищев [4]

«РАЗГОВОР О ПОЛЬЗЕ НАУК И УЧИЛИЩ»

(1733 г.)

О пользе образования дворян и народа

46. Вопрос

Слышу, что светские и люди в гражданстве искусные толкуют, якобы в государстве чим народ простяе, тем покорнее и к правлению способнее, а от бунтов и сметений безопаснее, и для того науки распространять за полезно не почитают.

Ответ

Я верю, что вы то слыхали, да не верю, чтобы от благоразумного политика, или верного отечеству сына, но паче мню от нерассудного или махиавелическими[1] плевели насеянного сердца произнесенного; благорассудный же политик всегда сущею истиною утвердить может, что науки государству более пользы, нежели буйство и невежество принести могут. Я вам прежде говорил, колико науки полезны, а незнание или глупость как самому себе, так малому и великому обществу вредительно и бедно. Ты рассуди сам, что по природе всякий человек, каков бы ни был, желает: 1) умняе других быть и, чтобы от других почтение и любовь иметь; 2) как всякому

[1] Т. е. зараженного влиянием Маккиавели.

необходимо помощь других нужна, так он тех помощников, яко жену, друзей и советников ищет умных и к принесению пользы ему способных; 3) зане сии не в состоянии всем нам потребныя услуги приносить, того ради прилежит человек, если можно, умных, верных и способных служителей иметь, понеже на умного друга более может надеяться, что он ему в недознании добрый совет и помощь подаст, а служитель умный все повеленное и желаемое с лучшим рассуждением и успехом, нежели глупый, произведет и совершит, а в случае и совет или помощь подать способен; но в оном наипервее собственный разум должен преимуществовать, дабы как о друге и помощнике, так и о рабе мог по состоянию каждого рассудить, какая от кого польза быть может, и потому онаго употреблять, яко иной способен на рассуждение, другой ко обороне, ин же к трудам и работам. И тако благо разумный от каждого по способности пользу иметь и другим полезен быть может, противно же тому несмысленный и неискусный сам себе вреды и беды неразумием начинает и производит, советам разумным верить не способен и сумневаяся полезное оставляет, или, начав, произвести неспособен, а глупым и вредительным советам последует, да обрести умнаго друга не в состоянии, он умному служителю полезное повелеть и определить не знает; коль же паче трудность и вред происходит, когда глупых советников и служителей имеет, что все его намерения и дела без порядку начинаются и со вредом кончаются, и от такова никакой пользы ни ему, ни отечеству упозать не можно, еще же можем тако о разности науки и неведения рассуждать.

В. Н. Татищев

Разумный человек через науки и искусство от вкоренившихся в его уме примеров удобнейшую поятность[1], твердейшую память, острейший смысл и беспогрешное суждение приобретает, а через то всякое благополучие приобрести, а вредительное отвратить способнее есть; он советы и представлении испытует и по обстоятельству вещей поемлет, прежние же деяния и случаи от памяти взяв, с настоящим уподобляет и, все благорассудя, определяет, неправильным и впредь вредительным не прельщается, бесстрашных обстоятельств не боится и, на отвращение страха мужественно поступая, отревает[2] и побеждает, в радости и счастии не превозносится и оному не верит, а в несчастьи не ослабевает, беды же и горести великодушием преодолевает и, своим довольствуясь, чужого не ищет; противно

[1] Восприимчивость.
[2] Отталкивает.

же тому, неведение всяким неправильным советам и предлогом прельщаяся верит, но вскоре узнавает, что́ обман есть; он сущаго страха не боится, а где несть страха трепещет, в печали и радости не умерен, в счастии и несчастии непостоянен и во всем вместо пользы наносит себе вред, — и сия есть разница между ученым и неученым.

И хотя сие о единственном человеке говорено, но посему можешь и о целых народах или государствах рассуждать, особливо если хочешь обстоятельно знать, прочитай гистории древних времен, увидишь многих народов и государств примеры, что от недостатка благоразумного рассуждения разорились и погибли, которых память токмо на бумаге осталась...

47. Вопрос

Хотя вы на вопрос мой пространно мне о безопасности от наук показали, но сие видится принадлежит токмо до знатных или шляхетства, мой же вопрос был о подлости[1]

Ответ

Мой государь, прошу мне оную вину, что я невнятно выразумел, отпустить, ибо подлинно то разумел о шляхетстве, а понеже шляхетство в государствах почитается за природное войско, которых должность от самого возраста до старости государю и государству, не щадя здравия и живота своего, служить, начало же оных римляне кладут, яко бы от Ромуля учреждены и служили во младости конницею в войске, а в мужестве и старости в советах и правлениях гражданских, за которое они всем прочим станам предпочтены и владениями земскими, т. е. вотчинами, награждены, чего купечеству и крестьянству, якоже и протчим нешляхетным, иметь, почитай во всех европейских государствах, доднесь запрещено, а если кто по случаю нешляхетный вотчины получит, таковые сверх положенных на шляхетские вотчины податей повинны некоторую часть от их доходов в казну государственную платить, доколе они совершенно в тот стан от высшей власти введены и жалованною грамотою утверждены будут. Сей политический вымысел[2] есть весьма изрядный, чтобы более в войске служить охотников и способных воевод, якоже и советников и градоправителей искусных было, и для того я пример о советниках и служителях употребил, а теперь скажу об оных подлых.

Хотя противо неприятелей государство защищать и оборонять напред сего должность была общая всего народа и все совокупно на войны ходили, но потом, как гражданство, купечество и земледельство за нужное и полезное в государстве приято, тогда, оных в покое оставя, особных людей ко обороне и защищению государства определили; но сии были двоякие: одни должны были наследственно в войне пребывать и для того инде всадники или конница, у нас же дворяне, яко придворные воины, у поляков шляхта, от шляха или путь именованы, зане всегда в походы должны быть готовы, другие

[1] Так обозначались русским дворянством XVII в. «низшие сословия».— *Н. Ж.*
[2] Расчет, соображение.

подлые, яко казаки и пр. и сии более пехотное, но не наследственно; дети бо их могли иное пропитание искать, как то от гисторей других государств и наших видим, и для того о умножении сего полезного стана государи прилежно старались, как то царь Алексей Михайлович несколько тысяч гусар, рейтар и копейщиков, «собранных перво из крестьянств и убожества», по прекращении польской войны, деревнями пожаловал и «в дворянство причел», от того в крымском походе 1689 одного шляхетства более 50 000 счислялось; в начале же швецкой войны близь двадцати полков драгунских из дворянства набрано и во всей пехоте офицерством наполнено было, затем великая часть в услугах гражданских употреблялась, а из служителей дворовых пехота была устроена, но чрез оную и другие так тяжкие и долголетние войны так шляхетства умалилось, что везде стал недостаток являться, и для того нужда позвала из крестьянства в салдаты, матрозы и другие подлые службы брать. А как многократно случается, что на благорассудности одного салдата целой армии благополучие или безопасность зависит, от глупости великой вред может произойти, и для того нужно, чтобы салдаты были благорассудные, тако же нужно есть, чтобы всякой салдат о том мыслил и прилежал, чтоб в обер и штап-офицеры дослужиться, для котораго ему необходимо нуждно все свои поступки благорассудны и порядочны иметь и во исполнении должности прилежну и бодру быть, из чего не токмо ему собственно, но и государству польза происходит, а понеже неумеющему грамоте к получению онаго путь пересечен, следственно же желание и снискание онаго пресекается и от него желаемая польза не благонадежна. Да ежели б такой нашелся, что токмо писать и читать научен был и, в нижних чинах быв, за страх наказания благонравием себя к произвожению удостоил; но вышед из-под палки и не разумея, что из противных благонравию поступков собственный ему вред и беда происходит, весьма инаго и непотребнаго состояния явится, каковых мы прикладов с немалою досадою довольно видим, если бы же и того не было, но не имея других полезных наук, за недостатком искуснейших или по старшинству до полковничества произошел, то такой полызы от него надеяться или нужную команду, где более на рассуждения, нежели на инструкции зависит, поручить ему без опасности быть может, ибо по его чину суд и расправа на нем зависит и многократно в партиях, заставах и посылках немалое по его благорассудном поступке зависит.

Да еще более вред от неучения народа, что наши духовные или церковнослужители, которых по закону божию должность в том состоит, чтобы неведущих закону божию поучали и наставляли, с горестию видим, что у нас столько мало ученых, что едва между 1000 один сыщется, чтобы закон божий и гражданский сам знал и подлому народу оное внятным поучением внушить и растолковать мог, что убийство, грабление, ненависть, прелюбодейство, пиянство, обжирство и т. п. не токмо по закону божию смертельный грех, но и по природе самому вредительно и губительно, ибо без отмщения или наказания никогда преходит, закон же гражданский по обличению на

теле или смертию казнит; но они, оставя оную внутренних добродетелей нужду, человеческим преданиям и внешним благочестиям поучают, от чего у нас так множество коварных и душевредных ябед в судах, лихоимств и неправд, разбоев, убийств, граблений и пр. происходит, что нам иногда на благонравие других взирая, стыдно о себе и своих говорить, да еще того горше, что такие неуки и неведущие закона божия оных тяжких злодеяний и в грех не ставят, а если и признает за грех, то он в довольное умилостивление бога поставляет, когда свечу иконе поставит, икону серебром обложит, не мясо, но рыбу ест и на покаянии попу за разрешение гривну даст, то уже думает, что ему грех оный отпущен, и впредь в той же надежде на дальшее поступает. Противно же тому видим, как в других науками цветущих государствах таковых злочестий весьма редко слышится, почему, надеяся, что оное лживое разглашение отвержешь, а о научении и самой подлости со мною согласишься, да на оного махеовелиста кратче скажу: если бы ему по его состоянию всех служителей, лакеев, конюхов, поваров и дровосеков всех определил дураков, а в дворецкие, конюшие, стряпчие и в деревни прикащиков безграмотных, то бы он узнал, какой порядок и польза в его доме явится; я же рад и крестьян иметь умных и ученых.

Чему учиться?

49. Вопрос

Я хотя вас сначала спрашивал, что наука есть, на которое вы сказали, что знать добро и зло; но, по многом разговоре от того отдалились, того ради прошу, чтоб мне обстоятельно сказали, чего человеку учится нужно.

Ответ

Я вам прежде сказал, что нужно человеку о том прилежать, чтоб в совершенство притти и оное сохранить, пребывание елико по естеству возможно продолжить, удовольствие, а потом и спокойность приобрести, по которым и науки суть разных свойств и качеств, и хотя всех и подробну толковать весьма пространно и в великую книгу уместить не можно, однакож я вам кратко скажу: в начале науки разделяются у философов по объявленным свойствам сугубо: душевное богословия и телесное философия. По первому к совершенству, а наипаче нужно прилежно стараться, чтоб память, смысл и суждение в добрый порядок привести и сохранить. Другое внешнее, как вам прежде сказал, еже душа с телом толико связаны, что от повреждения телесных членов повреждаются и силы ума, того ради нужно и о внешних прилежать, дабы ни один член из надлежащего природного состояния не выступил или не повредился, а посему и пр. разуметь можно.

Другое же разделение есть моральное, которое различествует в качестве, яко 1) нужныя, 2) полезныя, 3) щегольския или увесе-

ляющия, 4) любопытныя или тщетныя, 5) вредительныя; но при том некоторыя и по стану или состоянию человека могут быть нужны или полезны.

50. Вопрос

Которыя науки нужны?

Ответ

Как человек из двух разных свойств, т. е. души и тела, состоит, так его и науки по свойствам оных разделяются, но понеже телесныя наипервее начинаются, того ради о сих прежде скажу, а оными заключу.

Телесныя науки, по вышеобъявленному, нужны к совершенству:

1) Речение, которым мы пред прочими животными преимуществовать непщуем[1], в недостатке бо речения ни совершен, ни доволен, следственно спокоен быть человек не может.

2) К пребыванию нужно учиться, чем бы плоть свою и свой род содержать и сохранить, для которого по природе нам нужно, как прежде сказал, о имении и пище, одежде и жилище спокойном прилежать, оныя добрыми и правильными способы приобретать, а приобретенное с добрым порядком употреблять и хранить, дабы в случае нечаянного недостатка нужды не терпеть, и сие имянуется домоводство, грече[2]: экономиа.

3) Прежде вам изъяснил, что пища и питание непотребная или и лучшее, да надмерно употребляемо, наносит нам болезни, а из того происходит прекращение пребывания или смерть, и хотя незнающие силы часто больного прилежат пищею укрепить, но тем многократно убивают. И для того нам нужно прилежать о знании качеств и употреблении количеств брашен[3], дабы мы могли здравие, следовательно пребывание или жизнь продолжить, а по утрачении здравие возвратить, которая наука именуется врачество, или медицина.

4) К спокойности телесной и душевной нужно человеку со младости обучиться, чтоб мог себя от враждующих и нападствующих сохранить и обидеть себя не допустить, но понеже человек по естеству на зло склонен и часто своими непристойными поступками и обидами других на отмщение себе возбуждает, следственно сам себе беды и пакости наносит. Того ради нужно самому перво научиться себя так содержать, чтоб никому досады, не токмо обиды не учинить, и в том крайне прилежать, о чем в правилах закона естественного довольно показано, и сие называется нравоучение: оборона же и мщение, правильное по закону, нам не возбраняется; но зане мы живем под законом и собственныя обороны или отмщения для общаго спокойства запрещены и обидителям наказания, а обиженным награждения предписаны; того ради должно нам не токмо законы божественные,

[1] Полагаем, думаем.
[2] По-гречески.
[3] Пищи.

яко естественны, библически, церковный и гражданский своего отечества знать, но и силу законодавца внятно и благорассудно разуметь и по оным поступать. Сия наука именуется законоучение, а к тому еще, наипаче же шляхетству, нужно обучаться оружием себя, яко шпагою, пистолетом и пр., оборонять, зане сей стан особливо для обороны отечества и отвращения общаго вреда устроен.

5) Что до души принадлежит, то хотя так бы надлежало думать, что оная, яко дух никоего обучения не требует, как прежде говорено, однакож надобно о том трудиться, чтобы члены, чрез которые она силы свои изъявляет и движения производит, чтоб от вне представленные правильно поять, твердо в памяти содержать, подобности и следствия смыслов изображать и правильно судить, на что особливая наука логика с пользою устроена.

6) И последнее нужно человеку о спокойности души паче всего прилежать, дабы в жизни непотребными и вредительными от необузданной воли попечениями не отягощать, а паче бы о будущем и вечном, нежели о настоящем и тленном совершенстве, пребывании и угобжении[1] прилежать; но сие не может совершенно быть прежде, как человек, яко тварь, познает творца и господа, которое всякому по природе возможно, если токмо внятно помыслить. Что же свойств или обстоятельств божиих касается, то наш ум не в состоянии о том внятно разуметь, да и нужды нет, ибо довольно, что я знаю и верю его быть всех вещей творца и господа, и верить, что он един вечный и безлетный, всемилостивый и всеведущий и всюду присутственный, все что есть от него и в его воле состоит; без воли же его ни что сотвориться может, но к тому нужно нам волю его знать, которая в его божественных законах предписана, и прилежать, елико возможно, оное исполнить, а запрещенного им, хотя нам по нерассудности иногда видится приятное, но по учении вредительное и губительное, онаго воздержаться и бежать; и сие учение именуется богословия.

Сии науки яко душевно, тако и телесно весьма нам нужны, ибо от неискусства или незнания в них заключающегося пользы и вреда благополучными быть и спокойности приобрести не можем.

51. Вопрос

Которыя науки полезныя?

Ответ

Полезныя те, которыя до способности ко общей и собственной пользе принадлежат и суть многочисленныя.

Между всеми полезными науками письмо есть *первое*, через которое мы прошедшее знаем и в памяти храним, с далеко отстоящими так, как присудственно, говорим и еще иногда лучше, нежели языком мнение наше изобразить можем; и хотя в мире можно сказать, что едва сотая часть письмо умеющих сыскаться может ли и много

[1] Обогащении, обилии.

незнающих в большем благополучии, а грамоте умеющие в погибели находятся, для которого и пословица лежит: грамоте горазд, не умеет ли пропасть, но сие не от грамоты, но от злодеяния приключается. Письмо же всякого стана и возраста людем есть полезно, когда токмо правильным порядком и с добрым намерением употребляемо; но при том надобно и о том прилежать: порядочно и внятно говорить и писать, для того полезно учить и своего языка грамматику.

2) Еще же человеку, обретающемуся в гражданской услуге, а наипаче в чинах высоких, якоже и в церковнослужении быть надежду имеющему, полезно, а иногда и нужно знать красноречие, которое в том состоит, чтоб по обстоятельству случая речь свою учредить, яко иногда кратко и внятно, иногда пространно, иногда темно, и на разные мнения применять удобное, иногда разными похвалами, иногда хулениями исполнить и к тому прикладами украсить, что особливо статским, придворным и в иностранных делах, а церковным в поучениях и в сочинении книг полезно и нужно бывает. И сия именуется русски: витийство, трече: риторика.

3) Инородные языки, дабы мы других не токмо сообщных с нами подданством внутрь России, но и пограничных или имеющих с нами торги и войны народов разуметь и им наше мнение объявить могли; но сие полезно тогда токмо, когда правильно употребляемо. Безрассудное же употребление, т. е. примешивание иноязычных слов в свой язык вредительно, как то видим многих наибольшею частию неразумных и неученых от хвастовства и нерассудности не токмо в разговорах, но в письмах весьма нужных странныя слова употребляют, да к тому не в той силе и разуме или неправильно, а для чего, того сами сказать не умеют, кроме хвастанья, что умеет чужое слово выговорить; а что из того вреда происходит, того они рассудить не могут.

4) Полезно человеку учиться счислению, и хотя простое счисление младенцы купно с языком от воспитателей приемлют и от употребления с одного до миллиона счислять могут, но сие всякому не довольно, а надлежит знать исчисление разных вещей по их качествам, мерою и весом, которое гречески обще мафематика именуется. А понеже в ней весьма много разных обстоятельств заключено, того ради каждая часть особливое звание, но более гречески от древности сохраняют и хотя все подробну сказать и каждой свойство описать времени недостает, но скажу вам токмо о главных той частях, яко — арефметика или счисление, геометриа или землемерие, механика — хитродвижность, архитектура — строительство. И сии всякого звания людем полезныя; следующия же тоя части, яко — перспектива, оптика или видение, акустика — слышание, астрономия — звездосчисление, некоторым людем учить полезно.

5) Весьма полезно в знатных услугах быть чающему учить не токмо отечества своего, но и других государств: деяния и летописи, или гистория и хронография; генеалогия, или родословие владетелей, в которых находятся случаи счастия и несчастия с причинами, еже нам к наставлению и предосторожности в наших предприятиях

и поступках пользуют; землеописание, или география, показует не токмо положение мест, дабы в случае войны и других приключений знать все онаго во укреплениях и проходах способности и невозможности, при том нравы людей, природное состояние воздуха и земли, довольство плодов и богатств, избыточество и недостатки во всяких вещах, наипаче же собственнаго отечества, потом пограничных, с которыми часто некоторыя дела, яко надежду к помощи и опасность от их нападения имеем, весьма обстоятельно знать, дабы, в государственном правлении и советах будучи, о всем со благоразумием, а не яко слепой о красках рассуждать мог.

6) Хотя все врачеве сказуют, что человек, пожив 40 лет, искусяся о болезнях и довольное рассуждение имея, может сам для себя врач быть, но к тому полезно знать ботанику или знание силы ращений, такожь анатомию или расчленение, через чтоб совершенно познать внутренних тела своего частей положение и движение причины; но сии науки, хотя всякому полезны, однакож более принадлежат тем, которые особливо себя во врачество управляют.

7) Весьма же полезно знать свойство вещей по естеству, что из чего состоит, по которому рассуждать можно, что из того происходит и приключается, а через то многия будущия обстоятельства рассудить и себя от вреда предостерегать удобно; сия наука грече зовется: физика, русски: естествоиспытание, а к тому химия, или разделение внутреннее вещей принадлежит.

52. Вопрос

Какия науки щегольския разумеются?

Ответ

Оных наук есть число не малое, но я вам токмо некоторыя упомяну, яко: 1) стихотворство, или поэзия, 2) музыка, русски скоморошество, 3) танцование, или плясание, 4) волтежирование, или на лошадь садиться, 5) знаменование и живопись, которыя по случаю могут полезны и нужны быть, яко танцование не токмо плясанию, но более пристойности как стоять, итти, поклониться, поворотиться учит и наставляет; знаменование же во всех ремеслах есть нужно.

53. Вопрос

Какие науки любопытныя и тщетныя?

Ответ

Сии суть такия науки, которыя ни настоящей, ни будущей пользы в себе не имеют, но большею частию и в истине оскудевают, яко: 1) Астрология — звездопровещание, которым хотят предбудущая, от стояния планет и звезд, познавать. Из сея науки календаристы о погодах, нативитеты или от рождения людей им предбудущия припадки и случаи хотят знать. 2) Физиогномия, или лицезнание, что по сочи-

нению лица и морщинам. 3) Хиромантия, рукознание, что по чертам или морщинами рук жизнь и случай человека разуметь тщатся, от древних языческих баснословий остаются. И хотя сии ни физического, ни мафематического основания не имеют и у людей ученых в презрении и совершенном уничтожении суть, однакож много таких суеверных, паче людей мелонхоличных (которые от природы сребролюбивы, страхами исполнены) не малое число находят, что не токмо сами себя тем, но и других неблагорассудных обманывают и в беспутные страхи и надежды приводят; сверх же того оное божескому и моральному учению противно, ибо если бы мы совершенно все приключения, предписанныя и неизбежныя, разумели, то б не имели нужды жить по закону. К сему же 4) есть наука алхимия, или деление золота, которая мню не лучше оных выше объявленных, ибо хотя чрез прилежащих во оной нечаянно многия пользы обретены, но большая часть от оныя разоряются, и до днесь еще, кроме баснословий, ничего не обретено.

55. Вопрос

Как вы науки разумеете быть по стану или состоянию, нужны или полезны?

Ответ

По разности станов и состоянию в людях всех наук точно описать не можно, ибо склонности, охоты людей, а к тому и случаи бывают разные; однакож кратко об некоторых скажу. Например, наука пнеуматики, которою толкуется о свойстве, качестве и силе духов, богословам весьма нужно, филозофам полезно, гисторикам же, политикам и другим многим почитай обще непотребна. Противно же тому, гисторикам и политикам география, филозофам мафематика необходимо нужны; но духовным до оных дела нет. И паки врачам анатомия, химия и ботаника суть нужныя, но богословам, политикам и гисторикам ни мало не нужно. Однакож, кто что из полезных наук ни знает, все невидимо пользу приносит тем, что память, смысл и суждение исправляются.

Как благоустроить училища в России

114. Вопрос

Я вас последнее спрошу: какия училища, где вы за полезнейшие учредить разумеете?

Ответ

Сие вам выше показано и особливо указы Петра Великого изъявляют, что по всем губерниям, провинциям и городам учредить надлежит, на которое он все монастырские излишние сверх необходимо нужных на церкви доходы определил, и оных весьма достаточно; еще же и богу приятно, что такие туне гиблющие доходы не на иное что, как в честь богу и пользу всего государства употреблять. Но при том

нужно смотреть, чтоб: 1) оные, особливо что шляхетству нужно, особно от подлости отделено было; 2) чтоб учители к показанию и наставлению нужнаго и полезнаго способны и достаточны, а паче от подаяния соблазна безопасны были; 3) чтоб все шляхетству нужное всюду без недостатка к научению могло быть показано, и для того книг и инструментов надобно иметь с довольством; 4) чего казенное или определенное от государей не вынесет, то нужно шляхетству на то доходы сложить и учредить, чтоб могло и других пользовать; а затем: 5) последнее что, над всеми надзирание таким поручено было, которые довольное искусство в науках, а наипаче ревностное радение в пользе отечества изъяснить в состоянии. И тако все желаемое хотя не скоро, но благонадежно устроиться может.

115. Вопрос

Я не хотел более о том вопрошать, но принужден еще на сии пункты некое изъяснение требовать, особливо каким образом и где особно шляхетския школы устроить?

Ответ

Я вам прежде сказал, что для наук шляхетских, особливо для тех, которые в военную услугу управляются, есть лучшее училище до днесь кадетской корпус; показанные же во оном недостатки видится легко исправить, а избыточество отвратить и оных не токмо к воинским, но и гражданским неколико обучить удобно. Тако 1) например ныне на содержание во оном 360 человек положено денег до 700 000, но если экономию рассмотреть и излишние расходы уменьшить, то всеконечно меньше 300 000 исправить можно; 2) особливо если возможных своим содержаться, т. е. который не меньше пятисот рублев, или родители их до 1000 с жалованьем в год дохода имеют, таковым содержания и одежд не давать, и если таковых содержание 160 человек выключить, то останется не больше 200 человек на казенном содержании; 3) теми осталыми деньгами, разве с малою прибавкою, можно в губерниях до 600 обучать, яко в Москве 200, в Малороссии, Белгородской, Смоленской и Вологде по 50 человек. А где довольно токмо учителей, офицеров, книги и инструменты и училища казенным содержать, а ученики могут сами по близости и дешевизны мест и от малых доходов сами содержатся, разве токмо для убозших по нескольку покоев при училищах построить. И тако сей корпус кадецкой во всем государстве не меньше 100 (1000) человек за те же деньги содержано быть может. 4) Чтоб они гражданским могли обучаться, можно из тех же корпусов к приказным делам в каждую коллегию, канцелярию или контору, смотря по множеству и потребности дел, по нескольку человек, смотря по способности их, определить. И по три дни в седмице до полудня им в канцеляриях обучаться, чего должны офицеры, а паче тех мест судьи прилежно надзирать, чтоб они прилежали, и секретари им все, что к наставлению и известию потребно, не скрытно показывали и в письмо употребляли, а вместо

того всем обучение ружьем оставить тамо один день в седмице, и то для тех токмо, которые не меньше 13 лет и не слабаго состояния, чтоб их оным не изнурять; и от нуднейших[1] книжных наук времяни не уменьшать: сим образом не малая часть шляхетства повсюду без труда обучаться могут.

116. Вопрос

Какое обстоятельство в учителях требуется?

Ответ

Частью о науке, частью и состояния их смотреть нужно. В начале закона божия чтоб были сами истинной богословии, якоже и благонравия правил довольно научены, не ханжи, лицемеры и суеверцы, но добраго рассуждения, и если чернцев летами не меньше 50 и жития добраго не сыщется, то не противно и мирских, имущих жен, в то употребить. 2) Офицеры суть главные учители, и хотя за недостатком у нас довольно ученых людей иноземцы употреблены; однакож при том нужно смотреть, чтоб не были молодые, жен и детей неимущие; а при оных хотя половина русских таких, которые хотя склонность к наукам имеют и к тому могут из первых обученых и неколико в армии служивших употребиться. 3) Учители прочих всяких наук хотя все иноземцы, токмо б каждой в своей науке не токмо довольно сам учен, но и к показанию достаточныя способности имел; ибо не всякой ученой к научению других есть способен, особливо люди свирепого и продерзнаго нрава к научению младенцев не способны. 4) Как для обучения по губерниям, так и для партикулярных училищ нужно таких учителей из русских приуготовлять, чтоб не всегда иностранных с великим убытком выписывать, то можно из гимназий подлых, взяв в каждую науку человека по два, в помочь иностранным определить. И тако чаятельно своих учителей со временем довольно способных получить.

117. Вопрос

Книги, мню, нетрудно у нас для научения достать: понеже прежде хотя и не столько печатали, а довольствовались; ныне же видим непрестанно новые выходят. А к тому для учащихся других языков всегда можно из Немецкой земли довольство достать.

Ответ

Удивляюся, что вы сказываете, якобы у нас для научения книг довольно. Но каких, разве азбук и часовников, то правда, что иногда их нетрудно достать; да часто случается, что и тех достать не можно. Что же новых книг принадлежит, то весьма таких мало, каковыя к научению юности потребно. Мы до днесь не токмо курсов мафематических, гисторей, географии российской, которые весьма всем нужны, не говорю о высоких филозовских науках; но лексикона и грамматики достаточной не имеем. А что ныне печатаны, то, кроме примечаний при

[1] Труднейших.

авизах[1] седмичных, все почитай для забавы людей некоторыми охотники переведены, а не для наук сочиненныя. Но разве о тех думаешь, что вечнодостойныя памяти Петр Великий, как сам до артиллерии, фортификации, архитектуры и пр. охоту и нужду имея, неколико лучших перевести велел, и напечатаны. Но и тех уже купить трудно, а более почитай не видим. И сей недостаток не может никогда наполниться, доколе вольные друкари с безопасным учреждением устроятся.

118. Вопрос

Как мнишь шляхетству собственныя училища иметь, ибо ваше прежнее о непотребности домовных школ сказание приводит в сумнительство?

Ответ

Сие я разумею посредственныя междо домовными и государственными, что избежания во оных избыточеств и недостатков сами то исполнить должны, чего желать можно. Учреждению же и содержанию их можно с пользою, пример взяв от аглинских и французских учреждений, по способности состояния нашего государства устроить. Например малого училища для самых младенцев, где токмо до 50 персон, языков немецкаго и французскаго, також арифметики и геометрии первых частей, а по-русски читать и писать, яко в семинариях, обучать; а при учении языков тех, из библии, катехизиса, генеральной, русской гистории и географии начало вводить надобно. 3 учителя, которым в год по 300 рублев, содержание дома, свечи, дрова, служители и прочее 300 рублев. Учеников из убожества 10, которым содержание от училища дать 300 рублев. Ибо сии для того нужны, чтоб более в науках прилежали, учителям к наставлению других помогали и сами впредь совершенными учителями быть могли. И тако расхода в год хотя 1 800, но надобно положить на библиотеку и прочее чрезвычайное до 700; итого 2 500 рублев. На оное, по состоянию нынешнему по 10 (со) 100 требуется капитал 25 000 рублев. И если кто от шляхетства на созидание оной положит денег 500 рублев, то его сын, внук и вечно наследники всегда, непрерывно, без платежа учителем, может одного, а положившаго 1 000 рублев — два младенца обучаться будут. Токмо какия нужно, такую привилегию от ее императорского величества иметь, чтоб оной капитал, училище, якоже и вечнонаследственное обучение рода того без всякой опасности осталось. А при том и о всегдашнем надзирании над оным учреждение внести; чрез что та польза может быть, что когда первую увидят в добром состоянии, то в других местех многия равномерно устроятся, а младенцы в государственныя училища, по 12 летех, будут с довольными основании приходить. И тако польза партикулярная и общая всего государства умножится.

119. Вопрос

Что в правлении нужное разумение?

[1] Объявлениях.

Ответ

Сие есть главнейшее в государстве, чтоб правление всех в государстве училищ такое было, которое б в состоянии находилось все вреды и препятствия ко умножению наук предупредить, а вкравшиеся отринуть, о сохранении общей пользы прилежать и оную, колико удобно, умножать. А понеже науки училища разных качеств и много о всем рассуждений всегда требуют, то весьма нужно, чтоб для онаго особливое собрание или коллегия учреждена была, которая б всегда на все училища, какого б оные звания ни были, внятное надзирание на их порядки и поступки, а ко исправлению и лучшему учреждению власть имела. И для того весьма потребно из главнейших российских как духовных, так мирских, хотя по одной персоне; а к тому для помощи неколико[1] посредственных определить; а наипаче таких, которые как в науках неколико знания и охоты имеют, что б в ревности и прилежности не оскудевали. Чрез что в краткое время, более нежели до днесь, пользы государству во всех обстоятельствах приобрестися может, чего от сердца желаю и сей разговор оставляю.

(По изд. Н. Попова, Москва, 1877 г.)

---

[1] Несколько.

ГЛАВА II

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

УКАЗ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ О ЗАПИСИ ДВОРЯН В КАДЕТСКИЙ КОРПУС

(1731 г.)

Понеже всем известно есть, какими прилежными трудами и попечениями государства... Петр Великий воинское дело, полезное дело в Российском государстве, в совершенное состояние привесть старался... не меньше же старание прилагать изволил и ко обучению младого шляхетства посылкою в чужие края и во учрежденной для таких же наук Академии и прочих гражданских и политических дел. И однако ж, хотя из того не малая польза происходила, токмо не без трудности и не без убытку им от тех посылок было; а именно: отлучались от домов и от родителей своих в дальние чужие края, в которых как в проездах, так и тамошнем себя содержании и в платеже за науки понесли великие убытки, а иные, не имея над собою надлежащего смотрения, возвратились без плода.

Того ради мы... для блага рассудили для таких полезных наук учредить Корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей от 13 до 18-ти лет... которых обучать по склонности понятия арифметике, геометрии... и прочих всех таких полезных воинских и политических наук, которых бы они и в чужестранных Академиях где обучаться могли... и в какой силе и порядке оный Корпус содержан быть имеет, о том... регламент выдан, в котором именно объявлено об оном учении наше попечение, от всех происходящих наперед сего от посылок в чужие края и здесь партикулярных тем ученикам великих убытков, сим... определением освободили и будем содержать на нашем казенном коште, как следует.

1. Для учения и житья им с не малым покоем определен в Санкт-Петербурге особливой каменный дом бывшего князя Меньшикова.

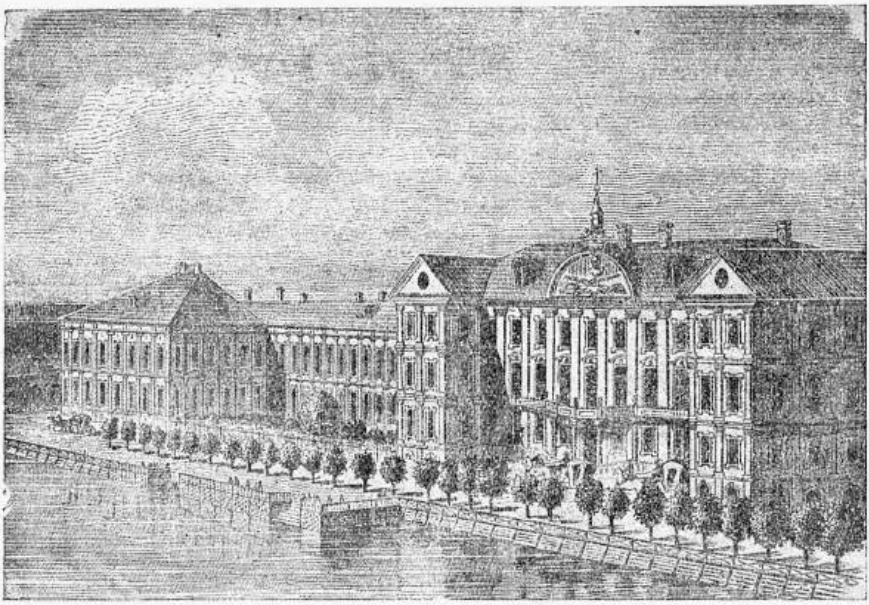
2. В том же доме жить при них священнику с приставленным офицером, учителям и надзирателям, которые всегда над ними и сверх того из генералитетских особ смотрение иметь будут.

3. На содержание их и на жалованье надзирателям и учителям определена из собственной казны нашей особливая немалая сумма, и кроме оной никаких им кадетам убытков не будет.

4. Из оной же... трапеза им будет довольная, каждому классу в особливых покоях.

5. Книги и инструменты и прочие всякие припасы будут казенные ж.
6. Для всяких работ и шитья и мытья белья имеют быть особливые люди на нашем жалованьи.
7. Из оного учения каждый кадет с свидетельства командиров имеет при армии нашей и, к гражданским делам, смотря по наукам их и достоинству (не быв в солдатах и матросах и других нижних чинах), определен быть в унтер- и обер-офицерские чины и ранги.

(Полн. собр. зак., т. VIII, № 8894.)

Здание Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в середине XVIII в.

УКАЗ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ О ВМЕНЕНИИ РОДИТЕЛЯМ В ОБЯЗАННОСТЬ ОБУЧАТЬ ДЕТЕЙ СВОИХ КАТЕХИЗИСУ [6].

(1743 г.)

Правительствующему Сенату от св. Синода сообщено, что российские дворяне и прочих чинов люди детей своих обучают российских книг только читать часовника и псалтыри, а потом употребляют в разные светские науки, каждой по своему намерению. А чтоб прямо знать всеблагого бога и нашу к нему должность и догматы православные христианские веры, в чем истинный путь спасения нашего состоит, того едва ли кто обучать тщится. И для того оным ведением (Синода) требовано, дабы во Всероссийском государстве публиковать печатными указами, чтоб... детей своих из младых лет с начала обучения российских книг чтению обучали б прямого знать толкования букваря и катехизиса... так же б и другие книги церковные читать тщились, дабы чрез

то христианская должность и догматы православные нашея веры узнать, и в том бы право поступать, и от развратников православные веры нашея себя охранять могли...

Правительствующий синод приказал:... все то исполнять, как в означенном св. Синода рассуждении положено. Ежели же которых детей отцы или кои в их должности не имея о воспитании таковых детей попечения... небрежением или нерачительством своим исполнять не будут и в том подлинно обличатся, с оных за такое с них нерачительство в губерниях губернаторам, а в провинциях воеводам брать штрафу за каждого человека с шляхетства по 10, а с прочих по 2 рубля... на содержание Московской славяно-греческой академии.

А дабы для такого многополезного дела, куда надлежит, те буквари и катехизисы с довольством разосланы и к такому обучению знающие люди определены были, о том... сообщено.

(Полн. собр. зак., т. XI, № 8726.)

О ГИМНАЗИЯХ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ [7].

(Из утвержденного проекта об учреждении Университета 1755 г.)

§ 28. Всяк желающий в Университете слушать профессорских лекций должен наперед научиться языкам и первым основаниям наук, но понеже в Москве таких порядочно учрежденных вольных школ не находится, где бы молодые люди к вышним наукам надлежащим образом приготовлены и способными учинены быть могли, того ради... указать, чтоб при Московском Университете под его ведомством учредить две гимназии — одну для дворян, а другую для разночинцев, кроме крепостных людей.

§ 29. В обеих гимназиях учредить по четыре школы, в каждой по 3 класса. Первая школа российская: в ней обучать в нижнем классе грамматике и чистоте стиля, в среднем — стихотворству, в вышнем — оратории. Вторая школа латинская: в ней обучать в нижнем классе первые основания латинского языка, вокабулы и разговоры, в среднем — толковать не трудных латинских авторов и обучать переводам, в верхнем — толковать высоких авторов и обучать сочинениям в прозе и стихах. Третья школа первых оснований наук: в нижнем классе обучать арифметике, в среднем — геометрии и географии, в вышнем — сокращенную философию. Четвертая школа знатнейших европейских языков.

§ 30. Которые ученики учение свое порядочно кончали и при публичном экзамене, чинимом в конце года, явились достаточными, таковых производить в Университет к слушанию профессорских лекций.

§ 31. Которые родители не похотят детей своих обучать латинскому языку и вышним наукам, а намерены их определить в купечество и художествам или в военную службу, оные должны о том наперед объявить, дабы по тому учение их расположить было можно.

§ 32. Желающие либо одному французскому, либо немецкому языку учиться, должны тотчас к тем учителям определены быть; при чем сверх тех языков, по чинимому от инспектора гимназии расположению, могут они такожде учиться арифметике, геометрии, истории и географии.

§ 33. Инспектором над гимназиею быть одному из профессоров в Университете...

§ 34. В каждой половине года инспектор в присутствии прочих профессоров должен экзаменовать каждый класс, и которые в том классе уже довольные успехи показали, переводить в вышние классы, а оттуда при публичном экзамене производить в студенты.

§ 35. Во оном публичном экзамене... которые ученики особливо явятся прилежны и понятны, оным директор волен по своему благорассуждению на 15 или на 20 рублей всяких полезных книг в награждение раздать, дабы через то как их самих, так и прочих поощрить к прилежнейшему продолжению их учения.

§ 36. Всякий родитель, желающий отдать сына своего для обучения в гимназию, должен его представлять директору и объявя о намерении, какое имеет при обучении своего сына; почему директор прикажет инспектору гимназии экзаменовать оного ученика и по его знанию определить в надлежащий класс.

§ 37. Никакой ученик в гимназии... не должен собою отставать от учения, не уведомя о том письменно директора Университета и инспектора гимназии и не учиня должного благодарения профессорам и учителям, у кого обучался; ежели кто, пропустя целый месяц, того не учинит и о себе знать не даст, такого почитать яко беглого.

§ 38. При окончании каждого месяца должны учители в гимназии о успехах, прилежании, поступках и штрафах учащихся в их классах подавать рапорты инспектору, который, сочиня из того генеральный рапорт о состоянии гимназии, должен оный представить директору, а директор — кураторам... (Полн. собр. зак., т. XIV, № 10346.)

ГИМНАЗИЯ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Д. И. ФОНВИЗИНА

Отец мой, не в состоянии будучи нанимать для меня учителей для иностранных языков, не мешкал, можно сказать, ни суток отдачею меня и брата моего в университет, как скоро он учрежден стал.

Остается мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учителя и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе. Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чем оно состояло: учитель наш пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сею странностию, спросил я учителя о причине. «Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, — продолжал он, ударяя по столу рукою, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте:

второго склонения. С спряжением поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете». Вот каков был экзамен наш! О вы, родители, восхищающиеся часто чтением газет, видя в них имена детей ваших, получивших за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получил. Тогдашний наш инспектор покровительствовал одного немца, который принят был учителем географии. Учеников у него было только трое. Но как учитель наш был тупее прежнего латинского, то пришел на экзамен с полным партищем пуговиц, и мы следственно экзаменованы без всякого приготовления. Товарищ мой спрошен был: куда течет Волга? В *Черное* море, отвечал он; спросили о том же другого моего товарища; в *Белое*, отвечал тот; сей же самый вопрос сделан был мне; не знаю, сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужил бы ее из класса практического нравоучения, но отнюдь не из класса географического.

Тип педагога дворянских учебно-воспитательных учреждений второй половины XVIII в. (по ученическому рисунку, найденному в одном из учебников).

Как бы то ни было, я должен с благодарностью вспоминать университет. Ибо в нем, обучаясь по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам. Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста.

(И. М. Соловьев. Русские университеты, вып. I, 1914 г.)

ГЛАВА III

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

«ГЕНЕРАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ О ВОСПИТАНИИ ОБОЕГО ПОЛА ЮНОШЕСТВА» [8]

(1764 г.)

С давнего уже времени имеет Россия Академию и разные училища, и много употреблено иждивения на посылку Российского юношества для обучения наукам и художествам; но мало, буде не совсем ничего, существительных от того плодов собрано.

Разбирая прямые тому причины, не можем мы жаловаться на провидение и малую в российском народе к наукам и художествам способность; но можно неоспоримо доказать, что к достижению того непрямые токмо пути избраны были, а чего совсем не доставало, о том совсем и помышляемо не было.

Из посланных еще при государе императоре Петре Великом дворяне с хорошими возвратились успехами в том, чему они обучаться назначены были; но по возвращении, имея путь и право к большим чинам и заслугам, не могли они в том упражняться.

Другие, из подлости к наукам взятые, также весьма скоро успевали в оных, но скорее еще в прежнее невежество и самое небытие возвратились; от чего и людей такого состояния, которое в других местах *третьим чином*, или *средним* называется, Россия до сего времени и произвести не могла.

Искусство доказало, что один только украшенной или просвещенной науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина; но во многих случаях паче во вред бывает, есть ли кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях, и твердо оные в сердце его не вкоренены; а небрежением того и ежедневными дурными примерами привыкает он к мотовству, своевольству, бесчестному лакомству и непослушанию. При таком недостатке смело утвердить можно, что прямого в науках и художествах успеха и третьего чина людей в государстве ожидать, всуе себя и ласкать.

По сему ясно, что корень всему злу и добру *воспитание:* достигнуть же последнего с успехом и с твердым исполнением не инако можно, как избрать средства к тому прямые и основательные.

Держась сего неоспоримого правила, *единое* токмо *средство* остается, то есть: произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, кои бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли,

какие получили они сами, и от них дети передали б паки своим детям; и так следуя из родоз в роды в будущие веки.

Великое сие намерение исполнить нет совсем иного способа, как завести *воспитательные училища* для обоего пола детей, которых принимать отнюдь не старее, как по пятому и по шестому году. Излишне было бы доказывать, что в те самые годы начинает дитя приходить в познание из неведения, а еще нерассудительнее верить, яко бы по прошествии сих лет еще можно поправить в человеке *худой нрав,* чем он уже заразился, и, поправляя его, те правила добродетелей твердо в сердце его вкоренять, кои ему иметь было потребно.

И. И. Бецкой.

И так *о воспитании* юношества пещися должно неусыпными трудами, начиная, как выше показано, от пятого и шестого до восемнадцати и двадцати лет безвыходного в училищах пребывания. Во все же то время не иметь им ни малейшего с другими сообщения, так что и самые ближние сродники, хотя и могут их видеть в назначенные дни, но не инако, как в самом училище, и то в присутствии их начальников. Ибо неоспоримо, что частое с людьми без разбору обхождение вне и внутрь онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитания такого юношества, которое долженствует непрестанно взирать на подаваемые ему примеры и образцы добродетелей.

При сих воспитательных учреждениях первое прилагать должно старание, чтоб вселять в юношество страх божий, утверждать сердце в похвальных склонностях и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам; возбуждать в них охоту к трудолюбию, и чтоб страшились *праздности,* как источника всякого зла и заблуждения; научить пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых и отвращению от всяких продерзостей; обучать их домостроительству во всех оного подробностях, и сколько во оном есть полезного; особливо же вкоренять в них собственную склонность к опрятности и чистоте как на самих себе, так и на принадлежащих к ним, одним словом, ко всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию и которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшением.

Такие и тому подобные правила, когда посеются в сердцах воспитываемого юношества, надеяться можно, тем лучший плод произведут, что согласоваться будут с младостью и непорочностью их воз-

раста. Просвещая притом их разум науками и художествами, по природе, полу и склонности каждого, обучаемы быть должны с примечанием таким, что прежде нежели отрока обучать какому художеству, ремеслу или науке, подлежит рассмотреть его склонности и охоту и выбор оных оставить ему самому. Душевные его склонности всемерно долженствуют в том над всеми прочими уважениями преимуществовать; ибо давно доказано, что не предуспеет он ни в чем том, чему будет привлежать по неволе, а не по своему желанию.

Притом весьма еще важное примечание иметь должно в сих воспитательных училищах, то есть: дабы для юношества все то наблюдаемо было, что к жизни целости здравия и крепости сложения их служить может; как то — в построенных жилищах приводом чистого воздуха, неупотреблением всякого звания медной посуды; так же и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять и через то мысли его приводить всегда в ободрение, а напротив того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбием назваться может; и сего правила из памяти не выпускать.

От сих первых учреждений зависит все воспитание, какое дано будет первому от оных *новой породы* происхождению. Почему собою понятно, какая потребна осторожность и благоразумие в выборе учителей и учительниц, а особенно главных над воспитательными училищами *директоров* и *правителей*. В последних сих вся важность и затруднение состоит: им надобно быть всем известной и доказанной честности и праводушия, а поведение их и нравы долженствуют быть наперед ведомы и непорочны; особенно же надлежит им быть терпеливым, рассмотрительным, твердым и правосудным, и, одним словом, таковым, чтоб воспитывающееся юношество любило их и почитало и во всем доброй от них пример получало.

Сего ради остается в дополнении изъяснить, что все сие единственно зависит от особенного учреждения и даваемых наставлений, кои надлежит сочинить с великим размышлением и осторожностью, дабы все соображено было ясно, внятно и точно и чтоб ничего того пропущено не было, что надлежит до учителей, учеников, до поведения тех и других и до общего в сих училищах наблюдаемого порядка. Ибо, при начинании сего, надобно сперва за точное принять правило: *или делать и делать целое и совершенное, или так оставить и не начинать.*

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН МОСКОВСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА»

(1763 г.)

Глава вторая. О принимаемых в воспитательный дом младенцах

1. Как родильницы сами или их поверенные в том, так и посторонние люди мужского и женского пола, поднимая младенцев, могут их приносить в Воспитательный дом, где оных и принимать немедленно должно, не спрашивая при том у приносящего, кто он таков и чьего младенца принес; но только спросить, не знает ли он, крещен ли тот младенец и как ему имя; разве приносящие сами похотят объ-

явить что-нибудь обстоятельнее, и оное должно, у них выслушав, в записку внесть.

2. По способности каждого можно таковых младенцев приносить ко всем приходским священникам, богадельным и к монастырям здешним мужским и женским, ночью или днем, а приворотникам, принимая их по вышеописанному, ни о чем ином не спрашивать, кроме крещения младенцев и имени, и относить в Воспитательный дом того же часа, где за всякого принесенного младенца выдано будет за труд по два рубля. А когда таких младенцев днем или ночью понесут мужского и женского пола люди, оных полицейским и другим командам и рогаточным караулам не только не удерживать и, кто таковы и куда несут, не спрашивать; но всякое им вспоможение и от наглостей других защищение чинить.

3. По принесении младенца главный надзиратель и эконом тотчас должны записать: 1) день, время и пол; 2) все, что о нем от приносящего объявлено будет; 3) все, в чем младенцы принесены, то есть одежду и прочее; 4) природные пятна и знаки, есть ли какие усмотрены будут. Ежели младенцы не крещены, то священник один должен всегда крестить женский, а другой всегда мужской пол. Равномерно, которые пожелают быть кумовьями при девочках кума без кума, а при мальчиках кум без кумы, для избежания духовного свойства. Имя внести в записку и при том надеть на него крест с вырезанным номером, под коим он в книгу записан, и напоследок по осмотру лекарскому отослать его в залу новоприносимых младенцев, где принесенную с ним одежду, есть ли оная не в самых гнусных лоскутьях состоять будет, снять и, заметив младенцовым номером, положить на сохранение в особенный магазин, а ему выдать новое белье, пеленки и прочее платье из магазина главной надзирательницы; после чего отдается младенец на руки кормилице или няньке.

4. Кормилица, у которой своего собственного ребенка нет, может двух младенцев своею грудью удовольствовать, но как такова множества хороших кормилиц весьма трудно сыскать, то по недостатку оных способнее содержать нянек, которые младенцев должны выкармливать другою приличною пищею, как им предписано будет.

5. Младенцев кормилицам или нянькам кормить до двух лет, а после переводить их в большие покои и воспитывать обще с прочими. По прошествии же третьяго и до окончания шестого или седьмого года могут оба пола вместе жить, а между тем за всякую легкую работу приниматься.

6. От седьмого до одиннадцатого года как мальчики, так и девочки ходят по одному часу на каждый день в школу и учатся читать и первым основаниям веры для вкоренения в них заблаговременно страха божия. В сие же годы мальчики обучаются вязать чулки, калпаки, сети и прочее, тако привыкают к садовой работе; а девочки упражняются в пряже, в вязанье, в тканье лент и тесем, в плетенье кружев и прочего.

7. От одиннадцати до четырнадцати лет мальчики, по силе своей и по состоянию, пеньку, лён, шерсть и прочее чистят, чешут и приготовляют, а взрослые девочки из того делают пряжу и далее вырабатывают, так ткут шелковые и другие ленты, полотна и прочее; маль-

чики отчасу больше привыкают к огородной и дворовой работе. Девочки по очереди стряпают, хлебы пекут, моют, гладят, крахмалят, шьют и в прочих домашних работах упражняются. В сие годы мальчики и девочки по часу на день обучаются писать и цифры, так же катехизису; при том же всем крайне наблюдать, чтоб воспитываемое юношество привыкало к трудолюбию и чистоте.

8. По прошествии четырнадцати или пятнадцати лет должны как мужского, так и женского пола дети приготовиться к совершительному окончанию разных мастерств; и так мальчиков отдавать учиться мастерствам, какие они по склонности выберут. На обучение всего времени в простых мастерствах четыре или пять лет полагается. Сих мастеров иметь честного жития при Воспитательном доме, в построенных особенно покоях, для того, чтоб отданные им в науку дети, будучи под присмотром начальников, тем лучше могли предохранены быть от повреждения добрых своих нравов, с которыми воспитаны были.

9. И по изучении оного, хотя бы уже кто был двадцати лет или и более, однако из границ оного Дома еще не выпускаются (буде же не все, то большая часть); но по добровольной женитьбе с тутошнею воспитанницею имеют пользоваться года три или четыре в мастерских при том доме покоях, работая на себя за заплату, как то пространее изъяснено в главе о награждении в 1, 2, и 13 разделении.

10. Что до пищи воспитываемых в сем Доме принадлежит, то должно их кормить по три раза в день в построенных для того залах всех вместе, под присмотром надзирателей и надзирательниц для отвращения всякого непорядка. А как всем довольно известно, что по изысканию знающих людей найдено, сколь много красная и зеленая медь здоровью и жизни вредительна и приключает многие бесчисленные беды; а в таком великом домостроительстве наипаче от оного вреда охраниться трудно, нежели в малом хозяйстве, почему больше обыкновенного и предосторожности иметь должно: того ради всякая поваренная и прочая медная посуда от сего Дому совсем без изъятия отрешается, какова б звания ни была, а содержат железную и прочую.

11. Есть ли из множества воспитываемых детей найдутся некоторые такого понятия и остроты, что государству больше пользы принести могут изучением наук и художеств, нежели каким-нибудь грубым мастерством, то дарования такового не должно пренебрегать, но по довольном испытании особенной к тому способности, отсылать их для наук (ежели инако невозможно будет) в императорский Московский университет; а для художеств в Академию художеств. Некоторым же того рода знаниям, а особенно садовому, должно при Воспитательном доме обучать, так как и некоторые мастерства собственно в оном Доме заведены и в большее совершенство приведены быть могут; для лучшего успеха в художествах особенно надлежит назначиваемых ко оным молодых людей обучать рисовать, чтению чужестранных книг и писать по крайней мере столько, чтобы они приличные к сему их намерению книги в свою пользу разуметь могли, без чего они не иначе как только посредственными художниками в век свой останутся, чему ежедневно видеть можно неоспоримые опыты. Напротив же того через чтения книги могут всеми новыми изобретениями пользоваться, которыми оные,

как известно, всегда изобилуют. Из сего толь преполезного основания в научении не выключается и женский пол.

12. Надеяться можно, что, взирая на высочайшее е. и. в., учреждением сего дома, милосердие, многие христолюбивые люди в других городах, по человеколюбию спасения ради своего, разным образом оставленных родителями младенцев принимать и воспитывать до несколько лет не оставят; по прошествии двух, трех лет и более, не свыше пяти, могут их, для совершенного воспитания и обучения, привозить в удобное летнее время, и отдавать в Москве в Воспитательный дом в число принадлежащих к оному на основании плана, с показанием, когда принят, крещеной ли или по приеме при которой церкви крещен и других случающихся при том обстоятельств, исключая из оного, по ясным доказательствам, крепостных, отданных под видом обмана.

13. Буде же на содержание которого младенца обоего пола при принесении его, и после того единожды, или погодно на особое содержание от кого, хотя и неизвестного человека, давать будут деньги, то по числу оных, по изволению его, лучше других пищею и одеждою содержан и обучаем быть имеет.

14. Для вкоренения в сердца возрастающих в сем доме младенцев незабвенной памяти, что жизнь их сохранена и они воспитаны из высочайшей милости и соболезнования е. и. в., надлежит священнику сочинить особенную молитву, которая бы по утру и в вечеру во всех каморах вслух читана была с благодарнейшим признанием толикого милосердия, и с призыванием благости всевышнего о дрожайшем здравии и непоколебимом благополучии высочайшие и всемилостивейшие основательницы и покровительницы сего дома.

«УСТАВ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ»

(1764 г.)

Глава вторая. О воспитании вообще

1.

Первое попечение надлежит иметь о вере, дабы заблаговременно посеять и вкоренить в сердцах благоговение, т. е. безмолвное почитание христианского благочестия; церковная служба и проповедь слова божия будут верными в сем пути предводителями.

2.

Светские же добродетели суть: повиновение начальствующим, взаимная учтивость, кротость, воздержание, равенственное в благонравии поведение, чистое, к добру склонное и праводушное сердце, а напоследок благородным особам приличная скромность и великодушие и, одним словом, удаление от всего того, что гордостью и самолюбием назваться может. Сие краткое многих важных качеств наименование, добрым оных употреблением и слиянием, долженствует произвести совершенное молодых девиц воспитание.

3.

О молитве. Молитва обыкновенно всегда и при всех училищах отправляема бывает по утру пред классами и в вечеру пред тем, как спать итти; а в воскресные и праздничные дни вся служба божия отправляется так, как по церковному уставу положено. Во время оной должны девицы заблаговременно навыкать, чтоб присутствовать и духом и сердцем и стоять с благоговением, приличным святости места и совершаемым во оном таинствам.

4.

И посему госпожи надзирательницы и учительницы обязаны иметь крепкое смотрение, чтобы девицы в церкве между собою отнюдь не разговаривали, но стояли бы со страхом и с должным благочинием. За малейшее же во время молитвы или службы божьей преступление, строго поступать по возвращении в покои, в присутствии всего того класса, или при собрании воспитываемого общества, дабы стыд одной служил навсегда к воздержанию других от подобных поступок.

5.

О учении. Надлежит им истолковать ясно по летам и по нежности естественного сложения, рассуждая и по незрелому их уму, все части закона, то есть катехизм, догматы православной веры и все, что касается до прямого содержания оной.

6.

Сверх сего должно их обучать российскому и чужестранным языкам, дабы на оных исправно читать, писать и говорить умели; арифметике, географии, истории, стихотворству и отчасти архитектуре и геральдике, а в художествах наставлять рисованию и миниатюре, танцеванию, музыку вокальную и инструментальную, шитье всякого рода, вязание и плетение шелковое, нитяное, шерстяное и бумажное, а к сему присовокупить надлежит и все части экономии.

7.

Сверх предписанного здесь вообще обучения наукам и художествам, третьего возраста по две девицы ежедневно по очереди присматриваться должны на поварнях ко всем работам, какие на оных отправляются, т. е. чтобы могли они знать все подробности, касающиеся до домашней экономии. Они же должны: 1) сами сочинять щеты дневным расходам и показывать оные госпоже учительнице с своими на то примечаниями; 2) чулки и прочий убор иметь собственной своей работы, также и платье на себя имеют шить сами из даваемых материй, что и о четвертом возрасте разумеется; 3) представлять между собою некоторые драматические сочинения, нарочно для их употребления составленные.

8.

Четвертого же возраста девицы повторяют учение свое почти одной практикой и вместо того, что в третьем возрасте ежедневно по две присматриваются к домашним обрядам, в сем возрасте имеют они определяться к тому понедельно. Они должны: 1) вести записку расходам, какие бы ни были, донося об оных госпоже начальнице, также договариваться с поставщиками о припасах, каждую субботу делать расчет и при себе платеж производить, определять цену всякому товару по качеству оного; и наипаче смотреть, чтоб во всем наблюдаем был совершенной порядок и чистота; 2) чтобы возбудить в девицах прочих трех классов похвальную ревность и придать сему отличный вид, которой оно необходимо и иметь должно, то употребится из сего возраста в каждый день по две к обучению первых классов девиц: ибо таким образом, во-первых, сами они достигнут большого совершенства, а при том и от учительниц тех классов, яко помощницы их, неминуемо с отличностью почитаемы будут, а наконец от сей практики навыкнут заблаговременно, как им будучи матерями, обучать детей своих и в собственном своем воспитании найдут себе великое вспоможение, в каком бы состоянии им жить не случилось.

9.

Для вящей своей пользы и взаимной забавы, девицы, изображая подобие одна другой, портретами или другими работами между собою дариться могут, также составлять на голосах и инструментах что ни есть новое. В первом случае приобретут они большее искусство в рисовании, а во втором в музыке.

10.

Последний из четырех возрастов девиц по прямому первым почитаться долженствует, поелику в оном по достижении пятнадцати лет уже начинают они собирать плоды девятилетних своих трудов, в первых трех возрастах понесенных. Они в рассуждении мыслей, честного поведения и благонравия почти уже все то приобрели, что от доброго воспитания зависит: посему первых трех классов девицы от них заимствовать имеют примеры высокого совершенства, которое они, приближаясь к часу своего выпуска, уже неотменно иметь должны, наипаче содержать всегда в твердой памяти, что от самого юношества и до возраста приучаемы были к добродетелям, к учтивости, ласковым и приятным разговорам, не токмо с равными, но и с самыми последними, какого бы звания кто ни был. Чрез такое доброе поведение и поступки при первом их в свет вступлении учинятся они отличными в обществе; благоразумными ж в сем возрасте размышлениями, воспитанием подкрепляемыми, получат себе для переду как в науках, так и в честном обхождении руководства. Одним словом, в сие время надлежит им стараться о приобретении всего, чего иногда к совершенству их воспитания и обучения еще не достает.

11.

Весьма натурально, чтоб девицы сего возраста чрез воспитание и полученные в науках знания приобретали себе должную честь и почтение: то посему и от самых госпож начальниц справедливо предпочтены быть должны прочим особливыми уважениями. Первые же знаки отмен, принадлежащих им в гражданском обществе, состоять будут в особенных награждениях по достоинству и успехам каждой, какие е. и. в. всемилостивейше определит и в высочайшее свое присутствие жаловать изволит. А для большей привычки к честному обхождению, т. е. чтоб придать девицам надлежащую и приличную смелость в поведениях, необходимо установить должно в сем обществе по праздничным или по воскресным дням собрания почтительных людей с дозволения госпожи начальницы. Сии собрания назначены будут — одно для концерта, девицами составленного, другое для какой ни есть драматической или пасторальной игры, ими представляемой, а третье для обыкновенных собраний. При всех оных девицы двух последних классов хозяйствуют и стараются показать всем надлежащее удовольствие, будучи украшением и приятностью оных, дабы чрез то навыкнуть могли к непринужденному и учтивому поведению, какое честной природе и доброму воспитанию особенно приличествует, т. е. не иметь застенчивости и в случае о всем пристойно и благородно изъясняться.

12.

О пище и столовом содержании. Девицы по отправлении обыкновенной молитвы каждое утро получают завтрак, обедают и ужинают в назначенное время и о том повещать им колокольным звоном, что и о прочих их упражнениях разуметь должно.

13.

Для каждого класса определяется особенный стол по разделению девиц, за которым учительница должна вместе с ними присутствовать. Во время обеда от воли и благоразумия госпож начальниц зависит, в молчании ли девицам пребывать или некоторым из них дозволить между собою вступать в разговор о какой-нибудь пристойной материи, и то прежде ли или при окончании стола.

14.

Равным образом и госпожа надзирательница присутствует всегда при одном из четырех ее ведения столов. И буде которая девица сделает какое остроумное примечание, то с дозволения имеет она сообщить о том всему классу; ибо изрядно и кстати сказанное слово будет для других наставлением и поощрением к подражанию.

15.

Госпожи надзирательницы и учительницы должны девицам указывать приемы, как при столе порядочно и чисто кушать, также

приличную осанку и приятную между собою в словах учтивость, чтоб они ласковыми поступками умели снисходить и к самым служащим своим.

16.

Они же наблюдать долженствуют, чтоб девицы после кушанья руки умывали, а особенно во рту полоскали. Одним словом, начальницы всевозможное старание прилагать обязаны о чистоте и опрятности молодых девиц.

17.

Столовое белье по тому же во всякой чистоте и исправности содержать должно и оное ежедневно переменять, а для последних двух классов во время обеда и ужина.

18.

Впрочем, всякая излишняя нега от сего общества вовсе изгнана быть долженствует, поелику оное единственно в том намерении учреждено, чтоб молодых девиц порядочно и совершенно воспитать; следовательно, все тому противное весьма отрешается. Приготовляемая для девиц пища и всякое кушанье имеет быть самое здоровое и в таком количестве, чтоб для удовольствия всех было достаточно, и ничего съестного на поварню прежде не отпускать, пока прилежно одною из госпож надзирательниц или госпожею правительницею осмотрено не будет, о чем, так как и о прочем содержании, в особливых экономических наставлениях в своем месте пространнее показано будет.

19.

О о д е ж д е. Когда определенное число девиц наполнится и оные, как выше сказано, на четыре возраста разделятся, тогда для отличия каждого надлежит делать одежду особенного цвета, а именно: первого возраста девицам кофейного или коричневого, второго голубого, третьего сероватого и четвертого белого цвета, который возраст и качеством отличен будет.

20.

Обыкновенное для учебных дней платье будет камлотное, а для воскресных и праздничных такого же цвета шелковое, по рассуждению госпожи начальницы, так как и прочие уборы девиц на ее же волю оставляются.

21.

О г у л я н и и. Весьма нужно, чтоб девицы, прогуливаясь в садах, питались свежим и здоровым воздухом, особенно когда время к тому удобно, ибо ничто столько не пользует их здравие: того для, как скоро оное настанет, довольствоваться тем имеют; а в худое время в особливых к тому устроенных местах.

22.

О забавах. Для всего воспитываемого общества не меньше нужны всякие невинные забавы, которые в удовольствие их стараться изыскивать, а от благорассмотрения госпожи начальницы зависит оные так учреждать, чтоб по склонностям и по времени изобретаемы были.

23.

Между тем госпожи надзирательницы и учительницы от девиц хотя не отлучаются, однако же отнюдь ни в чем не препятствуют, паче же при всех их непорочных играх и забавах являются, будто бы оных и не примечают.

24.

Есть ли случатся иногда такие, кои меланхолического сложения и от забав уклоняются, то таковых ласкою уговаривать и привлекать к тому, чтоб равно с прочими в веселии участие принимали, а до того всячески не допускать, чтоб являли унылой вид с угрюмым молчанием или задумчивостью, но паче стараться все общество содержать в забавах.

25.

О посещении. Сколь скоро девицы в общество приняты будут, то с того часа до самого выступления их из оного как родители, так и прочие сродники чрез все время пребывания их в воспитательном обществе от всякого о них попечения свободны.

26.

Чтоб воспитание девиц с надлежащим порядком всегда происходило и отнюдь бы ни в чем препятствуемо не было, в рассуждении обучения и прочих упражнений, то для сего родители посещать их могут только в назначенные дни с позволения госпожи начальницы, в присутствии самой или которой-нибудь из подчиненных ей, а во время обучения в классах или других упражнений приходить им совсем не дозволяется.

27.

О комнатах. Дабы спальные комнаты всегда были под непременным надзиранием, надлежит учредить каждый класс между покоями госпож надзирательниц и учительниц.

28.

В оных комнатах для впускания свежего воздуха весьма нужны и полезны отдушины и камины, что разумеется о временах, в которые окон отворять не способно. Также и топить должно с умеренностью и по термометру; ибо великая теплота или жар во всякое время здоровью вредительны, а наипаче во время сна.

29.

Всем служителям накрепко подтвердить, дабы ни один, кроме служащих женщин или девок, ни за чем ни в какое время и ни в какие лета в покой не входил, а служанки каждой части и ночуют в спальне, при которой служат. Постели их также в чистоте содержаны быть должны, как и они сами. В прочем на особенное госпож начальниц благорассмотрение и попечение оставляется сделать в сих комнатах такие распоряжения, какие ими за лучшие признаны будут.

30.

Наконец распределить должно и время, как долго девицам спать надлежит, смотря по различию лет их. Для сего первому детскому классу спать дозволить 9 часов, второму 8, третьему 7½, а четвертому 6. И хотя все они вставать должны в одно время, но спать ложиться по классам часом ранее.

31.

О мыльнях. Употребление мыльни нужно, почему и должно иметь оную для всех девиц и госпож начальниц. Поелику же сложение одной бывает противно сложению другой, то в сем случае надлежит полагаться на искусство и предписания определенных доктора и лекаря, когда и каким образом мыльни с пользою употребляемы быть могут и обыкновенным ли образом или с какою отменою.

32.

О немоществующих. Когда предписанные в генеральном е. и. в. учреждении средства к сохранению здоровья прилежно наблюдаемы будут, то надеяться можно, что труды господ доктора и лекаря, также и иждивение, употребляемое на лекарство нарочито, убавятся.

33.

Однако же для случающихся в сем обществе больных отведено особенное место, которое наиболее способствовало бы к облегчению их болезни, близ сада или имеющее положение к какому-либо другому увеселительному виду.

34.

Как скоро которая из девиц действительно заболит, то оная тотчас со всякою осторожностью туда относится и пользуется тамо во все время ее болезни с крайним рачением, не щадя ни трудов, ни иждивения.

41.

О привратниках. Оным должно быть двоим, кои на подобие швейцаров живут подле ворот и никого ни в дом, ни обратно из

оного не пропускают без особого приказа от госпожи начальницы или в небытность ее госпожи правительницы.

42.

Как скоро назначенной час ударит, то содержат они ворота на запоре и за замком, ибо за все сами ответствовать должны.

«УСТАВ ШЛЯХЕТНОГО СУХОПУТНОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ БЛАГОРОДНОГО РОССИЙСКОГО ЮНОШЕСТВА»

(1766 г.)

О порядке воспитания и обучения малолетних дворян и о первом возрасте оных

I. О РАЗДЕЛЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ ДВОРЯН НА ВОЗРАСТЫ

Для порядочного воспитания и обучения разделить их на пять возрастов: первый от пяти и шести до девяти лет, второй от девяти до двенадцати, третий от двенадцати до пятнадцати, четвертый от пятнадцати до осьмнадцати, пятый от осьмнадцати до двадцать первого. По сему в каждом возрасте питомцам быть по три года и обучаться по склонности и понятию наукам, как до воинского, так и гражданского звания принадлежащим.

4. РАСПИСАНИЕ НАУК ДЛЯ ПЯТИ ВОЗРАСТОВ ВОИНСКОГО И ГРАЖДАНСКОГО ЗВАНИЯ

1. Руководствующие к познанию прочих наук:

1) Логика,
2) Начальные основания математики,
3) Красноречие,
4) Физика, общая и особенная,
5) История священная и светская,
6) География и хронология,
7) Языки употребительные и для наук потребные,
8) Математика,
9) Механика.

2. Предпочтительно нужные гражданскому званию:

1) Нравоучение,
2) Естественное
3) Всенародное
4) Государственные } права,
5) Экономия государственная.

3. Полезные:

1) Генеральная и экспериментальная физика,
2) Астрономия,

3) География вообще,
4) Наутика, или сведение о морском искусстве,
5) Натуральная история,
6) Воинское искусство,
7) Фортификация и артиллерия,
8) Химия.

4. Художества:

1) Рисование,
2) Живопись,
3) Гравирование,
4) Изваяние,
5) Делание статуй,
6) Архитектура,
7) Музыка,
8) Танцованье,
9) Фехтованье.

III. О ПРИНЯТИИ В КОРПУС ОТРОКОВ ПЕРВОГО ВОЗРАСТА

1. Совету принимать в корпус отроков сто из природных российских и двадцать из завоеванных Лифляндской, Финляндской и Эстляндской провинций. Каждого принимать отнюдь не старее как по шестому году. Ежели по приеме случатся убылые места, комплектовать оные только в первом году, а в следующие потом два года ни единого более не принимать, но оной прием возобновлять по прошествии трех лет.

2. Совет имеет заблаговременно обнародовать в империи нашей о новом принятии в корпус молодых дворян, как приближится время, дабы сродники их, живущие в отдалении, могли на срок привезти своих детей, коих в корпус записать пожелают.

3. Принимать их по осмотрам и свидетельствам от докторов и лекарей о здоровом их сложении и безвредном состоянии; в противном же тому случае находящихся не принимать.

4. Без достаточного доказательства о дворянстве представляемого отрока и без достоверного о крещении его свидетельства в корпус не определять.

В число дворянских детей принимать и тех, коих отцы по крайней мере в штаб-офицерских чинах действительно служили.

Как наше намерение в том состоит, чтоб и тем наипаче помоществовать, коих родители или убиты, или ранены на службе отечества ради, и коих судьба не одарила достатком; того для, дабы от заступлений и предстательства не последовало злоупотребление, повелеваем таковым детям при выборе давать пред другими преимущества.

Губернаторам и воеводам должно беспристрастно и без замедления давать вышеписанным, когда пожелают, надлежащие свидетельства, дабы никому несправедливости учинено не было.

5. Родителям, кои пожелают детей своих записать в Шляхетный корпус, должно дать от себя письменное объявление, что они по собственному своему произволению отдают их в наш императорский дом корпуса не меньше, как на пятнадцать лет, и что до истечения сего времени отнюдь ни под каким видом их обратно, ниже на временные отпуски, требовать не будут. Такие объявления приняв запечатать и занумеря полагать для сохранения в архив корпуса.

6. Есть ли по приеме в первом годе усмотрены будут в детях признаки неизлечимых болезней, или слабой смысл так, что никакой от них пользы надеяться нельзя, повелеваем таковых обратно отдавать родителям или тем, кто их представил; по прошествии же того срока их не исключать.

7. По строгом наблюдении всего вышеизображенного благородный отрок вручается управительнице первого возраста.

IV. О УПРАВИТЕЛЬНИЦЕ И ВОСПИТАТЕЛЬНИЦАХ ДЛЯ ПЕРВОГО ВОЗРАСТА

1. К первому возрасту определить одну управительницу и десять воспитательниц для смотрения, хождения, воспитания и для обучения ста двадцати благородных детей, кои составляют первое в корпус вступление, и для того разделить число их на десять частей.

2. Должность управительницы в том состоит, чтоб с крайним рачением наблюдать поведение, нравы воспитательниц и всех принадлежащих к сему возрасту.

3. Ей должно и выбирать их и ответствовать пред советом как за них, так и за все, что происходит в сем первом возрасте.

4. Иметь ей потребные к отправлению толь важной должности качества, поступать со всеми благоразумно, с кротостию, учтивством и человеколюбием, дабы посеять оные в сердцах и у прочих.

5. Ей наблюдать, дабы все до воспитания и наставления принадлежащее было с тем согласно, что о сем во многих наших уставах обстоятельно изображено.

6. Во всем, что до пользы, надобностей и до ея правления касается, должно ей быть всегда согласного мнения с генералом-директором Шляхетного корпуса и образоваться предписаниям, которые от совета даны будут.

V. О ВОСПИТАТЕЛЬНИЦАХ

1. Их должность так важна, что во всякое время определять в оную должно с прилежным рассмотрением их нравов. Надлежит непрестанно смотреть им за молодыми дворянами и не отлучаться от них ни днем, ни ночью.

2. Поступать с своими питомцами, наставлять и обучать их со всякою ласковостью, терпением и любовью; и сие им особливо подтверждается.

3. Стол иметь им с питомцами вместе, быть безотлучно при всех их забавах и гуляньях, и без самых законных причин от них никогда не отлучаться. Весьма наблюдать, чтоб они со служителями никакого сообщения никогда не имели.

4. В прочем надлежит им сообразоваться даваемым от совета особливым предписаниям.

VI. ШТАТ ПЕРВОГО ВОЗРАСТА ОТРОКОВ

Сто двадцать

От шести до девяти лет

Платье кофейное или коришневое

1 Управительница
10 Воспитательниц
10 Служанок

Столовая особливо

Науки

1. Познание веры, поелику отроки постигать могут.
2. Российской и иностранные языки.
3. Рисовать.
4. Танцовать.
5. Писать и цыфирь в последний год сего возраста.
6. Что еще сходствует с их летами.

О ВТОРОМ И ТРЕТЬЕМ ВОЗРАСТАХ

I. ОБ ИНСПЕКТОРАХ НАД ОНЫМИ

Инспекторам в сих двух возрастах иметь смотрение над воспитанием и обучением питомцев и каждому в своей части наблюдать порядок, воспитателями к тому употребляемый. Не допускать их обходиться с детьми сурово; наблюдать, чтоб сами собою подавали пример кротости и умеренности и чтоб время воспитания и учения без пользы не проходило; а что до наук принадлежит, поступали бы по наставлениям определенного ко обучению юношества директора. Инспекторы занимают место сих учителей в случае болезни или отсутствия их по законным причинам.

II. О ВОСПИТАТЕЛЯХ

Ко второму и третьему возрастам определять воспитателей для смотрения за благородными отроками. Им отправлять в одно время при воспитании и учении их наукам те же должности, какие выше предписаны воспитательницам для первого возраста.

III. ШТАТ ВТОРОГО ВОЗРАСТА

От девяти до двенадцати лет

Платье голубое

1 Инспектор
8 Воспитателей, разделяющих число питомцев на столько же частей
8 Служителей

Столовая одна с третьим возрастом

Науки

1. Продолжение вышеизображенных, а к оным присовокупить:
2. Географию,
3. Хронологию,
4. Историю,
5. Мифологию,
6. Арифметику,
7. Геометрию,
8. Начало славянского языка,
9. Учтивство и долг благоприятойности.

Внушать любовь к добродетели и благонравию, примечать в каждом склонность природную и качество разума, дабы тем, кои понятнее других, споспешествовать и в прочих науках.

IV. ШТАТ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

От двенадцати до пятнадцати лет

Платье сероватого цвета

1 Инспектор

6 Воспитателей, разделяющих число питомцев на столько же частей

6 Служителей

Столовая со вторым возрастом

Науки

1. Стараться о приведении в совершенство начатых в предыдущих возрастах наук, присовокупляя к тому для понятнейших начало полезных, и при том художества.
2. Совершение славянского языка.
3. Латинской язык для тех, кои к оному склонны будут.
4. Основание воинской и гражданской архитектуры.
5. Бухгалтерству, или знанию, как вести приходные и расходные книги, обучать в последний год сего возраста.

Все способы употребить к совершению в отроках благородного воспитания, вкоренить в них изящные мысли, благоразумные и твердые основания, кои суть неложным знаком честного человека и воспитанного для пользы отечеству.

В сем возрасте, как и в двух последующих, привыкают сами собою исправляться без служителей.

V. О ПИТОМЦАХ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

Во время трех лет сего возраста делать прилежно опыты склонностям питомцев, дабы узнать, кто к которому званию способнее, к воинскому ли или к гражданскому.

Опытами разумеется то, чтоб в разных родах наук и экспедиций примечать, к чему точно они способны скажутся во время гулянья, забав и при других случаях, наблюдая, чтоб при том не нарушался

порядок их учения; для того стараться, дабы все игры и гулянье служили им и в пользу и в увеселение, и оставлять им благопристойную вольность выбирать оные по своим летам так, чтоб самые забавы не казалися им должностью. Сим способом спознавать их склонности, дабы тем удобнее употребить оные в их пользу.

Когда сии примечания с точностью учинены будут, по вступлении питомцев в четвертый возраст, те только в гражданской и воинской штат включены будут, кои в третьем возрасте прямую к тому или к другому оказали склонность и охоту.

О ЧЕТВЕРТОМ И ПЯТОМ ВОЗРАСТАХ

I. О ПОДПОЛКОВНИКЕ

1. Подполковнику надобно быть одарену отличными достоинствами, нравом кротким, учтивым и приятным: всем его поступкам надобно быть подражания достойным.

2. Сей штаб-офицер должен быть сведущий в воинских науках и имевший случаи показывать их на деле, управлять кадетами и офицерами так, дабы приметно было, что дисциплина и порядок во всем, даже и в служителях, строго наблюдаются.

3. Ему должно смотреть за поведением каждого, и особливо наблюдать, чтоб кадеты никогда праздны не были, склонять их с ласковостью и любовию, дабы сами для себя сыскивали полезные упражнения.

4. Хотя и принужден бывает в воинском деле оказывать вид строгости, но прямое его достоинство и дарование в том состоять имеет, чтоб сию строгость соединять с приятностью и остерегаться, дабы не произвесть в юношах вредительных воображений страха, которые трудно истребить, когда единожды вкоренятся.

5. Ежели генерал-директор по какой-либо законной причине отлучится, он исправляет все его должности...

III. О КАПИТАНАХ В ДОЛЖНОСТИ ИНСПЕКТОРОВ В КАЖДОЙ РОТЕ

Капитаны Шляхетного корпуса сугубым одолжаются упражнением в рассуждении воспитываемых ими кадетов: первое, обучать кадетов всем частям воинского искусства, присовокупляя к тому знаки благородного воспитания и такие нравы, кои составляют человека благородного и лучше еще воспитанного; второе, сверх воинских экзерциций иметь им инспекторскую должность каждому в своей роте и исполнять, что предписано прочим инспекторам над вторым и третьим возрастами. Стараться, что до военных экзерциций и воспитания кадетов принадлежит, все приводить в такой порядок, дабы ничего лучшего желать не оставалося.

IV. О ПОРУТЧИКАХ И ПОДПОРУТЧИКАХ В ДОЛЖНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

Порутчики и подпорутчики в каждой роте во время экзерциций военных поступают по своим чинам; а сверх того в роте, по разделении оной на две части, исправляя при кадетах ту же должность, которая полагается на воспитателей во втором и третьем возрастах; следовательно не отлучаться им ни на малое время от своих питом-

цов, жить подле их, довольствоваться с ними одним столом, словом, ответствовать за их поведение, воспитание и нравы, подавать им примеры чести и тех мыслей, кои к истинной ведут добродетели. В случае законной отлучки капитана, старший по чину исполняет его должность, а место его занимает следующий по нем; сего ради преимущества и субординация полагаются на них по чинам во всем без изъятия...

VII. ОБ ИНСПЕКТОРЕ НАД ОБУЧЕНИЕМ КАДЕТОВ ГРАЖДАНСКОГО ЗВАНИЯ И О ПРОФЕССОРАХ-ВОСПИТАТЕЛЯХ

К воспитанию и наставлению кадетов, назначенных к гражданскому званию, в последних двух возрастах должен быть инспектор, которому наблюдать порядок, управление и поведение профессоров и воспитываемых кадетов, как предписано инспекторам второго и третьего возрастов.

Профессоров к воспитанию и наставлению кадетов с великим рассмотрением определять надлежит. Они должны сверх назначенных кадетам наук показывать опыты всех прочих знаний, кои потребны к такому воспитанию и обучению, какое они в сих двух возрастах совершить обязуются. В прочем поступать им по тому, что предписано воспитателям предыдущих возрастов.

VIII. ШТАТ ЧЕТВЕРТОГО ВОЗРАСТА

От пятнадцати до осьмнадцати лет

Сей возраст разделится на воинское и гражданское звание.

В воинском две роты:

По два
- Капитаны в должности инспекторов
- Порутчики в должности воспитателей
- Подпорутчики в той же должности
- Прапорщики в должности учителей

В гражданском:

1 Инспектор для сего и последующего возрастов
Один или два профессора воспитателей

Платье зеленое с лосинным.

Восемь служителей

Столовая обще с пятым возрастом

Науки

1. Упражнение истинного христианина и честного человека.
2. Окончание прежде показанных наук.
3. Гражданские и полезные науки.
4. Последующие части математики.

6. Красноречие и философия.
7. Все части воинской должности наставлением и самым делом.
8. Ездить верхом, фехтовать, волтижировать и прочее.
9. Художества.

IX. ШТАТ ПЯТОГО ВОЗРАСТА

От осьмнадцати до двадцать первого года

Сей возраст разделяется также де на воинское и гражданское звание.

В воинском две роты:

По два { Капитаны и инспекторы
Порутчики воспитатели
Подпорутчики в той же должности
Прапорщики учители.

В гражданском:

1 Инспектор для сего и предыдущего возрастов, один или два профессора воспитатели

Восемь служителей

Платье зеленое с лосинным с некоторою отменою

Столовая с четвертым возрастом обще

Науки

1. Закон божий, яко первое всему основание.
2. Все части воинского искусства с теоретическими и практическими доказательствами посредством примерных осад, оборон, сражений и прочего; к чему употреблять и четвертого возраста кадетов, когда надобно.
3. Окончание наук четвертого возраста.
4. Все полезные науки.
5. Художества.
6. Совершение воинской архитектуры практическими доказательствами.
7. Гражданская архитектура для тех, кои к тому склонность иметь будут.

X. ПРЕДПИСАНИЕ О ЧЕТВЕРТОМ И ПЯТОМ ВОЗРАСТАХ ВОИНСКОГО И ГРАЖДАНСКОГО ЗВАНИЙ

Оставлять кадетам на волю, чтоб им при переходе из четвертого возраста в пятый переменять звания свои, воинское в гражданское и гражданское в воинское, в какое бы они до того записаны ни были; но сию перемену не инако чинить, как по справедливым причинам, а именно — для склонности, совсем противной принятому званию, для сложения к тому несродного и по другим причинам, достоверено изведанным и доказанным; напротив того сих перемен уже не дозволяется делать в пятом возрасте, для каких бы то причин ни было; но кто

в какое звание будучи в сем возрасте записан, в оном до самого выпуска непременно остаться и приличные звания приобретать должен.

Всевозможное прилагать старание, дабы воспитание и обучение кадетов воинскому и гражданскому искусству привесть на такую степень совершенства, как от пятого возраста ожидать следует.

С отличностью уже должно сему возрасту оказываться в обществе; ибо кроме собраний, кои в доме Шляхетного корпуса из обоего пола особ происходить будут, кадетам дозволяется по несколько человек приходить от времени до времени ко двору нашему в некоторые праздники и церемониальные дни в препровождении офицеров корпуса, директора или профессоров.

Время пятого возраста служит повторением или подтверждением последних и самых важнейших частей наук и познаний. В сие время сто двадцать кадетов первого в корпус вступления завершат воспитание свое и те науки, которым обучились, словом, сей возраст долженствует быть жатвою посеянного в предыдущие четыре. Здесь надлежит хорошим и мужественным воспитанием просветившемуся кадету зрело рассуждать, какое бы для себя избрать состояние в обществе на великом театре света. Здесь он по благоразумным советам своих воспитателей уже совершенно ведать должен, что будущая его участь зависит от его наук, поведения и нравов. В последние сии три года, просвещаясь наиболее собственным своим рассудком, надлежит ему крайне прилагать старание при выпуске из корпуса получить всю ту честь и славу, коими он труды свои увенчать должен, заслужить похвалу и одобрение от своих начальников и из корпуса выттти с такими от Совета свидетельствами, с которыми бы можно было благонадежно показать себя свету. Все сие необходимо надобно внушать благородному юношеству, и в память его твердо впечатлевать во все время пребывания их в императорском нашем Шляхетного корпуса доме.

XI. О ДОЛЖНОСТИ ВСЕХ ПРИСТАВНИКОВ ВООБЩЕ

1. Все начальники сего корпуса, офицеры, воспитатели и прочие, долженствуют быть руководимы равномерным к достижению общего предмета желанием: офицерам надобно сообразоваться намерению начальника и соответствовать оному во всех правилах повиновения.

2. Всем офицерам должно разуметь воинское искусство опытами нескольких кампаний. Хотя воинские экзерциции и требуют в команде строгости, однако не будут препятствовать, чтоб и при сем также, как и при других случаях, кротость, учтивство, человеколюбие с неразрывною от прямого воспитания благопристойностью соединены были.

3. Инспекторам, воспитателям и учителям в немалое поставится искусство и похвалу, когда они, как выше узаконено, стараться будут точно узнавать склонности обучающихся, дабы для пользы их можно было употреблять за благовременно приличные средства; ибо потеряние времени скоропонятному есть вред неоплатный.

4. Как искусство и благоразумие долженствуют им быть правилом во всем без изъятия, то крайне наблюдать надлежит, чтоб воспитываемое юношество не усматривало в них ничего иного, как токмо

самое похвальное и к пользе служащее. Всем приставникам должно смотреть за кадетами в двух последних возрастах с отменным прилежанием, памятуя, что они приближаются тогда к выпуску своему из корпуса; для того в сие весьма важное воспитания время приуготовлять их к произведению истинной пользы и утверждать в них добродетель.

XII. О ДИРЕКТОРЕ НАУК

1. Важность всех предписанных инспекторам и воспитателям должностей требует, чтоб к обучению юношества наукам определен был директор. Выбирать его из ученых людей, отличные достоинства имеющих и искусных во всем, что до воспитания, до воинских и гражданских наук принадлежит.

2. Он должен с согласием инспекторов назначивать время, чему в которые часы обучать питомцов, предписывать легчайшие к тому способы, смотреть, чтоб узаконенный единожды для наук порядок наблюдаем был непрерывно, свидетельствовать знание определяющихся в учители, а учащихся по экзаменам переводить из одного класса в другой.

3. Гражданским наукам обучать и из воинского звания таких кадетов, кои пожелают оным учиться, разумеется, не только из четвертого и пятого, но и скоропонятных из третьего возраста.

О экзаменах и награждениях

1. Производить экзамен в науках и экзерциях первому и второму возрастам чрез четыре месяца, а третьему чрез шесть; быть при том генералу-директору с прочими начальствующими в корпусе и по меньшей мере одному из членов Совета. В последних двух происходить экзамену ежегодно в присутствии всех членов Совета и помянутых чинов. Во время сих свидетельств сравнивать настоящие успехи и поведение питомцев с прежним их состоянием, записанным у цензора по бывшим до того экзаменам, дабы испытать склонности учащихся, узнать, к чему природа их приглашает, и возбудить в них ревнование к успехам справедливыми преимуществами, назначивая оные во время публичных сравнений прилежания одних с нерадением других.

2. Чтоб сие к пользе соревнование в юношестве сделать общим, давать в награждение кадетам воинского и гражданского звания в пятом возрасте шесть золотых медалей, из которых две большой величины первым, две средней вторым и две меньшие третьим; в четвертом же возрасте шесть серебреных с таким же различием их величины.

Получившим медали носить в бытность в корпусе на кафтанах разной величины знаки нашивные с изображением нумеров в лавровых венцах, золотые кадетам пятого возраста, а серебреные четвертого.

Кадетам, удостоившимся первых награждений, есть ли заслужат оных во второй и третий год, делать отличие только в нашивных знаках, а медали с прежними знаками давать тем, кто по них первые, и так обо всех далее.

Что принадлежит до награждения в первых трех возрастах, Совет определит оное по своему рассмотрению.

3. Раздачу сих награждений по окончании экзаменов производить с приличною важностью при собрании особ первенствующих чинов обоего пола. Раздавать оные именем нашим присутствующему тут старшему члену Совета.

4. Все сие происхождение записывать ежегодно в особливой книге: награжденным кадетам при выпуске давать из сего копию, от Совета подписанную, секретарем скрепленную и большою печатью Шляхетного корпуса утвержденную, дабы сие на конец им служило свидетельством о их поведении, нравах и успехе в науках и экзерцициях.

Всем кадетам, кои заслужат похвальные от совета свидетельства, при выпуске своем получать преимущества и почтение порутчицкого чина.

5. Совету не определять их в службу, но после выпуска, когда сами пожелают, и в воинскую и в гражданскую принимать их не ниже сего чина. В прочем не по покровительствам, но по собственному дарованию, способности, а паче нравам и по свидетельству о своем поведении должно им искать дороги к достижению желаемых мест с преимуществом пред прочими при первой ваканции.

6. Есть ли кадеты, будучи выпущены из корпуса, окажут охоту путешествовать в чужих краях с согласия ближайших своих сродников, хотя скоро после выпуска или несколько лет спустя, получившим в последнем возрасте награждения как в воинских, так и в гражданских науках позволяем три года путешествовать на иждивении казны корпуса, а Совет определит единожды на всегда потребную для таковых сумму.

Рекомендовать их пребывающим тамо нашим министрам, что разумеется и о прочих, кои на своем коште туда поедут, хотя бы, в корпусе будучи, и награждений не получили.

7. Хотя по выпуске не состоят они под властью Совета, но, будучи обязаны благодарностью за приложенное об них попечение и оказанные благодеяния, должны подавать Совету корпуса известия как об успехах своего путешествия, так и о чинимых ими по различным местам примечаниях и изобретениях.

(«Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола», тт. I и II, СПБ 1774.)

СПОР О НАРОДНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ 1767 г.

(По «Дневным запискам» Комиссии)

2 мая депутат от пахотных крестьян Нижегородской губ. И. Жеребцов высказал мнение, между прочим, по следующему вопросу: «По силе данного нам большого наказа нашей попечительницы (158 отд.) и для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных и из тех книг, кои законодательство содержат. И того ради высокопочтенному собранию представляю на ваше полезнейшее рассуждение, чтобы из служилых людей учинить детские

школьные учения, от чего может воспоследовать общественная великая польза по такой причине, понеже те ученые люди для государственных надобностей, так и вотчинному правлению могут быть завсегда способны. А для содержания того учения подлежит учредить в знатных селениях, чтобы при тех селах для пропитания их новых студентов и торги могли быть; а ежели те служилые люди имеют селения свои малыми людьми, то для правления того учения приложить к ним государственных крестьян, дабы каждое правление было тысячи по три или по четыре мужеска пола душ; а жалованья тем как учителям их и ученикам, также и на книги — как соблаговолит наша попечительница и благопочтенное собрание гг. депутатов».

5 мая депутат Степан Любавцев в своем пространном возражении на мнение Жеребцова заявил: «...требует он, г. Жеребцов, чтоб учредить для обучения их малолетних детей школы. Оное весьма излишне: земледельцу то и школа, чтоб обучать детей с малолетства хлебопашеству и прочим домовым работам. А ежели они с малолетства будут употребляться в науки, то уже к земледелию и прочей работе склонить будет никак невозможно. Да и в самом деле это есть по г. Пензе: содержащих ландмилицию пахотных солдат, положенных в подушный оклад, около трех тысяч душ, из которых и без школ многие обучились грамоте и писать и происками произошли, хотя и в противность указу, в секретари, в регистраторы и в прочие приказные служители многие, а прочих множественное число извыкли, ездя по уездам содержать себя тем и с домом. Ныне же, как то указами запрещено, так от таковых, находящихся в праздности, всему обществу никакой пользы, кроме вреда, быть не уповательно, ибо не имеют они к земледелию и к работе прилежности, вдаются во многие непотребности: в обман, в мотовство, леность и воровство, а данные им земли многие остаются без хлебопашества и лежат впусте».

13 мая депутат Пензенской провинции от пахотных солдат и старых служб Егор Селиванов, возражая Любавцеву, говорил: «Что же он, г. депутат Любавцев, предлагает о неимении для обитающих в Российской империи содержащих ландмилицию людей училищ и будто совсем оные до них не принадлежат, то его, г. депутата Любавцева, мнение мне кажется вышедшим из правил данного Комиссии Большого наказа ниже изъясненных отделений, а особливо двух первых, в коих сказано: — закон христианский научает нас взаимно делать друг другу добро сколь возможно; полагая сие законом веры предписанное правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться в сердцах целого народа, не можем иного, кроме сего, сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет видеть все отечество свое на самой высшей степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия, — из коих первое и третье и последующие депутат Любавцев, хотя и описывает, но совершенно разуму сих великих правил последозать не мог. Когда не просвещены будут народы, возможно ли что из него сделать отечеству полезное; а чем больше просвещение входит, как не чрез науки? От чего может последовать слава, как не от просвещения? А просвещение через что может вкорениться, как не через учреждение училищ? И сам он гораздо не безызвестен, из каких чинов по большей

части купечество возымело свое умножение, как не из одних хлебопашцев, да не только из служилых государственных людей. Но со всем тем и знатное российское купечество просвещение возымело не чрез науки ли? но я, сие оставя подробно еспликовать[1], а имею честь представить то, что может ли кто сказать, чтоб от происшедших в науку из разночинцев, словом, хотя и из хлебопашцев, могло быть в земледелии уменьшение? Несправедливо по тому, ибо он, имеющий просвещение, может распространить оное, нежели десять неученых, например, как едино кормило действует самым большим судном. О хлебопашестве ему, г. депутату Любавцеву, описывать, по нетвердому об оном знанию, большой причины не предвидится. Земледелие же уменьшается не от того, как он, г. депутат, представляет, но от разных к тому препятствующих случаев.

В том же своем возражении реченный г. депутат Любавцев, между прочим, изъясняет, что и без школ по г. Пензе из вышеписанных содержащих ландмилицию многие научились грамоте и писать, а потом будто происками своими в секретари, регистраторы и прочие приказные служители, в противность указов и законов произошли. И так, из сего и предвидится доказанная им, г. депутатом Любавцевым, самих оных содержащих ландмилицию к науке охота и ревность к службе государевой. К тому же он, господин депутат Любавцев, прибавил и то, что будто обучившиеся, по непривычке к хлебопашеству, вдаются во многие непотребности. Оное кажется, по мнению моему, не сродно, а почему? — чем больше человек обучен страха божия, тем больше имеет бережливость от противных ему предприятиев, да и премудрая наша монархиня в изданном об учреждении штатов в манифесте из разночинцев и при знатных науках быть своею властью позволила, а при нынешнем законодательстве и особливую комиссию о науках учредить благоволила».

15 мая И. Жеребцов возражает Любавцеву: «На поданное возражение г. депутата Любавцева нижеследующее представить имею... Чтоб учредить для обучения детей школы, сие почитает за излишнее и говорит, что земледельцу то и школа, чтоб поучать детей с малолетства хлебопашеству. Сим выражением не допускает нас до матернего милосердия, которое блаженство нашего попечительница, повелевая 158 отделением Большого наказа учить в школах детей — то по церковным книгам, то по гражданским законам, на всех верноподданных рабов своих обильно изливает. Я не требовал заведений в рассуждении живых и прочих иностранных языков, а об сциенциях и думать не имел намерения. Но, во-первых, катехизис есть такая наука, без коей познания человеку скотом быть можно. Ибо из того произойдет, что зараженные расколом и прочих никакого о себе и своем законе понятия не имеющих в юный легко ввергнуть могут. Следовательно, познание превыспреннего существа, свято почитаемых законов, наконец самого себя — в сердце всякого из смертных внушить и впечатлеть надлежит. А сего преизящного и неоцененного дара благоденствия любезного отечества, глас усердный граждан и польза всякого, просветить себя хотящего, требуют. Следовательно, познанием трех сих пунктов, учением же приобретенных, не отвратится человек от земледелия, но помня сие правило:

[1] Изъяснять.

кто он и для чего создан, с большей ревностью к оному старание, труды и попечение приложит. Чтоб дозволить иметь при училищах торги для пропитания учащихся, то сим купечеству никакого ущерба быть не может»...

16 мая депутат от дворянства гр. Александр Строганов, похваляя мнение г. депутата от пахотных солдат И. Жеребцова, говорил: «Мнение г. депутата Жеребцова о заведении школ для пахотных солдат есть столь справедливо, что не могу преминуть воздать оному г. депутату достойной похвалы. Я притом за долг себе почитаю оное представление распространить и до самых хлебопашцев. Действительно, почтенное собрание, заведение училищ и для сей столь полезной части общества за необходимое почитаю; ибо едино просвещение человека от скота различает; едино просвещение показывает нам долг к богу, государю и к обществу. На что нам далеко искать примеров, до каких бедств доводит нас невежество? Без ужаса представить себе не могу плачевное позорище умерщвленных своими собственными крестьянами помещиков... Я уверен, почтенное собрание, что если бы просвещеннее сей род людей был, то, конечно бы, подобных свирепств мы свидетелями не были. И так, вы сами видите, сколь училища для крестьянства полезны. И когда оные из тьмы невежества выйдут, тогда и достойными себя сделают пользоваться собственностью и вольностью».

28 мая мнение Строганова поддержал и депутат дворянства П. Орлов: «Читанное г. депутата гр. Строганова изъяснение столь в чувствии моем подействовало, что я должностью моею нашел теперь также вашему, гг. депутаты, почтенному собранию, изъясниться. Без сомнения, почтеннейшие господа, уповаю, что, слышав оные г. депутата изъяснения, которым признавал он полезностью завесть для всех хлебопашцев училища и тем просветить их познанием, отвесть от дикого их невежества, производящего ужасные роду человеческому следствия, о каких он, г. депутат, изъяснил, — нашли в нем истинную справедливость, сущую откровенность и чистосердечные патриотические мысли, и потому, вероятно, чаю, что многие благородные, честные сердца не оставили уже возблагодарить ему по благопристойности. Самая истина то есть, что познание вещей и обращения время просвещает человека, и сие то просвещенное познание сообщает мыслям рассудки, коими может он дойти до разобрания доброго от худого; когда же такое различие он постигнет, то в то ж самое время будет находить плоды и возмездие обеих сих систем... И так, кажется, что просвещенное познание всего нужнее для одушевленной твари, которая есть человек; но сие познание очень редко бывает соединено с природою, следовательно, получается оно от наставления, что преподается не инде, как в училищах. Позвольте только мне представить в слабый пример худой мой собственный опыт. Я в моем селении, которое состоит в том уезде, коего от дворянства я выбран депутатом, имею самую нижнюю школу, где обучаются российской грамоте и письму крепостные мои, селянские дети, в такие лета, в кои не могут обрабатывать землю и, следовательно, хлебопашеству еще не нужны. Два или три отрока из обучившихся показывают уже мне, сколько они отменны от состарившихся в невежестве: они уже говорят лучше и читают письма; они сами собою из чтения книг находят, чем они

обязаны богу, государю, отечеству и, наконец, по законам помещику своему; они читают дома семейству своему священные книги; они уже не только помышляют о предприятиях к своему содержанию, которым не были бы тягостью своему семейству; а при всем том, сколько возраст (15 или 16 лет) обучившихся позволяет, в хлебопашестве упражняются так, как и неграмотные. Одним словом, они уже заслуживают, что можно им приказать, поверить и надеяться. Вот почтеннейшее собрание, сей-то самый последнейший опыт послужил мне в согласный пример, которым я побужден отдать справедливость изъяснению г. депутата гр. Строганова и быть с ним в том согласным».

2 июня депутат от дворянства М. Глазов подал следующее возражение на мнение депутата Орлова о заведении училищ для обучения хлебопашенных крестьянских детей грамоте: «Представляет он, г. депутат, что от 16-ти лет и ниже обучать грамоте, что и признавать изволит за полезное. А по мнению моему, оного учинить за немалым отягощением народу невозможно, да и е. и. в. изволит повелевать во отделении 350-м: «невозможно дать общего воспитания многочисленному народу и для того установить несколько общих правил, вместо совета родителям», а в 356-м: «кои принадлежат к доброму воспитанию, которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами полезными обществу». — Когда о малочисленном народе соизволила указать так, кольми паче многочисленному народу хлебопашенных людей сделать оного невозможно. Держась я сего правила, представляю следующее: ниже 16-ти лет во многих крестьянских дворах у отцов по 3, по 4 и по 5 сынов имеется, а по смерти их остаются два из оных нужных работников: 15 лет, другой 12 или 13 лет, — оные принуждены пахать и обрабатывать землю свою в две сохи, питают женский пол и меньших своих братьев, платят государственные всякие подати. Взять оных всех в училище — должно сложить с них государственные поборы: убытку воспоследовать может миллион или более, земля та, которую они работали, будет пуста, дом того крестьянина совсем должен разориться, женский пол того дому кто кормить и питать станет? А должно при всякой церкви быть училищу; учить, первое, людей церковному чину, что самый нужный член православной нашей веры, в сходственность обучать купецких детей, тако ж и отставных унтер-офицерских и солдатских детей; владельцам же, ежели пожелают, отдавать обучать праздношатающихся, коих содержать должны на своем коште, без принуждения. А нужные правила владельцам предписать: смотреть, чтоб в воскресные и праздничные дни люди их и крестьяне не работали, ходили бы к церкви божией, не делали привычки из малолетства к расколам, тако ж не были б поползновенны к воровству и разбоям, исповедались бы и святых тайн причащались, и прочие тому подобные нужные правила, кои разорение и убытку государству навести не могут».

(«Сборник Русск. историч. о-ва», т. XXXII.)

ГЛАВА IV
ОСНОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

«УСТАВ НАРОДНЫМ УЧИЛИЩАМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ» [9]

(1786 г.)

Воспитание юношества было у всех просвещенных народов толико уважаемо, что почитали оное единым средством утвердить благо общества гражданского; да сие и неоспоримо, ибо предметы воспитания, заключающие в себе чистое и разумное понятие о творце и его святом законе и основательные правила непоколебимой верности к государю и истинной любви к отечеству и своим согражданам, суть главные подпоры общего государственного благосостояния. Воспитание, просвещая разум человека различными другими познаниями, украшает его душу; склоняя же волю к деланию добра, руководствует в жизни добродетельной и напояет, наконец, человека такими понятиями, которые ему в общежитии необходимо нужны. Из сего следует, что семена таковых нужных и полезных знаний сеять еще должно с малолетства в сердцах отроческих, дабы они в юношеских летах возрастали, а в мужских, созревши, обществу плод приносили. Но как плоды сии не иначе размножить можно, как распространением самого наставления, то для сего и учреждаются ныне такие заведения, где на основании общих предписаний преподавать будут оное юношеству на языке природном. Таковые заведения существовать должны во всех губерниях и наместничествах Российской империи, под именем народных училищ, кои разделяются на Главные и на Малые.

Глава первая. О Главных народных училищах

I. О КЛАССАХ ГЛАВНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

§ 1. В каждом губернском городе быть одному Главному народному училищу, состоящему из 4-х разрядов, или классов, в коих обучать юношество следующим учебным предметам и наукам на языке природном, а именно:

§ 2. В I классе обучать чтению, письму, первоначальным основаниям христианского закона и добронравию. Начиная с познания букв, обучать складывать и потом читать букварь, правила для учащихся, сокращенный катехизис и священную историю. Обучающихся таким образом чтению заставлять при наступлении второй половины первого года писать с прописей, выговаривать и писать цифры, церковные и римские числа и притом обучать их первоначальным пра-

вилам грамматики, содержащимся в таблице о познании букв, которая находится в книге под заглавием: «Руководство учителям I и II класса».

§ 3. Книги, по которым надлежит учить юношество вышесказанным сего класса предметам, суть следующие, изданные по высочайшему повелению ее императорского величества: 1. Таблица азбучная. 2. Таблица для складов. 3. Российский букварь. 4. Правила для учащихся. 5. Сокращенный катехизис. 6. Священная история. 7. Прописи и 8. Руководство к чистописанию.

§ 4. Во II классе, или разряде, наблюдая те же предметы христианского закона и добронравия, начинать читать пространный катехизис без доказательств из священного писания, книгу „о должностях человека и гражданина" и первую часть арифметики; повторять священную историю, продолжать чистописание и учение грамматических правил, содержащихся в таблицах о правильном разделении складов, о чтении и о правописании, находящихся в вышеупомянутом Руководстве учителям I и II классов. В сем разряде начинать также обучать юношество и рисованию.

Ф. И. Янкович де-Мириево.

§ 5. Книги, по которым учить в сем классе юношество, суть следующие, изданные по высочайшему повелению ее императорского величества: 1. Пространный катехизис. 2. Священная история. 3. Книга о должностях человека и гражданина. 4. Руководство к чистописанию. 5. Прописи и 6. Первая часть арифметики.

§ 6. В III классе следует продолжать рисовальное искусство, чтение изъяснений евангелий, повторение пространного катехизиса с доказательствами из священного писания, учение второй части арифметики и первой части всеобщей истории, введение во всеобщую европейскую географию, а потом начинается землеописание Российского государства и российская грамматика с упражнениями в правописании.

§ 7. Книги, по которым учить в сем разряде, суть следующие, изданные по высочайшему повелению е. и. в.: 1. Пространный катехизис. 2. Изъяснения евангелий. 3. Вторая часть арифметики. 4. Истории всеобщей первая часть. 5. География всеобщая и Российского государства. 6. Общие чертежи земного шара, Европы, Азии, Африки, Америки и Российского государства. 7. Земной шар, или глобус, и 8. Российская грамматика.

§ 8. В IV разряде повторять российскую географию, продолжать рисование, историю всеобщую, российскую грамматику, упражняя при

том юношество в письменных в общежитии употребительных сочинениях, как то: в письмах, счетах, расписках и тому подобном. Преподавать российскую историю, географию всеобщую и математическую с задачами на глобусе; также основания геометрии, механики, физики, естественной истории и гражданской архитектуры; полагая из наук математических на первый год геометрию и архитектуру, а на второй механику и физику с продолжением тояж архитектуры, при которой чертить и планы.

§ 9. Книги, по которым следует учить юношество в сем классе, суть следующие, изданные по высочайшему повелению е. и в., как то: 1. Грамматика российская. 2. География российская. 3. География всеобщая, в которой заключается введение к познанию математическому земного шара. 4. История российская. 5. Истории всеобщей II часть. 6. Общие чертежи земного шара, Европы, Азии, Африки, Америки и России. 7. Земной шар, или глобус. 8. Геометрия. 9. Архитектура. 10. Механика. 11. Физика и 12. Начертание естественной истории.

§ 10. Сверх сего приуготовляются в каждом Главном народном училище к должностям учительским желающие быть в Малых училищах учителями. Тут обучаются они способу учебному, как в таком месте губернии, где они в знаниях своих испытуются, и потом с ведома приказа общественного призрения от директора свидетельства получают.

II. О языках иностранных при главных народных училищах

§ 11. Во всех Главных народных училищах, кроме правил языка российского, яко природного, должны еще преподаваться основания латинского для желающих учение свое продолжать в высших училищах, как то: гимназиях или университетах; а сверх того учение того иностранного языка, какой по соседству каждого наместничества, где Главное училище находится, быть может полезнее, по употреблению его в общежитии.

§ 12. Дабы изучение сих языков было основательно, надлежит преподавание оных начинать в первом разряде Главного народного училища. Продолжение учения сего будет производимо в последующих классах постепенно по наставлению, здесь припечатанному для учителей иностранных языков под № 1.

§ 13. Книги, по которым учить сим языкам, суть следующие: 1. Букварь. 2. Зрелище вселенные. 3. Грамматика того языка. 4. Прописи на иностранных языках и 5. Словарь.

III. Об учебных пособиях в главных народных училищах

§ 14. Пособия для учащих и учащихся в Главном народном училище должны быть следующие, поколику не всякой иметь оные сам собою может:

§ 15. Книгохранилище, состоящее из разных иностранных и российских книг, а особливо касающихся до учебных предметов Главного народного училища, и из чертежей, потребных к распространению географических знаний.

§ 16. Собрание естественных вещей изо всех трех царств природы, потребных к изъяснению и очевидному познанию естественной истории,

особливо же всех домашних естественных тоя губернии произведений, в коей Главное народное училище находится.

§ 17. Собрание геометрических тел, математических и физических орудий, чертежей и моделей, или образцов для изъяснения архитектуры и механики.

IV. ЧИСЛО УЧИТЕЛЕЙ ГЛАВНОГО НАРОДНОГО УЧИЛИЩА И РАЗДЕЛЕНИЕ ЧАСОВ УЧЕБНЫХ

§ 18. В Главном народном училище быть 6 учителям и обучать наукам по расположению предметов и часов, приложенному под № 2, а именно: 1. Учитель обучает в III разряде 2-й части арифметики, грамматике российской и латинскому языку и продолжает в IV российскую же грамматику и латинский язык, где он преподает также геометрию, архитектуру, механику и физику, занимаясь 23 часа в неделю.

§ 19. Один учитель обучает всеобщей и российской истории, всеобщей и российской географии и естественной истории, занимаясь в III и IV классе 23 часа в неделю.

§ 20. Один учитель II класса обучает всего 29 часов в неделю предметам своего разряда или класса и изъяснению евангелий и пространному катехизису в III классе.

§ 21. Один учитель I класса обучает 27 часов в неделю предметам своего класса.

§ 22. Один учитель рисования обучает II, III и IV класс по 4 часа в неделю, то есть: в среду и субботу после обеда, по 2 часа.

§ 23. Один учитель языка иностранного обучает 18 часов в неделю.

Глава вторая. О Малых народных училищах

I. О КЛАССАХ МАЛЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

§ 24. Малые училища суть те учреждения, в коих обучается юношество на природном языке учебным предметам, преподаваемым в I и II классе Главного народного училища, выключая учение иностранных языков, и с тою при том отменою, что во II классе Малых сих училищ, по окончании первой части арифметики, предприемлется и оканчивается вторая. Сии училища должны существовать как в губернских городах, где одного Главного не довольно, так и в уездных городах и где еще по усмотрению приказа общественного призрения на первый случай быть могут надобны.

§ 25. Книги, по которым надлежит обучать юношество в сих училищах, суть вышепоказанные, изданные по высочайшему повелению ее императорского величества для первого и второго классов Главных народных училищ.

II. О ЧИСЛЕ УЧИТЕЛЕЙ МАЛЫХ УЧИЛИЩ И ЧАСАХ УЧЕБНЫХ

§ 26. В Малых училищах быть двум учителям, одному в первом и одному во втором разряде, как и в Главном народном училище; но если число учеников будет невелико, в таком случае и одного доволь-

но. — Рисованию обучает один из них же, который сие искусство разумеет; а иначе принимается и особливый. Числю часов определяется им по расположению, у сего приложенному под № 3.

Глава третья. О должностях учительских

I. ОБЩИЕ ДОЛЖНОСТИ ВСЕХ УЧИТЕЛЕЙ

§ 27. Каждый учитель должен иметь книгу по приложенному здесь образцу под № 4, в которую записывает учеников, в его разряд вступающих или из других разрядов к нему переводимых.

§ 28. Они должны всех в классы их приходящих учеников и учениц обучать, не требуя от них никакой платы за учение. При самом же обучении не должны они пренебрегать детей бедных родителей, но всегда иметь в памяти, что они приуготовляют члена обществу.

§ 29. Наблюдать им точно и в каждое время учебные часы, назначенные по расположениям, здесь приложенным под № 2 и 3.

§ 30. Во время учебных часов иметь им месячный список ученического прилежания пред собою, по образцу, в Руководстве учителям I и II классов находящемуся, и в оном отмечать отсутствующих, у которых на другой день спрашивать о причине небытия, и требовать, дабы они от родителей или родственников своих приносили свидетельства, что не были действительно за нуждою или за болезнию. В случае же частых отлучек наведываться точнее у родителей их или опекунов самим или чрез других, для чего дети их в училища не приходят, полученный же ответ записывать.

§ 31. При преподавании учения не вмешивать учителям ничего постороннего и до учебного предмета не касающегося, ниже что либо предпринимать, чем бы продолжение учения или внимание учеников могло остановиться.

§ 32. Стараться всеми силами, дабы ученики преподаваемые им предметы ясно и правильно понимали; чего ради можно им сказывать, а иногда и на доске написать нарочно с ошибками, чтобы чрез то узнать, понимают ли они исправно сказанное, примечают ли ошибки и умеют ли их поправить.

§ 33. Все учители должны во всем сообразоваться предписанному способу преподавания и не употреблять иных книг, кроме в уставе сем назначенных. А как учители I и II класса обязаны еще по изданному им руководству исполнять все предписанные в оном правила во всякой точности, так равномерно должны и все прочие вышних классов учители поступать по оному же; что касается до сохранения общего школьного порядка и должностей учительских, то есть наблюдать все то, что в оном руководстве в части III о звании, качествах и поведении учителя, а в IV о школьном порядке находится.

§ 34. Наипаче же требуется, чтоб учители подавали учащимся своим собственным поведением и поступками примеры ко благочестию, добронравию, дружелюбию, учтивости и прилежанию, избегая пред ними как в словах, так и на деле всего того, что причинить может соблазн или подать повод к суеверию.

§ 35. Если учителю за болезнию или по другой какой-нибудь законной причине в классе быть не можно, то заблаговременно доносить о том директору или смотрителю для принятия потребных мер к назначению между тем другого, дабы учащиеся праздны не были; и в таком случае должен другой учитель по назначению директора или смотрителя заступать безоговорочно место другого.

§ 36. Вообще требуется, чтоб учители друг другу помогали делом и советом и оказывали пред учениками должное друг к другу уважение. Как в Главных народных училищах, так и Малых да не пренебрегают отнюдь учители вышних классов учителей нижних и да не унижают преподаваемых ими предметов пред учениками или людьми посторонними: ибо все учители и все учебные предметы суть равно нужные части одной цепи; напротив чего и учители нижних классов должны учтивством своим предварять тех учителей, которые наукою их превосходнее.

§ 37. Учителям, живущим в училище, запрещается ночевать в другом месте, кроме училища, выключая однако же случаев и отсутствия по законным нуждам; равным образом не дозволяется им, кроме воспитанников и приставленных к ним во услужение, оставлять у себя ночевать и жить чужих посторонних людей без уведомления о том начальников своих.

§ 38. Всем учителям дозволяется содержать у себя воспитанников по своему благорассуждению и преподавать им частные наставления сверх учебных часов. Сих воспитанников должны они также записывать в книгу прочих учеников и посылать в классы, наблюдая строго, чтоб они поступали и вели себя по введенным в училищах правилам. При отхождении их ко сну и вставши от сна, при начале и окончании учебных часов, также перед кушанием и после оного заставлять их читать молитвы, приучая к тому своим примером. Для сохранения же неповрежденного юного их сердца, которое суеверием или другим каким заблуждением и непристойностями легко развратить можно, надлежит учителям остерегаться и остерегать воспитанников своих ото всех суеверных, баснословных и развратных дел и разговоров, беседовать же с ними, а особливо при столе, о полезных таких предметах, которые могут расположить сердце их к добродетели, а душу к благомыслию, чему дети и охотно следовать будут, если учитель станет поступать с ними тщательно и наблюдать, дабы они ничего развратного даже от слуг и служанок не видали и не слыхали. В месячных рапортах, подаваемых директору или смотрителю, должны учителя уведомлять также о поведении, прилежании и успехах воспитанников своих, означая при том, когда они вступили к нему на содержание, что знали при вступлении, что им в классах того училища и частно в покоях преподаваемо было и с каким успехом. Не дозволяется учителям употреблять воспитанников, вверенных им от родителей единственно для науки и воспитания, в постороннее дело, домашнюю работу или в посылки, но паче наблюдать, чтоб все время пребывания их на содержании обращено было по намерению родителей в пользу воспитанников. Учителям препоручается также подавать воспитанникам своим наставления во благонравии и вежливости, показывая как сидеть благо-

пристойно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково, даже со слугами и служанками. Во время прогулки показывать им примечания достойное и встречающиеся ко нравоучению случаи обращать в их пользу. Если кто из воспитанников в воскресные и праздничные дни останется у своего учителя, то учитель должен истолковать ему изъяснение евангелия того дня и взять его с собою в церковь, напоминая ему, дабы он как вообще стоял там благопристойно, так особливо внимал изъясненному евангелию и проповеди. Учителям наблюдать также прилежно, дабы воспитанники их ни под каким видом самовольно из дому не отлучались.

§ 39. При открытых испытаниях, которые производить по окончании каждого учебного течения удобнее ныне признается перед Новым годом и пред Петровым днем, поступать в прочем, как в главе V части IV Руководства учителям I и II класса предписано. Каждый учитель должен представить директору или смотрителю список ученикам своего класса по образцу, приложенному под № 5, и испытывать из преподаваемых им предметов учения по назначению директора или смотрителя, а наконец имена прилежных и благонравных учеников прочитывать.

§ 40. Учитель должен подать директору список тем ученикам, которых он намерен перевести по окончании открытого испытания в вышний класс, и испытать их еще порознь в присутствии директора и того учителя, к которому перейти должны в следующий класс.

II. ОСОБЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ ГЛАВНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

§ 41. Учителям I и II классов обучать точно по правилам, содержащимся в книге под заглавием: Руководство учителям I и II классов; учителям же III и IV классов по правилам, предписанным в предисловиях книг их, а именно: в грамматике, истории, географии, геометрии, в архитектуре, физике, истории естественной и прочих. А как у каждого ученика вышних классов должна быть особливая тетрадь, в которой замечать и записывать учительские изъяснения и примечания во время учебных часов, то учителям прилежно наблюдать, исправно ли деланы оные замечания; а в случае неисправности не оставлять их без совета и наставления.

§ 42. Учебные предметы I, II и III классов оканчивать им в течение каждого года; науки же IV класса в течение двух лет.

§ 43. Учители I и II разрядов должны сами обучать учеников своих латинскому языку; в III же и IV классах должен обучать уже оному учитель наук математических.

§ 44. Учение латинского и чужестранного соседственного языка производить в Главном народном училище по предписаниям, находящимся в вышеупомянутом наставлении учителям, обучающим иностранным языкам.

§ 45. Рисованию обучать учителям по предписанию изданного для них нарочно руководства, в печатной небольшой книжке состоящего.

§ 46. Дабы история российского государства имела со временем

достоверные памятники, откуда бы заимствовать доказательства происшествий касательно до распространения наук, то учителям вышних классов, а именно IV и III, при помощи директора надлежит вести общим трудом записку заведенным и впредь заводимым народным училищам, как в губернском городе их наместничества, так и в уездных городах и других окрестных местах тоя губернии или наместничества. В такой записке означать точно год и число, в чье царствование основаны сии училища, при каком генерал-губернаторе, губернаторе, директоре, членах приказа общественного призрения, при каких именно смотрителях и учителях, бывших с самого основания училищ, показывая, где сии учители учились, откуда они родом, також коль велико было число учеников и учениц, как оно умножалось или уменьшалось и куда учившиеся выбывали, окончив учение всех или некоторых токмо наук. Вообще описывать тут все успехи учения и наук того наместничества или губернии; замечая состояние и приращение книгохранилища и собрания естественных вещей и всех прочих пособий при Главном училище, в какие времена и какими знатными особами были училища посещаемы, что при таких обстоятельствах примечания достойного случалось; с каким успехом открытые испытания производимы были; сколько учителей в Главном народном училище приготовлено для нижних народных училищ, когда и в какие места они определены и что в пользу сих заведений в наместничестве правительством или частными благодетелями сделано. Нужные к таковому описанию сведения по училищам своего наместничества должны вышеупомянутые учители испрашивать себе от приказа общественного призрения чрез своего директора; описание же сие продолжать ежегодно и, приготовляя к 1 числу генваря, присылать оного один список в Главное училищ правительство, а другой хранить в библиотеке Главного народного училища, внеся оный в роспись книгам.

§ 47. Поелику ищущие мест учительских или в народных или в домашних училищах должны наперед экзаменованы быть учителями Главных народных училищ не токмо в тех самых науках, кои они преподавать желают, но также и в способе преподавания оных, то в случае недостаточного как в том, так и в другом знании ищущих, учители Главного народного училища долженствуют им в том пособствовать как во время преподавания публичных наставлений, так и особенно изъясняя им Руководство учителям I и II класса и показывая при том как вести списки, донесения и другие письменные к учительской должности принадлежащие дела.

§ 48. Учители Главного народного училища обязаны каждый месяц подавать директору общий рапорт об успехах учения, поведения учеников и о всех школьных надобностях по образцу, приложенному под № 6.

§ 49. Один из учителей вышних классов Главного народного училища принимает на себя, по назначению директора, должность книгохранителя, имея в рассмотрении своем книги; за прочими же пособиями должны иметь присмотр те учители, которым оные по науке их принадлежат; в чем как поступать они имеют, дается им письменное наставление от директора.

III. ОСОБЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ МАЛЫХ УЧИЛИЩ

§ 50. Должности учителей Малых училищ суть те же, каковые и учителей I и II класса Главного училища, выключая только иностранные языки.

§ 51. Оканчивать им учение учебных предметов каждому в своем классе в течение одного года.

§ 52. Обучать и поступать им точно по правилам, содержащимся в Руководстве учителям I и II класса.

§ 53. Подавать им месячные рапорты об изученных предметах, о успехах и поведении учеников и о всех школьных потребностях, по приложенному под № 6 образцу, в губернском городе директору, а в уездных городах смотрителю.

IV. ОБОДРЕНИЯ УЧИТЕЛЯМ

§ 54. Все учители, в народных училищах обучающие, получая жалованье по положению штата, считаются в действительной службе императорского величества и могут ожидать тех же воздаяний, которые рачительною службою в других званиях приобретаются.

§ 55. Учителям дозволяется содержать у себя воспитанников, по добровольному условию с их родителями или опекунами, и в свободное время наставлять их еще сверх общих учебных часов, кои положены в училищах.

§ 56. Позволяется пользоваться им с должною бережью книгами и другими пособиями, Главному народному училищу принадлежащими, получая оные под расписку.

Глава четвертая. Об учениках

I. ДОЛЖНОСТИ УЧЕНИКОВ

§ 57. Всем ученикам и ученицам должно наблюдать изданные правила для учащихся. Правила сии обязывают вообще всех учеников без изъятия вышних и нижних классов, и того ради должен каждый ученик, для познания должностей своих, снабдить себя сею книжкою, чего и требовать от их родителей или опекунов.

§ 58. Ученики должны почитать своих учителей, повиноваться их приказаниям и исполнять оные с точностью; за ослушание же учителю, непочтение и леность подлежат наказаниям, предписанным в Руководстве учителям I и II класса части IV во II главе о школьной строгости.

§ 59. Все ученики должны снабдить себя книгами, к классу их принадлежащими; а при том иметь с собою в готовности бумагу, перья и другие к письму, рисованию и иным наукам принадлежности.

§ 60. У каждого ученика Главного народного училища вышних классов должна быть особливая тетрадь, в которой ему записывать учителевы изъяснения во время часов учебных.

II. ОБОДРЕНИЯ УЧЕНИКАМ

§ 61. Имена учеников, отличивших себя успехами в науках, прилежанием и благонравием, провозглашаются пред всеми присутствующими по окончании каждого открытого испытания, а потом вносит их

учитель в записную свою книгу, дабы память их сохранить в пример будущим их товарищам. Наконец раздают каждому из сих отличившихся по учебной книге в хорошем переплете за собственноручным подписанием директора народных училищ, что она такому-то именно подарена за оказанные успехи, прилежание и благонравие от приказа общественного призрения.

§ 62. Ученики, окончившие предписанное течение наук и получившие свидетельство о знании своем и доброправии за подписанием учителей и директора, при определении к месту другим предпочитаются.

Глава пятая. О попечителе народных училищ губернии или наместничества

§ 63. Попечитель народных училищ в каждом наместничестве есть губернатор, имеющий по генерал-губернаторе главное об училищах попечение. Он, поспешествуя на месте благосостоянию сих матерних ее императорского величества заведений, служащих к просвещению и добронравному воспитанию юношества, долженствует стараться ободрять попечением своим как учащих и учащихся, так и самих над училищами надзирающих. Яко председатель приказа общественного призрения, старается он не токмо советом, но и властью, законами ему данною, подавать всякую помощь директору и смотрителю ко исполнению всего того, что в уставе сем предписано и что к пользе училищ клонится, удаляя напротив того, что благосостоянию оных вредить может.

§ 64. Одна из числа первейших должностей попечителя есть стараться о распространении народных училищ от Главного, в губернском городе находящегося, не токмо по городам уездным, но и другим селениям, колико способы ему то дозволять будут. На сей конец выписывает он с ведома генерал-губернатора или в небытность его и сам из духовных семинарий своего наместничества способных по засвидетельствованию директора людей для наполнения мест учительских, если с воли желающих на таковые места не будет, и по надлежащем чрез директора в способе учебном или и других знаниях приуготовлении доставляет их в заводимые училища.

§ 65. По обстоятельствам места, состоянию и имуществу жителей, может также попечитель, с ведома генерал-губернатора, прибавить и к Малому иному училищу III и IV класс, когда есть в прочем довольные к тому способы.

§ 66. По представлению директора поспешествует попечитель заведению и наполнению кабинетов Главного народного училища как естественными вещами изо всех трех царств природы, особливо же в той губернии и наместничестве родящимися, так и орудиями физическими и математическими, а книгохранилища книгами, ландкартами и чертежами, поощряя к пособию в том училищам дворянство и граждан.

§ 67. Попечитель, объезжая свою губернию, яко губернатор, если случится ему быть в тех местах, где училища находятся, не оставит осмотреть их самолично, как заведений, не менее других пользы в себе заключающих.

§ 68. Яко председатель приказа общественного призрения наблюдает попечитель и по домашним училищам за исполнением наказа, содержателям оных данного.

Глава шестая. О директоре народных училищ

§ 69. Директор народных училищ выбирается и определяется генерал-губернатором. Он должен быть любитель наук, порядка и добродетели, доброхотствующий юношеству и знающий цену воспитания. Он заседает в приказе общественного призрения по делам, до училищ касающимся.

§ 70. Директору, преходя служение свое с должным усердием, наблюдать, дабы все в уставе сем предписанные установления и правила во всех вверенных ему народных училищах той губернии и от всех подчиненных ему чинов были исполняемы.

§ 71. Принимает он месячные рапорты как от учителей народных училищ в губернском городе, так и присылаемые чрез смотрителей от учителей уездных школ. Если усмотрит какие нужды или недостатки в училищах, то оные немедленно исправляет или сам, или докладывая приказу общественного призрения, буде важны. Из оных же рапортов и из списков прилежания, подаваемых при открытых испытаниях, сочиняет он при конце каждого учебного течения полную ведомость о состоянии всех сих в ведении его находящихся народных училищ по образцу под № 7; подписав сию ведомость, подает приказу общественного призрения, а приказ, оставив у себя с оной копию, посылает подлинную в Главное училищное правительство.

§ 72. Директору наблюдать, чтоб учители, определяющиеся в народные училища, знали способ преподавания и учения, особливо же I и II класса. Он должен желающих познать сей способ допускать в Главное училище к изучению оного; и когда кто окажет в оном довольное искусство на испытании пред учителями Главного народного училища и в его присутствии, то, отобрав от сих письменные о таком свидетельства, представлять оные купно со своим приказу общественного призрения, и по определению оного дает испытанному свидетельство на способность его и знание должностей учительских за собственным своим подписанием. И по сему наблюдать директору, дабы никто, неимеющий такового свидетельства, в народных училищах не обучал.

§ 73. Директор, имея беспосредственное надзирание над учителями, долженствует принимать их и поступать с ними, яко носящими на себе трудные и важные должности воспитания сыновей отечества, ласково и не оставлять их делом и советом как в классных, так и в собственных их нуждах, особливо же не покидать их в болезнях. Если же паче чаяния кто из учителей окажет себя в должности своей нерадивым и в поведении неблагонравным, в таком случае директор увещевает его раз и другой; не усмотря же исправления и приискав на место его другого, от должности его отрешает, однакож с дозволения попечителя и с ведома приказа общественного призрения.

§ 74. В случае болезни которого-либо учителя, старается директор, дабы класс его праздным не оставался, препоручая на то время или одному из лучших учеников делать повторения или, если есть ищущий должности учительской, упражнять сему учеников.

§ 75. Директору смотреть, чтоб учители принимали и записывали всех желающих и являющихся у них учеников и учениц и отнюдь никому не воспрещали ходить в классы, разве зараженным какою прилипчивою болезнию, что самое наблюдать смотрителю и в уездных училищах.

§ 76. Директор, долженствуя иметь смотрение за благонравием учащихся, не менее как и за успехами их в учении, должен в таком случае, когда который ученик в проступках своих и пороках по многократным учительским увещаниям не исправляется, давать родителям или опекунам такового о закосневающем во зле ведать, объявляя при том, что ученик будет исключен, если он не исправится, что и действительно директор по довольном и зрелом уважении, основываясь на правилах кротости и человеколюбия делает, буде ученик еще не переменит поведения своего, записывая вину его и причины исключения и донося о том приказу общественного призрения. Ученикам же, окончавшим учение свое порядочно и выходящим из училищ, дает на знание и поведение их за подписанием своим и за печатью приказа общественного призрения свидетельство.

§§ 77—79. [О приобретении, учете, хранении и использовании учебных книг и пособий.]

§ 80. Директор должен в губернском городе осматривать народные училища по крайней мере каждую неделю один раз, а если время допустит, и чаще, по уездам же каждый год по крайней мере однажды.

§ 81. Директору наблюдать, чтоб при конце каждого учебного течения, по предписанию Руководства учителям I и II классов части IV главы V, открытые испытания производимы были не токмо в Главном народном училище, но и во всех других той губернии училищах два раза в год, с 26 декабря по 6 генваря и с 29 июня по 3 июля. При таковых испытаниях присутствовать ему самому по училищам губернского города и делать нужные к тому приуготовления. По окончании оных раздавать отличившимся ученикам показанные выше награждения и наконец переводить успевающих в вышние классы...

§ 82. Для благолепия церквей и большого прилепления учеников к молитве и благоговению стараться директору, дабы они обучаемы были церковному пению вне учебных часов, а обученные в церквах пели и читали.

§ 83. Как учителям народных училищ невозбранно содержать у себя при оных воспитанников, то директор обязан иметь смотрение, дабы содержание и воспитание оных происходило соответственно намерению родителей и изданному о том в сем уставе предписанию; поелику благонравие и успехи сих воспитанников не токмо могут принести честь учителям, но и самим училищам.

§ 84. У директора находятся в ведении и частные в губернии находящиеся пансионы или домашние училища, по которым наблюдать ему все то, что в приложенном здесь наказе под № 8 предписано.

Глава седьмая. О смотрителе уездных народных училищ

§ 86. В каждом уездном городе избирается попечителем народных училищ один смотритель из граждан того города для всегдашнего призору за училищами, в том месте находящимися.

§ 87. Должность смотрителя наблюдать, чтоб все в сем уставе предписанные установления и правила, до Малых народных училищ касающиеся, исполняемы были.

§ 88. Он принимает от учителей месячные рапорты, которые посылает в приказ общественного призрения для вручения директору.

§ 89. Смотрителю надлежит осматривать училище каждую неделю по два раза, и наведываться, прилежно ли ходят ученики в училище; в противном же случае должен он их увещевать и родителям их о том давать знать. При сем смотрит, дабы и учители учебные часы не прогуливали, а ученики в воскресные и праздничные дни приходили в церковь и, словом сказать, все то исполняли, что в уставе сем им предписано.

§ 90. Смотритель должен дать учителям всякую помощь в случае классных и собственных их законных нужд, особливо же в болезнях. Поступать с ними ласково и вежливо; а если паче чаяния учитель окажет себя в должности своей и в поведении нерадивым и неблагонравным, в таком случае увещевает его раз и другой; но, не усмотря исправления, доносит об оном директору, который поступает по своему наказу.

Глава восьмая. О части хозяйственной народных училищ

§ 94. Как училища народные, по силе изданных о управлении губерний учреждений, состоят в ведении приказа общественного призрения, то оный не токмо обязан иметь смотрение за исполнением сего устава во всей своей силе, но и печися сам о содержании оных, изобретая к тому все потребные способы.

§ 95. И по сему имеет он в непосредственном своем ведении все училищные дома, о коих чистоте, исправности и потребах прилагает всегдашнее попечение, наблюдая, дабы оные для училищ были достаточны и расположены следующим образом.

§§ 96—98. [О типе зданий для народных училищ.]

§ 99. Вообще быть училищам сим по близости церквей, или среди города, или, ежели училищ более одного, среди той части, для которой училище заведено.

§§ 100—102. [О присмотре за училищными зданиями.]

§ 103. Приказ крайне старается содержать всегда в готовности довольное число потребных училищам учебных книг, которые он закупает в книжной лавке народных училищ, и хранит оные как для продажи, так и для безденежной раздачи бедным ученикам.

§ 105. Приказ пересылает в училищное главное правительство при конце каждого учебного течения полную директором сочиняемую ведомость, о состоянии всех в наместничестве находящихся училищ,

с приложением примечаний своих как в рассуждении учителей, так и прочего уважения правительства заслуживающего.

§ 106. Приказ общественного призрения должен присылать в главное училищное правительство каждый год в январе месяце подробный счет всем приходам и расходам, до училищ касающимся.

Глава девятая. О главном правительстве училищ

§ 108. Все заведенные и впредь заводимые народные и домашние училища зависят от главного правительства училищ в Российской империи, которое состоит непосредственно под ведением е. и. в., и докладывает по делам училищ ее величеству прямо. (Таковое главное управление вверено от е. в. Комиссии, об училищах в государстве учрежденной.) В назначенные дни собирается оно для решительного рассуждения о всем, что к пользе и приращению успехов учения по сим училищам служить может.

§ 109. Главное училищное правительство содержит свою канцелярию и архиву. Имеет также печать свою по утвержденному образцу, под коею все сообщения и письма принимаются на всех почтах в Российской империи безденежно, так как и присылаемые в оную.

§ 110. Как главное правительство училищ должно стараться, дабы училища книгами, ландкартами и всеми нужными пособиями могли быть снабдеваемы, то и дозволяется ему завести и содержать собственную свою книгопечатню с другими мастерскими палатами, какие для печатания книг, вырезывания ландкарт и прочих училищных надобностей могут быть потребны; или также по благорассуждению печатать книги и вырезывать ландкарты у вольных мастеров. Однако ж как печатание учебных и других его книг и ландкарт, так и продажа оных присвояется единственно главному училищному правительству, почему и перепечатывание оных без дозволения главного училищного правительства никому позволено быть не может.

§ 111. Главному правительству наблюдать, чтоб устав сей был исполняем во всем его пространстве и во всех его частях, имея власть в учительские должности определять способных, в силу сего устава.

§ 112. При конце каждого года главное училищное правительство доносит ее императорскому величеству о состоянии всех в империи существующих народных и домашних училищ.

§ 113. А дабы главное училищное правительство было благонадежно, что все в уставе сем узаконенное исполняется, то по рассмотрении отправляет или из членов своих, или из находящихся в ведении его других чинов, для осмотра училищ в наместничестве, когда и куда рассудит, снабдевая таковых отправляемых наказом, по коему им подавать по возвращении точное известие в главное училищное правительство, в каком они находили училища состоянии, с приложением собственных своих примечаний и мнения, как привести оные в лучшее состояние; о чем главное училищное правительство, смотря по надобности, докладывает императорскому величеству.

(Полное собр. зак. № 16421.)

«О ДОЛЖНОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА» [10]

(Учебная книга для народных училищ, изданная по повелению Екатерины II в 1783 г.)

Вступление. О благополучии вообще

1. Всяк человек желает себе благополучия, и не довольно того, чтоб другие о нас думали, что мы благополучны, но всяк хочет быть в самом деле благополучным и сего благополучия желает не на короткое время, но навсегда и вечно.

2. Во всяком звании можно быть благополучным. Часто думают люди, что одни только цари, князья, благородные и знатные особы благополучную жизнь имеют; сие однакож несправедливо; благость божия ни единого человека не исключила от благополучия; граждане, ремесленники, поселяне, также рабы и наемники могут быть благополучными людьми.

3. Можно также быть и во всяком звании неблагополучным; не надобно думать о людях низкого и убогого состояния, чтоб они были неблагополучны: ибо часто знатные и богатые бывают еще гораздо неблагополучнее простых и неимущих людей.

4. Правда, что во всяком звании есть нечто приятное, чего другие звания не имеют; но за то и всякое звание имеет собственные свои тягости. Самое естество вещей мира сего приносит сие с собою, и сам бог тако устроил.

Итак, кто иное звание себе избирает или кого бог в иное звание поставляет, тот должен и тягости звания того на себя принять и терпеливо оные сносить.

Не должно нам никогда того желать, что званию нашему непристойно, потому что и получить того не можно: тщетное желание мучило бы только наше сердце; а мы можем по мере состояния нашего быть благополучными, хотя и лишены того, что другие в высших степенях имеют.

5. Не терзались бы люди толь многими суетными желаниями, когда бы знали, что благополучие не содержится в вещах, вне нас находящихся. Не состоит оно в богатстве, то есть: в землях, многоценных одеждах, великолепных украшениях или в других вещах, кои видим и округ себя имеем. Богатые удобно себе таковые вещи могут доставить; но чрез то они еще не суть благополучны, и сие доказывает, что благополучие не состоит в обладании таковых вещей.

6. Истинное благополучие есть в нас самих. Когда душа наша хороша, от беспорядочных желаний свободна и тело наше здорово, тогда человек благополучен. Итак, те люди только на свете прямо благополучны, кои состоянием своим довольны; ибо без довольствия, спокойные совести, благочестия и благоразумия самой богатой и знатной столько же мало может быть прямо благополучен, как и самого низкого состояния человек.

Для приобретения же добрые совести, здравия и довольствия обязаны мы:

а) *Напаять душу нашу добродетелью.*
б) *Пещись надлежащим образом о теле нашем.*
в) *Исполнять общественные должности, на которые мы от бога определены.*
г) *Знать правила хозяйства.*

Часть III. О должностях общественных, на которые мы от бога определены

ГЛАВА ПЕРВАЯ. О СОЮЗЕ ОБЩЕСТВЕННОМ ВООБЩЕ

1. Всякой человек должен ближнего своего, то есть других людей, любить и им делать столько добра, сколько он по обстоятельствам своим может; для того, что всякой человек тогож самого от других и себе желает.

2. То состояние, в котором все потребное к нужде и выгоде человеческой жизни легко получить, спокойно оным владеть и наслаждаться можно, называется *внешним благополучием.*

3. Люди без помощи других не могут доставить сами себе всех надобностей и выгод жизни, ради многих препятствий; следовательно не могут они привести сами себя в состояние внешнего благополучия; но потребно им к тому содействие других людей. Сие подало причину, что многие люди соединились в одно общество, в том намерении, чтоб друг другу в потребном к их нужде и выгоде помогать.

4. Из сего следует, что мы должны тех, кои нам к сему внешнего благополучия состоянию или действительно помогают или помогать могут, любить, то есть: им по возможности нашей оказывать добро и быть полезными, следовательно и благополучия их взаимно искать. И так *человеколюбие* есть основание общества.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. О СОЮЗЕ ГОСПОД И СЛУГ

1. Третий союз есть союз господ и слуг. Он состоит между господином и рабами, домоначальником и служителями обоего пола. Таковые союзы были без сомнения еще от начала мира, потому что Авраам имел во Египте рабов и рабынь.

2. Общество сие господ и слуг богу отнюдь не противно: поелику есть заповеди божии, кои как господам, так и слугам, свободным и рабам, должности их предписывают. Павел в первом послании к коринфянам (гл. 7, ст. 21, 22, 24) ясно о рабах и свободных упоминает и каждого из сих обоих состояний увещевает и тако говорит: *Раб ли призван есть кто, да не печалится: раб вкупе и свобод во звании своем да пребывает.*

3. Господа и домоначальники не должны рабов своих и домашних работами выше сил их отягощать, ниже требовать от них более того, к чему сии обязаны. Они должны рабов своих и домашних от всякого зла отвращать и ко всякому добру, а паче ко службе божией, побуждать, обходиться с ними человеколюбиво, обыкновенную или обещанную им плату и хлеб в надлежащее время и без уборки выдавать.

4. Рабы и слуги должны господ своих и домоначальников любить и почитать и по званиям своим повиноваться, и при том не по наружному токмо виду, но искренно и от всего сердца. Должные службы обязаны они охотно и верно со тщанием и в надлежащее время исправлять, дабы они господам и домоначальникам действительно полезны быть могли; и сим обязаны они не токмо добрым, но и неправящимся им. Также должны они господам и домоначальникам своим угождать, пользы их всеми силами искать, и всякой вред от них отвращать, и уреченною и определенною платою довольствоваться, и ни под каким видом, будто бы более заслуживали, ничего тайно себе не присвоять, и от оставшихся за господскими расходами денег ничего не удерживать и не утаивать.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЧЛЕН I. О ГРАЖДАНСКОМ СОЮЗЕ ВООБЩЕ

1. Четвертый род союза есть тот, в котором многие семейства, соединившись вместе, живут под одною державою и под одинакими законами совокупно. Таковые союзы, или общества, называются *гражданскими,* иначе же называются *народами.*

Сии общества произошли различными образами, уставлены же одинаким: иногда начальник многочисленного племени покорял себе насильно слабых, иногда превосходные свойства какого-нибудь человека побуждали других ему подчиниться и вверить ему учреждение общего их благосостояния, или попечение о их защите, либо на короткое время, либо по смерть его, или потомкам его, с некоторым или без всякого изъятия. Бывали народы, да и ныне еще такие есть, у коих многие особы о благосостоянии сограждан своих пекутся и ту же власть имеют, какую имеет в государстве государь. Сии общества называются *республиками.*

2. Хотя бы тем или иным образом правление в какой земле было установлено, однако в каждой есть либо один или многие повелевающие, коим прочие должны повиноваться.

3. Повелевающие особы, во всех учреждениях своих, общее всех подданных благополучие намерением себе поставляют. Они повелевают и запрещают то, чтобы каждой из подданных сам стал делать или не делать, когда бы мог в общий союз всех обстоятельств проникнуть и когда бы имел при том довольно просвещения избирать то, что может утвердить его благополучие.

4. Те, кои повелениям верховных начальников подчинены, следовательно им и повиноваться должны, то есть *подданные,* должны иметь совершенную доверенность к вышшему разуму верховных своих начальников, на благость их полагаться и твердо уповать, что повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему гражданскому обществу полезно, и что они ничего иного не желают, кроме того, что обществу за полезное признают.

5. Ослушания закону должен каждый подданный, как наибольшаго зла в обществе, остерегаться; ибо чрез то полагается препятствие тому общему добру, которое верховное начальство сохранить старается.

6. Все правители держав и верховные начальники не были бы то, ниже пребыли, что они теперь суть, когда бы бог, который все в мире сем управляет, на то не соизволил. Сего ради говорит нам священное писание, что власти от бога установлены, установлены же для благосостояния тех, коими они повелевают.

ЧЛЕН V. СТАТЬЯ 4. О ПОЛЬЗЕ И НАДОБНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЙ

1. Земля произносит бесчисленное множество растений и других вещей, к различным потребям служащих, и людям к пользе, удовольствию и наслаждению удобных. Повсюду бывают люди весьма различных склонностей и способностей. Много таких, кои произведения земли весьма различными образами приготовляют; много же еще и таких, кои искусство сих для нужд своих охотно употребляют.

2. Почти из всех творений, даже и из малейших частей оных, умеют в нынешнее время делать употребление. Люди пользуются чрез то дарованною им от бога при сотворении властью, и поелику люди творения тако употребляют и их обделывают, то исполняют они то самое, что бог ко Адаму сказал, то есть: что люди получают пищу и пропитание свое от земли со многим трудом, хотя и не все ее пашут.

3. При сем надлежит нам премудрости, благости и промыслу божию удивляться и благодарить, что бог, создав все твари и щедрою рукою по всей земле их разделив, создал их всех ко употреблению человеческому. Мы же, видя, что они чрез труды наши весьма полезными быть нам могут, не можем сомневаться, что при самом еще создании намерение его было дать людям многоразличные упражнения.

4. По умножении людей невозможно стало, чтобы все на подобие земледельцев землю пахали и от того непосредственно пропитание свое имели. Многие тысячи людей не приобрели бы себе ничего и пропитания не имели, когда бы мы все в нынешнее время на подобие прародителей наших жить стали и только самым нужным довольствовались. И так, когда некоторые вельможи и богатые, для выгод и спокойствия своего, великое множество людей упражняют, то получают чрез то пропитание свое многие тысячи семей, кои вельможам и богатым не токмо к их нуждам, но и к великолепию и удовольствию их способствуют. Они получают способ упражняться, а созданные ради человека творения употребляются чрез то полезно.

5. Природные дарования и рождающиеся от них склонности человеческие ко всякому званию и к различным упражнениям суть без всякого прекословия действие того, который создал души человеческие, в коих таковые дарования и склонности обретаются. Многие качества принадлежат до некоторых наук и художеств, коих, как весьма справедливо говорится, приобрести не можно; но надобно им быть природным, или лучше сказать, в душе человеческой созданным.

6. Сии то природные дарования и склонности определяют обыкновенного человека, имеющего оные тому или другому званию, рукоделию, художеству или науке себя посвятить. Нередко и самих повелевающих побуждают сии природные дарования употреблять подчиненных своих по признанным в них способностям.

7. Как разум, так и откровение научают нас весьма важным до сего касающимся истинам, а именно:

а) что всякое звание и всякое состояние, в котором честным и позволенным образом пропитать себя можно, каждый себе избрать и в оном пребывать может,

б) что всяк обязан так поступать, как требуют должности и качества того звания, в котором кто пребывает,

в) чтоб единожды избранное звание легкомысленно не покидать; а из сего следует, что человеку состоянием своим, которое он или сам себе избрал или иным каким образом в оное поставлен, должно быть довольным, и в оном по возможности стараться себе и другим быть полезным.

8. Всякое звание, всякое ремесло, всякое художество и всякая наука приносит пользу человеческому обществу, и для того всякое звание и всяк, кто какому званию себя посвятил, почтения достоин. Несправедливо было бы нечто полезное презирать; все, что истинную пользу приносит, важно и почтения достойно; и потому не должно никакое ремесло и никакой способ к честному себя пропитанию презирать. Невозможно всем в одном звании быть; итак, одно звание или одно ремесло да не презирает другое; ибо все весьма полезны обществу.

9. Надлежит нам удивляться и благодарить за благость и премудрость бога, что он не только многоразличные вещи сотворил и земле непрестанно то производить повелел, из чего толь многое к нужде, выгодам и наслаждению человеческому служащее приуготовляться может, но и даровал людям склонности и способности столь различными образами упражняться и чрез то друг другу служить.

Часть IV

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЧТО ТРЕБУЕТСЯ К ДОБРОМУ ДОМОВОДСТВУ ИЛИ ХОЗЯЙСТВУ

1. К домоводству потребно *имение,* добрым употреблением и разумным управлением которого приобретается то, что к пропитанию нужно. Имение же бывает многоразлично: деревни, поля, деньги, движимые вещи, науки, художества или рукоделия составляют оное и суть способы к приобретению нужного.

2. Какого бы качества имение или средство пропитания нашего ни было, однако от всякого домоводца требуется, чтоб он имел *сведения.*

Сведения сии человеку не от природы даются; но должен он стараться получать их разными образами.

Сведения можно получать иногда собственным своим рассуждением и разными опытами, однако таковые для большей части трудны и опасны. Не все люди любят долго размышлять, а многие к тому и не очень способны; а когда опыты не удадутся, то претерпевают убыток, который для недостаточных людей весьма чувствителен бывает.

Можно еще таковые сведения получать от изустного или письменного наставления искусных в том людей.

Наконец, видя, что другие умные люди делают или делали, получаем сведения чрез примеры.

Кто хочет чрез изустное или письменное наставление, или чрез примеры сведение себе получить, тому должно смотреть на искусных

людей, кои в тех вещах доброй успех имели, в которых старается он получить себе сведение.

Таковых людей рассуждения или наставления, а особливо порядок домоводства, надлежит прилежно замечать, и самое полезное понимать, дабы им в том последовать.

3. От доброго домоводца требуется *тѣздая и добрая воля то делать, и не медля делом самим исполнять, что за доброе признал.* Наилучшие сведения ни к чему не полезны, когда кто не имеет при том твердой воли делать то, что он за доброе признал. Люди хотя желают и делают всегда то, что действительно для них хорошо или таковым для них быть кажется; но ежели и самое добро противно склонностям или покою их, или когда другое что более их прельщает, то часто небрегут они о вещах, кои сами признают за добрые. Таковым людям надлежит себя уверить, что то, что им делать должно, не токмо есть истинное добро, но и достойно всему другому предпочтено быть.

4. К домоводству требуется *много прилежания.* Кто трудолюбив и кто непрестанно старается дозволенными и честными средствами столько себе приобрести, сколько возможно, тот прилежен; а кто труда не любит и от него удаляется, тот ленив и нерадив. Таковой человек наилучшее время бесполезно проводит, а когда и делает, то не имеет от того такой пользы, какую бы имел, ежели бы время и силы свои прилежнее употреблял.

5. В доме невозможно всего одному человеку делать. *Жена, дети и служители должны хозяину помогать;* а дабы помощь сию получить, то хозяину, как главе дома, должно все нужное учреждать и смотреть, исполняются ли его повеления. Каждому из подчиненных ему в доме должен он ясно сказать, что ему делать; а когда кто из них погрешит, то должен с важностью, а при том и с кротостью исправлять, нужное им содержание, а наемникам обещанную плату в надлежащее время давать, с домашними своими не жестоко и свирепо, но ласково обходиться, и их к благочестию, без которого все труды наши тщетны и неуспешны бывают, привлекать. Паче всего должен начальник семейства о воспитании детей своих стараться, и не о том только помышлять, чтоб их прокормить, и, сколько силы их допустят, к трудам приучать, но должен им или сам, или чрез других такие наставления преподавать, из которых бы они научились разуметь и делать, что ко временному и вечному благополучию их потребно.

Все домашние, то есть: хозяйство, дети и служители, должны главу семейства или хозяина как благодетеля и попечителя своего любить. Они должны его как начальника своего почитать, и во всем ему повиноваться, разве если бы он что против заповедей божиих или против уставов верховной власти повелеть захотел. Одним словом, им надлежит так поступать, чтобы пользе домоводства всеми возможными способами споспешествовать, всякой же вред отвращать.

6. При всяком домоводстве нужен *порядок.* Хозяин, которой порядочен быть хочет, должен таковые токмо дела предпринимать, кои действительно могут состояние его по тем обстоятельствам, в коих он находится, толь благополучным сделать, колико возможно. К по-

рядку домоводства надлежит и сие, чтоб все в свое время, а не безвременно, и всякое дело надлежащим образом делать. Хозяину надобно заранее, а не тогда, когда уже время к делу настанет, приказывать, что домашним его делать. Для каждой вещи должен он назначить приличное место и прилежно затем смотреть, чтобы всякая вещь по употреблении своем опять на прежнее место положена была.

7. Домоводцу должно *приходы и расходы свои прилежно записывать,* все точно замечать и верную опись о принадлежащем ему иметь, оную чаще пересматривать и имение свое по ней сличать. Не записывая и не замечая, никогда не может он верно знать, сколько получил и издержал или сколько на лицо имеет, и лучше ли состояние его сделалось или хуже.

8. Нужное для всякого домоводца свойство есть *бережливость.* Она состоит в благоразумии при издержках и вообще при всяком употреблении приобретенного. Кто приобретенного сберегать не умеет, тот и при самых больших доходах ничего иметь не будет.

Доброму хозяину должно издерживать и из приобретенного проживать не более, как нужда или иногда невинное какое удовольствие, а иногда и самая благопристойность того требует. Также и для того не все издерживать, что получает, но нечто и на время нужды сберегать, дабы чрез то или более еще снискать, или бедным уделять, или домашним своим несколько оставить мог. Кто все издерживает, что получает, тому на вышеупомянутые надобности ничего сберечь не можно. Кто более издерживает, нежели получает, тот расточитель, и со временем должен будет или по миру ходить, или сделаться обманщиком.

Во всех почти местах есть примеры, что люди наживали себе немалой достаток, не имея с начала большого дохода. Разумное и порядочное расположение того, что необходимо издерживать надлежало, и воздерживание себя от излишнего для многих было способом к обогащению.

Иные нажили достаток свой рачением, с которым сберегали они вещи свои от повреждения, кои как для нужды, так и для выгод весьма потребны и которых покупка или починка столь много иждивения требует, когда их рачительно не берегут или не сохраняют; а таковых вещей сколько в каждом доме бывает? Как бы они маловажны ни казались, однако большое их количество и всегдашнее употребление составляют весьма многое.

(По изд. 1788 г.)

ИЗ ЖИЗНИ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ КОНЦА XVIII в.

И. А. Новиков, внук одного из учителей народных училищ прошлого столетия, сообщил мне любопытные заметки, характеризующие повседневную жизнь народной школы прошлого столетия.

Новиков был учителем народной школы в Вытегре и умер в 1808 г., лет сорока с небольшим отроду. Одною из причин его ранней смерти, может быть, были чрезмерные труды, неразлучные в то время, при скудости содержания, с званием учителя.

Училище, бывшее под надзором градского головы, помещалось в низенькой лачужке с четырьмя окнами. Кроме кухни, тут была перегороженная комната, в одной половине которой учились, а в другой помещался учитель с семейством.

Учебный курс разделялся на 4 парты (класса), т. е. учащиеся были разделены на 4 разряда, из которых каждый сидел у особого стола. Итак, в маленькой учебной комнате в два окна помещалось у одной стены четыре стола с скамейками, а в противоположной стене (перегородке) была дверь в комнату учителя. С одной стороны двери вдоль стены стояли скамейки, с другой — доска. За доской лежали: мокрая тряпка для стиранья, розги, собака учителя и мешок с горохом. Классы начинались в седьмом часу утра и продолжались до одиннадцатого; потом ученики уходили обедать, приходили снова в час и занимались летом до шести, зимою до четырех часов.

Ученики являлись в класс в чем попало, босые, в тулупах и пр. Класс начинался молитвою: «Преблагий господи», после чего учитель спрашивал заданные уроки, а потом задавал новые. Во время ответов происходила обычная, забавная сцена. Каждый из учеников приносил с собою в класс чего-нибудь съестного и клал обыкновенно вместе с книгами в один из ящиков, устроенных в столах. Учитель был очень строг; отвечавший не смел моргнуть даже глазом; этой удобной минутой пользовался старый Барсук (имя собаки), лежавший около доски; он спокойно вставал, подходил к месту отвечавшего и прехладнокровно вытаскивал оттуда кусок пирога или чего-нибудь другого. Ленивцы наказывались, смотря по мере вины. Учитель или запаливал им несколько ударов по руке линейкой, или приказывал спустить брюки ниже колен и ставил голыми коленями на горох, или же сек виновного, на спину и на ноги которого садились верхом его товарищи. Новиков в особенности не любил одного смельчака, который, когда ставили его на горох, обыкновенно понемногу съедал его.

После обеда учитель очинивал всем перья, после чего ученики, разложивши прописи, принимались за чистописание, а потом за приготовление уроков к следующему дню. Утомленный учитель обыкновенно в это время отдыхал на скамейке. Ученики до того были нашколены, что соблюдали приличный порядок и тишину даже в присутствии спящего наставника; если даже иногда он выходил за чем-нибудь в другую комнату, то тишина не нарушалась и тогда. Каждый из учеников знал, что в перегородке просверлены два отверстия для педагогических наблюдений. В узаконенный час учитель пробуждался, читалась молитва, и ученики расходились.

В 11 часов ученики, выходя из класса, брались за ушат и приносили в кухню учителя ежедневную порцию воды.

В двенадесятые праздники ученики собирались рано утром в училище и покорно следовали за учителем в церковь.

Жалко было положение этого учителя. Обремененный огромным семейством, он получал всего 100 рублей ассигнациями жалованья в год. Бедность заставляла его исполнять обязанности сторожа, который полагался при училище. Он вставал очень рано, шел на рынок за

провизиею, потом зимой колол дрова и топил печки, летом взрывал гряды в своем маленьком огороде. От метенья полов его освобождали ученики. Кто приходил раньше других, тот брал стоявшую в углу метлу и выметал класс.

Учитель зимой и летом носил один байковый сюртук, а вместо чулков обвертывал ноги бумагой. Но нельзя сказать, чтобы он вовсе чуждался духовных интересов, хотя это могло быть в его тяжелом положении.

Он был приятелем с городским протопопом, и они часто беседовали между собою, за чашкой чаю, по-латыни. Часто засиживался он до поздней ночи за чтением книг и много писал (что, неизвестно). Каждый праздник ученики отправлялись к своему меценату, голове, и приветствовали его стихами, сочинявшимися на этот случай учителем. При посещении училища визитатором, младший из учеников говорил приготовленную речь...

По смерти учителя остались жена, 5 человек детей и наследства пятак меди». (Воронов, «Янкович де-Мириево».)

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В РОССИИ КОНЦА XVIII в.

Годы	Число школ	Число учителей	Число учеников		
			мужч.	женщ.	итого учеников
1782	8	26	474	44	518
1783	9	28	654	77	731
1784	11	33	1 082	152	1 234
1785	12	38	1 282	209	1 491
1786	165	394	10 230	858	11 088
1787	218	525	11 968	1 571	13 539
1788	227	520	13 635	924	14 559
1789	225	516	13 187	1 202	14 389
1790	269	629	15 604	921	16 525
1791	288	700	16 723	1 064	17 787
1792	302	718	16 322	1 178	17 500
1793	311	738	16 165	1 132	17 297
1794	302	767	15 540	1 080	16 620
1795	307	716	16 035	1 062	17 097
1796	316	744	16 220	1 121	17 341
1797	285	614	14 457	1 171	15 628
1798	284	752	15 396	1 405	16 801
1799	277	705	15 754	1 561	17 315
1800	315	790	18 128	1 787	19 915

(Князьков и Сербов, Очерк истории нар. образов. до эпохи реформ Александра II, Москва 1910 г., стр. 148).

ГЛАВА V

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В КОНЦЕ XVIII в.

Н. И. Новиков [11]

О ВОСПИТАНИИ И НАСТАВЛЕНИИ ДЕТЕЙ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ И ВСЕОБЩЕГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

(1783 г.)

Введение

Кто несколько только размышлял о влиянии человеческих распоряжений в благополучие человеческое, особенно ж о влиянии воспитания во всю прочую жизнь человека, тот признается, что воспитание детей как для государства, так и для каждой особенной фамилии весьма важно. С самыми лучшими законами, с самою религиею, при самом цветущем состоянии наук и художеств государство имело бы весьма худых членов, естьли б правительство пренебрегло сей единой предмет, на котором утверждается все в каждом государстве. Самое изрядное учреждение правосудия не делает служителей оного совестными, а судей неподкупимыми; самая религия не может воспрепятствовать, чтоб недостойные служители не делали ее иногда покровом гнуснейших пороков и не злоупотребляли к споспешествованию вредных намерений; изящнейшие законы благочиния мало могут действовать, естьли честность, искренность, любовь к порядку, умеренность и подлинная любовь к отечеству суть чуждыя гражданам добродетели. Все зависит от того, чтоб всякой образован был к добродетелям состояния своего и звания. Но когда должно, когда может предприято быть сие образование, естьли не в том возрасте, в котором душа отверзта всякому впечатлению и, нерешима будучи между добродетелию и пороком, столь же удобно исполняется благородными чувствованиями, приобыкает к справедливым правилам и утверждается в добродетельных способностях, как и предается механизму чувственных похотей, огню страстей и заразе обманчивых примеров и принимает нещастную способность к дурачеству и к пороку? И так, процветание государства, благополучие народа, зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания. Законодательство, религия, благочиние, науки и художества, хотя и могут сделаны быть споспешествовательными средствами и защитами нра-

вов; однако, естьли нравы уже повреждены, то и оныя престают быть благодетельны; стремительная река развращения разрывает сии защиты, обессиливает законы, обезображивает религию, прекращает успех всякой полезной науки и делает художества рабами глупости и роскоши. Единое воспитание есть подлинный творец добрых нравов; чрез него вкус добродетели, привычка к порядку, чувствование изрядного, чрез него отечественный дух, благородная (на истинне и знании основанная) народная гордость, презрение слабости и всего прикрашенного и маловажного, любовь к простоте и к натуре, со всеми другими человеко-дружественными, общественными и гражданскими добродетелями должны овладеть сердцами граждан; чрез него мущины и женщины должны образованы быть сходственно с их полом, а всякой особенной класс государства тем, чем быть ему надлежит. Все прочее сделается удобным, когда воспитание достигнет возможной степени своего совершенства; законы успевают тогда сами собою; религия в качестве своем исполнена простоты, пребывает тем, чем вечно бы ей быть надлежало, то есть душею всякой добродетели и твердым успокоительным предметом духа; науки делаются неисчерпаемыми источниками действительных выгод для государства; художества украшают жизнь, дают благородство чувствию, становятся ободрительными средствами добродетели; всякой отдел граждан пребывает верен своему определению; всеобщее трудолюбие, подкрепляемое умеренностию и добрым домостроительством, доставляет и самому многочисленному народу безопасность от недостатка и довольствие своим состоянием.

Н. И. Новиков.

О всеобщей и последней цели воспитания и о частях его

Всякое человеческое дело, требующее в исполнении распорядков и времени, тем лучше удается и почти тогда только и бывает хорошо исполнено, когда сначала представишь себе ясно его предмет и после в исполнении никогда не будешь упускать оной из вида. Тогда только бываем мы в состоянии рассуждать правильно о всяком шаге, поступленном в сем деле, испытывать всякое представляющееся нам средство, познавать и отвращать всякое препятствие. Последуем сему всеобщему правилу благоразумия и в толь важном деле воспитания! Итак, исследуем здесь сперва: какой есть подлинный истинный и последний предмет воспитания? Сие исследование послужит нам купно ответом на вопрос: какое воспитание действительно всех лучше? Также проложит

оно нам путь к познанию всех главных оного частей. Может быть, при сем исследовании окажется и то, для чего честные и рачительные родители столь редко достигают цели в воспитании детей своих; может быть, откроется, что сие происходит от того только, что они не знали главного предмета воспитания и, почитая некоторые посторонние предметы и средства за главную цель, посвящали оным все свое попечение.

В предыдущем отделении видели мы, что обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше основывается на должностях их детям, государству и самим себе. Из сего следует, что достижение подлинной главной цели воспитания должно заключать в себе купно исполнение должностей. А как наконец все должности родителей детям состоят в том, чтоб сколько возможно споспешествовать благополучию детей; должность же государству в отношении к детям их есть та, чтоб в оных доставить ему полезных граждан: то явствует, что благополучие детей и польза их государству составляют существенные части предмета воспитания.

Принявши сии правила и рассматривая по оным разные особенные намерения, случающиеся при воспитании детей, увидим, что все сии особенные намерения никак не могут быть главным воспитания предметом и что сей напротив того ни в чем ином состоит, как в образовании детей благополучными людьми и полезными гражданами. Если б, например, какой-нибудь отец захотел стараться сделать сына своего только ученым, или если бы другой захотел образовать его светским человеком или воспитать искусного художника либо купца, то все сии отцы сделали бы, может быть, для намерения своего весьма много, но не споспешествовали бы нисколько истинному благу детей своих; ибо со всеми сими качествами можно быть худым и потому несчастливым человеком. Они, конечно, дали бы детям своим некоторое воспитание, но совсем не исполнили бы должностей своих оным и самой должности государству не совершенное сделали бы чрез то удовлетворение, ибо худой человек всегда бывает и худой гражданин.

Итак, все сии и подобные особенные намерения или образования к известному состоянию никоим образом не составляют главного предмета воспитания. Никакой отец не может хвалиться исполнением должности воспитателя, достигнувши с детьми своими до цели того или другого из сих намерений или нескольких вкупе. Они суть посторонние предметы, которые, яко средства к главному предмету, могут быть хороши и похвальны по свойству обстоятельств[1]; но главный предмет

---

[1] Мы говорим: по свойству обстоятельств; ибо не всегда, не во всех обстоятельствах, бывают сии особенные намерения хороши и похвальны. Напр.: не только не хорошо и не похвально, но и весьма глупо было бы, если б отец, имеющий сына с природы глупого, захотел его сделать ученым человеком; или если б другой захотел воспитать художником, либо виртуозом сына, призываемого породою и богатством к политическим делам и в большой свет; или если б иной намерился образовать сына светским человеком, несходственно ни с породою, ни с имуществом своим. Тогда только сии особенные намерения хороши и похвальны, когда соразмерны обстоятельствам родителей и детей; ибо тогда бывают они не только весьма пристойными, но и нужными средствами к споспешествованию главному предмету воспитания, как то вскоре мы покажем.

воспитания, как мы уже сказали, есть тот, чтоб образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами. Все иные определения, будучи слишком несовершенны, не могут даны быть столь пространному воспитанию; сие только одно заключает в себе его во всей обширности. Теперь поступим далее в нашем исследовании.

Мы думаем, что продолженным доселе разысканием и определением истинного главного предмета воспитания означили мы родителям цель, по которой могут они узнать прямой путь в воспитании. Сей цели не должны они, как выше упомянуто, никогда упускать из вида, если не хотят совратиться на разные распутия, и должны достигнуть ее, если хотят приобрести ту великую заслугу, чтобы воспитать детей своих самолучшим образом. Но только истолкованием сего всеобщего и главного правила воспитания можем мы приближить к ним ту довольно отдаленную цель, то есть проводить их по сему мрачному пути. Сие самое истолкование также подтвердит паки справедливость оного всеобщего и главного правила, ибо откроется, что можно из него вывести все главные части воспитания.

Дети наши должны образованы быть счастливыми людьми и полезными гражданами. При сем опыт и человеческая натура напоминают нам, что здоровье и крепкое сложение тела весьма споспешествуют нашему удовольствию и что в молодости лежит основание как здравия и крепости, так слабости и болезней тела. Итак, оказывается теперь первая главная часть воспитания, то есть попечение о теле или должность родителей стараться о том, чтобы дети их имели здоровое и крепкое сложение тела. Сию часть воспитания называют ученые физическим воспитанием; а первая есть она потому, что образование тела и тогда уже нужно, когда иное образование не имеет еще места.

Никакой человек не может быть ни довольным, ни счастливым, ни добрым гражданином, если сердце его волнуется беспорядочными пожеланиями, доводящими его либо до пороков, либо до дурачеств; если благополучие ближнего возбуждает в нем зависть, или корыстолюбие заставляет его домогаться чужого имения, или сладострастье обессиливает его тело, или честолюбие и ненависть лишают его душевного покоя, без которого не можно иметь никакого удовольствия, или, наконец, если сердце его столь скудно чувствованиями религии, что помышление о смерти ввергает его в уныние без всякой надежды; а все сие зависит от образования сердца в юношестве. Из сего следует вторая главная часть воспитания, имеющая предметом образование сердца и называемая учеными нравственным воспитанием.

По свойству всякого гражданского класса, к которому человек принадлежит, для пользы государству и для собственного его удовольствия нужно, чтоб он имел большую или меньшую меру познаний, высший или низший степень просвещения; некоторые гражданские классы требуют даже определенной меры познаний в науках; просвещение разума вообще споспешествует высокому степени человеческого благополучия, и, наконец, всякой человек тем полезнее бывает государству, чем просвещеннее его разум. Из сего происходит третья

главная часть воспитания, имеющая предметом просвещение или образование разума.

Итак, имеет воспитание три главные части: воспитание физическое, касающееся до одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца, то есть образование и управление натурального чувствования и воли детей; и разумное воспитание, занимающееся просвещением или образованием разума. Все сии три части вывели мы из правила, положенного всеобщим и последним предметом воспитания, то есть:

«Воспитывай детей твоих счастливыми людьми и полезными гражданами».

Каждая из сих трех частей имеет особенные свои правила, положения и действия, без которых не может она хорошо быть исполнена и которые впоследствии предложим мы по принятому здесь разделению.

О образовании разума

Образовать разум, или дух, детей называется *вперять*[1] *в них справедливыя представления о вещах* и приучать их к такому образу мыслей и рассуждения, которой соразмерен истине и посредством которого могли бы они быть мудрыми. Человек помощью разума своего может представлять себе не только то, что в нем самом происходит, но что и вне его; он может рассуждать о свойстве сих вещей, соединять их и отделять одну от другой и, сравнивая одну из них с другою, собирать новыя представления, могущия до бесконечности быть умножаемы. Но натуральное расположение его не таково, чтоб он те вещи, которыя познавать может, необходимо так себе представлять долженствовал, как они действительно суть, или чтоб не мог он заблуждаться в своем о них рассуждении, в сравнении их, в согласии или противоречии им в них находимом. Он может все окружающее его представлять себе с нескольких сторон, либо с одной только стороны; он может почитать то большим или меньшим, лучшим или худшим, полезнейшим или вреднейшим, нежели каково оно в самом деле. Он может связывать вещи никоим образом не совокупимыя, а другия неразрушимым связанныя союзом самовольно одну от другой отделять. Он может почитать одну вещь действием или причиною другой, когда, напротив того, они совсем никакого не имеют сообщения; и чем менее он упражнял силы разума, чем небрежнее и беспечнее употреблял их, тем чаще должен делать такия погрешности в размышлении, рассуждении и заключении. Сколь важно то, чтоб он в то время, когда начинает оказывать и употреблять сии силы, в употреблении их так был управляем, чтоб научился делать оное справедливейшим и самолучшим образом! А в сем и состоит образование разума детей. На пути, по которому достигают они до познания истины, нужен им благоразумной и опытной вождь, который бы не только остерегал их от всех распутий и в случае совращения возвращал, но и научал бы их избегать всех окольных дорог и ла-

[1] Мы бы сказали — «внедрять». — *Н. Ж.*

биринтов и стремиться прямо к своей цели. Разум их должен быть не только упражняем и обогащаем разными познаниями, но и так упражняем, чтоб они мало-по-малу приобретали способность исследовать и разбирать то, что они знать желают, удобно отличать истинное от ложного и при сих исследованиях и рассуждениях следовать всегда надежнейшим правилам и по кратчайшему итти пути. Но сие делается не столько посредством научения их сим правилам размышления и впечатления оных в память их, как наипаче *посредством того, когда при всех случаях учат их примечать, справедливо или несправедливо они мыслили и рассуждали и для чего то делали; также когда обще с ними и соразмерно их возрасту думают, рассуждают, исследуют, сомневаются, или решают.* Сие делается посредством того, когда их мало-по-малу делают внимательными к шествию собственного их духа и таким образом объявляют им основательныя положения и правила, по коим он действует, и по собственному их опыту научают знать препятствия, задерживающия его в его действиях, и выгоды, облегчающия ему оныя.

Сие всеобщее предписание понятнее будет чрез то, что устремит внимание читателей на особенныя части вещи. Дело, о котором я говорю, весьма трудно; самолучших предписаний не довольно на предупреждение всех затруднений, при оном происходящих, а упражнение и в сем случае есть наилучший учитель. Между тем, по мнению моему, можно облегчить сие дело и трудиться с благополучнейшим успехом в образовании разума детей и воспитанников, когда родители, гофмейстеры[1] и наставники будут наблюдать следующия правила:

Первое правило есть сие: *не погашайте любопытство детей ваших или питомцов.* Само по себе не есть оно погрешность. Паче есть оно сильное побуждение и изрядной способ сделаться разумным и мудрым. Когда дети о чем-нибудь спрашивают или не довольствуются первым ответом, то обыкновенно по невежеству, либо гордости, либо лености, или угрюмости приказывают им молчать и попрекают их непристойным и достойным наказания любопытством. Бесспорно должны они учиться скромности, а особливо тогда, когда находятся в сообществе чужих людей, пришедших не для них, но для их родителей. Но родители, надзиратели и наставники пропускали бы самолучший случай к научению их, требуя от них всегда того, чтоб были они только немыми слушателями. Нет, они должны, а есть ли любят своих детей или воспитанников, то и удовольствие их будет состоять в том, чтоб отвечать на их вопросы не одними только угрюмыми словцами да или нет, но таким образом, чтоб они действительно научились тому, что узнать желают, и чтоб то купно принесло им удовольствие. С радостью должно схватывать сей случай к упражнению размышления дитяти или юноши и посредством продолжения вопросов делать их самих изобретателями неизвестнаго еще им. Хотяб вопросы их были и таковы, что родители или надзиратели

[1] В данном случае имеются в виду люди, наблюдающие за воспитанием. — *Н. Ж.*

не могли бы отвечать на оные; однако сии должны не негодовать на то, но либо признаваться в своем неведении, либо извиняться вообще несовершенством человеческого познания, либо стараться вразумить спрашивающему, что ответ на его вопрос предполагает такия познания, которых он еще не имеет и иметь не может, но которыми некогда награжден будет за свое прилежание, естьли продолжит оное.

Второе правило есть сие: *упражняйте детей ваших или воспитанников в употреблении чувств; научайте их чувствовать справедливо.* Впечатления, делаемыя в нас внешними вещами посредством наших чувств, и представления, происходящия от того в душе нашей, суть якобы материялы, которые дух наш обрабатывает и на которых основываются, наконец, все познания и науки человеческия. Чем многоразличнее, справедливее и полнее сии представления, тем более может дух упражняться в размышлении и тем удобнее и безопаснее может он подниматься к высочайшим и всеобщим познаниям. Но как мы чувственныя вещи гораздо лучше научаемся знать по впечатлениям, делаемым в нас их присутствием, нежели по описаниям, какия делают нам о них словами, то не заставляйте детей ваших из книг или по изустному наставлению учиться тому, что они сами могут видеть, слышать и чувствовать; но показывайте им то действительно, как скоро и как часто будете находить к сему случай. Так давайте им видеть и примечать красоты натуры, чудеса царства растений и животных, многоразличныя воздушныя явления, великолепие усеяннаго звездами неба и помогайте им мало-по-малу различать и приводить в порядок множество темных представлений, теснящихся со всех сторон в их души. Но давайте им видеть все сие собственными глазами и чувствовать свойственным им образом и не ослабляйте получаемых ими от того впечатлений *неблаговремянными и издалека занятыми изъяснениями.*

Водите их в домы и житницы крестьянина, в работные домы художников и рукодельцов; показывайте им там, как обработываются многоразличныя богатства земли, как приготовляются они к употреблению для пользы и удовольствия человеков; научайте их знать главнейшия орудия, к тому употребляемыя, и почитать надлежащим образом людей, тем занимающихся. Сие откроет разуму их и рассудку так, как силе воображения и вымышления, многие обильные источники полезных и приятных размышлений. *Притом упражняйте их всегда во внимательности.* Внимательность есть мать всякого основательного познания. Приучайте их не переходить слишком скоро от одной вещи к другой, всякую вещь рассматривать со многих, и естьли возможно, со всех сторон, смотреть не только на целое, но и на особенныя части его. Хотя не должно вам в первые годы воспитания утомлять внимание их, принуждая их останавливаться слишком долго при одной вещи, но желательно, чтоб вы мало-по-малу чувственно уверяли их о великой пользе глубокого внимания. Случай к сему могут подавать и самомалейшия вещи. Например: они удивляются изрядным краскам цветка или приятному его запаху и довольствуются тем. Научайте их тогда, сколь много других красот, сколь много признаков искусства и мудрости видит навыкшее око знатока

в составе цветка сего, в образе его листков, в свойстве его семянницы и пр. И так показывайте им часто, коль многое еще могли бы они приметить при той или другой вещи, естьлиб на долее при ней остановились. Сей способ упражнять и укреплять их внимательность без сомнения более над ними подействует, нежели самоважнейшие увещания о должности и строжайшие наказания за упущение оной.

Третие: *остерегайтесь подавать детям ложные или не довольно точно определенные понятия о какой-нибудь вещи, сколько бы ни была она маловажна. Гораздо лучше не знать им совсем многих вещей, нежели несправедливо оные себе представлять;* гораздо лучше вам совсем отрекаться ответствовать им на некоторые их вопросы, нежели давать двусмысленной и недостаточной ответ. В первом случае по крайней мере знают они то, что та вещь им неизвестна, и могут со временем помочь сему недостатку. В другом же случае, напротив того, думают они, что довольно уже уведомлены об оной вещи, и по сему самому остаются в неведении. К сему присовокупляется и то, что первые понятия о натуральных или нравственных предметах, нами получаемые, суть якобы основание всех прочих. Естьли они неопределенны и ложны, то распространится от того вредное влияние и на сии. Но коль обыкновенны чинимые в сем рассуждении погрешности! Думают, что всякой ответ на вопрос дитяти или молодого человека довольно хорош быть может. Часто не усомневаются вперять в них явныя заблуждения, дабы только они замолчали. Утешаются тем, что впоследствии сами они узнают лучше сию вещь. Но надежда сия весьма обманчива. Первыя впечатления продолжаются долее всех, соразмерны ли оне истине или ведут к заблуждению. Хотя человек в постоянных летах и научается усматривать свои заблуждения, однако должен всегда весьма остерегаться, чтоб не вмешивались они неприметно в его представления и мнения и не обманывали бы его. Напр.: доставляют дитяти ложное понятие, что гром и молния суть действий и знаки божиего на человека негодования и что они определены для устрашения и наказания обитателей земли! Сколь глубоко вкоренится сие мнение в детской душе! Сколь трудно будет такому человеку и в зрелом возрасте почитать действием премудрости и благости божией то, что он столь долго признавал за очевидное доказательство гнева его! А хотя юноша или муж и переменит первое заблуждение на сию истину, однако, сколь часто впечатления, оставшиеся в нем от первых его представлений, будут против воли его совращать его к ложным заключениям или исполнять страхом и ужасом!

Не сия ли погрешность в воспитании, о которой я говорю, есть причина того, что столь трудно истребить некоторые роды суеверия и что оные часто преследуют через всю жизнь и тех людей, которые действительно усматривают глупость оных?

Четвертое правило, тесную с предъидущим связь имеющее, есть сие: *не учите детей ничему такому, чего они по возрасту своему или по недостатку других предполагаемых при том познаний разуметь не могут.* Не размеряйте детские способности по своим. Не делайте опытов научать их таким вещам, которыя сами вы едва понимать

можете или о которых вы в поздныя лета приобрели некоторыя понятия посредством особенного напряжения своего духа. Например: тщетно стали бы вы стараться философскими доводами уверить их о начале мира, о необходимости первой и вечной оного причины, о духовной натуре души нашей, и т. п. Такими стараниями сделали бы вы только наставление ваше для них скучным, и напрасно бы потеряли они свое время и свои силы. Самая память их не долго могла бы сохранять в себе слабые впечатления, полученные ею о таких непонятных вещах. То только, чему научаемся мы с уверением и причем разум наш или сердце занимается, делает в нас такие впечатления, которых время загладить не может. Итак, не отягощайте память их знаками и словами, не доводя их купно до познания вещей, оными означаемых. Также не допускайте их употреблять такие слова, при которых они ни о чем не мыслят или мыслят совсем о другом, а не о том, что оными выражаемо быть должно. Когда услышите вы, что употребляют они такие слова и выражения, истинное значение которых чаятельно им еще не известно, то спрашивайте их, что они под тем разумеют, заставляйте их показывать вам те вещи, которые они означить тем хотят; или когда сие невозможно, то спрашивайте их о свойствах или действиях того; приводите их при сем на правый путь, представляйте им сколько возможно чаще сии свойства и действия; или естьли предмет таков, что не можете вы им показать, либо как-нибудь иначе вразумить оные, то по крайней мере остерегайте их от злоупотребления сих слов и учите их почитать оные за пустой только звук, которого значение должны они научиться знать со временем. Столько ли было бы злоупотребляемо большею частию человеков дарование языка, слышимы ли бы были они столь часто говорящие надежным и скорым тоном о таких вещах, которых они либо совсем не разумеют, либо сбивчивыя только имеют о них понятия; естьлиб они в детстве и юношестве приучены были к тому, чтоб при всяком слове мыслить что-либо определенное и прилагать внимание не ко знакам только, но паче к означаемым вещам? Но сколь редко наблюдается сие правило! Что обыкновеннее, как то, что слушают не твердо еще говорящих детей, употребляющих множество слов, которых понимать им невозможно, лепечущих напр. о воздухе, о душе, о существе, о духах, о боге, о вере, о добродетели, не показывая им их неведения или не стараясь извлечь их несколько из оного[1]? Какое ж следствие сего? Они продолжают употреблять сии слова иногда пристойно, иногда непристойно, по случае и удаче; думают, что разумеют их, и не мыслят еще и в мужественном возрасте при оных ничего или мыслят что-нибудь совсем ложное. Слова суть знаки богатств нашего духа; но сии богатства только воображаемы, и знаки сии подобны ложным монетам, когда не знаем мы их значения.

С сим предписанием соединяется пятое, не менее важное: *старайтесь не только умножить и распространить их познание, но и сделать его основательным и верным.* Гораздо лучше им знать точно

[1] Да мы и жалуемся еще, когда дети наши воспитаны не так безумно, как мы.

немногие вещи, нежели мелкое иметь познание о многих[1]. В сем рассуждении остерегайтесь от гордости, обыкновенно свойственной родителям и надзирателям. Часто думают они более о удовлетворении собственному тщеславию, нежели о споспешествовании истинному благу детей своих и питомцев. Они торжествуют о счастливом успехе своих стараний, когда сии могут говорить о многих и разных вещах с некоторою скоростью и смелостью, удивляющею немыслящих слушателей; когда они в одно время занимаются многими искусствами и науками; когда они, будучи еще детьми или отроками, умеют отвечать на такие вопросы, на решение которых не отважились бы разумные и пожилые люди. Однако невозможно, чтоб разум, долженствующий обнимать столь многое и устремлять внимание на столь многоразличныя вещи, различал все надлежащим образом и приобретал бы о всем основательное познание. Напротив того, приучишь его сие смотреть на все беглыми глазами и ни в чем до основания не добираться. Избегайте сея погрешности, определенные к образованию и наставлению других человеков! *Научайте их мыслить основательно. Не учите их тому только, что какая-либо вещь существует и такие-то имеет свойства и действия; но также наставляйте их, сколько соразмерно их понятию, и в том, для чего вещь сия такова, а не инакова, и для чего имеет она сии свойства и действия. При том никогда по лености или самолюбию не требуйте от них, чтобы они верили во всем одним вашим словам и чтоб почитали они изречения ваши беспогрешными.* Приучайте их паче мало-по-малу, чтоб они сами спрашивали вас об основании того, что вы им сказываете, *и признавали бы учения ваши за истинные не по уважению к вам, но по вашим доводам.* Когда не будете вы наблюдать сие, то сделаются они либо сомнителями, либо слепыми последователями. Говоря прямо, не будут они ничего знать, но будут только уметь рассказывать то, что другие прежде их думали и сказывали.

Однако величайшее старание, которое могли бы вы прилагать к образованию разума детей ваших или учеников, мало доставило бы им истинной пользы, еслиб вы наставляли их только в познании, а не купно и в мудрости, в правильном оного употреблении состоящей. *Посему при всем, чему вы их научаете, показывайте им употребление того, которое они для себя и для других делать могут и должны. Научайте их смотреть на все с практической стороны и при всех способных случаях производить то в действо. Преимущественно ж и беспрестанно старайтесь научать их судить право о цене вещей.* Сия есть истинная мудрость, которая гораздо дороже всех наук вообще и которую никогда не можно вперить в человека слишком рано, если надлежит ей быть путеводительницею в его жизни. Итак, научайте детей ваших *примечать великое различие между внешними, преходящими, бренными благами и преимуществами и между теми, которые собственно нам принадлежат и которые мы навсегда сохраняем.* Научайте их *здравие и крепость тела ценить выше богатства и*

---

[1] О последнем пекутся несмысленные учители, старающиеся только хвастать воспитанниками своими пред их родителями.

красоты, похвалу совести выше почтения и похвалы людской, а добродетель и праводетельность выше богатства, чести, здравия и жизни. Сии учения столь неоспоримы и самому дитяти столь понятными могут быть сделаны, что почти всегда родители только или надзиратели его виноваты бывают в том, когда оно иначе научается мыслить. Например, если удивляется оно блистанию, богатству, драгоценности какого-либо платья, то спрашивайте его иногда: становится ли от того лучшим злой человек, его носящий? может ли платье сие дать больному здравие, слабому силу, невежде ум и благоразумие? не благороднее ли, доставляя отраду многим бедным, одеваться несколько хуже, нежели быть немилосердным, оставлять братий своих, томящихся в убожестве, и гордиться сими украденными у них вещами? Если дитя слишком высоко ценит красоту, то показывайте ему других детей или взрослых особ, которые, менее пригожи будучи, более почтенны и любимы, ибо они кротчае, добросердечнее, благодетельнее и лучше; или научайте их знать таких особ, которые лишились красоты своея от разных приключений или которые при всей своей красоте презренны и ненавидимы, для того, что не имеют доброй души и никаких действительных достоинств. Если надмевается дитя получаемыми собою похвалами, то показывайте ему при случае, сколь расточительно и безрассудно раздает большая часть людей похвалу свою; сколь часто хвалят люди то, чего они не знают, не уважают, не любят; сколь корыстолюбивы и переменчивы они в своем мнении и так далее. Когда ж детям или воспитанникам нашим надлежит научиться право судить о сих и подобных сим вещах, о вы, назначенные от бога быть родителями и наставниками, *то не должны они слышать от вас никаких других, кроме справедливых мнений.*

(Приложения к «Московск. ведом.» 1783 г., №№ 2—82.)

ПРИМЕЧАНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ КО ВТОРОМУ РАЗДЕЛУ

[1] По просветительной политике Петра I, сопровождавшей его экономические и административные государственные преобразования, мы берем то, что отразило непосредственные практические мероприятия и вместе с тем послужило исходным моментом для последующей работы над просветительной системой. Такими мероприятиями следует считать: 1) учреждение в Москве при Сухаревой башне *Школы математических и навигацких наук* (1701 г.), явившейся по существу зародышем всей позднейшей системы петровских училищ; 2) опыт создания по губерниям сети *цифирных школ* (1714—1716 гг.) как типа низшего практического образования, рассчитанного сначала на всех, а потом на «разных чинов людей», за вычетом из их числа дворян, духовенства и купцов; 3) организацию *Морского училища* (или Академии) и 4) сильно запоздавшую в своем появлении (1724 г.) организацию в системе Академии наук первой средней общеобразовательной школы — *гимназии*. Помимо этого, в системе просветительной политики Петра находили себе место Московская греко-латинская академия, заграничные образовательные командировки дворян, привлечение дворянской и купеческой молодежи к практической учебе в канцеляриях и конторах и обучение дворянства в рядах армии и флота. Но все эти дополнительные источники просвещения постепенно теряют свое значение (отчасти даже при Петре) и исчезают, по мере того как сеть училищ растет и укрепляется.

[2] Духовный регламент, определивший новое устройство русской церкви, подписан Петром в 1721 г. Автором этого документа считается сотрудник Петра по реформам, горячий сторонник новых западных заимствований — архиепископ Феофан Прокопович (1681—1736 гг.). Выходец из торгового сословия, Феофан после окончания Киевской академии отправился для продолжения образования за границу; учился в польских училищах и, став униатом, добрался до Рима; в одной из миссионерских коллегий последнего прошел полный курс схоластического богословия и аристотелевой философии. Вернувшись в Россию и в «православие», Феофан скоро стал ректором Киевской академии, написал ряд учебников и обнаружил явные тенденции к протестантскому методу богословия, отличавшемуся тогда некоторым отходом от догматики. «Либерализм» в вопросах веры и большой ораторский талант Феофана обратили на него внимание Петра, и с 1716 г. Феофан становится непременным советником Петра во всех его главнейших политических мероприятиях (от заграничных командировок до казни царевича). Таким, как Феофан со всеми его убеждениями и приемами работы, Петр желал видеть все русское духовенство, все еще малокультурное и враждебное техническим новшествам. Естественно, что именно Феофану поручена была разработка закона о новом устройстве церкви, ставящего ее в полное подчинение государству и приспособляющего к политике Петра. Одним из средств борьбы с оппозиционно-настроенным по отношению к петровским реформам духовенством должна была служить организация духовных школ (архиерейских и Академии). Автор «Регламента» дает детальные организационные, программные и методические указания, облекаемые им в образ Академии как нового государственного центра просвещения, значительно отступающего от своего московского прототипа. В противовес старому московскому церковному догматизму, Феофан провозглашает принцип: «Мудрого человека свойство есть отменять (т. е. изменять при наличии к тому оснований) мнение». Содержание новых убеждений должен был бы раскрыть учебный план Академии. но здесь допу-

щена неопределенность: на завершающий этап образования поставлены сначала политика Пуффендорфа, а потом — богословие. Таким образом, покрывало богословия не снято с вновь складывающейся системы мировоззрения.

[3] Посошков И. Т. (1652—1726 гг.) — по происхождению крестьянин, по занятиям ремесленник, знавший монетное, оружейное и винное дело. К концу жизни располагал некоторыми средствами для организации самостоятельного производства. По образованию старый грамотей, он признал целесообразность петровских реформ. Представляя Петру в 1724 г. свое сочинение «Книгу о скудости и о богатстве», сопроводил ее следующим изложением мотивов составления: «В российском народе присмотрех отчасти, яко во владущих судьях, тако и в подвластных многое множество содевающиеся неправды и всяких неисправностей. Того ради возжелах пред очи твоего императорского величества о достоверных и слышанных и о мнимых делах предложити, по мнению своему, изъявление». Во избежание неприятностей от сильных «ябедников, обидчиков и любителей неправды», о которых Посошков считал необходимым говорить, «не последуя им», автор просит Петра сохранить втайне его «мизерное» имя. Этого, однако, достигнуто не было, и автор погиб в Петропавловской крепости через 2 года после представления своей книги. Отправляясь от экономических нужд своего времени и в особенности от задач улучшения быта подневольного крестьянства, Посошков постепенно доходит до требований организации обязательного народного образования в деревне, мотивируя это соображениями экономическими и политическими. В этом сильная сторона «Книги», но в определении внутреннего содержания образования Посошков не возвышается над «Домостроем». Эта слабая сторона его воззрений с еще большей определенностью выражена в другом сочинении Посошкова «Завещание отеческое к сыну своему со нравоучением божественных писаний», написанном не позже 1705 г.

[4] Татищев В. Н. (1685—1750 гг.) — не только сотрудник Петра, но уже и воспитанник созданной последним просветительной системы. По образованию артиллерист и горный инженер, политический деятель и последователь рационалистической философии, Татищев имел много данных для того, чтобы к коренным вопросам петровской просветительной политики подойти еще более либерально, чем на это был способен Феофан Прокопович. Защищая свободу научного исследования от налагаемых на нее извне оков, он в 44-м ответе «Разговора о пользе наук и училищ» пишет: «А запрещающие оную («философию») учить — или самые невежды и несведующие, в чем истинная философия состоит, или злоковарные церковные служители, для утверждения их власти и приобретения богатств вымыслившие, чтобы народ был неученый и ни о какой истине рассуждать имущий, но слепо бы и раболепно их рассказам и повелениям верил». Хотя степень просветительного демократизма дворянина Татищева невелика, тем не менее общий примат разума над верой им установлен довольно твердо. А это переключало воспитание в значительно иную плоскость. Трактат «О пользе наук и училищ» не был опубликован автором и передан вместе с завещанием сыну при смерти. Написание его должно быть отнесено к значительно более раннему времени (1733 г.) и выражает собою те просветительные стремления, которыми круг сотрудников Петра I жил в годы непосредственно после его смерти. Наряду с тем в предложениях Татищева нельзя не подметить желания распространить существующие возможности образования на возможно более широкий дворянский круг, что полностью соответствует характеру поданной им в 1730 г. императрице Анне политической записки о формах правления. Помимо организационных предложений, данный трактат много занимается вопросом о содержании дворянского образования и к решению его привлекает весь арсенал сведений просвещенного дворянина того времени. Каких-либо методических предложений в трактате не находим, как не находим их и в другой педагогической работе Татищева «Духовная моему сыну», в части образования кратко воспроизводящей основные мысли данного трактата.

[5] Учреждение Сухопутного корпуса кадетов (1731 г.) было продиктовано желанием императрицы Анны облегчить господствующему сословию

тяжелый для него порядок получения офицерских чинов и образования (службою в гвардии), установленный Петром I в 1714 г. Учреждение корпуса открывало дворянской молодежи путь к получению необходимых офицеру знаний и навыков уже в ранние годы жизни и в обстановке, достаточно для этого приспособленной. «Потребно, — говорилось в Уставе корпуса, — чтоб оного кадеты в одном доме жили, по примеру прусского, датского и прочих королевских кадетских домов, дабы они толь меньше гулянием и непристойными обхождениями и забавами напрасно время не тратили, но во всем как в учении, так и в прочем их состоянии и поведении над ними непрестанное имелось надзирание» (п. 2). В соответствии с этим в Уставе встречаем значительно подымающуюся над петровской школой формулу нового учебного плана корпуса. «Обучаемые молодые люди, — говорится в п. I, — купно с теориею современем и практику видеть могут, не меньше же тамо к обхождению с разными иностранными нациями и к обучению их языкам больше и лучше случая имеется». Развивая свою учебную систему, корпус с 1748 г. начинает готовить дворян и к статской службе, освобождая «склонных» к этому делу кадет от военных наук и экзерциций. В связи с этим он на некоторое время делается центром дворянского движения за художественную литературу и театр.

[6] Указ Елизаветы 1743 г. интересен как показатель того, с какими примитивными средствами образования дворянское правительство, энергично развивавшее в это время сеть дворянского образования, считало возможным обращаться к угнетенным народным массам. В дополнение к «мастеру грамоты» обучением народных масс по-старинному призвана была ведать церковь, и программу преподавания определил катехизис вместе с другими церковными книгами. Обучение катехизису было «продвинуто» и во внешкольную среду. Московскому Успенскому собору предписано было, например, по воскресеньям собирать народ звоном колокола за час до начала службы и читать катехизис. Для обеспечения «посещаемости» трудящимся через местную полицию объявлялось о недопустимости труда в праздник и о необходимости «посвящать этот день богу».

[7] Утвержденный Елизаветой проект об учреждении Московского университета связан с делом организации дворянского образования. Приближая учреждение высшего дворянского образования к центрам расположения помещичьих имений и ставя на службу этому образованию подготовленный персонал, учредители университета не забыли и об общеобразовательной подготовке молодежи для университета. По замечанию Ломоносова, без гимназии университет был бы «как пашня без семян». Для нужд университета гимназия была учреждена даже не одна и не две, а четыре, ибо к двум московским (для дворян и разночинцев), учрежденным вместе с открытием университета, два года спустя были присоединены гимназии в Казани. Учебный строй этих гимназий, намеченный проектом, детализован последующими инструкциями кураторов университета. Соприкосновение с гимназией как общеобразовательным учебным заведением содействовало подъему интереса профессоров университета к педагогическим вопросам и способствовало появлению в их среде таких знатоков педагогики, какими в конце XVIII в. явились Поповский (первый переводчик Локка), Барсов, Антонский, Сохацкий и др. На этой же почве стала возможной и значительная по результатам педагогическая деятельность проф. Шварца, друга и учителя Новикова.

[8] Педагогические опыты, предпринятые в первую половину царствования Екатерины II, обычно связываются в первую очередь с именем Бецкого. Бецкой И. И. (1704—1795 гг.) — сотрудник и ближайший исполнитель просветительных планов Екатерины II за это время. Получив воспитание за границей (в Копенгагенском кадетском корпусе), Бецкой в последующие годы провел не менее 15 лет жизни за границей, преимущественно в Париже. Все это время он употребил главным образом «для науки», т. е. для ознакомления с теми передовыми тогда течениями мысли, во главе которых стояли знаменитые энциклопедисты. Екатерина II, после вступления на престол назначила его своим «чтецом», поручила ему управление Академией художеств и вместе с ним занялась организацией воспитательных учреждений в целях «создания новой породы людей». Бецким был

впервые в России поставлен вопрос о женском дворянском образовании, создано было «Воспитательное общество благородных девиц» (институты — Смольный в С.-Петербурге и Екатерининский в Москве). Помимо этого за период 1763—1778 гг. были открыты воспитательные дома (в Москве и в Петербурге), реорганизован Сухопутный шляхетный корпус и учреждено в Москве Воспитательное коммерческое училище. Задачи и содержание каждого из этих учреждений были определены специальными положениями и уставами. Общая же основа, на которой должна была развертываться их работа, в 1764 г. была определена в «Генеральном учреждении о воспитании юношества обоего пола». В качестве шефа, управляя всеми этими вновь организованными и реорганизованными учреждениями, Бецкой, по существу, был при Екатерине министром просвещения и заслужил у современников репутацию даже инициатора всех этих просветительных мероприятий.

Если не считать упомянутые «учреждения» и «уставы», обычно публиковавшиеся с льстивыми обращениями к императрице со стороны Бецкого, других более прямых литературных выражений его педагогических взглядов нет. При этом известно, что в составлении Генерального учреждения Московского воспитательного дома (по крайней мере второй и третьей частей) принимали участие и профессора Московского университета (например Барсов). Таким образом, правильнее смотреть на указанные документы как на продукт совместного творчества целого ряда лиц, в ряду которых известное место занимала и Екатерина. Что касается последней, то ее педагогические взгляды могут быть определены и по лично подписанным ею документам. К числу последних должны быть отнесены гл. XIV «Наказа» («О воспитании»), инструкция Салтыкову о воспитании великих князей (1784 г.), две детские сказки, «Российская азбука с гражданским начальным учением» и ряд других дидактических книжек, написанных главным образом для воспитания внуков. Кроме того с личными педагогическими воззрениями Екатерины II можно знакомиться по ее обширной переписке с Гриммом и по некоторым следам бесед ее с Дидро.

[9] Вопрос о народном образовании был наиболее «трудным» вопросом просветительной политики Екатерины II. Хотя Екатерина не раз выражала свое показное «желание видеть народ наш столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться», однако уже в «Наказе» 1766 г. она заявила: «Невозможно дать общего воспитания многочисленному народу и вскормить всех детей в нарочно для того учрежденных домах», откуда в качестве вывода следовало: «И для того полезно будет установить несколько общих правил, могущих служить вместо совета всем родителям». Другими словами, Екатерина делает ставку на домостроевское семейное воспитание, пытаясь его организовать «правилами». В противовес такому «решению» вопроса депутат законодательной комиссии 1767 г. крестьянин Жеребцов выступил с четким и энергичным требованием «учинить детские школьные учения», т. е. организовать для народа *школы*. Последовательное просветительское решение школьной проблемы Екатерине не было неизвестно. «Ваше величество желаете, чтобы воспитание в ваших общественных школах было гражданским, — писал в своей первой записке для Екатерины Дидро, — для этого, мне кажется, надо различать в воспитании три степени. Первая — через которую могли бы пройти все ученики, даже самые неспособные... может быть следовало бы, чтоб каждый мальчик проходил все эти три степени». Другими словами, последовательным выводом из просветительской философии XVIII в. должна была быть *единая система образования*. Екатерина же стояла на том, что «черни не должно давать образование, поколику будет знать столько же, сколько вы да я, то не станет повиноваться нам в такой мере, в какой повинуется теперь» (из письма Салтыкову). И тем не менее, идя навстречу потребностям купечества и мещанства, Екатерина вынуждена была приступить к учреждению школ в городах. Первый шаг в данном направлении императрица сделала в момент местной административной реформы, внеся в «Учреждения для управления губерний» (1775 г.) § 384: «В рассуждении народных школ Приказ общественного призрения имеет стараться, чтобы оные были установлены по всем городам, а потом в тех многолюдных селениях, кои подсудны Верхней расправе, для

всех тех, кои добровольно пожелают обучаться в оных...» Вторым шагом явилось приглашение из Австрии (1780 г.) для организации народных училищ Янковича де-Мириево и принятие разработанного им в 1782 г. для «Комиссии об учреждении училищ» «Плана к установлению народных училищ в Российской империи». На основе этого Плана к 1786 г. был написан «Устав народным училищам Российской империи». Прототипом для него является австрийский школьный устав 1774 г., в котором установлены три типа школ: 1) тривиальная, 2) главная, 3) нормальная, причем в практике устава установилось различие между тривиальными школами города (курс двухгодичный) и тривиальными школами в деревне (курс одногодичный). Подчеркнем, что народные училища для деревни Уставом 1786 г. не предусмотрены.

[10] В интересах лучшей постановки учебной работы в народных училищах и придания этой работе требуемого правительством направления, комиссией об учреждении училищ в 1782—1790 гг. была развита усиленная деятельность по составлению и изданию новых учебников, руководств, пособий, приборов и таблиц. Основная работа в этом направлении легла на Янковича де-Мириево и на ряд лично руководимых им сотрудников. Известно также, что Екатерина II, устранившаяся от непосредственного вмешательства в организацию школ, обнаружила (понятно, совсем не случайно) большой интерес к делу составления учебников. Наиболее распространенной, несомненно, следует признать книгу «О должностях человека и гражданина» (1782 г.). Авторство книги по некоторым предположениям приписывалось Янковичу де-Мириево, но в протоколах комиссии такого указания нет. Позднее министр просвещения Шишков в записке на имя царя, высказывая свои симпатии к этой книге, определенно указывал на то, что она составлена Екатериной II. За период 1783—1817 гг. книга была издана одиннадцать раз. Но в 1819 г. она вместе с другими следами «разрушительного века» была изъята из употребления по предложению митрополита Филарета: «Не нужно детям читать о должностях человека и гражданина, изложенных по философским началам, всегда слабым». Министр духовных дел и народного просвещения приказал «все экземпляры сея книги из училищ отобрать и продать с заплатою по 50 коп. за пуд бумажному фабриканту, с тем, чтобы никому оных не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу». Попытка Шишкова в 1825 г. вернуть эту книгу в школу успеха не имела, и на ее месте утвердился «Сокращенный катехизис» Филарета.

[11] Новиков Н. И. (1744—1818 гг.) — по происхождению из дворян Московской губ. По назначению Екатерины был секретарем в законодательной комиссии 1767 г. Выйдя затем в отставку, занялся изданием журналов и вступил в литературную полемику с Екатериной, между прочим и по части воспитания. Став с 1779 г. арендатором типографии Московского университета, Новиков перенес свою деятельность в Москву и сконцентрировал ее вокруг издаваемых им «Московских ведомостей». В «Прибавлениях» к ним он печатал, между прочим, и материал, характеризующий его педагогические взгляды. Не ограничиваясь рассуждениями о воспитании, Новиков еще в Петербурге предпринял опыт учреждения частных народных училищ, собирая через свои журналы необходимые для того общественные средства. В 1791 г. деятельность Новикова была прервана; он был обвинен в принадлежности к тайной организации масонов и заключен на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. С воцарением Павла из крепости освобожден, но 4½ года заключения полностью расстроили его здоровье и лишили возможности работы. В своих педагогических статьях (отчасти оригинальных, отчасти переводных) Новиков выступил совершенно определенным сторонником немецкой педагогики конца XVIII в.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

КРИЗИС ДВОРЯНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

ВВЕДЕНИЕ

Европа последних лет XVIII в. и начала XIX в. испытывала на себе мощное влияние буржуазной французской революции 1789 г. Обороняясь от наступавшей феодальной контрреволюции, победоносные войска Франции перешли в наступление и, ниспровергая старые монархические троны, стали на их место устанавливать режим, близкий и благоприятный для буржуазной Франции. В этом движении буржуазной революции стало неизбежным и ее столкновение с крепостнической самодержавной Россией. Первые показательные в этом отношении дипломатические шаги предприняла уже Екатерина II. Ее преемник Павел I довел конфликт до открытого военного столкновения и в интересах организации сил попытался установить внутри государства режим военной диктатуры. В число выражающих этот курс политических мероприятий вошли и реакционные распоряжения в области просвещения. В 1798 г. молодым дворянам воспрещено было отправляться в иностранные учебные заведения «по причине возникших там зловредных правил, к воспалению незрелых умов на необузданные и развратные умствования подстрекающих». Одновременно сделана была попытка остановить распространение «опасных идей» и внутри государства. «Так как через ввозимые из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, — объявлялось в указе Павла I, — то отныне повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку». Политика заимствований из западноевропейского просвещения, установившаяся со времен Петра I, этими мерами была оборвана, и идеологи поворота на путь исконной «самобытности» уже начинали хоронить то, что в области просвещения накоплено было за XVIII в. «Мудрую прозорливость свою, — говорил в 1799 г. проф. Московского университета Гейм, — император Павел доказал в споспешествовании истинному преуспеянию наук через учреждение строгой и бдящей цензуры книжной... Возвратились в Европу мрачные времена варварства. Сколь счастливою должна почитать себя Россия, потому что ученость в ней благоразумными ограничениями охраняется от всегубительной язвы возникающего всюду лжеучения».

Однако, правление Павла I оказалось недолговечным. Обременив государство расходами на войну, потерпев в ней неудачу и вынужденный стать военным союзником Франции против Англии, Павел возбудил острые оппозиционные настроения в среде господствующего дворянского сословия. Заговор гвардейских офицеров 11 марта 1801 г. положил конец его жизни и явился исходной точкой последующего дворянского «оппозиционного» движения первого десятилетия XIX в.

Новому императору Александру I предъявлен был длинный и довольно противоречивый счет тех «свобод», за которые дворянство боролось, убивая «тирана». И в то время, как опальная при Павле аристократическая верхушка заявила притязание на высшие государственные должности, когда масса среднего дворянства выдвинула требование восстановления жалованной грамоты «благородному российскому дворянству», передовая часть этого сословия потребовала восстановления и того курса на западноевропейские реформы, который был программою дворянского реформаторства в XVIII в. Выражением этих тенденций явилось опубликованное в первые же месяцы

после смерти Павла «Историческое похвальное слово Екатерине II» Карамзина, прославлявшего «мудрость» императрицы за ее «ревностное желание довершить начатое Петром, просветить народ, образовать Россию, утвердить ее счастье на столпах незыблемых, согласить все части правления».

Ответом Александра на все события, сопровождавшие его вступление на престол, и на все связанные с ними дворянские заявления было торжественное обещание управлять «по законам и по сердцу бабки своей — Екатерины Великой», что и характеризовало его политику в этом направлении за первые годы царствования. В содержании последней — «просветительные реформы», направленные на некоторые заимствования из западноевропейской культуры, заняли одно из видных мест. Вопрос об этих реформах в «Негласном комитете» царя был поставлен уже в 1801 г. Члены комитета, — узнаем из журнала от 23 декабря, — заслушав записку Лагарпа (об учреждении государственного управления делом народного образования и учреждении школ в деревнях), обратили внимание царя на то, что дело народного образования в России представляет необычайную пестроту. По мнению графа Строганова, общественное образование должно заключать в себе все общие сведения, которые надлежало распространить в народе в той или иной степени; а уж после этого должно следовать образование специальное, готовящее для известного поприща общественной деятельности. Подобным образом,—аргументировал Строганов, — устроены учебные заведения во Франции. На это последовало возражение Александра, что новые заимствования из-за границы и, в частности, из Франции должны быть сообразованы с обстоятельствами русской действительности и что есть старинные учреждения, которые нельзя забывать, вводя новые. Вопрос о школьной реформе был, однако, поставлен, и задачу подготовить новый школьный устав должны были взять на себя члены Главного правления училищ, вошедшего в состав учрежденного в 1802 г. Министерства народного просвещения.

В начале 1803 г. проект реформы был в основном определен и нашел себе выражение в опубликованных 24 января этого года «Предварительных правилах народного просвещения». Государственная школьная система складывалась из четырех типов учебных заведений: 1) училищ приходских, 2) училищ уездных, 3) училищ губернских, или гимназий и 4) университетов. Вся совокупность учебных заведений империи поступала в заведывание университетов, которых по числу округов должно было быть шесть (Московский, Виленский, Дерптский, Казанский, Харьковский и Петербургский). Со стороны содержания работа определялась формулой — «нравственное образование граждан соответственно обязанностям и пользам каждого состояния» и делилась между отдельными типами учебных заведений таким образом, что приходские училища оказывались подготовительными для уездных, а гимназия — к университету. Непосредственная связь между системой приходских и уездных училищ, с одной стороны, гимназий и университетов, с другой, в «правилах» указана не была, чем явно обозначены были разрыв между этими двумя системами и превращение народных училищ в оторванный от главной школьной линии сословный тупик. Крепостнический характер системы, сверх того, подчеркивался предоставлением дела учреждения приходских училищ в помещичьих селах «просвещенной и благонамеренной попечительности самих помещиков» и преподавания во всех приходских училищах — приходскому священнику.

Опубликованный через год «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» мало в чем изменил формулированную «Предварительными правилами» конструкцию школьной системы.

Реформа 1803—1804 гг. так или иначе пыталась собрать в одну систему просвещения все разнообразные типы общего образования, возникшие в России за XVIII в. и оставшиеся разорванными между собою. Центральным связующим звеном в этом объединении, бесспорно, выступила гимназия — ключ к университетскому образованию, открывающему путь к обеспеченной государственной службе. В ней сконцентрировались функции академических и университетских гимназий XVIII в., значительная часть функций мужских дворянских учебно-воспитательных заведений и даже часть

задач главных народных училищ. Совершенно естественно, что при таком положении дела курс гимназического образования оказывался необыкновенно сложным. Как учреждение, подготовляющее к университету, гимназия должна была сохранить в своем учебном плане латинский язык. Из кадетских корпусов к ней перешли «изящные науки» и языки французский и немецкий; наконец, главное народное училище передало ей механику, гидравлику и «другие части физики, наиболее в общежитии нужные», технологию и коммерцию с прибавлением ко всему этому «модной» для начала XIX в. «политической экономии». Громоздкость учебного плана здесь ощущалась еще острее, чем в дворянских воспитательных заведениях второй половины XVIII в. Известный учет методических затруднений александровской гимназии 1804—1818 гг. и послужил основанием для некоторого методического сдвига в сторону систематизации материала общего образования, который сделан был в период подготовки устава 1828 г. Но сословная практика использования новой гимназии с момента ее возникновения и политическая реакция последующей части первой половины XIX в. снова непреодолимой преградой стали на путях к сколько-нибудь удовлетворительному решению этого весьма важного вопроса педагогики.

На новую «просветительную реформу» дворянство смотрело, как на само собою разумеющийся очередной «дар» правительства господствующему сословию. Карамзин приветствовал ее в своих новых двух статьях: «О новом образовании народного просвещения в России» и «О верном способе иметь в России довольно учителей» (1803 г.), где он, выражая надежду, что все сословия воспользуются «вновь открывшимися благами просвещения», особо подчеркнул свое горячее пожелание, чтобы новых ученых выдвинуло и «благородное» сословие, «слава богу уже нигде не думающее, что пыльный генеалогический свиток есть право быть невеждою и занимать важнейшие места в государственном порядке». А саратовский директор училищ (Шестаков) в своем обращении в Министерство просвещения по поводу «Предварительных правил» «решительно и аксиоматически» заявлял, что «предполагаемые университеты и гимназии не принесут государству истинной пользы, ежели при учреждении оных сильного и деятельного не будет обращено внимания особенно на дворянство: ибо знание изящных наук для выгод государственных нужно сему классу паче, нежели прочим состояниям; и, кажется, чтоб достигнуть всеобщего просвещения в России, надобно начать с всеобщего просвещения дворянства». Средством широкого привлечения дворян в новые образовательные заведения директор считал, «чтоб обучающееся в них дворянское юношество без различия чинов или богатства родителей содержать на казенном иждивении» (*Алешинцев*, История гимназического образования, стр. 24).

Все это, конечно, полностью соответствовало правительственному курсу и по мере наличия к тому возможностей им реализовалось. Но для форсирования дворянского потока в гимназии и университеты в руках правительства оказалось средство значительно более эффективное, чем то, о котором писал директор Шестаков. Указом 6 августа 1809 г. было объявлено, что с этого времени «никто не будет произведен в чин коллежского ассесора, хотя бы и выслужил положенное число лет в титулярных советниках, если сверх отличных одобрений своего начальства не представит свидетельства от одного из состоящих в империи университетов, что он обучался в оном с успехом наукам, гражданской службе свойственным, или что, представ на испытание, заслужил на оном одобрение в своем знании». Напротив, при наличии этого свидетельства дальнейшее продвижение в чинах до статского советника включительно объявлялось производимым «невзирая на лета службы».

Оправдывая свой нажим на «благородное» и вполне свободное сословие и развивая взгляд на реформу 1803—1804 гг., автор указа (Сперанский) между прочим писал: «Разум сего постановления состоял в том, чтобы разным частям гражданской службы доставить способных и учением образованных чиновников; чтоб трудам и успехам в науках открыть путь к деятельности, предпочтению и наградам, с службою сопряженным». Это утверждение неверно передает смысл постановлений 1803—1804 гг., но оно

очень характерно для того направления, которое реформа действительно получила к 1809 г. Захватываемое дворянством гимназическое образование получает одностороннее направление подготовки в государственно-чиновничью службу, и в духе именно этой задачи начинает перестраиваться тот учебный план, который так неопределенно был выражен в законах 1803—1804 гг. Уже в 1811 г. вновь назначенный попечителем Петербургского учебного округа С. Уваров, «реформируя» губернскую гимназию, докладывал министру: «Удостоверив, что курс учения и образ преподавания в С.-Петербургской губернской гимназии до сих пор отнюдь не соответствовал намерениям правительства, необходимым считаю обратить ваше внимание на некоторые перемены. Цель гимназии вообще есть приготовление учащихся к слушанию академических или университетских курсов наук, почему в курс гимназический и не должны входить такие предметы, которые представляются одним университетам». На этом основании Уваров исключил из курса гимназии политическую экономию, коммерческие науки, финансы, эстетику и философическую грамматику. И, напротив, как предметы, «служащие первым основанием истинного просвещения во всех государствах и в каждом веке», в плане оставлены: закон божий, отечественный и классические языки, история, география, математика, грамматика, логика, риторика, отечественная и иностранная словесность. К этим предметам, «которыми надлежит единственно заниматься в гимназиях», к этим «началам» Уваров и призывал министра *возвратиться* в деле дворянского образования.

В предложении попечителя Петербургского округа новым для того времени было то, что планы гимназии и университета довольно резко разграничивались. Лицо *средней* школы при таком разграничении выступало значительно более четким, чем это было в дворянских образовательных заведениях XVIII в. Но однородность этого разграничения очевидна. Гимназия и университет разграничивались в рамках одной лишь общей поставленной перед ними задачи: готовить чиновников к государственной службе. От предметов «реального образования» гимназия, таким образом, «освобождалась»; она снова переставала быть средней школой общего образования (какой она была по крайней мере по некоторым формулировкам устава 1804 г.) и превращалась в сословное, подготовительное к университету учебное заведение полупрофессионального типа с учебной программой, совершенно неподходящей как для промышленных слоев общества, так и для той части самого господствующего сословия, жизнь которого начинала все более и более связываться с интересами капитала. Уваровская гимназия 1811 г. принята была всего лишь как опыт Петербургского учебного округа, но обозначенный ею распад системы общего образования находил себе выражение и в других не менее характерных фактах. В 1804 г. по просьбам и на средства купечества учреждено новое коммерческое училище в Москве, открыта коммерческая гимназия в Одессе и устроены специальные коммерческие классы в составе Смоленской гимназии. В 1806 г. коммерческая гимназия учреждена в Таганроге. В 1807 г. при Волынской гимназии образована трехгодичная земледельческая школа, рассчитанная на поступающих из начальных школ. В опубликованном в этом же году постановлении о приходских училищах в губерниях Волынской, Подольской и Киевской министерство просвещения открыто признавало, что «приходские училища служат единственными заведениями для скудных дворян, для ремесленников и для крестьян» и в соответствии с этим в курс учения вводило «пересаждение и прививание дерев, делание хороших земледельческих орудий, домашнее хозяйство» (для девочек) и т. д. Для энергии попечителя Петербургского округа, таким образом, открывалось широкое поле к тому, чтобы начатое учреждением петербургской классической гимназии дело превращения общеобразовательной средней школы в сословно-подготовительное к университету дворянское заведение сделать повсеместным.

Известное стремление к новому, западному, просвещению потребовалось русскому дворянству начала XIX в. лишь в связи с его борьбой за сословные «вольности», часть которых была нарушена режимом Павла. С устранением этого «препятствия» в свои права вступал тот начавшийся еще при Екатерине, но не развившийся конфликт

с буржуазной Францией, в котором русское дворянство должно было занять сугубо реакционную и непримиримо агрессивную позицию. Вместе с развитием политического конфликта дворянство не могло не попытаться освободить себя и от той идеологии, которая в процессе последовательных бытовых и технических заимствований с Запада проникла в его миросозерцание и «грозила» завладеть умами молодежи. На какие идеологические позиции предстояло отступить с вершин «западного просвещения» — это для представителей разгорающегося реакционного движения пока было неясно, но направление движения определено было довольно точно: французскому материалистическому безбожию надо было противопоставить авторитет религии.

Карамзин снова быстро и ярко выразил смену дворянских политических настроений. «Скажем ли, повторим ли, — заявил он Александру I в своей «Записке о древней и новой России» 1811 г., — что одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основы империи и коих благотворность остается доселе сомнительною». Всякая «новость» в государственном порядке теперь автору представляется «злом, к коему надобно прибегать только в необходимости»; лишь одно время дает надлежащую твердость государственным установлениям, внушающим тем большее уважение к себе, чем они древнее. Для Александра же эти «новости» тем менее извинительны, что перед его глазами был «порядок вещей» екатерининского царствования, утвержденный «опытом 34 лет». Из дальнейшего хода рассуждений автора выясняется, однако, что и в учреждениях Екатерины было «более блеска, нежели основательности», и всякого рода изменения, последовавшие после Петра I, вообще мало оправданы. Мы помним, какую дань уважения 10 лет назад выразил Карамзин делу петровской реформы. Теперь он начинает сомневаться в ее целесообразности. Страсть Петра «к новым для нас обычаям переступила в нем границы благоразумия». Своим непродуманным вмешательством в изготовление пищи и одежды, во внешний облик русского человека Петр унизил «народный дух», составляющий нравственную мощь государств, а через то и их мощь физическую. «Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях»... Перемена обычаев вообще — естественный процесс, и «в первоначальном своем завете с венценосцами» народ их на насилия в этой области не уполномачивал. Обучение народа добрым нравам — исконная обязанность духовенства; но для того чтобы наставления последнего имели силу, оно должно быть уважаемо и, насколько это возможно, равноправно с гражданскими властями. «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всем государь, единственный законодатель, единственный источник властей, — вот основание российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих».

К аналогичному кругу мыслей склоняли русское правительство и французские аристократы-эмигранты, наводнявшие в то время Россию и «горевшие нетерпением при помощи русских штыков сразить владычество тирана» (Наполеона). Жозеф де-Местр, виднейший представитель эмиграции, обосновавшийся в С.-Петербурге в качестве посланника лишенного владений сардинского короля, установил дружеские отношения с министром просвещения Разумовским, получил доступ ко двору и развернул лихорадочную пропаганду против просвещения. В изданном в 1811 г. сочинении «Quatre chapitres sur la Russie» он доказывал, что распространение наук в России должно быть остановлено и что это надо сделать: 1) объявив, что научное образование вообще не составляет необходимости для занятия какой-либо гражданской или общественной должности, 2) требуя знаний только безусловно необходимых для специальных должностей, например математики для инженеров, 3) отменив преподавание наук, которые могут быть толкуемы по личным вкусам и наклонностям, каковы: история, география, метафизика, мораль, политика, коммерция и т. п., 4) отнюдь не поощряя распространение знаний в среде низших классов народа и осторожно пресекая невежественное или опасное рвение к подобного рода деятельности.

Характерно, что в год появления этих произведений последовало и первое открытое проявление новой реакционной «просветительной» политики пра-

вительства — введение обязательного обучения в школах закону божию под контролем православного духовенства. В 1812 г. под руководством обер-прокурора Синода кн. А. Н. Голицына возникло Библейское общество, поставившее себе задачей укрепление в народных массах религиозных чувств через распространение библии. Принимая на себя звание почетного члена общества, Александр писал Голицыну: «Да ниспошлет всевышний благословение на это учреждение; я придаю ему величайшее значение и вполне согласен с вашим взглядом, что священное писание заменит пророков. Вообще, эта всеобщая тенденция к сближению с Христом спасителем для меня составляет действительное наслаждение. Можете располагать всеми необходимыми денежными средствами для печатания библии». К 1817—1818 гг. сеть библейских обществ стала повсеместной, и сорганизовавшаяся вокруг них реакционная клика, наконец, попыталась сформулировать свои «планы» в области народного просвещения. История, говорил при открытии Симбирского отделения Библейского общества местный губернатор Магницкий, движется политикой «мира сего», во главе которого стоит «князь тьмы», и видами провидения, глава коего бог; «в наше время выдуман новый идол — разум человеческий; откровением этого идола является философия, а его жрецами — славнейшие писатели разных веков и стран». Французская революция и Наполеон были торжеством «князя тьмы»; по расчетам земной политики последнего, и Россия должна была покориться, но «смиренный и крестный рыцарь (Александр I), заключивший свои подвиги вечным союзом царей, предстал выполнителем плана провидения и мечом пресек чудовищный замысел». Войной дело, однако, не кончено. «Князь мира сего» продолжает утверждать свое владычество средствами мирного воздействия — «идолопоклонством, развращением нравов и философией. Великому ратоборцу царства света, вложившему обвитый лаврами меч в ножны, предстоит новая, упорная борьба — мечом слова божия». Все это реакционное кликушество и легло в основу политики учрежденного в 1817 г. министерства духовных дел и народного просвещения, во главе которого стал инициатор движения библейских обществ в России, былой «вольнодумец», а теперь мистик и ханжа, кн. А. Голицын. Его сотрудниками стали «таланты» типа Магницкого.

Главный удар нового министерства обрушился на университеты с их ненавистной реакционерам наукой. «Время уже вникнуть в цели правительства, — писал в своем отчете по ревизии Казанского университета 9 апреля 1819 г. специально уполномоченный на это дело Магницкий, — которое хочет и хочет непреоборимо положить единым основанием народного просвещения — благочестие. Время стать наряду с просвещеннейшими народами, кои не стыдятся уже света откровения. В Париже издается новый перевод пророчеств Исаии; вся Англия учится оригинальному языку библии; Германия, благодаря Канту, пришедшему через лабиринт философии к преддверию храма веры, ищет мудрости в одной библии, — и мы ли одни останемся полвеком назади? Начальство требует военных и гражданских чиновников благочестивых; ученость же без веры в бога откровенного не токмо не нужна ему, но почитается им вредною». И не найдя этих качеств учения в обревизованном университете, Магницкий предлагал: «Казанский университет, пользовавшийся всеми правами и преимуществами, ему присвоенными, и нарушивший с своей стороны коренные обязанности свои, по непреложной справедливости и по всей строгости прав подлежит уничтожению. Уничтожение это может быть двух родов: а) в виде приостановления университета и б) в виде публичного его разрушения». Лично ретивый ревизор высказывался за предпочтительность второго способа уничтожения, полагая, что «столь решительный акт без всякого сомнения заставит все европейские правительства обратить особенное их внимание на их систему учебного просвещения, которая, сбросив покрывало философии, стоит уже посреди Европы с поднятым кинжалом!» Предложение о разрушении не было принято, но Магницкий получил назначение попечителем Казанского учебного округа и поручение реорганизовать университет. О плане и характере этой реорганизации полное представление дает составленная им в 1820 г. «Инструкция директору университета», шестилетнее применение

которой, даже по словам правительственного обследования 1826 г., превратило университет в монастырь. Реакционные набеги, связанные с репрессиями в отношении либеральной профессуры и научного преподавания, были произведены и в других университетах (Петербургском, Харьковском), но в целом система Магницкого там принята не была.

Перед лицом дикого разгула реакции даже движение, начатое в 1811 г. Уваровым, стушевалось. «Состояние умов теперь таково, — писал он барону Штейну в 1813 г., — что путаница мыслей не имеет пределов. Одни хотят просвещения безопасного, т. е. огня, который бы не жег; другие (а их всего больше) кидают в одну кучу Наполеона и Монтескье, французские армии и книги, Моро и Розенкампфа, бредни Ш. и открытие Лейбница... религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминат, философ, франк-масон, фанатик и т. п. Словом, полное безумие. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сделаться исполнительным орудием самых преувеличенных страстей. Вот среди какого глубокого невежества находишься вынужденным работать над зданием, подкопанным у основания и со всех сторон близким к падению». Не чувствуя под своими ногами точки опоры, Уваров выждал 5 лет и лишь в 1816 г. нашел удобным доложить Главному правлению училищ об успехах своей петербургской гимназии, предложив распространение ее программы «оправданной опытом ряда лет», на все гимназии империи. В марте 1817 г. министерство просвещения признало необходимым «сделать некоторую перемену в образовании всех гимназий вообще». В последовавшем затем обмене мнений предложение Уварова поддержали университеты Московский и Харьковский. Против предложения Уварова устранить из курса гимназии науки политические и философские ничего не имела и клика Голицына: в интересах борьбы с «пагубной системой энциклопедического образования» она тоже воевала и с политическими и с философскими науками, как опасными в политическом и «религиозно-нравственном» отношении. Но центром нового курса гимназий она мыслила отнюдь не классические языки. «Нужно ли читать детям «Должности человека и гражданина», изложенные по философским началам, всегда слабым, и не лучше ли вместо того распространить учебное время на наставления в классе закона божия?», — писал в своих замечаниях на проект нового учебного плана архиепископ Филарет. Эта мысль и легла в основу распубликованного в 1819 г. «расписания учебных предметов гимназий и училищ». «Ввести в употребление по всем училищам, какого бы рода оные ни были, — читаем в предложении министерства, — чтения из священного писания, т. е. извлечения из некоторых мест евангелий, деяний и посланий апостольских, исторических книг ветхого завета, псалмов, пророков и из тех книг священного писания, кои в особенности содержат в себе нравственные поучения... Ибо заключающиеся в евангелиях поучения спасителя суть неподражаемое божественное начертание правил для поступков человеческих в продолжение всей жизни, во всех званиях и состояниях, в каждом возрасте и поле и не только пристойны для сей жизни, но полезны и для приготовления к будущей». Как видим, предложение это вполне созвучно «инструкции» Магницкого и не менее ее содействовало превращению учебного заведения в монастырь. «В продолжение сего академического года, — читаем в одном из отчетов казанской гимназии этого времени, — гимназия, оживляемая животворным духом благодати божией, осеняемая щедротами помазанника его, яко же Израиль во дни Соломона, мирно и единообразно шествовала частью предположенным ею самою, а более указуемым ей любителями истинные мудрости, его сиятельством г. министром духовных дел и народного просвещения и его превосходительством г. попечителем Казанского учебного округа, путем к образованию вверенных ей детей не по стихиям мира сего, а в страхе божии»... (Алешинцев, цитированное произведение, стр. 75.) Таким образом, даже и при наличии двух древних языков в плане новая гимназия отнюдь не получила того характера, о котором, в интересах ее закрепления за дворянством, мечтал Уваров.

Политика Голицына, Стурдзы и Магницкого потерпела крах в том именно пункте, который она считала для себя центральным. В 1824 г. министр ду-

ховных дел и народного просвещения был «обличен» в неправославии, и его министерство упразднено. Стремление Голицына распространить религиозное просвещение среди масс не через церковь, а через библейские общества недовольными церковниками было объявлено проявлением протестантской тенденции, опасной как для господствующей церкви, так и для самого государственного порядка. «Главный обман их состоит в проповедывании какой-то иной веры, не той, которая в России со времен Владимира исповедуется, а другой — выдуманной злонамеренными людьми, дабы через то ослепить народ и, воспламеняя в нем под именем сей мечтательной веры и вольности бесчестия и своевольства, ополчить его против бога, царей и всякого порядка. Зараза сия становится столь ясною и смелою, что, кажется, не боится уже обнаруживать себя», — так в 1825 г. докладывал Александру I единомышленник Аракчеева, вновь назначенный министром народного просвещения адмирал Шишков, и из его слов мы можем видеть, что реакционеры совершенно определенно имели в виду грядущее политическое потрясение. «Нравственный разврат под названием «духа времени», — писал новый министр Александру в первые же дни после своего назначения (1824 г.), — долго рос и усиливался. Сие ослепление под самыми священными именами благочестия и человеколюбия умело вползать в невинные сердца и заражать их ядом своим. Министерство просвещения, не знаю по каким причинам, но явно и очевидно попускало долгое время расти сему злу и мало сказать попускало, но оказывало тому всякое покровительство и ободрение... Ныне сему, долговременно продолжавшемуся течению обстоятельств делается перелом. Надлежит сей широко разлившейся и быстрой реке поставить преграду. Сею преградою, сим оплотом, государь, повелеваешь ты быть мне...»

Исходя из убеждения о незыблемости крепостнического строя России, Шишков считал необходимым прежде всего укрепить сословную систему образования, что в его «программной» речи к членам Главного правления училищ и было выражено словами: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет». Вслед за тем, приведя в известность все произведенные ранее действия и распоряжения в части народного просвещения, Шишков задался целью через особый комитет отобрать в них то, что отвечало поставленным им принципам. По его плану образование должно было стать «*русским*», с обязательным обучением всех школьников, как русских, так и «иноверных», русскому языку, истории и законам; науки должны быть очищены от всяких «умствований», излишние учебные предметы отброшены; славянский язык, российская словесность и греческий язык должны быть введены и поощряемы; сверх всего, педагогический персонал должен был твердо запомнить, что «одно обучение не есть воспитание и даже вредно для возделывания нравственности». Наконец, предписано было для надзора за учащейся молодежью в классах, в церкви, по квартирам и в городских общественных учреждениях усилить надзирающий персонал, связать дело надзора с полицией, предупредить учащихся о невхождении в тайные общества, запретить им прогулки за город и чтение книг, «сомнительных и к лекциям не принадлежащих».

Как видим, к событиям 14 декабря 1825 г. аппарат министерства просвещения рядом последовательных и «решительных» мероприятий был поставлен в готовность к борьбе с начинающимся революционным движением, вследствие чего план Шишкова оказался «подходящим» и для вновь вступившего на престол Николая I. Двумя рескриптами (1826 и 1827 гг.) на имя министра просвещения Николай I по существу подтвердил все высказанные ранее общие положения Шишкова и возобновил министерский комитет, поручив ему путем сличения всех прежде существовавших уставов установление государственной системы образования, в которой бы «предметы учения и способы преподавания были по возможности сообразованы с будущим вероятным предназначением обучающихся, чтобы каждый вместе с здравыми, для всех общими, понятиями о вере, законах и нравственности приобретал познания наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи и, не быв ниже своего состояния, также не стремился через

меру возвыситься над тем, в коем по обыкновенному течению дел ему суждено оставаться». Расшифровывая эту формулу для членов комитета, Шишков имел полную возможность подставить под ней провозглашенное им еще в 1824 г. «образование, приспособленное к потребностям разных состояний», и потребовать, чтобы учебные заведения различных типов, не теряя полученного ими в уставе 1804 г. характера подготовительных ступеней к высшему образованию, в то же время давали законченное образование для тех сословий, для которых они предназначены.

Как ни противоречиво было это требование, оно не встретило принципиальных возражений со стороны членов комитета и легло в основание нового школьного устава 1828 г. Общей целью учебных заведений § 1 последнего признавал: «При нравственном образовании доставлять юношеству средства к приобретению нужнейших по состоянию каждого познаний», причем эта цель уточнялась далее (§ 4) применительно к приходским училищам, с их задачей «распространения первоначальных, более или менее всякому нужных сведений между людьми и самых нижних состояний». Но в отношении к уездным училищам и к гимназиям задача соединения общего образования со специальной сословно-практической подготовкой оказалась настолько затруднительной, что при решении ее единство мнений членов комитета и руководящая в нем роль Шишкова были потеряны. В § 46 устава указывалось, что уездные училища «вместе с средствами лучшего нравственного образования» должны доставлять «те сведения, которые по образу жизни, нуждам и упражнениям могут быть наиболее полезны детям купцов, ремесленников и других городских обывателей». Таким образом, задача этого учебного заведения — сословно-практическая. Но практическому обучению составители устава вынуждены были предпослать некоторое общее образование, и предметы последнего настолько заполнили план трехклассного училища, что практическое обучение пришлось вынести в дополнительные классы, которые должны быть учреждаемы при уездных училищах особо, «смотря по нужде, средствам и удобности», и куда учащиеся могут быть определяемы лишь по окончании трехгодичного курса училища. Таким образом, уездные училища, вопреки поставленной перед ними задаче, превращались в учебные заведения общего образования, по характеру учебного плана пригодного для всех, но по качеству и объему совершенно неудовлетворительного.

Еще бо́льшие трудности для нового устава представила гимназия. Ее задача — готовить детей господствующего сословия к государственной службе — для членов комитета была бесспорна. Но вопрос о том, как будет гимназия осуществлять эту задачу, вызвал в их среде разногласия. Одни из них полагали, что свою роль гимназия сможет осуществить только как учебное заведение, «снабжающее необходимыми предварительными знаниями, готовящихся вступить в университеты»; другие, наоборот, допускали известную самостоятельность гимназического курса, как «доставляющего способы приличного дворянского воспитания тем из молодых людей, кои не намерены или не могут продолжать учения в университетах». Задачу подготовки в университет защитники первого мнения сводили главным образом к изучению древних языков и словесности; сторонники законченности гимназического курса, напротив, в центр изучения ставили родной язык, литературу, историю, иностранные языки и право. В первом случае, как это ясно было из 15-летнего опыта основанной Уваровым петербургской классической гимназии, полностью терялась законченность и самостоятельность гимназического курса; во втором, как это тоже можно было видеть в предложениях Шишкова, в гимназическом образовании отступала на задний план и постепенно терялась из виду задача подготовки к университету. В поисках компромисса между этими двумя противоположными и односторонними решениями вопроса большинством членов комитета намечены были три решения: 1) двойственность типа средней школы в форме параллельного существования классических гимназий, готовящих в университеты, и особых училищ, дающих законченное образование; 2) бифуркация старших классов гимназии, разветвляющая образование по тем же двум линиям, и 3) единый тип гимназии с урезанно-классической программой (без гре-

ческого языка), дополненной преподаванием родного и новых иностранных языков и некоторых естественно-научных дисциплин. Автором последнего предложения был Уваров; это предложение было поддержано Николаем I, и оно было принято для устава. В центр учебного курса 7-классных губернских гимназий поставлено было изучение латинского языка и древней словесности (39 часов) как отрасли знания, приучающей ум «к внимательности, трудолюбию, скромности и основательности»; но, наряду с этим, в план вошли родной язык (34½ часа), история (19½ часов), математика с физикой и космографией (40½ часов), новые иностранные языки (45 часов), закон божий, география, рисование, черчение и чистописание. Этот план, явившийся результатом длительной комбинированной работы над ним, при поверхностном к нему отношении мог казаться удовлетворительно разрешающим поставленные перед гимназией задачи. Даже для позднейших историков гимназического устава 1828 г. последний представлялся иногда «гораздо лучшим, чем можно было ожидать по первым принципиальным указаниям со стороны Шишкова и Николая I» (см., например, у Алешинцева, цитированное произведение, стр. 121). Непосредственные участники составления плана от таких похвал ему, однако, воздерживались: они знали, под влиянием каких противоположных тенденций сложилась учебная программа гимназии 1828 г. и каким случайным механическим путем спорные вопросы оказались примиренными в результате, который одинаково не удовлетворял ни одну из споривших сторон.

С 1833 г. руководителем министерства просвещения стал Уваров. Его семнадцатилетнее управление делом просвещения как нельзя более ярко выявило, как далеко зашел кризис дворянского просвещения. «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, ввиду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народов; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения» — так, подводя в 1843 г. итоги своей деятельности за десятилетие, охарактеризовал Уваров те мотивы, которыми он руководствовался при определении основных начал своей просветительной политики. Этими началами стали «православие, самодержавие и народность». Уже в первом министерском обращении по учебным округам 21 марта 1833 г. Уваров писал: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование согласно высочайшим намерениям совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности».

Но в связи с ростом промышленности и техники за 20-е—40-е гг. на очередь выдвигалась забота о «грамотном десятнике», о технической интеллигенции, о профессионально-техническом образовании и пр.

«Министерство, — писал Уваров в упомянутом отчете за 1833—1843 гг., — не могло и не желало оставить без удовлетворения обнаруживавшееся повсеместно общее стремление к промышленности. Не отрекаясь от главного филологического характера обучения в его заведениях, оно не упорствовало в направлении одностороннем и исключительном. Для того в число задач, решение которых подлежало его попечительности, оно включило решение вопроса о приспособлении главнейших начал наук общих к техническим потребностям ремесленной, фабричной и земледельческой промышленности». Выражением этого «приспособления» явилось учреждение специальных учебных заведений и содействие росту реальных курсов, отделений, училищ и гимназий, которые, входя в существующую по уставу 1828 г. сеть общеобразовательных заведений, не только дополняли, но временами и существенно изменяли их: курс уездных училищ удлинялся до 6—7 лет, вместе с коммерческими и техническими дисциплинами в план гимназии вводилось обучение естественной истории и английскому языку, усиливалось преподавание математики, объявлялось необязательным обучение древним языкам; учащиеся реальных отделений и классических гимназий, несмотря на различия сословности, объединялись для слушания общих курсов, смешивались по классам

и в конце концов уравнивались в своем праве на продолжение образования в высших учебных заведениях.

Могло ли крепостническое правительство спокойно смотреть на этот стихийный ход событий, начинавший менять характер школьной системы 1828 г. и направление школьной политики министерства просвещения? Впервые внимание министра на развивающееся «противоречие в гражданском положении лица с умственным его образованием», как на нежелательную «ненормальность», было обращено в царском рескрипте 1837 г. В 1840 г. в связи с посещением Киевского университета Уваров и сам признал, что «при возрастающем повсюду стремлении к образованию наступило время пещись о том, чтобы чрезмерным этим стремлением к высшим предметам учения не поколебать некоторым образом порядок гражданских сословий». Поскольку, однако, от дальнейшего пользования элементами буржуазного просвещения не отказывались, средств для борьбы с нежелательным последствием этого пользования у крепостнического правительства оказывалось очень немного. В 1845 г. со специальной целью «удержания стремлений юношества к образованию в пределах некоторой соразмерности с бытом разнородных сословий» Уваровым объявлено было повышение платы за учение в университетах и гимназиях. Соглашаясь с этой мерой и видя ее недостаточность в борьбе с проникновением в школу «нежелательных» сословий, Николай I надписал: «При том надо сообразить, нет ли способов затруднить доступ в гимназии для разночинцев». В ответ министр мог придумать только требование от поступающих в гимназию детей купцов и мещан увольнительных свидетельств от тех обществ, к которым они принадлежат, причем и эту меру, утверждая ее на три года, Николай признал неподходящей для купцов 1-й гильдии.

В значительно ином направлении «охранительные» мероприятия стали развиваться после 1848 г. Устрашенное революционными событиями в Западной Европе и готовясь к новой контрреволюционной интервенции (в Венгрию), правительство Николая I с зверской суровостью обрушилось на все проявления былого «либерализма» в просвещении. Гимназия как общеобразовательное среднее учебное заведение стала первой жертвой на этом пути. Исходя из двоякой цели гимназии, зафиксированной в уставе 1828 г., министерство просвещения неожиданно для себя «открыло», что «вторая задача гимназии — готовить юношество прямо к практической деятельности» — до сего времени была не реализована и что «согласно с современными потребностями необходимо сделать различие между готовящимися в университеты и теми, которые пожелают из гимназии перейти прямо на службу». Курс гимназий был бифурцирован, и с IV класса учащимся на выбор представлены были два специальные отделения: а) для подготовляющихся на службу и б) для подготовляющихся в университеты. В учебный план первых наряду с усиленными занятиями по русскому языку и математике вводилось изучение законоведения. В плане вторых сохранялись латинский и греческий языки. Хороня свое «детище» — единую полуклассическую гимназию 1828 г., Уваров заявлял, что «университеты будут получать из гимназий быть может меньшее число студентов, но с основательнейшим приготовлением в древних языках; таким образом меньшее количество вознаградится высшим качеством». Однако возрастающая реакция сделала невозможной и эту наиболее слабо выраженную форму общеобразовательности курса гимназии. В апреле 1849 г. личным распоряжением Николая I штатное число своекоштных студентов в университетах было сокращено до 300, и «детям благородного сословия» указано, чтобы они «как потомки древнего рыцарства, искали преимущественно службы военной перед службой гражданской; на сей конец им открыта возможность поступить в военные учебные заведения или же прямо в ряды войск, для чего университетское образование не есть необходимость». Через своего сторонника, директора Главного педагогического института И. И. Давыдова, Уваров пытался полемизировать с Николаем по вопросу о целесообразности нового гонения на университетское образование, но после резолюции Николая: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя», вынужден был уйти в отставку. С сокращением студентов университетов до минимума становились ненужными и подготовляющие к универси-

тету классические отделения гимназий. В 1851 г. на запрос Николая I, «не полагает ли министр просвещения, что преподавание греческого языка во всех гимназиях совершенно лишне», преемник Уварова, князь Ширинский-Шихматов, с полной угодливостью отвечал, что он готов это сделать во всех гимназиях, за исключением девяти, и что с упразднением обучения греческому языку в гимназиях необходимо ввести курс естественных наук, допущение которых «довершило бы полноту образования учеников, намеревающихся поступить прямо в гражданскую службу, и ощутительно облегчило бы изучение соответствующих дисциплин для студентов физико-математического и медицинского факультетов».

Для Николая I, сократившего университетское образование до минимума, последний мотив министра, разумеется, не играл никакой роли. Изменение учебного плана было осуществлено, как отвечающее общему реакционному курсу на окончательный разрыв связи между гимназией и университетом и на усиление прикладного характера гимназического образования. Ничтожное образовательное значение школьной системы 1851—1855 гг. обрисовал сам Николай I. «Я скажу вам теперь, — говорил он посетившей его в 1855 г. делегации Московского университета, — как разумею я в наше время дело воспитания. Учение и ученость я уважаю и ставлю высоко, но еще выше ставлю я нравственность. Без нее учение не только бесполезно, но может быть вредно, а основа нравственности — святая вера. Вместе с учением надо воспитывать религиозное чувство. Вот мой взгляд на просвещение. Вот то, что я ожидаю от вас. Вера пала у многих народов, она жива у нас, как была некогда. Надо то сохранить в России, что искони бе».

С признанием этого николаевская школьная система возвращалась к исходному моменту александровской реакции и теряла все, что за 30 лет экономического развития России ею было приобретено в деле развития общеобразовательной школы. «Отмена в 1851 г. преподавания греческого языка в большей части русских гимназий, — писал в 1855 г. профессор Грановский, — не без причины изумила и, смею сказать, опечалила всех, принимающих к сердцу судьбы русского просвещения и знакомых с ходом его развития... До 1851 г. русские гимназии шли медленным, но верным шагом к указанной им цели. Им предстояла задача осуществить идеи среднего заведения, приготовляющего своих воспитанников не к одному университету, но и к жизни, не через поверхностное многознание, а через основательное и всестороннее развитие способностей. Цель эта теперь отодвинута на задний план». Этим слабым протестом представитель передового общественного мнения середины XIX в. выразил свое явное несогласие с последними мерами Николая I, прервавшими медленное продвижение вперед начального и среднего образования в сторону *общего* образования, открывающего для молодежи путь к разного рода деятельности в торгово-промышленных предприятиях и выводящего ее за пределы узкой замкнутости сословий.

Но чего Грановский не досказал в открытом заявлении, то на своем специальном языке, мало доступном пониманию цензоров Николая I, смогла полно и талантливо выразить прогрессивная теоретическая педагогика 30—40-х годов. В этом — основание нашего интереса к ней и в этом ее историческое значение.

Первым ярким представителем теоретической педагогики начала XIX в. несомненно следует считать И. П. Пнина. Представитель передового дворянского общественного мнения в пору, когда политика Александра I подготовляла реформы 1803—1804 гг., и близко связанный с теми практическими деятелями, в руках которых находилась подготовка реформы, Пнин в своем сочинении «Опыт о просвещении относительно России» высказал то, что значительно выходило за рамки основных положений реформы. Пнин согласен с официальной формулой «просветительства» Екатерины II — Александра I: просвещение подготовляет гражданина, хорошо знающего и исполняющего свои обязанности. Но он истолковывает эту формулу не по трафарету «Книги о должностях», поучающей лишь ненарушимому подчинению властям предержащим; он полагает, что эта формула налагает определенные обязанности также и на самих представителей власти, призывая их «со своей стороны свято исполнять свои обязанности». «Там, где царствует про-

свещение, — писал Пнин, — там спокойствие (от властей. — *Н. Ж.*) и блаженство суть удел каждого гражданина. Но доколе власть во зло употребляет доверенность, обществом ей делаемую, доколе подчиненность не перестает выходить из своих пределов и доколе равновесие гражданственных взаимностей теряется, дотоле та страна, хотя бы она состояла вся из ученых и философов, едва ли счастливее той, которая покрыта мраком невежества». С обычным для просветительства идеализмом, Пнин полагает, что и этот порок властей может быть устранен при помощи воспитания. Отсюда его усиленный интерес к образованию господствующего дворянского сословия, которое он желал бы видеть не столько военным, сколько гражданским с юридическими науками в центре. Впрочем, автор требует образования и для других сословий — для купцов, для мещан и даже для «земледельцев», т. е. крестьян, обучение которых он желал бы значительно расширить в сравнении с тем, что в этом отношении намечено «предварительными правилами» 1803 г. Слабой стороной предложений Пнина было то, что новую систему просвещения он мыслил без каких-либо учреждений *общего* образования. Каждому сословию, в соответствии с нуждами его практической подготовки, должен быть отдан какой-либо один из существующих по «правилам» 1803 г. тип учебного заведения: приходские училища — земледельцам, уездные — мещанам, юнкерские училища — дворянам. Свою диференциацию учебных заведений по сословиям Пнин довел до того, что, желая развернуть специальное купеческое образование, он уже не нашел подходящими для этого уездные (мещанские) училища и потребовал учреждения училищ купеческих или коммерческих. Таким образом, в этой части Пнин стоял еще полностью на позициях сословной педагогики XVIII в., и новых веяний Запада он не воспринял.

Развитие типа уваровской гимназии, как подготовляющего к университету среднего общеобразовательного заведения, и связанный с ним комплекс идей немецкой идеалистической педагогики первой половины XIX в. нашли значительное отражение и в теоретической педагогике России этого времени. Выразителями новой системы, естественно, должны были стать лица, ближе всего причастные к педагогическим учреждениям Уварова. Среди последних видную роль сыграл профессор латинской словесности и философии в Московском университете, позднее директор Главного педагогического института И. И. Давыдов. В своем рассуждении «О согласовании воспитания с развитием душевных способностей» Давыдов отправляется от идеи внутреннего последовательного развития ребенка. «Обыкновенно спрашивают, — пишет он, — чему учить надобно сына или дочь; а лучше бы спрашивать о том, как должно развивать душевные способности. Дайте им правильное развитие, они будут в состоянии приобрести все нужные сведения». Подчеркнув в соответствии с этим важнейшее значение «общих психологических законов воспитания» и необходимость сообразования воспитания с особыми душевными силами каждого ребенка, автор требует далее «не подавлять в дитяти того, к чему природа его назначила», и «избегать односторонностей в воспитании». «То, что мы называем гением,—говорит Давыдов,—не есть какая-либо особенная способность, но отражение целого в какой-либо особенной силе душевной. Посему не искореняйте в человеке того, к чему природа его назначила, но старайтесь господствующее направление вести так, чтобы оно служило основанием целого и гармонически сливалось с прочими душевными силами». Вполне понятно, что Давыдов не мог хоть сколько-нибудь обосновать свои рассуждения относительно движения к «гармонии». Объявив, что «разумение в отроке составляет предмет главный в воспитании», он немедленно же отрывает это «разумение» и от особенностей ребенка и от окружающей его действительности. При таком положении оказывается, что «все науки суть только отрасли самопознания; мы только из самих себя можем заимствовать порядок, начала, последовательность», и «на поприще жизни наставник наш — внутренний голос совести». Рассуждение заканчивается обращением к родителям, воспитателям и наставникам напитывать юные сердца христианскими добродетелями: надеждою, любовью и верою. Отсюда уже прямой путь и к формуле Уварова — православие, самодержавие и народность.

Полной противоположностью официальной педагогике, покровительствуемой

Уваровым явились в 30—40-е годы педагогические высказывания знаменитого критика-разночинца В. Г. Белинского. Последний вначале отправлялся от идей немецкого классического идеализма. В своей рецензии на книгу Бурьянова «Прогулка с детьми по С.-Петербургу и окрестностям» В. Г. Белинский писал: «Молодые поколения суть гости настоящего времени и хозяева будущего... Каждое новое поколение есть зародыш будущего, которое должно сделаться настоящим, есть новая идея, готовая сменить старую идею. На этом и основан ход и прогресс человечества». Таким образом, здесь отправным для педагогики становится принцип развития, формулируемый еще идеалистически, в соответствии с чем главная задача воспитания понимается как культура разумной сознательности ребенка, выращиваемой из мира его первичных впечатлений. Но уже и на этом этапе своей деятельности Белинский крайне осторожен в отношении к природе ребенка. «Юная душа, не испытавшая еще отчуждения и сомнения, — писал он в большой критической статье 1840 г., посвященной изданию детских сказок Гофмана и дедушки Иринея, — вся открыта наружу, она не умеет любить в меру, но предается предмету своей любви беззаветно и безусловно... Нужно ли доказывать, что при таком воспитании родители одной лаской могут делать из своих детей все, что им угодно, что им ничего не стоит приучить их с малолетства к выполнению долга — к постоянному систематическому труду... Еще менее нужно доказывать, что при таком воспитании совершенно бесполезны всякого рода унизительные для человеческого достоинства наказания». Приняв доброе чувство к ребенку как одно из основных средств воспитания, Белинский смог сообщить последнему оттенок такой мягкости и подлинной человечности, до какой никогда не поднимались представители как современной ему, так и более поздней «гуманистической» педагогики. «Первоначальное воспитание, — писал Белинский в той же статье, — должно видеть в дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человека, который мог бы впоследствии быть тем или другим, не переставая быть человеком. Под человечностью мы разумеем живое соединение в одном лице тех общих элементов духа, которые равно необходимы для всякого человека... Под этими общими элементами духа мы разумеем доступность всякому человеческому чувству, всякой человеческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образования каждого».

В противопоставлении холодному резонерству преждевременно состарившихся юношей теплого чувства мечтательности и поэзии, сохранившихся в человеке до подлинной его старости, у Белинского многое от романтизма, ни в какой мере не согласованного с той строгой рационалистической теорией, за пропаганду которой он взялся. Но в этой несогласованности, в этом колебании между двумя противоречивыми принципами и в настороженно критическом отношении к каждому из них крылась и предпосылка большого движения вперед — против немецкой идеалистической педагогики. Во второй половине 40-х годов Белинский резко пересматривает свои взгляды и переходит на позиции фейербахианского материализма. В соответствии с этим Белинский становится пионером в выражении нового реалистического принципа в педагогике. «Вы, конечно, очень цените в человеке чувство? — заявил он, во «Взгляде на русскую литературу 1846 г.» — Прекрасно! Так цените же и этот кусок мяса, который трепещет в его груди, который вы называете сердцем и которого замедленное или ускоренное биение верно соответствует каждому движению вашей души. Вы, конечно, очень уважаете в человеке ум? — Прекрасно! Так не останавливайтесь же в благоговейном изумлении и перед этой массой мозга, где происходят все умственные отправления... Ум без плоти... есть логическая мечта, мертвый абстракт. Ум — это человек в теле или, лучше сказать, человек через тело, — словом — *личность*». И снова этот обогащенный новым, реальным качеством гуманизм обращается на защиту ребенка. «Сколько есть отцов и матерей, которые действительно по-своему любят своих детей, — писал Белинский в 1848 г., — но считают священной обязанностью беспрестанно твердить им, что они обязаны своим родителям и жизнью, и одеждой, и воспитанием. Эти несчастные... спокойно дремлют на моральном правиле, что дети должны любить своих родителей, и потом в старости со вздохом повторяют избитую сентенцию, что от детей-де нечего ожидать, кроме неблагодарности... Любовь

по долгу и по обязанности есть чувство, противное человеческой природе... Ребенок дарит своей любовью того, кто доказывает ему любовь свою на самом деле» (а не на словах. — *Н. Ж.*). Отсюда у Белинского горячая ненависть к формализму, «словесности», педантизму. «Я убежден от всей души, — заявил он в статье «Педант», — что никакое звание так не идет к педанту, как звание учителя «российской словесности». Да, эта «российская словесность» преимущественно сподручна для шарлатанов и педантов: в нее можно класть что угодно, и оттуда можно вынимать какие угодно теории, без опасения заплатить пошлину за болтовню». Знаменитый писатель стоит за то, чтобы ребенка-школьника обучали правильно говорить и писать, но вошедшее в практику словесной школы сочинение на какую-нибудь описательную, а чаще всего отвлеченную тему (описать весну, восход солнца; доказать, что леность — мать пороков, что порок всегда наказывается, а добродетель торжествует) приводит его в негодование. «Какое варварство! — восклицает Белинский, — мальчик *сочиняет* мальчик — сочинитель! Да знаете ли вы, господа риторы, что мальчик, который сочиняет, почти то же, что мальчик, который курит, волочится за женщинами, пьет водку?.. Во всех этих четырех случаях равно губительно упреждается природа искусственным развитием... Из живого, здорового полнотою чувств ребенка делается рефлектёр, резонёр, *умник*, и чем умнее он на словах, тем пустее он внутренно» («Общая риторика Кошанского», 1845 г.). Противопоставив пустой словесной форме, культивируемой официальными учебниками (типа «риторики» Кошанского), слово, выражающее действительную жизнь человека и общественный интерес, Белинский с особой энергией защищает теперь право на грамотность и просвещение тех, у кого жизнь полна труда и страданий. «Я не в состоянии дать вам ни малейшего понятия о том негодовании, какое возбудила ваша книга во всех благородных сердцах», — писал Белинский Н. В. Гоголю по поводу изданных последним «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847 г.), где говорилось, что «учить мужика грамоте, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки, — вздор», и что у мужика нет для того ни времени, ни интереса, так как «после стольких работ... придя домой, он заснет, как убитый», либо «пойдет в кабак». Отметив любовь крестьянина к «свету» и его готовность на любые материальные расходы для обучения детей грамоте, обусловленные «глубокой потребностью, какую чувствует народ в грамотности, и сильным стремлением к учению», критик с мужеством демократа-революционера заявил: «Вы (Гоголь. — *Н. Ж.*) не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их), не молитвы (довольно она твердила их), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их исполнение».

Этими положениями передовая мысль России первой половины XIX в. вплотную подошла к новой эпохе, начавшейся после крушения николаевского режима.

ГЛАВА I

ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЕКСАНДРА I

МАНИФЕСТ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МИНИСТЕРСТВ И В ИХ ЧИСЛЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ [1]

(1802 г.)

Благоденствие народов, премудрым промыслом скипетру нашему вверенных, есть священная и главнейшая цель, которую мы поставили себе, приняв бремя царствования над обширною империею Российскою, — над империею, которая столь же разнообразна климатами, местными выгодами и естественными произведениями, как и обитатели ее религиею, нравами, языками и образом жизни. Воспламененные ревностным желанием изыскать и употребить все удобные способы к скорейшему и благоспешнейшему достижению сего, толь драгоценного сердцу нашему предмета, устремили мы внимание свое на все причины и обстоятельства, содействующие или препятствующие оному; и по строгом испытании и сравнении их между собою, твердо уверились, что благоденствие народа незыблемо и ненарушимо утверждено быть может тогда единственно, когда правительство будет иметь спасительные средства не только исправлять всякое явное, пагубными следствиями обнаруживаемое зло, но в особенности искоренять самое начало оного, отвращать все причины, могущие подать повод к нарушению общего и частного спокойствия, открывать нужды народа, предупреждать их и благоразумно, ревностно и деятельно способствовать соблюдению и утверждению необходимого во всем порядка и умножению богатства природных и искусственных произведений, основанием силе и могуществу империи служащих.

Примеры древних и новейших времен удостоверяют каждого, что чем удобнее были средства, к сему употребляемые, и правила государственного правления тому соответственнее, тем стройнее, тверже и совершеннее было все политическое тело, тем довольнее и счастливее каждый член, ему принадлежащий. Следуя сему правилу и внушениям сердца нашего, следуя великому духу преобразователя России Петра Первого, оставившего нам следы своих мудрых намерений, по коим старались шествовать достойные его преемники, мы заблагорассудили разделить государственные дела на разные части, сообразно естественной их связи между собою, и для благоуспешнейшего течения поручить оные ведению избранных нами министров, постановив им главные правила, коими они имеют руководствоваться в исполнении всего того, чего будет требовать от них должность и чего мы ожидаем от их верности, деятельности и усердия ко благу общему...

VII. Министр народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук имеет в непосредственном ведении своем Главное училищное правление со всеми принадлежащими ему частями, Академию наук, Российскую академию, университеты и все другие училища, кроме предоставленных особенному попечению любезнейшей родительницы нашей императрицы Марии Феодоровны и находящихся по особенному повелению нашему от управления других особ или мест; типографии частные и казенные, исключая из сих последних состоящие также под непосредственным чьим-либо ведомством; цензуру, издание ведомостей и всяких периодических сочинений, народные библиотеки, собрание крепостей, натуральные кабинеты, музеи и всякие учреждения, какие впредь для распространения наук заведены быть могут.

(Сборн. постановл. по министерству народного просвещения, т. I.)

«УСТАВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТАМ» [2]

(1804 г.)

1. Учебные заведения, подведомые университетам, суть: гимназии, уездные, приходские и другие, под каким бы то ни было названием, училища и пансионы, находящиеся в губерниях, к каждому университету причисленных.

2. Из сего исключаются училища, состоящие в ведении святейшего синода, и те, которые по особенным обстоятельствам высочайше вверены иному начальству.

О гимназиях

I. ОБЩИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ

3. На основании предварительных правил народного просвещения, в каждом губернском городе должна быть одна гимназия. Может быть и более оных в губернском или других городах, ежели есть способы к содержанию таковых заведений. Начальник гимназии есть директор, состоящий в VII классе государственных чиновников, если выше чина не имеет.

4. Учреждение гимназий имеет двоякую цель: 1) приготовление к университетским наукам юношества, которое по склонности к оным или по званию своему, требующему дальнейших познаний, пожелает усовершенствовать себя в университетах; 2) преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения, тем, кои, не имея намерения продолжать оные в университетах, пожелают приобресть сведения, необходимые для благовоспитанного человека.

5. План учения в гимназиях должен соответствовать сей двоякой цели, заключая в себе начальныя основания всех наук, потребных к достижению оной. И потому, кроме полных курсов: латинского, немецкого и французского языков, преподается в гимназиях дополнительный курс географии и истории, включая в сию последнюю науку мифологию (баснословие) и древности, курс статистики общей и част-

ной Российскаго государства, начальный курс философии и изящных наук, начальные основания политической экономии, курс математики, чистой и прикладной, курс опытной физики и естественной истории; также начальные основания наук, относящихся до торговли, основания технологии и рисование.

6. Каждая гимназия имеет восемь учителей, которые преподают помянутые предметы учения следующим образом: один учитель преподает чистую и прикладную математику и опытную физику; другой — историю, географию и статистику; третий — философию, изящные науки и политическую экономию; четвертый — естественную историю, начальные основания наук, относящихся до торговли и технологии; пятый обучает латинскому языку; шестой — немецкому; седьмой — французскому; осьмой — рисованию.

7. Сим восьми учителям жалованье производится по штату. Но если случится, что определяемый в гимназию учитель не во всех предписанных ему в пункте 6 предметах равно искусен, и потому некоторые из его предметов потребно будет отдать другому, более сведущему в оных; равным образом, если один учитель может обучать еще другим, сверх определенных ему в оном пункте 6 предметам, то университет, в ведении которого состоит гимназия, и в назначении жалованья таковым учителям отступает от штатнаго положения.

8. Гимназия может также содержать учителей танцования, музыки и телесных упражнений (гимнастики), если то позволят доходы оной.

9. Учители наук, преподаваемых в гимназии, называются старшими и состоят в IX классе государственных чиновников. Учители языков называются младшими и состоят в X классе. Учитель рисования состоит в XII классе.

10. Все учители гимназий определяются тем университетом, в округе коего состоит гимназия, по представлениям директора или и непосредственно, смотря по обстоятельствам.

11. Гимназия, с позволения вышнего начальства, может умножить число учебных предметов и учителей наук и языков, когда имеет довольные к тому способы.

12. В гимназии, сверх обыкновенного преподавания наук, приготовляются к учительской должности желающие быть учителями в уездных, приходских и других училищах. Обучась способу преподавания, они испытуются в знаниях своих; после чего с ведома университета, за подписанием директора и учителей, получают свидетельства, что имеют способности, потребные учителям упомянутых выше училищ.

13. В округах, где нет еще университетов, директоры гимназий непосредственно относятся к попечителю учебного округа во всем, в чем следовало бы относиться в университет, если бы оный существовал.

14. В гимназию принимаются всякого звания ученики, окончившие науки в уездных училищах или в других училищных заведениях, либо и дома, если только имеют достаточные сведения к продолжению наук, преподаваемых в гимназиях.

15. Прием в гимназию бывает один раз в год по окончании открытых испытаний.

16. Учебное время в гимназии продолжается от 1 августа предыдущего по 1 июля следующего года; июль месяц есть время вакации, или роздыха. В воскресные и табельные дни учения не бывает.

17. Для наблюдения за чистотою классов и вообще для употребления по хозяйственной части всего дома гимназия имеет служителей, определяемых директором.

II. ПРЕПОДАВАНИЕ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ

18. Учение в гимназиях начинается с тех предметов, которые следуют за оконченными в уездных училищах.

19. Преподавание учебных предметов, означенных в пункте 5, разделяется на 4 курса; для каждого курса определяется один год. Из сего следует, что учение в гимназиях продолжается 4 года, и классов в оных должно быть четыре же, которые начиная с низшего именуются следующим образом: I, II, III и IV классы.

20. В каждом классе учение преподается по 30 часов в неделю, т. е. по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам от 8 до 12 часов по утрам, а по средам и субботам от 8 до 11 часов; по полудни же от 2 до 4 часов по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам. Сверх того, каждые два класса вместе обучаются по 2 часа в неделю рисованию, и именно: низшие два класса от 1 до 3 часов по средам, а старшие два класса от 1 до 3 часов по субботам по полудни. Ежели в какой гимназии введены будут гимнастические искусства, то оным обучать по полудни, по окончании учения, преподающегося в вышеозначенные часы.

21. Учитель математики и физики преподает уроки в неделю по 18 часов: в I классе обучает по 6 часов в неделю, проходя по порядку части чистой математики: алгебру, геометрию и плоскую тригонометрию. Учитель сей должен стараться вести алгебру наравне с геометриею, дабы показать необходимость и пользу оной в решении геометрических задач. Во II классе сей же учитель, обучая по 6 часов в неделю, оканчивает чистую и начинает прикладную математику и опытную физику. В III классе, обучая также по 6 часов в неделю, продолжает и оканчивает прикладную математику и опытную физику.

22 Учитель истории, географии и статистики обучает по 18 часов в неделю. В I классе, обучая по 6 часов в неделю, проходит древнюю историю и географию, мифологию и древности. Во II классе — по 6 часов историю и географию новые, и в частности историю и географию отечественные. В III — по 4 часа обучает общей статистике, а в IV классе — по 2 часа статистике Российского государства.

23. Учитель философии, изящных наук и политической экономии преподает уроки по 20 часов в неделю. В I классе по 4 часа в неделю обучает он логике и всеобщей грамматике; во II классе по 4 часа преподает психологию и нравоучение; в III классе — по 4 часа, эстетику и риторику; в IV по 8 часов, из коих 4 часа обучает праву естественному и праву народному, а остальные 4 часа — политической экономии.

24. Учитель естественной истории, технологии и коммерческих наук преподает уроки по 16 часов в неделю. В III классе 4 часа обучает

естественной истории; уроки сей науки должны быть преподаваемы с приноровлением оной к начальным основаниям сельского и лесного хозяйства; в IV классе обучает 12 часов, из коих 4 часа продолжает естественную историю, 4 преподает технологию, а последние 4 часа — науку о торговле.

25. Учитель латинского языка преподает учение по 16 часов в неделю. В I классе по 6 часов в неделю обучает читать, писать, латинской грамматике, приобщая к каждому правилу объясняемого им словосочинения примеры, извлеченные из лучших авторов, могущих занимать понятие учащихся в самое то время, когда они затверживают в памяти правила словосочинения. После хрестоматии, нужной для сего предмета, он задает переводы с латинского языка на природный. Во II классе по 6 часов в неделю изъясняет классического прозаического писателя, начиная с легчайшего и доходя к труднейшим, с раздроблением красот слога. Из числа сих 6 часов по крайней мере 1 час в неделю посвящает для приобучения учеников к переводам с природного языка на латинский. В III классе по 4 часа в неделю изъясняет вышесказанным порядком латинских стихотворцев и приобучает учеников на сем языке сочинять. Лучшие сочинения или места в латинских сочинениях писателей должны быть выучиваемы наизусть для изощрения памяти учащихся.

26. Учители немецкого и французского языков, занимаясь в каждом классе по 4 часа в неделю, — в I классе обучают читать, писать и начальным основаниям грамматики сих языков. Во II, продолжая грамматические правила, занимают учащихся переводами с немецкого и французского языков на природный. В III изъясняют прозаических писателей и занимают переводами с природного на немецкий и французский языки. В IV классе изъясняют немецких и французских стихотворцев и заставляют на сих языках сочинять. Лучшие места из французских и немецких прозаических писателей и стихотворцев также должно выучивать наизусть.

27. Учитель рисования, обучая два класса вместе по 2 часа в неделю, разделяет преподавание своего искусства на четыре года.

28. Дабы лучше соединить теорию с практикою и дать ученикам ясное понятие о многих предметах, которые проходили они в классах, учители, преподающие математику, естественную историю и технологию, должны с более успевшими из своих учеников ходить во время вакации за город; сие послужит тем ученикам некоторого рода награждением. Учитель математики приобучает учеников к главнейшим действиям практической геометрии и показывает им в сих прогулках различные роды мельниц, гидравлических машин и других механических предметов, если оные находятся в окрестностях того места, где состоит гимназия. Учитель естественной истории и технологии собирает травы, различные роды земель, камней и изъясняет их свойства и отличительные признаки. В зимнее время сей же учитель с частью своих учеников осматривает в городе фабрики, мануфактуры и мастерские художников, дабы предметы, которые он преподает по сей части, объяснить практикою: ибо рисунки и описания не могут дать ясного и достаточного о том понятия.

29. Все науки преподаются по начальным книгам, принаровленным к вышепомянутому плану учения, то-есть: соразмерно продолжению курсов и числу часов, означенных выше для каждой науки. Главное правление училищ примет меры к изданию в достаточном количестве сих различных книг.

III. УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

30. Учебные пособия состоят в книгах, о которых упомянуто в пункте 29, и суть следующие: грамматика и словари латинские, немецкие и французские, хрестоматия латинских авторов, антология латинских поэтов, курс чистой математики, курс прикладной математики, курс опытной физики, курс философии, курс изящных наук, курс естественной истории, курс истории и географии всеобщей и российской, статистика общая и частная Российского государства, начальные правила политической экономии, основания технологии и коммерческой науки.

31. Сверх того в каждой гимназии должны быть: 1) библиотека, избранная из разных известнейших классических авторов и лучших ученых творений иностранных и российских, наипаче относящихся до учебных предметов, преподаваемых в гимназии; 2) собрание географических карт, глобусов и армилярных[1] сфер с небольшим атласом древней географии для употребления учителя, толкующего латинских классиков, и для учителя истории и географии; 3) собрание естественных вещей из всех трех царств природы, потребных к изъяснению и наглядному познанию естественной истории, особливо ж всех естественных произведений той губернии, в коей гимназия находится; 4) собрание чертежей и моделей машин, наиболее употребляемых, к изъяснению механики и других частей прикладной математики и технологии; 5) собрание геометрических тел, геодезических орудий, астролябий, компасов и пр.; 6) собрание орудий физических. Каждое из сих собраний должно быть вверено надзиранию учителя той науки, к объяснению которой они способствуют.

IV. ОБ УЧИТЕЛЯХ

1) Обязанности учителей гимназий, общие всем учителям

32. Учители должны с точностию наблюдать учебные часы, назначенные директором в расположении учебных предметов, и никогда не пропускать классов, не уведомя о том заблаговременно директора, в уездных училищах — смотрителя, в приходских — начальство оных, и не представя важных к отлучке своей причин.

33—34. [О недопустимости перерывов в занятиях и необходимости полного прохождения положенных курсов наук за год.]

35—37. [Об обязанности учителя вести учет движения состава учащихся, исправности посещения ими занятий и успешности этих занятий.]

38. [О бесплатности обучения, — как в § 28 устава 1786 г.]

39. [Запрещение учителю при обучении касаться предметов посторонних, отвлекающих внимание учащихся от учения, — как в § 31 устава 1786 г.]

[1] Старинный прибор в виде шара, состоящего из колец, изображающих круги небесной сферы.

40. Он должен стараться всеми силами, дабы ученики преподаваемые им предметы понимали ясно и правильно, и полагаться больше на свою прилежность и порядочные правила, нежели на чрезмерный труд учеников своих. Для малолетних детей он старается сделать учение свое легким, приятным и более забавным, нежели тягостным.

41. При наставлении всех учащихся, а особливо возрастных, учитель должен стараться более об образовании и изощрении рассудка их, нежели о наполнении и упражнении памяти, не теряя из виду главного предмета юношеского наставления, состоящего в том, чтобы приучить детей к трудолюбию, возбудить в них охоту и привязанность к наукам, которая, по выходе их из училища, заставила бы их пещись о дальнейшем усовершенствовании себя; показать им путь к наукам, дать почувствовать цену оных и употребление, и чрез то сделать их способными ко всякому званию; особливо ж дать уму и сердцу их надлежащее направление, положить в них твердые основания честности и благонравия, исправить и преодолеть в них худые склонности.

42. Учители занимают у своих учеников место родителей и потому должны принять их чувствования, кротость, ласковость, терпение и внимание к их пользе, сердцу родителей свойственные. Строгость их не должна иметь в себе ничего сурового, а благосклонность — ничего мягкосердого, дабы не привлечь на себя ни ненависти, ни презрения. Они не должны быть ни сердиты, ни вспыльчивы; но не должны также пропускать без замечания проступков учеников своих, а в случае нужды и взыскания, которое никогда не должно быть производимо в жару и гневе и не прежде, как по надлежащем исследовании вины ученика.

43. Занимая однако ж место родителей, учители не должны почитать себя за самовластных судей над детьми и управлять ими по своенравию, без всякого сношения с родителями. Сообщая свою власть учителям, родители не думают сами лишиться оной. Благоразумие требует того, чтобы учитель совокупным трудом и советом с родителями старался о наилучшем детей воспитании.

44. Первым предметом попечения учителя должно быть то, чтобы хорошо вызнать свойства и нравы детей, дабы можно было лучше управлять ими; он должен стараться с самого начала взять власть над детьми, состоящую в некотором преимущественном виде, внушающем к нему почтение, любовь и повиновение. Он должен всегда как говорить правду, так детей наставлять говорить оную, поощрять их к чести, употреблять похвалы, награждения, ласковость; приучать к учтивству, опрятности и исправности и руководствовать ко всякому добру своими речами и примерами. В прочем учитель для своего поведения с учащимися имеет подробнейшее предписание в III и IV части руководства, изданнаго для учителей I и II классов.

45. [Требование к учителям уважать друг друга и учащихся, — как в § 36 устава 1786 г.]

46—48. [О дозволении учителям содержать у себя воспитанников и об обязанности следить за их учением в училищах и за благонравным поведением дома, — как в § 38 устава 1786 г.]

2) Частные обязанности учителей гимназии

49. В первое воскресенье каждого месяца учители гимназии должны собираться к директору для педагогических советований. Каждый из них сообщает собранию примечания, сделанные им в продолжение истекшего месяца, о прилежании и успехах учеников, и мнения свои, каким бы образом сделать учение занимательнее, также и об удобнейшем усовершении способа учения. Сие взаимное сообщение мнений, сии прения о способе учения, труднейшем всех искусств, подают директору случай узнать совершенно сведения учителей, прилежание их к должностям и педагогические способности.

50. Как по университетским постановлениям учители гимназий могут поступать на праздные места адъюнктов в университетах, то они должны стараться о распространении своих познаний в науках, коих начальные основания преподаются в гимназии, дабы соделаться достойными упомянутого повышения.

51. [Об обязанности старших учителей гимназии под руководством директора вести историческую запись о заводимых по губернии училищах, — как в § 46 устава 1786 г.]

52. Препоручается также учителям гимназии под ведением директора вести исторические, метеорологические, топографические и статистические записки о губерниях, включая в оные сведения о земледелии, времени посева и жатвы, о свойствах земли, употребляемых при землепашестве орудиях и других предметах, потребных к точному познанию общего хозяйства. Сей труд относится к числу посторонних обязанностей учителей, за которые они имеют ожидать особенной награды, если оный достоин будет уважения. Университет дает подробные по сему предмету наставления учителям чрез директора, который по мере того, как таковые записки будут изготовляемы, представляет оные вышнему начальству.

53. Поелику ищущие мест учительских в общественных или частных училищах должны наперед испытываемы быть учителями гимназий, не токмо в тех науках, кои они преподавать желают, но и в способе преподавания оных, то в случае недостаточного как в том, так и в другом знания ищущих учители гимназий должны им в том способствовать как во время публичных наставлений, так и особенно изъяснять обязанности, к учительской должности принадлежащие.

V. ОБ УЧЕНИКАХ

1) Общие обязанности учеников

54. Всем учащимся должно наблюдать правила, изданные для них бывшей комиссиею народных училищ. И потому каждый ученик для познания должностей своих обязан снабдить себя сею книжкою, чего и требовать от их родителей или опекунов.

55. Ученики должны почитать своих учителей, повиноваться их приказаниям и исполнять оные с точностью; за ослушание же учителю, непочтение и леность подлежат взысканиям, предписанным в руководстве учителям I и II класса части IV во II главе — об училищной строгости.

56. Все ученики должны снабдить себя книгами, к классу их принадлежащими, а притом иметь с собою в готовности бумагу, перья и другие к письму, рисованию и иным наукам принадлежности. Неимущим ученикам книги раздаются безденежно.

57. Ученики обязаны не прежде оставить училище, как пройдя все классы наук, в оном преподаваемых. Оставляющие училище прежде сего не получают аттестата о своих успехах в учении.

2) Частные обязанности учеников гимназии

58. Поелику ни один ученик не должен быть принят в гимназию, если он не учился в каком-нибудь уездном училище всему тому, чему в оном обучают, то всякой ученик, вступающий в гимназию, должен прежде представить директору аттестат от смотрителя и учителей уездного училища о своих успехах в учении и о добропорядочном поведении. Учившийся в другом училище или дома не может быть принят иначе в гимназию, как по испытании учителями гимназии, которые, если одобрят его знание и способность, то директор вносит имя принимаемого в список учеников того класса, в который, сообразно приобретенным им познаниям, он может быть помещен.

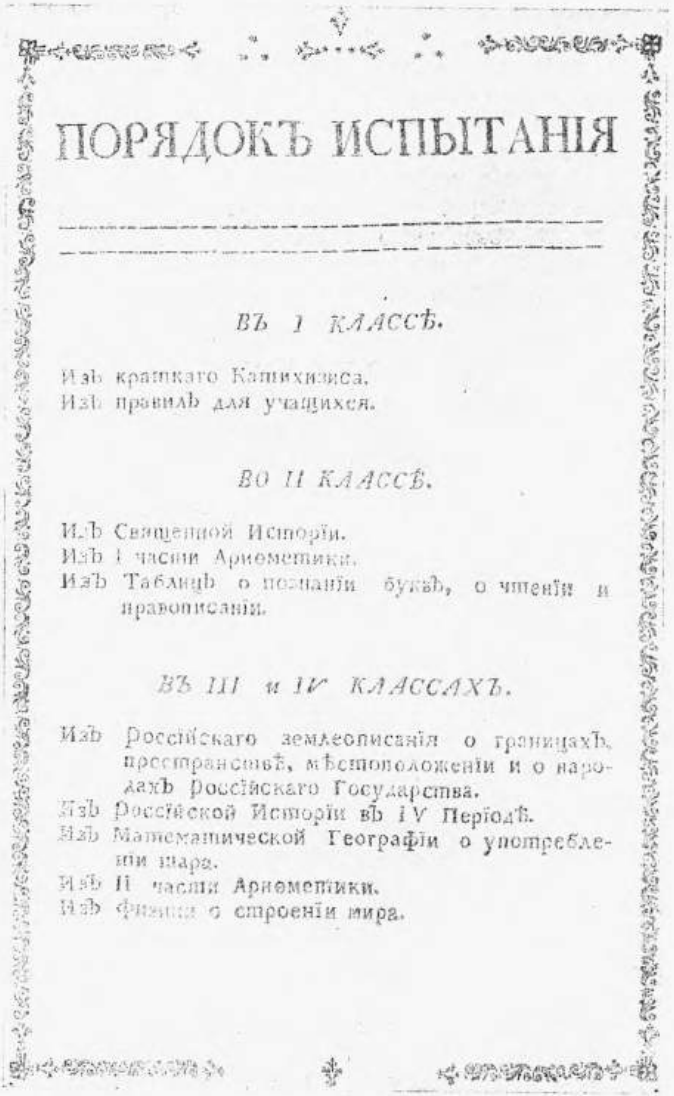
59. Каждый ученик обязан иметь по одному экземпляру начальных курсов, преподаваемых в гимназии, в которых между печатными листами должны быть вплетены листы белые, дабы каждый ученик во время преподавания учения или по выходе из классов мог на оных записывать объяснения и замечания учителя, который должен рассматривать по крайней мере один раз в неделю сии примечания, дабы удостовериться, так ли учащийся понял его наставления.

VI. ОТКРЫТЫЕ ИСПЫТАНИЯ В ГИМНАЗИЯХ

60. В гимназии ежегодно производятся открытые испытания пред начатием нового курса. За неделю до испытания учители подают директору отчет, сообразный тому, который по силе пункта 49 обязаны давать ежемесячно, но гораздо подробнейший, наипаче об успехах учеников в различных частях преподаваемых ими наук.

61. Директор для каждой науки назначает известное число шаров, соразмерное важности и обширности оной. Сие число должно служить к определению степени успехов каждого ученика. Например, числом 90 можно означить степень совершенства в алгебре. Сие число разделяет учитель между учениками следующим образом: знание ученика, окончившего уже первоначальные действия с количествами простыми и сложными, означает он числом 20. Он прибавляет шары к означенному числу оных по следующему порядку. Для тех учеников, кои знают решения уравнений:

1-й	степени	прибавляет	10	шаров.
2-й	»	»	15	»
3-й	»	»	20	»
4-й	»	»	25	»

ПОРЯДОКЪ ИСПЫТАНІЯ

ВЪ I КЛАССѢ.

Изъ краткаго Катихизиса.
Изъ правилъ для учащихся.

ВО II КЛАССѢ.

Изъ Священной Исторіи.
Изъ I части Ариѳметики.
Изъ Таблицъ о познаніи буквъ, о чтеніи и правописаніи.

ВЪ III и IV КЛАССАХЪ.

Изъ Россійскаго землеописанія о границахъ, пространствѣ, мѣстоположеніи и о народахъ Россійскаго Государства.
Изъ Россійской Исторіи въ IV Періодѣ.
Изъ Математической Географіи о употребленіи шара.
Изъ II части Ариѳметики.
Изъ физики о строеніи міра.

Из извещения о порядке испытаний в Вятском главном народном училище начала XIX в.

Таким образом, известное число шаров определяет знание каждого ученика в алгебре. Учитель делает то же самое и во всех прочих преподаваемых им предметах; суммою всех сих чисел показывает он относительные успехи своих учеников в рапорте, представляемом директору до открытого испытания. Сумма же чисел, назначенных каждому ученику в рапортах всех его учителей, определяет место, какое он

должен занимать между товарищами. Поелику же такое место назначается посредством некоторого балотирования, то и дано сим числам наименование *шаров*, хотя впрочем при сем действии шары не употребляются. Опытом дознано, что таковые меры, открывая успехи каждого ученика, служат к возбуждению в них соревнования.

62. Ученикам, наиболее отличившимся, раздаются награды после открытого испытания торжественно, дабы увеличить соревнование. После чего окончившие учение в нижних классах переходят в высшие.

63. Окончившие совершенно течение наук, выходя из гимназии, получают аттестат за подписанием директора и учителей гимназии о знании и поведении их во время учения, с означением числа наград, ими полученных.

VII. О ДИРЕКТОРЕ

64. Директор гимназии избирается университетом того округа, к которому оная принадлежит, и, по представлению попечителя в главное училищ правление, утверждается министром народного просвещения.

65. В избрании директора наблюдается, чтобы он был сведущ в науках, мог исправно судить об искусстве учителей и успехах учеников; был бы деятелен, благонамерен, любил порядок и добродетель, усердствовал пользам юношества и знал цену воспитания.

66. Директор непосредственно зависит от университета, в который обо всех училищных делах представляет во всякое время, когда того потребует надобность.

67. Директор, имея в непосредственном ведении своем гимназию и все училища и пансионы в губернском городе, прочими уездными, приходскими и другими училищами в губернии, исключая из них те, которые высочайше вверены иному начальству, управляет посредством смотрителей уездных и начальных приходских и других училищ.

68. По делам училищным, требующим пособия земского правительства, если оные не терпят времени, директор относится к губернатору, донося о том университету.

69. Директор наблюдает, дабы все в уставе сем предписанные постановления и правила во всех вверенных ему училищах были исполняемы в точности.

70. Проходя свое служение с усердием и рачительностью, он подает добрый пример в порядке и благонравии своим подчиненным и настоит, чтобы и они, подражая ему в том, исполняли долг свой с точностью.

71. Директор наблюдает, чтобы представляемые им на утверждение университета учители были благонравны, имели бы потребные к сей должности сведения, знали способ преподавать учение, в чем их вместе с учителями гимназии и испытует. Желающих же познать сей способ допускает в гимназию к изучению оного, и когда кто из них окажет в том довольное искусство на испытании, то, отобрав у испытавших письменные о таком свидетельства, представляет оные при своем донесении в университет и по определению оного дает испытанному свидетельство на способность его и знание должностей

учительских, за своим и учителей подписанием. Директор наблюдает, дабы в училищах, ему подведомых, никто, не имеющий такового свидетельства, не обучал, исключая непосредственно определяемых университетом.

72. Принимая смотрителей и учителей ласково, не оставляет их делом и советом как в классных, так и собственных их надобностях; нерадивых же и в поведении неблагонравных убеждает к исправлению должностей их повторительными напоминаниями; но, не усмотря их исправления, доносит о том беспристрастно университету.

73—75. [Об обязанности директора гимназии наблюдать за исправной службой и добронравием учителей, снабжением училищ учебниками и учебными пособиями и за поведением учащихся.]

76. [Об обязанности директора требовать от учащихся неослабного исполнения правил и быть строгим по отношению к ослушникам.]

78. Директор, как хозяин гимназии, посещает оную всякой день и смотрит как за учебною, так и хозяйственною ее частью; прочие же училища и пансионы в столичных городах посещает по крайней мере в два месяца, а в губернских городах в две недели один раз или более, если местоположение города позволяет. Сверх того он обязан хотя один раз в год объехать подведомые ему училища во всей губернии.

79. Директор, в случае своего отсутствия, препоручает должность свою одному из старших учителей гимназии, донося о том университету.

80. Директор производит в гимназии и училищах, в губернском городе находящихся, по порядку, предписанному в руководстве учителям, открытые испытания в своем присутствии, награждая отличившихся учеников в науке и благонравии, по мере их успехов, книгами, для них положенными, и окончившим порядочно свое учение дает свидетельства.

81. Получая чрез каждые полгода от учителей гимназии ведомости по учебной части, от уездных и приходских училищ по учебной и хозяйственной, а от содержателей пансионов по учебной только части оных, по образцам, показанным под буквами Д и Е, препровождает оные заблаговременно в университет с приложением таковой же от себя ведомости о гимназии и нужных к тому замечаний; по окончании же открытых испытаний, собрав от них ежегодные ведомости и приложив таковые же от себя о гимназии, поступает вышеозначенным порядком.

82. Поелику каждому университету нужно иметь сведение, кто из учителей округа, ему подведомого, старается наиболее об усовершении собственных своих познаний, то директор гимназии в донесениях университету не только должен представлять об учителях, отличающихся исправным исполнением их должностей, но и о тех учителях, кои стараются об усовершении себя в которой-нибудь из наук, и к большему подтверждению своего одобрения может прилагать к своим донесениям сочинения или диссертации, писанные таковыми учителями.

Об уездных училищах

I. ОБЩИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ

83. В каждом губернском и уездном городе должно быть по крайней мере одно уездное училище, в больших же городах по два таковых училищ и более, если будут к содержанию оных способы. Надзирание над уездным училищем имеет смотритель, состоящий в IX классе, если выше чина не имеет.

84. Цель учреждения уездных училищ есть следующая: 1) приуготовить юношество для гимназий, если родители пожелают дать детям своим лучшее воспитание, и 2) открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности.

85. В сих училищах преподаются следующие учебные предметы: 1) закон божий и священная история; 2) должности человека и гражданина; 3) российская грамматика, а в тех губерниях, где в употреблении другой язык, сверх грамматики российской, грамматика местного языка; 4) чистописание; 5) правописание; 6) правила слога; 7) всеобщая география и начальные правила математической географии; 8) география Российского государства; 9) всеобщая история; 10) российская история; 11) арифметика; 12) начальные правила геометрии; 13) начальные правила физики и естественной истории; 14) начальные правила технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности; 15) рисование.

86. Для преподавания сих первоначальных наук во всяком уездном училище должно быть два учителя, из коих первый обучает закону божию и священной истории, должностям человека и гражданина, грамматике, чистописанию и правилам слога. Он же обучает латинскому и немецкому чтению и письму тех учеников, которые приготовляют себя для продолжения наук в гимназии. Другой учитель преподает географию, историю, арифметику, геометрию, начальные правила физики, естественной истории и технологии.

87. Если кто из вышесказанных двух учителей умеет рисовать, то он обучает сему искусству по 4 часа в неделю; в противном случае обучает рисованию особливый учитель по 4 же часа.

88. Все учители уездных училищ состоят в XII классе, если выше чинов не имеют, исключая из них учителя рисования, который состоит в XIV классе. Они определяются университетом того округа, в котором оные училища состоят.

89. В уездных училищах с позволения начальства может быть умножено число учебных предметов и учителей, когда есть довольные к тому способы.

90. В уездные училища поступают всякого звания ученики из училищ приходских, также и все получившие в других местах начальные сведения в предметах, преподаваемых в училищах приходских. Прием учеников бывает один раз в год, по окончании открытых испытаний.

II. ПРЕПОДАВАНИЕ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ

93. Учение в уездных училищах начинается с тех самых предметов, которые следуют за оконченными в приходских училищах.

94. Учение в уездных училищах долженствует оканчиваться в два курса, из коих каждый продолжается по году. Из сего следует, что классов в уездном училище долженствует быть два же, кои именуются следующим порядком, начиная с низшего: I класс, II класс.

95. Учение продолжается в каждом классе по 28 часов в неделю, т. е. каждый день от 9 до 12 часов до полудни, по полудни же по понедельникам и четвергам от 2 до 5, а по вторникам и пятницам от 2 до 4 часов; сверх того по средам и субботам от 2 до 4 по полудни обучаются рисованию оба класса вместе.

96. Каждый учитель, кроме обучающего рисованию, преподает учение по 28 часов в неделю. Один из них обучает в I классе закону божию и священной истории 4 часа; должностям человека и гражданина — 4 часа; грамматике российского и местного языков — 6 часов; чистописанию — 8 часов, уделяя из сих последних 8 часов несколько времени для занятия чтением и письмом латинского и немецкого языка учеников, готовящихся к продолжению наук в гимназии. Во II классе преподает он пространный катехизис и изъяснение евангелий 3 часа.

97. Другой учитель в I классе преподает арифметику 6 часов в неделю. Во II классе арифметику — 4 часа, всеобщую географию, совокупно с начальными правилами математической географии — 3 часа; географию Российского государства — 4 часа; всеобщую историю вместе с географиею древнего света — 3 часа; российскую историю — 2 часа; начальные правила геометрии — 3 часа; сокращение естественной истории и физики — 3 часа; начальные правила технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности той губернии, где состоит училище, — 3 часа.

III. УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

98. Учебные пособия состоят в следующем: краткий и пространный катехизис, книга о должностях человека и гражданина, изъяснение евангелий, грамматика российского и местного языков, арифметика, всеобщая география, совокупно с начальными основаниями математической географии, география Российского государства, всеобщая история, история российская, начальные правила слога, начальные правила геометрии, сокращение физики и естественной истории, начальные правила технологии, таблицы для чистописания, таблицы хронологические, глобусы и армилярные сферы, карты всех частей света, генеральные и специальные карты Российской империи, карта древнего света и пр.

99. Все сии пособия должны находиться в достаточном количестве под ведением смотрителя, который по надобности для преподавания учения должен оные выдавать учителям.

IV. ОБ УЧИТЕЛЯХ УЕЗДНЫХ УЧИЛИЩ

100. Учители уездных училищ в первое воскресенье каждого месяца должны собираться к смотрителю для предмета, предписанного в пункте 49 сего Устава учителям гимназий.

101. Учители уездных училищ могут поступать в учители гимназий при открытии ваканций, и потому они должны стараться об усовершенствовании своих познаний в учебных предметах, в гимназиях преподаваемых.

V. ОБ УЧЕНИКАХ УЕЗДНЫХ УЧИЛИЩ

102. Ни один ученик не должен быть принят в уездное училище, если он не обучался в приходском или другом каком училище и не представит смотрителю аттестата от начальства приходского училища о его успехах в учении и о добропорядочном поведении. Учившийся дома или в пансионе до принятия его подвергается испытанию учителей уездного училища, которые, если одобрят его знание и способность, то смотритель вносит имя принимаемого в список учеников.

VI. ОТКРЫТЫЕ ИСПЫТАНИЯ

103. Все то, что в пунктах 60, 61, 62 и 63 сего Устава постановлено касательно испытания, награждения и выпуска из гимназии учеников, простирается и на уездные училища, с тою разностию, что учители подробные отчеты об успехах учеников подают смотрителю по крайней мере за месяц до испытания, дабы смотритель училища, в уездном городе находящийся, имел время доставить оные директору, который может также быть при испытании. Ученики же получают аттестаты за подписанием смотрителя и уездных учителей.

VII. О СМОТРИТЕЛЕ

104. Смотритель уездных училищ определяется университетом по представлению директора гимназии или и непосредственно.

105. Он должен быть деятелен, благонравен, знать цену воспитания и иметь совершенные сведения по крайней мере в тех науках, которые предписано преподавать в уездных училищах.

106. Смотритель уездных училищ по делам оных зависит от директора гимназии. Пребывая в губернском либо в уездном городе, имеет в непосредственном ведении уездные и приходские того города училища, а посредством начальства приходских сельских училищ управляет в своем уезде.

107. Вообще по делам училищным относится он к директору гимназии, а для благоустройства приходских училищ в помещичьих селениях может и сам, в случаях, не терпящих времени, требовать пособия от помещиков и содействия от уездного предводителя дворянства, представляя им об училищных надобностях с почтительностью и благоразумием и донося о том директору гимназии.

108. Он получает от учителей, ему подведомых, ежемесячные донесения по тому образцу, по которому подают донесения свои учители гимназии директору.

109. Принимая ласково начальников приходских сельских училищ, не оставляет их делом и советом в классных нуждах и, обходясь таковым же образом с учителями, вообще ведет их своим добрым примером к благонравию и рачительному отправлению должностей; в случае же их нерадения смотритель увещевает их раз и другой; если же таковые увещевания его будут безуспешны, доносит директору гимназии, а по обстоятельствам помещичьих училищ — и самому помещику.

110. В случае отсутствия которого либо учителя в уездном училище препоручает класс другому из учителей, а по надобности иногда и сам на время занимает его место; в случае же продолжительной болезни учителя уведомляет о том директора гимназии.

111. Старается, чтобы уездные и приходские училища снабжены были учебными книгами и пособиями, представляя о том директору гимназии, а в отношении помещичьих училищ — самим помещикам, имея казенные книги и пособия на своем отчете.

112. Имея смотрение за благонравием и наукою учащихся в уездном и других, в непосредственном его ведения находящихся училищах, требует неослабного исполнения правил, для них предписанных, и в случае ослушания их или лености поступает без упущения в силу училищной строгости, уведомляя о том их родителей, родственников или опекунов; если же кто из учеников по многократном увещании не исправится, то представляет о том директору, а по обстоятельствам помещичьих училищ — самому помещику на его благоусмотрение.

113. К услуге уездного училища избирает людей трезвых и добропорядочного поведения, имея их в своем ведении, и наблюдает, чтоб они дом и двор содержали в чистоте и исправляли все домашние работы по данному им приказанию.

114. Смотритель, будучи на месте в уездном городе, посещает всякий день уездное училище, а приходские по крайней мере два раза в неделю, если оные на дальнем расстоянии от уездного, и наблюдает как за учебною, так и хозяйственною его частью; приходские же училища в уезде обозревает по крайней мере три раза в год по сношению о том с помещиками и приставленным над приходскими училищами начальством.

115. Он производит в уездном и приходских городских училищах по порядку, предписанному в Руководстве учителям, открытые испытания в своем присутствии, награждая учеников, отличившихся в науке и благонравии, книгами и похвальными листами за подписанием своим и учителя и дает свидетельства окончившим порядочно свое учение. По предварительному сношению с начальством сельских приходских училищ старается по возможности производить и в оных открытые испытания в присутствии своем, делая равным образом отличным ученикам вышеупомянутые награждения. В помещичьих приходских училищах награждение таковых учеников зависит от воли и распоряжения помещиков.

116. [О присылке директору гимназии ведомостей от учителей уездных училищ и начальства приходских сельских училищ со своими замечаниями.]

О приходских училищах

I. ОБЩИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ

118. В губернских и уездных городах, равным образом и в селениях, каждый церковный приход или два вместе, судя по числу прихожан и отдалению их жительств, должны иметь по крайней мере одно приходское училище. Сии училища в казенных селениях вверяются приходскому священнику и одному из почетнейших жителей; в помещичьих селениях они предоставляются просвещенной и благонамеренной попечительности самих помещиков.

119. Приходские училища учреждаются для двоякой цели: 1) чтобы приуготовить юношество для уездных училищ, если родители пожелают, чтобы дети их продолжали в оных учение; 2) чтобы доставить детям земледельческого и других состояний сведения им приличные, сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки, действия коих столь вредны их благополучию, здоровью и состоянию.

120. В сих училищах обучают чтению, письму и первым действиям арифметики, главным началам закона божия и нравоучения, читают с объяснением книгу: «Краткое наставление о сельском домоводстве, произведении природы, сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья».

121. Для наставления юношества в сих предметах во всяком приходском училище имеет быть по крайней мере один учитель. Он, по испытании учителями уездных училищ или гимназии, представляется директором на утверждение университету.

122. В приходских училищах может быть умножено число предметов учения, если то дозволят доходы оного.

123. В приходские училища принимаются всякого состояния дети без разбору пола и лет.

124. Прием в приходские училища бывает однажды в год по окончании открытого испытания. Желательно и полезно было бы, чтобы ни один ученик не оставлял училища прежде, нежели хорошо изучится всему, в оном училище преподаваемому.

125. Для наблюдения за чистотою класса и вообще для употребления по хозяйственной части при училище приходском должен быть служитель, определяемый начальством оного.

II. ПРЕПОДАВАНИЕ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ

126. Учение в приходских училищах, начиная от окончания полевых работ, продолжается до начала оных в следующем году.

127. В приходском училище должен быть один класс; но если много будет учеников, то должно разделить их на два отделения, из коих в первое приходят ученики поутру от 8 до 11 часов, а во второе — от 1 до 4 часов по полудни.

128. Дети в сих отделениях обучаются по 3 часа в день. В первом отделении учитель обучает по 9 часов в неделю: 3 часа — познанию

букв и чисел как гражданской, так и церковной печати и чтению букваря; 3 часа — изображению букв и чисел и чтению правил для учащихся и 3 часа — сокращенному катехизису и священной истории, по одному часу в день попеременно.

129. Во втором отделении учит он также по 9 часов в неделю: 3 часа — чтению книг, сочиненных для сего отделения, и чтению рукописей; 3 часа — письму и 3 часа — арифметике так, как и в первом отделении, в день по одному часу попеременно.

130. В воскресные и праздничные дни в приходских училищах должно преподавать один час катехизис и священную историю для обоих отделений.

131. Учение в каждом отделении продолжается в течение 6 или 7 зимних месяцев. В местах, где живут ремесленники, купцы и тому подобного состояния люди, науки продолжаются во весь год, подобно как в уездных училищах.

III. УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ В ПРИХОДСКИХ УЧИЛИЩАХ

132. Учебные пособия в приходских училищах состоят в следующем: таблицы азбучные, таблицы для складов, букварь российский, прописи и руководство к чистописанию, первая часть арифметики, сокращенный катехизис, краткое наставление о сельском домоводстве, произведениях природы, о сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья, правила для учащихся и «Детской друг».

IV. ОБЯЗАННОСТИ УЧИТЕЛЕЙ ПРИХОДСКИХ УЧИЛИЩ

133. Учители приходских училищ должны обучать и поступать по правилам, предписанным в книге под заглавием: «Руководство учителям I и II классов».

134. Они должны оканчивать учебные предметы в течение одного года, хотя бы по множеству учеников принуждены были разделить класс свой на два отделения.

135. Они каждое 1-е число месяца подают отчет об учениках начальству своему так точно, как учители гимназии и уездных училищ подают оный своему начальству.

136. Они также поступают в уездные училища учителями, если имеют к тому потребные сведения и не состоят в духовном звании.

V. ОБ УЧЕНИКАХ ПРИХОДСКИХ УЧИЛИЩ

137. Правила относительно испытания, награждений и выпуска учеников из приходских училищ наблюдаются те же, какие постановлены для гимназии и уездных училищ.

VI. О НАЧАЛЬСТВЕ ПРИХОДСКИХ УЧИЛИЩ

138. В казенных селениях о священнике и об одном из почетных жителей, которым вверяется надзирание за приходским училищем, смотритель уездных училищ чрез директора представляет на утверждение университету. В помещичьих селениях предоставляется воле помещиков как учредителей таковых училищ, поручить ли смотрение

за оными другому кому-либо достойному носить сию должность или самим иметь непосредственный за оными присмотр.

139. Определяемый особливо начальник приходского училища в помещичьих селениях зависит по хозяйственной части от помещика, который препоручает ему требовать руководства и содействия по части учебной от смотрителя уездного училища, наблюдая всеобщие постановления, служащие к достижению благонадежнаго состояния его заведения. Имеющие же в ведении своем приходские училища в казенных селениях зависят непосредственно по училищным делам от смотрителя.

140. Для единообразного устройства училищных заведений начальство училищ приходских следует всем тем правилам, которые постановлены для смотрителей уездных училищ.

О пансионах

141. Желающий завести у себя пансион должен явиться прежде к директору и просить на то от него позволения, приложа к прошению своему имеющиеся у него свидетельства и обстоятельный план, какие науки он в училище своем завести намерен, кто таковы те, кои в оном обучать будут, имеют ли они надлежащие свидетельства о тех занятиях, которым других учить хотят, равно как и о способе учебном; так же, как он располагает часы ежедневного учения и какую плату полагает за содержание и учение своих воспитанников. Поданное таковое прошение директор препровождает в университет, который дает позволение на открытие училища или запрещение, ежели представленные свидетельства найдутся недостаточными.

142. По получении дозволения проситель имеет право завесть у себя таковое училище, но не иначе, как по плану, от него представленному и университетом утвержденному, т. е.: он может заводить у себя преподавание, но только тех наук, на заведение коих просил и получил дозволение. Буде же после пожелает открыть учение какой-нибудь науки вновь, на то должен опять просить дозволения, также означив и часы, им для оной определяемые.

143. Хотя при заведении пансиона назначение учебных предметов и оставляется на волю содержателя, однако язык российский должен быть необходимо в числе оных.

144. Содержатель должен стараться обучать детей закону божию не иначе, как по исповеданию той веры, к которой дети принадлежат.

145. Содержатели пансионов обязаны принимать в оные только учителей честного и добропорядочного поведения, имеющих притом письменные свидетельства о способностях и знаниях своих в тех предметах, коим обучать желают, и притом знают способ преподавания, в гимназиях, уездных и приходских училищах употребляемый; ибо образ преподавания наук в пансионах совершенно должен сходствовать с принятым в означенных училищах.

146. На сей конец всяк желающий обучать в пансионе должен наперед в которой ни есть гимназии изучиться способу преподавания, подвергнуть себя испытанию по тем предметам, какие в ней преподаются, и получить на знание науки и способность свою к препода-

ванию оной вышеупомянутое свидетельство за подписанием директора и учителей. Для испытания же в таких учебных предметах, в которых нет сведущих учителей в гимназии, директор находит сторонних, знающих те предметы людей, и по удостоверении дает свидетельство за своим и испытателя подписанием.

147. Содержатели пансионов о каждом принимаемом с надлежащим свидетельством учителе должны немедленно уведомлять директоров гимназий.

148. Содержатели и учители пансионов обязаны учить вообще по тому расположению часов, которое по представленному от них плану университетом утверждено, употребляя к тому и книги, принятые в общественных училищах Российской империи.

149. Если воспитанники какового-либо пансиона приготовляются к некоторому известному роду состояния, например к военному, ученому или иному, в таком случае обучать их можно по книгам, какие для такого рода воспитанников в казенных подобных училищах употребляются. Впрочем не запрещается учителям почерпать нужные изъяснения и из других хороших писателей.

150. Содержатели пансионов должны в училищах своих наблюдать всякую чистоту, порядок и благопристойность как со стороны учащихся, так и учащих. Они должны иметь попечение, дабы их училища всем нужным были снабжены, и покои как к учению, так и для житья их питомцев расположены порядочно и не тесно.

151. Они должны вести списки учащимся и таблицы классам, в коих замечать ежедневное каждого ученика присутствие или отсутствие, также их прилежание, нравы и способности, по примеру других вышеупомянутых училищ.

152. Содержатели обязаны отсутствующих по каким-либо законным причинам учителей немедленно заменять другими, дабы питомцы их не оставались праздными и учение продолжалось бы беспрерывно.

153. Содержатель должен питомцев своих содержать вообще пристойно и соответственно той плате, какую за них получает, снабжать их, по условию, одеждою и обувью, быть при их столе (ибо отвечает за здоровую пищу) и смотреть за порядком и опрятностью.

154. Более всего препоручается содержателям и учителям, дабы они в питомцах и учениках своих старались поселять правила благонравия, подавая им в том пример, и потому быть им при них неотлучно и удалять от них все, что может быть поводом к соблазну; беседовать с ними о вещах полезных и поучительных; внушать страх божий, заставляя их ходить в церковь в праздничные дни и молиться, вставая и ложась спать, пред начатием и окончанием учения, пред столом и после стола. Стараться также доставлять им невинные увеселения, когда есть к тому добрые случаи, обращая оные им в награждение и отдавая всегда преимущество прилежнейшим и благонравнейшим.

155. Содержатели должны воспитанников своих воздерживать отс всякой неги и приучать их к бодрости, умеренности и трудолюбию, укрепляющему тело; заставлять их вставать с постели в 6 часов, а ложиться спать не позже 10 часов.

156. Пансионы должны быть учреждаемы для детей одного только которого-нибудь пола так, чтобы никогда не воспитывались дети обоего пола вместе.

157 Все содержатели пансионов необходимо должны делать у себя ежегодное испытание, в губернских городах в присутствии директора гимназии, а в уездных, если не можно быть самому директору, в присутствии смотрителя. После испытания они должны представлять в губернских городах непосредственно директору, а в уездных, чрез смотрителя, надлежащие о состоянии своих училищ и об успехах обучающихся у них донесения.

158. При осмотрах, делаемых директором гимназии, содержатели пансионов также обязаны подавать ведомости о числе и состоянии своих питомцев.

Об училищах, под особенными названиями устроенных

159. Все училища, как ныне существующие, так и впредь заводимые, под каким бы то ни было названием, исключая подведомых святейшему синоду и тех, которые иному начальству высочайше вверены, руководствуются всеми общими предписаниями сего устава, и начальники оных обязаны доставлять директору гимназии сведения обо всех делах училищных наравне с прочими училищами, в ведении его состоящими.

О хозяйственной части гимназий, уездных и приходских училищ

160. Гимназии, что принадлежит до директоров, учителей, служителей и зданий, содержатся от казны на штатном положении, с дополнением сумм, поныне от приказов на сей предмет отпускаемых.

161. Уездные училища содержатся от казны на штатном положении, с дополнением также сумм, от городских обществ ныне отпускаемых.

162. Если где будут приходские училища, то оные содержатся в городах от городских обществ, в казенных селениях — на иждивении прихожан, в селениях помещичьих — по распоряжению помещиков.

163. Суммы, следующие на содержание означенных заведений из Приказов, городских обществ и селений, отпускаются по третям года вперед, под росписку и в ведение в губернских городах — директора, в уездных — смотрителя, а в селениях — год росписку начальства, управляющего училищем. Они, делая выдачи всех на содержание училищ получаемых сумм, ведут приходам и расходам книги с надлежащею точностью.

164. При гимназиях, уездных и приходских училищах могут быть содержимы воспитанники на счет приказов общественного призрения, городовых обществ, селений и частных благотворителей.

165. Вообще быть училищам поблизости церквей или среди города либо селения; а ежели училищ более одного, среди той части, для которой училище заведено.

166—170. [О присмотре за училищными зданиями, о хозяйственном обслуживании училищ и о денежной отчетности.]

(Сборн. постановл. по министерству народного просвещения, т. I.)

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В РОССИИ НАЧАЛА XIX в.

Учебные округа	Число губернских городов	Число гимназий	Число учеников	Число уездных городов	Число уездных училищ	Число учеников
С.-Петербургский . . .	5	3	294	43	5	1 066
Московский	10	10	447	116	44	2 356
Виленский	8	6	1 305	89	54	7 422
Харьковский	11	8	477	109	18	1 747
Казанский	13	5	315	129	5	248
	47	32	2 838	486	126	12 839

(Рождественский, Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, СПб. 1902 г. стр. 71.)

ГЛАВА II

РЕАКЦИЯ В ОБЛАСТИ ШКОЛЬНОГО ДЕЛА ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЕКСАНДРА I

МАНИФЕСТ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МИНИСТЕРСТВА ДУХОВНЫХ ДЕЛ И НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ [3]

(1817 г.)

Желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения, признали мы полезным соединить дела по министерству народного просвещения с делами всех вероисповеданий в состав одного управления под названием министерства духовных дел и народного просвещения. Само собою разумеется, что к оному присовокупятся и дела святейшего правительствующего синода с тем, чтобы министр духовных дел и народного просвещения находился по делам сим в таком точно к синоду отношении, в каком состоит министр юстиции к правительствующему сенату, кроме однако же дел судных. Течение сих последних подробно обозначено в предначертанных для сего министерства правилах.

Находя устройство сего министерства сообразным основанию общего учреждения министерств и вняв мнению Гос. совета, утвердили мы вышеозначенные правила для оного, издаваемые при сем к общему сведению и исполнению.

Распределение дел сего министерства по департаментам оного и размещение чиновников предоставляется усмотрению и распоряжению министра духовных дел и народного просвещения.

(Сборн. постановл. по министерству народного просвещения, т. I.)

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПРЕДМЕТАХ ПРЕПОДАВАНИЯ В ГИМНАЗИЯХ, УЕЗДНЫХ И ПРИХОДСКИХ УЧИЛИЩАХ

(1819 г.)

Главное правление училищ, имея рассуждение о учебных предметах, в гимназиях, уездных и приходских училищах преподаваемых, положило принять в руководство по сему предмету на будущее время следующее: 1) Предметы, показанные в уставе для приходских училищ, признаны все необходимо нужными по предположенной двоякой цели сих заведений, т. е. приуготовления юношества для уездных училищ и доставления детям земледельческого и других состояний сведений, им приличных. 2) Вместо употребляемой ныне в уездных училищах книги «О должностях человека и гражданина» ввести в употребление по всем училищам, какого бы рода оные ни были,

чтения из священного писания, каковые ныне по высочайшему повелению издаются большими таблицами для училищ по методе взаимного обучения, т. е. извлечения из некоторых мест из евангелий, деяний и посланий апостольских, исторических книг ветхого завета, из псалмов, пророков и из тех книг священного писания, кои в особенности содержат в себе нравственные поучения. Все сие, по мере изготовления для помянутых таблиц, печатать сверх того для употребления по училищам в книгах приличного формата, на счет экономических сумм департамента министерства народного просвещения, а ныне же немедленно приступить к изданию таковой книжки, в числе 5 тыс. экземпляров, под названием: «Чтения из евангелистов», потому что оные уже изготовлены. По издании таковой книжки, немедленно разослать оную по всем учебным округам в приличном числе экземпляров, для снабжения ими всех училищ, где оные и заменят тогда употребление книги «О должностях человека и гражданина», ибо заключающиеся в евангелиях поучения спасителя суть неподражаемое божественное начертание правил для поступков человеческих, в продолжение всей жизни, во всех званиях и состояниях, в каждом возрасте и поле, и не только пристойны для сей жизни, но полезны и для приготовления к будущей. 3) В уездных училищах правила слога изъяснять по книге, приспособленной к практическим упражнениям, употребительнейшим в общежитии, каковы суть: письма и пр. 4) Из числа предметов, преподаваемых по уставу в уездных училищах, по излишеству исключить: начальные правила естественной истории и начальные правила технологии. 5) В гимназиях установить чтение также вышеозначенной книги: «Чтения из евангелистов»; преподавать пополнительный курс географии, совокупно с статистическими объяснениями, логику и риторику; курс чистой математики и из прикладной статику и начала механики; статистику Российского государства общую и частную, которая преподаваема должна быть учителем географии, истории и статистики в такой обширности, какая в училище сего рода прилична, и с кругом познаний, преподаваемых там, сообразна. Ввесть в употребление по гимназиям обучение греческому языку для предварительного приготовления желающих к совершеннейшему обучению оному по университетам, смотря по желанию довольного числа учеников и по возможности в отыскании способного учителя, что и поставить в обязанность училищным местным начальствам. 6) Исключить из числа учебных предметов, положенных по уставу в гимназиях: начальный курс философии и изящных наук, начальные основания политической экономии, начальные основания наук, относящихся до торговли, и основания технологии. 7) С.-Петербургская гимназия и другие учебные заведения, получившие доныне особенные от прочих права и преимущества, каковые по самой необходимости требуют большого круга познаний от обучающихся в оных, остаются при прежнем расписании учебных предметов, данном им в руководство, поколику предметы те необходимо нужны по узаконениям для приобретения по испытанию при выпуске классных чинов.

Согласно таковому заключению главного правления училищ, прилагая при сем расписание учебных предметов для гимназий, уездных

и приходских училищ, утвержденное правлением, покорнейше прошу сделать надлежащее распоряжение, дабы означенное расписание учебных предметов наблюдаемо было по училищам учебного округа, предоставляя благоразумному и попечительному усмотрению вашему, каким образом по удобности может быть оное расписание вводимо постепенно в надлежащее действие; а потому и прошу вас, милостивый государь мой, уведомлять меня по временам об успехах введения того расписания в действие по разным училищам; что же касается до пансионов, при гимназиях находящихся, и буде где таковые могут быть и при уездных училищах, долженствующих по прежнему положению Главного правления училищ служить токмо для содержания в них учащегося юношества, то они посему не имеют нужды в особливом по сему предмету предписании; но если бы в котором либо из таковых пансионов, по случаям, в том же положении правления описанным, найдено было за нужное преподавать особо ученье, то и там вышеупомянутое новое расписание учебных предметов должно служить руководством.

•

Расписание учебных предметов для гимназий, уездных и приходских училищ, утвержденное Главным правлением училищ

В приходских училищах обучают: чтению, письму и первым действиям арифметики, притом читаются сокращенный катехизис и священная история, также чтения из святого писания.

В уездных училищах преподаются следующие предметы: 1) пространный катехизис и изъяснение евангелий; 2) чтение из священного писания; 3) российская грамматика, а в тех губерниях, где в употреблении другой язык, сверх грамматики российской, грамматика местного языка (латинскому и немецкому чтению и письму обучаются те ученики, которые приготовляются для продолжения наук в гимназии); 4) чистописание; 5) правописание; 6) правила слога по книге, приспособленной к практическим упражнениям, наиболее употребительным в общежитии, каковые суть: письма и пр.; 7) краткая всеобщая география, совокупно с начальными основаниями математической географии и с описанием Российского государства; 8) краткая всеобщая история с употреблением хронологических таблиц; 9) краткая российская история; 10) арифметика; 11) начальные правила геометрии; 12) первые начала физики; 13) рисование.

В гимназиях преподаются: 1) чтения из священного писания; 2) греческий; 3) латинский; 4) немецкий и 5) французский языки; 6) пополнительный курс географии и истории, включая в сию последнюю мифологию и древности; 7) статистика общая и частная Российского государства; 8) логика и риторика; 9) курс чистой математики и из прикладной — статика и начала механики; 10) курс опытной физики и естественной истории; 11) рисование. Гимназия может также содержать учителей танцованья, музыки и телесных упражнений (гимнастики), если то позволят доходы оной.

(Сборн. распоряжений по министерству народного просвещения, т. I, стр. 385—389.)

ИНСТРУКЦИЯ ДИРЕКТОРУ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА[1]

(1820 г.)

Об обязанностях директора университета по нравственному образованию студентов

1. Цель правительства в образовании студентов состоит в воспитании верных сынов православной церкви, верных подданных государю, добрых и полезных граждан отечеству. Следовательно, нравственному воспитанию предлежит объять и возделать волю воспитанников, их совесть, нравы и наружное обращение. 2. Душа воспитания и первая добродетель гражданина есть покорность: посему послушание есть важнейшая добродетель юности. В молодости только упражнением покорности получает воля ту мягкость, которая на всю жизнь остается и для благосостояния общественного столь необходима. Посему обязанность директора есть непременно наблюдать, чтобы уроки религии о любви покорности были исполняемы на самом деле; чтобы воспитанники университета постоянно видели вокруг себя примеры строжайшего чинопочитания со стороны учителей и надзирателей, и чтобы малейшее нарушение оного всегда было наказываемо, не взирая на звание лиц. 3. Но так как одна религия связывает обязанности с волею и, досягая в совесть, покоряет страсти, смиряет строптивость самолюбия, и, между тем как законы внешнего порядка предписывают покоряться властям, заставляет исполнять сие не из одного страха, но и из любви, — то директор обязан главнейше наблюдать под строжайшею личною ответственностью и всеми способами власти, ему даруемой, чтобы воспитанникам университета внушено было почтение и любовь к святому евангельскому учению. Для сего обязан он наблюдать: а) Чтобы дух вольнодумства ни открыто, ни скрытно не мог ослаблять учения церкви в преподавании наук философских, исторических или литературы. Директор обязан иметь достовернейшие сведения о духе университетских преподавателей, часто присутствовать на их лекциях, по временам рассматривать тетради студентов, наблюдать, чтобы не прошло что-нибудь вредное в цензуре, и блюсти внимательно, чтобы все чиновники университета, каждый по вероисповеданию своему (разумея христианские), исполнял свои обязанности в рассуждении обычного посещения храмов и употребления таинств. б) Чтобы ни под каким видом не были распространяемы в университете вредные, либо соблазнительные чтения или беседы. в) Чтобы студенты ежедневно отправляли в положенное время должные молитвы все вместе и в присутствии инспектора; чтобы в дни воскресные и важнейших праздников ходили они с инспектором к божественной литургии и занимались между забав и отдохновения каким-либо полезным и приличным празднику чтением, хотя один час, без принуждения. г) Чтобы малопомалу инспектор приучал их к делам милосердия, небольшими, по состоянию каждого, милостынями, посещением больных товарищей в праздничные дни, и т. п. д) Чтобы студенты, отличающиеся христи-

[1] Составлена Магницким (см. введение к III разделу, стр. 200.)

анскими добродетелями, были предпочитаемы всем прочим. Начальство университета приемлет их под особенное покровительство по службе и доставит им все возможные по оному преимущества. е) Впрочем, какие бы успехи ни оказывали воспитанники в науках, медали, отличившимся назначаемые, не могут быть даны, ежели директор университета не одобрит их поведения. 4. Засим директор обратит особенное внимание на предупреждение всех тех пороков, коим подвергается юношество в публичном воспитании, где вредные навыки детства, сила страстей и дурных примеров сильно действуют на воображение и столь гибельные производят последствия. Выбор честных и богобоязливых надзирателей, которые бы жили и беспрестанно находились в комнатах студентов, недопуск к ним посторонних посетителей и гостей, надзор за увольнением их к людям надежным, сообщение с полициею для узнания поведения их вне университета, запрещение вредных чтений и разговоров суть способы к ограждению нравственной их чистоты, кои предоставляются директору под личною ответственностью за доброе поведение и нравы университетских воспитанников. 5. Директор обязан принять все возможные средства, чтобы студенты не были праздны, чтобы живость страстей их отвлекалась от порочных наклонностей устремлением ее на благородное соревнование в просвещении. Сие вспомогательное средство во всех благоустроенных заведениях почиталось одним из надежнейших к ограждению добрых нравов. 6. Согласно с сим намерением в правилах, для студентов издаваемых, не токмо учреждаются награды медалями, но и выборы старших для начальства в комнатах, за столом и пр. 7. Обеспечив всеми возможными средствами чистоту нравственную, директор обязан стараться, чтобы нравы воспитанников были вместе кротки и любезны в общежительстве. Для сего должен он наблюсти, чтобы не были терпимы между ими ни ложь, ни злословие, ни распри и споры, ниже слова порицательные и грубые. 8. Директор должен внушить инспектору, надзирателям и всем преподавателям университета, чтобы они наблюдали, дабы доброе и благородное обращение студентов украшало их благонравие, чтобы они во всяком положении были скромны и учтивы, чтобы самая наружность и выражения их были приятны и благоприличны. Сия часть воспитания, столь несправедливо и часто пренебрегаемая, есть одна из существенных, ибо всегда бывает последствием добрых чувств. 9. Само собою разумеется, что все сказанное о нравственности студентов относится в строжайшем и обширнейшем смысле ко всем наставникам и преподавателям их: что требуется от воспитанников, то предполагается в воспитателях. Надзор директора на всех их равно по сему предмету простирается. 10. Директор по части нравственной, лично ему поручаемой, доносит лично попечителю для разрешения или представления министру. 11. Для удобнейшего достижения предполагаемой цели в важной обязанности директора, предоставляется ему, при вступлении ныне в должность, сделать общий осмотр в нравственном отношении всему университету и представить последствия усмотрений своих попечителю. Ежели бы заметил он в управлении, ему вверяемом, людей с сей стороны неблагонадежных, равно как и студентов, то может представить о их удалении. 12. После нравственности

студентов обязан директор пещись об охранении телесного их здоровья. Чистота комнат, постелей и воздуха в спальнях и аудиториях, чистота белья, одежды и стола, выбор простой, здоровой и свежей пищи, устроение на свободном при университете месте такого сада, в котором бы летом была пространная и приятная прогулка, а зимою место для игры и движения на чистом воздухе, возлагаются на личное попечение и ответственность директора. 13. Директор университета предложит правлению проект инструкции директорам гимназий в отношении к управлениям хозяйственному, полицейскому и нравственному, на точном основании сей инструкции составленный, с теми переменами, кои найдутся необходимыми по меньшему кругу действия сих чиновников. Правление же по рассмотрении сего проекта, представит его попечителю для испрошения чрез него утверждения оному чрез министра.

Относительно к учебному образованию студентов

I. О ЦЕЛИ УНИВЕРСИТЕТА

1. Правительство, установляя университеты, имеет целью составить из соединения людей, обученных всем главнейшим человеческим наукам, такие сословия, кои бы: а) Прилежно упражняясь в науках, дополняли оные, помощию сношений со всею ученою Европою, новыми открытиями и, по мере собственных дарований, распространяли их пределы. б) Старались помощию собственного и других стран опыта усовершать методы преподавания простотою оных. в) Издавали полезные книги. г) Образовали ученых людей, добрых учителей, просвещенных военных и гражданских чиновников. д) Управляли просвещением вверенного округа и распространяли оное. 2. Но всего важнее для правительства, чтобы воспитание его народа стояло на твердом основании христианской религии, чтобы вредный дух времени, всеразрушающий дух вольнодумства не проникнул в те священные убежища, где воспитанием настоящего юношества обеспечиться должно счастье будущих поколений. Следовательно, университет никогда не должен терять из вида, что самое существование его почитается нужным единственно на сем условии. 3. Посему ректор как доверенейший из ученых чиновников под личною ответственностью блюсти должен: а) Чтобы преподаватели университета разных званий имели добрую нравственность и приличное всякому христианину благочестие. б) Чтобы дух преподавания их не был противен вышеозначенной цели. в) Чтобы общественное их поведение было во всем прилично важному их званию. г) Чтобы они убеждены были, что призваны не для продажи собственных познаний за известную меру корысти, но что правительство, облекая их почтенными званиями, кои с толиким трудом в других родах службы приобретаются, желает, чтобы они видели в себе людей, работающих во славу божию, для спасения вверенных им душ, для пользы отечества и просвещения, для славы их сословия и для собственной чести. О малейшем устранении от сих правил имеет ректор, в избежание личной ответственности, доносить своему начальству. 4. Справедливость в выборах, строгость экзаменов и беспристрастие в решении дел, от большинства голосов зависящем, будут для правительства несомнен-

ными знаками доброго состояния университетского совета. 5. Если бы ректор университета заметил в совете дух партий, несогласия или пристрастия, он обязан немедленно донести о сем начальству, которое примет нужные в сем случае меры. 6. Нарушение святости экзаменов или обряда, для них постановленного, будет передаваемо суду в законном порядке.

II. О ПРЕДМЕТАХ ОБУЧЕНИЯ ВООБЩЕ

1. Учением собственно в видах правительства называется приобретение познаний, для жизни в обществе нужных. 2. Посему в преподавании всех наук в университете должен быть один дух святого евангелия, как показано будет ниже в статьях о каждом факультете в особенности: ибо один он есть начало всех частных и гражданских добродетелей, которые во всяком другом духе суть токмо притворство гордости и своекорыстия. 3. Крайне опасно было бы для университета, если бы студенты, изученные закону божию в классе оного, услышали в других преступные внушения вольнодумства, скрывающегося ныне под столь разнообразными видами. 4. Посему главнейшая обязанность ректора есть предупреждать сей важный вред всеми способами: ибо он лично в том пред правительством ответствует, и потому имеет полное право: 1) вразумить всех преподавателей в смысл сего постановления; 2) строго напомянуть уклоняющимся от исполнения оного, приватно и по необходимости публично, о их обязанности, и, наконец, 3) в случае непослушания, запретить преподавание и представить о их отрешении с нужными доказательствами виновности.

III. О ПРЕДМЕТАХ УЧЕНИЯ В ФАКУЛЬТЕТЕ НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК

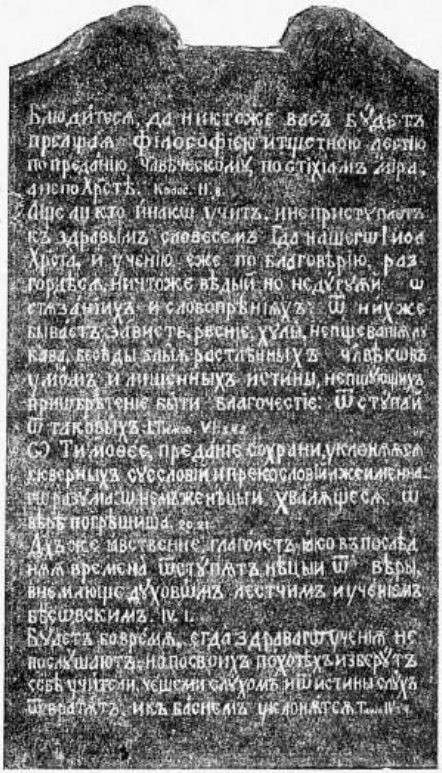
1) Об отделении наук богословских

1. Университет обязан принять нужные меры, чтобы студенты, поступающие из Казанской и других гимназий, непременно имели все нужные приуготовительные сведения к классу богословии, а именно: а) первоначальные сведения в законе божием, б) священную историю. 2. Профессор богословии, соединяя в одну две положенные при университете кафедры, обязан будет открыть курс свой продолжением истории библейской и церковной, во всем нужном для гражданского воспитания пространстве, руководствуясь книгами, для С.-Петербургской духовной академии изданными. 3. При начале своего курса он представит на утверждение местного своего духовного начальства конспект предметам оного и внесет его в совет университета к общему сведению.

2) Об отделении наук философских

Постепенность преподавания философских наук есть следующая: 1. Профессор изъяснит своим слушателям, что первая наука в порядке естественном есть та, которая возделывает рассудок, приучая его к правильным действиям; что самые науки нравственные, поколику зависят они от разума, а не от веры сверхъестественной, стоят на сем основании. Он преподает логику, — ту науку, которую Сократ называл

повиванием разума: ибо она, по словам сего философа, содействует только человеку к произведению того, что в нем есть, и не научает его ничему, но развивает только то, что в нем самом находится. По сему понятию логика не может быть обширна, ибо она есть более самое упражнение наших способностей, нежели наука. Следовательно, начала ее, как вспомогательные средства для правильного действия наших способностей, должны быть малочисленны, кратки и ясны: ибо начальные истины оставшегося в нас естественного света немногочисленны и просты, равно как и заключения, из них извлекаемые, легки и удобны. Вместе с сим даст он нужное понятие о выражениях и словах, в философии употребляемых, т. е. преподаст философскую терминологию. 2. От нее поступит он к историческому раскрытию систем славнейших философов, указывая на жизнь их в том намерении, чтобы слушатели, при самом изложении учений разума, привыкли видеть разницу между мудростью земною и небесною. 3. Для избежания же того смешения идей, которое столь часто замечается в воспитании, от несоображения в совокупности разных философских систем, профессор обязан привести их к одному началу и показать, что условная истина, служащая предметом умозрительной философии, могла заменять истину христианства до пришествия спасителя мира; ныне же в воспитании допускается как полезное токмо упражнение разума, для изощрения сил его к принятию прочих наук человеческих, на философских началах основанных. 4. По сим заключениям профессор искать будет основательнейшего философского учения в Платоне и славнейших его последователях, указав, по руководству известной речи Боссюета, как сей славный философ древности правильным действием простого разума в сумраке света естественного видел уже действительность человеческого падения и необходимость искупления. 5. С крайнего предела сей высочайшей философии легко указать ему будет, что там, где чистейший разум человеческий, удивление многих веков, изнемогает и падает, начинается заря веры, и, таким образом, по невозможности соединить мудрование человеческое с премудростию божиею, по крайней

Блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прелщая философіею и тщетною лестію по преданію человѣческому, по стихіамъ міра, а не по Христѣ. Колос. II. 8.
Аще кто инако учитъ, и не приступаетъ къ здравымъ словесемъ Господа нашего Іисуса Христа, и ученію еже по благочестію, раздрѣся, ничтоже вѣдый, но недугуяй о стязаніихъ и словопреніихъ, о нихъже бываетъ зависть, рвеніе, хула, непщеванія злая, бесѣды злыя, растлѣнныхъ человѣкъ умомъ, и лишенныхъ истины, непщующихъ пріятіе благочестіе быти. Отступай отъ такихъ. I. Тим. VI. 3-5.
О Тимоѳее, преданіе сохрани, уклоняяся скверныхъ сословій и прекословій лжеименнаго разума, ихъ же нѣцыи, обѣщавшеся, о вѣрѣ потрѣшишася. 20. 21.
Духъ же явственно глаголетъ, яко въ послѣднія времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ льстящимъ и ученіямъ бѣсовскимъ. IV. 1.
Будетъ бо время, егда здравааго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотѣхъ изберутъ себѣ учителя, чюще слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, къ баснемъ же уклонятся. 3. 4.

Доска, по предложению Магницкого помещенная над кафедрой философии в Казанском университете.

мере не будет отвергаема первым последняя, и исчезнет то соблазнительное и доброму смыслу противное заключение, которое в школьном учении иногда допускаемо бывало, что одно и то же предложение может быть справедливо в понятиях философских и ложно в понятиях христианских. Слушатели удостоверятся, что все то, что не согласно с разумом священного писания, есть заблуждение и ложь, и без всякой пощады должно быть отвергаемо; что те только теории философские основательны и справедливы, кои могут быть соглашаемы с учением евангельским: ибо истина едина, а бесчисленны заблуждения. 6. Посему профессор всегда должен иметь в памяти и устах следующие слова о философии того святого учителя языков, который сам будучи изучен мудрости человеческой, попрал ее в буйстве креста. «Блюдитеся, да никто же вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе» (Колос. 2. 8.). «Аще ли кто инако учит и не приступает к здравым словесем господа нашего Иисуса Христа, и учению, еже по благоверию, разгордеся, ничтоже ведый, но недугуяй о стязаниях и словопрениях лжеименного разума» (1, Тимоф. 6, 3, 4 и 20). «От них же бывает зависть, рвение, хулы, непщевания лукава, беседы злыя растленных человеком умом и лишенных истины, непщующих приобретение быти благочестие: отступай от таковых. О Тимофее предание сохрани, уклоняяся скверных суесловий и прекословий лжеименного разума: о нем же нецыи хвалящеся о вере погрешиша» (к Тимоф. I, гл. 6, ст. 20). «Дух же явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским» (к Тимоф. I, гл. 4, ст. 1). «Будет бо время, егда здраваго учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учители, чешеми слухом: и от истины слух отвратят и к баснем уклонятся» (к Тимоф. 2, гл. 4, ст. 3). Златыми буквами слова сии да начертаются над кафедрою философии.

IV. Об отделении политических наук

1. Общий предмет кафедры прав не есть изучение совершенных юрисконсультов, коих образовать обязан особенно профессор оной, по отличнейшим способностям и собственному воспитанников предназначению к сей цели; но преподание всех тех познаний, кои каждый благовоспитанный человек иметь должен и каждый гражданин приобресть обязан для сохранения в обществе своей чести, имущества и дабы не преступить закона по неведению. 2. Посему профессор прав, соединяя три раздельные доселе кафедры, предметы оных расположит по времени академического курса в следующем порядке: а) О правах естественном, политическом и народном, понятия общие, с указанием истории сей науки, ее главных разделений и лучших авторов, об оной писавших. б) О правах знатнейших народов древних кратко, новейших — подробнее, но в виде историческом. в) О законодательстве российском, исторически, подробно и с присовокуплением общего обозрения законов гражданских и уголовных и изъяснением порядка нашего судопроизводства. В предмет сей кафедры должно войти: понятие о настоящем правительстве нашего отечества, части, из коих политическое тело его составлено, названия и обязанности сословий и лиц управляющих,

порядок действия в нем власти законодательной, судной и правительственной во всех ее видах и подразделениях. Курс сего отделения заключен быть может практическим упражнением политического права в рассмотрении представительных правительств Америки, Англии, Франции, Финляндии и Польши. Благоразумное преподавание политического права покажет, что правление монархическое есть древнейшее и установлено самим богом, что священная власть монархов в законном наследии и в тех пределах, кои возрасту и духу каждого народа свойственны, нисходит от бога, и законодательство, в сем порядке установляемое, есть выражение воли вышнего. Почему один из древних христианских мудрецов почтение и покорность государям принадлежащие, называет *религиею второго величества*. Нравственность сей науки должна быть чиста, почему преподаватель обязан с отвращением указать на правила Махиавеля и Гоба. Он должен изъяснить, что цель гражданства не есть пожертвовать счастьем всех одному или возвысить токмо один класс на счет всех прочих; но что, согласно с мыслями Платона и Аристотеля, предмет оного есть сделать людей, в обществе живущих, сколько можно счастливее, доставя каждому личную безопасность, спокойное обладание имуществом, здравие, свободу мысли, прямоту сердца и справедливость; что для получения сих благ необходимы взаимные жертвы. Потом, восходя выше Платона и Аристотеля, преподаватель покажет источник сих начал в Моисее, Давиде, Соломоне, в пророках и апостолах или, лучше, в самом верховном законодателе нашем, и сею священною печатию запечатлеет истину своих уроков.

V. О ФАКУЛЬТЕТЕ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМ

1. Профессор теоретической и опытной физики обязан во все продолжение курса своего указать на премудрость божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес. 2. Профессор естественной истории покажет, что обширное царство природы, как ни представляется оно премудро и в своем целом для нас непостижимо, есть только слабый отпечаток того высшего порядка, которому, после кратковременной жизни, мы предопределены. 3. Профессор астроном-наблюдатель укажет на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость творца и дивные законы тел небесных, откровенные роду человеческому в отдаленнейшей древности.

VI. О ФАКУЛЬТЕТЕ ВРАЧЕБНЫХ НАУК

1. Профессоры сего факультета должны принять все возможные меры, дабы отвратить то ослепление, которому многие из знатнейших медиков подверглись, от удивления превосходству органов и законов животного тела нашего, впадая в гибельный материализм именно от того, что наиболее премудрость творца открывает. Студенты должны быть предостережены на счет сего ужасного заблуждения указанием тех знатнейших авторов, кои ему не подвержены. Им должно внушено быть, что святое писание нераздельно полагает искусство врачевания с благочестием; что вольнодумствующий врач никогда не выйдет из

предела физических явлений; что искусство врачевания, без духа христианской любви и милосердия, есть ремесло само по себе, особливо когда отправляется для одной корысти, столь же низкое, сколь высока и почтенна медицина, на пользу человечества обращаемая и высшим светом озаренная.

VII. О ФАКУЛЬТЕТЕ СЛОВЕСНЫХ НАУК

1. О словесности

а) *О российском языке.* Профессор российской словесности должен, сколько можно менее, останавливаться на мертвых правилах риторики, но обязан более научать упражнением. Красоты языка славянского и критический разбор священных писателей должны быть главным его занятием. Величайшие образцы всех благороднейших родов истинного красноречия покажет он в библии и докажет сравнением с нею лучших авторов древних ее над всеми ими превосходство. Особенно же стараться будет утвердить учащихся в практическом и основательном познании языка славянского. Он покажет им исторически известнейшие произведения наши в прозе и даст приметить, что ежели они еще малочисленны, то сие происходит от той степени образования, на которой мы стоим, и что все народы прежде успевали в поэзии, а потом уже в прозе. Он стараться будет образовать своих слушателей не в одном схоластическом красноречии, но во всех родах оного, от самаго высокого до самаго обыкновеннаго в разговоре. Ибо истинное красноречие состоит в том, чтобы во всех положениях жизни владеть словом на убеждение других в добре и истине. И потому, упражняя своих слушателей в сочинениях на письме, он будет также задавать им известнейшие предметы из отечественной или священной истории, для сочинения и произнесения в классе без всякого приготовления. Таким же образом будет он задавать словесные переводы из лучших прозаических авторов с древних языков. Из книг священных покажет он, как проста истинная высокость и удалена от всякого школьного риторства. Сим способом приучит он своих слушателей к той прозе, которая столь редка по чистоте, силе и простоте своей, и утвердит их в том понятии, что высокопарность не есть высокость и противна доброму вкусу. Преподав общие правила поэзии, кратко изъяснив гармонию и красоту языка нашего, не всех своих слушателей должен он стараться образовать стихотворцами, но тех только, кои отличное окажут к тому расположение: ибо для словесника выгоднее, чтобы не было поэтов, нежели чтоб были принужденные и дурные. Он разберет образцовые творения Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера и укажет превосходство их над прочими в подражании древнему вкусу, покажет также и легкий род современных стихотворцев, превосходных выработанностью языка, но не сравнившихся еще с первыми в выборе предметов и изящества вкуса. Он предостережет особенно своих слушателей от увлечения в новизны модного слова, и потому все то, что введено в язык произволом и смелостью, отвергнет как неклассическое и недостойное подражания.

б) *О древних языках.* Профессор древних языков не обязан изучить оным своих слушателей до такого совершенства, чтобы они могли

сочинять трудные ораторские речи или стихи. Главный предмет его должен состоять в том, чтоб, дав им правильное понятие о красоте и обработанности сих языков, открыть способ читать авторов и иметь сообщение с ученым светом. Показывая красоты языческих писателей, обязан он в то же время показать и превосходства тех святых мужей, коих вольнодумство века нашего, не взирая на отличный гений их, исключило из образцовых потому только, что они христиане и святые, как например: Иоанна Златоуста, Григория Назианина, святых Василия и Афанасия. Он обязан, показывая нужную часть археологии для разбора древних языческих авторов, преподать гораздо обширнее древности христианские, кои для чтения писаний святых мужей необходимы.

в) *О языках восточных.* В сем классе полагаются языки арабский и персидский. Профессор сего класса обязан дать своим слушателям основательное понятие об истории литературы сих народов, объяв кратко столетия, в которые она возникала, и изложив пространнее веки десятый и одиннадцатый, в кои была она в наибольшем цвете. Он изъяснит в то же время, что ученость их была двух родов: одна — заимствованная от греков, другая — собственная. Он не имеет нужды вдаваться излишне во все, что собственно принадлежит к их религии, к преданиям Магомета и первых учеников его, к баснословию святых их мужей, к их молитвам, очищениям, постам, к их схоластической богословии и разным учениям их сект, происшедших от разномыслия о свойствах божиих, о предопределении, суде и родословии их лжепророка. Не нужно равномерно ему входить во все то, что писано об алкоране, в отношении его к судопроизводству. Он покажет в истории их, из древнейших стихотворцев заимствуемой, те баснословные предания, на коих она основана. Он покажет в поэзии их, сколько она поверхностна и как отличается одним блеском мыслей и смелостью выражений. Он откроет, что причина, почему арабская поэзия не имеет той трогательности, которая происходит от подражания природе, заключается в их всегдашнем презрении к подражательным искусствам, живописи и ваянию, от которых имели они отвращение, по ненависти к идолопоклонству. Он изъяснит, что книги с сирского и греческого на арабский переведены христианами, в Сирии и Египте тогда жившими; что красноречие, не свойственное правлениям магометанским, никогда не процветало у арабов. Все сие представит профессор с тем намерением, чтобы открыть слушателям своим, что в арабской мудрости нет ничего особенного, что она почерпнута от греков, и есть не что иное, как философия Аристотеля, пламенным их воображением искаженная. Он вообще ограничится преподаванием языков арабского и персидского в том единственно отношении, в котором они по торговым и политическим связям для России могут быть полезны.

г) *Об истории.* В преподавании истории не должен профессор вдаваться в излишние подробности баснословия отдаленнейших времен, всегда ложного и бесполезного. Все, что в преподавании о сем предмете может быть допущено, есть токмо применение к истинной истории, из которой то заимствовано. После истории священной займется он чтением древнейшей всех прочих — Геродота, и в писателях греческих и

римских, до рождества спасителя писавших, покажет, что древнее основания Рима нет ничего положительно достоверного. От рождества христова займет он слушателей своих преимущественно древностями христианскими, и дабы показать, что христиане имели все добродетели язычников в несравненно высочайшей степени и многие совершенно им неизвестные. Он изъяснит по достовернейшим источникам мудрость и твердость мучеников, терпение и ангельскую чистоту отшельников и, наконец, покажет, что были истинные христиане и святые посреди дел государственных, на престоле царей, в их советах и полках. Он покажет, что первые веки христианства наиболее обиловали великими и святыми мужами, что нет примера ни в одной из языческих историй временам гонения на христиан, где противоположить можно каждому языческому герою полки героев христианских разного пола и возраста. Посему изъяснит он подробно нравы христиан первых веков и образ их жизни. Он покажет, что все то, что в языческой истории называется великостью и добродетелью, есть токмо высочайший степень гордости человеческой и ничто пред величием христианским. Засим, поступая к упадку и разрушению Римской империи, покажет он, как тщетны и ничтожны пред богом величие империй и их могущество. Он укажет, как дикие народы, орудие руки божией, наказали гордый Рим за неистовство и ужасы, им содеянные. Покажет веки тьмы и варварства, после коих христиане восстановили науки и просвещение, спасенные в их скромных убежищах. Пройдя кратко историю новейших времен, заключит профессор курс всеобщей философским взглядом на важнейшие ее эпохи, по руководству известной речи Боссюета и «Духа истории» Фернанда. Профессор истории российской преподаст ее во всей нужной подробности. Он покажет, что отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные государства, и докажет сие распоряжениями по части учебной и духовной Владимира Мономаха, показав в то же время положение других европейских государств в сем отношении.

Он распространится о славе, которою отечество наше обязано августейшему дому Романовых, о добродетелях и патриотизме его родоначальника и достопримечательных происшествиях настоящего царствования.

Заключение

Таким образом, университет, устремив все науки к единой цели и связав их единым духом, во всеобщности не противоречащих познаний, будет почтенным сословием истинного образования, и, подав пример полезнейшего учебного заведения, приобретет отличное покровительство правительства, благодарность отечества, уважение иноземных народов и славу в истории. Руководствуясь отныне общими правилами, в сей инструкции предложенными для каждого отделения разных факультетов, составит университет подробное руководство и представит чрез попечителя на утверждение министра. Равным образом, на точном основании сей инструкции, составит он наставления директорам гимназий по части учебного образования с теми ограничениями, кои по кругу их действия нужны.

Наконец, для удобности всегдашнего удостоверения, что университет идет успешно по правилам, ему данным, совет ежемесячно требовать будет от каждого профессора отчета в преподанных им сведениях, с представлением отличнейших студентов для соображения при годовых испытаниях. Из сих частных отчетов совет будет ежемесячно представлять на том же основании попечителю общий отчет по всем факультетам с своими замечаниями о его предположениях в рассуждении успешного преподавания наук и с означением отличнейших профессоров трудолюбием и успехом преподавания. Из сих отчетов попечитель в конце года представлять будет общий отчет министру, с своими примечаниями.

(Сборн. постановл. по министерству народного просвещения, т. I.)

РЕЧЬ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. ШИШКОВА ОБ «ИСТИННОМ ПРОСВЕЩЕНИИ» НАРОДНЫХ МАСС

(1824 г.)

Милостивые государи[1]! Благоугодно было е. и. в. облечь меня честью председательствования между вами. Чувствую и сожалею, что болезни и старость лет моих, изменяя моему усердию, не допускают меня действовать с тою подвижностью и быстротою, с какою желал бы я священной воле его быть исполнителем. Но я имею в вас, почтенные сотрудники мои, надежных помощников и потому твердо уверен, что недостаток сил моих вознаградится вами к общей пользе ревностью. Ваши труды и старания облегчат мое бремя; ваше попечение и прозорливость подкрепят мою мерцающую память и слабеющие взоры. Нам поручено дело важное: надзор за учением и воспитанием российского юношества. Мы дадим богу и отечеству ответ, если нерачительно будем исполнять долг свой и обязанность. Благодарность или справедливые укоризны родителей, счастье или злополучие детей их готовятся изречь над нами суд свой в будущие времена. Перенесемся воображением чрез шесть или семь пятилетий вперед и взглянем мысленно на последствие наших деяний. Мы увидим великое число рассеянных по пространству России мужей, иных ратующих в поле, иных заседающих в суде, иных упражняющихся в разных званиях и должностях. Все они в юных летах своих наставляемы были людьми, под нашим смотрением находившимися. Наставления в малом возрасте, подобно целебным или вредоносным для телесного здравия сокам, действуют на человеческий разум, нрав и душу и часто остаются до самой глубокой старости неизгладимыми. Итак, если воспитываемое во множестве училищ юношество от нерадения нашего возрастет и возмужает с некоторыми недостатками и пороками; если, не утвержденное в благоговении к богу, в преданности государю и отечеству, в любви к правде, в чувствовании чести и человеколюбия заразится оно

[1] Речь была произнесена в главном правлении училищ при вступлении в должность (см. введение к III разделу, стр. 202).

лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлою гордостью и пагубным самолюбием, вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и чрез то делающим его в старости юношею; если, говорю, подобные небрежения допустятся быть существующими в училищах, или не возьмутся к отвращению их все возможные меры, то сколько в последствии времени произойдет от того зла и в воинских ополчениях, и в судебных заседаниях, и в исполнении всяких должностей, и в семействах, и вообще в пользах общежития. Науки, изощряющие ум, не составят без веры и без нравственности благоденствия народного. Они сколько полезны в благонравном человеке, столько же вредны в злонравном, ибо служат ему способами к изобретению и удобнейшему исполнению внушаемых в него страстями побуждений и к развращению тех, кои без коварных его советов остались бы в простоте ума и сердца своего добродушными. Сверх сего науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей, и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное число оного количества людей принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике — было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином. Но правила и наставления в христианских добродетелях, в доброй нравственности нужны всякому, не выводят никого из определенного ему судьбою места и во всех состояниях и случаях делают его и почтенным, и кротким, и довольным, и благополучным. Благочестивый поселянин, прилежный в деле своем, добрый муж, чадолюбивый отец, мирный сосед, умеренный в своих желаниях, не скучающий в поте лица доставать себе насущный хлеб, несравненно просвещеннее для меня, нежели хитрый мудрец, знающий все науки, но который, последуя движению безнравственных страстей своих, мучит сам себя беспрестанными мечтаниями и совращает других с истинного пути спокойной и благоденственной жизни. Я уверен, милостивые государи, что сии понятия мои об истинном просвещении не различествуют с вашими, и надеюсь, что, на сем основании, творя волю пославшего нас, можем мы усердием и попечением своим призвать на себя благодать божию, удостоиться монаршего благоволения и принесть посильные услуги отечеству.

(Сборн. распор. по министерству народного просвещения, т. I.)

ПРЕДЛОЖЕНИЯ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. ШИШКОВА ПО РАЗРАБОТКЕ НОВОГО ПЛАНА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

(1824 г.)

Вступив в управление министерством народного просвещения, усмотрел я из хода дел, что министерство сие от самого начала своего не имело постоянного плана, которым бы, всегда руководствуясь, могло оно в продолжении времени все части оного привесть в желае-

мое устройство. С распространением училищ не приготовлены были учебные книги для единообразного преподавания наук. Учители в общем наставлении юношей следовали каждый своему произволу и понятиям. Отселе одна и та же наука преподавалась разнообразно, иногда с недостатком, иногда с примешанием многих излишеств и часто с упущением из виду главнейших в просвещении оснований — чисто христианской веры и доброй нравственности. Неопределительность в правилах народного воспитания должна была произвесть расстройство управления по частным и различным мнениям. Еще в 1815 г. имел я честь представлять Гос. совету мое мнение о цензуре, в котором изложил выписки из книг, изданных при министерстве народнаго просвещения для университетов, гимназий и училищ. Из сих выписок явствовало, какими странностями и невразумительностями, вместо простых и ясных начал, наполнены были сии книги, удобные скорее затмить ум и развратить сердце ученика, скорее возбудить в нем огонь страстей и самолюбия, нежели просветить нужными познаниями, украсить благонравием и наставить на истинный путь. Министерство просвещения не обратило тогда своего на то внимания и оставило прежний образ ученья. После того появились еще худшие сочинения и переводы, также и произвольные, вере нашей и монархическому правлению противные, преподавания правил по рукописным тетрадям, за которые правительство, открывая иногда оные, предавало наставников суду. Многие в разных училищах возникавшие от сего беспорядки и продерзости, строгостью и наказанием обузданные, показывали произраставшие от сих худых начал таковые же и плоды. Приемля все сие в рассуждение, почитаю и необходимо нужным принять надлежащие меры: первое, к приведению в известность всех действий и распоряжений по части народного воспитания, доныне производимых, и второе, извлечь из того постоянные правила, какие из худых или ненужных наставлений, вкравшихся в преподавание наук, остановить, искоренить и обратить к началам, основанным на чистоте веры, на верности и долге к государю и отечеству, на спокойствии, пользе и приятностях общежития. Укажу только кратко те основные начала, на коих важное произведение сие единообразно утвердиться долженствует.

I. Воспитание народное во всей империи нашей, несмотря на разность вер, ниже языков, должно быть русское.

II. Греко-католик, римско-католик и лютеранин должны быть воспитаны: первый — в твердом и незыблемом православии, а второй и третий — во всей точности положительного исповедания своей веры.

III. Все иноверное российское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу историю и законы.

IV. Все науки должны быть очищены от всяких не принадлежащих к ним и вредных умствований.

V. Излишнее множество и великое разнообразие учебных предметов должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено: во-первых, в тех познаниях, кои самым учреждением разных учебных заведений

постановлены, и, во-вторых, сообразно с званиями, к которым учащиеся предназначаются.

VI. Язык славянский, т. е. высокий, и классическая российская словесность повсеместно должны быть вводимы и ободряемы.

VII. Язык греческий должен везде, кроме училищ иноверных, иметь преимущество пред латинским.

VIII. Не должно терять из вида особенно того, что одно обучение не есть воспитание и даже вредно без возделания нравственности, которой христианину вне церкви нигде найти не можно; что государь и польза отечества требуют от воспитания юношества верных сынов церкви и верных подданных, людей, преданных богу и царю, и что в сем только смысле человек просвещенный должен быть почтен благовоспитанным.

(Сборн. распор. по министерству народного просвещения, т. I.)

ГЛАВА III
ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА НИКОЛАЯ I

РЕСКРИПТ НИКОЛАЯ I ОБ ОСНОВАХ НОВОГО УСТРОЙСТВА УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
(1827 г.)

Александр Семенович![1] Вам известно, что, почитая народное воспитание одним из главнейших оснований благосостояния державы, от бога мне врученной, я желаю, чтоб для оного были постановлены правила, вполне соответствующие истинным потребностям и положению государства. Для сего необходимо, чтоб повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся, чтобы каждый, вместе с здравыми, для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности, приобретал познания, наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи и, не быв ниже своего состояния, также не стремился чрез меру возвыситься над тем, в коем, по обыкновенному течению дел, ему суждено оставаться. Комитет, под председательством вашим занимающийся устройством учебных заведений, признал сию необходимость, но в настоящем порядке многое противно предположенному им правилу. До сведения моего дошло, между прочим, что часто крепостные люди, из дворовых и поселян, обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях. От сего происходит вред двоякий: с одной стороны, сии молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или родителей нерадивых, по большей части входят в училища уже с дурными навыками и заражают ими товарищей своих в классах или чрез то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения; с другой же, отличнейшие из них, по прилежности и успехам, приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тягости оного для них становятся несносны, и оттого они нередко в унынии предаются пагубным мечтаниям или низким страстям. Дабы предупредить такие последствия, по крайней мере в будущем, я нахожу нужным ныне же повелеть:

1) чтобы в университетах и других высших учебных заведениях, казенных и частных, находящихся в ведомстве или под надзором министерства народного просвещения, а равно и в гимназиях и в равных с оными по предметам преподавания местах, принимались в классы и допускались к слушанию лекций только люди свободных состояний, не исключая и вольноотпущенных, кои представят

[1] Рескрипт дан на имя министра народного просвещения Шишкова.

удостоверительные в том виды, хотя бы они не были еще причислены ни к купечеству, ни к мещанству и не имели никакого иного звания;

2) чтобы помещичьи крепостные поселяне и дворовые люди могли, как и доселе, невозбранно обучаться в приходских и уездных училищах и в частных заведениях, в коих предметы учения не выше тех, кои преподаются в училищах уездных и

3) чтоб они также были допускаемы в заведения особенного рода, кои учреждены или впредь будут учреждаемы казною и частными людьми для обучения сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствам, нужным для усовершенствования или распространения земледельческой, ремесленной и всякой иной промышленности, но чтобы и в сих заведениях те науки, которые не служат основанием или пособием для искусств и промыслов, были преподаваемы в такой же мере, как и в уездных училищах.

Постановляя сии правила и поручая вам привести оные в действо, я не сомневаюсь, что воля моя будет в точности исполнена. Снабдив попечителей учебных округов и прочие подчиненные вам места и лица надлежащими наставлениями, вы можете, когда нужно, объявлять о сих распоряжениях и начальствам других ведомств, распространяя отныне надзор министерства, вам вверенного, на все училища без исключения, кроме военных и духовных. Комитет устройства учебных заведений не оставит с своей стороны заняться изысканием средств, чтобы в уездные училища ввести курс учения, достаточный для воспитания людей нижних состояний в государстве, стараясь в особенности обогащать их теми сведениями, кои, по образу жизни их, нуждам и упражнениям, могут быть им истинно полезны.

(Сборн. распор. по министерству народного просвещения, т. I.)

«УСТАВ ГИМНАЗИЙ И УЧИЛИЩ, СОСТОЯЩИХ В ВЕДОМСТВЕ УНИВЕРСИТЕТОВ» [4]

(1828 г.)

Глава первая. Положения общие

1. Общая цель учебных заведений, состоящих в ведомстве университетов, заключается в том, чтобы при нравственном образовании доставлять юношеству средства к приобретению нужнейших по состоянию каждого познаний. Заведения сии суть: 1) училища первоначальные, или приходские, 2) училища уездные, 3) гимназии.

2. Приходские училища подчинены начальствам, т. е. штатным смотрителям училищ уездных, а сии — губернским директорам училищ как начальникам гимназий; определенное число гимназий, со всеми подведомственными оным училищами, составляет учебный округ под непосредственным управлением одного из университетов.

3. Учебные заведения, содержимые и управляемые частными людьми или обществами, подчиняются по принадлежности надзору начальств гимназий или уездных училищ. Из сего исключаются: училища для воспитания духовенства, военные и те, кои по высочайшей воле поручены особым управлениям.

Глава вторая. О приходских училищах

4. Особенная цель учреждения приходских училищ есть распространение первоначальных, более или менее всякому нужных сведений между людьми и самых нижних состояний.

5. Приходские училища открываются повсюду, где лишь представятся к тому средства; но учредители обязаны иметь при каждом законоучителя из живущих в том месте или в соседстве священников.

6. Когда помещики в своих имениях, а в городах и селениях, принадлежащих казне или вольным хлебопашцам, градские или сельские общества желают завести новое приходское училище, то относятся к штатному смотрителю училищ того уезда; он о сем представляет с своим заключением губернскому директору училищ, и к представлению должен всегда быть приложен письменный отзыв священника, назначаемого в законоучители.

7. Директор, разрешая открытие нового приходского училища, доносит о том университету для сведения.

8. В помещичьих селениях приходские училища вверяются просвещенной и благонамеренной попечительности самих помещиков, кои могут поручать смотрение за оными и другим, достойным сего, благонадежным людям по своему выбору. Определяемые ими начальники, наблюдая общие постановления по учебной части, руководствуются с наставлениями смотрителей уездных училищ.

9. В селениях казенных и вольных хлебопашцев всею учебною частью заведывает учитель, а где более одного — старший из учителей, завися непосредственно от штатного уездного смотрителя; сверх того ближайший за училищем надзор поручается благочинному священнику, к ведомству коего принадлежит приход.

10. По званию надзирателя благочинный не делает сам собою никаких распоряжений; ему только предоставляется право, заметив упущение или иные беспорядки, обращать на них внимание учителя и уведомлять уездных смотрителей: штатного и почетного о состоянии училища.

11. В учители приходских училищ определяются штатным смотрителем уезда люди всякого состояния, но не иначе, как доказав на испытании в уездном училище, что имеют нужные для сего знания и способность обучать. При сем смотритель осведомляется об их нравственных качествах и поведении, стараясь удостовериться заранее, что они без вреда для учащихся могут быть допущены к исправлению должности учителей.

12. Общества и помещики или иные частные люди, коими учреждаются или содержатся приходские училища, имеют право представлять кандидатов в учители оных; сии кандидаты должны быть предпочитаемы другим, однако же с наблюдением всех правил, означенных в предшедшей статье 11.

13. В приходские училища могут быть допускаемы дети всех состояний и обоего пола, но не моложе 8 лет, а девицы — не старее 11; от вступающих не требуется никакой платы и никаких предварительных сведений.

14. Училищные и другие местные начальства обязаны содействовать заведению новых приходских училищ в городах и селениях, оказывая учредителям все зависящие от них пособия. Закрытие училища дозволяется только по особенным, достойным уважения причинам и не иначе как с разрешения университета.

15. Во всех приходских училищах, в городах и селениях, обучаются: 1) закону божию по краткому катехизису и священной истории, 2) чтению по книгам церковной и гражданской печати и чтению рукописей, 3) чистописанию, 4) четырем первым действиям арифметики.

16. В посадах и селениях, где много ремесленников или иного рода промышленников, может быть учреждаем в приходских училищах II класс для преподавания некоторых предметов, назначаемых для нижнего класса училищ уездных.

17. Способ обучения в приходских училищах может быть двоякий: *обыкновенный или по методе Ланкастера.*

18. Во всех городах, местечках и селениях, где жителей не менее тысячи, начальства приходских училищ долженствуют стараться вводить в оные способ взаимного обучения, или Ланкастера. Впрочем, употребление сего способа не воспрещается и в тех школах, кои посещаемы малым числом учеников.

19. Училища, в коих введен способ взаимного обучения, следуют особенному, для них данному руководству как в преподавании, так и приеме и размещении учеников. В училищах, где употребляется обыкновенный способ учения, прием бывает только раз в год при открытии класса.

20. В училищах сельских обучение начинается по окончании полевых работ и продолжается до начала оных в следующем году. Точнейшее определение времени для открытия и закрытия класса предоставляется местным начальствам, с утверждения губернского директора училищ; при сем наблюдается только, чтобы учение продолжалось ежегодно не менее пяти, или, по крайней мере, 4 месяцев.

21. В городах и тех селениях, коих жители занимаются более ремеслами и торговлею, нежели земледелием, учение в приходских училищах продолжается во весь год, за исключением лишь обыкновенной летней вакации. На оную назначается от 6 недель до 2 месяцев, смотря по местным обстоятельствам и с разрешения губернского директора училищ.

22. Обучение в приходских училищах бывает ежедневно по 4 часа, кроме дней воскресных и праздничных; распределение сих учебных часов в течение утра или целого дня зависит от непосредственных начальств или учителей, но с согласия штатного уездного смотрителя, который извещает о том и директора. В свободное послеобеденное время желающие могут быть обучаемы церковному пению по нотам.

23. Если за исправлением духовных треб или иными делами священник, обучающий закону божию, не может быть в училище в назначенные для него часы, то заблаговременно уведомляет о том учителя, который, заняв на сей раз учеников другим учебным пред-

метом, в следующий день уступает ему свои часы. Все учащиеся без исключения обязаны слушать преподавание катехизиса.

24. Занятия в классе начинаются и оканчиваются молитвою: учитель приказывает одному из учеников, поочереди, читать оную вслух и наблюдает, чтобы прочие слушали со вниманием и благоговением.

25. Преподавание всех учебных предметов, назначаемых для приходских училищ, должно быть оканчиваемо в определенное расписанием учебных курсов время. При закрытии класса пред летней вакацией производится испытание учеников в присутствии родителей их, родственников и посторонних посетителей. Об успехах, ими оказанных, обучающий катехизису священник и учитель уведомляют уездного смотрителя; последний сверх того представляет ему общий в двух экземплярах отчет о состоянии училищ, по приложенному у сего под литерою Ж образцу.

26. Обучающие могут, с согласия помещиков или обществ, иногда и во время полевых работ собирать учеников для повторения выученного.

27. Ученики, желающие повторить пройденный ими учебный курс, принимаются снова в училище.

28. Всякое приходское училище имеет одобренные министерством народного просвещения книги, таблицы и прочие учебные пособия, соответствующие введенному в оном способу обучения. Сверх того, при каждом, по мере возможности, составляется небольшое собрание нравоучительных и других полезных книг, соответствующих понятию людей нижнего состояния; их могут брать для чтения не только ученики, но и прочие грамотные жители селения.

29. Обязанности учителей приходских училищ в отношении к преподаванию и вообще по учебной части означены подробно в изданном в 1789 г. и ныне дополненном «Руководстве учителей» и в другом, особенном, для *школ взаимного обучения*. Следуя установленному в оных порядку, учитель должен всегда принимать в соображение как возраст, так и степень понятия учащихся, изъясняться простым и вразумительным для каждого образом, и обращая наибольшее внимание на малоуспевающих, не забывать однако же и отличать прилежных в поощрение прочим.

30. Учители и в особенности обучающий закону божию священник должны также не терять ни в каком случае из виду главной, т. е. нравственной цели воспитания. Объясняя ученикам своим святые истины христианской веры и правила добродетели, они должны стараться, чтобы вверенные им дети не только без затруднения понимали их наставления, но и привыкали чувствовать всю важность оных и важность своих настоящих и будущих обязанностей к богу, к себе, ближним и постановленным над ними властям. Надежнейшее средство успеха есть привязанность учащихся к наставнику; он легко может приобрести ее, действуя на них не одними угрозами и страхом, а более кротким, ласковым убеждением и поучительным примером, удерживая их с отеческою нежностью от проступков и заблуждений, разрешая их сомнения, замечая в них и одобряя все похвальные побуждения: сострадание к несчастью, любовь к справедливости, рев-

ность к учению, к трудам своего звания и вообще к полезной деятельности.

31. Как, не смотря на все старания, иногда нельзя обходиться без строгих и даже телесных наказаний, то учитель может в случае нужды употреблять и сии меры исправления, но не иначе, как истощив уже все другие: увещания, выговоры, запрещение участвовать в играх, оставление ученика на несколько часов в запертом классе, и так далее. Выговор не должен заключать в себе никаких бранных выражений: учитель ограничивается показанием ученику, сколь поступок его предосудителен и какие может иметь вредные последствия.

32. В отношении к нравственной цели воспитания учители также обращают особенное внимание на тех учеников, коих считают менее надежными.

33. Они стараются приучать вверенных им детей к опрятности, к порядку, к наблюдению всех приличий, осведомляясь о их поступках и вне училища.

34. Учители имеют общий список всех учеников по приложенному у сего под литерою А образцу и означают в оном свои замечания о их поведении, прилежности и успехах.

35. Учители приходских училищ свободного состояния пользуются преимуществами чиновников XIV класса, пока пребывают в должности, и получают сей чин при увольнении, если прослужили усердно и беспорочно не менее 12 лет.

36. Учители, отличающиеся радением и успехами в преподавании, могут, по представлению уездного смотрителя и с согласия помещиков или общества, быть награждаемы выдачею не в зачет годового или полугодового жалованья из сумм, определенных на содержание училищ. Сии представления утверждает губернский директор.

37. Дом, в коем живет учитель, освобождается от воинского постоя, а собственный его дом — и от всех прочих повинностей: оные исправляются теми лицами или обществами, кои приняли на себя содержание училища.

38. Приходские училища в городах и селениях, принадлежащих казне или вольным хлебопашцам, содержатся на счет градских и сельских обществ, а в имениях помещичьих — на счет добровольных приношений помещика.

39. Суммы на жалованье учителям, покупку книг и других учебных пособий и вообще на содержание училища, определяются при самом учреждении оного. Смета сих расходов представляется на рассмотрение начальства вместе с прошением о дозволении открыть училище; она служит родом обязательства на будущее время.

40. В имениях помещичьих хозяйством приходских училищ заведывают помещики сами или чрез поверенных; в селениях, принадлежащих казне или вольным хлебопашцам, сия часть вверяется церковному старосте, а где нет церкви — одному из почетнейших жителей, по избранию обществ.

41. Сумма, определенная на содержание училища, доставляется по третям или чрез полгода, но всегда вперед и хранится в церкви подле суммы церковной, в особом сундуке за печатями учителя и

священника. Там, где нет церкви, сия сумма хранится у выбранного обществом почетного жителя за его ключем и печатью учителя. Благочинный священник от времени до времени свидетельствует оную.

42—45. [О денежной отчетности и о присмотре за училищными зданиями.]

Глава третья. Об уездных училищах

46. Уездные училища, открытые для людей всех состояний, в особенности предназначены для того, чтобы детям купцов, ремесленников и других городских обывателей, вместе с средствами лучшего нравственного образования, доставить те сведения, кои, по образу жизни их, нуждам и упражнениям, могут быть им наиболее полезны.

47. Во всяком уездном городе должно быть одно уездное училище: в столицах, в губернских и других обширных городах может быть оных и более, смотря по мере надобности и способов. Местное начальство может также, по мере надобности и средств, заводить уездные училища и в заштатных городах и в больших посадах или местечках.

48. Уездные училища открываются с разрешения министра народного просвещения.

49. При каждом уездном училище должен быть смотритель, который избирается из учителей того же училища, отличившихся ревностию к службе, хорошим поведением и знаниями. Университет по представлению директора утверждает его в сем звании. Сверх того для лучшего надзора за училищами уезда и содействия успехам благосостояния оных назначаются университетом, с утверждения министра народного просвещения, почетные смотрители. Они избираются из пользующихся общим уважением дворян или чиновников, живущих в том уезде или по крайней мере в той губернии, коими будет изъявлено желание принять на себя сие звание.

50. В учители уездных училищ определяются люди свободного состояния, доказавшие на испытании в одной из гимназий, что имеют сведения, нужные для преподавания, к коему предназначаются. Они обязаны представить достоверные свидетельства в беспорочном поведении и в том вообще, что по своим нравственным качествам могут быть допущены в звание учителей.

51. Окончившие с успехом курс учения в одной из гимназий предпочитаются другим кандидатам, а совершившие курс учения в университете предпочитаются и сим, но однако же с соблюдением всех установленных в § 50 правил. Свидетельств не обязаны представлять только определяемые самим университетом, известные совету оного учители.

52. В уездных училищах обучаются дети только мужского пола; учреждению равных оным по степени преподавания училищ для девиц местное уездное начальство обязано содействовать всеми зависящими от него средствами.

53. Штатный смотритель всегда живет в доме училища.

54. Для присмотра за чистотою в классах и вообще за домом смотритель на счет сумм, определенных на содержание училища, на-

нимает нужное число сторожей или иных служителей; они состоят в его полном ведении.

55. Курс учения в уездных училищах разделяется на три класса; на каждый назначается по одному году.

56. Когда в одном классе более 40 учеников, то оный разделяется на два или на три разряда по соразмерности.

57. Во всех трех классах преподаются: 1) закон божий, священная и церковная история, 2) российский язык, включая и высшую часть грамматики, 3) арифметика, 4) геометрия до стереометрии включительно, но без доказательств, 5) география, 6) история государства российского и всеобщая, но сокращенно, 7) чистописание, черчение и рисование.

58. Сверх сего при уездных училищах, смотря по местным потребностям, могут быть открываемы с разрешения министерства народного просвещения особые дополнительные курсы для обучения тем искусствам и наукам, коих знание наиболее способствует успехам в оборотах торговли и в трудах промышленности.

59. Главнейшие из сих дополнительных курсов могут быть следующие: 1) общие понятия об отечественных узаконениях, порядке и формах судопроизводства, особенно по делам, относящимся к торговле; 2) основания коммерческих наук и бухгалтерии; 3) основания механики с приложением оной к обыкновеннейшим искусствам; основания технологии; рисование, приспособленное к искусствам и ремеслам, и важнейшие правила архитектуры, особенно же все, принадлежащее к части каменного мастера; 4) сельское хозяйство и садоводство.

60. Сии дополнительные курсы учреждаются не все вместе, но по одному или по два и более, смотря по нужде, средствам и удобности; при сем принимаются в особенное уважение изъявляемые значительнейшими жителями желания.

61. Дополнительные курсы могут быть учреждаемы частными людьми или обществами, без пособий, но с разрешения начальства.

64. Ученики к слушанию дополнительных курсов допускаются не прежде, как по окончании положенного Уставом учения. Слушать оные не воспрещается и посторонним, но с ведома училищного начальства.

65. Дополнительные курсы могут быть преподаваемы по два и по три раза в неделю, смотря по обширности предмета оных, но всегда ввечеру, дабы не препятствовать дневным работам или иным занятиям желающим слушать оные.

66. В губернских городах сии курсы поручаются особенному наблюдению директора.

67. В уездных училищах, где нет курсов дополнительных, число учителей определяется по числу учеников и разрядов, на кои всякий класс может быть разделен; вообще полагается оных пять: 1) законоучитель, 2) учитель российского языка, 3) арифметики и геометрии, 4) географии и истории, 5) чистописания, черчения и рисования.

68. Прием учеников бывает однажды в год, пред началом учебного курса, но и в другое время дозволяется принимать тех, кои

докажут на испытании, что имеют достаточные сведения в пройденной уже части курса.

69. Для принятия в уездное училище представляющийся должен уметь читать и писать и знать первые четыре правила арифметики. За учение не определяется никакой платы.

70. Те, кои, обучившись дома или в частных учебных заведениях, приобрели, кроме сих, еще другие предварительные сведения, могут по испытании быть приняты прямо в один из высших классов.

71. Учение в уездных училищах продолжается во весь год, с исключением лишь обыкновенной летней вакации; время оной определяет университет, назначая для сего от пяти до шести недель.

72. В уездных училищах учение бывает ежедневно, за исключением воскресных и других, положенных в табели, праздничных дней. Всякий урок должен продолжаться полтора часа, и на каждый день назначается по четыре урока, кроме среды и субботы; в сии дни после обеда учения не бывает. По субботам в послеобеденное время желающие могут быть обучаемы церковному пению по нотам.

73. В распределении учебных предметов и назначении числа уроков для каждого начальства уездных училищ принимают в основание приложенную у сего под литерою Б таблицу. Важные в сей таблице изменения допускаются не иначе, как с одобрения директора и разрешения университета. При распределении уроков наблюдается вообще, чтобы преподавание труднейших предметов назначалось в первые утренние часы и чтобы два урока, равно трудные, не следовали один за другим непосредственно.

74. В конце каждого учебного года штатный и почетный смотрители производят испытания ученикам всех классов; достойные назначаются к переводу в высшие, а кончившие положенное Уставом учение, равно и слушавшие какой-либо дополнительный курс, получают свидетельства, в коих означается степень их познаний. При сем обращается особенное внимание на поведение их и отличаются лишь благонравные. Малоуспевшим дозволяется вступить снова в один из классов по принадлежности.

75. По окончании испытаний назначается день для торжественного акта, к коему в особенности приглашаются родители учеников и местные начальства. Ученики или учители произносят приличные сему торжеству речи или читают небольшие сочинения; засим провозглашаются имена удостоенных к переводу в высшие классы и выпускаемых с одобрительными аттестатами. Окончившим учение раздаются свидетельства, а отличнейшие ученики награждаются книгами или похвальными листами за подписанием смотрителя, законоучителя и прочих учителей. Бедным ученикам даются в награждение такие книги, кои могут быть им нужны впоследствии. На каждый класс определяется не более двух или трех награждений, смотря по числу учеников.

76. Во всяком уездном училище, кроме необходимых учебных пособий, должно быть хотя небольшое собрание нравоучительных и других полезных книг для чтения как учащихся, так и самих учителей.

77. Общие обязанности всех учителей уездных училищ, в отношении к преподаванию и наблюдению за нравственною частью воспи-

тания, суть те же, кои определены для учителей приходских училищ в § 29—34 главы II сего Устава и в изданном вновь «Руководстве для учителей».

78. Смотритель имеет в своем распоряжении всю хозяйственную часть уездного училища; в его ведении состоят все здания оного, суммы и прочее имущество.

79. Уездные училища содержатся из сумм, отпускаемых ежегодно гос. казначейством по высочайше утвержденным штатам сих заведений, и из тех, кои на сие доставляются от городских дум и приказов общественного призрения.

80—91. [О порядке расходования денежных средств и об отчетности смотрителя.]

92. Штатный смотритель есть непосредственный начальник уездного училища и имеет надзор как за всеми училищами приходскими, так и за частными учебными заведениями, в том уезде находящимися.

93. Ежели в одном уезде будет учреждено несколько уездных училищ и при каждом будет смотритель, то надзор за училищами приходскими и за частными учебными заведениями разделяется между ними, по усмотрению директора, который доводит о том до сведения университета.

94. Главная и важнейшая обязанность смотрителя есть блюсти за поступками учителей и успехами учеников как в уездных, так и в приходских и других училищах.

95. Учители обязаны ему повиновением во всем, что не противно общим узаконениям или постановлениям сего Устава и предписаниям высшего начальства. Нерадеющим о должности или строптивым по характеру он делает надлежащие замечания, однако же не в присутствии учеников; в случае неисправления доносит о сем директору.

96. Смотритель дает учителям наставления и касательно преподавания, но также не в присутствии учеников и наблюдает как за постепенностью в обучении, так и за тем, чтобы положенный для каждого класса курс оканчивался в определенное время.

97. Для сего он два раза в день, поутру и после обеда, посещает классы уездного училища.

98. Дабы удостовериться, что учители в точности исполняют свои обязанности смотритель при сих посещениях делает ученикам разные вопросы, относящиеся не только к предмету настоящего урока, но и к прежде выученным. Он также всякий раз просматривает их классные журналы, в коих отмечаются успехи и поведение учащихся.

99. Смотритель в конце каждого месяца получает от учителей ведомости об успехах и поведении учеников, а равно и о тех, кои подверглись наказаниям. Он впоследствии принимает сии ведомости в соображение при переводе учеников в высшие классы и при выдаче окончившим курс следующих им свидетельств.

100. Смотритель наблюдает, чтобы учители не занимались предпочтительно некоторыми учениками из каких-либо личных видов и чтобы в наказаниях была сохранена не только точная справедливость, но и надлежащая разборчивость и уверенность.

101. Ежели ученик после многократных наказаний не исправляется, то смотритель исключает его из училища, дабы он дурным примером своим не развратил товарищей.

102. Исключенный таким образом из училища не иначе принимается в оное снова, как по истечении года, с засвидетельствованием людей достоверных, что он исправился.

106. Штатный смотритель, обучающий закону божию священник и прочие учители собираются каждый месяц на общее совещание. В сих ежемесячных заседаниях, на основании § 86, рассматриваются и поверяются отчеты о приходах и расходах истекшего месяца; в оных рассуждают о положении училища и о средствах не только поддержать, но и умножить благосостояние оного, соблюдая и утверждая установленный во всем порядок, стараясь, с одобрения высшего начальства, улучшить способы преподавания и чрез то поощряя и облегчая труды учащихся. Для нужных при том соображений учители сообщают свои замечания об успехах и поведении каждого ученика. В случае важных постановлений или рассуждений составляется журнал заседания.

107. В сих собраниях испытываются желающие принять должность учителей приходских училищ. Все, происходящее на сих испытаниях, записывается в журнал.

108. Смотритель, будучи начальником учебных заведений, в уезде находящихся, обязан иметь об оных подробные и верные сведения и принимать надлежащие меры для доставления оным способных учителей и нужных учебных пособий. Он также наблюдает, чтобы суммы, назначенные на их содержание, поступали в оные исправно, и вообще печется о благосостоянии всех подведомственных ему учебных заведений.

109. Смотритель должен каждую неделю обозревать находящиеся в одном городе с ним учебные заведения, а прочие по крайней мере два раза в год.

110. При сих обозрениях он старается узнать в точности истинное положение училищ во всех отношениях, обращая особенное внимание на образ преподавания, способности и поведение учителей, на успехи и нравственность учащихся и наблюдая при том, исполняются ли надлежащим образом изданные для училищ постановления и предписания начальства.

111—113. [Об обязанности смотрителя быть для учителей и учащихся примером хорошего поведения.]

114. Смотритель состоит под непосредственным начальством губернского директора училищ, и от него в нужных случаях испрашивает разрешений по всем делам вверенных ему или находящихся под его надзором учебных заведений.

115—119. [О порядке сношений и отчетности смотрителя перед директором училищ и местным уездным начальством.]

120. Почетные смотрители увольняются от исправления должностей по выборам от дворянства, кроме лишь должности губернских или уездных предводителей.

121. Почетные смотрители, вместе с штатными смотрителями, имеют надзор за училищами по всем частям, и штатные смотрители должны сообщать им сведения о всех своих распоряжениях.

122. Они присутствуют в ежемесячных собраниях учителей, когда бывают в городе, где вверенное их надзору училище, и занимают в сих собраниях первое место, хотя не именуются председателями, и дела к слушанию назначаются штатными смотрителями.

123. Почетные смотрители должны сколь можно чаще посещать уездные и приходские училища, а равно и частные учебные заведения, и по крайней мере один раз в год обозревать все оные, стараясь избирать для сего не одно с штатным смотрителем время. О сем осмотре училищ они могут с своей стороны сообщать директору, если почтут сие нужным.

124. О замеченных ими упущениях или беспорядках иного рода в приходских училищах они сообщают штатному смотрителю для принятия надлежащих против сего мер. О беспорядках же или отступлениях от Устава в уездном училище сначала сообщают штатному смотрителю, но если их замечания не будут им приняты в уважение, то уведомляют о том директору.

125. Почетный смотритель обязан присутствовать при испытаниях в уездном училище.

126. Он также должен изыскивать средства для приведения училища в наилучшее состояние.

127—132. [О правах смотрителей по службе.]

133. Молодые люди, окончившие в уездном училище назначаемый Уставом курс учения и получившие в том свидетельство, если они, на основании существующих узаконений, имеют право вступать в гражданскую службу, определяются в оную предпочтительно тем, кои не обучались в уездных училищах или высших учебных заведениях.

Глава четвертая. О гимназиях

134. Учреждение губернских гимназий имеет цель двоякую: доставить способы приличного по званию их воспитания тем из молодых людей, кои не намерены или не могут продолжать учение в университетах, а готовящихся вступить в оные — снабдить необходимыми для сего предварительными знаниями.

135. В каждом губернском городе назначается гимназия. В столицах и других многолюдных городах, где может быть несколько гимназий, одна только именуется губернскою, и директору оной подчинены все прочие в губернии училища. По обстоятельствам и усмотрению высшего начальства гимназии учреждаются и не в губернских городах; особенные для сих заведений правила долженствуют быть соображаемы с их местным положением и общими постановлениями по учебной части.

136. Гимназии открываются с разрешения министра народного просвещения и состоят в ведомстве одного из университетов.

137. Для управления и преподавания в губернских гимназиях

назначаются: директор, инспектор, законоучитель из духовных и 10 учителей наук и искусств. Сверх того как главнейшая цель учреждения гимназий есть доставление средств приличного воспитания детям дворян и чиновников, то дворянство губернии, в коей находится гимназия, каждое трехлетие избирает из среды своей почетного оной попечителя. Сие назначение представляется министром народного просвещения на высочайшее утверждение.

138. Директор избирается университетом предпочтительно из имеющих ученые степени чиновников, исправлявших должность инспекторов в гимназиях. Он утверждается в сем звании министром народного просвещения.

139. Директор, кроме основательных знаний, необходимых для суждения о способностях учителей и образе их преподавания, должен иметь и свойства, нужные для управления училищами, ему подведомственными, а по нравственности своей быть достоин доверенности правительства и родителей, коих дети поручаются его главному смотрению.

140. Инспектор назначается университетом и утверждается попечителем из старших учителей гимназии, отличившихся усердием, исправностью и успехами в преподавании.

141. Учители определяются тем университетом, в ведомстве коего находятся гимназии, хотя бы приготовлялись к сему званию и в другом учебном округе.

142. Для производства канцелярских дел директор имеет при себе письмоводителя и писца.

143. Курс учения в губернских гимназиях разделяется на 7 классов, для каждого назначается по одному году.

144. В оных преподаются: 1) закон божий, священная и церковная история; 2) российская грамматика, словесность и логика; 3) языки: латинский, немецкий и французский; 4) математика до конических сечений включительно; 5) география и статистика; 6) история; 7) физика; 8) чистописание, черчение и рисование.

145. В гимназиях, состоящих при университетах, обучают и языку греческому. По мере нужды и возможности преподавание оного будет вводимо и в прочие губернские гимназии.

146. Преподавание разделяется между учителями следующим образом: 1) обучает закону божию, священной и церковной истории; 2) логике и российской словесности; 3) российской грамматике и географии; 4) истории и статистике; 5) математике; 6) высшим частям математики и физике; 7) и 8) латинскому языку; 9) немецкому; 10) французскому; 11) рисованию и черчению. В гимназии, где введено преподавание греческого языка, для сего определяется особый учитель.

147. В областях, где местный язык не есть российский, назначается учитель для преподавания правил сего языка. Обучающиеся оному, могут с разрешения директора быть увольняемы от классов немецкого или французского.

148. Учители наук исторических и математических, древних языков и российской словесности называются старшими, а учители рус-

ской грамматики, географии и новейших иностранных языков — младшими.

149. Учитель рисования обучает и чистописанию; он может, по усмотрению своему, собирать учеников двух классов в один.

150. Принятие учеников в гимназию бывает однажды в году пред началом курса. Поступающие в I класс должны уметь читать и писать и знать первые правила арифметики; ученики могут поступать прямо во II, III и даже в IV класс, если на испытании пред инспектором и старшими учителями докажут, что уже имеют достаточные сведения в тех частях наук, кои преподаются в нижних классах. Директор наблюдает, чтобы в I и II классы принимались дети не моложе 10 лет, а в III и IV — не моложе 12.

151. Учение в гимназиях продолжается во весь год, за исключением лишь обыкновенной летней вакации; время оной определяет университет, но во всяком случае на сей отдых назначается не более одного месяца.

152. В нижних классах гимназий преподавание, за исключением лишь воскресных и других, положенных в табели праздничных дней, бывает ежедневно по шести часов, и каждый урок продолжается полтора часа. В четырех высших классах вообще наблюдается то же правило; но по средам учение в оных бывает только по утру.

153. При распределении учебных предметов и назначении числа уроков начальства гимназий руководствуются приложенными к сему Уставу таблицами. Важные изменения в порядке, оными установленном, допускаются не иначе, как с разрешения университета; назначенное на каждый учебный предмет число часов может быть уменьшаемо только в самом нижнем классе для детей первого возраста.

154. По окончании летней вакации ученики всех классов подвергаются испытанию в присутствии инспектора, директора и почетного попечителя гимназии. Смотря по успехам в науках, они назначаются в высшие классы, а отличнейшие по прилежности и благонравию, сверх того, награждаются книгами или похвальными листами за печатью гимназии и подписанием почетного попечителя, директора, инспектора и старших учителей. В каждом классе раздается не более двух или трех награждений, смотря по числу учащихся; если отличившийся ученик беден, то он награждается такими книгами, кои могут быть ему нужны впоследствии.

155. После испытаний назначается день торжественного акта, к коему в особенности приглашаются местные начальства и родители обучающихся в гимназии. На сем акте учители и ученики произносят приличные торжеству речи или читают одобренные к сему свои сочинения; потом провозглашаются имена удостоенных к переводу в высшие классы, и раздаются аттестаты окончившим учение и награды отличившимся.

156. Во всякой гимназии, кроме необходимых для преподавания учебных пособий, должны быть: 1) библиотека и 2) собрание инструментов математических и физических.

158. Обязанности всех вообще учителей определяются их важным назначением: образовать умы и сердца вверяемых им юношей.

159. Учители должны внушать ученикам своим, что преподавание их есть только руководство для достижения познаний, кои приобретаются не иначе как собственными усилиями.

160. Соответствуя возрасту учащихся, сие руководство может быть двух родов. В нижних классах учитель должен более объяснять и часто повторять свои объяснения, но, стараясь и тогда уже посредством вопросов и задач приучать детей рассуждать, соображать, одним словом, действовать умом своим. В классах высших сия умственная деятельность учеников, по указаниям учителя, долженствует быть еще усилена. Простое диктование уроков, служащее лишь к механическому затверженню наизусть, ни в каком случае не дозволяется.

161. Учители и во время преподавания и вне классов, особливо в сношении с учениками, обязаны не забывать важности своего звания, стараясь всегда по возможности действовать на юные души воспитанников, служа для них примером благонравия, трудолюбия, точного, ревностного исполнения долга и строгого наблюдения не только правил чести, но и необходимых приличий общежития.

162. Наблюдая характер и расположение учеников своих, они должны уметь избирать приличнейшее время и средства, чтобы сделать свои наставления или советы истинно действительными и полезными. Они должны также уметь иногда быть снисходительными, особливо к слабостям, к недостатку способностей и к неумышленным поступкам: не всякая неисправность, даже и не всякая вина, заслуживает строгого взыскания, и строгость наставников, подобно отеческой, не должна иметь вида запальчивости или суровости; равно как и снисходительность его, всегда основанная на благоразумии, не должна быть похожа на пристрастие или излишнее мягкосердие.

163—164. [О записи учителем в книгу посещений учеников и об отчетности по учебной работе перед директором.]

165. В сношениях между собою учители обязаны помогать друг другу делом и советом. Учители высших классов не должны дозволять себе пренебрегать учителей классов низших или унижать преподаваемые другими их товарищами науки, помня, что все учебные предметы суть более или менее нужные части одной цепи человеческих познаний. С другой стороны, учители низших классов обязаны изъявлять должное уважение к тем, кои превосходят их сведениями.

166. Директор есть хозяин гимназии и начальник всех казенных училищ, в губернии находящихся; его надзору подчинены пансионы и другие частные учебные заведения губернии.

167. Главная обязанность директора состоит в бдительном, неослабном надзоре за гимназиею и всеми вверенными ему училищами; он должен стараться, чтобы повсюду были исполняемы постановления Устава учебных заведений и предписания начальства.

168. Он обращает особенное внимание на учителей, их поведение, образ преподавания и обращение с учениками; наставляя и поощряя их, он должен сам быть для них примером усердия, благоразумия и неутомимой деятельности.

169—174. [О наблюдении за учителями и смотрителями; представление к наградам усердно выполняющих обязанности и увольнение неисправных.]

175. Директор как начальник учебных заведений в губернии обозревает оные так же, как смотрители обозревают училища своего уезда. Если в губернии много разных учебных заведений, то на обозрение оных университет может назначать более одного года и даже до двух лет.

177. О замечаниях своих при обозревании он представляет университету подробные донесения, свидетельствуя об отличающихся особенною ревностью смотрителях и учителях.

178. Директор наблюдает также, чтобы все учебные предметы были преподаваемы по одобренным от правительства книгам и программам; он печется и о том, чтобы в училищах не было недостатка в учебных пособиях и для сего делает заблаговременно представления куда следует.

179. Директор непосредственно подчинен университету и во всем относится к оному, испрашивая в нужных случаях разрешения по всем делам вверенной ему гимназии и других подведомственных оной учебных заведений.

180—182. [Об отчетности директора гимназии перед университетом за все подведомственные ему училища и об аттестации служащих в них.]

183. Директор имеет в своем непосредственном ведении всю хозяйственную часть: здания, суммы и прочее имущество гимназии.

184. Гимназии содержатся из сумм, отпускаемых на оные из гос. казначейства, по высочайше утвержденным штатам, и из тех, кои для сего доставляются градскими думами и приказами общественного призрения.

185—194. [Об обязанности директора по расходованию денежных сумм, о порядке отчетности и письмоводства по училищам.]

195. Инспектор есть помощник директора во всем, что касается до надзора за преподаванием и нравственной частью воспитания в гимназии. В отсутствие директора он вступает во все его права и обязанности.

196. Инспектор должен ежедневно посещать все классы и наблюдать, чтобы учители с точностью исполняли свои обязанности; в противном случае он делает им замечания, однако же не в присутствии учеников. Он наблюдает за порядком в классах как во время учения, так и при входе и выходе учеников.

197. Инспектор также наблюдает за постепенностью преподавания учебных предметов и приведением оного к надлежащему окончанию в определенное время.

198. В случае болезни или отсутствия учителя инспектор поручает класс его другому или сам преподает в оном. В сем случае учитель обязан заблаговременно уведомить инспектора, дабы он мог сделать надлежащие распоряжения.

199. Инспектор при посещении классов просматривает списки и журналы, в коих отмечаются успехи учеников.

200. Учители каждый месяц подают инспектору ведомости о поведении учеников, их успехах и наказаниях, коим они подверглись. Инспектор представляет сии ведомости совету гимназии.

201. Инспектор наблюдает, чтобы учители не занимались предпочтительно некоторыми учениками по какому-либо пристрастию и обращали особенное внимание на малоуспевающих.

202. Инспектору поручается надзор за наказаниями. При сем он должен поступать с отменною осторожностью и не иначе, как после основательного рассмотрения, в чем состоит проступок.

203. Допускаемые меры исправления суть: выговоры, пристыжение, лишение высшего места в классе, выставление имени виновного ученика на черной доске, наконец, и заключение на несколько часов в запертом классе, однако же не иначе, как днем, с уведомлением родителей или опекунов о принятии сей меры и причинах того.

204 К трем первым из вышеозначенных наказаний виновные могут быть присуждены учителями и инспектором; но к двум последним — лишь директором.

205. В случае недействительности сих средств исправления совет гимназии по необходимости определяет наказание розгами. Учеников наказывают таким образом не иначе, как в присутствии инспектора и в особом месте. Сие допускается только в первых трех классах. В высших, за проступки, кои могли бы подвергнуть наказанию сего рода, ученик исключается из гимназии.

206. Инспектору поручается непосредственный надзор за целостью учебных пособий, находящихся в ведении учителей.

207. На основании § 194, для рассмотрения важнейших дел, как собственно касающихся до гимназии и пансиона оной, так и по всему ведомству дирекции, составляется особый совет из директора, инспектора и старших учителей гимназии. Когда в сих собраниях назначено рассуждать о чем-либо, касающемся до учрежденного при гимназии пансиона, о сношениях начальства гимназии с предводителями дворянства, или же об исключении учеников за проступки или неспособность, то на оные приглашаются и почетные попечители.

208. Определения совета гимназии, объявляемые директором, исполняются беспрекословно, когда оные не противоречат общим установлениям, положениям сего Устава или предписаниям высшего начальства.

212. Совет гимназии занимается также усовершенствованием способов преподавания и чрез лучшее применение оных к возрасту и понятиям учащихся старается, облегчая труды их, сделать их успешнее; всего же более он печется о принятии мер для сохранения и утверждения хорошей нравственности между воспитанниками.

213. Все подробные постановления о порядке внутреннего управления в гимназии и пансионе оной, кои не могут быть определены в Уставе, предоставляются усмотрению начальства и в особенности совета.

214. Совет рассматривает ежемесячные ведомости, представляемые учителями, и счеты приходов и расходов гимназии.

215. Определение награждений, а равно, на основании § 205, и строжайших мер наказания также представляется совету.

216. Совет гимназии назначает учеников к переводу в высшие классы; для сего, когда нужно, приглашаются в собрание оного и

младшие учители. Если ученик замечен в дурном поведении, то, несмотря и на самые отличные успехи в науках, он не удостоивается никакой награды до своего совершенного исправления.

217. Ученики, кои по неспособности или нерадивости не делают никаких успехов, исключаются из гимназии: воспитываемые на счет казны — чрез два года, содержимые благотворителями — чрез три, а своекоштные — чрез четыре. Им при выпуске не выдается никаких свидетельств об учении.

218. Кандидаты на должность учителей уездных училищ подвергаются испытаниям в присутствии совета гимназии. На сии собрания также приглашаются всякий раз и почетные попечители.

219. Кроме обыкновенных ежемесячных заседаний и тех, кои назначаются для рассмотрения чрезвычайных или не терпящих отлагательства дел, совет имеет два раза в год особливые собрания для слушания отчетов об управлении гимназии и прочих училищ дирекции. На сии собрания приглашается и губернский предводитель дворянства. Он участвует в рассуждениях и, буде изъявит желание, то ему, вместе с отчетами сообщаются и все нужные для доказательства точности оных сведения. Губернский предводитель дворянства, как чиновник, облеченный доверенностью значительнейших жителей, может как на сих собраниях, так и во всякое другое время, делаемые им о состоянии училищ замечания предлагать почетному попечителю и директору. Если он найдет, что его замечания и советы не приняты в надлежащее соображение, то имеет право отнестись о том к попечителю учебного округа, а в случаях отменной важности и прямо к министру народного просвещения.

220. Звание почетного попечителя гимназии может быть соединяемо только с самыми почетнейшими по дворянским выборам званиями: губернского и уездного предводителей, совестного судьи и депутата дворянства.

221. Почетный попечитель имеет, вместе с директором, общий надзор за ходом управления и состоянием гимназии, но сам собою не делает никаких распоряжений, только сообщая директору словесно или письменно и негласным образом о замеченных им отступлениях от Устава или иных каких-либо беспорядках. Если его замечания будут оставлены без уважения, он представляет о сем университету.

222. Директор обязан, от времени до времени, словесно или письменно сообщать почетному попечителю о ходе управления и преподавания в гимназии и о делаемых им распоряжениях.

223. Почетный попечитель, на основании § 207 и 218, в некоторых означенных случаях приглашается в собрания совета гимназии и тогда занимает в оных первое место, однако же не именуется председателем, и дела в оных заседаниях так же, как в обыкновенных, предлагаются к слушанию по назначению директора.

224. Ежели за болезнью или по другим причинам почетный попечитель не мог по приглашению быть в собрании совета, то ему сообщается журнал заседания. При возвращении оного почетный попечитель может подать особое мнение, которое совет принимает в надлежащее соображение.

225. Одна из первых обязанностей почетных попечителей есть изыскание и приготовление лучших средств для открытия пансионов при гимназиях. Для сего они входят в надлежащие сношения с дворянством и местными начальствами.

227. Почетные попечители могут быть приглашаемы в собрания училищного комитета университетского совета для рассуждения о делах, кои касаются до гимназий, под их надзором находящихся.

228 Правление университета обязано обращать внимание высшего начальства на принимаемое почетными попечителями в делах гимназий участие; о тех же, кои своим содействием способствовали важным успехам учебных заведений, министерство народного просвещения доводит до высочайшего сведения.

229. Директор гимназии считается в государственной службе и, буде чина выше не имеет, в VII классе, доколе находится в сем звании. Прослужив 9 лет, он утверждается в соответствующем сему классу чине. Впрочем, директоры могут и прежде быть производимы в сей чин и следующие, на основании общих правил, не подвергаясь испытанию.

230. Инспектор гимназии также считается в государственной службе и, буде чина выше не имеет, в VIII классе, доколе находится в сей должности. Он производится в чины на основании общих узаконений, но не подвергаясь испытаниям.

231. Старшие учители гимназии состоят в IX, а младшие в X классе государственной службы, за исключением учителей рисования, которые считаются лишь в XII; учители прочих искусств не имеют чинов. Прослужив четыре года, каждый утверждается в принадлежащем его званию классе со старшинством со времени вступления в должность.

233. Отличившиеся ученики гимназии принимаются по конкурсу в университет на казенное содержание, но с обязательством прослужить не менее шести лет в ведомстве училищного начальства.

234. Окончившие полный курс учения в гимназии и удостоенные похвальных аттестатов принимаются в гражданскую службу предпочтительно тем, кои не обучались в гимназиях или других по крайней мере равных оным по предметам преподавания учебных заведениях; они определяются на места канцелярских служителей высшего разряда; сверх того для них сокращаются одним годом установленные высочайше утвержденным 14 октября 1827 г. положением о канцелярских служителях сроки производства, и родовые дворяне поступают в первый классный чин чрез год, дети дворян личных — чрез три года, а прочие — чрез пять лет действительной службы.

235. Те из удостоенных при выпуске похвальными аттестатами, кои, сверх прочих наук, обучались и греческому языку, определяются в гражданскую службу прямо XIV классом и получают соответствующие оному места. Отличнейшие между ними награждаются золотыми или серебряными медалями, по усмотрению совета гимназии и с утверждения университета.

236. Аттестаты от гимназий могут получать только обучавшиеся по крайней мере в четырех высших классах оной.

237. Аттестаты гимназий принимаются в уважение при испытаниях, кои установлены 6 августа 1809 г., и от имеющих оные требуется новых доказательств в сведениях только по тем из назначенных в сем указе предметов, кои не преподаются в гимназиях.

238. Обучавшиеся дома или в частных учебных заведениях и желающие на публичном экзамене доказать, что имеют достаточные познания в предметах, преподаваемых в гимназиях, должны обращаться к одному из университетов. Правление университета допускает их к испытанию, и достойным выдает аттестаты, с коими они получают и все присвоенные обучавшимся в гимназиях права.

Глава пятая. О пансионах при гимназиях

239. Дабы живущим в губерниях дворянам и чиновникам доставить средства прилично воспитывать детей своих без значительных на то издержек, учреждаются при гимназиях пансионы.

240. На заведение и содержание сих пансионов определяются суммы от добровольно делаемых для сего приношений и от установляемой за воспитанников платы.

241. Воспитанники сих пансионов обучаются в гимназиях вместе с другими учениками, но вне классов находятся под особенным надзором начальства пансиона.

242. Для занятия воспитанников вне классов пансион имеет особые собственно оному принадлежащие учебные пособия: глобусы, географические карты, исторические таблицы, словари и другие книги.

243. К преподаваемым в гимназиях предметам могут, по мере возможности и усмотрению начальства, быть прибавлены: пение и вообще музыка, танцование и фехтование. Воспитанники обучаются оным в свободное от учения в гимназии время по назначению директора.

244. Почетный попечитель и директор гимназии вместе составляют смету сумм, нужных на содержание пансиона; сия смета препровождается в университет, а оттоле по надлежащем соображении поступает на рассмотрение министра народного просвещения. Пансион открывается с его разрешения, но тогда лишь, когда число желающих вступить в оный будет простираться по крайней мере до двадцати.

245. Главный надзор над пансионом поручается почетному попечителю гимназии.

246. Директор гимназии есть вместе и директор пансиона, при ней состоящего; должность его помощника исправляет инспектор гимназии. Сверх того при пансионе находятся комнатные надзиратели и эконом.

247. Особы, желающие поместить детей в пансион, относятся о том к директору.

248. Для принятия воспитанника в пансион требуются свидетельства: о рождении, крещении его и происхождении от родовых или личных дворян; о состоянии родителей и о том, что он имел естественную или прививную оспу. Сверх сего, если желающий поместить воспитанника не имеет постоянного пребывания в городе, где пансион, то представляет письменное обещание известной живущей в том месте

особы, что, в случае исключения из пансиона, воспитанник будет принят к ней в дом.

249. Сумма на содержание воспитанника вносится за год или по крайней мере за полгода вперед. Иногородные присылают оную по почте на имя директора.

253. Для доставления приличного воспитания детям бедных заслуженных родителей из дворян или чиновников министр народного просвещения, при открытии всякого пансиона при гимназии, ходатайствует об отпуске ежегодно из гос. казначейства некоторой суммы для содержания в каждом пансионе до семи воспитанников.

254. Распределение времени и занятий воспитанников предоставляется усмотрению начальства. Но однако же для сего постановляются следующие общие правила: в 5 или 5½ часов утра воспитанники встают и к 6 часам утра собираются на молитву. Время до 9 часов определяется на завтрак и приготовление к классам. От 9 до 12 продолжается учение в классах. От 12 до часу — отдых, музыка или гимнастические упражнения. От 1 до 3 — обед, отдых и приготовление к классам. От 3 до 6 — снова учение в классах. От 6 до 6½ — отдых. От 6½ до 8 — повторение уроков. От 8 до 9½ — ужин и отдых, после которого воспитанники собираются на вечернюю молитву; сим заключаются все занятия дня.

255. Молитвы как утренние и вечерние, так перед столом и после стола читают воспитанники по очереди или по назначению инспектора, который наблюдает, чтобы все слушали со вниманием и молились с благоговением, стараясь, обще со священником, обучающим закону божию, при всяком удобном случае внушать воспитанникам сие чувство благоговения и объяснять истинную цель и важность молитвы.

256. В воскресные и праздничные дни воспитанники в сопровождении надзирателей собираются в церковь для слушания божественной литургии. Пред началом службы священник-законоучитель объясняет им содержание евангелия и апостольских деяний или посланий того дня. Послеобеденное в сии дни время назначается для прогулок.

257. В свободные от учения дни благонравные и прилежные воспитанники могут быть отпускаемы в домы родителей или тех особ, коим они вверены, но не иначе, как по особенному всякий раз приглашению и в сопровождении присылаемых за ними надежных людей. Воспитанники отпускаются поутру и возвращаются ввечеру; им позволяется и ночевать вне пансиона, когда бывает несколько праздничных дней сряду.

258. В сих случаях каждый воспитанник получает от инспектора билет, в коем означается, когда и на сколько времени он отпущен. Приглашающие к себе воспитанников отмечают на сем билете, когда пансионер отправлен обратно; билеты возвращаются инспектору самими воспитанниками.

259. Для поощрения воспитанников к прилежанию и благонравию и для доставления родителям сведений о их успехах воспитанники, отправляясь в домы на время вакаций, получают за подписанием директора и инспектора особые о сем свидетельства. Воспитанники

должны непременно показывать оные своим родителям и с их надписью представлять инспектору по возвращении в пансион.

260. Директор и инспектор гимназии получают дополнительное жалованье из сумм пансиона; инспектор живет в доме, где оный помещается.

261—267. [О порядке заведывания пансионом.]

268. Комнатные надзиратели назначаются в помощь инспектору по части наблюдения за воспитанниками; они определяются и увольняются директором, однако же не иначе, как с согласия почетного попечителя и утверждения университета.

269. На каждые 15 воспитанников назначается по одному комнатному надзирателю.

270. В надзиратели избираются люди благовоспитанные, имеющие от университета дозволение на исправление сей должности, и сверх того свидетельство в надежной нравственности и хорошем поведении, за подписанием известных особ. Должно стараться, чтоб они свободно объяснялись по-французски или по-немецки. Учители новейших языков в гимназии могут вместе быть и надзирателями в пансионе.

271. Комнатные надзиратели из свободных состояний или же воспитанные в каком-либо казенном педагогическом институте состоят в XII классе, если не имеют чина выше, и, прослужив четыре года, утверждаются в оном с старшинством со времени вступления в должность; в следующие чины они производятся на основании общих правил.

272. Надзиратели обязаны: а) иметь бдительный, беспрерывный надзор за воспитанниками; б) в свободное от классов время быть при них безотлучно, имея с ними общий стол и ночуя по очереди в одних с ними комнатах; в) ходить с ними также по очереди в классы; г) ежедневно иметь сведение о всем выслушанном ими в классах, наблюдая, чтобы воспитанники приготовляли заданные им уроки и повторяли выученное, а в свободное время занимая их чтением и заставляя делать переводы или извлечения из читанного; д) наблюдать за воспитанниками и в продолжение разговоров их между собою, замечая и поправляя делаемые ими ошибки против языка, приличий или вкуса; е) всякое утро доносить словесно инспектору о состоянии пансиона; о необыкновенных же происшествиях уведомлять его немедленно для донесения, буде нужно, и директору; ж) каждый надзиратель должен вести журнал, означая в оном как успехи вверенных ему воспитанников в науках, так и поступки их, замечая черты их характера и доказательства прилежания, а равно к чему они имеют наиболее склонности, в какие проступки чаще впадают, в каких пособиях имеют особенную надобность и пр. (сии журналы в конце месяца представляются инспектору, а от него директору и почетному попечителю); з) наблюдать, чтобы воспитанники не читали неодобренных инспектором книг и вообще не дозволяли себе ничего неприличного благородным и благовоспитанным юношам.

273. Надзиратели и сам инспектор в обращении с воспитанниками должны стараться и поступками своими и разговорами вкоренять в сердца их любовь к наукам и уважение к правилам нравственности.

274. Они должны быть снисходительны к проступкам легким, свойственным детскому или юношескому возрасту, но тверды в важных случаях. Впрочем, строгие меры надлежит употреблять весьма редко и только по необходимости.

275. Дабы возбудить в воспитанниках благородное соревнование и тем способствовать их занятиям, надзиратели, с согласия инспектора, разделяют их на степени, по мере их прилежания, успехов и поведения; старшим поручают надзирать за младшими и помогать им в их занятиях.

276. Наказания в пансионе определяются те же самые, какие назначены вообще для учеников гимназий. Если все употребленные для исправления меры будут тщетны, то воспитанник исключается из пансиона.

277—286. [О хозяйственном обеспечении пансиона.]

287. Для каждых 8 воспитанников полагается по одному служителю; он определяется и увольняется директором по представлению инспектора. Крепостных своих людей для услуги в пансионе воспитанники иметь не могут.

Глава шестая. Общие права и преимущества учебных заведений, подведомственных университетам

292. Собственные домы директоров, инспекторов и учителей гимназий, а равно и смотрителей и учителей уездных училищ, если они занимают их сами, освобождаются от постоя.

293. Никакое следствие, касающееся до лиц, служащих по учебному ведомству, не может быть производимо без депутата со стороны сего ведомства.

294. Учители и служащие при училищах чиновники, в случае взятия под арест полициею, немедленно представляются от оной к их начальству; из сего исключаются только задержанные по участию или подозрению в уголовном преступлении, но и о сих полиция без отлагательства извещает начальство училища.

295. Директор, инспектор и учители гимназий, а равно и штатные смотрители и учители уездных училищ при увольнении от мест награждаются за 20 лет беспорочной службы половинными, а за 25 полными, против получаемого ими оклада, пенсиями. Надзиратели пансионов, учреждаемых при гимназиях, пользуются теми же преимуществами. Прочие по учебному ведомству употребляемые чиновники награждаются при отставке на основании высочайше утвержденного в 6-й день декабря 1827 г. Устава о пенсиях.

296. За служение свыше 25 лет определяется еще соразмерная прибавка к пенсии.

298. Вдовы директоров, инспекторов и учителей как гимназии, так и уездных училищ, если мужья их умерли на службе прежде положенного для половинной пенсии 20-летнего срока, получают единовременное пособие, равное годовому окладу умерших. Вдовам тех, кои служили 20 лет и более, определяются следовавшие мужьям их пенсии.

Глава седьмая. О благотворителях учебных заведений

303. Награждая усердие и труды учителей и других чиновников учебного ведомства, правительство не оставляет без внимания и посторонних, содействующих благосостоянию учебных заведений. Оно принимает с признательностью все делаемые на пользу их частными людьми или обществами приношения.

304. Сии приношения могут быть всякого рода: здания, удобные для помещения училищ, или вещи, оным нужные, учебные пособия, библиотеки, кабинеты, денежные капиталы или доходы с оных, определяемые на расходы училищ вообще или на содержание воспитанников в оном или же для какой-либо другой особенной цели. Не принимаются только находящиеся в споре капиталы или иные имущества.

305. Сделанное приносителем назначение, если только оно не противно общим государственным установлениям, ни в каком случае не может быть изменено без его согласия.

306. Начальство училища обязано о всех приношениях в пользу оного доносить высшему начальству. О важнейших министерство народного просвещения доводит до сведения е. и. в.

Глава восьмая. О частных учебных заведениях и не служащих в ведомстве министерства народного просвещения учителях

307. Для содействия видам правительства в распространении просвещения дозволяется открывать частные учебные заведения на основании установленных для сего правил.

308. Сии заведения могут быть двух родов: или только для преподавания учения или же с тем вместе и для содержания и вообще для воспитания учеников. Обучать детей обоего пола вместе дозволяется лишь в первых; но и в оных наблюдается установленное в § 13 главы второй для приходских училищ правило, что в сем случае девицы должны быть не старее 11 лет.

309. Никакое частное учебное заведение не может быть открыто без дозволения училищного начальства. Учредитель обязан подать прошение тому местному начальству, к ведению коего должно принадлежать его учебное заведение, и в то же время представить план оного объяснения: 1) какого рода будет сие учебное заведение; 2) какие учебные предметы должны быть в оном преподаваемы; 3) сколько в нем будет учителей и какие именно; 4) какое в оном предполагается наибольшее число учеников; 5) где и какое помещение для них назначается. На ответственность содержателя возлагается принимать в учители только имеющих на сие законные права.

310. Частные заведения, кои по числу учебных предметов не выше училищ уездных, открываются с разрешения директора училищ; для учреждения высших нужно дозволение университета. О всех вновь открываемых частных учебных заведениях доносят, по принадлежности, для сведения: директоры — университетам, а сии — Министерству народного просвещения.

311. Польза от хорошо устроенных частных учебных заведений столь важна и очевидна, что местные начальства обязаны способствовать поддержанию и улучшению оных. Но как случается нередко, что училища учреждаются или содержатся людьми, не имеющими ни познаний, ни нравственных качеств для сего необходимых, то, с другой стороны, сии самые училищные начальства также обязаны иметь тщательный, беспрестанный за оными надзор. Все они по принадлежности, на основании § 3 главы I, подчинены в столицах и губернских городах непосредственному надзору директоров гимназий, а в городах уездных и заштатных — надзору уездного смотрителя училищ.

312—313. [О присмотре за частными учебными заведениями со стороны директора и смотрителя.]

314. Содержатели частных учебных заведений должны так же, как и начальства училищ казенных, обращать особенное, беспрерывное внимание на нравственную часть воспитания вверенных им юношей. Обязанности их и комнатных надзирателей в сем отношении суть те же, кои предписаны директору, инспектору и надзирателям пансионов, учреждаемых при гимназиях.

315. Содержатели частных учебных заведений должны наблюдать и за преподаванием учителей; если откроется, что они по злонамеренности или даже по неосторожности делают воспитанникам вредные внушения, то ответственность в сем случае падает и на содержателя училища так же, как на преподавателей.

316. В числе и распорядке учебных предметов частные заведения должны, по возможности, сближаться с соответствующими степени оных училищами казенными; однако же содержателям дозволяется присовокуплять к сим предметам какую-либо науку, иностранный язык или искусство, соображаясь с местными потребностями или особенною целью заведения.

317. Хотя для единообразия в воспитании и было бы желательно, чтобы в частных учебных заведениях употреблялись лишь те же учебные книги и пособия, кои назначаются для училищ казенных, но правительство не воспрещает, в случае надобности, употреблять и другие, только не иначе, как с одобрения училищного начальства.

318. Содержатели частных учебных заведений обязаны наблюдать, чтобы учители вели журналы классов по принятой в казенных училищах форме и вообще соображались с общими для учителей постановленными правилами.

319. Содержатели частных учебных заведений должны также о каждом вновь принимаемом ими учителе доводить до сведения смотрителя или директора по принадлежности.

320. Учитель не иначе допускается к преподаванию в частных учебных заведениях, как по свидетельству от университета или по крайней мере от директора и старших учителей гимназии, что он имеет способности и знания, нужные для преподавания той науки, коей намерен обучать. При сем наблюдается, чтобы учитель, выдержавший испытание в одном учебном предмете, не обучал другим,

не означенным в свидетельстве от университета или гимназии, ему данном.

321. Из сего общего правила о представлении учителями свидетельств в их способностях и сведениях исключаются: 1) обучающие закону божию священнослужители, получившие воспитание в духовных училищах; 2) учители, не менее трех лет преподававшие какой-либо учебный предмет в казенных училищах и желающие в частном учебном заведении обучать тому же предмету, и 3) учители искусств.

322. В конце учебного года во всех частных заведениях должны быть открытые испытания в присутствии местного училищного начальства.

323. [Об отчетности содержателей частных учебных заведений перед смотрителем и директором.]

324. Учители и учительницы, живущие или обучающие в домах частных людей, обязаны наблюдать общие для учителей установленные правила.

325. Училищное начальство принимает надлежащие меры, дабы никто из не имеющих права обучать не вступал в должность учителей или учительниц даже и в домах частных людей.

(Сборн. постановл. по министерству народного просвещения, т. II.)

О ПРИНЯТИИ МЕР К УСИЛЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧИЛИЩАХ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ [1]

(1832 г.)

Гос. совет в департаменте законов и в общем собрании при разрешении вопроса о введении российского языка в судопроизводство по всей Киевской губ., а также в губерниях: Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской и Белостокской области рассуждал между прочим, что в государстве самодержавном, чем части, его составляющие, однороднее и чем законы единообразнее, тем и управление удобнее. Следовательно, нельзя не желать, чтоб губернии присоединенные и в праве частной их собственности и в языке судебном сколь можно более были сближены с целым. Вопрос о времени и способах сего сближения зависит однако от степени и пространства употребления русского языка в губерниях, от Польши возвращенных Хотя Гос. совету неизвестно с точностью, какие успехи имела русская словесность в сей стране, но из некоторых частных соображений можно с вероятностью заключить, что успехи сии доселе не были значительны. По частным сведениям известно, что первый русский достаточный словарь и первая русская довольно полная грамматика на польском языке явились не прежде, как в 1828 г. При обозрении в 1827 г. белорусских училищ, мало в них найдено следов русской словесности, что и подало повод к отделению их от Виленского округа и к учреждению особенного для них управления.

[1] Данный циркуляр явился одним из репрессивных мероприятий правительства, которые последовали в ответ на польское восстание 1830 г. — *Н. Ж.*

Если же в Белоруссии, чрез 60 лет после ее присоединения, найдено воспитание юношества в сем положении, то, кажется, с достоверностью можно заключать, что оно не лучше и в других губерниях, позже присоединенных. По сим уважениям Гос. совет *положил:* сообщить министру просвещения о принятии мер на счет усиления русского языка в училищах Западных губерний.

Р е з о л ю ц и я: е. и. в. воспоследовавшее мнение в общем собрании Гос. совета о принятии мер на счет усиления русского языка в училищах Западных губерний высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

(Сборн. постановл. по министерству народного просвещения, т. II, стр. 388.)

ПОЛОЖЕНИЕ О РЕАЛЬНЫХ КЛАССАХ ПРИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

(1839 г.)

1. Реальные классы при учебных заведениях министерства народного просвещения учреждаются на первый раз в Туле, Курске, Вильне, Риге и Керчи.

2. Реальные классы в Туле, Вильне и Курске полагаются при тамошних гимназиях, а в Риге и Керчи — при уездных училищах.

3. Реальные классы содержатся из суммы, на технические пособия определенной и состоящей в распоряжении министерства финансов; недостаток же сей суммы пополняется из главного казначейства.

4. Реальные классы состоят под непосредственным начальством директоров гимназий или смотрителей уездных училищ.

5. В классах сих преподаются: практическая химия, практическая механика, рисование и черчение, примененные к искусствам, технология.

П р и м е ч а н и е. При керченском уездном училище преподаются только коммерческие науки и бухгалтерия.

6. Реальные классы, как заведения, назначенные собственно для временного преподавания технических наук и потому не входящие в состав общего училищного курса, открываются в зимние месяцы с 1 октября по конец марта. В классы сии допускаются добровольные посетители не только из учеников того училища, при котором они открыты, но и из других лиц промышленного состояния, желающие обучаться искусствам и ремеслам.

7. Каждый предмет преподается по два часа в неделю. Затем весь реальный курс оканчивается в течение двух зимних полугодий.

8. Предметам реального курса обучаются в гимназиях гимназисты VI и VII, а в уездных училищах — ученики II и III классов.

9. Распределение часов зависит от занятий как обучающих, так и учащихся, и потому на каждую зиму может быть составляемо особое расписание, которое не должно нарушать порядка учения, предписываемого Уставом учебных заведений. Посему, согласно с § 65 Устава, предметы реального курса преподаются не иначе, как в вечернее время, после учебных часов, или в свободное послеобеденное

время: в гимназиях — в среду, по § 152, а в уездных училищах — в среду или субботу, по § 72. Распределение часов учения утверждается попечителем учебного округа и доводится до сведения министерств народного просвещения и финансов.

10. Реальные классы помещаются в зданиях тех же заведений, при которых они учреждены; а если сие невозможно, то помещение требуется от городских обществ; если же и то окажется затруднительным, тогда помещение нанимается на счет технической или другой суммы, по усмотрению министерства финансов.

11. Учители избираются из состоящих уже при гимназиях и уездных училищах, если между ними окажутся такие, которые с пользою могут преподавать технические предметы. В противном случае приглашаются к тому посторонние лица.

12. На вознаграждение состоящих уже при гимназиях и уездных училищах учителей за преподавание реальных предметов в течение 6 месяцев, с октября по март включительно, и на учебные пособия полагается: в Туле, Курске, Вильне и Риге — по 2 тыс., а в Керчи по 1 тыс. руб. ежегодно. Распределение сей суммы предоставляется ближайшему усмотрению попечителей учебных округов.

13. Суммы из вышеупомянутых источников ассигнуются, по распоряжению министерства финансов, из местных уездных казначейств ежегодно к октябрю месяцу сполна, и в отчетности их директоры гимназий и смотрители подлежат тем же правилам, как и по отчетности в прочих казенных суммах.

14. Ежегодно, по окончании реальных курсов, попечители округов обязываются доносить о ходе и успехах преподавания и числе слушателей министру народного просвещения, который с своей стороны сообщает о том министру финансов.

15. Испытание производится по истечении первого полугодичного преподавания и повторяется после второго. Тогда выдаются окончившим реальный курс надлежащие аттестаты, в которых прописываются подробно предметы учения, успехи и поведение. Не оказавшим удовлетворительных успехов на окончательном испытании, равно и выбывающим прежде оного, не выдается ни аттестатов, ни свидетельств.

16. Лица свободного податного состояния, окончившие с успехом курс наук в реальных классах при гимназиях и уездных училищах и заслужившие одобрительные отзывы о поведении их, призываются изъятыми от телесного наказания; сверх того, каждому из них дозволяется, за личное увольнение от рекрутской повинности, при наступлении очереди, вносить в казну по 500 руб. ассигнациями.

17. За слушание реальных курсов не взимается никакой платы, исключая Рижское уездное училище, в котором каждый ученик вносит за полугодие по 10 руб. ассигнациями. Но недостаточные молодые люди освобождаются и там от такового взноса. Деньги сии вносятся в особую шнуровую книгу и, по окончании преподавания, разделяются между учителями по числу их уроков, с разрешения попечителя учебного округа.

(Сборн. постановл. по министерству народного просвещения, т. II.)

ГЛАВНЫЕ НАЧАЛА ШКОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НИКОЛАЯ I В ИЗЛОЖЕНИИ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ УВАРОВА [1]

(1843 г.)

При истечении десятилетия моих занятий по заведыванию министерством народного просвещения я считаю себя обязанным и чувствую необходимость пройти внимательным взглядом все, что в продолжение этого периода сделано по учебному ведомству, волею е. в. мне вверенному.

В образовании народном, в этой многосложной ветви государственного управления, где цель, к которой стремиться должно, поставлена так высоко и отдаленно, где все начинания и действия, по самому свойству вещей, созревают медленно и требуют терпеливости неизменной, было неосторожно стремиться вперед, не обращая взора назад и не соображая прошедшего с будущим. Чем позднее достигаются последние и окончательные результаты, тем необходимее беспристрастным исследованием приобретенных выгод, равно как и встреченных неудач, убеждаться в правильности избранного пути и подкреплять надежды на приближение к мечте далекой, почти невидимой...

Углубляясь в рассмотрение задачи, которую предлежало решить без отлагательства, — независимо от внутренних и местных трудностей этого дела, — разум невольно почти предавался унынию и колебался в своих заключениях при виде общественной бури, и в то время потрясавшей Европу и которой отголосок, слабее или сильнее, достигал и до нас, угрожая опасностью. Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить.

Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного.

Без любви к вере предков, народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего *православия*, сколь и на похищение одного перла из венца мономахова.

Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных в. в.: они чувствуют ее в полной мере, хотя и поставлены на разных степенях гражданской жизни и различествуют в просвещении и в отношении к правительству.

[1] См. введение к III разделу, стр. 204.

Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: *народность*. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского царства. Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет итти назад или останавливаться: она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна.

Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию.

Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа. Просвещение настоящего и будущего поколений, в соединенном духе этих трех начал, составляет бессменно одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и тот священный труд, который доверенность в. в. возложила на мое усердие и рвение.

Естественно, что направление, данное в. в. министерству, и его тройственная формула должны были восстановить некоторым образом против него все, что носило еще отпечаток *либеральных* и *мистических* идей: *либеральных* — ибо министерство, провозглашая *самодержавие,* заявило твердое намерение возвращаться прямым путем к русскому монархическому началу, во всем его объеме; *мистических* потому, что выражение — *православие* — довольно ясно обнаружило стремление министерства ко всему положительному в отношении к предметам христианского верования и удаление от всех мечтательных призраков, слишком часто помрачавших чистоту священных преданий церкви. Наконец и слово *народность* возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за смелое утверждение, что министерство считало Россию возмужалою и достойною итти не позади, а по крайней мере *рядом* с прочими европейскими национальностями. Если б нужно было еще ближе увериться в справедливости избранных начал, то это удостоверение можно было бы найти и в порицании их противниками величия России и в общем радостном сочувствии, с коим эти заветные слова были приняты в отечестве всеми приверженцами существующего порядка. В царствование в. в. главная задача по министерству народного просвещения состояла в том, чтоб собрать и соединить в руках правительства все умственные силы, дотоле раздробленные, все средства общего и частного образования, оставшиеся без уважения и частью без надзора, все элементы, принявшие направление неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитие умов потребностям государства,

обеспечить, сколько дано человеческому размышлению, будущее в настоящем. После девятилетнего периода можно безошибочно сказать, что начала, избранные в. в-вом, и управлявшие беспрерывно под моим руководством министерством народного просвещения, выдержали опыт времени и обстоятельств, явили в себе залог безопасности, оплот порядка и верное врачевание случайных недугов.

(Десятилетие министерства народного просвещения, СПБ. 1844.)

О МЕРАХ К ЗАТРУДНЕНИЮ ПРИЛИВА УЧАЩИХСЯ В ГИМНАЗИИ

(1845 г.)

Доклад. По всеподданнейшей докладной записке моей, 9-го сего июня, о возвышении платы за учение, в. и. в. благоугодно было повелеть: «Сообразить, нет ли способов затруднить доступ в гимназии для разночинцев».

Считаю обязанностью довесть в. в., что по этому предмету приняты уже министерством народного просвещения меры решительные, которые, по введении их в однообразное наблюдение, произведут, как я позволяю себе думать, желаемые последствия. По поводу представления исправляющего должность смоленского гражданского губернатора о дозволении купеческим детям продолжать беспрепятственно гимназические курсы я внес, 3-го сего июня, в Комитет министров записку — о средствах устранить от гимназий детей купцов, мещан и других податного состояния. Комитет министров согласился с моим мнением, и я надеюсь, что в следующем журнале комитета дело это поднесется на высочайшее усмотрение и утверждение. С запрещением принимать в гимназии без увольнительных свидетельств купцов и мещан заведения сии сделаются преимущественно местом воспитания для детей дворян и чиновников; среднее сословие обратится в уездные училища.

Я постоянно имею в виду цель, указанную в. и. в., и только из осторожности и согласно с известными мне намерениями вашими предпочитаю дробить средства, к ней постоянно ведущие. По сим уважениям и мера относительно детей среднего сословия постановляется отдельно от возвышения платы за учение.

В рассуждении сей последней в. в. благоугодно, чтобы ныне же сделана была прибавка гораздо значительнейшая.

Приемлю смелость представить на всемилостивейшее внимание, что количество платы предположено министерством не произвольно, но по соображению местных средств и на основании тех предварительных данных, которые доставлены начальствами учебных округов. Благоволите, государь, дозволить мне изъявить чистосердечно опасение, что значительное вдруг увеличение платы за учение может затруднить министерству способы удержать за публичным воспитанием в его заведениях перевес над воспитанием домашним и частным. В течение 12 лет постоянно были направлены к этому мои усилия, и хотя ныне намерения мои осуществлены в значительной степени, хотя в империи опасения на этот счет не так велики, как в Царстве польском, однако я вменяю себе в священный долг не скрыть пред в. в., что для губерний

юго-западного края империи это составляет обстоятельство особенной важности. В самой России плата за учение есть установление не очень давнее. Доселе все привыкли к мысли, что у нас образование народное есть великодушный дар щедрого правительства.

Я осмелился бы всеподданнейше испрашивать дозволения в. и. в. отложить еще на пять лет большее увеличение платы; и введя ее ныне, как первоначально предполагалось на основании донесений учебных начальств, по истечении означенного срока возвысить до той степени, как в. и. в. изволили указать на докладной записке моей.

Одно одобрительное доверие, которым в. в. осчастливили действия министерства народного просвещения в исполнении предначертаний ваших, внушает мне смелость повергнуть сии соображения мои на всемилостивейшее уважение.

На подлинном е. и. в. собственною рукою написано:

«Согласен на три года; считаю полезным детей купцов 1-й гильдии в гимназии допускать».

(Сборн. постановл. по министерству народного просвещения, т. II, ч. 2-я.)

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБ УСУГУБЛЕНИИ НАДЗОРА ПО ВОСПИТАНИЮ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

(1848 г.)

Новейшие события на западе Европы ознаменовались восстанием против законных властей и посягательством на государственный порядок. Мятеж, вспыхнувший во Франции, поспешно отозвался в Германии, угрожая гибельным своим влиянием всякому благоустроенному гражданскому обществу. Чтобы пагубные мудрования преступных нововводителей не могли проникнуть в многочисленные учебные заведения наши, считаю священною обязанностью обратить внимание вашего превосходительства: 1) на дух преподавания вообще в училищах и в особенности в университете вверенного вам округа; 2) на поведение и образ мыслей студентов университета, лицея и воспитанников гимназий; 3) на благонадежность начальников, наставников и воспитателей, употребленных к образованию юношества и 4) на частные учебные заведения и пансионы, особенно на содержимые иностранцами. Конечно, надежнейшее средство сохранить юношество от заразы вольнодумства есть: во-первых, отчетливое преподавание закона божия, с ближайшим указанием на прямые обязанности верноподданных; во-вторых, в недопущении, при преподавании прочих учебных предметов, ничего такого, чтобы могло в незрелом еще уме юношей поколебать веру или уменьшить убеждение в необходимости и пользе основных учреждений нашего правительства, и в-третьих, в бдительном и строгом наблюдении за нравственностью учащихся. Чтобы достигнуть вполне этой, всегда важной, но по настоящим обстоятельствам еще важнейшей цели, необходимо и вашему превосходительству и подчиненным вам начальствам учебных заведений усугубить за ними надзор и не упускать из виду ни одного обстоятельства, которое может благоприятствовать к сохранению между

учащимися доброго духа, покорности властям и преданности к правительству. Известное мне усердие вашего превосходительства служит ручательством в добросовестном исполнении этого предписания, а о мерах, которые вы признаете за нужное употребить к тому, я буду ожидать вашего донесения.

(Сборн. распор. по министерству народного просвещения, т. II, стр. 995.)

ОБ ИЗМЕНЕНИИ УСТАВА ГИМНАЗИИ В НАПРАВЛЕНИИ БИФУРКАЦИИ ЕЕ С V КЛАССА И УСИЛЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ОБУЧЕНИЯ

(1849 г.)

Гос. совет в департаменте законов и в общем собрании, рассмотрев представление министра народного просвещения об изменении § 145 и 235 Устава гимназий и училищ уездных и приходских, согласно с министром, мнением положил: в изменение и дополнение подлежащих §§ Устава гимназий и училищ уездных и приходских постановить: а) Соответственно двоякой цели гимназий, в § 134 Устава оных указанной, желающие продолжать учение в университетах обязаны приобрести в гимназиях основательное знание латинского языка, к какому бы факультету ни приготовлялись, а для I отделения философского факультета, сверх латинского, должно основательно обучиться и греческому языку. Воспитанники же, намеревающиеся вступить прямо в военную или гражданскую службу, вместо древних языков, занимаются: желающие определиться в службу военную — математикою, а в службу гражданскую — русским законоведением, преподавание коего будет, по мере возможности, вводимо во все гимназии. б) В число воспитанников гимназий допускаются, как и иные, сверх лиц, имеющих по происхождению своему право на вступление в государственную службу, и все лица свободных состояний, но всегда не иначе, как по предварительном, на законном основании, увольнении их из прежнего сословия. По окончании гимназического курса, отличнейшие из воспитанников вообще награждаются золотыми и серебряными медалями, похвальными листами и книгами, по усмотрению совета гимназии и с утверждения попечителя учебного округа. Те из окончивших с полным успехом курс гимназии воспитанников, которые, имея право по происхождению своему вступать в государственную службу, приобретут притом особенные и отличные познания в русском законоведении, награждаются при выпуске из гимназии чином XIV класса. Воспитанники же из детей личных почетных граждан, купцов и мещан, удостоенные награды золотою или серебряною медалью, получают лично звание почетного гражданина.

Р е з о л ю ц и я: е. и. в. воспоследовавшее мнение в общем собрании Гос. совета об изменении § 145 и 235 Устава гимназий и училищ уездных и приходских высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

Вместе с тем, высочайше утвержденным по журналу Гос. совета заключением оного предоставлено министру народного просвещения для исполнения постановляемых ныне вышеизложенных мер сделать все

необходимые, зависящие от него в учебном отношении распоряжения, не выходя лишь из назначенной по сметам на содержание гимназий суммы и не допуская никаких новых по сему предмету из гос. казначейства расходов.

Вследствие сего, в изменение и дополнение § 144, 145, 146, 152, 153, 235 и 254 Устава гимназий, постановляется:

1) Курс гимназического учения, вмещаясь, согласно Уставу, в семи классах, делится на *общее* (первоначальное) и *специальное* обучение.

2) Специальное обучение начинается с IV класса.

3) Распределение учебных предметов, сообразно такому разделению и цели, обозначается в прилагаемой при сем таблице.

4) До IV класса гимназии воспитанники учатся все вместе: закону божию, русскому языку, математике, географии всеобщей и русской, немецкому и французскому языкам, чистописанию, черчению и рисованию.

5) В высших четырех классах, назначенных для специального учения, вводятся особые предметы, а некоторые усиливаются, сообразно требованию будущего назначения воспитанников. Посему воспитанники в этих классах обучаются вместе: закону божию, физике и математической географии, истории всеобщей и русской, немецкому и французскому языкам; кроме того, имеют общий курс русского и славянского языков и математики (за исключением особых уроков для воспитанников, желающих прямо из гимназии поступить на службу).

6) Для воспитанников, намеревающихся выйти из гимназии на службу, назначаются: а) по *русскому языку* — сверх общего курса, два особенные урока в IV классе для занятий практических; б) по *математике* — сверх общего курса, также два особенные урока в IV классе для арифметических задач в применении к практике, и в) преподавание *законоведения* — с V класса, в котором воспитанники достаточно уже развиты для слушания с пользою уроков этого предмета. Программа преподавания законоведения будет доставлена от министерства.

7) Для воспитанников, приготовляющихся в университеты, назначаются: *латинский* и *греческий языки*, оба с IV класса, и последний для тех, кои намерены избрать в университете первое отделение философского факультета.

8) Преподавание всех предметов гимназического учения по курсам как общему, так и специальному распределяется между штатными преподавателями. Для латинского же языка, коего преподавание начинается только с IV класса, полагается на будущее время один учитель.

9) Для облегчения учащихся, в особенности приходящих, все уроки оканчиваются до обеда, полагая на каждый урок по одному часу с четвертью, с следующим разделением: уроки начинаются в 9 часов по утру и в 11½ часов оканчиваются первые два урока; после сего полагается ½ часа на отдых; засим с 12 до 2½ часов следуют остальные два урока.

10) Жалованье преподавателям производится на прежнем основании в размере, штатами определенном. Жалованье второго старшего учителя латинского языка, с постепенным выбытием лиц, занимающих эту должность, переходит к учителю законоведения в тех гимназиях, где для сего последнего предмета нет особых денежных средств.

11) Преподавателям, у которых число учебных часов значительно

увеличено, могут быть испрашиваемы прибавки к штатному жалованью из сумм, собираемых за учение с приходящих учеников.

(Сборн. постановл. по министерству народного просвещения, т. II, ч. 2.)

О ПРЕКРАЩЕНИИ В ГИМНАЗИЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА И ЗАМЕНЕ СЕГО ПРЕДМЕТА КУРСОМ НАУК ЕСТЕСТВЕННЫХ

(1851 г.)

Доклад. В. и. величеству благоугодно было высочайше повелеть мне представить мнение: не полагаю ли я, также, как в. в., что преподавание греческого языка *во всех гимназиях* совершенно лишне. В. в. изволите находить достаточным оставить преподавание сего языка только в некоторых гимназиях, как-то: в Нежине и в Таганроге, в прочих же отменить, и засим исключить из сметы жалованье греческим учителям в упраздненных местах.

Имею счастье всеподданнейше донести: 1) Удостоверившись личным обозрением в прошлом и текущем годах значительного числа гимназий, что преподавание, если не во всех, то по крайней мере во многих сего рода заведениях, греческого языка излишне, я намерен уже был соображения мои по этому предмету представить на высочайшее усмотрение. 2) Что из числа состоящих ныне в империи 74 гимназий греческий язык преподается только в 45. Из них в Ровенской гимназии обучает этому предмету законоучитель православного исповедания безвозмездно. 3) Я предполагал оставить преподавание греческого языка: а) в городах, где находятся университеты, именно в С.-Петербурге, Москве, Дерпте, Киеве, Харькове и Казани, с назначением по одной гимназии в каждом для приготовления молодых людей к поступлению в университеты по историко-филологическому факультету, в который никто не принимается без знания греческого языка; б) в одной из одесской, таганрогской, нежинской и кишиневской гимназиях, по значительности там греческого населения и в) в главных городах Остзейских губерний: в Риге, Ревеле и Митаве, по уважению к особому устройству гимназий Дерптского учебного округа, имеющих преимущественно целью *филологическое* приготовление молодых людей к высшему образованию, по каковой причине эти заведения оставлены на прежнем основании и в 1849 г., когда введено было преподавание законоведения во все прочие гимназии. 4) Не смею скрыть от в. в., что, с упразднением в остальных затем 31 гимназиях обучения греческому языку, я признавал не только полезным, но и необходимым заменить этот предмет введением в гимназический курс *наук естественных,* которые, составляя потребность современного образования, преподаются в сокращенном объеме не только в военно-учебных заведениях, но даже и в состоящих под покровительством государыни императрицы институтах для воспитания девиц. На сей конец я полагал в помянутых 31 гимназиях жалованье старших учителей греческого языка обратить к производству старшим учителям естественных наук, стараясь вводить преподавание последних и в те гимназии, где вовсе не обучали греческому языку, если только

откроются к тому денежные средства. По мнению моему, с допущением этой меры не только довершилась бы полнота образования учеников, намеревающихся прямо из гимназий поступить в гражданскую службу, но и ощутительно облегчилось бы подробное и основательное изучение естественных наук для студентов физико-математического и медицинского факультетов, о чем неоднократно и убедительно просили меня профессоры естественных наук. 5) Прекратить преподавание греческого языка и уволить со службы учителей этого предмета я находил удобнейшим с окончанием учебного года, в июле месяце, дабы ученики, готовящиеся к выпуску из гимназии, могли окончательно воспользоваться преподаванием означенного языка, а те, которые должны еще продолжать гимназическое учение, имели возможность озаботиться во время каникул переходом в те гимназии, где в числе прочих учебных предметов оставлен будет и греческий язык.

Такое заключение мое осмеливаюсь всеподданнейше повергнуть на высочайшее воззрение в. и. в.

Резолюция: «согласен».

(Сборн. постановл. по министерству народного просвещения, т. II, ч. 2.)

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В РОССИИ ЗА ПЕРИОД 1830—1858 гг.

а) По университетам и гимназиям

Годы	В университетах	В других высших учебных заведениях	В гимназиях	Число гимназий	Всего учащихся в высших и средних учебных заведениях
1830	3 317		Не показано	62	
1831	2 201	Не показано		61	
1837	2 307	593	16 506	69	19 406
1838	2 446	397	17 403	70	20 246
1839	2 465	299	16 753	72	19 517
1840	2 740	1 069	16 854	73	19 663
1841	2 858	706	16 896	74	20 460
1842 . . .	2 884	604	17 006	74	20 494
1843	2 966	513	17 890	74	21 369
1844 . . .	3 274	480	19 453	74	23 207
1845	3 516	473	20 436	75	24 425
1846	3 826	513	20 820	75	25 159
1847	4 004	508	21 082	75	25 602
1848	4 006	461	19 496	75	23 963
1849	3 956	498	19 428	74	23 882
1850	3 018	503	18 764	74	22 285
1851	3 116	494	18 192	74	21 802
1852	3 112	489	18 327	76	21 928
1853	3 443	524	17 868	76	21 835
1854	3 551	446	17 827	76	21 824
1855	3 659	366	17 817	76	21 842
1856	4 168	314	19 098	77	23 580
1857	4 714	285	20 274	77	25 273
1858	4 884	317	22 270	78	27 471

б) По уездным и приходским училищам

Годы	Число уездных училищ	В них учащихся	Число приходских училищ	В них учащихся	Число частных училищ	В них учащихся	Всего учащихся
1830	416		718		402		79 420[1]
1831	392		469		345		68 367[1]
1837	427		840		436		73 260
1838	430		873		485		74 823
1839	435		911		475		75 602
1840	439		983		486		77 898
1841	442		1 021		481		77 030
1842	445		1 067		521		79 261
1843	445		1 059		562		83 999
1844	447		1 070		607		85 447
1845	447		1 047		585		83 966
1846	449		1 011		594		85 774
1847	451		1 010		597		88 931
1848	450		1 050		601		87 612
1849	431	27 198	1 065	43 203	599	15 244	85 645
1850	433	26 262	1 062	44 397	567	20 472	91 131
1851	434	25 834	1 068	44 723	592	23 358	93 915
1852	440	27 937	1 077	47 441	602	20 518	95 896
1853	440	27 725	1 125	48 832	633	20 946	97 503
1854	439	27 992	1 140	49 937	640	19 592	97 521
1855	439	27 309	1 106	49 101	614	17 888	94 298
1856	438	27 600	1 085	49 934	615	17 781	95 315
1857	437	28 266	1 095	52 815	637	14 678	95 689
1858	431	28 358	1 129	53 659	668	15 297	97 314

Отдельно не показано

в) Социальный состав учащихся по С.-Петербургскому учебному округу в 1853 г.

	Всего учащихся	Из них дворян	Остальных сословий
В университетах	424	299	125
„ гимназиях	2 831	2 265	566
„ уездных училищах	4 686	1 814	2 872
„ приходских (городских) училищах . .	7 613	883	6 730
„ частных пансионах и школах	6 153	2 960	3 192

(Князьков и Сербов, Очерк истории народного образования в России, М. 1910 г., стр. 210 и 221—222)

[1] Вместе с учащимися в гимназиях и университетах.

ГЛАВА IV

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

И. П. Пнин [5]

«ОПЫТ О ПРОСВЕЩЕНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО РОССИИ»
(1804 г.)

В чем состоять должно истинное просвещение?

Из всех политических предметов ни один столько не занимает философов, как сей. Сколько издано книг о народном просвещении! Каждый философ не упустил в свою чреду соорудить систему и предложить оную свету как самую удобнейшую, по крайней мере, по его мнению. И поистине предмет сей по своей важности заслуживает величайшее внимание, особливо со стороны такого государя, которому самые обстоятельства споспешествуют в желаниях для образования народов, ему подвластных.

Просвещение, в настоящем смысле приемлемое, состоит в том, когда каждый член общества, в каком бы звании ни находился, совершенно знает и исполняет свои должности: то есть, когда начальство с своей стороны свято исполняет обязанности вверенной оному власти, а нижнего разряда люди ненарушимо исполняют обязанности своего повиновения. Если сии два состояния не переступают своих мер, сохраняя должное в отношениях своих равновесие, тогда просвещение достигло желаемой цели. Есть люди, которые о просвещении народа заключают по числу их сочинителей: то есть там, где больше находится сочинителей, там более и просвещения. По мнению сих людей, Франция должна бы почесться наипросвещеннейшею страною в свете, потому что она обильнее всех прочих своими писателями. Но сколь при всей ее блистательной учености далеко еще отстоит она от истинного образования. Ибо там, где царствует просвещение, там спокойствие и блаженство суть уделом каждого гражданина. Но доколе власть во зло употребляет доверенность, обществом ей делаемую, доколе подчиненность не перестает выходить из своих пределов и доколе равновесие гражданственных взаимностей теряется, дотоле та страна, хотя бы она состояла вся из ученых и философов, едва ли счастливее той, которая покрыта мраком невежества.

Руководство к просвещению главнейших государственных сословий в России

Гражданское просвещение должно иметь главнейшей целью доставление каждому нужных познаний, дабы приличным образом исполнять должности, для которых он призван в общество.

Но как сии должности не могут быть одинаковы, потому что общество заключает в себе различные классы граждан, то из сего следует, что каждый общественный член должен иметь просвещение, соответственное состоянию, в котором он находится, ремеслу, которым он занимается, и роду жизни, который он ведет.

Если мы бросим взор наш на состав многочисленного народа, коего все члены соединены между собою общим условием, то увидим, что все граждане в оном занимают места общественной пользы и что правительство, наилучшим образом устроенное, что народ наисчастливейший есть тот, в котором каждый гражданин находится на своем месте, в котором никто из них не забыт, где должности во всех их степенях уважены и где правительство, обо всем пекущееся, сохраняет порядок во всех частях и защищает права каждого разряда граждан.

Приняв сие за основание и уверясь, что просвещение не должно быть для всех граждан одинаковое, остается теперь определить, в чем именно оное, в рассуждении вышеупоминаемых мною состояний, заключаться должно? Я начну по порядку из оных, и, не входя во все подробности, означу только главнейшие правила, могущие послужить основанием для составления тех книг, которые необходимо нужно будет приготовить для единообразного в училищах учения и нравственного граждан образования.

Добродетели, определяемые мною для каждого из сих сословий, должны быть поставлены девизами на всех *нравственных уставах*, которые для них издать нужно будет,

и потому:

1) *Трудолюбие и трезвость* да будет девизом на уставе, назначенном для училищ земледельческих.

2) Но как таковой устав не на иной какой конец издан быть должен, как чтобы самым удобнейшим средством служить к истинному просвещению земледельца, то из сего следует, что первейшее познание земледельца должно состоять в познании своего звания и своих должностей. Ибо, что может быть к нему ближе самого себя? Почему и нужно прежде всего определить:

3) Что такое есть земледелец?

4) Сколько есть родов земледельцев?

5) Что значат они в государстве?

6) Что такое есть государство?

7) Как оно именуется?

8) Какой имеет оно род правления?

9) Показав, что оно монархическое, или самодержавное должно определить:

10) Что такое есть монарх или государь?

11) В чем состоит верховная власть?

12) Какие суть еще учрежденные власти или начальства в России?

13) Посредством чего оные действуют?

14) Познание сих начальствующих властей необходимо для земледельцев нужно, потому что они в беспрерывных находятся с ними отношениях. Одни предписывают, другие исполняют.

15) Отсюда проистекают взаимные обязанности: *обязанности власти и обязанности подчинения.*

16) В чем состоят и те и другие?

17) Кто несет общественные обязанности, тот должен также иметь и права свои.

18) Следовательно, земледелец не должен быть лишен прав, ему принадлежащих.

19) Нужно определить, что такое есть право и в чем оно состоять должно.

20) Но как из всех гражданских прав самое первейшее и самое священнейшее есть право собственности, то из сего следует, что земледелец должен иметь собственность, что собственность его должна быть неприкосновенна и охраняемая законом.

21) Тут следует сказать: что такое есть закон и кому принадлежит власть предписывать оные?

22) Что такое есть собственность и как она приобретается?

23) Определив таким образом обязанности, права, собственность земледельцев, нужно наипаче внушать им пользы и счастие, сопряженные с трудолюбивою и трезвою жизнию.

24) Наконец, как никакая нравственность без религии существовать не может, то для сего надлежит дать земледельцам чистое понятие о боге, о вере и должностях христианина.

Вот главнейшие правила, которые почитаю я довольно достаточными к составлению устава для нравственного образования граждан сего сословия.

По сему уставу должно обучать чтению (возложив должность сию на приходских священников), что принесет двоякую пользу, ибо учащийся по оному не только научится читать, но непременным образом познает и те должности, которые некогда обязан он нести в обществе, познает, что такое он есть и к чему предназначается. Следовательно, нечувствительно образуется со стороны нравственности.

Приходские училища должны быть для всех открыты, несмотря ни на лета, ни на возрасты.

Рассмотрим теперь, в чем состоять должно учение земледельцев

Как жребий земледельцев есть трудиться и обрабатывать землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей, то из сего следует, что единственною целию их должно быть земледелие, которое дотоле не придет в цветущее состояние, дотоле не достигнет своего совершенства, доколе правительство с своей стороны не употребит на то всего своего внимания, своих пособий и поощрения.

Итак, когда земледелие есть единственная цель земледельца, то

весьма естественно, чтоб и учение его не на иной какой предмет обращено было, как на предмет, сему предназначению его соответственнейший. Словом, земледельца должно обучать земледелию.

Земледелие, как и все науки, имеет свои правила, может обогащаться опытом всех народов, и тщетно было бы ожидать того от времени, что познания нам доставить могут. Ибо привычка в полевых работах, употребляемые способы, из рода в род переданные, удаляют даже самую мысль усовершенствования.

Для чего должно, чтобы сведующие люди исследовали без предрассудков, испытали без страсти и предлагали без исступления все, что земледелие представить может со стороны открытий и усовершенствований. Дабы убедить недоверчивого и предубежденного земледельца, должно показать ему следствия, от опытов происшедшие, должно, чтобы он ясно видел и уверился, что то, что ему предлагаешь, пред тем, чему уже он привык последовать, несравненно лучше, удобнее и выгоднее. Сим только образом можно распространять полезные средства, коих успехи будут несомнительны.

Образование сих земледельческих или приходских училищ должно быть столько же просто, как и предмет их.

И поэтому два класса почитаю я достаточным для составления оных.

Первый класс иметь будет предметом сельскую механику, то есть сельские строения и все механические орудия, могущие служить в пользу и облегчение земледелия.

Второй класс будет иметь предметом свойства и обрабатывание земель, также свойства и сохранение семян, сбережение плодов; работу естественных и искусственных лугов, болот, вычищение земли для соделания ее удобною к хлебопашеству; наконец, воспитание, приведение в лучшее состояние скота и искусство лечения оного.

Если учение сим предметам присовокупится к учению чтения, письма и первых действий арифметики, как то во II главе в 32 параграфе предварительных правил народного просвещения предписано, и когда оное, наподобие выше предложенных мною для составления нравственного устава правил, приведено будет в систематический к удобнейшему преподаванию порядок, тогда граждане сего сословия получат все нужные к просвещению своему способы. Государство в сих всеобщих питателях найдет со временем истинных своих сынов, которые, имея сердце, образованное нравственностью, а ум учением, будут надлежащим образом исполнять свои должности, с пользою служить своему отечеству, питая в душе своей благодарность к монарху, об них пекущемуся.

Правила, руководствующие к просвещению мещанского сословия

Мещане, составляя средний род людей в России, пользуясь вольностью, не причисляются ни к земледельцам, ни к дворянству. Государство от граждан сего состояния много может ожидать добра, если только получит оно приличное направление, т. е. когда правительство обратит на него свое внимание и поставит его на ту степень общественной пользы, от которой оно теперь столь далеко еще отстоит.

Мещане столько же имеют нужды в нравственном образовании, сколько и в обучении наукам, к званию их принадлежащим. Следовательно, надобно для них также заготовить *нравственный* устав, поставя на нем девизом добродетели, для них назначенные, и который по многим отношениям заключал бы в себе правила, предложенные мною выше для устава земледельческого, с тою только разностию, что правила, коим будут руководствоваться в составлении сего устава, должны как можно ближе применены быть к их состоянию. Например, они могут быть следующего содержания:

1) Мещане прежде всего знать должны, что такое есть мещанин?

2) Какое место занимает он в государстве?

3) Какие суть его в рассуждении государства обязанности?

4) Какие предоставлены ему в оном права и привилегии?

5) Что нужно наблюдать ему, дабы сохранить оные, и чего избегать, дабы их не лишиться?

6) Мещанин обязан также знать все отечественные постановления, потому что сие составляет важнейшую часть его должностей.

7) Равномерно *любовь к отечеству* и к общественному добру должна составлять драгоценное чувство души его. Бессмертный *Минин* может в сем случае руководствовать мещан по пути, ведущему к сим благороднейшим предметам [1].

8) Надобно стараться возбуждать в мещанах любовь к их состоянию, сколько возможно привязывать их к оному, и дабы приобретение богатства не рождало в них отвращение к их званию, как то из опытов видно, что почти все разбогатевшие купцы гнушаются быть купцами и всячески изыскивают случаи, если не себя, то детей своих поделать дворянами.

9) Нужно внушать им, что не в титлах состоят истинные достоинства, но в честности и бескорыстии, без коих никакие титла не защитят от бесславия и презрения.

10) Определив права, привилегии и обязанности мещанина в рассуждении государства, надлежит показать ему, чем обязан он в рассуждении своего ближнего, как подобного ему члена общества.

11) Для чего наставление в религии должно составлять часть нравственного устава.

12) Наконец, сколько возможно стараться надобно поселять в мещан, купеческому званию себя посвящающих, назначаемые для них добродетели, т. е. *исправность и честность*, исполнение коих может только утвердить славу их и их благосостояние.

Сии правила, по мнению моему, необходимы к составлению нравственного для купцов устава, который может также служить и для мещан, различного рода ремеслам, искусствам и художествам себя посвятившим. Ибо сие неоспоримо, что самый последний ремесленник должен непременно знать как права свои и обязанности в рассуждении государства, так и обязанности свои в рассуждении ближнего, и что добронравие и трудолюбие суть такие добродетели, без которых он ни

[1] История свидетельствует, что Минин, одушевленный любовью к отечеству, для спасения оного пожертвовал всем своим имением и своею жизнию.

благосостояния, ни счастия приобрести не может. Впрочем, издание сего устава всеобщую принесет пользу, ибо родители, обучающие у себя в доме чтению детей своих, конечно, предпочтут оный всем прочим книгам, по необходимости теперь им для обучения чтению употребляемым, и, следовательно, для определения еще детей своих в училища, приуготовят уже чрез сие половину желаемого дела.

Учебные предметы для мещан, посвятивших себя купеческому званию

Напрасно было бы исчислять пользы, получаемые государством от торговли. Для всякого, кто хотя сколько-нибудь занимался сего рода предметом, оные ощутительны. Торговля почесться может общею для всех народов стихиею, ибо нет нации, которая бы более или менее не отправляла оной. Россия как по пространному своему владычеству, так и по богатству природных своих произведений занимая первейшее между всеми державами в свете место, по сему самому требует, дабы правительство с своей стороны возможнейшее употребило внимание на усовершенствование сей толико важной государственной отрасли. Но как успехи торговли зависят от степени просвещения граждан, оную производящих, и что никакое полезнейшее учреждение, никакое намерение законодателя без сего просвещения не могут иметь надлежащего исполнения, то сие самое объясняет уже необходимую нужду в заведении таких училищ, которые бы служили особенно к нравственному обучению купцов наукам, званию их приличествующим. Словом, заведение коммерческих училищ столько же для России нужно, сколько и самая торговля.

В пункте 6 главы I предварительных правил народного просвещения назначается в каждом уездном городе быть *по крайней мере одному уездному училищу*; следовательно, сим училищам определенного числа нет, и что их может быть и более одного. Я с моей стороны за весьма полезное почитаю, когда в некоторых городах, смотря по *местному их положению* и по *состоянию их жителей,* учреждено будет по *два училища,* из которых бы в одном обучали бы мещан, различного рода ремеслам, искусствам и художествам себя посвятивших, а в другом обучали бы только тех, которые определили себя званию купеческому. И сие последнее по самому существу своему составит уже *купеческое,* или *коммерческое, училище.*

Распоряжение учения в сих училищах может быть следующее:

В первом из оных, т. е. в *училище мещанском,* долженствующем состоять из двух, нижнего и верхнего, классов, *в нижнем классе* преподавать надлежит:

1) российское чтение, чистописание;
2) также чтение и чистописание языка местного, как-то: польского, немецкого, татарского и пр.;
3) грамматику всех сих языков;
4) первую часть арифметики;
5) частное познание Российской империи;
6) сокращение и главные эпохи российской истории;
7) введение во всеобщую историю и географию;

В верхнем классе:

1) вторую часть арифметики;
2) геометрию и тригонометрию;
3) математическое и физическое познание земного шара;
4) физику;
5) естественную историю и технологию;
6) практические знания, полезные для местной промышленности и потребности края.

Во втором училище, т. е. *коммерческом*, сверх сих вышеозначенных предметов обучать нужно:

1) чтению, чистописанию и грамматике английского языка;
2) алгебре;
3) купеческим счетам всех родов;
4) простой и двойной бухгалтерии;
5) истории коммерции и навигации, познанию торговли и товаров и, наконец,
6) сокращению всего человеческого познания и диэтетике.

Если в которых уездных городах не будет надобности в *двух училищах*, в таком случае можно все вышепрописанные *учебные предметы преподавать в одном училище*, распорядя учение оным на пристойное число классов, через что как ремесленники, так и купцы получат все нужные способы к своему просвещению.

Не бесполезно заметить здесь, что воля, предоставленная учителям в некоторых училищах следовать собственному их в учении методу, и что неимение книг, долженствующих нарочито быть от правительства изданными к руководствованию учителей в единообразном преподавании наук, — все сие не только не может произвесть успехов, от училищ ожидаемых, но даже лишает надежды увидеть оные в надлежащей их силе. Ибо хотя и есть такие учители, на достоинства и способности коих положиться можно, однако же большая часть из них таких, которым произвольного выбора авторов для руководствования своего обучения предметам никак вверить не можно. Сие есть дело правительства, имеющего в руках своих все нужные для того способы, и которое обязано стараться об издании классических книг, по коим бы должны были обучать учители, наблюдая при этом сколько возможно *единство* в методе и правилах.

Приступим теперь к рассмотрению, в чем должно состоять просвещение дворян

Правительство во все времена наиболее обращало внимание свое на сие государственное сословие. Между всеми благодетельными его в пользу дворян заведениями не оставлены были и те, которые могли только служить к их просвещению. Для дворян учреждены были корпусы, училища, когда все прочие гражданственные состояния были правительством забыты и пребывали во мраке своего ничтожества. Наконец, время, которое на все простирает свое владычество, все преобразует, видя несправедливость, угнетавшую столь долго нижнего разряда граждан, державши их в самом глубочайшем не-

вежестве, восстало против оной и, желая утвердить благоденствие России, даровало ей Александра, сего кроткого, человеколюбивого монарха, который едва только взошел на престол предков своих, и уже гений просвещения обтекает пространство пределов российских, переходит из одного состояния в другое и озаряет все оные благодетельным светом своим.

Дворяне, без всякого сомнения, требуют преимущественнейшего пред прочими просвещения, поелику отечество должно находить в них как храбрых своих защитников, искусных и добродетельных героев, так и мудрых, честных, справедливых владельцев и судей. Но посредством чего можно посеять в них сии толь необходимые качества? Единственно посредством воспитания, отвечаю я.

Если рассмотреть учреждения, для воспитания благородного юношества ныне существующие, то увидим, что большая часть оных отдалена от настоящего предмета. Все воспитание ограничивается учением; следовательно, юношество учится, а не воспитывается. В некоторых корпусах главное старание прилагают, чтобы дети умели проворно делать ружьем, хорошо маршировали, и сим с безмерною строгостию учением занимают их более, нежели учением существеннейших наук, долженствующих образовать и приуготовить их к занятию с достоинством и честию тех мест, на которые они по выпуске их из корпуса поступить обязаны. В сей механической экзерциции состоит вся тактика, в корпусах преподаваемая. Почему всякий судить может, сколь тактика сего рода удобна произвести искусных офицеров и генералов.

Поручение начальства над воспитанием благородного юношества должно от правительства самым строжайшим образом быть избираемо. Ибо что может быть драгоценнее залога, частное и общественное благоденствие в себе заключающего! Г. Бестужев в книге своей под названием «Опыт военного воспитания относительно благородного юношества» весьма основательно начертал как систему нравственного образования и учения сего разряда граждан, так и достоинства, долженствующие украшать начальника и всех имеющих над воспитанниками смотрение. Сия книга весьма полезна, особливо для такого правительства, которое печется об общественном воспитании, без коего государство не может быть ни сильно, ни счастливо. Сия книга весьма много облегчила труд мой, потому что она заключает в себе почти все, что нужно к составлению *нравственного* для дворян *устава,* и также все *учебные предметы,* для них необходимые; почему нет надобности назначать мне здесь нарочито правил, нужных к сочинению сего устава и метода учения для благородного юношества. Г. Бестужев изданною им книгою прекрасно уже разрешил вопрос, в чем должно состоять просвещение дворян. Я замечу только следующее:

Корпусы, будучи единственным местом, в которые дворяне наиболее стараются отдавать детей своих, по сему самому требуют, дабы оные так учреждены были, чтобы не только приуготовлялись в них люди, способные к службе военной, но и гражданственной. Надобно, чтобы офицер был и искусный воин и знающий судия. Ежедневный опыт доказывает нам, сколь великое проистекает от того зло, когда выпущен-

ные из корпусов офицеры, прослужа несколько лет, переходят в статскую службу, не имея надлежащего сведения ни в гражданских делах, ни в законах, ни в отечественных постановлениях. Горестно исчислять несчастия, бывающие обыкновенным последствием сего неведения! Нередко, занимая важнейшие государственные должности, вместо того, чтобы защитить невинного, спасти несправедливым образом притесняемого человека, не только не умеют подать ему должной помощи, но еще делаются орудием совершенной его погибели. Сие происходит оттого, что, сами будучи в невежестве, принужденными находятся прибегать к знанию людей посторонних, поручать им дела, которые бы сами отправлять должны были, и сии люди, называемые секретарями, на совесть которых не всегда положиться можно, не упущают с своей стороны мало-по-малу употреблять во зло доверенность, им делаемую, и соразмерно нуждам, в них оказываемым, присваивать даже власть над своими начальниками, довершая тем несчастие целой иногда провинции.

Сего довольно, чтобы восчувствовать нужду в усовершенствовании воспитания, в корпусах существующего. *Преподавание юридических наук должно непременно составлять часть оного,* особливо учение отечественным законам, государственным постановлениям и отправлению дел гражданских. Офицер, таким образом воспитанный, хотя бы и был доведен обстоятельствами перейти в статскую службу, со всем тем, он во всяком случае будет на своем месте, с честию будет исполнять свою должность, и общество во всякое время найдет в нем полезнейшего члена. Впрочем, не странно ли всякому казаться должно, когда ни в какое состояние — ни ученое, ни художническое, ни ремесленническое — не можно поступать, не перейдя всех степеней, к сим званиям ведущих, и не показав на опыте своих достоинств и своего искусства. В службу же гражданскую определяют людей без всякого разбора, без всякого испытания, награждают их чинами, по которым обязаны они бывают занимать иногда важнейшие места, не имея других способностей, кроме того, что умеют читать и подписывать свое имя. Можно ли после сего удивляться, что статская служба не имеет надлежащего своего достоинства, не уважаема, и что многие убегают оной, единственно опасаясь, дабы не попасть под начальство таких людей, которые не почтение, но презрение заслуживают. Гражданская служба по предмету своему едва ли не важнее всякой другой; ибо она, имея целию внутреннее устройство государства, основывающее покой и благоденствие народное, по сему самому требует честнейших, добродетельнейших, просвещеннейших и рачительнейших людей.

Почему, в рассуждении сего, за весьма полезное почитаю я, когда сверх находящейся здесь учреждены будут еще *три юнкерские школы* с тем, если только *желается,* чтобы дворянство существовало, не теряя прав, законами ему предоставленных. Из сих трех юнкерских школ возможно основать одну в *Москве* под ведением сената, другую в *Казани,* а третью в *Вильне* под ведением попечителей тех округов, в которых они состоять будут. Учреждение сих школ должно *исключительно* быть для *дворян* и на таком же основании, на каком

находится здешняя школа, с той только разностию, что в оную предписывается принимать детей не моложе четырнадцати лет и уже первоначальным знаниям обученных, в предполагаемые же мною школы да будет позволено принимать детей от семи до девяти лет, хотя бы оные ничему еще учены не были, а начинали учение со дня определения их в училище.

Многие благомыслящие люди давно уже чувствуют нужду в заведениях сего рода; особливо ощутительна оная для родителей, желающих вести детей своих по службе гражданской; но, не имея к тому способов, принужденными бывают, сколько против воли своей, столько противу склонности и способности детей своих, отдавать их в корпусы, имеющие предметом приготовление офицеров к службе военной.

Распорядок учебных предметов в сих предполагаемых мною школах должен соответствовать цели их учреждения.

Предложив таким образом систему всеобщего образования относительно к России, остается мне разрешить последний, но довольно важный вопрос: *что может наиболее споспешествовать просвещению*, т. е. посредством чего можно возбуждать и питать сей *дух деятельности*, толико потребный всем государственным состояниям к исполнению взаимных своих обязанностей.

Главнейший для сего способ есть *поощрение*. Мудрые правительства как прошедших, так и настоящих времен доказывают нам, до чего простирается всепреодолевающая сила оного. *Поощрение* извлекает людей из беспечности и уныния, рождает бодрость, производит соревнование и движет душу к делам полезным и великим. Где способности и достоинства поощряются, где добродетели имеют должное уважение, там пигмеи ступают шагами исполинов, там невозможное становится возможным, дремлющий гений пробуждается, и то, что, будучи предоставлено времени, требовало бы нескольких лет для совершения, то при содействии *поощрения* вскоре приемлет конец и получает успехи. Словом, там, где правительство награждает труды, поощряет дарования, венчает славою патриотические подвиги, покровительствует искусства, художества и науки, там всегда рождаться будут и патриоты, и художники, и ученые, и философы.

Но в таком государстве, которое находится еще, так сказать, в своем юношестве, где видны во всем одни только начатки, — в таком государстве *поощрение* наиболее нужно. И правительство, избравшее оное средством к руководствованию людей для усовершенствования их в предметах, ими занимающихся, без сомнения, избрало самый вернейший способ к ускорению в том желаемых успехов.

Одни просвещенные государи могут чувствовать нужду в просвещении народном и, следовательно, знать пользы, *поощрением* производимые. Возвратить права разума гонимому и стесненному, освободить его от уз, злобным невежеством на него наложенных, свойственно одной только мудрости. Блаженны те государи и те страны, где гражданин, имея свободу мыслить, может безбоязненно сообщать истины, заключающие в себе благо общественное!

Между человеколюбивыми и благонамереннейшими видами, любезнейшим нашим монархом на пользы отечества простираемыми, наибли-

стательнее всех обнаруживаются оные в учреждении министерства народного просвещения, которое поистине назваться может древом, а прочие его ветвями.

Почему, соображаясь с настоящими заведениями относительно к просвещению народному, скажу, что посредством только *поощрения* можно вознаградить слишком ощутительный на нашем языке недостаток как в классических, так и других книгах. На сей конец нужно правительству назначить реестр книгам, которые почтет оно на первый раз полезнейшими для переведения на русский язык, и объявить всем, в словесности упражняющимся, что лучший перевод из сих назначенных книг будет правительством принят и достойно *награжден*. Сим образом не только вскоре увидим мы на нашем языке необходимейшие для нас и лучшие иностранных писателей сочинения, но правительство может даже посредством сего возрождать вкус ко всему изящному и давать оному желаемое направление.

(Сочинения, Москва, 1934, стр. 123—124, 148—160.)

В. Г. Белинский [6]

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ВООБЩЕ

(Из статьи: «Две сказки Гофмана. Детские сказки дедушки Ириней» 1840 г.)

Самые, повидимому, простые и обыкновенные предметы часто бывают в своей сущности самыми важными и великими. Все говорят, например, о важном влиянии воспитания на судьбу человека, на его отношение к государству, к ближним и к самому себе; но многие ли понимают то, что говорят? Слово еще не есть дело; всякая истина, как бы ни была она несомненна, но если не осуществляется в делах и поступках, произносящих ее, — она есть только слово, пустой звук, — та же ложь. Посмотрите внимательнее на отношение родителей к детям, детей к родителям, словом, посмотрите внимательнее на воспитание — и у вас сердце обольется кровью. Ребенок ест что ни попало и сколько хочет: «Что нужды! — говорят нежные родители: ведь он еще — дитя!» Ребенок мучит собаку или колотит дворового мальчишку: «Что нужды! — восклицают заботливые родители: ведь он еще — дитя!» Дети ссорятся, кричат между собою, и если их крик, брань и слезы не мешают папеньке и маменьке соснуть после обеда или поговорить с гостями — «Что нужды — ведь они — дети, пусть себе ссорятся и кричат: вырастут велики, не будут ссориться и кричать!» Перебранившись, а иногда и передравшись друг с другом, дети прибегают к отцу и матери с жалобою друг на друга — и! помилуйте! «Стоит ли разбирать детские ссоры!» Если вы строги, дайте всем по щелчку или пересеките всех розгами, *чтоб никому не было завидно*; если вы добры к детям или воспитываете их *на благородную ногу*, — дайте им игрушек или сладостей да,

перецеловав их, вышлите от себя, чтобы они опять пошли браниться и драться. Ребенок не учится, не хочет и слышать, чтоб взять в руки книгу: «Что за нужда, — ведь он еще дитя — подрастет, будет поумнее, так станет и учиться!» — Ребенок хватается за всякую книгу, какая ему ни попадется, хотя бы то была анатомия с картинами, или Аретин с гравюрами: «Что за нужда — ведь он еще дитя! благо, что охота к книгам есть — пусть лучше навыкает читать, чем развиться!» Учитель говорит отцу, что грамматика, которую он купил для сына, не годится, что она или уж устарела, или бестолкова, бессмысленна, что ее не понимает сам автор, не знающий ни духа, ни характера языка: «Это еще что за новости! — восклицает опытный и благоразумный родитель: — ведь он дитя — для него всякая книга годится, а за эту я заплатил деньгами, стало быть, хороша!..» А между тем, заговорите с «дражайшими родителями» о детях и воспитании: сколько общих фраз, сколько ходячих истин наговорят или *нарезонерствуют* они вам! «Ах, дети! Да, как тяжко иметь детей! Сколько забот! Надо вырастить да и воспитать! Мы ничего не щадим для воспитания своих детей. Из последних сил бьемся! Я отдал своих в училище, покупаю книги — тьма расходов! А мы для своих приискали *мадам* (или *мамзель* — провинциальные названия *гувернанты*!), чтобы они и по-французски знали и на фортепьянах играли!» В добрый час, дражайшие родители!..

В. Г. Белинский.

Но это еще только одна сторона воспитания, или того, что так ложно называют воспитанием. Это еще только воспитание, как обыкновенно говорится, на волю божию, а в самом-то деле, на волю случая, — воспитание природное, воспитание не в переносном, а в этимологическом значении этого слова, т. е. *воскармливание*, — воспитание простонародное, мещанское. Есть еще воспитание попечительное, деликатное, строгое, благородное. В нем на все обращено внимание, ни одна сторона не забыта. При этом воспитании дитя ест и во-время и в меру, перед обедом непременно ходит гулять с гувернером или гувернанткой, умеренно резвится, занимается гимнастическими упражнениями на красивых вешалках, столбах, перекладинах, по часам учится, в определенную пору встает и ложится. Физическое воспитание в гармонии с нравственным: развитию здоровья и крепости тела соответствует развитие умственных способностей и приобретение познаний. А форма — о, это самое изящество! При опрятности царствует простота и неизысканность, соединенные с благородством, достоинством, хорошим вкусом и хорошим тоном. И это отражается во всем: и в

одежде и в манерах. Одно то чего стоит, что дитя умеет уже скрывать свои чувства, не хвататься жадно за то, чего жадно желает, не обнаруживать удивления и радости к тому, что возбуждает в нем удивление и радость, словом — приличию и тону жертвовать всеми своими чувствами, даже самыми святыми, самыми человеческими!.. Короче: даже китайские мандарины, эти высокие идеалы и образцы природы, искаженной и умершей от искусственности, даже китайские мандарины ничто пред этими милыми, благовоспитанными детьми... И если жизнь человеческая есть театральная сцена или салон, и если *казаться* есть цель человеческой жизни, то в этом образе воспитания мы нашли норму воспитания. В самом деле, что может быть прекраснее и очаровательнее, например, светской девушки? Она скорее согласится тысячу раз умереть, нежели один раз в жизни в глазах света показаться смешною, т. е. прийти в восторг от создания искусства, от созерцания явлений природы, или от рассказа о высоком подвиге, и всего, от чего плачут и чем восхищаются люди дурного тона. Она столько же развязна и свободна, сколько и грациозна; ничему не удивляясь, она ничего не испугается и ни от чего не придет в смущение. В ней всегда такое спокойствие, такая ровнота духа, все так соразмерно и прилично... А сколько в ней талантов, которых она не выставляет на вид, как какая-нибудь провинциалка, но за которые она часто слышит себе «charmant!» Ко всему этому, какая у ней чистая душа, какое нравственное сердце: она уже невеста, — а кроме Бульи и Беркена еще ничего не читала, и произнесите при ней имя Шекспира, она с милою наивностью спросит вас: mais qu'est ce que c'est? — а когда вы начнете говорить о Шекспире, она с такою милою рассеянностью, с таким же достоинством и так неожиданно для вас повернет разговор на погоду или на последний бал. Виктора Гюго и Поль-де-Кока она будет читать уже после замужества, а пока довольно с нея Бульи и Беркена. Оно и хорошо: Шиллер, Гете, Байрон, Гофман, Шекспир, Вальтер-Скотт, Пушкин — опасны для юного девственного сердца: чего доброго! они взволнуют его какими-то странными желаниями, неясными мечтаниями, произведут в девушке экстаз, экзальтацию, дадут ей какую-то внутреннюю поэтическую жизнь, — и вот — долго ли до греха! — девушка встречает на земле какую-то родную душу, без копейки за душою —

И жизнь могучая дает
И пышный цвет, и сладкий плод —

как сказал Пушкин... Мечтать и любить — предаться человеческой страсти — да что же скажет свет?.. Нет, не такова благовоспитанная девушка высшего тона: она может выдвинуться из толпы, но красотою, если бог наградил ею, нарядом, если ее *papa* богаче других, но не душою, не сердцем и не другими мещанскими странностями. Она выйдет замуж; — даже и другие не похлопочут об этом, сама все устроит, но это замужество будет блестящее, способное возбуждать зависть, а не толки. Вот что делает истинное воспитание из девушек! А юноши? — О, об них я боюсь и говорить: все они — и умные и глупые, и ученые и невежды — все они с таким философским равно-

душием смотрят на жизнь, в которой для них нет ничего ни таинственного, ни удивительного, ни непостижного; все они с такою «львиною» наглостью наводят на вас свой лорнет... прекрасные молодые люди!.. А как свободно, с какою небрежностью говорят они по-французски — словно на родном языке, и как мило не умеют связать двух русских фраз, написать русской строки без орфографических ошибок — педантизма в них нет ни тени!..

Мы представили две крайности одной и той же стороны; но есть еще середина, которая, как все почти середины, часто бывает хуже крайностей. Мы говорим о воспитании того класса общества, который на низшие смотрит с благородным презрением и чувством собственного достоинства, а на высшие с благоговением. Оно изо всех сил хлопочет быть их верною копиею; но, на зло себе, остается каким-то средним пропорциональным членом, с собственною характеристикою, которая состоит в отсутствии всякого характера, всякой оригинальности и которую всего вернее можно выразить *мещанством во дворянстве*. Непринужденность и милая наглость переходит у него в жеманство и кривлянье. Хороший тон в обезьянничество. Смешно и жалко смотреть:

Как негодяй официант
Ломает барина в передней!

Но это в сторону: дело в том, что в этом кругу общества воспитание состоит в том, чтобы убить в детях всякую жизнь и живость, сделать из них попугаев и милых кукол, о которых бы все говорили: ах, как хорошо они воспитываются!..

Воспитание! Оно везде, куда ни посмотрите, и его нет нигде, куда ни посмотрите. Конечно, вы его можете увидеть даже во всех слоях общества, от самого высшего до самого низшего, но как редкость, как исключение из общего правила. Отчего же это? Да оттого, что на свете бездна родителей, множество *papas et mamans*, но мало отцов и матерей. «Вот прекрасно! — восклицаете вы: — какая же разница между родителями и отцом и матерью?» — Как какая? взгляните летом на мух: какая бездна родителей, но где же отцы и матери? Грибоедов давно уже сказал: —

Чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало!

Право рождения — священное право на священное имя отца и матери — против этого никто и не спорит; но не этим еще все оканчивается: тут человек еще не выше животного; есть высшее право — родительской любви. «Да какой же отец или какая мать не любит своих детей?» — говорите вы. Так, но позвольте вас спросить, что вы называете любовью? как вы понимаете любовь? — Ведь и овца любит своего ягненка: она кормит его своим молоком и облизывает языком; но как скоро он меняет ее молоко на злак полей — их родственные отношения оканчиваются. Ведь и госпожа Простакова любила своего Митрофанушку: она нещадно била по щекам старую Еремеевну и за то, что дитя много кушало, и за то, что дитя мало кушало; она любила его так, что если бы он вздумал ее бить по щекам, она стала бы горько плакать, что милое, ненаглядное детище больно обколотит об

нее свои ручонки. Итак, разве чувство овцы, которая кормит своим молоком ягненка, чувство госпожи Простаковой, которая, бывши и овцою и коровою, готова еще сделаться и лошадкою, чтобы возить в колясочке свое двадцатилетнее дитя, — разве все это не любовь? Да, любовь, но какая? Любовь чувственная, животная, которая в овце, как в животном, отличающемся и животною фигурою, имеет свою истинную, разумную, прекрасную и восхищающую сторону, но которая в госпоже Простаковой, как в животном, отличающемся человеческою фигурою, вместо овечьей, — бессмысленна, безобразна и отвратительна. Далее: ведь и Павел Афанасьевич Фамусов любил свою дочь, Софью Павловну: посмотрите, как он хлопочет, чтобы повыгоднее сбыть ее с рук, подороже продать... Продать? Какое ужасное слово!.. Отец продает свою дочь, торгует ею, конечно не по мелочи, но один раз навсегда и не больше, как для одного человека, который будет называться ее мужем!.. Но ведь это он делает не для себя, а для ее же счастья, — скажут многие. Прекрасно! Но после этого и разбойник, который для приданого дочери зарежет пред ее свадьбой нескольких человек, будет прав, потому что сделает это из любви к дочери? После этого и иная матушка, которая, не желая видеть в нищете свою нежно любимую дочь, научит или принудит ее сделать выгодный промысел из своей красоты, — тоже будет права, потому что поступит так из любви к дочери?.. И разве этого не бывает в самом деле? Разве старый подьячий, закореневший в лихоимстве и казнокрадстве, не поставлял первым и священным долгом своего родительского звания передать свое подлое ремесло нежнолюбимому сынку? Мы опять соглашаемся, что источник всего этого любовь, но *какая* — вот вопрос! Откуда она проистекает, куда она стремится, к кому обращается? Зачем зверь рвет и губит подобных себе, а в голоде пожирает собственных детей? Затем, что он любит себя, а любовь к себе есть условие всякой индивидуальности, которая, в свою очередь, есть условие всякого бытия, основа и закон жизни. Зачем собака грызется с другою из-за брошенной кости? Опять затем, что любит себя. И нас не оскорбляет это в животных; по крайней мере, мы не вините их за это и не считаем злодеями и преступниками, потому что они живут и действуют под невольным, рабским влиянием животного инстинкта и, кроме сохранения и возрождения своей индивидуальности, не имеют никаких обязанностей. И человек, подобно животному, замкнут в своей индивидуальности и бессознательно следует данному ему природою инстинкту самосохранения и стремлению к улучшению своего положения; но неужели этим все и должно в нем оканчиваться? Нет, разница человека с животными именно в том и состоит, что он только начинается там, где животные уже оканчиваются. Кроме обязанностей к себе, он имеет еще обязанности к ближним; кроме инстинкта, который есть у животных, он имеет еще чувство, рассудок и разум, которых нет у животных; будучи существом и растительным и животным, будучи плотским организмом, он есть еще и дух — искра и облик духа божия. Следовательно, и его любовь должна быть высшей ступенью той любви, которую мы видим во всей природе, — от сродства стихий, — от их безмолвного организирования в минерал, заключенный в недрах земли, от прозябания

дольней лозы, возникающей из зерна, — до животного, которое добровольно лишается жизни, с яростью защищая своих детей. Человек есть мир в малом виде: в его организме все стихии природы, первосущные ее силы, вся минеральная природа — металлы и земли; в жизни его организма все процессы природы: и минеральное сращение извне, и прозябаемая растительность, и животное развитие изнутри. Он является на свет животным, которое кричит, спит, ест и инстинктивно хватается за грудь и инстинктивно сердится, когда его от нее отнимают. Но уже с того мгновенья, как язык его от безразличных междометий начинает постепенно переходить к членораздельным звукам и лепетать первые слова, — в нем уже оканчивается животное и начинается человек, вся жизнь которого, до поры полного мужества, есть не что иное, как беспрерывное формирование, делание, становление (das Werden) полным человеком, для полного наслаждения и обладания силами своего духа, как средствами к разумному счастию. Еще младенец, припав к источнику любви — к груди своей матери, он останавливает на ней не бессмысленный взгляд молодого животного, но горящий светом разума, хотя и бессознательного; он улыбается своей матери, — и в его улыбке светится луч божественной мысли. Во всех проявлениях его любви просвечивает не простое, инстинктивное, но уже нечуждое смысла и разумности чувство: еще ноги его слабы, он не может сделать ими шага для вступления в жизнь, но уже любовь его выше любви животной. Так неужели, после этого, любовь родителей, — существ вполне развившихся, должна оставаться при своей естественности и животности, неспособных отделиться от самих себя и перейти за околдованную черту замкнутой в себе индивидуальности? Нет, всякая человеческая любовь должна быть чувством, просветленным разумной мыслью, чувством одухотворенным...

Теперь взглянем с этой точки на любовь родительскую.

Отец и мать любят свое дитя потому, что оно их рождение. Родство крови есть первая и, в то же время, священная основа любви, ее исходный пункт, от которого движется ее развитие. Восставать против этого могут только или отвлеченные умы, рассудочные люди, неспособные проникнуть ни в какую живую, явленную истину, или сердца холодные, сухие, мертвые; если не порочные и не развратные. Но, повторяем, естественная любовь, основывающаяся на одном родстве крови, еще далеко не составляет того, чем должна быть человеческая любовь. Из родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крепко, одно истинно и действительно, одно достойно высокой и благородной человеческой природы. Посмотрите: сколько на свете дурных детей, которые теряют к родителям всякую любовь, но оказывают к ним только внешнее, формальное уважение, как скоро избавляются, летами и обеспечением своего состояния, от их власти и влияния, и к тому же не ждут себе никакого наследства после их смерти. Сколько бывает в свете ужасных примеров детей, не оказывающих родителям даже и внешнего уважения, требуемого общественными приличиями, — даже детей, оскорбляющих своих родителей, если те не решаются прибегнуть к гражданскому закону... Страшное, возмущающее душу зрелище! Бедные родители, несчастные дети!

Да, *несчастные*, — и, жалея о первых, не спешите проклинать последних, но подумайте о том — природа ли создает извергов или воспитание и жизнь делают их такими? Мы не отвергаем, чтобы природа не производила людей, наклонных к пороку, но мы, вместе с тем, крепко убеждены, что такие явления возможны как исключение из общего правила, и что нет столь дурного человека, которого бы хорошее воспитание не сделало лучшим. Горе дурным детям! Почему бы они ни сделались такими — от дурного ли воспитания, по вине родителей, или от случайных обстоятельств, — но они несчастны, потому что не знают счастья сыновней любви и не могут иметь надежду вкусить счастие любви родительской. Но тем не менее должно вникать в причины их нравственного искажения, если не для оправдания их, то для оправдания истины, которая выше всего, даже родителей, и для поучительного примера, в предотвращение таких возмущающих душу явлений. Мы сказали, что отец любит свое дитя, потому что оно — его рождение; но он должен любить его еще как будущего *человека*, которого бог нарек сыном своим и за спасение которого он принял на кресте страдание и смерть. При самом рождении отец должен посвятить свое дитя служению богу в духе и истине, — и посвящение это должно состоять не в отторжении его от живой действительности, но в том, чтобы вся жизнь и каждое действие его в жизни было выражением живой, пламенной любви к истине, в которой является бог. Только такая любовь к детям истинна и достойна называться любовью; всякая же другая есть эгоизм, холодное самолюбие. Вся жизнь отца и матери, всякий поступок их должен быть примером для детей, и основою взаимных отношений родителей к детям должна быть любовь к истине, но не к себе. Есть отцы, которые любят детей для самих себя, — и в этой любви есть своя истинная и разумная сторона; есть отцы, которые любят своих детей для них самих, — и эта любовь выше, истиннее, разумнее; но при этих двух родах любви есть еще высшая, истиннейшая и разумнейшая любовь к детям — любовь к истине, в боге. Любит ли отец своего сына, если заставляет его смотреть с уважением на свои дурные и безнравственные поступки, как на благородные и разумные? Не все ли это равно, что требовать от дитяти, чтобы оно, вопреки своему зрению, белое называло черным, а черное белым? Тут нет любви, тут есть только самолюбие, которое свою личность ставит выше истины. А между тем, у ребенка всегда будет столько смысла, чтобы, видя, как его маменька колотит по щекам девок, или как его папенька напивается пьян и дерется с маменькою, понимать, что это дурно. Конечно, приучая к таким сценам с малолетства и толкуя, что это хорошо, можно наконец уверить ребенка, что в сем-то и состоит истинная жизнь; но это значит развратить, погубить его: где ж тут любовь? Тут только самолюбие, которое в своих детях хочет видеть собственное безобразие, чтобы не иметь в них себе строгих, хотя и безмолвных, судей. Вопреки законам природы и духа, вопреки условиям развивающейся личности отец хочет, чтобы его дети смотрели и видели не своими, а его глазами; преследует и убивает в них всякую самостоятельность ума, всякую самостоятельность воли, как нарушение сыновнего уважения, как восстание против родитель-

ской власти, — и бедные дети не смеют при нем рта разинуть, в них убита энергия, воля, характер, жизнь, они делаются почтительными статуями, заражаются рабскими пороками — хитростью, лукавством, скрытностью, лгут, обманывают, вывертываются... Китайцы, поставляющие красоту женских ног в миниатюрности, зашивают у девочек ноги в сырую воловью шкуру и снимают ее, когда уже девочки становятся девушками: ножки в самом деле крошечные, только кривы, изогнуты, уродливы, и женщина может ходить только в комнате и то опираясь о стены и на мебель. Таковы результаты остановленной в свободном развитии природы! Таковы же бывают и результаты остановленного в естественном и самобытном развитии духа! Но что сказать о тех родителях, которые имеют несчастное убеждение, что для пользы и счастия своих детей они обязаны управлять теми их склонностями, которые решают счастие или несчастие целой жизни человека? И как часто случается, что прекрасная девушка, с глубокою душою, любящим сердцем, по какому-нибудь случаю получившая, на свою пагубу, хорошее воспитание, созданная украсить, озолотить, осчастливить жизнь избранного ею, который бы понял ее, выдается силой родительской власти за какое-нибудь грубое животное с человеческим обликом и гибнет безмолвной жертвою тайного, никем непонятого страдания!.. Бедная, ей даже не на кого и жаловаться: ее погубили из любви же к ней, из искреннего желания ей добра и счастья... Горе человеку, когда его участь в руках злодеев, и такое же горе ему, когда его участь в руках добрых, но пошлых и глупых людей!.. Бедные женщины чаще всего испытывают на себе несомненность этой горькой истины... Молодой человек, принужденный избрать чуждую своему призванию дорогу жизни, рано или поздно, хоть с утратою сил души, хоть с обрезанными крыльями, но еще вылетает на желанную свободу, а женщины!.. Но что сказать о тех родителях, которые торгуют счастьем своих детей, спекулируют ими на богатство, на знатность, да еще действуют при этом во имя нравственности, любви и своих священных родительских обязанностей к детям?.. Но оставим этот ужасный предмет, от которого возмущается и содрогается человеческая природа, будто при виде удава или гремучей змеи...

Разумная любовь должна быть основою взаимных отношений между родителями и детьми. Любовь предполагает взаимную доверенность, и отец должен быть столько же отцом, сколько и другом своего сына. Первое его попечение должно быть о том, чтобы сын не скрывал от него ни малейшего движения своей души, чтобы к нему первому шел он и с вестью о своей радости или горе, и с признанием в проступке, в дурной мысли, в нечистом желании, и с требованием совета, участия, сочувствия, утешения. Как грубо ошибаются многие, даже из лучших отцов, которые почитают необходимым разделять себя с детьми строгостью, суровостью, недоступной важностью! Они думают этим возбудить к себе в детях уважение и в самом деле возбуждают его, но уважение холодное, боязливое, трепетное, и тем отвращают их от себя и невольно приучают их к скрытности и лживости. Родители должны быть уважаемы детьми, но уважение детей должно проистекать из любви, быть ее результатом, как свободная дань их пре-

восходству, без требования получаемая. Ничто так ужасно не действует на юную душу, как холодность и важность, с которыми принимается горячее излияние ее чувства, ничто не обливает ее таким умерщвляющим холодом, как благоразумные советы и наставления там, где ожидает она сочувствия. Обманутая таким образом в своем стремлении раз и другой, она затворяется в самой себе, сознает свое одиночество, свою отдельность и особность от всего, что так любовно и родственно еще недавно окружало ее, и в ней развивается эгоизм, она приучается думать, что жизнь есть борьба эгоистических личностей, азартная игра, в которой торжествует хитрый и безжалостный и гибнет неловкий или совестливый. Открытая душа младенца или юноши — светлый ручей, отражающий в себе чистое и ясное небо; запертая в самой себе, она — мрачная бездна, в которой гнездятся нетопыри и жабы... Если же не это, может случиться другое: индивидуальность человеческая, по своей природе, не терпит отчуждения и одиночества, жаждет сочувствия и доверенности подобных себе, — и дети сдружаются между собой, составляют род общества, имеющего свои тайны, общими и соединенными силами скрываемые, что никогда до добра не доводит. Это бывает еще опаснее, когда друзья избираются между чужими, и тем более, когда избранный друг старше избравшего: он берет над ним верх, приобретает у него авторитет и передает ему все свои наклонности и привычки, — что же, если они дурны и порочны?.. Нет! Первое условие разумной родительской любви — владеть полной доверенностью детей, и счастливы дети, когда для них открыта родительская грудь и объятия, которые всегда готовы принять их и правых и виноватых и в которые они всегда могут броситься без страха и сомнения!

Юная душа, не испытавшая еще отчуждения и сомнения, вся открыта наружу; она не умеет любить в меру, но предается предмету своей любви беззаветно и безусловно, видит в нем идеал всевозможного совершенства, высший образец для своих действий, верит ему со всем жаром фанатика. И что же, если такая любовь устремлена к родителям, соединяясь с естественною кровною любовью к ним! О, для таких детей высочайшее счастие как можно чаще быть в присутствии родителей, наслаждаться их разговорами, сопровождать их в прогулке, иметь свидетелями своих игр и резвостей, обращаться к ним в недоразумениях, избирать их в посредники между собою в своих маленьких ссорах и неудовольствиях! Нужно ли доказывать, что при таком воспитании родители одной лаской могут делать из своих детей все, что им угодно; что им ничего не стоит приучить их с малолетства к выполнению долга — к постоянному, систематическому труду в определенные часы каждого дня (важная сторона в воспитании: от упущения ее много губится в человеке!)? Нужно ли говорить, что таким родителям очень возможно будет обратить труд в привычку, в наслаждение для своих детей, а свободное от труда время — в высшее счастие и блаженство? Еще менее нужно доказывать, что при таком воспитании совершенно бесполезны всякого рода унизительные для человеческого достоинства наказания, подавляющие в детях благородную свободу духа, уважение к самим себе и растлевающие их сердца подлыми чувствами

унижения, страха, скрытности и лукавства? Суровый взгляд, холодно-вежливое обращение, косвенный упрек, деликатный намек и уже много-много, если отказ в прогулке с собою, в участии слушать повесть или сказку, которую будет читать или рассказывать отец или мать, наконец, арест в комнате, — вот наказания, которые будучи употреблены соразмерно с виною, произведут и сознание и раскаяние, и слезы, и исправление. Нежная душа доступна всякому впечатлению, даже самому легкому: у ней есть тонкий инстинкт, по которому она сама догадывается о неловкости своего положения, если подала к нему повод; душа грубая, привыкшая к сильным наказаниям, ожесточается, черствеет, мозолится, делается бесстыдно-бессовестной, — и ей уж скоро ни по чем всякое наказание. Нужно ли говорить, что такое воспитание — легко и возможно, но требует всего человека, всего его внимания, всей его любви? Отцы, которых вся жизнь сосредоточена в детях, отдана им без раздела — редкие явления; но для них-то и говорим мы, к ним и обращаем речь нашу, — и дай бог, чтобы она принята была ими с такой же любовью и искренностью, с какими мы обращаемся к ним!.. Все же *не такие* могут нам не верить и даже смеяться над нами, если им это заблагорассудится. В добрый час!..

Воспитание — великое дело: им решается участь человека. Молодые поколения суть гости настоящего времени и хозяева будущего, которое есть их настоящее, получаемое ими как наследство от старейших поколений. Как зародыш будущего, которое должно сделаться настоящим, каждое из них есть новая идея, готовая сменить старую идею. Это и есть условие хода и процесса человечества. «Не вливают вина молодого в мехи старые», — сказал наш божественный спаситель, и он же изрек о детях, приведенных к нему для благословения: «Таковых есть царствие небесное». Но новое, чтоб быть действительным, должно исторически развиться из старого, — и в этом законе заключается важность воспитания, и им же уславливается важность тех людей, которые берут на себя священную обязанность быть воспитателями детей.

Правительство, неусыпно пекущееся о нашем благе[1], ничего не щадит для утверждения на прочных основаниях общественного образования. Несмотря на бесчисленное множество уже существующих учебных заведений, оно не перестает учреждать новые на лучших основаниях, а старые преобразовывать, соответственно потребностям времени; употребляет на них огромные суммы, замещает вакантные места молодыми людьми, более старых способными удовлетворить современным требованиям, — и кто вникал со вниманием в эту отрасль администрации, тот не мог не дивиться быстрым переменам в ней к лучшему, богатым прекрасными результатами. Но общественное образование, преимущественно имеющее в виду развитие умственных способностей и обога-

[1] Данное место отражает то непродолжительное «примирение с действительностью», которое явилось результатом неправильного понимания Белинским известного положения Гегеля — «Все действительное разумно». Уже в 1841 г. Белинский перешел на позиции борьбы с идеологами существующего крепостнического режима и открыто осудил свою ошибку, выступив в письме к Гоголю (1847 г.) с подлинно революционным заявлением. — *Н. Ж.*

щение их познаниями, совсем не то, что воспитание домашнее: то и другое равно необходимы, и ни одно другого заменить не может. Вот что говорит об этом великий германский мыслитель Гегель в своей торжественной речи на акте Нюрнбергской гимназии, обязанной его кратковременному управлению теперешним своим процветанием: «В связи с этим находится еще другой важный предмет, который ставит школу еще в бóльшую необходимость опираться на домашние отношения учеников — это *дисциплина*. Я здесь отличаю *воспитание* нравов от их *образования*. Целью учебного заведения может быть не воспитание, не дисциплина нравов в собственном смысле, а образование их и притом не со всеми средствами, к нему ведущими. Учебное заведение должно предполагать добрую нравственность в своих учениках. Мы должны требовать, чтобы ученики, вступающие к нам в школу, уже получили предварительно воспитание. По духу нравов нашего времени непосредственное воспитание не есть, так, как у спартанцев, публичное, государственное; обязанность и забота воспитания лежит на родителях. Другое дело — сиротские дома или семинарии и вообще все заведения, которые обнимают целое существование юноши».

Так! на родителях, на одних родителях лежит священнейшая обязанность сделать своих детей человеками; обязанность же учебных заведений — сделать их учеными, гражданами, членами государства на всех его ступенях. Но кто не сделался прежде всего *человеком*, тот плохой *гражданин*, плохой слуга государю. Из этого видно, как важен, велик и священ сан воспитателя: в его руках участь целой жизни человека. Первые впечатления могущественно действуют на юную душу: все дальнейшее ее развитие совершается под их непосредственным влиянием. Всякий человек, еще не родившись на свет, в самом себе носит уже возможность той формы, того определения, какое ему нужно. Эта возможность заключается в его организме, от которого зависит и его темперамент, и его характер, и его умственные средства, и его наклонность и способность к тому или другому роду деятельности, к той или другой роли в общественной драме, — словом, вся его индивидуальная личность. По своей природе, никто ни выше, ни ниже самого себя: Наполеоном или Шекспиром должно родиться, но нельзя сделаться; хороший офицер часто бывает плохим генералом, а хороший водевилист — дурным трагиком. Это уже судьба, перед которой бессильна и человеческая воля и самые счастливые обстоятельства. Назначение человека — развить лежащее в его натуре зерно духовных средств, стать вровень с самим собой; но не в его воле и не в его силах приобрести трудом и усилием сверх данного ему природой, сделаться выше самого себя, равно как и быть не тем, чем ему назначено быть, как например, художником, когда он родился быть мыслителем, и т. д. И вот здесь воспитание получает свое истинное и великое значение. Животное, родившись от льва и львицы, делается львом, без всяких стараний и усилий с своей стороны, без всякого влияния счастливого стечения обстоятельств; но человек, родившись не только львом или тигром, но даже человеком, в полном значении этого слова, может сделаться и волком, и ослом, и чем угодно. Часто, одаренный великими средствами на великое, он обнаруживает

только дикую силу, которая служит ему не к чему иному, как к разрушению всего окружающего его и даже самого себя. И если бывают такие богатые и могучие натуры, которые собственной глубокостью и силой спасаются от погибели или искажения вследствие ложного, неестественного развития и дурного воспитания,— то все-таки нельзя же сомневаться в том, что те же самые натуры, но при нормальном развитии и разумном воспитании прямее дошли бы до своей цели, с силами свежими и неистощенными в тяжелой и бесплодной борьбе с их случайными противоречиями. Разумное воспитание и злого по натуре делает или менее злым, или даже и добрым, развивает до известной степени самые тупые способности и по возможности очеловечивает самую органическую и мелкую натуру: так дикое, лесное растение, когда его пересадят в сад и подвергнут уходу садовника, делается и пышнее цветом, и вкуснее плодом. Не все родятся героями, художниками, учеными; гений есть явление вековое, редкое; сильные таланты тоже похожи на исключения из общего правила,— и в этом случае человечество есть армия, в которой может быть до миллиона рядовых солдат, но только один фельдмаршал, и в каждом полку только один полковник, и на сто рядовых один офицер. В такой же пропорции находится к большинству, или толпе, и число людей с глубокою и бесконечною натурою которых назначение — не проявиться в каком-нибудь роде деятельности, составляющем призвание гения и таланта, но все понимать, всему сочувствовать и все облагораживать и счастливить своим непосредственным влиянием. Природа не скупа, но экономна в своих дарах — и, как явление вечного разума, она строго соблюдает свой иерархический порядок, свою *табель о рангах*. Но всякое назначение природы имеет параллельное себе назначение в человечестве и в гражданском обществе,— почему всякий человек, с какими бы то ни было способностями, находит свое место в том и другом. Не места людей, но люди места унижают. Самое приличное место человеку — то, к которому он призван, а свидетельство призвания — его способности, степень их, наклонность и стремление. Кто призван на великое в человечестве, совершай его; ему честь и слава, ему венец гения; кому же назначена тихая и неизвестная доля — умей найти в ней свое счастие, умей с пользою действовать и на малом поприще, умей быть достойным, почтенным и в скромной деятельности. Всякое желание невозможного есть ложное желание; всякое стремление быть выше себя, выше своих средств есть не благородный порыв сознающей себя силы, а претензия жалкой посредственности и бедного самолюбия украситься внешним блеском. Цель наших стремлений есть удовлетворение, и всякий удовлетворяется ни больше, ни меньше, как тем, что ему нужно; а кто нашел свое удовлетворение на ограниченном поприще, тот счастливее того, кто, обладая большими духовными средствами, не может найти своего удовлетворения. Честный и, по-своему, умный сапожник, который в совершенстве обладает своим ремеслом и получает от него все, что нужно ему для жизни, выше плохого генерала, хотя бы он был сам Мелас, выше педанта ученого, выше дурного стихотворца. Главная задача человека во всякой сфере деятельности, на всякой

ступени в лестнице общественной иерархии, быть — *человеком.* Но умеренная на произведение великих явлений духовного мира природа щедра до бесконечности на произведение людей и с душою, и с способностями, и дарованием, словом, со всем, что нужно человеку, чтоб быть достойным высокого звания человека. Люди бездарные, ни к чему неспособные, тупоумные, суть такое же исключение из общего правила, как уроды, и их так же мало, как и уродов. Множество же их происходит от двух причин, в которых природа нисколько не виновата: от дурного воспитания и вообще ложного развития и еще оттого, что редко случается видеть человека на своей дороге и на своем месте. Сознание своего назначения — трудное дело, и часто если не натолкнуть человека на чуждую ему дорогу жизни, он сам пойдет по ней, руководимый или бессознательностью, или претензиями. Но если бы возможно было равное для всех нормальное воспитание, — число обиженных природою так ограничилось бы, что действительно обиженные ею прямо поступали бы в кунсткамеру в банки со спиртом. И потому воспитание по отношению к большинству приобретает еще большую важность: оно все — и жизнь и смерть, спасение и гибель.

Но воспитание, чтоб быть жизнию, а не смертию, спасением, а не гибелью, должно отказаться от всяких претензий своевольной и искусственной самодеятельности. Оно должно быть помощником природе — не больше. Обыкновенно думают, что душа младенца есть белая доска, на которой можно писать, что угодно, забывая, что каждый человек есть индивидуальная личность, которая может делаться и хуже и лучше — только по-своему, *индивидуально.* Воспитание может сделать человека только худшим, исказить его натуру; лучшим оно его не делает, а только помогает делаться. Если душа младенца и в самом деле есть белая доска, то качество и смысл букв, которые пишет на ней жизнь, зависят не только от пишущего и орудия писания, но и от качества самой этой доски. Человек ничего не может узнать, чего бы не было в нем, ибо вся действительность, доступная его разумению, есть не что иное, как осуществившиеся законы его же собственного разума. И потому-то есть так называемые *врожденные идеи,* которые суть непосредственное созерцание истины, заключающееся в таинстве человеческого организма. Ребенка нельзя уверить, что $2 \times 2 = 5$, а не 4. А между тем, есть истины и повыше этой, которых семя в душе человека, еще и не думавшего о них!..

Нет, не белая доска душа младенца, а дерево в зерне, человек в возможности! Как ни старо сравнение воспитателя с садовником, но оно глубоко верно, и мы не затрудняемся воспользоваться им. Да, младенец есть молодой, бледнозеленый росток, едва выглянувший из своего зерна; а воспитатель есть садовник, который ходит за этим нежным, возникающим растением. Посредством прививки и дикую лесную яблоню можно заставить, вместо кислых и маленьких яблок, давать яблоки садовые, вкусные и большие; но тщетны были бы все усилия искусства заставить дуб приносить яблоки, а яблоню — жолуди. А в этом-то именно заключается, по большей части, ошибка воспитания: забывают о природе, дающей ребенку наклонности и способности и

определяющей его значение в жизни, и думают, что было бы только дерево, а то можно заставить его приносить что угодно, хоть арбузы вместо орехов.

Для садовника есть правила, которыми он необходимо руководствуется при хождении за деревьями. Он соображается не только с индивидуальной природой каждого растения, но и со временами года, с погодой, с качеством почвы. Каждое растение имеет для него свои эпохи возрастания, сообразно с которыми он и располагает свои с ним действия: он не сделает прививки ни к стеблю, еще не сформировавшемуся в ствол, ни к старому дереву, уже готовому засохнуть. Человек имеет свои эпохи возрастания, не сообразуясь с которыми можно затушить в нем всякое развитие.

Орудием и посредником воспитания должна быть любовь, а целью — *человечность* (die Humanität). Мы разумеем здесь первоначальное воспитание, которое важнее всего. Всякое частное или исключительное правление, имеющее определенную цель в какой-нибудь стороне общественности, может иметь место только в дальнейшем, окончательном воспитании. Первоначальное же воспитание должно видеть в дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но *человека*, который мог бы впоследствии быть тем или другим, не переставая быть *человеком*. Под *человечностью* мы разумеем живое соединение в одном лице тех общих элементов духа, которые равно необходимы для всякого человека, какой бы он ни был нации, какого бы он ни был звания, состояния, в каком бы возрасте жизни и при каких бы обстоятельствах ни находился, — тех общих элементов, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоценнейшее сокровище, и без которых он не человек. Под этими общими элементами духа мы разумеем доступность всякому человеческому чувству, всякой человеческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образования каждого. Человек есть разумно-сознательная сущность и орган всего сущего, — и отсюда получает свое глубокое и высокое значение известное выражение: «Homo sum, nihil mihi alienum humani puto», т. е.: «Я человек — и ничего человеческого не считаю чуждым мне». Чем глубже натура и развитие человека, тем более он человек, и тем доступнее ему все человеческое. Он поймет и радостный крик дитяти при виде пролетевшей птички, и бурное волнение страстей в вулканической груди юноши, и спокойное самообладание мужа, и созерцательное упоение старца, и жгучее отчаяние, и дикую радость, и безмолвное страдание, и затаенную грусть, и восторги счастливой любви, и тоску разлуки, и слезы отринутого чувства, и немую мольбу взоров, и высокость самоотвержения, и сладость молитвы, и все, что в жизни, и в чем есть жизнь. Опыт и опытность не суть необходимое условие такой всеобъемлющей доступности: чтобы понять и младенца, и юношу, и мужа, и старца, и женщину, ему не нужно быть вместе и тем, и другим, и третьим: ему не нужно даже быть в том положении, которое интересует его в каждом из них: лишь бы представилось ему явление, а уж его чувство бессознательно откликнется на него и поймет его. На все будет у него и привет и ответ, и участие и утешение, чистая радость о счастье ближнего, и сострадание в его горе, и улыбка на полный блаженства

взор, и слезы на горькие слезы! Ему понятна и возможность не только слабостей и заблуждений, но и самых пороков, самых преступлений: презирая слабости и заблуждения, он будет жалеть о слабых и заблуждающихся; проклиная пороки и преступления, он будет сострадать порочным и преступным. Его грудь равно открыта и для задушевной тайны друга, и для робкого признания юного, страждущего существа, и для души, томящейся обременительной полнотою блаженства, и для растерзанного страданием сердца, и для рыдающего раскаяния, и для самой ужасной повести страстей и заблуждений. Он уважит чувство и друга и недруга: для него святы горе и радость знакомого и незнакомого человека. С ним так тепло и отрадно и своему и чужому: он во всех внушает такую доверчивость, такую откровенность. В его душе столько теплоты и *елейности*, в его словах такая кротость и задумчивость, в его манерах столько мягкости и деликатности. Как отрадно бывает встретить в старике, который был лишен всякого образования, провел всю жизнь свою в практической деятельности, совершенно чуждой всего идеального, мечтательного и поэтического, — как отрадно встретить теплое чувство, неподавленное бременем годов и железными заботами жизни, любовь и снисхождение к юности, к ее ветренным забавам, ее шумной радости, ее мечтам, и грустным и светлым, и пламенным и гордым! как отрадно увидеть на его устах кроткую улыбку удовольствия, чистую слезу умиления от песни, от стихотворения, от повести!.. О, станьте на колени перед таким стариком, почтите за честь и счастие его ласковый привет, его дружеское пожатие руки: в нем есть человечность! Он в миллион раз лучше этих сомневающихся и разочарованных юношей, которые увяли не расцветши, — этих почтенных лысин и седин, которые рутиной хотят заменить ум и дарование, холодным резонерством теплое чувство, внешним и заимствованным блеском отличий внутреннюю пустоту и ничтожность, а важными и строгими рассуждениями о нравственности — сухость и мертвенность своих деревянных сердец!..

(Собр. соч., т. I, СПБ 1911.)

ГЛАВА V

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ ДВОРЯНИНА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. ПО ВОСПОМИНАНИЯМ А. И. ГЕРЦЕНА

На меня передняя не сделала никакого действительно дурного влияния. Напротив, она с ранних лет развила во мне непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу. Бывало, когда я еще был ребенком, Вера Артамоновна, желая меня сильно обидеть за какую-нибудь шалость, говаривала мне: «Дайте срок, — вырастете, такой же барин будете, как другие». Меня это ужасно оскорбляло. Старушка может быть довольна: *таким, как другие,* по крайней мере, я не сделался.

Сверх передней и девичьей, было у меня еще одно рассеяние, и тут, по крайней мере, не было мне помехи: я любил чтение столько же, сколько не любил учиться. Страсть к бессистемному чтению была вообще одним из главных препятствий серьезному учению. Я, например, прежде и после терпеть не мог теоретического изучения языков, но очень скоро выучивался кой-как понимать и болтать с грехом пополам, и на этом останавливался, потому что этого было достаточно для моего чтения.

У отца моего вместе с Сенатором[1] была довольно большая библиотека, составленная из французских книг прошлого столетия. Книги валялись грудами в сырой нежилой комнате нижнего этажа в доме Сенатора; ключ был у Кало; мне было позволено рыться в этих литературных закромах, сколько я хотел, и я читал себе да читал. Отец мой видел в этом двойную пользу: во-первых, что я скорее выучусь по-французски, а сверх того, что я занят, т. е. сижу смирно, и притом у себя в комнате. К тому же я не все книги показывал или клал у себя на столе, — иные прятались в шифоньерку.

Что же я читал? Само собою разумеется, романы и комедии. Я прочел томов пятьдесят французского «Репертуара» и русского «Феатра»[2]; в каждой части было по три, по четыре пьесы. Сверх французских романов, у моей матери были романы Лафонтена, комедии

[1] Брат отца А. И. Герцена, до 1815 г. исполнявший различные дипломатические поручения русского правительства в Западной Европе, а после этого назначенный в Сенат.

[2] «Российский феатр», сборник, издавался при Академии наук в 1786—1794 гг.; вышло 43 части.

Коцебу, — я их читал раза по два. Не могу сказать, чтоб романы имели на меня большое влияние; я бросался с жадностью на все двусмысленные или несколько растрепанные сцены, как все мальчики, но они не занимали меня особенно. Гораздо сильнейшее влияние имела на меня пьеса, которую я любил без ума, перечитывал двадцать раз и притом в русском переводе «Феатра» — «Свадьба Фигаро». Я был влюблен в Керубино и в графиню, и, сверх того, я сам был Керубино; у меня замирало сердце при чтении и, не давая себе никакого отчета, я *чувствовал* какое-то новое ощущение. Как упоительна казалась мне сцена, где пажа одевают в женское платье! Мне страшно хотелось спрятать на груди чью-нибудь ленту и тайком целовать ее. На деле я был далек от всякого женского общества в эти лета.

Помню только, как изредка по воскресеньям к нам приезжали из пансиона две дочери Б. Меньшая, лет шестнадцати, была поразительной красоты. Я терялся, когда она входила в комнату, не смел никогда обращаться к ней с речью, а украдкой смотрел в ее прекрасные темные глаза, на ее темные кудри. Никогда никому не заикался я об этом, и первое дыхание любви прошло, не сведанное никем, ни даже ею.

Годы спустя, когда я встречался с нею, сильно билось сердце, и я вспомнил, как я двенадцати лет отроду молился ее красоте.

Я забыл сказать, что «Вертер» меня занимал почти столько же, как «Свадьба Фигаро»; половины романа я не понимал и пропускал, торопясь скорее дойти до страшной развязки; тут я плакал, как сумасшедший. В 1839 г. «Вертер» попался мне случайно под руки; это было во Владимире; я рассказал моей жене, как я мальчиком плакал, и стал ей читать последние письма... И когда дошел до того же места, слезы полились из глаз, и я должен был остановиться.

Лет до четырнадцати, я не могу сказать, чтоб мой отец особенно теснил меня, но просто вся атмосфера нашего дома была тяжела для живого мальчика. Строптивая и ненужная заботливость о физическом здоровье рядом с полным равнодушием к нравственному страшно надоедала, — предостережения от простуды, от вредной пищи, хлопоты при малейшем насморке, кашле. Зимой я по неделям сидел дома, а когда позволялось проехаться, то в теплых сапогах, шарфах и пр. Дома был постоянно нестерпимый жар от печей. Все это должно было сделать из меня хилого и изнеженного ребенка, если б я не наследовал от моей матери непреодолимого здоровья. Она, с своей стороны, вовсе не делила этих предрассудков и на своей половине позволяла мне все то, что запрещалось на половине моего отца.

Учение шло плохо, без соревнования, без поощрений и одобрений; без системы и без надзору я занимался спустя рукава и думал памятью и живым соображением заменить труд. Разумеется, что и за учителями не было никакого присмотра: однажды условившись в цене, лишь бы они приходили в свое время и сидели свой час, — они могли продолжать годы, не отдавая никакого отчета в том, что делали.

Одним из самых странных эпизодов моего тогдашнего учения было приглашение французского актера Далеса давать мне уроки декламации.

— Нынче на это не обращают внимания, — говорил мне мой отец, — а вот брат Александр, — он шесть месяцев сряду всякий вечер читал с Офренем[1] Le récit de Théramène[2] и все не мог дойти до того совершенства, которого хотел Офрень.

Затем принялся я за декламацию.

— А что, monsieur Dalès, — спросил его раз мой отец, — вы можете, я полагаю, давать уроки танцования?

Далес, толстый старик за шестьдесят лет, с чувством глубокого сознания своих достоинств, но и с не меньше глубоким чувством скромности отвечал, что он не может судить о своих талантах, но что он часто *давал советы* в балетных танцах au Grand Opéra.

— Я так и думал, — заметил ему мой отец, поднося ему свою открытую табакерку, чего с русским или немецким учителем он никогда бы не сделал. — Я очень хотел бы, если б вы могли le degourdir un peu[3] после декламации, немного бы потанцовать.

— Monsieur le comte peut... de moi[4].

И мой отец, безмерно любивший Париж, начал вспоминать о фойе оперы в 1810 г., о молодости Жорж[5], о преклонных летах Марс и расспрашивал о кафэ и театрах.

Теперь вообразите себе мою небольшую комнатку. Печальный зимний вечер; окна замерзли, и с них течет вода по веревочке; две сальные свечи на столе — и наш tête à tête. Далес на сцене еще говорил довольно естественно, но за уроком считал своей обязанностью наиболее удаляться от натуры в своей декламации. Он читал Расина как-то на распев и делал тот пробор, который англичане носят на затылке, на цезуре каждого стиха, так что он выходил похожим на надломленную трость.

При этом он делал рукой движение человека, попавшего в воду и не умеющего плавать. Каждый стих он заставлял меня повторять несколько раз и все качал головой: «Не то, совсем не то! Attention! Je crains Dieu, cher Abner», — тут пробор, — он закрывал глаза, слегка качал головой и, нежно отталкивая рукой волны, прибавлял: «et n'ai point d'autre crainte»[6].

Затем старичок, «ничего не боявшийся, кроме бога», смотрел на часы, свертывал романы и брал стул: *это была моя дама.*

После этого нечему дивиться, что я никогда не танцовал.

Уроки эти продолжались недолго и прекратились очень трагически недели через две.

Я был с Сенатором во французском театре; проиграли увертюру и раз, и два, — занавес не подымалась; передние ряды, желая показать, что они знают *свой* Париж, начали шуметь, как там шумят *задние.*

---

[1] Знаменитый французский актер, бывший в 1785—1803 гг. в Петербурге, где и умер.

[2] Рассказ Терамена, персонажа в «Федре» Расина.

[3] Сделать его немного развязным.

[4] Граф может мною располагать.

[5] Жорж и Марс — сценические имена знаменитых французских артисток начала XIX в.

[6] Внимание! «Я боюсь бога, дорогой Абнер (персонаж в «Аталии» Расина), и ничего больше не боюсь».

На авансцену вышел какой-то режиссер, поклонился направо, поклонился налево, поклонился прямо и сказал: «Мы просим всего снисхождения публики; нас постигло страшное несчастие: наш товарищ Далес, — и у режиссера, действительно, голос прервался слезами, — найден у себя в комнате мертвым от угара».

Таким-то сильным средством избавил меня русский чад от декламации, монологов и монотанцев с моей дамой о четырех точеных ножках из красного дерева.

Лет двенадцати я был переведен с женских рук на мужские. Около того времени мой отец сделал два неудачных опыта приставить за мной немца.

Немец при детях — и не гувернер и не дядька, это — совсем особенная профессия. Он не учит детей и не одевает, а смотрит, чтобы они учились и были одеты, печется о их здоровье, ходит с ними гулять и говорит тот вздор, который хочет, не иначе, как по-немецки. Если есть в доме гувернер, немец ему покоряется; если есть дядька, он покоряется немцу.

Учителя, ходящие по билетам, опаздывающие по непредвидимым причинам и уходящие слишком рано по обстоятельствам, не зависящим от их воли, строят немцу куры, и он при всей безграмотности начинает себя считать ученым. Гувернантки употребляют немца на покупки, на все возможные комиссии, но позволяют ухаживать за собой только в случае физических недостатков и при совершенном отсутствии других поклонников. Лет четырнадцати воспитанники ходят тайком от родителей к нему в комнату курить табак; он это терпит, потому что ему необходимы сильные вспомогательные средства, чтоб оставаться в доме. В самом деле, большей частью в это время немца при детях благодарят, дарят ему часы и отсылают; если он устал бродить с детьми по улицам и получать выговоры за насморк и пятна на платьях, то немец *при детях* становится просто немцем, заводит небольшую лавочку, продает прежним питомцам мундштуки из янтаря, одеколон, сигарки и делает другого рода *тайные* услуги им.

Первый немец, приставленный за мною, был родом из Шлезии и назывался Иокиш; по-моему, этой фамилии было за глаза довольно, чтоб его не брать. Высокий плешивый мужчина, он отличался чрезвычайной нечистоплотностью и хвастался своим знанием агрономии; я думаю, что отец мой именно поэтому его и взял. Я с отвращением смотрел на шленского великана и только на том мирился с ним, что он мне рассказывал, гуляя по Девичьему полю и на Пресненских прудах, сальные анекдоты, которые я передавал передней. Он прожил не больше года, напакостил что-то в деревне, садовник хотел его убить косой; отец мой велел ему убираться.

На его место поступил брауншвейг-вольфенбюттельский солдат (вероятно, беглый) Федор Карлович, отличавшийся каллиграфией и непомерным тупоумием. Он уже был прежде в двух домах при детях и имел некоторый навык, т. е. придавал себе вид гувернера; к тому же он говорил по-французски на «ши», с обратным ударением.

Я не имел к нему никакого уважения и отравлял все минуты его жизни, особенно с тех пор, как я убедился, что, несмотря на все

мои усилия, он не может понять двух вещей: десятичных дробей и тройного правила. В душе мальчиков, вообще, много беспощадного и даже жестокого; я с свирепостью преследовал бедного вольфенбюттельского егеря пропорциями; меня это до того занимало, что я, мало вступавший в подобные разговоры с моим отцом, торжественно сообщил ему о глупости Федора Карловича.

К тому же Федор Карлович мне похвастался, что у него есть новый фрак, синий, с золотыми пуговицами, и, действительно, я его видел раз отправляющегося на какую-то свадьбу во фраке, который ему был широк, но с золотыми пуговицами. Мальчик, приставленный за ним, донес мне, что фрак этот он брал у своего знакомого сидельца в косметическом магазине. Без малейшего сожаления пристал я к бедняку: где синий фрак — да и только.

— У вас в доме много моли, я его отдал к знакомому портному на сохранение.

— Где живет этот портной?

— Вам на что?

— Отчего же не сказать?

— Ненадобно не в свои дела мешаться.

— Ну, пусть так, а через неделю мои именины, — утешьте меня, возьмите синий фрак у портного на этот день.

— Нет, не возьму; вы не заслуживаете, потому что вы «импертинент»[1].

И я грозил ему пальцем.

Надобно же было для последнего удара Федору Карловичу, чтоб он раз при Бушо, французском учителе, похвастался тем, что он был рекрутом под Ватерлоо, и что немцы дали страшную таску французам. Бушо только посмотрел на него и так страшно понюхал табаку, что победитель Наполеона несколько сконфузился. Бушо ушел, сердито опираясь на свою сучковатую палку, и никогда не называл его иначе, как le soldat de Vilain-ton[2]. Я тогда еще не знал, что каламбур этот принадлежит Беранже, и не мог нарадоваться на выдумку Бушо.

Наконец, товарищ Блюхера рассорился с моим отцом и оставил наш дом, после этого отец мой не теснил меня больше немцами.

При брауншвейг-вольфенбюттельском воине я иногда похаживал к каким-то мальчикам, при которых жил его приятель тоже в должности «немца», и с которыми мы делали дальние прогулки, после него я снова оставался в совершенном одиночестве, скучал, рвался из него и не находил выхода. Не имея возможности пересилить волю отца, я, может, сломился бы в этом существовании, если б вскоре новая умственная деятельность и две встречи, о которых скажу в следующей главе, не спасли меня. Я уверен, что моему отцу ни разу не приходило в голову, какую жизнь он заставляет меня вести, иначе он не отказывал бы мне в самых невинных желаниях, в самых естественных просьбах.

---

[1] Наглый, дерзкий.

[2] «Солдат дурного тона», или «солдат Веллингтона», разбившего вместе с Блюхером Наполеона при Ватерлоо.

Изредка отпускал он меня с Сенатором во французский театр; это было для меня высшее наслаждение, я страстно любил представления, но и это удовольствие приносило мне столько же горя, сколько радости: Сенатор приезжал со мною в пол-пиесы и, вечно куда-нибудь званый, увозил меня прежде конца. Театр был у Арбатских ворот, в доме Апраксина: мы жили в Старой Конюшенной, т. е. очень близко, но отец мой строго запретил возвращаться без Сенатора.

Мне было около пятнадцати лет, когда мой отец пригласил священника давать мне уроки богословия, *насколько* это было нужно для вступления в университет. Катехизис попался мне в руки после Вольтера. Нигде религия не играет такой скромной роли в деле воспитания, как в России, и это, разумеется — величайшее счастье. Священнику за уроки закона божия платят всегда полцены, и даже это так, что тот же священник, если дает тоже уроки латинского языка, то он за них берет дороже, чем за катехизис.

Мой отец считал религию в числе необходимых вещей благовоспитанного человека; он говорил, что надобно верить в священное писание без рассуждений, потому что умом тут ничего не возьмешь, и все мудрования затемняют только предмет; что надобно исполнять обряды той религии, в которой родился, не вдаваясь, впрочем, в излишнюю набожность, которая идет старым женщинам, а мужчинам неприлична. Верил ли он сам? Я полагаю, что немного верил, по привычке, из приличия и на всякий случай. Впрочем, он сам не исполнял никаких церковных постановлений, защищаясь расстроенным здоровьем. Он почти никогда не принимал священника или просил его петь в пустой зале, куда высылал ему синенькую бумажку. Зимою он извинялся тем, что священник и дьякон вносят такое количество стужи с собой, что он всякий раз простужается. В деревне он ходил в церковь и принимал священника, но это больше из светско-правительственных целей, нежели из богобоязненных.

Мать моя была лютеранка и, стало быть, степенью религиознее; она всякий месяц раз или два ездила в воскресенье в свою церковь, или, как Бакай упорно называл, «в свою кирху», и я от нечего делать ездил с ней. Там я выучился до артистической степени передразнивать немецких пасторов, их декламацию и пустословие, — талант, который я сохранил до совершеннолетия.

(«Былое и думы», т. I, гл. II, по изд. 1932 г.)

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПАНСИОН 30—40-х ГОДОВ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ В. Н. КАРПОВА

...В те годы содержать частный пансион было весьма выгодною профессией. Для того, чтобы отдать сына или дочь в пансион на полное содержание, нужно было платить в год от 700 до 1000 рублей. При этом требовалось, чтобы пансионер или пансионерка принесли в дар пансиону: одну серебряную ложку, нож и вилку, шесть салфеток и две скатерти. Если мы примем во внимание, что в пансионе, имевшем хорошее реноме, было не менее двухсот учащихся, то у нас получится

в один раз двести пар ножей, двести серебряных ложек, сто дюжин салфеток и более тридцати трех дюжин скатертей. Не следует забывать, что в пансионах серебряные ложки заменялись мельхиоровыми, ножи нередко попадались без колодочек, вилки — без остриев, салфетки были убраны латками, а скатерти имели большие вставки. Интересно знать, где хранилась эта масса новых ложек, ножей, салфеток и прочего инвентаря, приносимого в дар пансиону учащимися?..

Помещики обыкновенно давали в услужение для своих детей мальчиков или горничных из крепостных своих крестьян и, кроме того, ежегодно, к рождеству и к празднику пасхи, присылали целыми подводами масла, гусей, уток, муку, сало и прочие продукты деревенского хозяйства. А дети купцов привозили в подарки начальникам пансионов головами сахар, фунтами чай и кофе, столовое вино, конфеты, пряники, пастилы разных сортов и даже варенье домашнего приготовления. Если, ко всему сказанному мы прибавим, что ежегодно именины начальника или начальницы пансиона сопровождались дорогими подарками от учащихся, которые преподносились с затаенным желанием ценностью своего подарка превзойти своих товарищей и подруг, то перед нами сама собой нарисуется картина целого вороха приношений на алтарь жрецам Минервы [1].

Что касается учения и жизни учащихся, то они учились и жили согласно требованиям педагогии, гигиены и медицины...

Для большинства городских учащихся семидневная неделя превращалась в четырехдневную. Затем следовали: именины бабушки, дедушки, тетеньки, дяденьки, маменьки и тятеньки, которые строго соблюдались, как великие дни праздников. Особенно часто перерывы учения были в обычае в женских пансионах. То от усиленной умственной работы болела голова, то развивался упадок сил, и годовой врач дома оставлял барышню дома дня на два и более того. Но такое уменьшение числа дней в неделе никогда не влияло на успехи учениц и на переводные экзамены. Все знали свои уроки и блестяще отвечали на экзаменах. Никто не оставался на второй год в том же классе. Пансионов было много, но я остановлюсь на двух лучших пансионах, которые в то время пользовались особенным доверием и любовью со стороны жителей города. Пансион мадам Ларенс и пансион Метлеркамф — это были два лучших частных пансиона. Нет сомнения, что лучшим женским училищем того времени бесспорно был Институт благородных девиц. При всей замкнутости какого-то монастырского режима, в нем строго выполнялась учебная программа, находясь под непосредственным наблюдением инспектора по учебной части. Окончившие курс девицы выходили с знанием истории литературы, истории всеобщей и русской, закона божьего и французского языка. При этом, большинство из институток прекрасно играли на рояли.

Два вышеупомянутых частных пансиона в своем направлении, а также в преследовании целей в деле воспитания, не отличались один от другого, хотя, казалось, шли по разным дорогам.

Пансионы эти не придавали особенно важного значения научным знаниям, но пансион Ларенс обращал особенно строгое внимание на

[1] Богини мудрости.

практическое знание французского языка и на умение девиц держать себя в обществе, выражать свои чувства, говорить, ходить, встречать гостей и прощаться с ними. Затем, придавалось весьма серьезное значение умению красиво одеться и вообще ревниво смотреть за своею внешностью. Пансионерки пансиона Ларенс были тщательно удаляемы от всего, что могло их навести на ненадлежащие мысли или на приобретение каких-либо слов, принадлежащих к лексикону девичьей или кухни.

Каждое утро девица, вышедшая вполне одетою из дортуара, или приехавшая из дома родителей как полупансионерка, прежде чем войти в общий зал или в класс, должна была представиться начальнице для надлежащего ее осмотра. Малейшее упущение в костюме или легкое отношение к своей физиономии подвергало девицу строгим замечаниям со стороны заботливой maman.

Все объяснения и разговоры шли на французском языке и потому, спешу сказать, воспитанницы пансиона Ларенс, после институток, считались хорошо умевшими говорить по-французски.

— Ах, милая, — говорила maman, — осматривая лицо и костюм девушки. Как ты забываешь мои приказания! Я уже не раз говорила тебе, что это очень неприлично иметь девице усы. А у тебя — посмотри — опять начинают пробиваться усы. Надо их выкатывать мякишем из хлеба.

— Простите, maman! — робко отвечала сконфуженная девица. — Очень больно вырывать волоски, хотя бы и хлебом.

— А что же делать, моя милая? Для того чтобы быть хорошенькой, можно претерпеть и не такие муки.

И ученица уходила сконфуженною.

— А ты, моя дорогая! — обращалась начальница к другой воспитаннице. — Что это у тебя брови точно щетина торчат? Надо их приглаживать как можно чаще и даже фиксатуарить.

И девица делала низкий реверанс и преклоняла свою голову в знак покорности.

— А с тобой, моя милая, я уж не знаю, что и делать, — обращалась начальница к девице, приехавшей из дома родителей. — Ну, посмотри, какой у тебя шевелюр. Он тебе совсем не идет. У тебя круглое лицо, и потому тебе надо убирать свою голову высокою прической, а ты — напротив — украшаешь ее круглой кренировкой и выходит, что ты из своей головы делаешь какую-то тыкву. C'est à mauvais ton!

— Да это, maman, моя горничная не умеет чесать! — смело и не задумываясь отвечает девушка. — Она такая дура!..

— Что, что, что? Ай, ай, что ты говоришь? Вообще, mes chères enfants, помните и не забывайте! Девица должна строго следить за своею красотой, которая должна проявлять себя во всей ее жизни, во всех ее движениях. Девица должна быть скромна, тиха, почтительна и наивна, как безгрешное дитя, как неземное существо. Ее реверанс, ее улыбка, или неожиданно зардевшийся румянец на щеках — все ценится дорогою ценою. Если девица не будет знать, где находится город Стокгольм, или забудет табличку умножения, — ей это простят. Но

если она будет проста в обращении, если она не будет уметь говорить по-французски или не сумеет одеть и причесать себя так, как ей идет к лицу, — этого никогда ей не простят. Такая девица весьма легко может остаться в девушках навсегда, несмотря даже на свое богатство... Помните это и идите заниматься, а в пятницу все приезжайте вечером ко мне на soirée avec le manoeuvre[1].

Девицы, выслушавши наставления своей начальницы, делали почтительнейший реверанс, целовали руку своей maman и уходили в класс, в ожидании своих учителей.

Мадам Ларенс приказала своим воспитанницам съехаться к ней в пятницу вечером, на soirée avec le manoeuvre.

Считаю необходимым пояснить смысл и значение этих вечеров, которые назначались время от времени, раза два-три в продолжение учебного года.

На такие вечера съезжались воспитанницы одетыми, хотя в платьях не первой свежести, но по-бальному.

Начальница встречала их в большом рекреационном зале и заставляла проделывать различные приемы из светской жизни.

— Ну, милая, — говорила начальница, обращаясь к воспитаннице. — В вашем доме сидит гость, — молодой человек. Вы должны выйти к нему, чтобы провести с ним время. Как вы это должны сделать?

И девица, как бы входя в зал из другой комнаты, шла по направлению к начальнице, делала реверанс и садилась на какой-либо стул.

— Так! хорошо! — говорила начальница, поощряя свою понятливую воспитанницу.

Но вот, вошла в зал только что приехавшая из дома на вечер девица.

— Что это, что это? У вас, моя дорогая, слишком открыто декольте. Так невозможно! Вам надо непременно надевать «modestie». Помните навсегда: La beauté coûte un million, mais la modestie n'a pas de prix.

Но в это время одна из девиц, говоря с другою, грубо толкнула ее в сторону.

— Что ты, милая? Разве можно так поступать? Надо скрывать свой нрав и уметь не быть, а казаться. В этом задача жизни девушки...

Затем, девицы то будто провожали гостя, то будто давали согласие на мазурку, то садились играть, по просьбе кавалера, то встречали и видались с бабушкой или с дедушкой...

Проведя в таких упражнениях несколько часов, девицы разъезжались по домам и на другой день, в субботу, уже не приезжали на занятия, так как были очень уставшими...

Если воспитанницы пансиона Ларенс совершали попарно прогулку по городу, то классные дамы, сопровождавшие их, не переставая следили за всем, что совершалось на улице, и отклоняли внимание девиц от всего, что считалось неприличным или неуместным для взоров воспитанниц.

---

[1] Вечер упражнений.

— Медам! — обыкновенно говорила классная дама своим девицам, проходя мимо длинного забора, — не смотрите на забор!..

Если где-либо на тротуаре молодой парень заигрывал с торговкой, немедленно делались распоряжения.

— Медам! Не смотрите в правую сторону!..

Пансион Ларенс вообще был излюбленным пансионом дворян и богатого купечества, так как институт не мог вмещать в себе всех девиц, желавших поступить. Его начальница особенно пользовалась любовью со стороны купечества за то, что она никому из них не отказывала в добром совете. Просила ли мать какой-либо воспитанницы научить ее дочь, как она должна была отнестись к своему жениху при первом его визите в их доме; нужно ли было уговорить оканчивавшую курс воспитанницу не отказывать в руке такому-то жениху, — эта почтенная и добрая воспитательница всегда с участием относилась к просьбам матерей ее питомиц и силою своего влияния на них успевала удовлетворять желания как матерей, так и милых их дочерей.

Совсем другого направления, но не менее полезного и разумного, был пансион мадам Метлеркамф. В программе пансиона Метлеркамф высказывался дух национальности, к которой принадлежала почтенная воспитательница. Как немка, она обращала менее внимания на внешний облик воспитанниц и не придавала строгого значения некоторой шершавости манер их и плохому умению говорить по-французски. Зато на науки у нее было обращено более тщательное внимание. В ее пансионе воспитанницы получали по пяти из закона божьего и из чистописания.

— Ах, моя милая! — говорила maman своей воспитаннице, рассматривая ее тетрадь чистописания. — Разве можно так плохо писать? Ты знаешь, что хороший почерк для девицы — это лучшее ее приданое. Какая же из тебя будет жена, если ты не будешь уметь записать даже белье своего мужа? Нехорошо, нехорошо! Иди и учись лучше!..

И сконфуженная девица уходила, проливая слезы на плохо написанную страницу своей тетради.

Затем обращалось внимание на прилежное занятие математикой.

— Математика, математика и математика, мои милые дети! — говорила не раз всем своим питомцам начальница. — Учите сложение и вычитание; без них вы будете плохие жены. Какими вы будете хозяйками, когда не сумеете сосчитать базара? Помните немецкую поговорку:

Wer sein Rechnung nicht weis,

— Der hat kein Preis!

(Кто не может свести свои счеты, — тот ничего не стоит).

В пансионе Метлеркамф было воспитанниц не меньше числом, чем в пансионе Ларенс. Но они, по богатству и происхождению, принадлежали к классу менее значительных и зажиточных людей. Среди учащихся этого пансиона были дети чиновников, учителей, духовенства, военных и помещиков, имевших до ста душ крестьян, но как бы ни было, а в этом пансионе, так же как и в пансионе Ларенс, усердно

занимались музыкой, и многие девицы весьма осмысленно играли на рояли. Отличительною же чертою этого пансиона были обычные литературные вечера, без публики и даже без посторонних посетителей. В те годы так много было талантливых наших русских писателей, которые, как бы сговорившись, дарили публику, поочередно, то одним, то другим художественным произведением. На вышеупомянутых литературных вечерах все эти произведения читались учителем русского языка, с комментариями и с пояснениями характеров действующих лиц и героев повести, романа или поэмы. И эти разумно придуманные вечера не проходили бесследно. Они сыграли свою благотворную роль в деле интеллектуального развития молодежи того времени и вошли в обычай, даже в привычку препровождения времени, о чем я буду говорить ниже.

Но, как и все на свете, не без комических сторон были эти два друг другу противоположные пансиона. В пансионе Ларенс, в тех видах, чтобы всякая девица представляла из себя Mignonne, как я уже сказал выше, преследовалось всякое слово, носившее в себе двоякий смысл. Так, например, нельзя было девице говорить: «C'est le fils du second lit». — Она должна была или избегать этой фразы или же, в крайнем случае, говорить так: — «C'est le fils от второй мамаши». В пансионе Метлеркампф, напротив, эта фраза произносилась также по-французски, но с другим окончанием, по-русски. И вот, в те годы циркулировал такой анекдот, который, конечно, не может быть принят, как характерный для всех девиц, но тем не менее достойный быть занесенным на страницы моих воспоминаний.

Две подруги и приятельницы, но учившиеся не вместе, а в этих двух пансионах, разговаривая между собою, должны были употребить вышеприведенную мною фразу.

— Ах, ты знаешь, Полина, Гришу Шумова? C'est le fils от второй мамаши? — спросила однажды воспитанница мадам Ларенс свою подругу, воспитанницу мадам Метлеркамф.

— Ах, Нюся! Разве можно так говорить? — чуть не с ужасом возразила ей подруга. — Так никогда не говорят. Надо говорить: c'est le fils от второго марьяжа.

Из приведенного факта видно, что описанные мною два пансиона, хотя на первый взгляд и разнились в своем направлении, но, тем не менее, в деле воспитания *девушки* оба преследовали одни цели...

Что касается пансионов для мальчиков, то таковых было много, но более выдающимися были — пансион профессора Якимова, помещавшийся на Змиевской улице в собственном доме Якимова, где в настоящее время солдатские казармы, а затем пансион, тоже бывшего профессора Сливицкого, помещавшийся на Сумской улице, в доме, принадлежавшем ему, а ныне г. Шатовой, и, наконец, известный всему купечеству г. Харькова пансион «Немца», помещавшийся в первое время своего существования в доме Земницкого, ныне доктора Вышинского, на углу Конторской и Рождественской улиц...

Пансион «Немца» более других требует, чтобы на нем остановиться. О «Немце» ходили тогда легенды, будто он был привезен стариком Кузиным в Россию в качестве камердинера. По ходатайству

Кузина он был записан на русскую службу и, получивши первый чин, получил право на открытие пансиона.

Ну что ж? Не привыкать нам стать
Себя в науку отдавать
Различным пришлым господам.
Учил француз нас пустякам,
Учил нас немец, грек и чех;
И мы, послушные, — для всех,
Меняли облик свой природный,
Приняв свет мудрости негодной...

Это был человек высокого роста, худой, с желтым лицом, раздражительный, суровый на вид, с седыми нависшими на глаза бровями и с весьма плохим мнением о русских детях. Он их открыто называл наглецами и бездарными животными.

— Die russische Kinder das ist etwas unmögliches, darum sie sind alle dummköpfig! — был его постоянный и обыкновенный отзыв о всех русских детях.

И вот этому лицу было вручено и воспитание русского юношества. Бедное русское юношество!..

«Немец», под сюртуком своим, у бокового кармана, имел пришитую пуговицу, на которой постоянно висела зеленая плеть вроде собачьего арапника. Он сам преподавал немецкий и французский языки и чистописание. А потому не было дня, чтобы все классы не имели хотя по одному часу из его трех предметов. Но за каждую ошибку в ответе урока или за дурно написанную страницу, он, не отходя от ученика, наказывал его плетью при всех, нагоняя этим на всех учеников и страх и слезы.

— Русска мальчишка только плетью и выучишь! — обыкновенно говорил он. Когда ты вырастешь большим, ты придешь ко мне и спросишь, где та рука, которая меня била? я ее поцелую!..

Как всякий человек, и он один раз в год бывал именинником. И вот, за неделю перед именинами, его жена, вечером, когда дети в рекреационном зале за общим столом сидели и готовили уроки для следующего дня, подходила к каждому ученику и говорила, чтобы ученик, когда поедет в субботу домой, в понедельник привез бы от родителей два рубля, так как такого-то числа будут именины «Немца», и потому положено купить ему в подарок от имени всех учеников люстру. Конечно, каждый год сообразно с ценою подарка менялась и цифра взноса. В субботу, обыкновенно, отпускали домой только тех учеников, которые за всю неделю не имеют ни одной единицы. Но в эту субботу были отпускаемы домой все ученики. Думаю, излишне говорить, что дети в понедельник с удовольствием спешили привезти ассигнованные для подарка два рубля.

Проходило время, и наставал торжественный день имении великого педагога.

В рекреационном зале вешался или ставился на стол подарок, и дети расставлялись у стен в шеренгу. С веселыми лицами ожидали дети прихода именинника, который не заставлял себя ожидать долгое время. С насильственной улыбкой на устах являлся «Немец» и, полу-

чивши от имени учащихся подарок, целовал своими жесткими устами двух-трех учеников и объявлял, что в этот день занятий не будет, и потому всем дозволяется резвиться и играть. Ученикам в этот день давался десерт, состоящий из лесных орехов и мятных пряников.

Дети, конечно, беспечно проводили день именин и были очень резвы и веселы до позднего часа ночи.

На другой день именин, в обычный час, начинались занятия, и пансионная жизнь вступала в свои права. Нет сомнения, что в каком-либо классе был и в этот день урок «Немца». И вот, если кто из учеников плохо отвечал или даже совсем не знал урока, «Немец», не задумываясь, брал его за ворот куртки, перетягивал через парту и начинал нещадно бить плетью.

— А ты, подлец, думал, что я за два рубля тебя и бить не буду? Ты хотел меня подкупить?..

И так далее на эту тему.

Такие поступки гуманного педагога не могли не дать плачевных результатов. Один из учеников восьми лет убежал из пансиона к полицеймейстеру Серебрякову, который в то время жил на Екатеринославской улице, в собственном доме (впоследствии принадлежавшем купцу Запорожцеву), и показал ему свое избитое тело. Серебряков, бывши знаком с его родителями, принял участие в восьмилетнем страдальце и немедленно взял его из пансиона.

Но были и более серьезные факты, вызванные таким жестоким обращением педагога со своими питомцами. Был ученик Кочетов, который несколько раз жаловался родителям на суровое обращение с ним «Немца». Но на его жалобы не было обращено никакого внимания. Он начал умышленно воровать. Пропала со стола серебряная ложка. Но на эту пропажу не было обращено должного внимания. Тогда сразу пропадает три ложки. Поднялись самые строгие розыски и допросы среди прислуги. Как я уже сказал выше, дети помещиков нередко имели при себе мальчиков из своих крепостных для услуг. На одного из таких мальчиков и пало подозрение в воровстве четырех ложек.

Мальчик Филатка был до утра заперт в сарай с тем, чтобы отправить его в полицию для допроса, под ударами розог. Узнавши это, Кочетов сам пришел к Ц. и заявил, что ложки украдены им и спрятаны там-то. Его признание оправдалось на деле, и ложки были отысканы. На вопрос, для чего он это сделал, Кочетов отвечал, что этим он желал вынудить «Немца» прогнать его из пансиона.

Такой факт не испугал «Немца». Великий педагог не унимался и попрежнему давал ход своей плети.

И вот однажды из слухового окна крыши дома, занимаемого пансионом, показался зловещий дым. Прислуга бросилась на чердак и нашла там костер из вороха щепы и бумаги, из которого языки пламени подымались до стропил крыши. К счастью, пожар был во-время захвачен и потушен домашними средствами. По расследованию оказалось, что два брата Тахтарумовы, из Тифлиса, писали неоднократно родным, чтобы их взяли из пансиона, так как «Немец» бил их немилосердно. Но на их просьбы не было ответа. И вот, чтобы найти воз-

можность быть взятыми из пансиона, они придумали поджечь дом и этим освободить себя от невыносимого педагога.

И, несмотря на все вышеприведенные факты, пансион существовал весьма долгое время, меняя квартиры и плети, но не меняя своих отношений к детям.

Принимая во внимание, что большинство учащихся были дети весьма богатых родителей как дворян, так и купцов, плативших содержателю по 500 и более рублей в год, нельзя не признать, что все это характеризует нравы того времени, а также говорит и о тех взглядах на воспитание детей, какие доминировали в то время даже в хорошем обществе...

(«Харьковская старина», изд. 1900 г., стр. 227—248)

ГИМНАЗИЯ 30—40-х ГОДОВ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ С. М. СОЛОВЬЕВА

Как прежде было сказано, я поступил в III класс, благодаря плохому знанию математики. Вследствие сильного отвращения от этой науки, полной неспособности к ней, невозможности понять, к чему служит эта передвижка цифр и букв, какая благодать от того, что $x^2 + px + q = 0$, что x, наконец, может быть равен 23 или 33, что при таких-то и таких-то случаях треугольники равны, — вследствие этого я не мог делать успехов и в гимназии, хотя здесь принужден был силою заниматься и математикой, ломать без пользы голову по нескольку часов над задачами, что, разумеется, еще более усиливало во мне отвращение к предмету. В III классе учителем был Волков — страшный педант; это чудовище осмелилось однажды поставить меня на колени, что случилось со мною в первый раз в жизни; понятно, каково было моему самолюбию — самолюбию ревностного сопутника героев древней, средней и новой истории. Мало того, Волков обращался ко мне с такими милыми приветами: «Дурак ты, дурак ты, Соловьев! Уравнения второй степени решить не можешь! Жаль мне твоего отца, отец твой хороший человек, а ты дурак!» — И вот прошел год; я вышел из всех предметов отличным, кроме математики; инспектор дал знать об этом отцу; отец нанял ученика из старшего класса, чтоб приготовлять меня из математики к экзамену; я приготовился, взял, как говорится, если не мытьем, так катаньем, выучил наизусть все доказательства; экзаменовал учитель старших классов Погорельский, к которому я должен был перейти; этот человек любил скорые, твердые ответы; я отрезал ему ответ надиво, и Погорельский восхитился, поцеловал меня, сказал: «Умница мальчик! молодец мальчик!» — и поставил мне 5. Волков стоял тут, и я был вполне отомщен; тем более успех мой был блистателен, что большая часть учеников, пользуясь длинной вакацией по случаю перестройки гимназии, очень плохо приготовилась. Я поступил в IV класс изо всех предметов первым. Здесь я должен заметить любопытное явление: ученики, которых я застал в третьем классе, перешедшие сюда из второго с отличными успехами, начали уже здесь портиться, перешли в IV класс кое-как и не могли дотянуть вовсе до VII, последнего; из ста человек, бывших при мне

в III классе, не более пяти вместе со мною дотянули до седьмого и вступили в университет; все другие были вступившие позднее нас прямо в IV и V классы. Еще любопытный случай, который поразил меня в гимназии: в III классе силою и железным здоровьем отличались трое учеников — Чернохвостов, Богачев и Шютц, а я был самый слабый и хилый в целом классе: означенные богатыри могли меня повалить пальцем, и что же? Все трое года через два или через три умерли! Причиною смерти Богачева и Шютца было, как надобно полагать, раннее и излишнее знакомство с женщинами; что же касается до Чернохвостова, то этот очень умный и развитой малый влюбился в Наполеона и пришел к мысли, что он и в России, при ее настоящем положении, может сделаться Наполеоном; в 16 или 17 лет мало ли что воображается, все считается возможным; но, к несчастию, Чернохвостов не хотел ограничиться одним воображением; у него достало настолько силы духа, чтобы начать осуществление своих мечтаний. Ему надобно было прославиться на военном поприще; в мирное время этого достичь нельзя, и особенно ему, сыну мещанина, — и вот он, тайком от матери и старшего брата, пешком отправляется на Кавказ, чтобы поступить там в солдаты и выбраться в офицеры подвигами против горцев...

С IV класса преподавателем русского языка был у нас Попов, учитель превосходный, умевший возбудить охоту к занятиям, прекрасно разбиравший образцовые сочинения и сочинения учеников, умевший посредством этих разборов достигать главной цели своего преподавания — выучивать правильно писать по-русски и развивать таланты, у кого они были. Когда он начинал объяснять урок к следующему классу, урок из логики или риторики, — я, заинтересованный предметом, начинал вслух высказывать ему свои мысли. Попов не нашел этого странным со стороны ученика, пятнадцатилетнего мальчика, — напротив, находил удовольствие в этих присказываниях, в этой беседе, обмене мыслей со мной; должно быть, я говорил недурно, благодаря огромному количеству прочтенных книг, потому что Попов получил очень высокое мнение о моих способностях и внушил это мнение остальным своим товарищам-учителям. Вследствие этого высокого мнения о моем умственном развитии Попов был чрезвычайно строг к моим сочинениям; хотя он и гордился ими, и выставлял их напоказ, но ему все казалось, что я мог бы еще лучше писать; разобрав мое сочинение, он часто приговаривал: «Хорошо! но скажи, пожалуйста, Соловьев, отчего ты говоришь лучше, чем пишешь?» Это, действительно, могло быть так, во-первых, потому, что учитель, взобрав себе в голову высокое мнение о развитости моих способностей по разговору, — причем его поражала живость мыслей, относительная их самостоятельность, — не мог быть так доволен сочинениями, где на первом для него плане была уже форма; во-вторых, для меня эта форма была тяжка, это были цепи, которые затрудняли естественные движения, наводили на меня тоску, необходимо отражавшуюся в сочинении: учитель задаст описание памятника Минину и Пожарскому, а я подумаю: «Ну, что же тут я стану описывать!» — и ударюсь в описание впечатлений, производимых этим памятником, в рассказ о событиях, в которых участвовали изображенные герои, — а учитель с упреком: «Задано было описание

памятника, а ты из описания сделал повествование!» О, проклятые хрии и формы риторические! много они мне наделали неприятностей! Несмотря, однако, на это, Попов не уменьшал своего мнения о моих способностях. Однажды собрались учителя у одного из своих товарищей, Красильникова, преподававшего латинский язык в младших классах, подпили и разговорились; речь зашла о гимназии, об учениках; Попов начал хвалить меня и дошел до того, что сказал: «Ведь вы не знаете, господа! Ведь Соловьев просто гений!» Тут хозяин, Красильников, прервал его восторженную речь: «Полно, полно, Павел Михайлыч! Как это может быть! Положим, что Соловьев мальчик умный, с большими способностями, но может ли это быть, чтоб у нас в гимназии завелся гений?» На другой день ученики, жившие у Красильникова и подслушавшие этот разговор, рассказали его для потехи целому классу. Прав ты, добрый старик, в своем наивном сомнении! Мог ли в самом деле завестись гений в русской гимназии в сороковых годах XIX в.? И горе было бы ему, если бы он завелся! Было в России просторное для гения время в XVIII и в первой четверти XIX в.; но это золотое время прошло, и когда оно возвратится? (Писано 15 ноября 1854 г.)

(«Записки», изд. «Прометей», стр. 30—34)

ГИМНАЗИЯ 50-х ГОДОВ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВА

Помнится, граф Уваров оставил министерство в 1849 г.; его место занял князь Ширинский-Шихматов, перед тем самый заурядный директор департамента министерства народного просвещения. Сейчас же по уходе графа Уварова в уставе гимназий были произведены крутые перемены. Прежде всего греческий язык был совсем упразднен; если не ошибаюсь, для всего петербургского округа была сохранена лишь в Петербурге одна гимназия с двумя древними языками. Преподавание латинского языка начиналось с IV класса, количество уроков для него было определено: в IV классе — четыре, а в остальных, т. е. V, VI и VII, по три урока в неделю. Но этого мало — латинский язык не был для всех обязательным предметом: кто, перейдя в IV класс, заявлял о нежелании учиться латинскому языку, тот, начиная с V класса, в течение трех лет слушал законоведение (по три урока в неделю); для будущих законоведов свободные в IV классе четыре урока даром не пропадали, они поровну делились на усиленные занятия математикой и русским языком. Вместо же греческого языка для обоих отделений было введено со II класса естествоведение; во II и III классах проходилась зоология, в IV и V — ботаника, в VI — минералогия.

Эта реформа была вызвана не столько сознанием непригодности для России классической школы, сколько подозрением, что изучение древних языков, открывая возможность ознакомления с классическим миром, способствует распространению разрушительных идей. А через 20 лет эти же языки были признаны лучшим оплотом против тех же вредоносных начал!

Неудивительно, что реформа гимназий, произведенная князем Ширинским-Шихматовым, одновременно с ограничением доступа в университеты (кроме медицинских факультетов, для всех прочих вместе взя-

тых был определен комплект в 300 человек), не встретила сочувствия в лучшей части тогдашнего общества и недолго удержалась. С наступлением новых веяний после крымской кампании в петербургском округе, попечителем которого вскоре стал князь Щербатов, вместо знаменитого Мусина-Пушкина, преподавание законоведения с осени 1857 г. было остановлено; по крайней мере так было в нашей вологодской гимназии. Даже сомневаюсь, закончилось ли оно для тех, кто его ранее начал, потому что в VII классе, где оно должно было еще проходиться (я как раз в это время был в VII классе), часы его были распределены для добавочных занятий по другим предметам. Так как некоторые из шедших по законоведению в учебный 1857/58 г. заявили о желании отправиться в университеты, то по их просьбе учитель законоведения занимался с ними латинским языком.

Учившиеся законоведению и оканчивающие с аттестатом получали при поступлении на службу чин XIV класса; латинисты же при переходе в университет не освобождались от экзамена; от желавших поступить на историко-филологический факультет требовался даже экзамен из греческого языка; но, разумеется, это последнее существовало только на бумаге.

Видимо, наскоро были изготовлены учебники: для законоведения — профессором полицейского права С.-Петербургского университета Рождественским, для естественных наук по зоологии — Ю. Симашко, по ботанике — профессором Шиховским и по минералогии — профессором Гофманом. Что же такое был учебник Рождественского? Это был том около 400 страниц и представлял из себя сжатое изложение действовавших законов. Ни общефилософских, ни историко-юридических понятий в нем не было и следа. Уж не помню, чем нас занимал учитель законоведения на первом уроке каждого года, но все последующие уроки состояли в том, что он нас спрашивал. Задавалось известное количество страниц, и мы выучивали их наизусть; делали это довольно добросовестно, так как при незначительном числе учеников почти все и всякий раз спрашивались. Наш учитель законоведения был человек молодой, кандидат университета, знал европейские языки и, кажется, вообще был человек довольно развитой; но связан ли он был безусловным требованием — буквально держаться учебника — или сам находил излишним делать какие-нибудь общеюридические и исторические дополнения к нему, — только за два года, что преподавал нам (т. е. нашему выпуску) законоведение, он, помнится, сделал от себя одно пояснение, когда речь шла о правах ремесленников: что в Петербурге есть портные, которые работают платье из своего материала (таких в Вологде тогда еще не водилось). Так как законоведение начиналось с V класса, то само собой установилось, что мы на уроках его держали себя как взрослые, в свою очередь и учитель, которому не приходилось иметь дело с нами в низших классах, обращался с нами на «вы» и не прибегал к тем дисциплинарным мерам, которые тогда были в большом ходу, а в случае надобности ограничивался лишь простым замечанием, и этого было совершенно достаточно.

Насколько успевали латинисты, не могу судить, так как я шел по законоведению. Помню, что между юристами и латинистами нередко

возникали споры, что труднее: латинский язык или законоведение. Мы, законоведы, хотя в душе и сознавали, что латинский язык потруднее, т. е. приходилось более готовиться к урокам, однако явно в этом не признавались.

— Что ваши supinum'ы да gerundium'ы[1], а вот запомни-ка — за что прописывается каторга, по скольку лет, сколько плетей, сколько розог кому назначается. Нет, тоже и законоведение не шутка, все вдолбеж надо брать.

Как же распределялись ученики по отделениям, т. е., что руководило ими при выборе латинского языка или законоведения? Конечно, главное решение зависело от воли родителей. Дети дворян, в большинстве предназначавшиеся для военной службы; дети мелких чиновников заявляли свое предпочтение законоведению; дети же педагогического персонала или дети, родители которых были с высшим образованием, а также дети из духовного звания шли преимущественно по латинскому отделению. Наш выпуск состоял из тринадцати человек; из них только четверо кончили с латинским языком; но благодаря отмене ограничения в приеме в университеты и новому духу, проникшему даже в глухую Вологду, из нашего выпуска восемь человек отправились продолжать свое образование, а ранее это делали один-двое, даже и из более многочисленных выпусков...

Очень хорошо помню первый урок естествоведения; я был тогда во II классе. После рождества, в час, назначенный по расписанию, входит директор (А. С. Власов, незадолго перед тем прибывший из Петербурга) и с ним какой-то молодой человек в форменном платье учителя. Представив нам молодого человека в качестве учителя естественной истории, директор продолжал:

— Чтоб не пропадало время даром, я еще с начала года распорядился открыть преподавание естественной истории и поручил это бывшему учителю греческого языка (А. Г. Попову, — он, собственно, был преподавателем в семинарии, но учил греческому языку и в гимназии).

Действительно, в наш класс, а вероятно и в другие, приходил бывший учитель греческого языка, приносил с собой какую-то толстую книгу (кажется, «Фауну» Симашко), что-то по ней читал, не обращая внимания на страшный шум, царивший в классе, никогда ничего не задавал, а потому и не спрашивал. Красивые картинки зверей нас очень интересовали, но А. Г. даже и близко не подпускал к книге.

— Книга дорогая, — говорил он, — а вы, безобразники, ее, пожалуй, еще запачкаете.

— Не угодно ли вам кого-нибудь спросить? — сказал директор.

Новый учитель, никого не зная, видимо, затруднялся; тогда директор сам стал спрашивать.

— Что знаешь? — обратился он к первому ученику (мы сидели по успехам).

Первый ученик встает и, то краснея, то бледнея, приговаривает:

---

[1] Супинумы, герундиумы — формы глагола.

— Есть полип.

— Полип? — с удивлением переспрашивают директор и учитель. — Что же такое полип?

— Если его резать на кусочки, то все будет полип и будет жив.

Больше ничего не знал не только первый ученик, но и целый ряд следовавших за ним; отличился только один из великовозрастных.

— Есть у человека шкелет.

— Ах, какое варварское слово, — заметил учитель.

— Шкилет, — поправился наш товарищ; дальше и он ничего не знал...

Учебники, должно быть, еще не были готовы; поэтому за это полугодие учитель давал нам свои записки. Они начинались так: «Естественная история есть наука, занимающаяся изучением природы; природою называется все, что создано богом. Природа разделяется на три царства» и т. д.

Молодой учитель, видимо, любил свой предмет и старался заинтересовать им и нас. К несчастью он слишком хорошо знал пристрастия своих бывших профессоров, Шиховского и Гофмана, т. е. чем они более всего интересовались на экзаменах. Еще зоология нас несколько привлекала, и то пока проходили млекопитающих и птиц; но когда наступила очередь ботаники и минералогии, то даже самые прилежные и те едва тянулись. И в самом деле, что могло нас расшевелить, когда в ботанике на первом плане стояла систематика с перечислением тычинок, пестиков и лепестков и т. п., а в минералогии надо было вызубривать определения цвета минералов, иногда в три строчки, вроде: голубовато, розовато, синевато, гиацинтово, кармазино, кошениле и т. д. Ни о способах добывания, ни о применении в жизни и помину не было. Учитель выбивался из сил, поощрял нас заводить гербарии, собирать насекомых, минералы, пробовал даже устраивать экскурсии; но приохотить к предмету ему нас не удалось. Невероятная сушь учебников и слишком точное следование им, из страха, что мы можем провалиться на экзамене у Шиховского и Гофмана, сделали для нас естествоведение самым скучным предметом...

Почти одновременно с естественными науками была введена маршировка, а потом и гимнастика, но то и другое, помнится, только для одних пансионеров. При тогдашнем воинственном настроении даже маршировка, хотя в ней на первом плане было вытягивание носка и учебный шаг в три приема, менее нас тяготила, чем естественная история, о которой мы постоянно говорили: «Ну на что она нам?» Для гимнастики решительно не было никаких приспособлений, и уж в чем она состояла, даже и представить себе не могу.

Обучал нас унтер-офицер из местного гарнизонного батальона. К слову сказать, перед гимназией был плац, на котором с весны производилось ученье солдат, и нам из окон открывалось назидательное зрелище ежеминутного и нещадного битья солдат. Маршировка была уничтожена в 1855 г.

(«Из воспоминаний прошлого», изд. 1934 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ К ТРЕТЬЕМУ РАЗДЕЛУ

[1] За основу организации министерства народного просвещения была принята екатерининская Комиссия об учреждении училищ, переименованная Павлом I в Комиссию об учреждении школ. Превращение этой затерявшейся среди екатерининских канцелярий Комиссии в полноправное с другими отраслями государственного управления ведомство было, конечно, шагом, улучшавшим организацию народного просвещения, и соответствовало «либерально»-политическому курсу Александра I за первые годы его царствования. Впрочем, в структуре министерства народного просвещения сохранена была и Комиссия училищ как таковая, переименованная с 1803 г. в Главное правление училищ с функциями Совета министра. Первым министром народного просвещения был назначен граф П. В. Завадовский, бывший председатель Комиссии об учреждении училищ.

[2] Александровский Устав 1804 г. явился результатом подготовительной работы, проделанной членами Комиссии училищ и Главного правления училищ. Характер и содержание Устава в основном были определены уже в 1803 г. и нашли себе выражение в «Предварительных правилах народного просвещения», опубликованных в виде специального законодательного акта. Согласно этим правилам, новая система училищ должна была составиться из: 1) приходских училищ, 2) уездных училищ, 3) губернских училищ, или гимназий, 4) университетов. Государственный надзор за училищами вверялся смотрителям уездных училищ, губернским директорам училищ и попечителям округов. Попечитель округа являлся вместе с тем попечителем университета данного округа. Таким образом, училища округа оказались «подведомственны» университету и даже контролируемы им в своей повседневной учебной работе. Эта организация сохранила свою силу до 1835 г., когда созданы были, наконец, отдельные от университетов окружные управления попечителей. Округов в 1803 г. учреждено было шесть (С.-Петербургский, Московский, Виленский, Дерптский, Казанский и Харьковский), с университетами в центре каждого из них, за исключением С.-Петербурга, где учреждение университета затянулось до 1819 г. Содержание учебной работы училищ в Уставе 1804 г. определено полнее и детальнее, чем в правилах 1803 г. Устав стоит в основном на позициях реальной общеобразовательной школы, как она понималась в конце XVIII в. и начале XIX в. на Западе и в России.

[3] Манифест об учреждении министерства духовных дел и народного просвещения явился актом окончательного отказа правительства Александра I от прежнего «либерально-просветительского» курса и перехода в области народного просвещения к той политике, которая в это время господствовала в сохранивших свой феодальный строй государствах Западной Европы. Эта политика нашла себе международное выражение в положениях и решениях «Священного союза» (с 1815 г.). Уже в акте об учреждении этого реакционного союза королей говорилось о необходимости «основать народное воспитание на благочестии». Лично поддерживая эту тенденцию союза, Александр I заявлял: «К чему послужит «Священный союз», если начала его останутся одинокими и не проникнут в сердце народа?» Таким проводником идей союза на территории Российской империи с 1817 г. и должно было стать объединенное министерство духовных дел и народного просвещения, во главе которого был поставлен А. Н. Голицын, когда-то вольнодумец, а теперь мистик и ханжа. Наиболее выразительным актом «деятельности» нового министерства явилась реорганизация Казанского университета директором этого универси-

тета Магницким, порученная ему взамен предлагавшегося им Александру в 1819 г. «публичного разрушения этого рассадника неверия». Но набег Магницкого не был единичным; аналогичные факты имели место и в других университетах, например в С.-Петербургском и в Харьковском. Выражением же реакционного курса в общеобразовательной школе явилось повсеместное и обязательное введение в ней преподавания закона божия. Существование объединенного министерства длилось 7 лет. В 1824 г. на одном из очередных приемов Голицына Александр I заявил ему: «Вверенное вам министерство как-то не удалось вам. Я думаю уволить вас от звания министра и упразднить сложное министерство». Заведывать восстановленным министерством народного просвещения был назначен адмирал Шишков, программа которого изложена была им в речи на заседании Главного правления училищ вскоре после назначения.

[4] О необходимых переменах в Уставе училищ 1804 г. министр народного просвещения Шишков сделал соответствующее представление еще при Александре I. Но возможность начать практическую работу в данном направлении открылась после вступления на престол Николая I. Для разработки нового Устава в 1826 г. был образован специальный комитет, в состав которого вместе с другими вошли Шишков и Уваров. При обнаружившихся в комитете разногласиях в ход подготовки нового Устава вмешался и Николай I со своим рескриптом на имя Шишкова в 1827 г. В январе 1828 г. Устав был готов и в декабре этого года получил утверждение Николая. Устав 1828 г. и последовавшие за ним мероприятия усиливали сословность школьной системы. Приведение сети училищ в соответствие с новым Уставом легло сначала на нового министра Ливена, а потом на его преемника — Уварова (1833—1849 гг.). При наличии в комитете, подготовлявшем Устав, оставшихся неразрешенными разногласий между защитниками прежнего реалистического направления школы и сторонниками классицизма, самый Устав в разных своих положениях получил компромиссную форму, не дававшую определенного перевеса ни той, ни другой стороне. От практики последующего применения Устава зависело, какая из заключенных в нем тенденций получит перевес. Будучи сторонником немецкой педагогики, Уваров за 17 лет своего управления министерством оказывал много содействия формальной школе, насаждая классические (древние) языки не только в гимназиях, но даже и в некоторых уездных училищах. Сам Николай I, однако, не сочувствовал даже такому весьма урезанному типу общеобразовательной школы и, содействуя целому ряду мероприятий, клонившихся в пользу *узкопрактического* образования, в 1849 г., устранив Уварова, потребовал внесения соответствующих изменений в учебные планы, бифуркации старших классов гимназий. Устав 1828 г. оказался «измененным», не будучи официально отменен, и в этом неопределенном положении школьная система подошла к 60-м годам.

[5] Пнин И. П. (1773—1805 гг.), по происхождению дворянин, получил военное образование и некоторое время служил в армии. В годы царствования Павла вышел в отставку и занялся литературным трудом, предприняв в 1798 г. вместе с А. Ф. Бестужевым (отцом Бестужевых-декабристов) издание «С.-Петербургского журнала». Журнал этот пропагандировал идеи французской просветительной философии (Пнин, в частности, много переводил из Гольбаха). Пнин не был, однако, последовательным сторонником этой философии; в частности, он защищал *сословность* в образовании. Служба Пнина в государственных учреждениях возобновилась в 1801 г., и одновременно возобновилась его литературная работа, объединившая его с кружком либералов, близких к министерству народного просвещения (Мартынов, Муравьев и др.). Выражением взглядов этого круга лиц и был «Опыт о просвещении», второе издание которого в 1805 г. оказалось запрещенным.

[6] В. Г. Белинский (1811—1848 гг.) — знаменитый литературный критик, демократ. С конца 1839 г. деятельность Белинского сосредоточилась в самых крупных и передовых журналах того времени — в «Отечественных записках» Краевского (до 1846 г.) и в «Современнике» Панаева и Некрасова (с 1846 г.). Интереса к педагогике Белинский не терял ни в один из периодов своей литературной деятельности. В 1837 г. он попытался даже составить для школьного употребления учебник грамматики, издав его за свой счет. Но

книга, хотя и была одобрена специалистами, распространения не получила. Главным же выражением педагогических взглядов знаменитого критика явились его рецензии, мимо которых за 15 лет его деятельности не прошла почти ни одна сколько-нибудь заметная педагогическая книжка. Статья «Две сказки Гофмана. Сказки дедушки Иринея» отражает гегельянские увлечения Белинского. Однако в 40-х гг. Белинский переходит на позиции фейербаховского материализма. Статья «Общая реторика Кошанского» относится к тому периоду его деятельности, когда он вступил в открытую борьбу с новоявленными идеологами крепостнической «самобытности» России, сорганизовавшимися вокруг журнала «Москвитянин» (редактор — известный историк Погодин). Один из основных сотрудников этого журнала, профессор Московского университета Шевырев, выступил с рядом реакционных статей против передовой литературы. Ответом на эти выступления явилась статья «Педант», где Шевырев был выведен в комической фигуре Лиодора Ипполитовича Картофелина.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

БУРЖУАЗНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ 1860-х гг.

ВВЕДЕНИЕ

«Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, — писал В. И. Ленин в связи с 50-летием крестьянской реформы, — то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861 года, — чтобы убедиться в правильности этого положения» (Собр. соч., т. XV, стр. 96).

В соответствии с характером общих изменений, последовавших за 60-е годы, бесспорно в буржуазном направлении должна была пойти и просветительная реформа, очерченная в области среднего и начального образования «Уставом гимназий и прогимназий» и «Положением о начальных народных училищах» 1864 г. В чем же выражен был в этих законодательных документах «шаг» по пути превращения школы феодально-монархической в школу буржуазно-монархическую?

Мы уже отмечали, как ничтожно мало для закрепощенного крестьянства России давала дворянская просветительная политика XVIII и первой половины XIX вв. Уставом 1786 г. сельская школа совсем не была предусмотрена. Устав 1804 г., хотя и рекомендовал ее «просвещенной и благонамеренной попечительности помещиков», однако значения в этой части имел ничуть не больше, чем и знаменитый указ 1803 г. «о вольных хлебопашцах», приглашавший помещиков добровольно освобождать крестьян и притом непременно с землею, но оставивший нетронутыми законы о крепостном устройстве деревни. Непреодолимым препятствием на путях фактического распространения сельской школы в крепостной России оказывалась зависимость этой школы от личного усмотрения помещиков, в подавляющем большинстве случаев граничившего с полным игнорированием этого вопроса. «Способов к распространению грамотности никаких нет, да едва ли и быть когда могут», — отвечали помещики на анкетный запрос Редакционной комиссии 1858 г.: «Грамотных крестьян у меня нет, учебных заведений нет, и, купив расстроенное имение, я озаботилась прежде всего об улучшении существенного быта крестьян», «так как крестьяне более всего занимаются хлебопашеством, то очень редкие обучают детей своих грамотности», «способа распространения грамотности для крестьян более вредной, нежели полезной, в имении не существует» и т. д.

Иное положение создавалось после 1861 г. С раскрепощением крестьянства школьное дело в известной своей части поступало в зависимость от общественной инициативы тех или иных слоев населения.

Это обстоятельство нашло свое выражение в статье 2 «Положения», устанавливавшей право правительства, городских и сельских обществ и частных лиц учреждать в городах, посадах и селах сельские училища разных наименований как с пособием, так и без пособия от казны.

Степень реального приближения школы к новой экономике, конечно, не определялась указанной статьей «Положения» 1864 г. Дело решалось фактическим соотношением классов, в зависимости от которого различные части «Положения» могли играть не только стимулирующую, но и задерживающую роль. Не забудем, что для себя лично господствующий крепостнический класс оговорил целый ряд благоприятствующих ему позиций: подчиненность училищ министерскому и синодскому контролю, бюрократическое представительство

в училищных советах «сверху», обязательное председательствование в губернских училищных советах местного архиерея и т. п. Общий характер «Положения» был, однако, таков, что и буржуазия, как показал последующий исторический опыт, получила в нем достаточно удобные исходные позиции для начала и развития своей работы в области начальной сельской школы.

В этих фактически открывающихся для буржуазии возможностях организации начального народного образования и заключался делаемый «Положением» шаг в сторону школы буржуазно-монархической.

Не менее определенно буржуазное направление школьной реформы 60-х годов выражено в «Уставе гимназий и прогимназий министерства народного просвещения» 1864 г.

Уставом создавались два типа средних учебных заведений — гимназии классические и реальные, и шагом по пути приближения среднего образования к требованиям капитализма было не столько то, что реальные гимназии ставились рядом с классическими и почти уравнивались с ними, сколько то, что для каждого из этих типов фиксировалась общеобразовательность учебного курса, шедшая на смену узкопрактическому, профессионализирующему направлению средней школы николаевского времени.

Принятие общеобразовательного принципа средней школы определилось не сразу. В результате событий 1855 г. правительство помещиков-крепостников принуждено было сначала отказаться от стремлений (выраженных в узаконениях 1849—1851 гг.) превратить все средние учебные заведения в узкопрактические и первым проектом реформы их (1860 г.) признать, что наряду с реальными гимназиями прикладного характера должны существовать и достаточно широко развернутые гимназии общеобразовательные — классические. В дальнейшем правительство в проекте устава 1862 г. признало общеобразовательный характер учебного курса также и для проектируемых реальных гимназий. Представители же буржуазно-радикальной педагогики попытались предъявить правительству требование установить для гимназий и единство типа их, которое бы устранило возможности каких-либо сословых различий в области среднего образования. Но так как в связи с этим возникал острый вопрос, которому из двух признанных проектом 1862 г. типов средней общеобразовательной школы должно быть дано право на монопольное представительство этой школы, то выступление радикалов встретило сопротивление тех представителей либерально-буржуазной педагогики, которые во что бы то ни стало желали сохранить тип классической гимназии. Воспользовавшись спором «классиков» и «реалистов» как доказательством того, что наука еще «не готова» к определению единого типа средней общеобразовательной школы, правительство объявило дискуссию по этому вопросу законченной и неустраненный параллелизм двух типов гимназий Уставом 1864 г. обратило в закон.

В соответствии с характером и исходом предшествовавшей реформе теоретической борьбы, § 1 нового устава гимназий общей целью этих учебных заведений признавал: «Доставить воспитывающемуся в них юношеству *общ* образование». Но следующий за сим § 2 немедленно же устанавливал «*различие* предметов общего образования и различие целей гимназического обучения», обусловливающих разделение его на классическое и реальное.

Общеобразовательная средняя школа, представленная двумя параллельными типами учебных заведений, ни в одном из них не была полностью реализована как *общеобразовательная*, ибо, при различении этих типов, каждый из них выступал до некоторой степени и как *специальная* школа со специальным кругом задач и специально подобранным контингентом учащихся.

В этой незавершенности определенного Уставом 1864 г. строя средней общеобразовательной школы проглядывает снова, как и в «Положении о начальных училищах», лицо *половинчатой* буржуазной реформы. Но большего «в силу крайней слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования» (Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 97), в обстановке 60-х годов ожидать было нельзя, — нельзя тем более, что однотипности средней общеобразовательной школы

к данному моменту не было и в передовых буржуазных странах Западной Европы.

Основному направлению просветительной реформы 60-х годов соответствовал и характер теоретической педагогики этого времени.

Обстоятельства, при которых новые школьные реформы подготовлялись (предварительная публикация проектов, их обсуждение в общей печати и возникших к тому времени педагогических журналах, а также на педагогических собраниях, подход к педагогическим вопросам молодых и талантливых представителей радикальной и демократической мысли), создали для передовой педагогики 60-х годов редко впоследствии представлявшуюся ей возможность сказать для нужд школьной практики (правда, часто пользуясь «эзоповским языком») то, как ею мыслится воспитание и что требуется сделать для наилучшей его общественной организации. Благодаря этому педагогические высказывания выдающихся теоретиков этого времени принципиальны и полны конкретного значения, отражая на себе совершающиеся общественные сдвиги и бросая яркий свет на практическую деятельность вновь выступивших общественных элементов.

В выборе проблем и в направлениях их решений теоретической педагогикой 60-х годов — можно различить последовательность тех же этапов развития, которые отмечены были выше по кругу вопросов просветительной политики.

В конце пятидесятых — в начале шестидесятых годов широкую известность получила статья умеренного буржуазного либерала Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» (1856 г.).

В построении системы своих взглядов Н. И. Пирогов исходит из констатирования глубокого разлада, существующего между фактическим направлением, которому следует «общество», и «нравственными устоями культуры», на которых, по его мнению, должна быть основана правильно организованная общественная жизнь. Конфликт этот, характерный для общества в целом, выражается в индивидуальной судьбе каждого сколько-нибудь думающего человека. В годы своего духовного вызревания человек должен бы подготовиться к этой борьбе за общественный идеал, но фактически существующая «реальная школа, делающая из нас с самого нашего детства негоциантов, солдат, моряков, духовных пастырей или юристов», ни в какой мере не выполняет этого своего назначения. В ней «все внимание воспитателей обращено преимущественно на достижение главной ближайшей цели, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать с практическим образованием. Курсы и сроки учения определены. Будущая карьера резко обозначена. Сам воспитанник, подстрекаемый примером сверстников, только в том и полагает всю свою заботу, как бы скорее выступить на практическое поприще, где воображение ему представляет служебные награды, корысть и другие идеалы окружающего его общества». Эта школа, не только бесполезная, но и вредная для общественного развития, должна быть заменена школой общечеловеческого воспитания. «Все, готовящиеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми; поэтому все, до известного периода жизни, в котором ясно обозначаются их склонности и их таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научного просвещения. Недаром известные сведения исстари называются «humaniora», т. е. необходимые для каждого человека... Итак, направление и путь, которыми должно совершаться общечеловеческое образование, ясно обозначено» («Вопросы жизни»).

Несмотря на такую категоричность утверждений о характере новой школы, от конкретного определения ее содержания Пирогов в статье 1856 г. воздержался. В другой статье «на ту же тему» («Школа и жизнь», 1860 г.) он открыто занял нейтральную позицию в идущих по этому вопросу спорах. «Посредством ли изучения древних языков и математики или посредством новых и естествоведения совершается образование вашего сына, — писал он, — все равно — лишь бы сделало его человеком. Преимущество и выгоды различных способов этого образования так очевидны и так значительны, что нет возможности в настоящее время сказать, который лучше». Однако когда споры между сторонниками классического и реального образования стали обостряться, Пирогов высказался за

классицизм с такой решительностью, которая на этот счет не оставляла более никаких сомнений. «Здесь не место распространяться, — писал он в «Мыслях и замечаниях о проекте устава училища» 1860 г., — почему я отдаю безусловно преимущество классическому образованию для вступающих в университет. Скажу только, что это я делаю потому, что приписываю высшую образовательную силу исключительно глубокому изучению древних языков, языка отечественного, истории и математики. Я ссылаюсь в этом на вековой опыт, который, вопреки всем возгласам противников, все-таки доказал, что изучение этих наук одно и *само по себе* уже достаточно образует и развивает дух человека, приготовляя его к восприятию всех возможных — и нравственных и научных — истин». Противопоставив такой тип идеальной учебной программы курсу реальных гимназий, которые в силу обстоятельств должны остаться практическими учебными заведениями, Пирогов заявил далее, что на изучение древних языков в «гуманистической» школе должно быть отведено как можно большее время (10 часов из 27), что «естествоведение и другие реальные предметы совсем не входят в курс классической гимназии», «в ней не разнообразность, не многосторонность, а глубина в изучении немногого должна играть главную роль» и что «получившиеся при этом пробелы в сведениях легко пополнятся дальнейшим университетским образованием».

Лицо непоследовательного буржуа-либерала в этих скупых выводах из высказанных ранее многообещающих общих положений проглядывало с полной очевидностью: «гуманистическая», т. е. «общечеловеческая», гимназия предназначалась всего лишь для узкого избранного круга готовящихся в университет, огромная же масса идущих в другие специальные учебные заведения и в жизнь обрекалась на заранее выбранное «прикладное» образование, при этом и сама классическая гимназия выступила с такими зияющими пробелами в образовании, что признать последнее многосторонним, т. е. общим, защитник «общеобразовательной» школы не решался.

Во второй половине периода реформ теоретическая защита передового типа средней школы велась уже сторонниками общеобразовательной реальной школы, и популярным выразителем этого буржуазно-радикального направления педагогики стал Д. И. Писарев. В двух обширных статьях 1863 г., объединенных общим заглавием «Наша университетская наука», последний выставил лозунг: нам нужны образованные специалисты, — с прямым намерением устранить из понятия образования все неясное и двусмысленное, что вкралось в произведения Пирогова. В обществе, по словам Писарева, принято говорить об образовании инженера, агронома, юриста, офицера и т. д., но кажется странной, например, мысль об образовании сапожника и приказчика. Моменты, подготовляющие человека к подобного рода профессиям, не включаются в понятие и в содержание образования, и последнее, за выпадением их, получает одностороннее направление, ведущее человека всего лишь к тем занятиям, с которыми связано получение эполет и титула «ваше высокоблагородие». В результате этого и установилось такое обыкновение, когда человек по существу неученый и полудикарь пользуется славой образованного специалиста.

Сдавленное между морализирующим воспитанием и обучением ремеслу, растащенное на кусочки между профессиями, образование превратилось в миф, и получающие его люди, вместо благоустроенного гражданского общества, образуют сотни цехов, находящихся между собою «в таких дружеских отношениях, в каких находятся к прусским гражданам прусские офицеры».

В противоположность этой печальной действительности Писарев выставляет положение: «Воспитывать вообще следует как можно меньше, а выбор специальности всегда должен быть безусловно предоставлен самому молодому человеку, получившему уже хорошее и полное образование». Расчищенное для ученья поле должно быть отдано приобретению знаний, пробуждению способностей ребенка и их обильному удовлетворению, когда они пробудились. Как видим, в понимании сущности образования Писарев не так уже далек от Пирогова, но материал, при помощи которого развитие способностей ребенка должно совершаться, им мыслится совершенно по-иному.

Он — резкий противник не только классического, но и вообще гуманитарного типа школы. Ссылаясь на свой опыт учения в уваровской гимназии, где преподавание древних языков поставлено было «недурно», а успехи учеников по этим предметам были даже «отличными», Писарев спрашивал: «Но к чему это вело? Может быть, к тому, что из 30 учеников выработается со временем один учитель латинского языка и один учитель греческого языка, а из 300 учеников, может быть, один сделается профессором римской или греческой словесности. А между тем тысячи детей и юношей постоянно тратят силы и время над грамматическими и синтаксическими трудностями классических писателей... Зачем гибнет это время? К чему тратятся эти силы?..» В противоположность школе, изучающей «преимущественно человека и его произведения», он выдвигает предложение «изучать природу», а «фразы, называющиеся в своей совокупности историей, политической географией, теорией словесности и т. д., должны быть оставлены за штатом», уступив место «научным аксиомам и теоремам».

Механистическая недооценка Писаревым значения языка и истории в системе реального образования сильно снижала теоретический уровень пропагандируемого им типа общеобразовательной средней школы, сообщая этому, сравнительно очень высокому и нужному эпохе типу в известной мере те же черты узости и односторонности, которые критик с таким остроумием порицал в классической гимназии.

Таковы были два направления педагогической теории 60-х годов, поскольку она сосредоточивалась на вопросах *среднего* образования.

Что касается *начального* народного образования, то наиболее видную роль в разработке этого вопроса сыграл К. Д. Ушинский, отразивший интересы либеральной части среднепоместного дворянства, пытавшегося приспособиться к развитию капиталистических отношений в стране.

«Теперь, — писал он в статье «О нравственном элементе в русском воспитании» 1860 г., — именно теперь, когда нас ожидают глубокие общественные преобразования, коренная перемена в сельском быту, появление в обществе 20 млн. новых граждан, финансовая реформа, сеть железных дорог и вследствие того проникновение промышленности и торговли... должно, наконец, подумать об устройстве русской народной школы».

Для чего в условиях надвигающегося капитализма нужна народная школа, каково должно быть содержание ее работы и кто должен заняться устройством этой школы, — ответ на эти вопросы давали многочисленные педагогические статьи Ушинского.

Ушинский не против начавшейся перестройки традиционного жизненного уклада. «Народ, вошедший в историческую область и согретый лучом исторического солнца», имеет все шансы для здорового и успешного развития. Но «прогресс цивилизации», как и всякий жизненный процесс (рост дитяти, развитие юноши), имеет свои опасные стороны. Разрушение патриархальности, по мнению Ушинского, влечет за собой, якобы, народную безнравственность, массовые проявления которой можно уже проследить и «в характере тех промышленных крестьян, которые во время своего пребывания на промыслах, на фабриках, в столицах, решительно не чувствуют в себе никаких нравственных обязательств», и среди богатеющих крестьян-торгашей в деревне, по привычке еще соблюдающих посты, но уже высасывающих деньги обвешиванием и обмериванием покупателей. В то же время Ушинский отмечает в характере народа «много могучих задатков честной гражданственности, полной силы народности и бескорыстной человечности», источники которых он, как типичный идеалист, видит в «вечных истинах православного христианства».

Укрепить эти «истины» в народном сознании и противопоставить гражданскую, государственную и общечеловеческую мораль народа опасности угрожающего разврата, бесстыдной роскоши одних, угнетающей бедности других, — задача того народного общественного воспитания, «посредством которого новые поколения связываются общею духовною жизнью с поколениями отживающими». Развивая умственные и нравственные силы народа, — декларирует идеолог либерально-дворянской педагогики, — обогащая его полезными знаниями, возбуждая в нем «разумную» предприимчивость и любовь

к труду, убеждая его воздерживаться от непроизводительных издержек (например пьянства), укореняя взгляд на необходимость администрации, законов и государственных налогов, это воспитание «сохраняет, открывает и поддерживает именно те источники, из которых льется народное богатство и льется само собою, без всяких насильственных мер».

Но народное воспитание — не легкая и далеко не дешевая вещь. Браться за этот труд должны только те из «одухотворенных народным самосознанием» деятелей, которые могут вносить «свет сознания в тайники народного характера». «Главными участниками в практическом разрешении этого вопроса, — по Ушинскому, — явятся, без сомнения, с одной стороны, церковь, с другой, — учебное и ученое сословие, представители духовного и представители светского образования», но в нем «должны принять участие и литература, и все общество, потому что в деле общественного воспитания общественное мнение всегда будет играть важную роль». Все это с достаточной определенностью характеризует Ушинского, в котором весьма умеренный либерализм соединялся с решительной защитой незыблемости основных «устоев» помещичье-буржуазного строя.

Среди общественных элементов, призываемых Ушинским к делу устройства народной школы, им не назван один... сам народ. А между тем обращение к народным массам в этом близко касающемся их деле оказалось совершенно необходимым. Развертывание сети народной школы потребовало больших материальных затрат, на которые не оказались способными ни правительство, ни «образованное общество». Вместо «верхов» за поисками этих средств пришлось обращаться в «низы», т. е. к массам. Это обстоятельство не могло не внести существенных коррективов в ранее построенную теорию «народного воспитания». Общий итог этих коррективов Ушинский выразил положением: «Так как все дело народного образования основывается у нас единственно на сочувствии крестьян этому делу..., всего будет лучше и естественнее оставить народную школу чисто-народным делом, еще более — чисто-семейным делом народа» («Общий взгляд на возникновение наших народных школ», 1870 г.). С признанием этого принципа линия Ушинского близко подошла к тому, с чего в 60—61-х годах начал Л. Н. Толстой.

В 1860 г. в письме к Е. Ковалевскому Толстой писал: «Мне самому смешно, что я вам пресерьезно доказываю, что насущная потребность русского народа есть народное образование. Образования этого *нет*. Оно еще не начиналось и никогда не начнется, ежели правительство будет заведывать им». Несколько попыток двинуть это дело силами буржуазии быстро показали Толстому, что неосновательными были бы его расчеты и на «общество», которое в деле народного образования всегда предлагало нечто столь плохое, от чего массы отказывались. «Перестанем же смотреть на противодействие народа нашему образованию как на враждебный элемент педагогики и, напротив, будем видеть в нем выражение воли народа, которой одной должна руководствоваться наша деятельность», — такими словами Толстой заключил этот первый этап развития своего педагогического учения, объявив в начале 1862 г. обществу, что полученный вывод он кладет в основу предпринимаемого им яснополянского школьного опыта.

Тем самым проблема народного образования переводилась на рельсы «самобытного» крестьянского движения со всеми присущими последнему слабостями. Яснополянская школа Толстого лишена какой бы то ни было твердо зафиксированной программы, в которой народным массам передавался бы систематизированный итог накопленного в мировой истории опыта человечества. С сообщаемыми детям случайными знаниями она не связывает никакого сознательно проводимого воспитательного воздействия на них, расценивая его как «насилие» над ребенком; бессознательно же она осуществляет это воздействие, внедряя в сознание крестьянских детей отсталую и реакционную идеологию. Отвергая путь практического испытания и последующей здоровой критики существующих методов преподавания, эта школа бросается в безудержные и ничем не обоснованные поиски новых методов, руководствуясь в данном случае единственным, в середине XIX в. свойственным лишь анархизму, принципом: «Единственный критериум педагогики есть свобода, единственный метод — (мой личный. — *Н. Ж.*) опыт». В школе царит

«свободная дисциплина», т. е. ничем не регламентированное, никем не контролируемое и зависимое лишь от одних быстро сменяющихся детских импульсов поведение ребят в педагогическом процессе.

Нельзя сказать, чтобы в различных сторонах своего опыта школа Толстого была абсолютно лишена положительных свойств (внимание к ребенку, художественный язык учебников, наличие отдельных интересных методических приемов и т. д.). Но эти достижения ее не закреплялись в ее устройстве, не обращались в правила работы, не приводились в связь с передовой для того времени педагогикой.

Таким образом и в области народной школы педагогическая теория 60-х годов подошла к некоторым таким основным затруднениям, преодолеть которые она, при существующих у нее методах мышления и при наличных условиях школьной практики, не могла.

На фоне этих так ясно обозначавшихся тупиков помещичье-буржуазной педагогики крайне знаменательным для 60-х годов явилось выступление на поле общественно-педагогической борьбы таких политически смелых и последовательных борцов за идеалы демократического общества, какими были Добролюбов и Чернышевский. Интересовавшийся их деятельностью Ф. Энгельс писал в 1874 г.: «Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет от того, что как-то породила такого пройдоху, как Бакунин...» Эта высокая оценка с полным основанием может быть отнесена также к тому, что́ за небольшой промежуток времени периода «реформ» они дали в области педагогики.

В своих работах Н. А. Добролюбов уделил серьезное внимание специальным вопросам педагогики. В большом критическом выступлении 1857 г. «О значении авторитета в воспитании» он горячо в лице Пирогова поддержал «благородный порыв русских людей». Но, разбирая содержание «Вопросов жизни», критик считал необходимым высказать и ряд собственных соображений. Во-первых, очищая концепцию Пирогова от налета христианской мистики, Добролюбов концентрирует внимание читателя на затрагиваемых Пироговым темных сторонах существующего воспитания и отмечает отсутствие у него указания причин такого неудовлетворительного состояния воспитания. Во-вторых, критик считает необходимым внести поправку в ту часть педагогических предложений Пирогова, которые исходят из принципа: «Воспитание своей последней целью имеет именно то, чтобы на место неразумной воли ребенка поставить разумную волю воспитателя». Права молодого поколения, готовящегося к улучшению жизни, Добролюбов видит этим положением Пирогова сильно стесненными и во имя грядущего прогресса считает необходимым смягчить авторитарный характер пироговской системы воспитания, требуя, чтобы воспитатели выказывали более уважения «к человеческой природе».

Подметив этот слабый участок «Вопросов жизни», Добролюбов имел поэтому полное основание сказать в своей статье «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (1860 г.), что его опасения за Пирогова оправдались. Пирогов договорился до розги, и критик считал теперь необходимым со всей силой ударить по автору, сделавшему столь печальное практическое применение своей в общем неплохой педагогической теории. «Хвалить статьи Пирогова, восхищаться силой его логики, его последовательности и твердости, — писал он, — мы имели полное право, и в этом отношении нам не в чем раскаиваться... Главное горе вот в чем: наши прошлогодние восторги сделали нас участниками в созидании того пьедестала мудрости, на котором возвышается теперь Пирогов. Мы поставили его в пример практическим педагогам». И, открывая смелый огонь по непоследовательности буржуазно-либеральной педагогики, Добролюбов бросает массам ту «общественную мораль», что время героев, умеющих свою теорию претворять в дело, прошло: «Не нужно нам ни сказок, ни богатырей. Стыдно тому, кто еще до сих пор возлагает свои надежды на каких-то современных Добрынь и Ерусланов». Поддерживая прогрессивные устремления буржуазной педагогики в сторону укрепления общеобразовательной школы, Добролюбов весьма отрицательно относился к тому, что оно проводилось в форме восстановления классицизма, справедливо видя и здесь пункт буржуазного от-

ступления в сторону соглашения с крепостниками. В своей корреспонденции из Италии («Непостижимая странность», 1860 г.) Добролюбов, под видом оценки учебной системы неаполитанского университета, писал против классической школы: «Только изучение древних языков поощрялось необыкновенно, разумеется, исключительно с филологической точки. Чтение древних писателей было даже запрещено, но многие годы усиленного труда употребляемы были для изучения всех лингвистических трудностей и филологических тонкостей. Кончалось тем, что молодые люди, выучившие все грамматики и половину лексиконов греческих и латинских, получали отвращение к чтению древних писателей и употребляли свое знание лишь на сочинение казенных рассуждений на заданные темы. Но, — иронически заключает автор, — нельзя не сознаться, что занятие древними языками спасало их от вольнодумных рассуждений о настоящем порядке вещей и от опасных мечтаний о будущем».

Объектом критики Добролюбова стала либеральствующая буржуазная педагогика Пирогова. Под огонь решительной революционной критики со стороны Чернышевского попала сползающая к реакции педагогика Л. Толстого. Прекрасный экономист, знаток новейшей европейской философской и исторической литературы, дальновидный политик-революционер, еще в 50-х годах разглядевший подлинное лицо крестьянской реформы 61-го года и готовивший «мужицкую революцию» для социалистического переустройства общества, Н. Г. Чернышевский с возмущением встретил толстовские разглагольствования о враждебности народа просвещению и его проповедь упрощенной народной школы, игнорирующей указания научной педагогической теории. «Редакция «Ясной Поляны», предполагая в мужике какие-то особенные свойства, которых нет в человеке, — иронизировал Чернышевский, — думает, что народ «постоянно противодействует заботам помочь его образованию». Но что, если бы в самом деле было так? Ведь тогда, между прочим, графу Л. Н. Толстому не следовало бы основывать школу...» Тезис «самобытности», таким образом, опровергался ссылкой на противоречащую этому тезису деятельность самого Толстого, взявшегося за просвещение крестьян, но не потрудившегося для этого над усвоением руководящих указаний науки. «За издание педагогического журнала (а значит и за самую школу. — *Н. Ж.*) принялись люди..., имеющие некоторую личную опытность, но не имеющие ни определенных общих убеждений, ни научного образования, — заключал свою оценку Толстого Чернышевский, — с этими качествами принялись они читать педагогические книги... Но в прочтенных ими отрывках книг и статей излагаются взгляды очень различные... чтобы разобрать, кто прав в этой разноголосице, нужно тяжелое изучение, нужна привычка к логическому мышлению, нужны определенные убеждения. А эти люди не постарались приобрести ни одного из этих условий и потому не в силах ничего разобрать. Вот и явился у них вывод, что ничего нельзя разобрать, что все вздор, и все системы никуда не годятся и науки нет, и предмета нельзя знать, и методов нельзя определить».

Самому Толстому, если педагогические намерения его серьезны, критик рекомендовал «учиться», обществу же, желающему знать, что в деле народного образования необходимо *теперь делать*, Чернышевский недвусмысленно указывал на необходимость *борьбы*. «Как из неуспешности русского человека к материальной работе провинциальные люди вывели, что он расположен к лености, — писал критик еще в 1859 г., — так из слабого развития нашей образованности они заключают, что русское племя мало имеет охоты к просвещению. Обе эти клеветы одинаково тупоумны и нелепы. Стремление к просвещению в народе чрезвычайно сильно; но обстоятельства слишком неблагоприятствуют его осуществлению» (Соч., т. IV, стр. 557). Правда, на путях борьбы за народное просвещение стоит и отчасти замеченная Л. Толстым чрезвычайная трудность распространения науки в народных массах. «Наука сурова и незаманчива в своем настоящем виде, она не привлечет толпы», — писал Чернышевский, но «...чтобы проникнуть в массу, наука должна сложить с себя форму науки... Это достигается «популярным» изложением науки», этому служит художественная литература, к этому идет на помощь поэзия (Соч., т. I, стр. 34).

Призывая науку и литературу на службу массам, и в частности на дело подготовки «событий, которыми пробуждается дух наций», т. е. революции, представители этих областей деятельности должны основательно позаботиться о том, чтобы в их речь, обращенную к народу, было вложено дельное, практическое содержание. Праздные болтуны нигде не нужны, и менее всего в деле политической борьбы. Поэтому образование, обучающее только словам, филологическое, встречает суровое осуждение Чернышевского. «Филология — наука очень важная, — писал он в 1855 г., — но для того, кто хочет ею специально заниматься. Человеку, который не намерен сделаться филологом, санскритский язык не принесет ни малейшей пользы... Странно даже доказывать такие простые вещи. Но как же не защищать их, когда модное направление стремится к тому, чтобы *вместо сведений о человеке и природе* набивать голову юноши теориями придыханий, приставок, корнями и суффиксами» (Соч., т. I, стр. 406).

Замечательно, с какой полнотой эта формула реального образования Чернышевского входит в демократическую педагогику: объектом изучения должна быть *не только природа, но и человек*, о чем забыл Писарев. И как бы с специальной целью закрепить в программе реального образования этот, наиболее далекий от буржуазного понимания, объект изучения, Чернышевский писал: «Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которых вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, т. е. исключены гражданские мотивы, что остается наблюдать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах...» (Соч., т. I, стр. 87—102).

Таким образом, как в главнейшем организационном вопросе начальной народной школы, так и в сложном программном вопросе среднего образования Чернышевский, следуя своим революционно-демократическим убеждениям, вышел далеко за пределы тех тупиков, в которые уперлась буржуазная педагогическая мысль 60-х годов.

ГЛАВА I

НОВОЕ УСТРОЙСТВО СРЕДНЕГО И НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УСТАВ ГИМНАЗИЙ И ПРОГИМНАЗИЙ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ [1]

(1864 г.)

Глава первая. Общие положения

1. Гимназии имеют целью доставить воспитывающемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служат приготовительными заведениями для поступления в университет и другие высшие специальные училища.

2. По различию предметов, содействующих общему образованию, и по различию целей гимназического обучения гимназии разделяются на классические и реальные.

3. В гимназии полагается семь классов с годичным курсом для каждого класса.

Примечание. По мере возможности, низшие четыре класса гимназии помещаются отдельно от высших трех классов.

4. Гимназии учреждаются в таких городах и местечках, где, по численности и потребностям народонаселения, они признаны будут нужными. В каждой губернии полагается, по крайней мере, одна гимназия но, по мере надобности, в одной губернии и даже в одном городе может быть несколько гимназий.

5. Кроме гимназий, там, где представится надобность и возможность, а также и в местах, не имеющих гимназий, могут быть учреждаемы прогимназии, состоящие только из 4 низших классов гимназии и разделяющиеся также на классические и реальные.

6. Гимназии и прогимназии открываются по распоряжению министра народного просвещения и состоят в непосредственном ведомстве попечителей тех учебных округов, где они находятся.

7. Учреждение гимназий и прогимназий с классическим или реальным курсом предоставляется ближайшему усмотрению министра народного просвещения, смотря по местным потребностям и учебным средствам, в том числе, какие укажет опыт.

8. Гимназии и прогимназии содержатся или на счет правительства или на счет обществ, сословий и частных лиц.

9. Гимназии и прогимназии, содержимые обществами, сословиями и частными лицами, существуют на одинаковом основании с учеб-

ными заведениями этого рода, получающими содержание от казны, а гимназии и прогимназии, содержимые сословиями, обществами или частными лицами и управляемые назначаемыми от них лицами, подчиняются общим узаконениям о частных учебных заведениях.

10. При гимназии состоят следующие должностные лица: 1) директор, 2) инспектор, 3) преподаватели, 4) воспитатели, 5) врач и 6) письмоводитель. В прогимназии находятся те же должностные лица, кроме директора, обязанности которого возлагаются на инспектора.

Примечание. Инспектор полагается в тех гимназиях, где более 200 учеников или где с должностью директора гимназии соединяется звание директора училищ губернии. В прочих гимназиях обязанность инспектора возлагается, по выбору директора и с утверждения попечителя округа, на одного из преподавателей.

А. В. Головнин.

11. Важнейшие дела гимназии и прогимназии, относящиеся до учебной, воспитательной и хозяйственной части, обсуждаются в педагогических советах этих заведений.

12. При тех гимназиях и прогимназиях, которые получают содержание сами для себя или для пансионов при них от обществ, сословий или частных лиц и которые управляются назначенными от правительства лицами, состоит сверх того особое лицо с званием почетного попечителя, избираемое обществом, сословием или частными лицами, дающими помянутое содержание.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

13—38. [Об обязанностях директора, инспектора, преподавателей, воспитателей и прочих должностных лиц в гимназии,—в общем сходно с соответствующими параграфами устава 1828 г.]

УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ

39. Учебный курс классических гимназий составляют следующие предметы: 1) закон божий, 2) русский язык с церковно-славянским и словесность, 3) и 4) латинский и греческий языки, 5) математика, 6) и 7) физика и космография, 8) история, 9) география, 10) есте-

ственная история (краткое наглядное объяснение трех царств природы), 11) и 12) немецкий и французский языки и 13) чистописание, рисование и черчение.

Примечание. Преподавание латинского языка вводится немедленно во всех классических гимназиях, а греческого — постепенно, по мере приготовления учителей этого языка; в классических гимназиях обязательно обучение только одному новому языку: французскому или немецкому. К числу учебных предметов относится гимнастика и пение для желающих.

40. В реальных гимназиях преподаются: а) в одинаковом объеме с классическими: 1) закон божий, 2) русский язык с церковно-славянским и словесность, 3) история, 4) география и 5) чистописание; б) в большем объеме сравнительно с классическими: 6) математика, 7) естественная история с присоединением к ней химии, 8) и 9) физика и космография, 10) и 11) немецкий и французский языки (оба обязательно) и 12) рисование и черчение; в) вовсе не преподаются: латинский и греческий языки.

Примечание. К числу учебных предметов принадлежат также пение и гимнастика для желающих.

41. В гимназиях, и классических и реальных, сообщается ученикам высшего класса пред выпуском директором или, по его выбору, инспектором, или одним из учителей, в кратком изложении по особо составленному, по распоряжению министерства народного просвещения, учебнику или руководству понятие о нашем государственном устройстве, об основных законах империи, касающихся верховной власти, о значении разных присутственных мест и о главных законах гражданских и уголовных.

42. Учебный курс прогимназий, классических и реальных, соответствует учебному курсу низших четырех классов гимназий классических и реальных.

43. Обучение иноверцев закону божию производится, по возможности, в каждой гимназии и прогимназии, с особого разрешения министра народного просвещения, на счет гос. казначейства или специальных средств заведения.

44. По желанию родителей и за особую плату в гимназии и прогимназии воспитанники могут обучаться также музыке и танцованию.

45. Объем преподавания предметов учебного курса как в гимназиях, так и прогимназиях определяется особою инструкцией от министерства народного просвещения.

46. Число уроков по каждому предмету и распределение их по классам обозначаются в особых таблицах (см. приложение), которые, оставаясь неизменными относительно общего числа уроков по каждому предмету, могут, по ближайшему усмотрению попечителей учебных округов, подлежать изменениям в распределении числа уроков каждого предмета по классам.

47. Ученье продолжается в течение целого года, за исключением воскресных и праздничных дней и вакаций летних и зимних, из коих на первые назначается шесть недель, а на вторые — две недели.

48. Правила испытания учеников при поступлении их в гимназию и прогимназию, при переходе из класса в класс и при окончании ими курса учения, излагаются в особой инструкции, составляемой на основании мнений педагогических советов всех гимназий и прогимназий округа попечительским советом и утверждаемой попечителем учебного округа.

49. В каждом классе гимназии и прогимназии полагается, по возможности, не более 40 учеников. В тех случаях, когда, за переходом из низшего класса, в каком-либо классе оказалось бы более 40 человек или когда, при полном комплекте класса, явились бы еще желающие поступить в этот класс, начальству учебного заведения предоставляется ходатайствовать о разделении класса на параллельные отделения.

Примечание. Параллельные отделения учреждаются там, где представится к тому возможность, предпочтительно на специальные средства учебных заведений, и, только при недостатке сих последних, — на счет гос. казначейства.

50. По окончании учебного года в каждой гимназии и прогимназии происходит публичный акт, на котором читается отчет о состоянии и деятельности учебного заведения, объявляются имена учеников, удостоенных перевода в высшие классы, раздаются награды отличным ученикам и аттестаты и свидетельства окончившим курс. На акте могут быть произносимы также членами педагогического совета речи, предварительно одобренные советом.

51. Каждая гимназия должна иметь: 1) библиотеку, состоящую: а) из книг, могущих способствовать обогащению учителей познаниями, и б) из книг, предназначаемых для употребления учащимися; 2) физический кабинет; 3) необходимые пособия по естественной истории; 4) достаточное количество географических карт и глобусов, чертежей, рисунков и моделей для рисования; 5) гимнастические снаряды и 6) музыкальные ноты. При реальной гимназии, сверх сего, должна находиться химическая лаборатория. Прогимназии должны быть снабжены теми же учебными пособиями, за исключением физического кабинета и химической лаборатории.

УЧАЩИЕСЯ

53. В гимназии и прогимназии обучаются дети всех состояний, без различия звания и вероисповедания.

54. К прошению о поступлении в гимназию и прогимназию, подаваемому: в гимназии — на имя директора, а в прогимназии — на имя инспектора, прилагается свидетельство о возрасте и о звании. Медицинское свидетельствование поступающих в том, что они не имеют телесных недостатков или болезней, препятствующих вступлению в общественное заведение, делается врачами гимназии и прогимназии.

55. В I класс гимназии и прогимназии принимаются дети, умеющие читать и писать по-русски, знающие главные молитвы и из арифметики — сложение, вычитание и таблицу умножения. При сем

наблюдается, чтобы в I класс поступали дети не моложе 10 лет. Во все следующие классы гимназии и прогимназии принимаются имеющие соответственные классу познания и возраст.

56. Свидетельство об успешном окончании курса в какой-либо классической прогимназии дает право на поступление в V класс гимназии классической без испытания, если со времени окончания курса до поступления в гимназию прошло не более шести месяцев. В противном случае, желающий продолжать свое образование в гимназии подвергается испытанию. То же самое правило наблюдается относительно учеников, поступающих из реальных прогимназий в реальные гимназии; но прием учеников классической гимназии в реальные, и наоборот, допускается всякий раз не иначе, как по особому испытанию.

58. Одежду учеников в гимназии и прогимназии составляют: а) однобортный полукафтан темнозеленого цвета с черными пуговицами и отложным воротником, с петличками на нем из синего сукна; б) жилет темнозеленого сукна, однобортный, с черными пуговицами; в) галстух черный, суконный или шелковый; г) пальто темнозеленое суконное, по существующим образцам, с суконными петлицами синего цвета и с черными пуговицами; д) фуражка темнозеленого сукна, с суконным околышем синего цвета.

Примечание. Попечитель учебного округа разрешает отступление от этой формы по местным условиям и времени года.

59. Все ученики гимназии и прогимназии обязаны вносить плату за ученье пополугодию вперед, втечение двух первых месяцев каждого полугодия. Не внесшие платы в означенные сроки считаются выбывшими из заведения, но по внесении платы могут быть вновь приняты.

60. От платы за ученье, по определению местного педагогического совета, освобождаются заслуживающие того по своему поведению и прилежанию дети совершенно недостаточных родителей; причем наблюдается, чтобы общее число освобождаемых от платы за ученье составляло, в отношении ко всему числу учащихся, не более 10%.

61. Бедным ученикам, отличающимся успехами и поведением, могут быть выдаваемы, по определению педагогического совета, единовременные денежные вспоможения и ежегодные стипендии из специальных средств заведения.

62. Окончательное испытание учеников как в гимназии, так и в прогимназии производится в присутствии педагогического совета на основании правил, утверждаемых, как сказано в § 48, попечителем учебного округа.

63. Ученики, пробывшие два года в одном классе и не оказавшие удовлетворительных успехов, увольняются из заведения.

64. Правила о взысканиях с учеников гимназий и прогимназий составляются местными педагогическими советами, причем высшую степень наказания составляет исключение из заведения, происходящее всякий раз не иначе, как по определению педагогического совета.

65. Ученики, окончившие с успехом полный курс ученья в гимназии и прогимназии, получают аттестат за подписью членов педагоги-

ческого совета и с приложением печати учебного заведения. Сверх того, отличнейшие из окончивших курс в гимназии награждаются медалями, золотыми или серебряными, число которых определяется всякий раз местным педагогическим советом.

66. Лица, не обучавшиеся в гимназиях и прогимназиях, имеют право подвергаться испытанию из полного курса предметов, преподаваемых в сих учебных заведениях, наравне с учениками сих заведений и в одно с ними время, назначенное для испытаний. Выдержавшие испытание в полном курсе получают свидетельства, дающие им одинаковые права с окончившими курс учениками прогимназий и гимназий.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СОВЕТ

67. Для более верного и всестороннего обсуждения вопросов, относящихся преимущественно к учебной и воспитательной части гимназии и прогимназии и для совокупного наблюдения за исправностью материальной части сих заведений состоят при них педагогические советы.

68. Педагогический совет гимназии составляют, под председательством директора, инспектор, законоучитель и все прочие преподаватели наук и языков. В прогимназиях председательство в совете, состоящем также из законоучителя и всех прочих преподавателей наук и языков, принадлежит инспектору. Обязанность секретаря совета исполняет один из учителей, избираемый в эту должность советом на два года.

Примечание. В заседания педагогического совета приглашаются по усмотрению председателя: 1) воспитатели и 2) врач, имеющие в таких случаях право голоса наравне с прочими членами.

69. Почетный попечитель гимназии и прогимназии считается постоянным членом педагогического совета с правом голоса во всех делах, но обязан присутствовать непременно в заседаниях совета только при обсуждении вопросов, касающихся составления сметы или поверки действительного и правильного употребления сумм, жертвуемых сословием, обществом или частными лицами на содержание гимназии и прогимназии или пансионов при оных.

70. Педагогический совет собирается в течение учебного времени, по крайней мере один раз в месяц, но в особых случаях по предложению председателя, могут назначаться и чрезвычайные собрания.

71. Дела решаются в совете по большинству голосов, причем, для действительного решения, требуется присутствие, кроме председателя, по крайней мере, пяти членов. При равенстве голосов, голос председателя дает перевес.

72. Обсуждению и окончательному решению педагогического совета подлежат следующие дела: 1) прием учеников и перевод из класса в класс, а также оставление в пансионе гимназии учеников высших трех классов; 2) освобождение недостаточных учеников от платы за ученье и выдача единовременных пособий и стипендий отлич-

нейшим из них по успехам и поведению из специальных средств заведения; 3) выдача аттестатов ученикам, с успехом окончившим полный курс, и свидетельств посторонним лицам, выдержавшим испытание в полном учебном курсе; 4) определение наград ученикам, отличившимся поведением, прилежанием и успехами; 5) одобрение речей, назначаемых для чтения на публичном акте; 6) избрание из преподавателей секретаря совета и библиотекаря; 7) выбор книг для библиотеки, а также составление правил о порядке хранения и выдачи книг для библиотеки; 8) рассмотрение и одобрение программ преподавания по каждому предмету; 9) рассмотрение годичных отчетов по учебной части; 10) поверка сумм и счетов приходам и расходам как по гимназии и прогимназии, так и по пансионам, если таковые состоят при сих заведениях; 11) правила о взыскании с учащихся; 12) распределение внеклассных занятий воспитанников пансиона и вообще устройства внутреннего в нем порядка и 13) все постановления о порядке преподавания и воспитания, которые не могут быть определены в Уставе.

Примечание. Составление программ, подлежащих обсуждению и одобрению совета, обязательно для каждого преподавателя и по каждому предмету.

73. Заключения педагогического совета должны быть представляемы на утверждение высшего начальства: 1) по выбору учебных руководств и пособий; 2) по определению размера платы за ученье; 3) по удостоению звания домашних учителей, учительниц и учителей уездных училищ; 4) по предположениям об отступлении от нормального устройства учебной части или об улучшениях, которые потребовали бы новых средств от казны; 5) по разделению классов на параллельные отделения и 6) по составлению сметы специальных средств учебного заведения. Сверх сего, на разрешение попечителя учебного округа представляются все случаи разногласия директора с большинством членов совета.

Примечание. Во всех случаях разногласия, если меньшинство пожелает, мнение оного доводится до сведения попечителя округа.

74—78. [О почетном попечителе гимназии и прогимназии.]

Глава вторая. Пансионы при гимназиях и прогимназиях

79. Для облегчения родителей, не имеющих способов воспитывать детей дома, служат пансионы, учреждаемые, с разрешения министра народного просвещения, при гимназиях и прогимназиях и находящиеся в непосредственном управлении местного начальства гимназий и прогимназий.

80. Пансионы состоят только из учеников прогимназий и низших четырех классов гимназий. Ученики высших трех классов гимназий могут быть оставляемы в пансионе не иначе, как с разрешения педагогического совета гимназии в особо уважительных случаях; все же

прочие, по переходе в V класс гимназии, выбывают из пансиона, и те из них, которые содержатся на счет казны, какого-либо сословия, общества или частных лиц, получают следующую на их содержание сумму в виде стипендии.

81. Пансионы содержатся: или на суммы гос. казначейства, или на счет платы за пансионеров, или же на особые пожертвования местных сословий, обществ или частных лиц. Пансионы, содержимые на счет платы за пансионеров или на жертвуемые суммы, получают из гос. казначейства только ту сумму, которая следует за содержание в них казенных воспитанников.

82—86. [О денежных средствах пансиона и о плате за содержание пансионеров.]

87. В пансионеры принимаются дети всех вообще сословий, причем наблюдается, чтобы в пансион, содержимый на счет одного сословия, воспитанники других сословий принимались не иначе, как с согласия представителя того сословия, на счет которого содержится пансион. Общее число пансионеров в каждом пансионе определяется по взаимному соглашению педагогического совета и почетного попечителя гимназии или прогимназии, с тем, однакоже, чтобы полный комплект воспитанников не превышал 80 человек.

88—103. [О должностных лицах по пансиону и о порядке руководства пансионом.]

104. При пансионе, где позволяют средства, устраивается церковь, заведывание которою поручается законоучителю, с назначением ему добавочного содержания.

105—108. [О хозяйственной части пансиона.]

Глава третья. Права и преимущества гимназий и прогимназий

109—119. [О правах и преимуществах по службе директоров, инспекторов и учителей гимназий и прогимназий.]

120. Окончившие курс ученики прогимназий, классической или реальной, а также имеющие одобрительное свидетельство об окончании ученья в IV классе гимназий, классической или реальной, при поступлении в гражданскую службу, если имеют на то право по происхождению, не подвергаются испытанию для производства в первый классный чин.

121. Ученики, окончившие полный курс ученья в гимназии, классической или реальной, с особым отличием и награжденные при выпуске медалями, золотою или серебряною, определяются в гражданскую службу, без различия состояния, с чином XIV класса.

122. Ученики, окончившие курс ученья в классических гимназиях или имеющие свидетельство о знании полного курса сих гимназий, могут поступать в студенты университетов. Свидетельства же об окончании полного курса реальных гимназий или о знании сего курса принимаются в соображение при поступлении в высшие специальные училища на основании Уставов сих училищ.

123. Ученики, получившие одобрительный аттестат об окончании полного курса гимназии, классической или реальной, но не удостоенные награды медалями, если они по происхождению имеют право на вступление в гражданскую службу, принимаются в оную предпочтительно пред теми, кои не обучались в гимназиях или других равных им учебных заведениях, и производятся в первый классный чин по выслуге сроков.

124. Права кончивших курс в гимназии, классической или реальной, на поступление в военную службу и на производство их потом в офицеры определяются существующими по военному ведомству правилами о воспитанниках гимназий.

(Сборник постановл. по министерству нар. просв., т. III, стр. 1301)

УЧЕБНЫЙ ПЛАН ГИМНАЗИЙ 1864 г.

Предметы	Гимназия с двумя древними языками	Гимназия с одним древним языком	Гимназия реальная
	Число недельных уроков по 1 часу в каждом		
Закон божий	14	14	14
Русский язык и словесность	24	24	25
Латинский язык	34	39	—
Греческий язык	24	—	—
Французский или немецкий язык	19	французск. яз. 19 немецкий яз. 19	22 24
Математика	22	22	25
История	14	14	14
География	8	8	8
Естественная история	6	6	23
Физика и космография	6	6	9
Чистописание, рисование, черчение	13	13	20
	184	184	184

ПОЛОЖЕНИЕ О НАЧАЛЬНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩАХ [2]

(1864 г.)

Отдел первый. Цель, различные виды начальных народных училищ и ученье в оных

1. Начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания.

2. К начальным народным училищам относятся: 1) ведомства министерства народного просвещения: а) приходские училища в городах,

посадах и селах, содержимые на счет местных обществ и частью на счет казны и пожертвований частных лиц, и б) народные училища, учреждаемые и содержимые частными лицами разного звания; 2) ведомства министерств государственных имуществ, внутренних дел, удельного и горного: сельские училища разных наименований, содержимые на счет общественных сумм; 3) ведомства духовного: церковно-приходские училища, открываемые православным духовенством в городах, посадах и селах, с пособием и без пособия казны, местных обществ и частных лиц; 4) все вообще воскресные школы, учреждаемые как правительством, так и обществами, городскими и сельскими, и частными лицами для образования лиц ремесленного и рабочего сословий обоего пола, не имеющих возможности пользоваться ученьем ежедневно.

Примечание. Правила, здесь изложенные, не касаются простого обучения грамоте на дому лицами разного звания.

3. Предметами учебного курса начальных народных училищ служат: а) закон божий (краткий катехизис и священная история); б) чтение по книгам гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первые четыре действия арифметики и д) церковное пение там, где преподавание его будет возможно.

4. В начальных народных училищах преподавание совершается на русском языке.

5. В начальных народных училищах употребляются учебные руководства, одобренные министерством народного просвещения и духовным ведомством, по принадлежности.

6. В училища могут быть принимаемы дети всех состояний, без различия вероисповедания.

7. В начальных народных училищах могут обучаться дети обоего пола там, где не представляется возможности иметь отдельные училища мужские и женские. Воскресные же школы учреждаются исключительно для учащихся одного пола.

8. Установление платы за ученье и освобождение от оной зависит от усмотрения тех ведомств, городских и сельских обществ и частных лиц, на счет которых училища содержатся.

9. Правительственные ведомства и духовное начальство учреждают и закрывают начальные народные училища по собственному своему распоряжению, сообщая только об этом для сведения уездному училищному совету.

10. Для учреждения начальных народных училищ городскими и сельскими обществами и частными лицами требуется разрешение уездного училищного совета. Училища сии могут быть закрываемы по распоряжению губернского училищного совета, в случае беспорядка и вредного направления ученья.

11. Размер содержания и порядок отчетности о начальных народных училищах установляются теми ведомствами, городскими и сельскими обществами и частными лицами, на счет которых они учреждены. В распоряжения по всем этим предметам уездный училищный

совет не вмешивается, а принимает их только к соображению при обсуждении вообще материальных средств училищ.

12. Обществам городским и сельским, учреждающим начальные народные училища, предоставляется для ближайшего заведывания оным избирать особых попечителей, а в женских училищах — попечительниц. Заведывание каждою воскресною школою принадлежит лицу, принявшему на себя звание ее распорядителя и утвержденному в сем звании училищным советом; в женских воскресных школах обязанности этого звания возлагаются преимущественно на лица женского пола.

13. Попечители и попечительницы начальных народных училищ, заведывая делами оных, входят в сношение по ним с уездными училищными советами, равно как распорядители и распорядительницы воскресных школ, которые при том вполне отвечают за порядок в оных.

14. Начальные народные училища, состоя под наблюдением уездного училищного совета, который посылает своих членов для осмотра оных, освобождаются затем от представления всякого рода срочных ведомостей, донесений и т. п. Необходимые о них сведения собираются самими членами совета на месте, при осмотре училищ.

15. Закон божий может быть преподаваем в начальных народных училищах только приходским священником или же особым законоучителем, с утверждения епархиального начальства, по представлению уездного училищного совета.

16. Прочим предметам в начальных народных училищах могут обучать также священно-церковнослужители или же те лица, которые получили на звание учителя или учительницы особое разрешение уездного училищного совета, по представлении удостоверения в доброй их нравственности и благонадежности от лиц, совету известных.

17. Наблюдение за религиозно-нравственным направлением во всех начальных народных и воскресных училищах возлагается на местного приходского священника. В случае надобности, он сообщает свои замечания учителю и лицам, заведывающим училищем; если бы его замечания не были приняты, доносит о том уездному училищному совету.

Отдел второй. Заведывание начальными народными училищами

18. Для заведывания начальными народными училищами учреждаются в каждом уезде *уездный* и в каждой губернии *губернский* училищные советы. В обеих столицах, по ближайшему соглашению попечителей учебных округов с местными генерал-губернаторами, учреждается несколько уездных училищных советов для заведывания начальными народными училищами и в том числе воскресными школами.

19. Училищные советы состоят: а) *уездный* — из членов от министерств: народного просвещения и внутренних дел, духовного ведомства православного исповедания, двух членов от уездного земского собрания и по одному от тех ведомств, которые содержат у себя начальные народные училища. В тех городах, где есть начальные

народные училища, содержимые на счет городских сумм, в училищном совете находится член от городского общества. Попечители народных училищ, городских и сельских, могут быть также членами уездных советов, по назначению губернского совета, б) *губернский* совет составляют следующие лица: епархиальный архиерей как первенствующий член, начальник губернии, директор училищ и два члена от губернского земского собрания. Попечитель учебного округа имеет право, в бытность свою в губернском городе, присутствовать в губернском училищном совете. В случае болезни или отсутствия епархиального архиерея, место его занимает викарий, где он есть, а где его нет, там старшее в городе духовное лицо, но в сем последнем случае председательство в губернском совете принадлежит губернатору.

Примечание. В губернских советах столиц митрополитам предоставляется право замещать себя викарием.

20. Члены уездного училищного совета назначаются: от духовного ведомства — епархиальным архиереем, от министерства народного просвещения — попечителем учебного округа, от министерства внутренних дел — начальником губернии, а члены от городского общества — по выбору сего общества, с утверждения начальника губернии.

21. Члены от земства избираются в уездные и губернские училищные советы уездными и губернскими земскими собраниями, по принадлежности. Участвуя вместе с другими членами в делах совета, они обязываются представлять земским собраниям ежегодно сведения о состоянии народных училищ в уезде или губернии, в содержании которых участвует земство.

22. Члены уездного училищного совета избирают из среды своей на два года председателя, который утверждается в этом звании губернским советом. Постоянное заведывание делопроизводством сего совета возлагается на штатного смотрителя училищ.

23. Члены училищных советов в обеих столицах назначаются в необходимом числе попечителем учебного округа, генерал-губернатором и местным епархиальным начальством, по взаимному соглашению. Училищные советы сии действуют на основании тех же правил, как и уездные советы, но собрания их бывают постоянные.

24. Уездный училищный совет имеет следующие обязанности:

1) Наблюдение за преподаванием во всех начальных народных училищах города и уезда и с сею целью обозрение их тем способом, какой признан будет советом более удобным.

Примечание. Наблюдение за преподаванием закона божия во всех училищах и обозрение их в этом отношении остаются на обязанности духовного начальства, через духовные лица, им для сего назначаемые.

2) Попечение об открытии новых начальных народных училищ и об улучшении уже существующих.

3) Снабжение училищ, по мере средств, учебными пособиями и руководствами, одобренными министерством народного просвещения и духовным ведомством, по принадлежности.

4) Разрешение на открытие новых начальных народных училищ обществами городскими и сельскими и частными лицами и представление губернскому совету о закрытии тех из сих училищ, которые оказываются вредными.

5) Предоставление желающим звания учителей и учительниц в начальных народных училищах.

6) Представление губернскому училищному совету о тех училищах, учителях и учительницах, которые заслуживают пособия и поощрения.

7) Представление губернскому училищному совету о тех учителях и учительницах, коих по неблагонадежности следует удалить от должности или же коим следует воспретить дальнейшее занятие преподаванием.

8) Составление ежегодно отчета о состоянии всех народных училищ города и уезда для представления оного губернскому училищному совету.

25. При исполнении этих обязанностей совет руководствуется общим наказом, составленным в министерстве народного просвещения по соглашению с надлежащими ведомствами.

26. Уездный училищный совет собирается ежегодно не менее двух раз, и каждый раз на две недели, причем обсуждает и решает все дела, поступившие в совет в промежуточное время, между заседаниями, и выслушивает донесения своих членов о состоянии народных училищ города и уезда. Дела решаются в совете большинством голосов, голос председателя дает перевес.

27. Все дела по начальным народным училищам поступают в уездный совет на имя председателя, который в необходимых случаях, в то время, когда нет заседаний совета, имеет право постановлять в пределах предоставленной совету власти, решения с обязанностью отдавать отчет в оных пред советом и с ответственностью за таковые решения.

28. Все сведения по делам училищ собираются, по возможности на месте, членами совета во время осмотра ими училищ.

29. Губернский училищный совет имеет предметом: 1) высшее попечение о начальных народных училищах губернии; 2) рассмотрение отчетов уездных училищных советов и сообщение оных чрез директора с своими замечаниями попечителю учебного округа, для его сведения; 3) разрешение представлений уездных советов; 4) назначение пособий учителям и учительницам и пособий училищам из суммы, предоставляемой в распоряжение совета министерством народного просвещения; 5) рассмотрение жалоб на решения уездных советов и их председателей; 6) назначение членов уездных советов из попечителей начальных народных училищ; 7) утверждение в должности лиц, избранных в председатели уездных училищных советов.

30. Дела в губернском совете решаются по большинству голосов. При равенстве оных голос первенствующего члена дает перевес.

31. Губернский училищный совет собирается по мере надобности по назначению первенствующего члена, а в случае болезни его, или отсутствия, по назначению начальника губернии.

32. Постановления губернского училищного совета сообщаются чрез директора училищ попечителю учебного округа для сведения. Директор училищ вносит в совет сообщения попечителя.

33. Жалобы на решения губернского училищного совета приносятся правительствующему сенату по первому департаменту.

(Сборник постановл. по министерству народного просвещения, т. III, стр. 1226.)

ГЛАВА II

ПОМЕЩИЧЬЕ-БУРЖУАЗНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ 60-х гг.

Н. И. Пирогов [3]

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

(1856 г.)

«К чему вы готовите вашего сына?» — кто-то спросил меня.

«Быть человеком», — отвечал я.

«Разве вы не знаете, — сказал спросивший, — что людей собственно нет на свете; это одно отвлечение, вовсе ненужное для нашего общества. Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди».

Правда это или нет?

Мы живем, как всем известно, в XIX в., «по-преимуществу» практическом.

Отвлечения, даже и в самой столице их, Германии, уже не в ходу более. А человек, что ни говори, есть, действительно, только одно отвлечение.

Зоологический человек, правда, еще существует с его двумя руками и держится ими крепко за существенность; но нравственный, вместе с другими старосветскими отвлечениями, как-то плохо принадлежит настоящему.

Впрочем, не будем несправедливы к настоящему. И в древности искали людей днем с фонарями; но — все-таки искали.

Правда, языческая древность была не слишком взыскательна; она позволяла иметь всевозможные нравственно-религиозные убеждения; можно было ad libitum сделаться эпикурейцем, стоиком, пифагорейцем; только худых граждан она не жаловала.

Несмотря на все наше уважение к неоспоримым достоинствам реализма настоящего времени, нельзя, однакоже, не согласиться, что древность как-то более дорожила нравственною натурою человека...

Правда, и в древности случалось, точно так же, как и у нас, что были люди, не задававшие себе никаких вопросов при вступлении в жизнь.

Но сюда относились и относятся только два рода людей.

Во-первых, те, которые получили от природы жалкую привилегию на идиотизм.

Во-вторых, те, которые, подобно планетам, получив однажды толчок, двигаются по силе инерции в данном им направлении.

Оба эти рода, конечно, не принадлежат к исключениям; но и не могут служить правилами.

Учение спасителя, разрушив хаос нравственного произвола, указало человечеству прямой путь, определило и цель, и средоточие житейских стремлений.

Найдя в откровении самый главный вопрос жизни «О цели нашего бытия» разрешенным, казалось бы, человечество ничего другого не должно делать, как следовать с убеждением и верою по определенной стезе.

Но протекали столетия, а все оставалось «яко же бо бысть во дни Ноевы».

К счастью еще, что наше общество успело так организоваться, что оно для большей массы людей само, без их сознания, задает и решает вопросы жизни и дает этой массе, пользуясь силою ее инерции, известное направление, которое оно считает лучшим для своего благосостояния.

Несмотря, однако, на преобладающую в массе силу инерции, в каждом из нас осталось еще столько внутренней самостоятельности, чтобы напомнить нам, что мы, живя в обществе и для общества, живем еще и сами собою и в самих себе.

Н. И. Пирогов

Но, узнав по инстинкту или по опыту, что общество приняло известное направление, нам все-таки ничего не остается более делать, как согласовать проявления нашей самостоятельности, как можно лучше, с направлением общества.

Без этого мы или разладим с обществом и будем терпеть и бедствовать, или основы общества начнут колебаться и разрушаться.

Итак, как бы ни была велика масса людей, следующих бессознательно данному обществом направлению, как бы мы все ни старались, для собственного блага, приспособлять свою самостоятельность к этому направлению, всегда останется еще много таких из нас, которые сохранят довольно сознания, чтобы вникнуть в нравственный свой быт и задать

себе вопросы: в чем состоит цель нашей жизни? какое наше назначение? к чему мы призваны? чего должны искать мы?

Как мы принадлежим к последователям христианского учения, то казалось бы, что воспитание должно нам класть в рот ответы.

Но это предположение возможно только при двух условиях:

Во-первых, если воспитание приноровлено к различным способностям и темпераменту каждого, то развивая, то обуздывая их.

Во-вторых, если нравственные основы и направление общества, в котором мы живем, совершенно соответствуют направлению, сообщаемому нам воспитанием.

Первое условие необходимо, потому что врожденные склонности и темперамент каждого подсказывает ему, впопад и невпопад, что он должен делать и к чему стремиться.

Второе условие необходимо, потому что без него, какое бы направление ни было нам дано воспитанием, мы, видя, что поступки общества не соответствуют этому направлению, непременно удалимся от него и собьемся с пути.

Но, к сожалению, наше воспитание не достигает предполагаемой цели, потому что:

Во-первых, наши склонности и темпераменты не только слишком разнообразны, но еще и развиваются в различное время; воспитание же наше, вообще однообразное, начинается и оканчивается для большей части из нас в одни и те же периоды жизни. Итак, если воспитание, начавшись для меня слишком поздно, не будет соответствовать склонностям и темпераменту, развившимся у меня слишком рано, то как бы и что бы оно мне ни говорило о цели жизни и моем назначении, мои рано развившиеся склонности и темперамент будут мне все-таки нашептывать другое.

От этого сбивчивость, разлад и произвол.

Во-вторых, талантливые, проницательные и добросовестные воспитатели так же редки, как и проницательные врачи, талантливые художники и даровитые законодатели. Число их не соответствует массе людей, требующих воспитания.

Не в этом, однако же, еще главная беда. Будь воспитание наше, со всеми его несовершенствами, хоть бы равномерно только приноровлено к развитию наших склонностей, то после мы сами, чутьем, еще могли бы решить основные вопросы жизни. Добро и зло вообще довольно уравновешены в нас. Поэтому нет никакой причины думать, чтобы наши врожденные склонности, даже и мало развитые воспитанием, влекли нас более к худому, нежели к хорошему. А законы хорошо устроенного общества, вселяя в нас доверенность к правосудию и прозорливости правителей, могли бы устранить и последнее влечение ко злу.

Но вот главная беда:

Самые существенные основы нашего воспитания находятся в совершенном разладе с направлением, которому следует общество.

Вспомним еще раз, что мы христиане, и, следовательно, главною основою нашего воспитания служит и должно служить откровение.

Все мы, с раннего детства, не напрасно же ознакомлены с мыслию

о загробной жизни, все мы не напрасно же должны считать настоящее приготовлением к будущему.

Вникая же в существующее направление нашего общества, мы не находим в его действиях ни малейшего следа этой мысли. Во всех обнаруживаниях, по крайней мере жизни практической, и даже отчасти и умственной, мы находим резко выраженное материальное, почти торговое стремление, основанием которому служит идея о счастье и наслаждениях в жизни здешней.

Выступая из школы в свет, что находим мы, воспитанные в духе христианского учения? Мы видим то же самое разделение общества на толпы, которое было и во времена паганизма, с тем отличием, что языческие увлекались разнородными нравственно-религиозными убеждениями различных школ и действовали, следуя этим началам, последовательно; а наши действуют по взглядам на жизнь, произвольно ими принятым, и вовсе несогласным с религиозными основами воспитания, или и вовсе без всяких взглядов.

Мы видим, что самая огромная толпа следует бессознательно, по силе инерции, толчку, данному ей в известном направлении. Развитое чувство индивидуальности вселяет в нас отвращение пристать к этой толпе.

Мы видим другие толпы, несравненно меньшие по объему, увлекаемые хотя также более или менее по направлению огромной массы, но следующие уже различным взглядам на жизнь, стараясь то противоборствовать этому влечению, то оправдать пред собою слабость и недостаток энергии.

Взглядов, которым следуют эти толпы, наберется много.

Разобрав, не трудно убедиться, что в них отзываются те же начала эпикуреизма, пиронизма, цинизма, платонизма, эклектизма, которые руководствовали и поступками языческого общества; но лишенные корня, безжизненные и в разладе с вечными истинами, перенесенными в наш мир воплощенным Словом.

Вот, например, первый взгляд очень простой и привлекательный. Не размышляйте, не толкуйте о том, что необъяснимо. Это, по малой мере, лишь потеря одного времени. Можно, думая, потерять и аппетит, и сон. Время же нужно для трудов и наслаждений. Аппетит — для наслаждений и трудов. Сон, опять, для трудов и наслаждений. Труды и наслаждения — для счастья.

Вот другой взгляд — высокий: учитесь, читайте, размышляйте и извлекайте из всего самое полезное. Когда ум ваш просветлеет, вы узнаете, кто вы и что вы. Вы поймете все, что кажется необъяснимым для черни. Поумнев, поверьте, вы будете действовать как нельзя лучше. Тогда предоставьте только выбор вашему уму, и вы никогда не сделаете промаха.

Вот третий взгляд — старообрядческий: соблюдайте самым точным образом все обряды и поверья. Читайте только благочестивые книги; но в смысл не вникайте. Это главное для спокойствия души. Затем не размышляйте, живите — так, как живется.

Вот четвертый взгляд — практический. Трудясь, исполняйте ваши служебные обязанности, собирая копейку на черный день. В сомни-

тельных случаях, если одна обязанность противоречит другой, избирайте то, что вам выгоднее, или, по крайней мере, что для вас менее вредно. Впрочем, предоставьте каждому спасаться на свой лад. Об убеждениях, точно так же как и о вкусах, не спорьте и не хлопочите. С полным карманом можно жить и без убеждений.

Вот пятый взгляд, также практический в своем роде. Хотите быть счастливыми, думайте себе, что вам угодно и как вам угодно, но только строго соблюдайте все приличия и умейте с людьми уживаться. Про начальников и нужных вам людей никогда худо не отзывайтесь и ни под каким видом им не противоречьте. При исполнении обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвение нездорово и негодится. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другим, то сами на других верхом ездите; только молча, в кулак себе, смейтесь.

Вот шестой взгляд, очень печальный. Не хлопочите, лучшего ничего не придумаете. Новое только то на свете, что хорошо было забыто. Что будет, то будет. Червяк на куче грязи, вы смешны и жалки, когда мечтаете, что вы стремитесь к совершенству и принадлежите к обществу прогрессистов. Зритель и комедиант поневоле, как ни бейтесь, лучшего не сделаете. Белка в колесе, вы забавны, думая, что бежите вперед. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, зачем жили.

Вот седьмой взгляд, очень веселый. Работайте для моциона, и наслаждайтесь, покуда живете. Ищите счастья, но не ищите его далеко, оно у нас под руками. Какой вам жизни еще лучшей нужно? Все делается к лучшему. Зло — это одна фантасмагория для вашего же развлечения, тень — чтобы вы лучше могли наслаждаться светом. Пользуйтесь настоящим и живите себе припеваючи.

Вот восьмой взгляд, и очень благоразумный. Отделяйте теорию от практики. Принимайте какую вам угодно теорию, для вашего развлечения, но на практике узнавайте, главное, какую роль вам выгоднее играть; узнав, выдержите ее до конца. Счастье — искусство. Достигнув его трудом и талантом, не забывайтесь; сделав промах, не пеняйте и не унывайте. Против течения не плывите.

И прочее, и прочее, и прочее.

Убеждаясь при вступлении в свет в этом разладе основной мысли нашего воспитания с направлением общества, нам ничего более не остается, как впасть в одну из трех крайностей.

Или мы пристаем к одной какой-нибудь толпе, теряя всю нравственную выгоду нашего воспитания. Увлекаясь материальным стремлением общества, мы забываем основную идею откровения. Только иногда, мельком, в решительные мгновения жизни, мы прибегаем к спасительному его действию, чтобы на время подкрепить себя и утешить.

Или мы начинаем дышать враждою против общества. Оставаясь еще верными основной мысли христианского учения, мы чувствуем себя чужими в мире искаженного на другой лад паганизма, недоверчиво смотрим на добродетель ближних, составляем секты, ищем прозелитов, делаемся мрачными презрителями и недоступными собратами.

Или мы отдаемся произволу. Не имея твердости воли устоять против стремления общества, не имея довольно бесчувственности, чтобы

отказаться совсем от спасительных утешений откровения, довольно безнравственными и неблагодарными, чтобы отвергать все высокое и святое, мы оставляем основные вопросы жизни нерешенными, избираем себе в путеводители случай, переходим от одной толпы к другой, смеемся и плачем с ними для рассеяния, колеблемся и путаемся в лабиринте непоследовательностей и противоречий.

Подвергнув себя первой крайности, мы пристаем именно к той толпе, к которой всего более влекут нас наши врожденные склонности и темперамент.

Если мы родились здоровыми и даже чересчур здоровыми, если материальный быт наш развился энергически, и чувственность преобладает в нас, то мы склоняемся на сторону привлекательного и веселого взглядов.

Если воображение у нас не господствует над умом, если инстинкт не превозмогает рассудка, а воспитание наше было более реальное, — то мы делаемся последователями благоразумного или одного из практических взглядов.

Если, напротив, при слабом или нервном телосложении, мечтательность составляет главную черту нашего характера, инстинкт управляется не умом, а воображением, воспитание же не было реальным, — мы увлекаемся то религиозным, то печальным взглядами, то переходим от печального к веселому и даже к привлекательному.

Если, наконец, воспитание сделало из ребенка старуху, не дав ему быть ни мужчиною, ни женщиною, ни даже стариком, или при тусклом уме преобладает воображение, или при тусклом воображении тупой ум, то выбор падает на ложно-религиозный взгляд.

Впоследствии различные внешние обстоятельства, материальные выгоды, круг и место наших действий, слабость воли, состояние здоровья нередко заставляют нас переменять эти взгляды и быть, поочередно, ревностными последователями то одного, то другого.

Если кто-нибудь из нас, сейчас при вступлении в свет или после, переходя от одной толпы к другой, наконец, остановился в выборе на котором-нибудь взгляде, то это значит, что он потерял всякую наклонность переменить или перевоспитать себя; это значит, он вполне удовлетворен своим выбором; это значит, он решил, как умел или как ему хотелось, основные вопросы жизни. Он сам себе обозначил и цель, и назначение, и призвание. Он слился с которою-нибудь толпою. Он счастлив по-своему. Человечество, конечно, не много выиграло приобретением этого нового адепта, но и не потеряло.

Если бы поприще каждого из нас всегда непременно оканчивалось таким выбором одной толпы или одного взгляда; если бы пути и направления последователей различных взглядов шли всегда параллельно одни с другими, и с направлением огромной толпы, движимой силою инерции, — то все бы тем и кончилось, что общество осталось бы вечно разделенным на одну огромную толпу и несколько меньших. Столкновений между ними нечего бы было опасаться. Все бы спокойно забыли то, о чем им толковало воспитание; оно сделалось бы продажным билетом для входа в театр. Все шло бы спокойно. Жаловаться было бы не на что.

Но вот беда: люди, родившиеся с притязаниями на ум, чувство, нравственную волю, иногда бывают слишком восприимчивы к нравственным основам нашего воспитания, слишком проницательны, чтобы не заметить, при первом вступлении в свет, резкого различия между этими основами и направлением общества, слишком совестливы, чтобы оставить без сожаления и ропота высокое и святое, слишком разборчивы, чтобы довольствоваться выбором, сделанным почти поневоле или по неопытности. Недовольные, они слишком скоро разлаживают с тем, что их окружает, и, переходя от одного взгляда к другому, вникают, сравнивают и пытают; все глубже и глубже роются в рудниках своей души и, неудовлетворенные стремлением общества, не находят и в себе внутреннего спокойствия; хлопочут, как бы согласить вопиющие противоречия; оставляют поочередно и то и другое; с энтузиазмом и самоотвержением ищут решения столбовых вопросов жизни; стараются, во что бы то ни стало, перевоспитать себя и тщатся проложить новые пути.

Люди, родившиеся с преобладающим чувством, живостию ума и слабостию воли, не выдерживают этой внутренней борьбы, устают, отдаются на произвол и бродят на распутье. Готовые пристать туда и сюда, они делаются, по мере их способностей, то неверными слугами, то шаткими господами той или другой толпы.

А, с другой стороны, удовлетворенные и ревностные последователи различных взглядов не идут параллельно ни с массою, ни с другими толпами. Пути их пересекаются и сталкиваются между собою. Менее ревностные, следуя вполовину нескольким взглядам вместе, образуют новые комбинации.

Этот разлад сектаторов и инертной толпы; этот раздор нравственно-религиозных основ нашего воспитания с столкновением противоположных направлений общества, при самых твердых политических основаниях, может все-таки рано или поздно поколебать его.

На беду еще, эти основы не во всех обществах крепки, движущиеся толпы громадны, а правительства, как история учит, не всегда дальнозорки.

Существуют только три возможности или три пути вывести человечество из этого ложного и опасного положения:

или согласить нравственно-религиозные основы воспитания с настоящим направлением общества,

или переменить направление общества,

или, наконец, приготовить нас воспитанием к внутренней борьбе, неминуемой и роковой, доставив нам все способы и всю энергию выдерживать неравный бой.

Следовать первым путем не значило бы ли искажать то, что нам осталось на земле святого, чистого и высокого? Одна только упругая нравственность фарисеев и иезуитов может подделываться высоким к низкому и соглашать произвольно вечные истины наших нравственно-религиозных начал с меркантильными и чувственными интересами, преобладающими в обществе. История показала, чем кончились попытки папизма, под личиною иезуитства, ультрареформаторов и энциклопедистов, шедших этою тропою человеческих заблуждений.

Изменить направление общества есть дело Промысла и времени.

Остается третий путь. Он труден, но возможен: избрав его, придется многим воспитателям сначала перевоспитать себя.

Приготовить нас с юных лет к этой борьбе значит именно:

«Сделать нас людьми».

То-есть, тем, чего не достигнет ни одна ваша реальная школа в мире, заботясь сделать из нас, с самого нашего детства, негоциантов, солдат, моряков, духовных пастырей или юристов.

Человеку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое внимание и всю волю в одно и то же время на занятиях, требующих напряжения совершенно различных свойств духа.

Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаешь.

На чем основано приложение реального воспитания к самому детскому возрасту?

Одно из двух: или в реальной школе, назначенной для различных возрастов (с самого первого детства до юности), воспитание для первых возрастов ничем не отличается от обыкновенного, общепринятого.

Или же воспитание этой школы с самого его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно к достижению одной известной практической цели.

В первом случае, нет никакой надобности родителям отдавать детей до юношеского возраста в реальные школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще с пеленок для той или другой касты общества.

Во втором случае, можно смело утверждать, что реальная школа, имея преимущественною целью практическое образование, не может в то же самое время сосредоточить свою деятельность на приготовлении нравственной стороны ребенка к той борьбе, которая предстоит ему впоследствии при вступлении в свет.

Да и приготовление это должно начаться в том именно возрасте, когда в реальных школах все внимание воспитателей обращается преимущественно на достижение главной, ближайшей цели, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать с практическим образованием. Курсы и сроки учения определены. Будущая карьера резко обозначена. Сам воспитанник, подстрекаемый примером сверстников, только в том и полагает всю свою работу, как бы скорее выступить на практическое поприще, где воображение ему представляет служебные награды, корысть и другие идеалы окружающего его общества.

Отвечайте мне, положив руку на сердце, можно ли надеяться, чтобы юноша в один и тот же период времени изготовлялся выступить на поприще, не самим им избранное, прельщался внешними и материальными выгодами этого, заранее для него определенного, поприща и, вместе с тем, серьезно и ревностно приготовлялся к внутренней борьбе с самим собою и с увлекательным направлением света?

Не спешите с вашею прикладною реальностью. Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку; наружный успеет еще действовать; он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет, может быть, не так ловок, не так сговорчив и уклончив, как воспитанники реальных

школ; но зато на него можно будет вернее положиться: он не за свое не возьмется.

Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у вас будут люди и граждане.

Значит ли это, что я предлагаю вам закрыть и уничтожить все реальные и специальные школы?

Нет, я восстаю только против двух вопиющих крайностей.

Для чего родители так самоуправно распоряжаются участью своих детей, назначая их, едва выползших из колыбели, туда, где по разным соображениям и расчетам предстоит им более выгодная карьера?

Для чего реально-специальные школы принимаются за воспитание тех возрастов, для которых общее человеческое образование несравненно существеннее всех практических приложений?

Кто дал право отцам, матерям и воспитателям властвовать самоуправно над благими дарами творца, которыми он снабдил детей?

Кто научил, кто открыл, что дети получили врожденные способности и врожденное призвание играть именно ту роль в обществе, которую родители сами им назначают? Уже давно оставлен варварский обычай выдавать дочерей замуж поневоле, а невольный и преждевременный брак сыновей с их будущим поприщем допущен и привилегирован; заказное их венчание с наукой празднуется и прославляется, как венчание дожа с морем.

И разве нет другого средства, другого пути, другого механизма для реально-специального воспитания? Разве нет другой возможности получить специально-практическое образование в той или другой отрасли человеческих знаний, как распространяя его на счет общего человеческого образования?

Вникните и рассудите, отцы и воспитатели!

Еще со времен языческой древности существуют два рода образования: общечеловеческое и специальное, или реальное.

В Афинах и Родосе философы имели право содержать школы для общечеловеческого образования. Невдалеке от Афин, между светлыми источниками, окруженными садами, размещены были самые главнейшие из них.

В середине стояла школа эпикурейцев, к северу от нее жили последователи Платона, а к югу — ученики Аристотеля. Мирты и оливы разделяли одно учение от другого и служили границами различных взглядов на жизнь и свет. Учители и ученики жили обществами, вместе; кроме учеников, и посторонним лицам вход был открыт. Со всех сторон и из отдаленных земель стекались любознатели слушать мудрости знаменитых наставников. Философия и красноречие были самыми главными предметами занятий. Не все реальные науки в то время были резко отделены от философии: они обыкновенно преподавались вместе с нею, так что главным основанием всех наук считалась философия. Бог, свет и человек были главнейшими предметами отвлеченных созерцаний, — красноречие было в то время искусством, тесно соединенным с гражданским бытом и историей народа.

Поэтому и философия, и красноречие считались самыми существенными и самыми необходимыми предметами для общечеловеческого образования.

Сверх этого, и в Греции, и в Риме, и в Египте существовали еще и специальные школы. Палестры и гимназии Греции, находившиеся под надзором магистрата (тогда как школы философов были частные учреждения, в управление и учение которых греческое правительство не вмешивалось), занимались преимущественно приготовлением учеников к олимпийским и другим публичным играм; в Риме существовало училище правоведения; в Александрии — училище математических и физических наук и т. п.

В средние века христианская религия сделалась первая покровительницей и рассадником потухшего просвещения.

Начало университетов и специальных училищ образовалось постепенно из монастырских, орденских школ. Специальные школы Парижа и Оксфорда, назначенные сначала для обучения философии и богословия и находившиеся под покровительством и надзором духовенства, постепенно получили особые права и привилегии и возвысились на ступень первых в то время университетов. Пишут, что в XIII столетии в Парижском университете было до 10 тыс., а в Оксфордском даже до 30 тыс. студентов. С этим мощным развитием общечеловеческого или университетского образования в Европе не могли более состязаться специальные монастырские школы и начали с тех пор все более и более приходить в упадок.

В новейшие времена, наконец, вместе с усовершенствованием различных отраслей человеческого знания и гражданского быта, университеты и специальные училища достигли постепенно той степени развития, на которой мы их теперь находим. Различия в назначении и цели тех и других ясно обозначились. Правительства всех образованных наций, поняв это более или менее ясно, упрочили новыми правами существование этих рассадников народного просвещения.

В различных странах, по мере временных, иногда случайных надобностей, возникало и усвоивалось более то университетское или общечеловеческое, то прикладное или специальное направление воспитания.

Но ни одно образованное правительство, как бы оно ни нуждалось в специалистах, не могло не убедиться в необходимости общечеловеческого образования. Правда, в некоторых странах университетские факультеты почти превратились в специальные училища; но нигде еще не исчезло совершенно их существенное и первобытное стремление к главной цели: общечеловеческому образованию.

Имея ввиду этот прямой, широко открытый путь к «образованию людей», для чего бы, казалось, им не пользоваться?

Для чего бы не приспособить его еще лучше к вопиющим потребностям настоящего?

Для чего не расширить и не открыть его еще более для нас, столь нуждающихся в истинно-человеческом воспитании?

Но общечеловеческое воспитание не состоит еще в одном университете; к нему принадлежат и приготовительно-университетские

школы, направленные к одной и той же благой и общей цели, учрежденные в том же духе и с тем же направлением.

Все, готовящиеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми.

Поэтому все до известного периода жизни, в котором ясно обозначаются их склонности и их таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научного просвещения. Недаром известные сведения исстари называются: «humaniora», т. е. необходимые для каждого человека. Эти сведения, с уничтожением язычества, с усовершенствованием наук, с развитием гражданского быта различных наций, измененные в их виде, остаются навсегда, однако же, теми же светильниками на жизненном пути и древнего, и нового человека.

Итак, направление и путь, которым должно совершаться общечеловеческое образование для всех и каждого, кто хочет заслужить это имя, ясно обозначено.

Оно есть самое естественное и самое непринужденное.

Оно есть самое удобное и для правительств, и для подданных.

Для правительств, потому что все воспитанники до известного возраста будут образовываться, руководимые совершенно одним и тем же направлением, в одном духе, с одной и той же целью; следовательно, нравственно-научное воспитание всех будущих граждан будет находиться в одних руках. Все виды, все благие намерения правительств к улучшению просвещения будут исполняться последовательно, с одинаковой энергией и одноведомственными лицами.

Для подданных, потому что все воспитанники до вступления их в число граждан будут дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитания.

Это тождество духа и прав воспитания должно считать выгодным не потому, что будто бы вредно для общества разделение его на известные корпорации, происходящие от разнообразного воспитания. Нет, напротив, я вижу в поощрении корпораций средство: поднять нравственный быт различных классов и сословий, вселить в них уважение к их занятиям и к кругу действий, определенному для них судьбой. Но, чтобы извлечь пользу для общества из господствующего духа корпораций, нужно способствовать к его развитию не прежде полного развития всех умственных способностей в молодом человеке. Иначе, должно опасаться, что это же самое средство будет и ложно понято, и некстати приложено.

Есть, однако же, немаловажные причины, оправдывающие существование специальных школ во всех странах и у всех народов.

Сюда относится почти жизненная потребность для некоторых наций в специальном образовании граждан по различным отраслям сведений и искусств, самых необходимых для благосостояния и даже для существования страны, и именно, когда ей предстоит постоянная необходимость пользоваться как можно скорее и как можно обширнее плодами образования молодых специалистов.

Но, во-первых, нет ни одной потребности для какой бы то ни было страны, более существенной и более необходимой, как потреб-

ность «в истинных людях». Количество не устоит перед качеством. А если и превозможет, то все-таки, рано или поздно, подчинится непроизвольно, со всею его громадностию, духовной власти качества.

Это историческая аксиома!

Во-вторых, общечеловеческое, или университетское, образование нисколько не исключает существования таких специальных школ, которые занимались бы практическим, или прикладным, образованием молодых людей, уже приготовленных общечеловеческим воспитанием.

А специальные школы и целое общество несравненно более выиграют, имея в своем распоряжении нравственно и научно, в одном духе и в одном направлении приготовленных учебников.

Учителям этих школ придется сеять уже на возделанном и разработанном поле. Ученикам придется легче усваивать принимаемое. Наконец, развитие духа корпораций, понятие о чести и достоинстве тех сословий, к вступлению в которые приготовляют эти школы, будет и своевременно, и сознательно для молодых людей, достаточно приготовленных общечеловеческим воспитанием.

Да и какие предметы составляют самую существенную цель образования в специальных школах?

Разве не такие, которые требуют для их изучения уже полного развития душевных способностей, телесных сил, талантов и особого призвания?

К чему же, скажите, спешить так и торопиться с специальным образованием? К чему начинать его так преждевременно?

К чему променивать так скоро выгоды общечеловеческого образования на прикладной, односторонний специализм?

Я хорошо знаю, что исполинские успехи наук и художеств нашего столетия сделали специализм необходимой потребностью общества; но, в то же время, никогда не нуждались истинные специалисты так сильно в предварительном общечеловеческом образовании, как именно в наш век.

Односторонний специалист есть или грубый эмпирик, или уличный шарлатан.

Отыскав самое удобное и естественное направление, которым должно вести наших детей, готовящихся принять на себя высокое звание человека, остается еще, главное, решить один из существеннейших вопросов жизни: «Каким способом, каким путем приготовить их к неизбежной, им предстоящей борьбе?» жизнь – борьба.

Первое условие: он должен иметь от природы хотя какое-нибудь притязание на ум и чувство.

Пользуйтесь этими благими дарами творца; но не делайте одаренных бессмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимого на земле авторитета, суемудрыми приверженцами грубого материализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума. Вот второе условие.

Вы скажете, что это общие, риторические фразы.

Но я не виноват, что без них не могу выразить того идеала, которого достигнуть я так горячо, так искренно желаю и моим и вашим детям.

Не требуйте от меня большего; больше этого у меня нет ничего на свете.

Пусть ваши педагоги, с глубоким знанием дела, лучше меня одаренные, с горячей любовью к правде и ближнему, постараются из моих и ваших детей сделать то, чего я так искренно желаю, и я обещаюсь никого не беспокоить риторическими фразами, а молчать и молча за них молиться...

(Сочинения, 2-е изд., 1914 г., т. I.)

О ПРЕДМЕТАХ СУЖДЕНИЙ И ПРЕНИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СОВЕТОВ ГИМНАЗИЙ

(1859 г.)

Экстраординарные педагогические заседания и циркуляры, содержащие в себе изложение мнений гимназических наставников, учреждены мною с тою целью, чтобы: 1) дать возможность гимназическим наставникам свободно, откровенно и беспристрастно обсудить различные педагогические меры и предлагаемые способы преподавания; 2) познакомить ближе высшие учебные инстанции как с господствующими, так и с исключительными взглядами наших педагогов; 3) дать средство высшим инстанциям судить по этим взглядам о степени развития нашей педагогики; 4) посредством размена взглядов познакомить и сблизить одну с другою различные дирекции округа; 5) наконец, чтобы учебное начальство могло удобнее сообщать всем дирекциям свои распоряжения и мнения о вновь предлагаемых педагогических мерах и способах преподавания.

Поэтому никто не вздумает, чтобы все излагаемые в циркуляре мнения, взгляды, способы преподавания и другие предложения гимназических наставников были безусловно одобряемы или принимаемы начальством округа.

Иначе оно бы не излагало в этих циркулярах взглядов, диаметрально противоположных один другому, или способов преподавания и мер, отсталых и несообразных с правилами здравой педагогики. Чтобы выработать педагогическое искусство для наших учебных заведений изнутри или из самого себя, нужно познакомиться сначала с ним так, как оно есть в настоящее время, хорошенько промерить его уровень и узнать, хотя приблизительно, направление большинства наших педагогов.

С другой стороны, для них необходимо узнать, как смотрит учебное начальство округа на их взгляды и предлагаемые ими меры, или, другими словами: им нужно так же хорошо знать направление учебного начальства, как и ему — направление подведомственных лиц. В педагогике, возведенной на степень искусства, как и во всяком другом искусстве, нельзя мерить действий всех деятелей по одной мерке, нельзя закабалить их в одну форму; но, с другой стороны, нельзя и допустить, чтобы эти действия были совершенно произвольны и диаметрально противоположны. Как то, так и другое противоречит духу здравой педагогики, успех которой в общественных учебных заведениях зависит, очевидно, от правильности и гармонического единства

действий главных ее деятелей. Итак, педагогические совещания столь же необходимы для наставников, сколько и для самого учебного начальства. Но чтобы и наставники и начальство извлекали из них существенную пользу, необходимо согласиться в началах. Совещания не могут быть истинно-научными, если они не будут чисто-коллегиальными и если все голоса совещателей не будут равны. В этом мы все, конечно, согласны. Но можно ли согласиться, чтобы в деле педагогическом, следовательно в деле науки и искусства, верховным судьею было наше общественное мнение, и именно наше, еще не развитое, шаткое и даже нисколько не общественное? Нам многое еще придется уяснять и развивать прежде, нежели мы будем вправе положиться в делах науки и искусства на мнение нашего общества, едва-едва начинающего иметь, да и то еще смутное, понятие о сущности воспитания и образования. У нас не образовалось еще порядочного суждения между экспертами, а мы уже хотим апеллировать, обращаясь к целому обществу, которое должно сначала поучиться и кое-что заимствовать от людей науки. Для чего же не постараться сначала, чтобы хорошо выработалось, путем научным, общественное мнение наших педагогических учреждений. Не ясно также и то, как может быть критика, хотя бы она была и официальная, без права оправдания; тогда это не критика, а приказание. Наконец, решительно неясно уже, почему трудно рассуждать свободно тому, кто знает, что над ним есть приговор суда. Беспристрастный суд именно того и требует, чтобы подсудимый говорил и рассуждал свободно. Должен же быть сделан окончательный приговор суждениям для того, чтобы осуществить и возвести их на степень общих мер.

Этот окончательный приговор, — будет ли он сделан общественным мнением или высшею инстанциею, — конечно, нисколько не препятствует никому оставаться при своем убеждении и даже защищать его гласно. Но как же можно осуществить мысль, чтобы приговор делали у *нас* одни педагоги, *избранные общественным мнением?* Если в этом случае под именем общественного мнения разуметь мнение большинства всех наших ученых экспертов, то, конечно, это было бы справедливо и прекрасно; но покуда у нас еще не существует такого ареопага; предоставить же решение педагогам, избранным общественным мнением публики, которых еще нет налицо, будет делом в настоящее время, по малой мере, ненадежным и несбыточным. Где, как и чем выразится это мнение, — если бы оно и действительно существовало? Кто поручится, что мнение, которое вы называете общественным, не есть мнение одной партии?

Остается, следовательно, одно и именно то, что покуда и делается, хотя и с грехом пополам: предоставить решение большинству голосов коллегиального учреждения, считая — хотя и поневоле — его членов опытнейшими педагогами. И я не вижу, почему бы можно было менее верить этому большинству, чем другому, составляющему общественное мнение нашей публики. Если у нас существуют причины, которые препятствуют большинству коллегиальных учреждений делать беспристрастные и верные приговоры, то те же самые причины существуют и для большинства публики. Причины же

эти очевидны, и из них одна — самая главная — есть недостаток основательного образования и шаткость убеждений. Эта шаткость обнаруживается везде и даже в понятии о главных основах тех учреждений, члены которых, казалось бы, должны были иметь, судя по степени их образования, более ясные понятия.

Как иначе объяснить те странные взгляды, которые, например, имеют члены коллегиальных педагогических учреждений о действиях меньшинства; как объяснить иначе, что одни члены этих учреждений стараются ограничиться только исполнением формальных требований, а другие, считающие себя прогрессистами, ищут выражения общественного мнения у толпы незрелых учеников. Не лучше ли же, при такой шаткости наших убеждений, похлопотать предварительно о лучшей организации той среды, к которой мы принадлежим, и постараться, путем убеждения и добросовестного труда, развить здравое мнение об обязанностях в этой самой среде.

Обращаясь к самым первоначальным основаниям педагогики, мы видим, что: 1) еще не все гимназические наставники (даже нового поколения) отдают преимущество тому способу преподавания, который наиболее содействует к развитию душевных способностей учащихся; 2) что не все еще наставники отвергают пользу и необходимость заучивания. Действительно, в деле практической педагогики, как и вообще во всех делах жизни, нельзя ничего ни отвергать, ни принимать безусловно. В практической жизни редко кому-либо удается быть таким твердым и счастливым, чтобы провести свои убеждения совершенно последовательно, не сбиваясь, без исключений и не давая поблажки обстоятельствам. Тем не менее, нельзя не заметить, что в прениях наших гимназических наставников о педагогических принципах, как и всегда во всех прениях, спор идет более о словах, нежели о сущности дела. Одни говорят, что преподаваемая наука *должна служить сама себе целью,* что главная и единственная цель преподавания есть сообщение и усвоение знания. Другие, напротив, утверждают, что в гимназиях каждая наука не есть цель, а только средство; главное же есть развитие способностей. Но кто не поймет, что с какою бы целью вы ни излагали науку, все-таки *знание* есть и всегда будет conditio sine qua non для достижения этой цели. В этом, верно, согласны обе стороны. Но какое знание?

Верно, ни те, ни другие сторонники не будут защищать то официально-школьное знание, которое я, пожалуй, назову экзаменационным и классно-переводным. Верно, и те, и другие искренно желают, чтобы их ученики усвоили себе, сколько можно сознательнее, истинное знание науки. Такое знание не может быть одним чисто-формальным; оно непременно должно касаться и самого содержания; оно всегда будет сообразно и с возрастом, и со способностями ученика. Если так, то о чем же спор? Всякий, кто сам учился не напрасно, должен знать по опыту, что в каждой науке, или по крайней мере, в каждой группе наук есть своя собственная образовательная сила, которая не останется без действия на дух и на характер ученика, как скоро истинное знание науки им будет, действи-

тельно, усвоено. Следовательно, тот наставник, который излагает науку так, что она сознательно усвояется учеником, уже eo ipso и действует на развитие его душевных способностей. Итак, главное — для учителя — суметь изложить свой предмет именно так, чтобы ученик его усвоил.

Вот об этом-то и нужно рассуждать: докажите на опыте фактами, что ваш способ преподавания достигает именно этой цели, тогда вы тем самым непременно докажете, что та или другая способность вашего ученика развилась посредством вашего способа преподавания. Взяв отвлеченно, главная заслуга будет, конечно, принадлежать не вам, а образовательной силе самой науки; но практически наука без лиц не существует, — следовательно, все-таки заслуга останется за вами. Правда, образовательная сила каждой науки распространяется не на одну только, а более или менее на все способности учащегося; которая же именно из его способностей разовьется наукой по преимуществу — будет зависеть от четырех условий: 1) от свойства самой науки; 2) от личности и степени развития ученика; 3) от личности и степени образования учителя и 4) от способа преподавания избранного им предмета. Итак, вот опять важный предмет для обсуждений. Доказывайте опять фактами, что избранный вами способ преподавания соответствует лучше, чем другой, степени развития и личностям большей части ваших учеников.

То же должно заметить и о необходимости заучивания. Одни говорят, что заучивание есть остаток прежней схоластической (школы) рутины, требовавшей «jurare in verba magistri»; что оно не только не развивает учеников, но, напротив, подавляет всякое умственное и душевное развитие. Другие говорят, что «заучивание необходимо, что его нечего пугаться, что без него нельзя совсем научиться некоторым предметам (например иностранным языкам и грамматическим формам), что без него преподавание может обратиться в игрушку» и пр. Но, слава богу, у нас уже нет таких закоренелых приверженцев заучивания, которые не требовали бы вместе с заучиванием, чтобы оно было *разумно*. Что же значит это требование? Что значит это *разумное заучивание?* Не то ли, что оно не должно быть делом одной памяти, а разумным усвоением знания? Если так, то и спорить не о чем.

Все знают, что один разум, без памяти, не может действовать. Нельзя составить ни одного силлогизма, даже и энтимемы, без памяти. Кто забудет первую или вторую посылку, то и до заключения не доберется. Но можно ли разумное и, следовательно, сознательное усвоение знания памятью назвать *заучиванием?* Это — вопрос, о котором, если будем спорить, то будем спорить о слове, а не о деле. От разумно заучивающего, или, лучше, от разумно помнящего дело, верно, никто не будет требовать, чтобы он всегда отвечал учителю слово в слово по книге или по тетрадке. Никто также не скажет, что подчинение памяти разуму обращает преподавание в игрушку, потому только, что оно облегчает знание, делая его сознательным, или, лучше, делая его именно тем, чем оно должно быть, т. е. истинным знанием.

Упомяну, наконец, еще об одном взгляде на гимназическое преподавание. Этот взгляд, оставленный без обсуждения, мог бы подать повод к прению уже не об одних словах.

Утверждают, что много времени теряется понапрасну «в спрашивании уроков, которое, при рациональном воспитании, совершенно не нужно». Другие, напротив, утверждают, что «нужно задавать ученикам не только то, что во время каждой лекции объяснено, но и требовать, чтобы они повторяли предыдущий урок, и так продолжать распоряжаться с репетициею и уроком в течение целого года. По этому способу ученик повторяет каждую лекцию два раза, и то в скором времени после объяснения оной. При этом нужно еще, чтобы ученики составляли для себя конспекты по изученному ими предмету». Вот какие противоположные мнения еще господствуют в нашей педагогике. Вот как мало мы имеем еще положительных правил о выгодах и невыгодах той или другой методы преподавания. Как далеки мы еще от того, чтобы действовать сообща, по определенным и точным началам. Одни из наших гимназических учителей смотрят на свои обязанности, как профессора университета, и считают уроки бесполезными; другие находят спасение только в репетициях и конспектах. Но разберите и обсудите беспристрастно, и вы увидите, что во всех этих крайностях есть доля правды. Примените и сюда те же четыре условия, от которых зависит действие образовательной силы наук на развитие той или другой способности ученика, и вы увидите, в чем дело. Нельзя всех и каждого стричь под один гребень, а действовать разумно, применяясь к свойству самого предмета, к личности и степени развития учеников и самих учителей, — вот в чем заключается главное дело педагогического искусства.

Это-то и должно быть по преимуществу предметом обсуждения педагогических советов. Что касается до меня, то я разделяю об этом предмете мнение, что «учитель никогда не должен проводить резкой черты между так называемым спрашиванием и объяснением урока». Метода преподавания, наиболее соответствующая духу гимназического учения, есть, и по моему мнению, та, которую употреблял Сократ.

Но как Сократов, сколько мне известно, еще нет между нашими учителями, то, конечно, нельзя вменить им в обязанность, чтобы они так же излагали свой предмет, как это делал греческий философ. Сократов способ требует большой сноровки и логики. Немногие владеют искусством делать логические наведения так, чтобы учащиеся незаметно и непринужденно доходили до сознательного ответа на заданный вопрос. Но как бы ни были различны личные способности, сведения и степень развития наших наставников и как бы далеко они ни отстояли от Сократа, все-таки они все должны почитать прямою их обязанностью *удерживать внимательность целого класса в постоянном напряжении*. И в этом отношении нельзя не согласиться, что весь успех «гимназического учения основан на взаимодействии учителя и учеников».

Я бы желал, чтобы педагогические советы гимназий серьезно занялись изобретением мер, необходимых для поддержания внимательности в наших классах. Опыт убедил меня, что в наших гимназиях

еще весьма немногие из учителей обратили внимание свое на внимательность учеников. Входя в класс, видим учеников, сидящих перед раскрытыми учебниками; один из учеников, обыкновенно, стоит и отвечает; другие сидят и читают про себя в книге или тетрадке; никто не следит за ответами товарищей; немногие слушают учителя. Я не раз пробовал останавливать отвечающего на недоконченном ответе, заставляя продолжать другого, сидящего через одну или две скамейки, и нередко убеждался, что он совсем и не слышал, о чем шло дело. Можно ли ожидать успеха при таком способе преподавания? Можно ли думать, что гимназист, привыкший быть невнимательным или, лучше, не научившийся быть внимательным в классе, будет с пользою посещать университетские лекции, где он уже совершенно предоставлен самому себе? Быть внимательным к словам и мыслям другого есть искусство, и искусство не легкое, которому нельзя научиться, не упражнявшись с ранних лет; а кто не научился ему в школе, тот не годится и для университета. Пора, пора понять нам, что обязанность гимназического учителя не состоит только в одном сообщении научных сведений и что главное дело педагогики состоит именно в том, *как* эти сведения будут сообщены ученикам. Ошибаются те из наставников, которые думают, что они все уже сделали, если изложили науку ученикам в современном ее виде. Наука — дело великое, безграничное, едва достижимое и для жизни, не только для школы. Если школе удастся сделать учеников восприимчивыми к науке, дать им сознательное научное направление, поселить в них любовь к самостоятельным занятиям наукою, то больше ничего и требовать нельзя.

Школа только тогда достигает своего назначения, когда вышедший из нее ученик будет понимать, что такое научная истина, — когда ему будет указано, что такое истинная наука, и когда он научится вырабатывать ее из себя самого, сознательно и самостоятельно. Но этого-то именно наши школы, если и *постигают*, то далеко еще не *достигают*. И могут ли они достигнуть, если *не* стараются всеми силами развить внимание учеников, — это первое и основное условие всякой и научной, и практической самостоятельности. Рассмотрите начало всякой науки, всякого открытия, читайте жизнеописания высоких деятелей науки, и вы убедитесь, что первым основанием всему была внимательность. Только тот постигал истину, кто *внимательно* изучал природу, людей и самого себя.

Итак, я предлагаю дирекциям, ревностно заботящимся о распространении истинно-научного образования, возбудить в заседаниях педагогических советов следующие жизненные вопросы нашей педагогики: 1) какой способ изложения, при данных местных условиях, должен считаться удобнейшим для сознательного усвоения каждой *науки*, 2) как направить изложение каждого предмета к развитию той или другой душевной и умственной способности большей части наших учащихся и 3) какими мерами возбудить и поддержать внимательность целого класса, столь необходимую для усвоения науки.

(Сочинения, т. I.)

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ПРАВИЛ О ПРОСТУПКАХ И НАКАЗАНИЯХ УЧЕНИКОВ КИЕВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

(1859 г.)

В деле воспитания — будет ли оно домашнее или общественное — всегда, более или менее, преобладает одно из трех начал: *призвание, администрация и спекуляция.*

По призванию воспитывают детей только некоторые, немногие родители и некоторые избранные педагоги. В учебных казенных заведениях господствует *административное* начало, а в большей части частных школ и пансионов — *спекуляция*. Это так и есть, и *не может быть* иначе при современном состоянии нашего общества, хотя собственно одно только *призвание должно бы быть* господствующим началом воспитания. Понятно, что правила, которым следуют призванный педагог, воспитатель-чиновник и воспитатель-спекулянт, если и не диаметрально противоположны, то, по крайней мере, весьма различны. *Первый* следует внутреннему внушению; *второй* — предписаниям и постановлениям начальства; *третий* — тому, что приносит ему самому больше выгоды. Правда, в образованном обществе и призванный, и администратор, и спекулянт не могут безнаказанно отступать вовсе от начал, принимаемых современною педагогикою; но, тем не менее, все основные педагогические правила в руках каждого из этих трех воспитателей принимают другой характер и другое направление, а потому и исполнение их дает другой результат. Кроме того, самое педагогическое искусство, — смотря по тому, будет ли оно этими воспитателями приспособлено к домашнему или общественному воспитанию, — также получает другой характер. Так, при воспитании масс, в многолюдных общественных учреждениях и призванные, и спекулянты, принужденные действовать по однообразным и определенным предписаниям начальства, невольно делаются воспитателями-чиновниками. В этих учреждениях почти совсем исчезает возможность *индивидуализировать,* а с этим вместе делается невозможным и применение одного из самых основных правил педагогики, предписывающего *сообразоваться, в каждом данном случае, с нравом, темпераментом и способностями воспитанника.* Дело воспитания в больших закрытых воспитательных заведениях ни с чем нельзя лучше сравнить, как с медицинскою практикою в больших госпиталях, которая также, по невозможности хорошо индивидуализировать, резко отличается от частной практики. Невозможность вникать в натуру каждого воспитанника в больших общественных учреждениях нарушает и те сердечные, патриархальные отношения воспитателя к воспитаннику, которые составляют отличительную черту домашнего, родительского и того воспитания, которым (в малых объемах) занимаются педагоги *по призванию.* Счастливое время патриархальных отношений — если оно когда-либо и существовало в больших учебных заведениях — прошло. Теперь, под предлогом этой патриархальности, нередко ждешь не добра, а скрытых злоупотреблений. Прислушиваясь к говору учеников в школах, не только ничего не услышишь о сердечной привязанности

их к наставникам, но, напротив, еще узнаешь, что не существует даже и доверия к справедливости и правосудию воспитателей. При таком положении дела толковать об отеческих отношениях директоров, инспекторов, надзирателей и учителей к воспитанникам значило бы — фарисействовать или не хотеть видеть того, что уже слишком ясно. Еще недавно педагогический совет одной из гимназий округа, осуждая провинившегося ученика, разделился на две противные стороны, из которых одна утверждала, что учителя должны быть *отцами,* а другая, — что они должны быть *братьями* учеников. Я заметил на это, что *наставники,* по моему мнению, *должны остаться тем, чем они есть* на самом деле, т. е. не более и не менее как наставниками. И теперь, предлагая дирекциям округа принять в руководство прилагаемые здесь правила о проступках и наказаниях учеников, я полагаю им в основание это убеждение. Убежденный опытом, что патриархальные отношения учащих к учащимся в учебных заведениях сделались мифом, обольщающим только одних непосвященных, я предлагаю оставить в покое недостижимое, а обратиться лучше к усовершенствованию другой, более практической стороны общественного воспитания.

Не входя в рассмотрение, худо ли или хорошо, что административное начало преобладает в больших учебных учреждениях и принимая это, как «un fait accompli», я полагаю, что при таком состоянии дела нужно, по крайней мере, извлечь все хорошее из этого начала и приспособить его как можно лучше к воспитанию вверенного нам юношества. Хорошего же в этом начале я вижу то, что *оно, при известных условиях, может содействовать к развитию в детях чувства законности.* Это чувство, так еще мало заметное в нашем обществе, нигде, между тем, столько не нужно, как у нас, в России. Все мы ощущаем крайнюю необходимость развить в нас с самых ранних лет это жизненное условие гражданственности, взаимного доверия и прогресса. Но административное начало наших воспитательных учебных учреждений может достигнуть этой важной цели только тогда, когда: 1) все начальники и наставники заведений, при обсуждении отношений их к воспитанникам, при рассмотрении поступков учащихся и при определении наград и наказаний, будут беспристрастно и верно следовать *одним, известным и точно определенным, правилам и постановлениям;* 2) когда сами учащиеся, с первого вступления в школы, *будут хорошо ознакомлены с правилами и постановлениями,* касающимися их проступков и наказаний, и когда они будут хорошо знать, что ожидает их за сделанный ими проступок, и 3) когда учащиеся будут убеждены, что *никакой их проступок не останется скрытым и необсужденным и что каждое наказание проистекает, как бы само собою, из сущности и характера проступка.* Очевидно, что всем этим требованиям нельзя удовлетворить иначе, как составлением кодекса; но, очевидно, также и то, что один кодекс, как бы он хорош ни был, еще недостаточен; нужны и лица, понимающие всю важность цели. Как правила без исполнителей, так исполнители без правил ничего не сделают. Как бы исполнители ни желали остаться верными их призванию и долгу, они ничего путного не сделают, если будут итти по пословице «кто в лес, а кто по дрова» и если, не имея

точных и определенных правил, одни из них, за один и тот же проступок и в одном и том же заведении, будут наказывать учащегося, а другие — смотреть на него сквозь пальцы. Не хорошо тоже и то, если в том же учебном округе (в котором иногда ученики переходят из одного учебного заведения в другое) за тот же самый проступок один директор будет сечь или исключать ученика, а другие прощать его или слабо наказывать. При таких противоречиях и упущениях нельзя развиться чувству законности в учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядов и действий воспитателей, непременно придут к тому заключению, что действиями их управляет не закон, а случай, каприз, произвол и пристрастие. Доверие к законности действий в таком случае нарушается, а вместе с этим исчезает и всякое чувство правды и законности. Произвол и каприз воспитателя вызывают по закону противодействия такой же произвол и каприз и в воспитаннике. А что все эти разноречия и упущения, о которых я сейчас намекнул, действительно существуют в учебных заведениях нашего округа, я вижу и из протоколов заседаний педагогических советов, и из статистических данных о наказаниях, вытребованных мною от разных дирекций. Из этих данных я вижу, что не только в разных дирекциях существуют различные наказания за один и тот же проступок, но и одно и то же наказание употребляется с разною целью. Для примера я приведу здесь краткий перечень телесных наказаний, определенных различными дирекциями. Разность в численности этих наказаний нельзя объяснить различною численностью учеников и различною степенью их нравственного развития; мы видим, что в гимназиях, одинаково многолюдных и при сходных условиях, число телесных наказаний было далеко не одно и то же; потому этот факт не может быть иначе объяснен, как неопределенностью взглядов гг. директоров и наставников на проступки и наказания учеников. Так, в 1858 г. наказано было розгами: 1) в Киевской 2-й гимназии — из 625—43; 2) в Житомирской — из 600—290; 3) в Немировской — из 600—67; 4) в Подольской — из 400—37; 5) в Полтавской — из 399—39; 6) в Ровенской — из 300—6; 7) в Нежинской — из 260—20; 8) в Новгородсеверской — из 250—8; 9) в Черниговской — из 240—18; 10) в Белоцерковской — из 220—38; 11) в Киевской 1-й гимназии — из 215—3. Неужели нравственное развитие учеников 2-й Киевской, например, и Житомирской гимназии так различно, чтобы им одним можно было объяснить, почему в одной из них, почти при одинаковом числе учащихся (600—625) высечены были в прошлом году только 43, а в другом почти 300 учеников. Итак, убежденный вполне, что: 1) при господстве административного начала в наших учебных учреждениях первым шагом к улучшению нравственной стороны воспитания может служить только развитие чувства законности и справедливости между учащимися; что 2) главным средством к развитию этого чувства могут служить точные, положительные и одинаковые (для всех дирекций) правила о проступках и наказаниях, я подверг все это дело, столь важное по его следствиям для воспитываемого юношества, тщательному обсуждению. С этой целью составлен был мною особый комитет под моим председательством; членами

комитета были: помощник попечителя, директоры, инспекторы двух киевских гимназий, инспектор казенных училищ, некоторые профессоры (истории — Шульгин, педагогики — Гогоцкий) и некоторые учители. Обсудив тщательно все мнения, касающиеся этого предмета, я предлагаю теперь дирекциям ввести на первое время для гимназий, в виде опыта, следующие определения комитета, вполне разделяемые и мною.

Но прежде, нежели приступлю к подробному изложению определений комитета, я считаю необходимым предпослать еще некоторые начала, служившие основанием правил о проступках и наказаниях, исходною точкою которых было развитие в воспитанниках чувства законности и правды. 1) Для искоренения вредных убеждений, распространенных между учащимися, что произвол воспитателей, каприз и личность управляют их поступками и действиями, необходимо *распространить и усилить деятельность и нравственное влияние* педагогических советов. Всем известно, как в настоящее время ослабело нравственное влияние учителей на поступки учащихся. Из мнений, сообщенных мне педагогическими советами, я вижу даже, что некоторые наставники полагают вне своих обязанностей следить за нравственностью учеников, рассматривая себя как бы назначенными только для одного научного преподавания и относя все остальное к обязанностям директора, инспектора и надзирателей. Таким образом, в наших школах произошло, с одной стороны, вредное разъединение учебной и административно-полицейской части, а с другой стороны — то, что одни и те же лица сделались и следователями проступков, и определителями наказаний. Отсюда и начало недоверия, господствующего между учащимися (особенно высших классов) к справедливости суда. Итак, чтобы восстановить это доверие, а с ним вместе и нравственное влияние учителей, нет другого, более верного средства, как распространить действие педагогического совета и предоставить ему, в большей части случаев, определение наказаний; для обсуждения же тех проступков, которые предоставляются суду надзирателей, инспектора и директора, включить в число следователей (по очереди или по выбору) и некоторых членов совета. Опыт доказывает, что заключения и определения педагогического совета несравненно более пользуются доверием между учащимися, чем решения одного лица, будет ли оно второстепенное в заведении, как учители и надзиратели, или главное, как директор. Поэтому необходимо также — что и совершенно согласно с существующим уставом, — чтобы правом определять те наказания, которые имеют более сильное влияние на нравственность учащихся, пользовался преимущественно один педагогический совет, а инспектор и директор имели бы право распоряжаться преимущественно в случаях экстренных и нетерпящих никакого отлагательства. Эта мера нисколько не уменьшит уважения учащихся к этим лицам, но еще, напротив, устранив причину подозрений и нареканий о личностях, капризе и произволе, заставит их более доверять своим непосредственным начальникам, а, следовательно, и более уважать их. 2) Введение предлагаемых здесь правил и постановлений, конечно, не имеет цели распространить между учащимися вредное убеждение, что участь провинившихся будет зависеть единственно от одного только

мертвого кодекса. Напротив, опыт должен скоро убедить их, что самое главное дело — точное исследование и правосудное приложение правил, содержащихся в кодексе, к каждому данному случаю, все-таки предоставлено воспитателям. Как в каждом судопроизводстве, так, особливо, и в деле воспитания, при обсуждении проступков учащихся, все зависит от следователей и судей, применяющих закон к случаю. Поэтому введение кодекса нисколько не нарушит нравственной связи между воспитателями и воспитанниками. Напротив, учащиеся, с одной стороны, скоро поймут, что их действия подчиняются не только мертвой букве закона, но и живой силе убеждения их воспитателей о мере вины и степени наказания, с другой же стороны — введением кодекса учащиеся убедятся, что и самые их воспитатели руководствуются, при обсуждении проступков, не произволом, а точными и определенными постановлениями. 3) Главная цель наказаний в учебных заведениях есть исправление. А когда надежда исправить виновного вовсе потеряна, то предстоит грустная необходимость удалить неисправимого — для блага целого заведения. Необходимостью существования этой меры и отличается воспитание в заведениях от частного или семейного воспитания. Воспитатели, имея это в виду, должны, при обсуждении каждого проступка, хорошо вникнуть в те *обстоятельства*, которые его сопровождали и ему предшествовали. Потому-то необходимо, при каждом проступке, принимать во внимание: *усиливающие, ослабляющие и вовсе от наказания освобождающие условия*. Все они изложены с этой целью в особой графе приложенной таблицы проступков и наказаний. Учащиеся должны иметь и об этих обстоятельствах точные сведения. 4) Никто из провинившихся не должен отговариваться и извиняться незнанием правил и постановлений. Ничто столько не содействует к развитию чувства законности, как точное знание закона. Итак, прежде, нежели мы приступим к осуществлению изданных правил на деле, необходимо ознакомить учащихся в точности с сущностью самого дела. С этой целью предлагается дирекциям развесить во всех классах прилагаемые здесь таблицы кодекса. Весьма полезно было бы, если бы воспитатели молча подводили воспитанника после каждого совершенного им проступка к таблице и указывали ему на то, что его ожидает. Напоминая таким образом виновному, воспитатель дает ему почувствовать, что следуемое за вину наказание будет определено не произволом, а по закону. 5) Но как бы строго и беспристрастно мы ни наказывали виновных за каждый проступок, мы не должны забывать, что этим не уничтожается самая *причина зла*. Действуя *на проступки*, мы не всегда действуем *на пороки*, служащие им основанием. Наши действия можно назвать в этом случае более *паллиативным*, нежели *радикальным* лечением. Корень зла и после наказания за вину еще остается в душе виновного, хотя и то правда, что, не давая ему пускать на свет отростки, мы прекращаем, по крайней мере, обнаруживание зла; а это уже много значит. Зло питается злом. Препятствуя ему обнаруживаться и сегодня и завтра, мы можем, наконец, и того достигнуть, что оно совершенно заглохнет. Но все-таки эта мера еще недостаточна. Нужно стараться, по мере сил, прямо действовать на самый корень. Для этой цели

я предлагаю воспитателям, принимающим к сердцу их служение делу воспитания (а именно в закрытых заведениях), завести у себя карманные журналы, в которых бы они отмечали, с надлежащей подробностью *и только для себя,* все замеченные ими поступки учеников, их образ мыслей и т. п. Записать в классный официальный журнал или в кондуитный список: *шалил, ленился, наказан за ослушание* и т. п., нетрудно; но если проступок не описан подробно и если ни слова не будет упомянуто о сопровождавшей его обстановке и о других, повидимому, мелочных, но, тем не менее, характеристических обстоятельствах, то потом беспристрастному судье трудно будет судить о мотивах проступка и трудно будет узнать, что было его причиною: легкомыслие, темперамент, предшествовавшее воспитание или испорченность воли. Собрав же посредством таких журналов подробные фактические сведения о поведении, характере, темпераменте учащегося, легче будет попасть на корень зла, и как бы ни было трудно в больших воспитательных учреждениях *индивидуализирование* воспитанников, но все-таки, при рвении и любознательности воспитателей, оно в известной степени может быть осуществлено этим способом. Само по себе разумеется, что воспитатели, занимаясь ведением таких журналов, должны поступать осторожно и не обращаться к помощи самих учеников; иначе, вместо добра, они будут способствовать к развитию наушничества и шпионства, как это было в школах иезуитских.
6) Опытом дознано, что уменьшение числа преступлений в обществе и улучшение нравственности *зависит не столько от строгости наказаний, сколько от распространения убеждения, что ни одно преступление не останется неоткрытым и безнаказанным.* Это же убеждение должно стараться распространить и между учащимися и доказывать им его на деле. Имея это в виду, предлагаемые здесь правила о проступках и наказаниях и определяют только для немногих исключительных случаев *строгие телесные наказания.* Известно, что как бы наказание ни было жестоко и унизительно, к нему можно привыкнуть. Человек приучится хладнокровно смотреть и на смертную казнь. Так и розга, часто употребляемая, теряет свое нравственно-исправительное действие. Поэтому гораздо надежнее и несравненно сообразнее с правилами благоразумной педагогики принять в основание *не строгость, а соответственность наказания с характером проступка.* Идеал справедливого наказания есть то, чтобы *оно проистекало,* так сказать, *само собою из сущности самого проступка.* Розгу из нашего русского воспитания нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ее необходимости и пользы приводят в пример воспитание в Англии, то на это нужно заметить, что розга в руках английского педагога имеет совершенно другое значение. Где чувство законности глубоко проникло все слои общества, там и самые нелепые меры не вредны, потому что они не произвольны. А там, где нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, заменяя в виновном свободу сознания робким страхом, с его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворством, розга окончательно разрывает нравственную связь между воспитателем и воспитанником; она и там не надежна,

где еще существуют патриархальные отношения. И если грубое телесное наказание и от рук родного отца делается иногда невыносимым, то в воспитании, основанном на административном начале, оно делается унизительным и возмущающим. Но нельзя еще у нас вдруг вывести розги из употребления. Пока сеченные дома дети будут поступать в наши воспитательные учреждения, трудно еще придумать что-нибудь другое для их наказания (по крайней мере вначале) в случаях, не терпящих отлагательства. Нам покуда ничего не остается более, как принять за правило: употреблять это средство с крайнею осторожностью и только там, где позорная вина требует быстрого, сильного и мгновенного сотрясения. Но это сотрясение тогда только и может достигнуть своей цели, когда оно будет употреблено редко, но безотлагательно, следуя непосредственно за проступком, очевидность которого не подлежит никакому сомнению. 7) Известно, что во всех учебных учреждениях рано или поздно развивается *дух корпорации,* который, при известных условиях, может и повредить законности и поддержать ее. Он делается вредным, когда корпорация организуется тайно или когда она вовсе не организована, а существует по одному преданию и, так сказать, инстинктивно. Еще хуже бывает, когда в основание ее принято какое-нибудь ложное, несовременное и незаконное начало. Напротив, корпоративный дух много содействует распространению законности и нравственной связи между учащимися и целым учреждением, когда основанием корпорации служит благородное научное соревнование, чувство чести и собственного достоинства. Главная задача педагогии состоит в том, чтобы, пользуясь этою естественною наклонностью человека, живущего в обществе, проявляющеюся с самого его детства, дать ей надлежащее направление и устремить ее к развитию чувства законности, правды и чести. Без сомнения, применение корпоративного духа, более или менее господствующего в наших училищах, к педагогическим целям должно быть делаемо с большою осторожностью. Таким образом, характер некоторых проступков учащихся может быть несравненно точнее определен ими самими, нежели воспитателями. Существуют, например, такие проступки, причину и значение которых разузнать нельзя иначе, как посредством товарищей виновного, и именно потому, что эти проступки преимущественно касаются взаимных отношений одного учащегося к другим. Если же педагог вздумает воспользоваться этим средством и прибегнет, для обнаружения виновного и причины его проступка, к помощи его товарищей, то он, очевидно, нарушит нравственное основание воспитания, нарушит взаимное доверие и ту связь учащихся между собою и с их воспитателями, которая так необходима для всякого учебного учреждения. Поэтому в подобных случаях здравая педагогика требует, чтобы расследование и в известной степени и самый суд виновного были более предоставлены его товарищам, нежели наставникам; наставник же в таких случаях должен играть роль более пассивную; он должен точно наблюдать за ходом всего дела, не допуская ни малейшего уклонения от правды и, так сказать, издали руководя действием воспитанников. С этой целью я и предлагаю на первый раз, в виде опыта, ввести в пяти высших классах совестный суд товарищей, правильно организованный, под

руководством воспитателей. Правила его будут изложены ниже. К проступкам, подлежащим этому суду, можно отнести, как я уже сказал, только те, которые касаются нарушения взаимных отношений учеников, как-то: порчу вещей товарищей, ложь и клевету против товарища, оскорбление товарища словом или делом. Право такого суда может быть предоставлено учащимся в виде особенного доверия начальников к их нравственности, и тотчас же должно быть отнято, как скоро педагогический совет удостоверится, что предоставленное им дело было ведено неправильно и пристрастно. Такой суд, хотя и в грубом виде, существует и теперь в закрытых заведениях, и даже между приходящими учениками; они и теперь находят случай, собравшись, общими силами разругать и даже поколотить товарища, провинившегося в их глазах; только официально такая ученическая расправа не признается. Но мне кажется, что гораздо безвреднее для нравственности общества такие естественные проявления корпоративного духа правильно организовать и подчинить законному надзору, нежели, закрыв глаза рукою, признать их как бы несуществующими. Наконец, я должен объявить дирекциям, что и таблицу, и мнения, обсужденные комитетом о проступках и наказаниях, нисколько не рассматриваю я как совершенно уже законченные и неподлежащие дальнейшим улучшениям и изменениям, на которые может указать время и опыт. Поэтому я прошу всех и каждого из воспитателей сообщить мне, чрез педагогический совет или в виде отдельных мнений, сделанные ими замечания, замеченные недостатки и указать на придуманные каждым исправления.

(Сочинения, т. I.)

К. Д. Ушинский [4]

О НАРОДНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ

(1857 г.)

Глава восьмая. Характер

Позволим себе высказать несколько заметок вообще о характере и о том, как он образуется в человеке.

Характер каждого человека слагается всегда из двух элементов: природного, коренящегося в телесном организме человека, и духовного, вырабатывающегося в жизни под влиянием воспитания и обстоятельств. Оба эти элемента не остаются между собою изолированными (это было бы бесхарактерностью), но взаимно действуют друг на друга, и из этого взаимного воздействия прирожденных наклонностей и приобретаемых в жизни убеждений и привычек возникает характер. Самое убеждение тогда только делается элементом характера, когда переходит в привычку. Привычка именно и есть тот процесс, посредством которого убеждение делается наклонностью и мысль переходит в дело.

Природа, следуя своим неизменным и непостигнутым еще законам, повторяет в детях телесный организм отца и матери в разнообразнейших комбинациях. И хотя наука различила только три или четыре темперамента, но это не более, как типы, никогда не встречающиеся в своей чистоте, но в бесконечном множестве разнообразнейших смешений. Как нет двух листьев на дереве, совершенно сходных между собою, так нет двух людей, природные темпераменты которых были бы совершенно сходны.

К. Д. Ушинский

Никто, конечно, не станет оспаривать, что особенность темперамента каждого человека имеет влияние на образование его характера. Влияние это выражается в так называемых природных наклонностях, которые делают одни действия для человека легкими и приятными, другие — тяжелыми и неприятными. Кто из нас не испытал на себе или не замечал на других влияния природных наклонностей? Как легки для нас те действия, в которых наши желания и наши природные влечения сходятся! Такие действия отличаются необыкновенною силою, настойчивостью. В них тело помогает душе, часто ведет ее за собою, понимает ее на первом слове и всегда отвечает ей охотно и быстро. Но если мы идем против наших природных наклонностей, как ленив, неповоротлив и упрям делается наш организм. Только долговременная привычка может заставить его повиноваться нашим требованиям с тою же быстротою, с которою, вследствие той же привычки, пальцы музыканта повинуются нотам, раскрытым перед его глазами. В этой борьбе убеждений, приносимых жизнью, с нашими прирожденными, или, что все равно, телесными, наклонностями, в которой победа остается то на той, то на другой стороне, образуется наш характер.

Но если телесная сторона характера имеет влияние на определение духовной его стороны, то и духовная также может изменить телесную[1]. Убеждение, переходя в постоянное правило для действий и, наконец, становясь привычкою, необходимо производит изменение в нашем телесном организме.

Мы не говорим здесь о тех грубых изменениях, которые кидаются в глаза с первого взгляда и особенно заметны в ремесленниках. Эти

[1] Этот дуализм Ушинского является *идеализмом:* противопоставление «духа» и материи сводится к победе «духа» над материей. *Н. Ж.*

изменения поверхностны, редко отражаются в характере и никогда не переходят в организм новых поколений. Для нас важны здесь те едва уловимые черточки физиономии человека, мимолетные движения его мимики, едва слышные тоны его голоса, которыми так дорожит истинный физиономист и которые все вместе придают духовный характер наружности человека. Грубые пластические черты лица ничего не значат во внешнем выражении характера. Вся *идея* его выражается в массе тех оттенков, которые по одиночке едва заметны, но которые все вместе производят сильное и почти всегда верное впечатление при первом взгляде на человека. Если мы не всегда можем дать себе отчет в этом впечатлении, если мы часто объясняем его себе неправильно, то это еще не значит, чтобы оно само в себе было неверно[1].

Не нужно иметь много наблюдательности, чтобы убедиться, что духовное развитие отражается в наружности человека. Всмотритесь в самое прекрасное лицо дикаря, в выражение его чувств, в его мимику, движения, походку, вслушайтесь в его смех, в тоны его голоса, и вы увидите, что это неразработанная, хотя, может быть, и богатая почва, грубая, хотя, может быть, и прекрасная кора, через которую не пробился еще дух: «душа еще не выглянула в глаза и не смотрится в них», по выражению поэта, не совершенно, впрочем, верному. Образуйте самого этого дикаря, и наружность его примет другой характер. Если же образование будет последовательно трудиться над ним, его детьми и внуками, то его влияние будет еще заметнее: наружность целого племени будет разрабатываться последовательно.

Но не одно умственное развитие отражается на наружности человека: нравственная сторона его души также ищет высказаться в теле. Кто не замечал, какое иногда страшное изменение происходит в наружности человека под влиянием безнравственной жизни? Многим, вероятно, удавалось на своем веку видеть примеры, как постоянная привычка унижаться и подличать превращала мало-помалу самое прекрасное лицо в отвратительную вывеску душевной низости. Всякая новая низость, всякая взятка, например, записывалась на нем новою чертою. Никакой лоск благоприличия, никакая мягкость манер, никакая светскость не закроет этих черточек: рано или поздно они пробьются наружу, хотя и не всякий, может быть, прочтет то, что написано в них природою.

Образ мыслей человека, образ его действий, приобретенные им в жизни, его умственное и нравственное развитие, — все, что определяется воспитанием и жизнью в обществе, изменяя духовную сторону характера, отражается в его телесной стороне, и, таким образом, *идея характера начертывается в наружности.* Эту-то идею схватывает талантливый живописец, умеющий найти и передать на полотно типическую черту характера, отличить существенное от случайного. Бессмысленная копировка физиономии, хоть будь она сделана дагеротипом, никогда в этом отношении не заменит живописи. Гений художника умеет выдвинуть на первый план именно ту черту физионо-

[1] Часто, впоследствии, узнав человека ближе, мы сознаем верность первого впечатления, если только оно не было совершенно испорчено каким-нибудь предубеждением.

мии, которая составляет типическую особенность лица. Хороший портрет не только передает характер человека, но часто объясняет смысл этого характера для непривычного глаза, который путается во множестве случайных и искусственных черт подлинника.

Труднее убедиться в том, что эти черты наружности, приобретаемые человеком в жизни, переходят наследственно к его детям при самом рождении. Повторение их в детях — факт неоспоримый; но этот факт можно объяснить силою впечатлений, получаемых душою ребенка в семействе и потому уже отражающихся в его наружности. Но, признавая всю силу первых впечатлений, мы, однакоже, признаем возможность передачи таких характеристических черт и непосредственно через рождение.

Кому покажется такое убеждение лишенным основания, тому мы укажем на другой факт, слишком известный и слишком очевидный для того, чтобы в нем можно было сомневаться.

Кто не знает, какие иногда странные знаки появляются на теле ребенка под влиянием глубокого душевного потрясения, испытанного матерью во время беременности? Этого не могло бы случиться, если бы это душевное потрясение не производило хотя временного изменения в организме матери, довольно сильного для того, чтобы оно могло отразиться в организме ребенка. Эта передача бывает иногда так верна, что в форме родимого пятна отражается форма впечатления, принятого матерью. Но если минутное впечатление производит такое влияние на организм, то почему же, например, постоянная победа человека над своими дурными наклонностями или постоянная торговля его с своей собственной совестью не может произвести в его организме менее заметных, но зато более постоянных и глубоких изменений? Почему, наконец, эти изменения не будут передаваться детям, наследующим вообще организм своих родителей?

Замечательно и то явление, что мелкие и характеристические черты наружности родителей, улыбка, взгляд, смех, мимика, движения, тон голоса, походка, вообще все черты, так много зависящие от воспитания, образа мыслей и действий, чаще передаются детям, чем грубые особенности лица и тела, которые кидаются в глаза первые, но, будучи случайными, не выражают характера человека. Грубые телесные повреждения никогда не повторяются в организме детей; между тем, мы не можем не признать наследственности многих болезней, причины которых скрыты глубоко от глаз человека: сумасшествия, каталепсии, наклонности к пьянству и пр. Часто в ребенке, у которого цвет волос, глаз, лица совершенно другие, чем у родителей, мы находим поразительное сходство с отцом или матерью, а иногда с тем и другим вместе, и притом так, что один и тот же человек, в молодости похожий более на мать, в зрелом возрасте походит на отца и под старость опять начинает походить на того, на кого походил ребенком. Жизнь своим влиянием как будто вызывает наружу то те, то другие черты бесконечно-глубокого создания природы и постепенно раскрывает его богатое содержание.

Природа в этом случае является гениальным портретистом и, отбрасывая случайности, схватывает мелкую, но типическую черту, потому именно, что корень этой черты лежит глубже в организме человека.

Она только никогда не бросает своей кисти, и портрет ее живет и развивается, как сама жизнь. Под старость уже миллионы черт пестрят этот образ, вначале едва набросанный, и только смерть останавливает руку великого художника[1].

Здесь не место, конечно, вдаваться в более подробные физиологические наблюдения; но мы не извиняемся перед читателем, что, говоря о педагогике, забрались в физиологию. Физиология и психология, или, пожалуй, антропология, идут рука об руку, и обе составляют или, по крайней мере, должны составлять основу искусства воспитания, которое, по выражению Песталоцци, берет человека всего, его тело и его душу.

Таким образом, организм родителей со всеми его характеристическими прирожденными особенностями и со всеми изменениями, внесенными в него духовною жизнью человека, в разнообразнейших комбинациях, передается детям и составляет для них весь объем прирожденных наклонностей. Жизнь ребенка в семье, где раскрывающаяся душа его получает первые и самые сильные впечатления, только развивает далее врожденные задатки характера. Кто не знает, как сильно действует на характер ребенка пример и влияние родителей, тем более, что этот пример и влияние находят уже подготовленную для себя почву?

Но сознание проясняется, воля показывается, религия и воспитание приходят на помощь, и новая борьба разумной жизни с темною бездною природы начинается; она происходит на том же поле, только освеженном долгою зимою: приходит новая весна, и сеются вновь семена добра и истины. Почва может оказаться лучше, может оказаться и хуже прежней, засеянная плевелами прошлого года; но все зависит от труда и лета.

Природа своими таинственными буквами записывает в теле человека всю историю его бессмертной души, и эта дивная летопись природы передается из поколения в поколение, от отцов к детям, внукам и правнукам, разнообразясь, развиваясь, изменяясь бесконечно под влиянием жизни человека в истории[2].

Этим последовательным влиянием жизни на телесный организм целых поколений объясняется то явление, что в племенах полудиких, где жизнь так не развита и условия ее так однообразны для всех, все физиономии похожи одна на другую, и что у народов образованных, где условия воспитания и жизни различны почти для каждого, типы человеческих физиономий разнообразятся до бесконечности. Этого ни-

---

[1] Замечательно также, что ребенок похож иногда на деда или дядю, хотя черты их вовсе не были приметны в отце или матери; так природа иногда в ребенке выводит наружу черты, скрытые от глаз в организме его родителей. Все это такие факты, о которых стоит подумать и на которые до сих пор весьма мало обращали внимания физиологи и психологи.

[2] Древние народы чаще нас припоминали эту истину. Наследственность характеров играет в их истории важную роль. Но должно заметить и то, что в древности прирожденные наклонности имели более, чем теперь, влияния на характер и судьбу человека. В настоящее время христианская религия и наука дают такую опору душе в ее борьбе с телом, которой она прежде не имела. От этого племенные, родовые и семейные типы физиономий стали слабее.

Это примечание Ушинского весьма ярко характеризует его идеалистические, религиозные убеждения, его попытку «примирить» непримиримое — науку и религию. *Н. Ж.*

когда не могло бы случиться, если бы передавался только природный организм родителей без тех черт, которые проводятся в нем жизнью.

Но как ни разнообразны человеческие типы у образованных народов, вследствие бесконечного разнообразия типов родовых, семейных и личных, *природа всегда успевает в бесчисленном множестве характеристических черт в наружности человека выдвинуть на первый план черту народности.* Эта черта по большей части бывает так ясна, что небольшого навыка достаточно, чтобы угадывать по первому взгляду француза, англичанина, итальянца, немца или русского, хотя у всех этих народов царствует бесконечное разнообразие физиономий [1].

Черта национальности не только заметна сама по себе, но примешивается ко всем другим характеристическим чертам человека и сообщает каждой из них свой особенный оттенок. Наружность в этом случае может служить лучшим доказательством, что и в душе человека черта национальности коренится глубже всех прочих. В самом деле, не примешивается ли национальность почти ко всем нашим поступкам; а как богата жизнью и внутренним содержанием эта черта нашей природы! Она выдерживает напор столетий и не истощается миллионами отдельных личностей. Типические черты характера многочисленных племен, составивших государства современной Европы, прожили века, и до сих пор еще история продолжает черпать из этого богатого источника. Взгляните, например, как кровь одряхлевшего Рима до сих пор еще борется с германским элементом в характере итальянцев; как древний англо-саксонский характер отразился в трех частях света; как верен остается себе испанец на новой американской почве.

Глава девятая. Воспитание и характер. Какую роль играет народность в воспитании

Поставим же теперь воспитание лицом к лицу с многосложным организмом прирожденного характера, взлелеянного родным воздухом семейной сферы.

Здесь рождается вопрос, тоже не совсем еще решенный: должно ли воспитание, изучив вверенный ему характер, принять его природные особенности в основание своих действий, или оно может, не обращая внимания на природные задатки, создавать по своему собственному образцу *вторую природу* для человека?

Выполнение первой задачи весьма трудно, а для общественного воспитания, о котором мы говорим здесь, и вовсе невозможно. Оно требует такого глубокого изучения характера каждого воспитанника и такого умения пользоваться природными наклонностями, которого никто, конечно, не станет требовать от воспитателя в общественном заведении. Лучший воспитатель, посвятивший себя всего на свое дело (а много ли таких?), подметит только немногие, более выдающиеся черты и редко доберется до их корня. Обыкновенно же практика образует в голове воспитателя несколько рубрик, под которые он будет

[1] Дело, конечно, не в «небольшом навыке», при помощи которого можно якобы «угадывать» француза, англичанина и т. п., а в том национализме Ушинского, который приближал его к славянофилам. *Н. Ж.*

в виде самого темного инстинкта, которому можно давать пищу, но который невозможно и преждевременно приводить в сознание.

б) *Упражнения дара слова должны быть систематические.* Если мы хотим увеличить силу мускулов и развить в них ловкость, то делаем это систематически, постепенно, усиливая трудность упражнений по мере развития сил и ловкости мускулов. Упражнение чрезмерное, к которому мускулы еще не приготовлены, могло бы только надорвать их силу и замедлить их развитие. Упражнения слишком слабые, для выполнения которых мускулы не должны были бы употреблять всей приобретенной ими силы и ловкости, также не будут их развивать. То же самое заметим мы и в отношении упражнения всех душевных сил, а следовательно и дара слова. Упражнения дара слова должны также итти систематически; не должно подавлять развития этой способности чрезмерными требованиями, а всякий раз — давать такие упражнения, для выполнения которых требовались бы уже все силы, приобретенные этою способностью. Всякое новое упражнение должно находиться в связи с предыдущими, опираться на них и делать шаг вперед; так, например, рассмотрев с детьми какой-нибудь предмет, не должно, перейдя к другому предмету, оставлять тот, который уже рассмотрен, но следует рассмотренный предмет употреблять как средство для того, чтобы полнее овладеть новым. Идя все дальше и дальше, вы не должны оставить бесполезным позади себя то, что уже приобрели; так, например, рассмотрев многих млекопитающих, вы можете сделать предметом упражнений уже целый класс животных, в котором каждая частность будет для ученика не отвлеченным темным понятием, а живым образом. Приучить дитя рассуждать такими живыми и верными образами, значит — положить прочные основания его логике: все наши умозаключения слагаются из воспринятых нами образов, и чем эти образы вернее, полнее и ярче, тем и умозаключения выходят вернее.

Вот на каком основании мы предпочитаем систематическое изложение природных явлений и всякого рода наглядных предметов тому беспорядочному их изложению, в котором они обыкновенно находятся в хрестоматиях.

Читая статьи одна за другой в таких хрестоматиях, наставнику редко приходится, и если приходится, то случайно, пользоваться тем, что объяснено было прежде, и множество объяснений и, может быть, определенных, ясных понятий, приобретенных прежде, исчезают из памяти детей потом, потому только, что ими не приходилось пользоваться, а это — большая педагогическая ошибка. Пусть дети приобретают понемногу, но не теряют ничего из приобретенного и пользуются им для приобретения нового. *Бенеке* недаром говорил, что всякое приобретенное понятие превращается в душевную силу, которая служит потом для легчайшего и полнейшего приобретения новых понятий. Таков психологический закон и таково основанное на нем педагогическое правило.

Систематичность в упражнениях должна также выражаться в большем или меньшем участии, которое учитель, смотря по силам детей, принимает в их упражнениях. Чем более развивается дар слова в де-

тях, тем меньше должен помогать им учитель, тем самостоятельнее должны быть их упражнения. В первых упражнениях наставнику, без сомнения, придется руководить беспрестанно и детскою наблюдательностью, и детскою мыслью, и детским словом и довольствоваться, если дети дадут правильный ответ на самый конкретный вопрос, как, например: как называется предмет? как называется та, другая часть предмета? какого цвета? и пр. Потом он может комбинировать свои вопросы так, что на них следует уже отвечать составным предложением, как, например: чем питается лошадь? какой масти бывают лошади? и т. п. Далее, вопросы должны видимо расширяться, так что ответ на них не мог бы быть выражен иначе, как в нескольких предложениях, так, например: как ест корова и как лошадь? чем осел похож на лошадь и чем на корову? Затем следуют вопросы, предполагающие уже в ответе целый ряд предложений, так, например: перечислите части тела у этого животного, опишите его внешний вид, расскажите его образ жизни, чем питается, где живет; так, чтобы мало-помалу дойти до возможности совершенно самостоятельного описания и таких предметов, о которых ничего не говорится в книге, но которые могут быть рассмотрены детьми.

в) *Упражнения должны быть логические.* Дар слова главным образом опирается на логическую способность души человеческой, на способность ее отвлекаться от конкретных представлений и возводить эти конкретные представления в общие понятия, различать и комбинировать эти понятия, находить между ними сходные и различающие признаки, сливать их в одно общее суждение и т. д. Эта общечеловеческая логика составляет основание языка и выражается в его грамматических законах: вот почему так много сходства в грамматиках всех языков. Все языки стремятся выразить в своих грамматических формах одно и то же: логику человеческого мышления, но достигают этого не всегда одинаковыми формами. Наставник родного языка беспрестанно имеет дело с этой логикой, и недостаток ее прежде всего отражается в спутанности или однородности понятий, а следовательно в темноте и неправильности письменной и изустной речи; так что развить в детях дар слова — значит почти то же самое, что развить в них логичность мышления. Кроме того, легко понять, как необходима такая привычка к логическому мышлению при дальнейшем изучении всех предметов: она-то именно дает возможность учащемуся учить урок логически, т. е. находить в нем главную мысль, привязывать к ней второстепенные, схватить самую систему изложения, а не заучивать фразы и слова в том порядке, в каком они стоят. Выучить же дитя учиться есть одна из обязанностей именно наставника русского языка.

Для этой цели, для развития логичности в мышлении в языке детей, мы тоже не можем выбрать более полезных для этого предметов, как предметы естественной истории. Логика природы есть самая доступная для детей, логика наглядная и неопровержимая. Всякий новый предмет дает возможность упражнять рассудок сравнениями, вводить новые понятия в область уже приобретенных, подводить изученные виды под один род. Всякое физическое явление есть также превосходнейшее упражнение для детской логики. Здесь ребенок наглядно и практиче-

ски усваивает логические понятия: причины, следствия, цели, назначения, выводы и умозаключения и т. д.

Само собою разумеется, что не должно с первых же уроков затруднять дитя какими бы то ни было логическими терминами; но только тогда, когда дети уже привыкнут рассуждать и выражаться просто, ясно, строго логически о конкретных предметах, только тогда можно познакомить их и с логическими терминами.

г) *Упражнения дара слова должны быть изустные и письменные, и притом изустные должны предшествовать письменным.* В наших школах чрезвычайно мало обращают внимания на упражнения детей в изустной речи. Дети или молчат в школе, или отвечают выученный наизусть урок, или дают отрывочные, бессвязные ответы на вопросы учителя. В уменье детей излагать изустно свои мысли более, чем в чем-нибудь другом, различаются германские и швейцарские школы от наших. Но это уменье не есть какой-нибудь особенный дар немцев, а приобретается постоянными усилиями школы. Даже наставники наши, сравнительно с учителями Германии и Швейцарии, говорят плохо (в педагогическом смысле), и нередко между ними встречаются люди, которые, имея прекрасное знание предмета и много педагогического такта, затрудняются в объяснении детям самых простых вещей: не договаривают, ходят около предмета, вместо того, чтобы схватить разом и выразить его сущность, тянут или глотают слова, уходят в сторону от предмета и т. д. Все эти недостатки изустной речи, весьма неприятные и в частной беседе, имеют огромное значение в беседе деловой. У нас весьма часто попадаются лица, весьма развитые, знающие и умные, которые, желая вам высказать какое-нибудь дело, являются истинными мучениками неразвитости своего дара слова: надоедают слушателю, утомляют его и часто теряют весьма много в жизни от того, что школа не позаботилась развить в них во-время врожденный дар слова. В германских же и швейцарских школах упражнения в изустной речи начинаются со вступления ребенка в школу и оканчиваются только с его выходом; в этих школах обращают еще более внимания на изустную речь, чем письменную.

При изустных вопросах надобно соблюдать, повидимому, незначительное, но всегда важное правило методологии. Никогда не следует обращаться с вопросом к одному ученику, но к целому классу. Ученики же, которые могут отвечать на этот вопрос, должны слегка приподнять руку, и потом уже учитель называет фамилию ученика, который должен ответить на вопрос. Сначала это как будто замедляет преподавание, но потом дело идет скоро и без нарушения классной тишины. Прием этот, употребляемый решительно во всех порядочных заграничных школах, очень практичен: во-первых, весь класс, а не один человек выслушивает вопрос учителя и приготовляет на него ответ, и это — одна из причин, почему в германских и швейцарских школах гораздо менее отсталых учеников, чем у нас, и, во-вторых, учитель по числу поднятых рук судит о том, насколько класс его понимает. Тот же прием соблюдается и при объяснениях учителя: понимающие учителя после каждой мысли подымают руку кверху, не понимающие — не подымают. Поднятая рука или неподнятая

напрасно, всякий раз, как это откроется, вызывает замечание со стороны учителя.

Письменные упражнения дара слова должны уже следовать после изустных в постепенности, сообразной с возрастом детей, их развитием, их навыком в механизме письма и их уменьем письменно излагать свои мысли.

Из беседы с учениками и по прочтении относящейся к ней статьи учителю легко уже выбрать несколько вопросов, на которые дети или уже отвечали изустно или могут, по аналогии других вопросов, ответить без большого труда. Выставляя такие вопросы на классной доске, учитель должен иметь в виду возможный на них ответ и рассчитывать этот ответ по силам учеников и по их привычке к правильному письму. Так, сначала, если дети очень слабы, он может задавать такие вопросы, на которые ученик может отвечать, повторяя вопрос в ответе (*что необходимо должно соблюдать как при изустных, так и письменных ответах учеников на вопросы учителя*, по крайней мере, в первые два года учения) и прибавив к ним одно или два слова. Эта самая простая форма письменных упражнений весьма полезна; уже самый перевод вопросной формы в ответную и переписка написанного учителем полезны для таких маленьких сочинителей. Потом письменные вопросы следует усложнять, точно так, как изустные, о которых уже говорено выше.

Необходимо вопросы располагать так, чтобы из ответов вышло стройное описание предметов коротенькими предложениями. Потом, написавши только одни ответы, следует показать детям, как лучше связать эти коротенькие предложения, чтобы из них вышла по возможности стройная речь.

Кроме упражнений в рассказах описательных, следует упражнять дитя и в рассказах последовательных во времени, т. е. исторических, в рассказах событий, следующих одно за другим.

Весьма хорошо также сделает наставник, если прибавит к своим занятиям библейские рассказы, за что, конечно, ни один законоучитель не будет в претензии. Эти рассказы, кроме их нравственного достоинства, имеют еще неподражаемое достоинство наивной истины и превосходно подготовляют детей к пониманию впоследствии рассказов исторических. Жизнь еврейского народа, как она отразилась в библии, начинаясь событиями тесного семейного быта и доходя постепенно до событий быта народного, составляет самое педагогическое введение во всеобщую историю. Самые же события легко найти в библии, которою и должен преимущественно пользоваться наставник, а не священными историями, по большей части портящими библейские рассказы. Исторические рассказы должно вести так, чтобы в первый раз были рассказаны только главнейшие черты события и, когда эти черты напечатлеются в памяти детей, тогда только следует уже привязывать к ним второстепенные происшествия и подробности. Одна прочно залегшая черта в состоянии потом выдержать на себе множество привязанных к ней подробностей. Если же вы передаете разом подробный и длинный рассказ, то ребенок заметит мелочь и не заметит главного.

Весьма полезно восстановлять изустный рассказ учителя целым классом: что забудет один ученик, то припомнит другой, и если рассказ учителя был сколько-нибудь занимателен и расположен педагогически, то и целый класс непременно воспроизведет его во всех подробностях. То же, что расскажет целый класс, непременно расскажет потом каждый ученик. Таких рассказов в продолжение года должно быть немного, но они должны потом повторяться часто: сначала словесно, а потом письменно.

II

Вторую цель в преподавании русского языка составляет усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой; но чтобы вполне уяснить себе эту цель и видеть средства к ее достижению, следует прежде понять хорошо, что такое язык народа, которому мы хотим учить.

Язык народа есть произведение творческой способности дара слова не одного человека и не одной человеческой жизни, а бесчисленных жизней, бесчисленных поколений.

В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства человека, через которые отразились в слове природа страны и история народа. Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средства передавать наши мысли и чувства, но наследуем самые эти мысли и самые эти чувства. От всей жизни народа это единственный живой остаток на земле, и мы — наследники этих живых богатств, в которых сложились все результаты духовной жизни народа.

Вводя дитя в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, в область народного духа. С такой точки зрения следует смотреть на эту вторую цель изучения народного языка. Вот почему, передавая детям какое-нибудь произведение народной словесности или его литературы, мы только тогда вводим дитя в обладание формами народного языка, если действительно уясняем ему ту мысль и то чувство, которые в них выразились; в то же время вводим его через формы языка в понимание народной жизни, народной поэзии, народной логики, — словом, в область народного духа. Только усвоив мысль и чувство, создавшие форму языка, дитя действительно овладевает этою формою и в этой форме получает ключ к сокровищнице народного духа. С такой точки зрения мы понимаем, во-первых, все значение изучения народного слова и что, взяв на себя преподавание этого предмета, мы принимаем вместе с тем обязанность через слово ввести дитя в область духовной жизни народа. Вот почему, приступая к изучению какого-нибудь стихотворения, будет ли то песня *Кольцова,* или басня *Крылова,* или стих *Пушкина,* или

народная песня и сказка, мы должны прежде сами усвоить себе хорошо это произведение, должны сделать ему строгую, логическую и эстетическую оценку и определить, что в нем есть народного и почему оно заслуживает изучения. Кроме того, на каждое такое произведение мы должны смотреть как на окно, через которое можем показать детям ту или другую сторону народной жизни.

Но еще недостаточно, чтобы дети поняли подобное произведение, а надобно, чтобы они его почувствовали. В поэтических произведениях многое понимается только чувством и не может быть объяснено умом.

Эти два требования: первое, чтобы дети поняли образцовое произведение, и второе, чтобы дети его почувствовали, — на практике часто противоречат одно другому. Длинные, подробные объяснения поэтического произведения ослабляют его впечатление на чувство, а с другой стороны — впечатление на чувство возможно только тогда, когда образцовое произведение совершенно понято. Чтобы избежать этого затруднения, следует *предварительно* доводить дитя до понимания того произведения, которое предполагается прочесть, и потом уже читать его, не ослабляя впечатления излишними толкованиями; так, например, прежде чем вы прочтете детям какую-нибудь песню *Кольцова,* в которой рисуется та или другая сторона нашей народной жизни, побеседуйте с ними об этой стороне и побеседуйте так, чтобы песня *Кольцова* была поэтическим результатом вашей беседы. Тогда дитя, не затрудняясь уже пониманием песни, примет вполне ее поэтическое впечатление. Если вы хотите прочесть детям басню *Крылова,* то возьмите какой-нибудь случай из детской жизни, где бы именно выражалась та слабость или тот недостаток, на которые нападает *Крылов* в своей басне. Рассказывая этот случай, вы можете уже употреблять те народные выражения, которые употреблял *Крылов* в басне, а потом прочтите басню: ее юмор и ее народные обороты подействуют на чувства детей.

Басни и песни должны почти разучиваться во время урока, чтобы не давать большого труда детям учить басню вне класса; потому что это трудное зазубривание стихотворений убивает их эстетическое впечатление на душу дитяти; в классе же под руководством учителя, помогающего вопросами памяти детей, изучение стихотворения идет очень скоро.

Кроме вышеизложенной цели, при изучении образцов народного творчества следует иметь в виду подготовление материала для будущего изучения истории литературы и не только сообщать детям этот материал, но и помогать им понимать истинное значение того или другого произведения, делая ему, доступную для возраста учащихся, критическую оценку; так, например, показывая логическую стройность произведения, верность действительности, меткость выражений и т. п. Пустые восторги, которые могли бы только приучить детей к фразе, конечно, должны быть исключены. Лучше оставить произведение самому действовать в душе детей, чем опошлить его такой критикой.

Выбор образцов из нашей литературы для усвоения при первоначальном преподавании чрезвычайно затруднителен. Детской литературы

у нас почти не существует. Ни один замечательный талант у нас не трудился для детей, и, кроме того, наша прежняя поэзия, имеющая общечеловеческий характер, устарела и по форме своей недоступна детям, а новая приняла то отрицательное, стонущее направление, которое, имея свое оправдание в исторических явлениях, тем не менее вовсе не годится для детей. Ребенку нечего отрицать, ему нужна положительная пища; кормить его ненавистью, отчаянием и презрением может только человек, вовсе не понимающий потребностей детства. Мы не должны забывать, что какой-нибудь желчный стих, «облитый горечью и злостью», совсем не так отражается в детской душе, как в нашей. Если же мы и навяжем этот стих детям, то это будет старческая гримаса на молоденьком личике. И дурно то, что эта гримаса, привитая насильственно, удерживается иногда упорно, так что в наше время, благодаря таким преподавателям русской словесности, можно иногда видеть 13-летнего мальчика с постоянной улыбкой презрения на лице и с желчью в словах. Что же это такое? Ложь, новомодная, — но все-таки ложь, ничем не лучше, а еще пожалуй и хуже заученных восторгов какими-нибудь старинными одами. Не должно насильственно и преждевременно развертывать никакого чувства в детях, если мы не хотим, чтобы это чувство не походило на цветок, насильственно развернутый детскими руками. Чувство, развернувшееся в нас под влиянием фактов жизни, может и выразиться фактами. Чувство, развернутое словами, и выразится только словами. А довольно уже с нас пустых болтунов!

Принимая в соображение, что литературное произведение должно только удовлетворять уже развивающемуся чувству в детях, мы очень будем затруднены в выборе. Кроме народных сказок и немногих народных песен, созданных воспитательным гением народа, мы найдем в нашей литературе очень немного пригодного для детского возраста: немногие стихотворения *Кольцова,* весьма немногие басни *Крылова* и *Дмитриева,* кое-что из произведений *Пушкина, Полонского, Аксакова, Даля, Майкова* — вот почти и весь круг литературных произведений, возможных для изучения детьми... Впрочем, некоторыми произведениями, проникнутыми глубоким, вовсе недетским смыслом или чувством, может воспользоваться преподаватель, обращая внимание только на внешнюю сторону произведения; так, например, иная басня *Крылова,* поражающая сатирою такие общественные отношения, о которых преждевременно было бы говорить детям, есть в то же время прекрасный характеристический рассказ из жизни животных. На этой оболочке и должен остановиться преподаватель. Вот почему почти из всех басен *Крылова* следует выкидывать заключительную мораль. Точно так же можно, например, прочесть детям стихотворение *Некрасова* «Несжатая полоса» и т. п. Но, ради бога, не вносите в душу детей тех стонов и воплей, которые страшно преждевременны, если они серьезны, и отвратительны, если они делаются только глупою привычкою, фразами, которым не отвечает сердце. И чем лучше чувство, которое выражено в таком стихотворении, тем более жаль, что самая возможность этого чувства подорвана ранним обезьянством. Таково уже свойство души человеческой:

привыкая к фразе, она перестает отвечать чувством на эту фразу. И разве мало мы видим людей с благородным презрением на устах, с байроновскою желчью в словах и с самою крупною пошлостью в сердце?

То же самое, что сказал я о преждевременном и насильственном вызывании чувства, относится и к морали. Если вы хотите сделать дитя негодяем, то приучите его с детства повторять всевозможные нравственные сентенции, и потом они не будут уже производить на него никакого влияния. Но это вовсе не значит, чтобы преподаватель отечественного языка, как и всякий другой воспитатель, не должен был заботиться о развитии нравственного чувства в детях. Все и в школе и в преподавании должно быть нравственно так, чтобы само говорило за себя, не нуждаясь в сентенциях. Если же преподаватель и может говорить о том или другом нравственном качестве, то только чисто с филологическою целью, с целью объяснить значение слов, таких, как, например, гордость, смирение и т. п. На нравственное же чувство должно действовать непосредственно само литературное произведение, и это влияние литературных произведений на нравственность очень велико: то литературное произведение нравственно, которое заставляет дитя полюбить нравственный поступок, нравственное чувство, нравственную мысль, выраженные в этом произведении. Кроме того, всякое искреннее наслаждение изящным есть уже само по себе источник нравственного чувства. Сухая сентенция нисколько не поможет делу, но, напротив, только повредит ему.

III

Третья цель, которая достигается при первоначальном преподавании отечественного языка, есть усвоение грамматики. В прежнее время это была первая и даже единственная цель; исключительное изучение грамматики не развивает в дитяти дара слова; отсутствие грамматики не дает дару слова сознательности и оставляет дитя в шатком положении; на один навык и развитый инстинкт слова, во всяком случае, положиться трудно; но знание грамматики без навыка и развития дара также ни к чему не ведет. Следовательно, то и другое необходимо. Но что должно предшествовать: навык или грамматика? Вопрос этот решает история языка. Грамматика везде является только выводом из наблюдений над языком, уже создавшимся. Точно то же должно быть и в преподавании: каждое грамматическое правило должно быть выводом из употребления форм, уже усвоенных детьми. Когда же делать этот вывод? Этот вопрос разрешается только практикою: преподаватель должен знать умственный уровень своего класса и чувствовать, когда то или другое грамматическое правило может быть ясно понято детьми без всякого заучивания; потому что заучивание грамматики есть такая же нелепость, как заучивание логики или арифметики. Но, занимаясь с детьми изустными беседами, чтением и письменными упражнениями, сам преподаватель должен постоянно иметь в виду те грамматические правила, которые

современем сообщит детям, и вести дело так, чтобы правило вытекало потом из упражнений как их необходимый логический вывод.

Грамматика языка, как мы уже сказали, есть его логика, а потому логические упражнения более всего подготовляют к изучению грамматики. Чтобы уяснить больше, в чем должно состоять это подготовление к грамматике, мы разделим его на два естественных отдела: на подготовление к синтаксису и подготовление к этимологии, или иначе — на подготовление к пониманию состава предложений и периодов — и на подготовление к пониманию значения и состава отдельных слов.

К пониманию состава предложений и периодов, к синтаксису, преподаватель подготовляет дитя логическими упражнениями, о которых мы говорили выше, и разбором письменных упражнений; так, например, уясняя выбранное предложение вопросами: о ком или о чем здесь говорится? что делает предмет, о котором говорится? когда он это делает? чем? при каких обстоятельствах? каков предмет по форме, по цвету? один здесь предмет или два? одно он делает, или еще что-нибудь? и т. п. Конечно, слова: предмет, обстоятельство, должны быть заменены более конкретными словами, извлеченными из содержания разбираемого предложения; например: О ком здесь говорится? О соловье. Что сделал соловей? Полетел. Куда он полетел? и т. д. Весьма полезно также приучить и самих детей делать подобные вопросы. Ни в каком случае не надо детей приучать к неправильному письму, а потому, если случится такая постановка знака, которую еще нельзя объяснить детям, то следует просто ставить знак, говоря: так нужно, а почему — вы узнаете после. Дети многое угадывают инстинктивно и приучаются ставить знаки, не будучи еще в состоянии объяснить, почему так делают. Этот полусознательный навык нисколько не вреден, а скорее полезен. Одним из полезных упражнений признаем мы распространение предложений по известным loca topica, совершенно нелепым в риторике, но имеющим свое место в логическом подготовлении к грамматике. Это упражнение, которое мы видели во многих заграничных училищах, очень живо и занимает детей. Учитель, например, пишет на доске слово *бежала* и говорит детям, чтобы они придумали какое-нибудь слово: кто бежала? Один говорит: девочка, другой — лошадь, третий — собака и т. д. Учитель выбирает слово, которое более соответствует его цели, и пишет его на доске сам или поручает кому-нибудь из детей; потом продолжает спрашивать дальше: где бежала собака? Один говорит: по улице, другой — в лесу и т. д. Слово это также ставится на место, и т. д. Таким образом составляется простое, распространенное предложение. Потом учитель таким же образом вносит в это предложение новое подлежащее, которое изменяет окончание сказуемого и определения, и дети сами замечают необходимость этих изменений. Потом ученики, при помощи учителя, вносят новое сказуемое, новое определение и т. д. Точно так же вводятся вводные слова и приложение, затем — придаточное предложение. Далее, уясняя причину какого-нибудь действия, цель его, средства и т. п., учитель переходит к периодам. Само собою разумеется, что здесь кратко очерчен целый ряд последовательных упражнений,

а не одно упражнение, делаемое в один урок. При этом сами собою уясняются постановка знаков, значение различных частей предложения и соотношение предложений. Самые правила грамматики должны быть передаваемы детям при этих упражнениях постепенно, смотря по возможности.

В то же самое время должно итти и подготовление к этимологии. Знакомство с частями речи обыкновенно не стоит детям большого труда, особенно при таких упражнениях в языке, какие мы выставили выше: ребенок скоро начинает понимать, что есть названия предметов, есть названия качеств, есть названия действий и т. д. Несколько труднее усваивается детьми различие неизменяемых частей речи, но поставленные в предложении предлоги, наречия, союзы скоро выдают свое настоящее значение.

Что касается до изменений в окончаниях по склонениям, спряжениям и т. д., то одним из хороших приемов мы считаем следующие упражнения: дети рассказывают какое-нибудь событие в настоящем времени; а учитель требует потом, чтобы они передали тот же рассказ в прошедшем времени; так, например, вы берете коротенькое описание весны, и дети делают вам три упражнения: весна настоящая, весна прошедшая, весна будущая. Точно так же переделывается рассказ из первого лица в третье, из единственного числа во множественное и т. д.

Изменение слов по степеням сравнения иногда затрудняет наших детей своею чрезвычайною неправильностью, а потому следует упражнять в нем детей, заставляя их дополнять предложения; так, например: наш пруд глубок, но река еще... дети сами должны окончить. Такой вызов слов и форм языка из детской памяти очень полезен: у детей запас слов и форм родного языка обыкновенно не мал, но они не умеют пользоваться этим запасом, и вот этот-то навык отыскивать быстро и верно в памяти требуемое слово и требуемую форму есть одно из важнейших условий развития дара слова. Учитель должен дать детям этот навык, в то же время обогащая постепенно самый умственный запас, и развить в детях чутье языка, которое угадывает, что форма не та, какая требуется. Не должно забывать, что сколько бы мы ни вносили сознательности в нашу речь, многое зависит от верности и развития нашего словесного инстинкта: ребенок четырех или пяти лет, никогда не слышавший какого-нибудь глагола, а тем менее каких-нибудь грамматических правил, по большей части начинает спрягать новый для него глагол правильно, вследствие бессознательного инстинктивного навыка. Этот инстинкт не только должно приводить в сознание грамматикою, но и усиливать его беспрестанным упражнением.

Особенное значение для этимологии вообще и в частности для орфографии имеет словопроизводство, которое и занимает детей, представляя для них нечто в роде игры в слова. Учитель берет какое-нибудь слово, потом говорит и пишет несколько слов, имеющих с первым общий корень; повторяет это упражнение три-четыре раза, и дети, еще не знающие, что такое корень слова и слова одного корня, инстинктивно приучаются к этому упражнению и на выбранное учителем слово подбирают сначала медленно одно-два слова одного корня,

а потом делают это все быстрее, и класс отыскивает обыкновенно почти все слова одного корня. Это упражнение не только дает детям власть над тем запасом слов, который бессознательно лежит в их памяти, но служит одним из лучших приготовительных упражнений к орфографии.

Обыкновенно употреблявшийся у нас так называемый грамматический разбор есть само по себе очень хорошее упражнение; но постоянное употребление одного этого упражнения в продолжение нескольких лет делает его для детей невыносимо скучным. Мы советуем прибегать к нему изредка, для того только, чтобы повторить уже усвоенные детьми грамматические сведения и привести их в новую систему, сообразную с разбираемым отрывком. Такая перетасовка приобретенных сведений весьма полезна для развития и укрепления ума. Разбор должен усложняться постепенно. Так, например, ученик, узнавший уже, что такое имя существительное, отыскивает в прочитанном им отрывке все имена существительные, потом прилагательные и существительные, далее глаголы в прошедшем времени и т. п., наконец, достигает до разбора этимологического и синтаксического, предложения за предложением и слова за словом. Но останавливаться долго над этим последним упражнением не следует. У нас же в прежнее время, а во французских школах и теперь, в какой класс ни придешь — все разбор да разбор. Скажем, не обинуясь, что это — любимая форма для занятий ленивых учителей; ничего не может быть покойнее, как заставлять учеников одного за другим разбирать наудачу развернутую страницу, разбирать не только изустно, но и письменно. Но что это за скучная и бесполезная меледа для учащихся?! Письменный разбор, как вещь совершенно бесполезную, мы советуем решительно исключить и заменить его другими письменными упражнениями, заключающими в себе более смысла и занимательности для учащихся. А то к чему же могут привести эти вечные переписывания в продолжение многих лет: «дом — имя сущ., нариц., муж. р., единств. ч.» и т. д.?

Мы не входим здесь в подробности самих упражнений, предоставляя это практикам, и знаем очень хорошо, что, кроме перечисленных нами, можно найти еще много других; мы же перечислили только такие, пользу которых испробовали сами и которые особенно нам понравились в русских и заграничных школах.

Нужно ли систематическое изучение грамматики? Мы считаем его необходимым или, по крайней мере, чрезвычайно полезным, полезным для всякого ученика, необходимым для тех учеников, которым предстоят еще впереди занятия науками или которые сами современем будут учить других.

Обладая большим запасом слов и форм и развитым навыком в их употреблении, ученик сводит все это в одну систему при систематическом изучении грамматики. Это полезно потому, что развивает сознание дитяти, укрепляет в нем уже приобретенное и приучает дитя, с одной стороны, к наблюдению над таким духовным предметом, как слово, а с другой — к логической системе, первой научной системе. У нас многие вооружались против научных систем в преподавании, и, конечно, если система предшествует предмету, то она не годится для

детей, но если она является результатом изучения предметов одного рода, то в высшей степени полезна. Только система, конечно, разумная, выходящая из самой сущности предметов, дает нам полную власть над нашими знаниями. Голова, наполненная отрывочными, бессвязными знаниями, похожа на кладовую, в которой все в беспорядке и где сам хозяин ничего не отыщет; голова, где только система без знания, похожа на лавку, в которой на всех ящиках есть надписи, а в ящиках пусто.

Истинная педагогика, избегая обеих крайностей, дает ученикам прежде материал и, по мере накопления этого материала, приводит его в систему. Чем более и разнообразнее накопляется материал, тем выше становится система и, наконец, достигает до отвлеченности логических и философских положений. В постройке такого миросозерцания в голове учащихся принимают, конечно, участие преподаватели всех предметов; но мы полагаем, что именно на преподавателе русского языка и словесности лежит обязанность обзора всех приобретаемых детьми знаний и приведение их в стройную логическую систему, потому что родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться собственностью человеческого сознания.

(Сборник педагогических сочинений, т. II, доп., изд. 2-е, СПБ 1913.)

ПРОЕКТ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ

(1861 г.)

Самый существенный недостаток в деле русского народного просвещения есть недостаток хороших наставников, специально подготовленных к исполнению своих обязанностей. Недостаток этот особенно чувствуется в младших классах средних учебных заведений, в уездных и приходских училищах, в младших классах гимназий. Чем ниже сфера учебной деятельности наставника или, лучше сказать, чем глубже идет она в массы народа и в детство человека, тем менее, конечно, требуется от наставника познаний; но зато, тем более должен он быть хорошим воспитателем и действовать своим преподаванием не на одно обогащение ума познаниями, но на развитие всех умственных и нравственных сил воспитанника. Вот почему для такого рода преподавателей в особенности необходимо специальное педагогическое подготовление, тем более, что нельзя ожидать, чтобы они сами, при ограниченности своих познаний, могли самостоятельно подготовиться к своему делу, так как знание иностранных языков, а вместе с тем чтение иностранных педагогических сочинений для них большею частию недоступно. Кроме того, в деле воспитания одного *знания* еще крайне недостаточно, а необходимо и *уменье*. Природные воспитательные таланты, сами себе прокладывающие дорогу в деле воспитания, встречаются реже, чем какие-либо другие таланты, а потому и нельзя рассчитывать на них там, где требуются многие тысячи учителей. Но знание и уменье преподавать и действовать преподаванием на умственное и нравственное развитие детей могут быть сообщены молодым лю-

дям, и не обладающим особенными способностями. Кроме того, в каждом наставнике, а особенно в тех наставниках, которые назначаются для низших училищ и народных школ, важно не только уменье преподавать, но также характер, нравственность и убеждения, потому что в классах малолетних детей и в народных школах больше влияния оказывает на учеников личность учителя, чем наука, излагаемая здесь в самых элементарных началах. Даже и познания этого рода учителей должны иметь некоторую особенность, которой не могут дать им ни гимназия, ни университет. Познания эти, неглубокие и необширные, должны отличаться энциклопедичностью и в то же время оконченностью, определенностью и ясностью.

Все эти соображения и, кроме того, желание правительств иметь прямое и положительное влияние на народное образование побудили правительства Германии, Франции и Англии к учреждению *учительских семинарий и нормальных школ,* назначенных в особенности для приготовления наставников народных училищ. Семинарии эти и нормальные школы оказали столь благоприятное действие на народное образование, что число их в последнее десятилетие умножилось весьма быстро и умножается ежегодно. В Пруссии, например, в течение нынешнего столетия открыто 50 учительских семинарий, из которых некоторые достигли цветущего состояния; но и это число семинарий оказывается недостаточным при населении Пруссии в 17 млн. душ.

В России, за исключением Остзейских провинций, нет ни одного заведения. *Педагогический институт* приготовлял в особенности преподавателей для средних и высших учебных заведений; а усвоив себе университетский курс наук и закрыв свою практическую школу, Педагогический институт потерял совершенно всякий социально-педагогический характер и сделался каким-то бесполезным дополнением к университету.

В Проекте устава низших и средних народных училищ предположено открыть при гимназиях и народных училищах приготовительные педагогические курсы. Но нельзя ожидать, чтобы из этих курсов могли выходить педагоги, приготовленные хотя сколько-нибудь порядочно теоретически и практически к воспитательной деятельности. Едва ли наши гимназии имеют сами достаточно педагогических знаний и сил, чтобы образовать хороших педагогов. Кроме того, самый курс гимназии рассчитан более на приготовление молодых людей к университету, чем на образование наставников народных школ. Курс наук уездных училищ более гимназического соответствует потребностям образования народных наставников; но едва ли мы можем ожидать, чтобы наши уездные училища, сами крайне нуждающиеся в педагогических силах, могли приготовить сколько-нибудь хороших педагогов. Познакомиться с лучшими теориями заграничной педагогики и различными методами преподавания, испробовать их на деле, выработать из них сколько-нибудь самостоятельно приложимую к нам теорию и привести ее в исполнение вовсе не так легко, чтобы кто-нибудь был вправе ожидать этого от наших уездных учителей. Эти приготовительные курсы могут, конечно, принести большую пользу, но только тогда, когда для воспитанников их, испытавших уже свои силы и способности на педа-

гогическом поприще, будет открыта возможность дальнейшего педагогического образования — как теоретического, так и практического.

Приготовительные педагогические курсы существуют также в Германии и Англии при различных средних учебных заведениях; но там эти курсы имеют назначение только облегчать выбор воспитанников учительским семинариям и несколько подготовлять к ним молодых людей

Кроме того, и по самому устройству своему предположенные у нас педагогические курсы при университетах и гимназиях не могут приготовить настоящих педагогов. Требуя от наставника, чтобы он не одним ученьем, но всем своим характером имел влияние на столь же всестороннее развитие своих воспитанников, должно позаботиться и о том, чтобы педагогическое подготовление наставников не ограничивалось одним теоретическим и практическим обучением. Вот почему в Германии, после многих попыток, пришли к убеждению, что учительские семинарии должны быть по преимуществу заведения закрытые, *интернаты*, тогда как в отношении всякого другого рода учебных заведений в той же Германии господствует совершенно противоположное мнение.

Причины, требующие устройства особых учительских семинарий и того, чтобы эти заведения были *интернаты*, выкажутся еще яснее, если взглянуть на то, к какой цели должна стремиться всякая учительская семинария или, другими словами, какие качества должен иметь учитель народной школы или воспитатель малолетних детей, чтобы с успехом выполнять свои обязанности.

1. Для учителя всякой народной, точно так же, как и всякой элементарной школы[1], нет надобности в обширных познаниях, которые скорее вредно могут подействовать на его деятельность. Вот почему некоторым прусским семинариям прямо ставится в обязанность — не переучить (nicht überlehrnen) будущих учителей. И действительно, обширные познания могут только вытеснить учителя из той скромной колеи, которую он для себя избрал, и помешать его ограниченной, но в высшей степени важной для государства деятельности.

2. Но небольшие сведения народного учителя должны быть по возможности ясны, точны и определенны. Так, например, обширные филологические познания не нужны народному и элементарному учителю — филологические идеи скорее принесут ему вред, чем пользу; но та небольшая грамота, которою он обладает, должна быть ясна, точна и определенна. Германские педагоги именно замечают, что молодые люди, слушавшие университетские курсы и вынесшие из них высокие научные идеи, по большей части являются дурными элементарными и народными учителями, внося эти идеи со всею их обширностью и вместе со всею их неопределенностью в свою школьную деятельность. То же самое замечание приложимо и к нашим уездным училищам и младшим классам гимназий.

3. Сведения учителя народной школы должны быть очень разнообразны. Он должен иметь познания не только в законе божьем, грам-

[1] Между образованием учителя элементарной и учителя народной школы есть значительная разница, но в этом предварительном проекте не место входить в подробности.

матике, арифметике, географии и истории, но и в естественных науках, медицине, сельском хозяйстве; кроме того, уметь хорошо писать, рисовать, чертить, читать ясно и выразительно и, если возможно, даже петь. Тогда только он будет в состоянии сообщать ученикам своим сведения, необходимые или полезные для них в жизни. Гимназическое же учение дает, с одной стороны, слишком много сведений, а с другой — слишком мало для народного учителя. Кроме того, не только в каждом классе гимназии, но и во всей гимназии нет и не может быть той оконченности в образовании, той ограниченности и вместе той полноты и отчетливости, которая требуется в образовании народного учителя. Странным может показаться, если мы скажем, что у нас весьма трудно найти преподавателя для малолетних классов, который бы умел читать так ясно, громко и выразительно, отчетливо и впечатлительно, как этого требует слабое еще развитие способности внимания в детях; а учитель народной школы или малолетних классов должен часто прибегать не только к письму, но даже к рисованию, если хочет запечатлеть верно и прочно первые и потому самые важные образы в душе дитяти.

4. В самой передаче сведений в народных школах, где учитель становится лицом к лицу с таким классом народа, для которого вовсе не назначаются гимназии, имеется много особенностей, так что хороший учитель гимназии не будет еще хорошим учителем народной школы.

5. Метод преподавания можно изучить из книги или со слов преподавателя, но приобресть навык в употреблении этого метода можно только деятельною и долговременною практикою. В германских учительских семинариях практикант обыкновенно сначала присутствует на уроках хорошего учителя и помогает ему по его указанию, а потом сам пробует преподавать по лекции, составленной заранее и обдуманной с учителем. При таком уроке практиканта присутствуют его товарищи и учителя и замечают каждую его ошибку; а после урока, в особом педагогическом собрании, высказывают практиканту все сделанные на его лекции замечания, причем обращается внимание даже на мельчайшие подробности преподавания, как-то: на интонацию, движения и пр. Выслушав эти замечания, практикант приготовляется к новому уроку. Такое приготовление вначале бывает очень медленно и трудно: практикант не только должен уяснить себе предмет урока во всех подробностях, но придумать объяснения, выражения, вопросы, приготовиться ко всем случайностям урока, обдумать каждое движение. Понятно, что после двух или трех лет таких занятий из практиканта образуется хороший преподаватель с отличными преподавательскими приемами и привычками, и что, кроме того, предмет преподавания установится в его голове в полной ясности и определенности. Но, конечно, такие упражнения, такие педагогические беседы, такая взаимная критика и взаимное подражание гораздо удобнее делаются при совместной жизни семинаристов в интернате.

6. От учителя народной школы, особенно живущего в деревне или в небольшом городке, справедливо требовать, чтобы жизнь его не только не подавала повода к соблазну, не только не разрушала уважения к нему в родителях и детях, но, напротив, служила примером как для

тех, так и для других и не противоречила его школьным наставлениям. Только при этом условии он может иметь нравственное влияние на детей, и его школьная деятельность будет истинно-воспитательною деятельностью. Вот почему в учительских семинариях молодые люди, избравшие для себя скромную карьеру народного учителя, должны привыкать к жизни простой, даже суровой и бедной, без светских развлечений, к жизни с природой, строгой, аккуратной, честной и в высшей степени деятельной. Понятно, что только в закрытом заведении можно иметь сильное влияние на образование привычек к такой жизни и, кроме того, узнать нравственные качества будущего учителя.

7. Выше уже было сказано о важном значении нравственных качеств и убеждений народного учителя. Но на убеждение и нравственность молодого человека в 18 и 19 лет ничто не имеет такого влияния, как тот кружок товарищей, в котором он живет. Выбор этого кружка, избавление его от вредных членов, наблюдение за его направлением, — все это возможно только в интернате.

8. Нет нужды доказывать, что убеждения всякого народного учителя христианского народа должны быть проникнуты идеей христианства[1]. Вот почему народных учителей вредно возводить на ту среднюю ступень образования или, лучше сказать, сообщать им то поверхностное, самонадеянное полуобразование, которое скорее всего ведет к сомнению в религии, а потом к безверию. Ожидать, чтобы учитель народной школы сам перешагнул за эту ступень и достиг того высшего образования, которое снова возвращает человека к религии, никак нельзя. При образовании учителей для народных школ более всего нужно бояться этого полуобразования, возбуждающего самонадеянность и не дающего положительных и полезных знаний. Познания, безопасные для человека, которому предстоит еще много учиться, не безопасны для того, кто оканчивает учение почти на первой его ступени. По этой причине нельзя образовать хорошего народного учителя, вырвав его из средины гимназического или университетского курса.

По этой уже самой причине следует зорко наблюдать не только за тем, что учат будущие учители, но и за тем, что они читают и с какой литературой они знакомятся. Иная книга или даже две-три журнальные статьи, прочитанные молодым человеком 17 или 18 лет, могут сгубить в нем навсегда будущего народного учителя, тогда как эти же самые статьи не произведут на него никакого впечатления, если он уже укрепится в своих убеждениях и войдет в сферу своей практической деятельности[2].

Само собою разумеется, что одной запретительной, ограждающей деятельности еще недостаточно. Всего более, конечно, должно ожидать от того умственного и нравственного влияния, которое начальники семинарии и наставники ее могут иметь при совместной жизни с семинаристами и при беспрестанных с ними сношениях. Только в закры-

[1] Это положение Ушинского находится в прямой связи с его реакционным положением «народная школа должна быть преддверием церкви». — *Н. Ж.*

[2] Здесь проявляется страх Ушинского перед растущим влиянием передовой демократической литературы. — *Н. Ж.*

тых заведениях образуется тот дух заведения, который столько же может быть гибелен, сколько и спасителен. Но если первоначально состав семинарии образуется из людей достойных, то вместе с тем положится и прочное основание характеру заведения, которому уже невольно будут подчиняться вновь поступающие члены. От этой первоначальной закваски зависит весь успех семинарии: характер выходящих из нее деятелей, а через них — и характер народного образования. Вот почему необходимо учредить учительские семинарии сначала в скромных размерах, так, чтобы можно было надеяться совладать с направлением первых воспитанников и, убедившись вполне в их направлении, осторожно и понемногу подбавлять к ним новые личности. Вот почему также в интернат семинарии нельзя принимать всех желающих, но только по строгому выбору, из людей, специально к тому подготовленных, по крайней мере настолько, чтобы выразить их характер и способности, подающие надежду образовать из них хороших деятелей на поприще народного образования. Еще лучше, если сама семинария может иметь непосредственное и долговременное наблюдение за подготовлением будущих своих воспитанников.

Все изложенные выше соображения ведут к тому заключению, что, во-первых, учительские семинарии для приготовления учителей народных и элементарных школ необходимы; во-вторых, что учительские семинарии должны быть заведения закрытые; в-третьих, что ученики должны поступать в них после предварительного приготовления и по строгому выбору; в-четвертых, что жизнь в этих семинариях должна быть самая простая и строгая; в-пятых, учение не обширное, но энциклопедическое и особенно приноровленное к назначению воспитанников; в-шестых, что при семинарии должна быть обширная практическая школа; в-седьмых, что семинарии не должны быть основываемы в больших городах, но вместе с тем должны находиться неподалеку от центров образования.

Все эти условия можно было бы соединить, устроив на первый раз образцовую педагогическую семинарию при одном из наших обширных и богатых средствами мужских сиротских заведений, выбрав из них для этого такое, которое находилось бы невдалеке от одной из столиц, или перенесши одно из столичных заведений в окрестности столицы, отчего, конечно, не потеряет, а выиграет много и самое воспитание сирот.

Мы выбираем для этой цели именно сиротское заведение по трем причинам: *во-первых,* потому, что обширное сиротское заведение, богатое средствами, без новых издержек для правительства, представляет уже само по себе обширную и разнообразную практическую школу, в которой будущие педагоги могут приобрести действительный навык не только в преподавании, но и в воспитании; *во-вторых,* потому, что хорошим педагогом *легко* может сделаться только тот, кто сам получил правильное педагогическое воспитание. Мы по большей части учим так, как нас самих учили, и исключения из этого правила слишком редки, чтобы можно было на них рассчитывать в деле народного образования; *в-третьих,* наконец, мы настаиваем на учреждении учительской семинарии при сиротском заведении потому, что педагогиче-

ская семинария при сиротском заведении откроет для сирот самое лучшее и самое полезное назначение в жизни, так как в настоящее время Россия ни в чем столько не нуждается, как в народных учителях. Какое лучшее назначение можно избрать для сироты, обязанного всем своим воспитанием правительству, как не назначение народного учителя?

Высказывая последнюю мысль, мы никак не хотим сказать, что всякий сирота, получивший воспитание от правительства, должен непременно по тому уже самому сделаться народным учителем; не доказываем также и того, что другие лица, кроме сирот, не могут быть допускаемы в учреждения семинарии и не могут сделаться учителями народа. Мы одинаково далеки от обеих крайностей и знаем очень хорошо, что прежде всего от народного учителя требуется, чтобы он имел призвание, охоту и способность к своей деятельности; но мы говорим только, что в числе различных назначений, избираемых для сирот, воспитываемых на счет правительства, назначение педагогическое должно занимать первое место...

(Собрание педагогических сочинений, т. I.)

ПЕДАГОГИКА КАК ИСКУССТВО ВОСПИТАНИЯ

(Из предисловия к I тому «Человек, как предмет воспитания» 1867 г.)

Искусство воспитания имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, а иным даже делом легким,— и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком, теоретически или практически. Почти все признают, что воспитание требует *терпения;* некоторые думают, что для него нужны *врожденная способность* и *уменье,* т. е. навык; но весьма немногие пришли к убеждению, что, кроме терпения, врожденной способности и навыка, необходимы еще и специальные *знания,* хотя многочисленные педагогические заблуждения наши и могли бы всех убедить в этом.

Но разве есть *специальная наука воспитания*? Отвечать на этот вопрос положительно или отрицательно можно только, определив прежде, что мы разумеем вообще под словом *наука.* Если мы возьмем это слово в его общенародном употреблении, тогда и процесс изучения всякого мастерства будет наукою; если же под именем науки мы будем разуметь объективное, более или менее полное и организованное изложение законов тех или других явлений, относящихся к одному предмету или к предметам одного рода, то ясно, что в таком смысле предметами науки могут быть только или явления природы, или явления души человеческой, или, наконец, математические отношения и формы, существующие также вне человеческого произвола. Но ни политика, ни медицина, ни педагогика не могут быть названы науками в этом строгом смысле, а только искусствами, имеющими своей целью не изучение того, что существует независимо от воли человека, но практическую деятельность,— будущее, а не настоящее и не прошедшее, которое также не зависит более от воли человека. Наука только изучает существующее или существовавшее, а искусство стре-

мится творить то, чего еще нет, и перед ним в будущем несется цель и идеал его творчества. Всякое искусство, конечно, может иметь свою *теорию;* но теория искусства — не наука: теория не излагает законов существующих уже явлений и отношений, но предписывает *правила* для практической деятельности, почерпая основания для этих правил в науке.

«Положения науки, — говорит английский мыслитель Джон Стюарт Милль, — утверждают только существующие факты: существование, сосуществование, последовательность, сходство (явлений). Положения искусства не утверждают, что что-нибудь есть, но указывают на то, что должно быть». Ясно, что в таком смысле ни политику, ни медицину, ни педагогику нельзя назвать науками, ибо они не изучают того, что есть, но только указывают на то, что было бы желательно видеть существующим, и на средства к достижению желаемого. Вот почему мы будем называть педагогику *искусством,* а не *наукой воспитания.*

Мы не придаем педагогике эпитета *высшего* искусства, потому что самое слово искусство уже отличает ее от ремесла. Всякая практическая деятельность, стремящаяся удовлетворить высшим нравственным и вообще духовным потребностям человека, т. е. тем потребностям, которые принадлежат исключительно человеку и составляют исключительные черты его природы, есть уже искусство. В этом смысле педагогика будет, конечно, первым, высшим из искусств, потому что она стремится удовлетворить величайшей из потребностей человека и человечества — их стремлению к усовершенствованиям в самой человеческой природе: не к выражению совершенства на полотне или в мраморе, но к усовершенствованию самой природы человека — его души и тела; а вечно предшествующий идеал этого искусства есть совершенный человек.

Из сказанного вытекает уже само собой, что педагогика не есть собрание положений науки, но только *собрание правил воспитательной деятельности.* Таким собранием правил или педагогических рецептов, соответствующим в медицине терапии, являются действительно почти все немецкие педагогики, всегда выражающиеся «в повелительном наклонении», что, как основательно замечает Милль, служит внешним отличительным признаком теории искусства. Но как было бы совершенно нелепо ограничиться для медиков одной терапией, так было бы нелепо для тех, кто хочет посвятить себя воспитательной деятельности, ограничиться изучением одной педагогики в смысле собрания правил воспитания. Что сказали бы вы о человеке, который, не зная ни анатомии, ни физиологии, ни патологии, не говоря уже о физике, химии и естественных науках, изучил бы одну терапию и лечил бы по ее рецептам; то же почти можете вы сказать и о человеке, который изучил бы только одни правила воспитания, обыкновенно излагаемые в педагогиках, и соображался бы в своей воспитательной деятельности с одними этими правилами. И как мы не называем медиком того, кто знает только «лечебники» и даже лечит по «Другу здравия» и тому подобным собраниям рецептов и медицинских советов, то точно так же не можем мы назвать педагогом того, кто изучил только несколько учебников педагогики и руководствуется в своей воспитательной деятельности правилами и наставлениями, помещенными в этих «педагогиках», не изучив тех явлений

природы и души человеческой, на которых, быть может, основаны эти правила и наставления. Но так как педагогика не имеет у себя термина, соответствующего медицинской терапии, то нам придется прибегнуть к приему, обыкновенному в тождественных случаях, а именно: различать *педагогику в обширном смысле*, как собрание знаний, необходимых или полезных для педагога, от *педагогики в тесном смысле*, как собрания воспитательных правил...

(Человек, как предмет воспитания, т. I, изд. 1885 г.)

Л. Н. Толстой [5]

О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ
(1862 г.)

Народное образование всегда и везде представляло и представляет одно, непонятное для меня, явление. Народ хочет образования, и каждая отдельная личность бессознательно стремится к образованию. Более образованный класс людей — общества, правительства — стремится передать свои знания и образовать менее образованный класс народа. Казалось, такое совпадение потребностей должно было бы удовлетворить как образовывающий, так и образовывающийся класс. Но выходит наоборот. Народ постоянно противодействует тем усилиям, которые употребляют для его образования общество или правительство, как представители более образованного сословия, и усилия эти, большею частью, остаются безуспешными. Не говоря о школах древности — Индии, Египта, древней Греции и даже Рима, устройство которых нам так же мало известно, как и народное воззрение на эти учреждения, явление это поражает нас в европейских школах со времен Лютера до нашего времени [1].

Германия, родоначальница школы, почти 200-летней борьбой не успела еще покорить противодействия народа школе. Несмотря ни на назначения заслуженных солдат-инвалидов в учителя Фридрихами, несмотря на строгость закона, 200 лет существовавшего, несмотря на приготовление учителей самого нового фасона в семинариях, несмотря на все чувство покорности закону немца, принудительность школы еще до сей поры всею силою тяготеет над народом; немецкие правительства не решаются уничтожить закон обязательности школ. Германия может гордиться только образованием народа по статистическим сведениям, народ же попрежнему большею частью выносит из школы только отвращение к школе. Франция, несмотря на переходы образования из рук короля к Директории и из рук Директории в руки духовенства, так же мало успела в деле народного образования, как и Германия, и еще меньше, говорят историки образования, судящие

[1] См. критический отзыв Н. Г. Чернышевского о журнале «Ясная Поляна» Толстого, в котором дается блестящая критика взглядов Толстого на дело народного образования. — *Н. Ж.*

по официальным отчетам. Во Франции серьезные государственные мужи предлагают еще теперь, как единственное средство победить противодействие народа, — введение закона принуждения. В свободной Англии, где не могло и не может быть мысли введения такого закона — о чем многие, однако, соболезнуют, не правительство, а общество всеми возможными средствами боролось и борется по сие время с еще сильнее, чем где-нибудь, выражающимся противодействием народа школам. Школы вводятся там отчасти правительством, отчасти частными обществами. Громадное распространение и деятельность этих религиозно-филантропически-образовательных обществ в Англии лучше всего доказывают ту силу отпора, которую встречает там образовывающая часть народа. Даже новое государство — Североамериканские штаты — не обошло этой трудности и сделало образование полупринудительным. Что и говорить о нашем отечестве, где народ еще большею частью озлоблен против мысли о школе, где образованнейшие люди мечтают о введении немецкого закона школьного принуждения, и где все школы, даже для высшего сословия, существуют только под условием приманки чина и вытекающих из него выгод. До сих пор детей везде почти силою заставляют итти в школу, а родителей, строгостью закона или хитростью — предоставлением выгод, заставляют посылать своих детей в школу; а народ сам собой везде учится и считает образование благом.

Л. Н. Толстой (с портрета Н. Ге).

Что же это такое? Потребность образования лежит в каждом человеке; народ любит и ищет образования, как любит и ищет воздуха для дыхания. Правительство и общество сгорают желанием образовать народ, и, несмотря на все насилие, хитрость и упорство правительств и обществ, народ постоянно заявляет свое недовольство предлагаемым ему образованием и, шаг за шагом, сдается только силе.

Как при каждом столкновении, так и при этом нужно было решить вопрос: что более законно, противодействие или самое действие; нужно ли сломить противодействие или изменить действие?

До сих пор, сколько можно было видеть из истории, вопрос был решаем в пользу правительства и образовывающего общества. Про-

тиводействие признавалось незаконным, в нем виделось начало зла, присущее человечеству, и, не отступая от своего образа действия, т. е. не отступая от той формы и от того содержания образования, которым владело общество, оно употребляло силу и хитрость для уничтожения противодействия народа. Народ медленно и неохотно до сих пор покорялся этому действию.

Должно быть, образовывающее общество имело какие-нибудь основания для того, чтобы знать, что образование, которым оно владело в известной форме, было благо для известного народа и в известную историческую эпоху.

Какие же эти основания? Какие имеет основания школа нашего времени учить тому, а не этому, учить так, а не иначе?

Всегда и во все века человечество пыталось дать и давало более или менее удовлетворительные ответы на эти вопросы, и в наше время ответ этот еще более необходим, чем когда-нибудь. Китайского мандарина, не выезжавшего из Пекина, можно заставлять заучивать изречения Конфуция и палками вбивать в детей эти изречения. Можно было это делать и в средние века, но где же взять в наше время ту силу веры в несомненность своего знания, которая бы могла нам дать право насильно образовывать народ? Возьмите какую угодно средневековую школу, до или после Лютера, возьмите всю ученую литературу средних веков, — какая сила веры и твердого несомненного знания того, что́ истинно и что́ ложно, видна в этих людях! Им легко было знать, что греческий язык — единственное, необходимое условие образования, потому что на этом языке был Аристотель, в истине положений которого никто не усомнился несколько веков после. Как было монахам не требовать учения священного писания, стоявшего на незыблемых основаниях? Хорошо было Лютеру требовать непременного изучения еврейского языка, когда он твердо знал, что на этом языке сам бог открыл истину людям. Понятно, что когда критический смысл человечества еще не пробуждался, школа должна была быть догматическая; что естественно было ученикам заучивать наизусть истины, открытые богом и Аристотелем, и поэтические красоты Вергилия и Цицерона. Ни истины, более истинной, ни красоты, более красивой никто несколько веков после не мог себе представить. Но какое положение школы нашего времени, оставшейся в тех же догматических принципах, когда рядом с классом заучивания истины о бессмертии души ученику стараются дать уразуметь, что нервы, общие человеку и лягушке, суть то, что называли прежде душою; когда после истории Иисуса Навина, переданной ему без объяснений, он узнает, что солнце никогда не ходило вокруг земли; когда после объяснения красот Вергилия он находит красоты Александра Дюма, проданные ему за пять сантимов, гораздо большими; когда единственная вера учителя состоит в том, что ничего нет истинного, что все, что существует, то разумно, что прогресс есть добро и отсталость — зло; когда никто не знает, в чем состоит эта всеобщая вера прогресса?

Сравните после всего этого догматическую школу средних веков, в которых истины несомненны, и нашу школу, в которой никто не знает, что есть истина, и в которую все-таки насильно ученика

заставляют ходить, а родителей посылать своих детей. Мало того, легко было средневековой школе знать, чему учить: чему учить прежде и чему учить после и как учить, когда метода была только одна, и когда вся наука сосредоточивалась в библии, книгах Августина и Аристотеля. Но каково нам при бесконечном разнообразии предлагаемых со всех сторон методов обучения, при огромном количестве наук и их подразделении, сложившихся в наше время, каково нам выбрать один из всех предлагаемых методов, выбрать известную отрасль наук и выбрать — что труднее всего — ту последовательность в преподавании этих наук, которая была бы разумна и справедлива. Мало и этого. Отыскание этих оснований в наше время представляется более трудным в сравнении с средневековою школой еще и потому, что тогда образование ограничивалось одним известным классом, готовившимся жить в одних определенных условиях; в наше же время, когда весь народ заявил свои права на образование, — знать то, что нужно для всех этих разнородных классов, представляется нам еще более трудным и еще более необходимым.

Какие же эти основания? Спросите какого хотите педагога, почему он учит так именно тому, а не этому, и тому прежде, а не после. И ежели он поймет вас, то ответит: потому, что он знает истину, открытую богом, и считает своею обязанностью передать ее молодому поколению, воспитать его в тех принципах, которые, несомненно, истинны; о предметах же нерелигиозного образования он не даст вам ответа. Другой педагог объяснит вам основания своей школы вечными законами разума, изложенными у Фихте, Канта и Гегеля; третий оснует свое право принуждения ученика на том, что всегда так было, что все школы были принудительны и что, несмотря на то, результаты этих школ — настоящее образование; четвертый, наконец, соединит все эти основания вместе, скажет, что школа должна быть такою, какою она есть, ибо таковою выработала ее религия, философия и опыт, и что то, что исторично, то разумно. Все эти доводы, включающие в себе все другие возможные доводы, мне кажется, могут быть разделены на четыре отдела: *религиозные, философские, опытные и исторические.*

Образование, имеющее своею основою религию, т. е. божественное откровение, в истине и законности которого никто не может сомневаться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, и насилие в этом, но только в этом случае, законно. Так до сих пор и делают миссионеры в Африке и Китае. Так поступают до сих пор в школах всего мира относительно преподавания религий: католической, протестантской, еврейской, магометанской и т. д. Но в наше время, когда образование религиозное составляет только малую часть образования, вопрос о том, какое имеет основание школа принуждать учиться молодое поколение известным образом, остается нерешенным с религиозной точки зрения.

Ответ, может быть, найдется в философии. Имеет ли философия столь же твердые основания, как и религия? Какие эти основания? Кем и как и когда выражены эти основания? Мы их не знаем. Все философы отыскивают законы добра и зла; отыскав эти законы, они,

касаясь педагогики (все не могли не касаться педагогики), заставляют образовывать род человеческий по этим законам. Но каждая из этих теорий, в ряду других теорий, является неполною и вносит только новое звено в сознание добра и зла, лежащее в человечестве.

Всякий мыслитель выражает только то, что сознано его эпохой, и потому образование молодого поколения в смысле этого сознания совершенно излишне, — сознание это уже присуще живущему поколению.

Все педагогически-философские теории имеют целью и задачею образование добродетельных людей. Понятие же добродетели остается или все то же или бесконечно развивается, и, несмотря на все теории, упадок и процветание добродетели не зависят от образования. Добродетельный китаец, добродетельный грек, римлянин и француз нашего времени или одинаково добродетельны или все одинаково далеки от добродетели. Философские теории педагогики разрешают вопрос о том, как воспитать наилучшего человека по известной теории этики, выработанной в то или другое время и признающейся несомненною. Платон не сомневается в истинах своей этики и на основании ее строит свое воспитание, а на воспитании — свое государство. Шлейермахер говорит, что этика еще наука незаконченная, и потому воспитание и образование должны иметь целью приготовлять таких людей, которые бы способны были вступить в те условия, которые они находят в жизни, и вместе с тем способны были бы с силою работать над представляющимися усовершенствованиями. Образование вообще, говорит Шлейермахер, имеет целью передать готового члена государству, церкви, общественной жизни и знанию. Только одна этика, хотя неоконченная наука, дает ответ на то, каким членом этих четырех элементов жизни должен быть воспитанный человек. Как Платон, так и все педагоги-философы задачу и цель образования ищут в этике, одни — признавая ее известною, другие — признавая ее вечным вырабатывающимся сознанием человечества; но на вопрос: чему и как должно учить народ, ни одна теория не дает положительного ответа. Один говорит одно, другой — другое, и чем дальше, тем разноречивее становятся их положения. Являются одновременно различные теории, противоположные одна другой. Богословское направление борется с схоластическим, схоластическое — с классическим, классическое — с реальным, и в настоящее время все эти направления существуют, не поборая одно другого, и никто не знает, что ложь, что правда. Являются тысячи различных, самых странных, ни на чем не основанных теорий, как Руссо, Песталоцци, Фребель и т. д.; являются все существующие школы рядом — реальные, классические и богословские учреждения. Все недовольны тем, что́ существует, и не знают, что́ новое именно нужно и возможно.

Проследив ход истории философии педагогики, вы найдете в ней не критериум образования, но, напротив, одну общую мысль, бессознательно лежащую в основании всех педагогов, несмотря на их частое между собою разногласие, — мысль, убеждающую нас в отсутствии этого критериума. Все они, начиная от Платона и до Канта, стремятся к одному — освободить школу от исторических уз, тяготеющих над нею, хотят угадать то, что нужно человеку, и на этих,

более или менее верно угаданных потребностях строят свою новую школу. Лютер заставляет учить в подлиннике священное писание, а не по комментариям святых отцов. Бэкон заставляет изучать природу из самой природы, а не из книг Аристотеля. Руссо хочет учить жизни из самой жизни, как он ее понимает, а не из прежде бывших опытов. Каждый шаг философии педагогики вперед состоит только в том, чтобы освобождать школу от мысли обучения молодых поколений тому, что старые поколения считали наукою, к мысли обучения тому, что лежит в потребностях молодых поколений. Одна эта общая и вместе с тем противоречащая сама себе мысль чувствуется во всей истории педагогики, — общая, потому что все требуют большей меры свободы школ, противоречащая, потому что каждый предписывает законы, основанные на своей теории, и тем самым стесняет свободу.

Опыт существовавших и существующих школ?.. Но как же может этот опыт доказать нам справедливость существующего метода принудительного образования? Мы не можем знать, нет ли другого более законного метода, так как школы до сей поры не были еще свободны. Правда, мы видим на высшей ступени образования (университеты, публичные лекции), что образование стремится сделаться все более и более свободным. Но это только предположение. Может быть, образование на низших ступенях должно всегда оставаться принудительным, и опыт доказал нам, что такие школы хороши. Посмотрим же на эти школы, не справляясь с статистическими таблицами образования в Германии, постараемся узнать школы и их влияние на народ в действительности. Мне действительность показала следующее. Отец посылает дочь или сына в школу против своего желания, кляня учреждение, лишающее его работы сына, и считая дни до того времени, как сын сделается schulfrei (одно это выражение доказывает, как смотрит народ на школы). Ребенок идет в школу с убеждением, что единственно известная ему власть отца не одобряет власти правительства, которой он покоряется, поступая в школу. Известия, которые он получает от старших товарищей, бывших уже в этом заведении, не должны прибавить ему охоты к поступлению. Школы представляются ему учреждением для мучения детей, — учреждением, в котором лишают их главного удовольствия и потребности детского возраста — свободного движения, где Gehorsam (послушание) и Ruhe (спокойствие) — главные условия, где даже для того, чтобы пойти на час, ему нужно особое позволение, где каждый проступок наказывается линейкой, тою же палкой, хотя в официальном мире значится уничтожение телесного наказания линейкой, или продолжением для ребенка жесточайшего положения — учения. Школа справедливо представляется ребенку учреждением, где его учат тому, чего никто не понимает, где его большею частью заставляют говорить не на своем родном patois, Mundart, а на чужом языке, где учитель большею частью видит в учениках своих прирожденных врагов, по своей злобе и злобе родителей не хотящих выучить того, что он сам выучил, и где ученики, наоборот, смотрят на учителя, как на врага, который только по личной злобе заставляет их учить столь трудные вещи. В таком заведении они обязаны пробыть лет шесть и часов по шести каждый день. Каковы

должны быть результаты, мы видим по тому, какие они есть, опять судя не по отчетам, а по действительным фактам. В Германии $^{9}/_{10}$ школьного народного населения выносят из школы механическое умение читать и писать и столь сильное отвращение к испытанным ими путям науки, что они впоследствии уже не берут книги в руки. Пусть те, которые не согласны со мною, укажут мне на книги, читаемые народом; даже баденский Гебель, даже календари и народные газеты читаются, как редкие исключения. Неопровержимым доказательством того, что в народе нет образования, служит то, что нет народной литературы и, главное, что десятое поколение нужно посылать так же насильно в школу, как и первое. Мало того, что такая школа порождает отвращение к образованию, она приучает в эти шесть лет к лицемерию и обману, вытекающим из противоестественного положения, в которое поставлены ученики, и к тому положению путаницы и сбивчивости понятия, которое называется грамотностью. В моих путешествиях по Франции, Германии и Швейцарии для узнания сведений школьников, их воззрений на школу и их морального развития я в первоначальных школах и бывшим школьникам вне школ предлагал следующие вопросы: какой главный город в Пруссии или Баварии? сколько было сыновей у Иакова? и историю Иосифа. В школе еще иногда отвечали мне тирады наизусть из книги, но окончившие курс — никогда. Не наизусть почти никогда я не мог добиться ответа. В математике я не находил общего правила — иногда хорошо, иногда очень дурно. Потом я задавал сочинения на вопрос, что делали школьники в предыдущее воскресенье. И всегда, без исключения, девочки и мальчики писали одно: что они в воскресенье пользовались всеми возможными случаями, чтобы молиться богу, но не играли. Это как образец нравственного влияния школы. На вопрос у взрослых мужчин и женщин, почему они не учатся после школы, не почитают того или другого, все отвечали, что они уже совершили обряд конфирмации, выдержали карантин школы и получили диплом на известную степень образования — грамотности.

Кроме того одуряющего влияния школы, для которого немцы придумали такое верное название «verdummen», состоящего, собственно, в продолжительном искажении умственных способностей, есть другое, еще более вредное влияние, состоящее в том, что ребенок в продолжение ежедневных долгих часов занятий, одуряемый школьной жизнью, оторван на все это, самое драгоценное по возрасту время от тех необходимых условий развития, которые поставила для него сама природа. Весьма обыкновенно слышать и читать мнение, что домашние условия, грубость родителей, полевые работы, деревенские игры и т. п. суть главные помехи школьному образованию, — может быть, они, точно, мешают тому школьному образованию, которое разумеют педагоги, но пора убедиться, что все эти условия суть главные основания всякого образования, что не только они не враги и не помехи школе, но первые и главные деятели ее. Ребенок никогда не мог бы выучиться ни различию линий, составляющих различие букв, ни числам, ни способности выражать свои мысли, если бы не эти домашние условия. Отчего бы, кажется, эта грубая домашняя жизнь могла научить ребенка столь

трудным вещам, и вдруг эта самая домашняя жизнь не только становится несостоятельною для обучения ребенка таким легким вещам, как чтение, писание и т. д., а даже становится вредною для этого обучения? Лучшим доказательством служит сравнение крестьянского, никогда не учившегося мальчика, с барским мальчиком, учившимся у гувернера с пяти лет. Преимущество ума и знаний всегда на стороне первого. Мало того, интерес знать что бы то ни было и вопросы, на которые имеет задачею отвечать школа, порождаются только этими домашними условиями. А всякое учение должно быть только ответом на вопрос, возбужденный жизнью. Но школа не только не возбуждает вопросов, она даже не отвечает на те, которые возбуждены жизнью. Она постоянно отвечает на одни и те же вопросы, несколько веков тому назад поставленные человечеством, а не детским возрастом, до которых еще нет дела ребенку. Это вопросы о том, как сотворен мир? Кто был первый человек? Что было тому 2000 лет назад? Какая земля Азия? Какую имеет форму земля? Каким образом помножить сотни на тысячи? И что будет после смерти? и т. п. На вопросы же, представляющиеся ему из жизни, он не получает ответа, тем более, что по полицейскому устройству школы он не имеет права открыть рта даже для того, чтобы попроситься на двор, а должен это делать знаками, чтобы не нарушить тишины и не помешать учителям. Школа же учреждается так потому, что цель правительственной школы, учрежденной свыше, заключается большею частью не в том, чтоб образовать народ, а чтобы образовать его по нашей методе, — чтобы, главное, была школа и было много школ. Нет учителей? Сделать учителей, и все-таки недостает учителей! Сделать так, чтоб один учитель мог учить 500 детей, mécaniser l'instruction, ланкастерскую методу, pupilteacher's. Поэтому школы, устроенные свыше и насильственно, — не пастырь для стада, а стадо для пастыря. Школа учреждается не так, чтобы детям было удобно учиться, но так, чтобы учителям было удобно учить. Учителю неудобны говор, движение, веселость детей, составляющие для них необходимое условие учения, и в школах, строящихся как тюремные заведения, запрещены вопросы, разговоры и движения. Вместо того, чтобы убедиться, что для того, чтобы действовать успешно на какой-нибудь предмет, нужно изучить его (а в воспитании этот предмет есть свободный ребенок), они хотят учить так, как умеют, как вздумалось, и при неуспехе хотят переменить не образ учения, а самую природу ребенка. Из этого понятия вытекали и теперь вытекают *(Песталоцци)* такие системы, которыми бы можно было mécaniser l'instruction — то вечное стремление педагогики устроить дело так, чтобы, какой бы ни был учитель и ученик, метод был бы один и тот же. Стоит взглянуть на одного и того же ребенка дома, на улице или в школе: то вы видите жизнерадостное, любознательное существо с улыбкой в глазах и на устах, во всем ищущее поучения, как радости, ясно и часто сильно выражающее свои мысли своим языком, то вы видите измученное, сжавшееся существо, с выражением усталости, страха и скуки, существо, которого дума, как улитка, спряталась в свой домик. Стóит взглянуть на эти два состояния, чтобы решить, которое из двух более выгодно для развития ребенка,

То странное психологическое состояние, которое я назову школьным состоянием души, которое мы все, к несчастью, так хорошо знаем, состоит в том, что все высшие способности — воображение, творчество, соображение — уступают место каким-то другим, полуживотным способностям произносить звуки, независимо от воображения, считать числа сряду 1, 2, 3, 4, 5, воспринимать слова, не допуская воображению подставлять под них какие-нибудь образы, — одним словом, способность подавлять в себе все высшие способности для развития только тех, которые совпадают с школьным состоянием, — страх, напряжение памяти и внимания. Всякий школьник до тех пор составляет диспарат в школе, пока он не попал в колею этого полуживотного состояния. Как скоро ребенок дошел до этого положения, утратил всю независимость и самостоятельность, как только проявляются в нем различные симптомы болезни — лицемерие, бесцельная ложь, тупик и т. п., так он уже не составляет диспарат в школе, он попал в колею, и учитель начинает быть им доволен. Тогда тоже являются те же случайные, но постоянно повторяющиеся явления, что самый глупый ребенок делается лучшим учеником и самый умный — худшим учеником. Кажется, этот факт довольно знаменателен для того, чтобы подумать о нем и постараться объяснить его. Мне кажется, что один такой факт служит явным доказательством ложности основания принудительной школы. Мало того, кроме этого отрицательного вреда, состоящего в удалении детей от бессознательного образования, получаемого дома, на работе, на улице, школы эти вредны физически — для тела, столь нераздельного с душою в первом возрасте; вред этот особенно важен в отношении однообразия школьного воспитания, ежели бы даже оно было хорошо. Для земледельца ничем невозможно заменить тех условий работы, жизни в поле, разговоров старших и т. п., которые окружают его; точно то же для ремесленника, вообще для городского жителя. Не случайно, а целесообразно окружила природа земледельца земледельческими условиями, горожанина — городскими. Эти условия в высшей степени поучительны, и только в них может образоваться тот и другой; школа же первым условием своего образования кладет отчуждение от этих условий. Мало этого для школы, мало того, что она по шести часов в день отрывает в лучшие годы детей от жизни, — она трехлетних детей хочет оторвать от влияния матери. Изобретены заведения (Kleinkinderbewahranstalt, infantschools, salles d'asile), о которых нам придется говорить еще подробнее. Недостает только изобретения паровой машины, которая бы заменила мать-кормилицу. Все согласны, что школы несовершенны (я с своей стороны убежден, что они вредны). Все согласны, что нужно много и много улучшений. Все согласны, что улучшения эти должны основываться на большем удобстве для учеников. Все согласны, что узнать эти удобства можно, только изучив потребности школьного возраста и вообще потребности каждого сословия в особенности. Что же делается для этого трудного и сложного изучения? В продолжение нескольких веков каждая школа учреждается на образец другой, учрежденной на образец прежде бывшей, а в каждой из этих школ непременным условием поставлена дисциплина, воспрещающая детям говорить, спрашивать, выбирать тот или другой предмет учения, —

одним словом, приняты все меры для лишения учителя возможности делать выводы о потребностях учеников. Принудительное устройство школы исключает возможность всякого прогресса. А между тем, как подумаешь о том, сколько веков прошло в отвечании детям на те вопросы, которых они не думали задавать, о том, как далеко ушли нынешние поколения от той древней формы образования, которая прививается им, то непонятно становится, как еще держатся школы. Школа, нам бы казалось, должна быть и орудием образования и вместе с тем опытом над молодым поколением, дающим постоянно новые выводы. Только тогда, когда опыт будет основанием школы, только тогда, когда каждая школа будет, так сказать, педагогическою лабораторией, только тогда школа не отстанет от всеобщего прогресса, и опыт будет в состоянии положить твердые основания для науки образования.

Но, может быть, история ответит нам на тщетный вопрос наш: на чем основано право принуждать к образованию и родителей и учеников? Существующие школы, скажет она, выработались историческим путем, историческим путем точно так же должны вырабатываться дальше и видоизменяться, сообразно требованиям общества и времени; чем дольше мы живем, тем школы делаются лучше и лучше. На это отвечу: во-первых, что доводы исключительно философские столь же односторонни и ложны, как и доводы исключительно исторические. Сознание человечества составляет главный элемент истории, и потому, ежели человечество сознает несостоятельность своих школ, то этот факт сознания уже будет главным историческим фактом, на котором должно основаться устройство школы. Во-вторых, чем дольше мы живем, тем школы становятся не лучше, а хуже, — хуже относительно того уровня образования, до которого достигло общество. Школа есть одна из тех органических частей государства, которая не может быть рассматриваема и оцениваема отдельно, ибо достоинство ее состоит только в большей или меньшей соответственности ее остальным частям государства. Школа хороша только тогда, когда она сознала те основные законы, которыми живет народ. Прекрасная школа для степной русской деревни, удовлетворяющая всем потребностям своих учеников, будет весьма плохая школа для парижанина, а самая лучшая школа XVII в. будет самою дурною школой в наше время, и наоборот, самая плохая школа средних веков в свое время была бы лучше самой лучшей школы в наше время, ибо более соответствовала своему времени и стояла все-таки наравне с общим образованием, ежели не впереди, тогда как наша школа стоит позади его. Ежели задача школы, допуская самое общее определение, состоит в передаче всего выработанного и сознанного народом и в отвечании на те вопросы, которые жизнь представляет человеку, то нет сомнения, что в средневековой школе и предания были ограниченнее и вопросы, представляющиеся в жизни, были удоборазрешимее, и эта задача школы более удовлетворялась. Передать предания Греции и Рима по недостаточным и неразработанным источникам, религиозные догматы, грамматику и ту часть математики, которая была известна, гораздо легче, чем все те предания, которые мы прожили с тех пор и которые настолько же отодвинули назад предания древних народов и все те знания естественных наук, которые необходимы в

наше время, как ответы на повседневные явления жизни. А между тем способ передачи остался тот же, и потому школа должна была отстать и сделаться не лучше, а хуже. Для того чтобы удержать школу в той же форме, в какой она была, и не отстать от движения образования, нужно было бы быть последовательнее: не только делать законы принуждений для школ, но и запретить образованию двигаться вперед другими путями, — запретить машины, пути сообщения и книгопечатание.

Сколько известно из истории, только китайцы были строго логичны в этом отношении. Попытки других народов, стеснения книгопечатания и вообще стеснения движения образования были только временны и недостаточно последовательны. И потому китайцы одни могут в настоящее время гордиться школой хорошею и вполне соответствующею общему уровню образования.

Ежели нам скажут, что школы историческим путем совершенствуются, мы ответим только, что совершенствование школ должно разуметь относительно и что относительно школы, напротив, с каждым годом и с каждым часом принуждения делаются хуже и хуже, т. е. более и более отстают от общего уровня образования, ибо движение их вперед несоразмерно движению образования со времени изобретения книгопечатания.

В-третьих, на исторический довод, что школы существовали и потому хороши, отвечу также историческим доводом. Год тому назад я был в Марселе и посетил все учебные заведения для рабочего народа этого города. Отношение учащихся к населению так велико, что, за малым исключением, все дети ходят в школу в продолжение трех, четырех и шести лет. Программы школ состоят в изучении наизусть катехизиса, священной и всеобщей истории, четырех правил арифметики, французской орфографии и счетоводства. Каким образом счетоводство может составить предмет преподавания, я никак не мог понять, и ни один учитель не мог объяснить мне. Единственное объяснение, которое я сделал себе, рассмотрев, как ведутся книги учениками, окончившими этот курс, — есть то, что они не знают и трех правил арифметики, а выучили наизусть операции с цифрами и потому, также наизусть, должны выучить tenue des livres. (Кажется, нечего доказывать, что tenue des livres, Buchhaltung, преподающееся в Германии и в Англии, есть наука, требующая четыре часа объяснения для всякого ученика, знающего четыре правила арифметики.) Ни один мальчик в этих школах не умел решить, т. е. постановить самой простой задачи сложения и вычитания. Вместе с тем, с отвлеченными числами они делали операции, помножая тысячи с ловкостью и быстротой. На вопросы из истории Франции отвечали наизусть хорошо, но по разбивке я получил ответ, что Генрих IV убит Юлием Цезарем. То же самое и в географии и священной истории. То же самое в орфографии и чтении. Женский пол, больше чем наполовину, не умеет читать иначе, как по выученным книгам. Шесть лет школы не дают возможности написать слова без ошибки. Я знаю, что приводимые мною факты так невероятны, что многие усомнятся; но я мог бы написать целые книги о том невежестве, которое видал в школах Франции, Швейцарии и Германии. Впрочем, кому это дело ближе к сердцу, пусть тот, так же, как я, не по отчетам публичных экзаменов постарается изучить школы, а по продолжитель-

ным посещениям и беседам с учителями и учениками в школах и вне школ. Видел я еще в Марселе одну светскую и одну монашескую школу для взрослых. Из 250 тыс. жителей меньше 1000 учащихся, и только 200 мужчин посещают эти школы. Преподавание то же самое: механическое чтение, которого достигают в год и более, счетоводство без знания арифметики, духовные поучения и т. п. Видел я после светской школы ежедневные поучения в церквах, видел salles d'asile, в которых четырехлетние дети по свистку, как солдаты, делают эволюции вокруг лавок, по команде поднимают и складывают руки и дрожащими и странными голосами поют хвалебные гимны богу и своим благодетелям, и убедился, что учебные заведения города Марселя чрезвычайно плохи. Ежели бы кто-нибудь каким-нибудь чудом видел все почти заведения, не видав народа на улицах, в мастерских, в кафе, в домашней жизни, то какое бы мнение он себе составил о народе, воспитываемом таким образом? Он, верно, подумал бы, что это народ невежественный, грубый, лицемерный, исполненный предрассудков и почти дикий. Но стоит войти в сношение, поговорить с кем-нибудь из простолюдинов, чтоб убедиться, что, напротив, французский народ почти такой, каким он сам себя считает: понятливый, умный, общежительный, вольнодумный и действительно цивилизованный. Посмотрите городского работника лет тридцати, — он уже напишет письмо не с такими ошибками, как в школе; иногда совершенно правильное он имеет понятие о политике, следовательно, о новейшей истории и географии; он знает уже несколько историю из романов; он имеет несколько сведений из естественных наук. Он очень часто рисует и прилагает математические формулы к своему ремеслу. Где же он приобрел все это?

Я невольно нашел этот ответ в Марселе, начав после школ бродить по улицам, гингетам, cafés chantants, музеумам, мастерским, пристаням и книжным лавкам. Тот самый мальчик, который отвечал мне, что Генрих IV убит Юлием Цезарем, знал очень хорошо историю «Четырех мушкетеров» и «Монте Кристо». В Марселе я нашел 28 дешевых изданий, от пяти до десяти сантимов, иллюстрированных. На 250 тыс. жителей их расходится до 30 тыс. — следовательно, если положить, что 10 человек читают и слушают один номер, то все их читают. Кроме того — музей, публичные библиотеки, театры. Кафе, два большие cafés chantants, в которые, за потребление 50 сантимов, имеет право войти всякий и в которых перебывает ежедневно до 25 тыс. человек, не считая маленьких cafés, вмещающих столько же, — в каждом из этих кафе даются комедийки, сцены, декламируются стихи. Вот уже по самому беглому расчету пятая часть населения, которая изустно поучается ежедневно, как поучались греки и римляне в своих амфитеатрах. Хорошо или дурно это образование, — это другое дело; но вот оно бессознательное образование, во сколько раз сильнейшее принудительного, — вот она бессознательная школа, подкопавшаяся под принудительную школу и сделавшая содержание ее почти ничем. Осталась только одна деспотическая форма почти без содержания. Я говорю «почти» — исключая одно механическое умение складывать буквы и выводить слова, — единственное знание, приобретаемое пяти- или шестилетним учением. Притом надо заметить, что это самое механическое

искусство читать и писать часто, в гораздо кратчайший срок приобретается вне школы, что весьма часто из школы не выносится даже и это умение и часто теряется, не находя приложения в жизни, и что там, где существует обязательный закон посещения школы, учить писать, читать и считать второе поколение нет никакой надобности, ибо мать и отец, казалось бы, были в состоянии сделать это дома и гораздо легче, чем в школе. То самое, что я видел в Марселе, — и во всех других странах: везде главная часть образования народа приобретается не из школы, а из жизни. Там, где жизнь поучительна, как в Лондоне, Париже и вообще больших городах, народ образован; там где жизнь не поучительна, как в деревнях, народ не образован, несмотря на то, что школы совершенно одинаковы, как тут, так и там. Знания, приобретаемые в городах, как будто остаются; знания, приобретаемые в деревнях, теряются. Направление и дух образования народа как в городах, так и в деревнях, совершенно независим и большей частью противоположен тому духу, который желают влить в народные школы. Образование идет своим независимым путем от школ.

Исторический довод против исторического довода состоит в том, что, рассматривая историю образования, мы не только не убедимся в том, что школы развиваются соразмерно развитию народов, но убедимся в том, что они падают и делаются пустою формальностью соразмерно развитию народов; что чем дальше один народ в общем образовании ушел вперед, тем более образование из школы перешло в жизнь и сделало содержание школы ничтожным. Не говоря о всех других средствах образования, развития торговых сношений, путей сообщения, большей степени свободы личности и участия ее в делах правления, не говоря о собраниях, музеумах, публичных лекциях и т. д., стоит взглянуть на одно книгопечатание и его развитие, чтобы понять различие положения прежней школы и теперешней. Образование бессознательное, жизненное, и образование школьное, сознательное, всегда шли и идут рядом, пополняя одно другое; но при отсутствии книгопечатания, какую ничтожную меру образования могла давать жизнь в сравнении со школой. Наука принадлежала избранным, владеющим средствами образования. И посмотрите, какая доля выпадает теперь жизненному образованию, когда нет человека, не имеющего книги, когда книги продаются по самым ничтожным ценам, когда публичные библиотеки открыты для всех, когда мальчик, идя в школу, кроме своих тетрадок, несет спрятанный дешевый иллюстрированный роман, когда у нас продаются по две азбуки за 3 копейки, и степной мужик, сплошь да рядом, купит азбучку, попросит прохожего солдата показать и выучит всю ту науку, которую тот прежде годами учит у дьячка. Когда гимназист бросает гимназию и сам по книгам готовится и выдерживает экзамен в университет, когда молодые люди бросают университет и, вместо того, чтобы готовиться по запискам профессоров, прямо работают над источниками, когда, говоря искренно, всякое серьезное образование приобретается только из жизни, а не из школы.

Последний и самый, по моему мнению, важный довод состоит, наконец, в том, что хорошо немцам, на основании двухсотлетнего существования школы, исторически защищать ее; но на каком основании нам

защищать народную школу, которой у нас нет? Какое мы имеем историческое право говорить, что наши школы должны быть такие же, как европейские школы? Мы не имеем еще истории народного образования. Вникнув же во всеобщую историю народного образования, мы не только убедимся в том, что нам невозможно устроить на немецкий образец семинарии для учителей, переделать немецкую звуковую методу, английские infantschools, французские лицеи и школы специальностей и этими средствами догнать Европу, но мы убедимся, что мы, русские, живем в исключительно счастливых условиях относительно народного образования, что наша школа не должна выходить, как в средневековой Европе, из условий гражданственности, не должна служить известным правительственным или религиозным целям, не должна вырабатываться во мраке отсутствия контроля над ней общественного мнения и отсутствия высшей степени жизненного образования, не должна с новым трудом и болями проходить и выбиваться из того cercle vicieux, который столько времени проходили европейские школы, cercle vicieux, состоящий в том, что школа должна была двигать бессознательное образование, а бессознательное образование — двигать школу. Европейские народы победили эту трудность, но в борьбе не могли не утратить многого. Будем же благодарны за труд, которым мы призваны пользоваться, и по тому самому не будем забывать, что мы призваны совершить новый труд на этом поприще. На основании того, что прожито человечеством, и того, что деятельность наша еще не начиналась, мы можем внести большее сознание в наш труд и потому обязаны это сделать. Для того чтобы заимствовать приемы европейских школ, мы обязаны отличать то, что в них основано на вечных законах разума, и то, что родилось только вследствие исторических условий. Общего разумного закона, критериума, оправдывающего насилие, употребляемое школами против народа, нет, и потому всякое подражание европейской школе в отношении принудительности школы будет шаг не вперед, но назад для нашего народа, будет изменой своему призванию. Понятно, почему во Франции сложилась дисциплинированная школа с преобладанием точных наук — математики, геометрии и рисования, почему в Германии сложилась степенная воспитательная школа с преобладанием пения и анализа, понятно, почему в Англии развилось это бесчисленное количество обществ, учреждающих филантропические школы для пролетариата с их строго-нравственным и вместе практическим направлением; но какая должна сложиться школа в России — нам неизвестно и всегда будет неизвестно, ежели мы не оставим ее вырабатываться свободно и своевременно, т. е. сообразно той исторической эпохе, в которой она должна развиться, сообразно своей истории и, еще более, всеобщей истории. Ежели мы убедимся, что народное образование в Европе идет ложным путем, то, не делая ничего для нашего народного образования, мы сделаем больше, чем ежели бы мы силой внесли вдруг в него все то, что каждому из нас кажется хорошим.

Итак, малообразованный народ хочет образовываться более, образованный класс хочет образовывать народ, но народ подчиняется образованию только при насилии. Отыскивая в философии, опыте и истории те основания, которые бы давали образовывающему классу на то право,

мы ничего не нашли, а, напротив, убедились, что мысль человечества постоянно стремится к освобождению народа от насилия в деле образования. Отыскивая критериум педагогики, т. е. знание того, чему и как должно учить, мы ничего не нашли, кроме разноречивейших мнений и учреждений, и убедились, напротив, что чем дальше двигалось человечество, тем невозможнее становился этот критериум; отыскивая критериум этот в истории образования, мы убедились не только в том, что для нас, русских, исторически выработавшиеся школы не могут быть образцами, но что эти школы с каждым шагом вперед более и более отстают от общего уровня образования и что потому принудительный характер их более и более становится незаконным, и, наконец, что в Европе самое образование, как просачивающаяся вода, избрало себе другой путь, — обошло школы и разлилось в жизненных орудиях образования.

Что же нам, русским, делать в настоящую минуту? Сговориться ли всем и взять за основание английский, французский, немецкий или североамериканский взгляд на образование и какой-нибудь из их методов? Или, углубившись в философию и психологию, открыть, что вообще нужно для развития души человека и для приготовления из молодых поколений наилучших людей по нашим понятиям? Или воспользоваться опытом истории — не в смысле подражания тем формам, которые выработала история, а в смысле уразумения тех законов, которые страданиями выработало человечество — сказать себе прямо и честно, что мы не знаем и не можем знать того, что нужно будущим поколениям, но что мы чувствуем себя обязанными и хотим изучить эти потребности, не хотим обвинять в невежестве народ, не принимающий нашего образования, а будем себя обвинять в невежестве и гордости, ежели вздумаем образовать народ по-своему? Перестанем же смотреть на противодействие народа нашему образованию как на враждебный элемент педагогики, а, напротив, будем видеть в нем выражение воли народа, которой одной должна руководиться наша деятельность. Сознаем, наконец, тот закон, который так ясно говорит нам и из истории педагогики и из истории всего образования, что и для того, чтобы образовывающему знать, что хорошо и что дурно, образовывающийся должен иметь полную власть выразить свое неудовольствие или, по крайней мере, уклониться от того образования, которое по инстинкту не удовлетворяет его, что критериум педагогики есть только один — свобода.

Мы избрали этот последний путь в нашей педагогической деятельности.

Основанием нашей деятельности служит убеждение, что мы не только не знаем, но и не можем знать того, в чем должно состоять образование народа, что не только не существует никакой науки образования и воспитания — педагогики, но что первое основание ее еще не положено, что определение педагогики и ее цели в философском смысле невозможно, бесполезно и вредно[1].

Мы не знаем, чем должно быть образование и воспитание, не признаем всей философии педагогики, потому что не признаем возможности

[1] Это не помешало Толстому впоследствии (в 1874 г.) выдвинуть для «народа» тип школы, по своей примитивности мало чем отличавшийся от «школ грамоты», впоследствии насаждавшихся церковью. — *Н. Ж.*

человеку знать то, что нужно знать человеку. Образование и воспитание представляется нам историческими фактами воздействия одних людей на других; потому задача науки образования, по нашему мнению, есть только отыскание законов этого воздействия одних людей на других. Мы не только не признаем за нашим поколением знания и не только не признаем права знания того, что нужно для совершенствования человека, но убеждены, что если бы знание это было у человечества, то оно не могло бы передать или не передать его молодому поколению. Мы убеждены, что сознание добра и зла, независимо от воли человека, лежит во всем человечестве и развивается бессознательно вместе с историей, что молодому поколению так же невозможно привить образованием нашего сознания, как невозможно лишать его этого нашего сознания и той ступени высшего сознания, на которую возведет его следующий шаг истории. Наше мнимое знание законов добра и зла и, на основании их, деятельность на молодое поколение есть большею частью противодействие развитию нового сознания, не выработанного еще нашим поколением, а вырабатывающегося в молодом поколении, — есть препятствие, а не пособие образованию.

Мы убеждены, что образование есть история и потому не имеет конечной цели. Образование в самом общем смысле, обнимающее и воспитание, по нашему убеждению, есть та деятельность человека, которая имеет основанием потребность к равенству и неизменный закон движения вперед образования. Мать учит ребенка своего говорить только для того, чтобы понимать друг друга, мать инстинктом пытается спуститься до его взгляда на вещи, до его языка, но закон движения вперед образования не позволяет ей спуститься до него, а его заставляет подняться до ее знания. То же отношение существует между писателем и читателем, то же между школой и учеником, то же между правительством и обществами и народом. Деятельность образовывающего имеет одну и ту же цель. Задача науки образования есть только изучение условий совпадения этих двух стремлений к одной общей цели, указание на те условия, которые препятствуют этому совпадению. Наука образования становится для нас вследствие того, с одной стороны, более легкою, не представляя более вопросов: какая есть конечная цель образования, к чему мы должны готовить молодое поколение и т. д.; с другой стороны — неизмеримо труднейшею. Нам необходимо изучать все те условия, которые способствовали совпадению стремлений образовывающего и образовывающегося; нам нужно определить, что такое есть та свобода, отсутствие которой препятствует совпадению обоих стремлений и которая одна служит для нас критериумом всей науки образования; нам нужно шаг за шагом из бесчисленного количества фактов подвигаться к разрешению вопросов науки образования.

Мы знаем, что доводы наши убедят немногих. Мы знаем, что основные убеждения наши в том, что единственный метод образования есть опыт, а единственный критериум его есть свобода, для одних прозвучит избитою пошлостью, для других — неясною отвлеченностью, для третьих — мечтой и невозможностью. Мы бы не дерзнули нарушить спокойствие педагогов-теоретиков и высказать столь противные всему

свету убеждения, ежели бы должны были ограничиться рассуждениями этой статьи, но мы чувствуем возможность шаг за шагом и факт за фактом доказать приложимость и законность наших столь диких убеждений и только этой цели посвящаем издание журнала «Ясная Поляна».

(Полное собрание сочинений, изд. 1913 г., т. IV.)

ОБЩИЙ ОЧЕРК ХАРАКТЕРА ЯСНОПОЛЯНСКОЙ ШКОЛЫ 1862 г.

Начинающих у нас нет. Младший класс читает, пишет, решает задачи трех первых правил арифметики и рассказывает священную историю, так что предметы разделяются по расписанию следующим образом: 1) чтение механическое и постепенное, 2) писание, 3) каллиграфия, 4) грамматика, 5) священная история, 6) русская история, 7) рисование, 8) черчение, 9) пение, 10) математика, 11) беседы из естественных наук, 12) закон божий.

Прежде чем говорить о преподавании, я должен сделать краткий очерк того, что такое Яснополянская школа, и того, в каком периоде роста она находится.

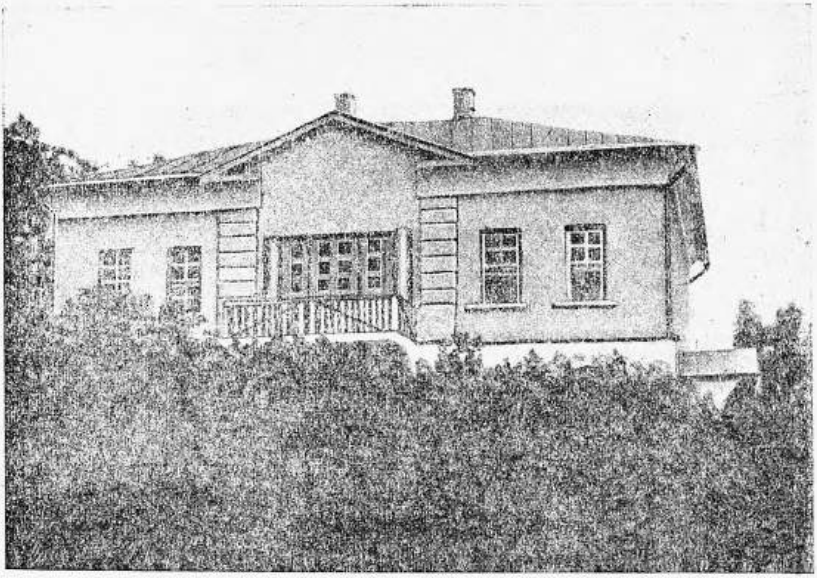
Как всякое живое существо, школа не только с каждым годом, днем и часом изменяется, но и подвержена временным кризисам, невзгодам, болезням и дурным настроениям. Через такой болезненный кризис прошла Яснополянская школа нынешним летом. Причин тому было много: во-первых,— как и всегда летом,— все лучшие ученики выбыли, только изредка уж встречали мы их в поле на работах и пастбищах; во-вторых, новые учителя прибыли в школу, и новые влияния начали отражаться в ней; в-третьих, все лето каждый день приносил новых посетителей-учителей, пользовавшихся летними вакациями. А для правильного хода школы нет ничего вреднее посетителей. Так или иначе учитель подделывается под посетителей.

Учителей четыре. Два старые уж два года учат в школе, привыкли к ученикам, к своему делу, к свободе и внешней беспорядочности школы. Два учителя новых — оба недавно сами из школы — любители внешней аккуратности, расписания, звонка, программ и т. п., не вжившиеся в жизнь школы так, как первые. То, что для первых кажется разумным, необходимым, не могущим быть иначе, как черты лица любимого, хотя и некрасивого, ребенка, росшего на глазах,— для новых учителей представляется иногда исправимым недостатком.

Школа помещается в двухэтажном каменном доме. Две комнаты заняты школой, одна — кабинетом, две — учителями. На крыльце, под навесом, висит колокольчик с привешенной за язычок веревочкой, в сенях внизу стоят бары и рек (гимнастика), наверху в сенях — верстак. Лестница и сени истоптаны снегом или грязью; тут же висит расписание. Порядок ученья следующий: часов в восемь учитель, живущий в школе, любитель внешнего порядка и администратор школы, посылает одного из мальчиков, которые почти всегда ночуют у него, звонить.

На деревне встают с огнем. Уж давно виднеются из школы огни в окнах, и через полчаса после звонка, в тумане, в дожде или

в косых лучах осеннего солнца, появляются на буграх (деревня отделена от школы оврагом) темные фигурки по две, по три и поодиночке. Табунное чувство уже давно исчезло в учениках. Уж нет необходимости ему дожидаться и кричать: «Эй, ребята, в училищу». Уж он знает, что училище среднего рода, много кое-чего другого знает и, странно, вследствие этого не нуждается в толпе. Пришло ему время, он и идет. Мне с каждым днем кажется, что все самостоятельнее и самостоятельнее делаются личности и резче их характеры. Дорогой почти никогда я не видал, чтобы ученики играли — нешто кто

Дом, в котором помещалась яснополянская школа в 1862 г.

из самых маленьких или из вновь поступивших, начатых в других школах. С собой никто ничего не несет — ни книг, ни тетрадок. Уроков на дом не задают.

Мало того, что в руках ничего не несут, им нечего и в голове нести. Никакого урока, ничего, сделанного вчера, он не обязан помнить нынче. Его не мучит мысль о предстоящем уроке. Он несет только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера. Он не думает о классе до тех пор, пока класс не начался. Никогда никому не делают выговоров за опаздыванье, и никогда не опаздывают, — нешто старшие, которых отцы другой раз задержат дома какой-нибудь работой. И тогда этот большой, рысью, запыхавшись, прибегает в школу. Пока учитель еще не пришел, они собираются — кто около крыльца, толкаясь со ступенек или катаясь на ногах по ледочку раскатанной дорожки, кто в школьных комнатах. Когда холодно — ожидая учителя, читают, пишут или возятся. Девочки не мешаются с ребятами. Когда ребята затевают

что-нибудь с девочками, то никогда не обращаются к одной из них, а всегда ко всем вместе: «Эй, девки! что не катаетесь?» или: «Девки-то, вишь, замерзли», или: «Ну, девки, выходи все на меня одного!» Только одна из девочек, дворовая, с огромными и всесторонними способностями, лет десяти, начинает выходить из табуна девок. И с этой только ученики начинают обходиться как с равной, как с мальчиком, только с тонким оттенком учтивости, снисходительности и сдержанности.

Положим, по расписанию, в I, младшем, классе — механическое чтение, во II — постепенное чтение, в III — математика. Учитель приходит в комнату, а на полу лежат и пищат ребята, кричащие: «Мала куча!» или: «Задавили, ребята!» или: «Будет! брось виски-то», и т. д. «Петр Михайлович! — кричит снизу кучи голос входящему учителю, — вели им бросить». — «Здравствуй, Петр Михайлович!» — кричат другие, продолжая свою возню. Учитель берет книжки, раздает тем, которые с ним пошли к шкафу; из кучи на полу верхние, лежа, требуют книжку. Куча понемногу уменьшается. Как только большинство взяло книжки, все остальные бегут к шкафу и кричат: «И мне и мне! Дай мне вчерашнюю, а мне *кольцовую*!» и т. п. Ежели останутся еще какие-нибудь два разгорячённые борьбой, продолжающие валяться на полу, то сидящие с книгами кричат на них: «Что вы тут замешались?.. Ничего не слышно. Будет!» Увлеченные покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только в первое время, сидя за книгой, поматывают ногой от неулегшегося волнения. Дух войны улетает, и дух чтения воцаряется в комнате. С тем же увлечением, с каким он драл за виски Митьку, он теперь читает *кольцовую* (так называется у нас сочинение Кольцова) книгу, чуть не стиснув зубы, блестя глазенками и ничего не видя вокруг себя, кроме своей книги. Оторвать его от чтения столько же нужно усилия, сколько прежде — от борьбы. Садятся они, где кому вздумается: на лавках, столах, подоконнике, полу и кресле. Девки садятся всегда вместе. Друзья, односельцы, особенно маленькие (между ними больше товарищества) — всегда рядом. Как только один из них решит, что садится в тот угол, все товарищи, толкаясь и ныряя под лавками, пролезают туда же, садятся рядом и, оглядываясь кругом, представляют на лице такой вид счастья и удовлетворенности, как будто они уже наверное на всю остальную жизнь будут счастливы, усевшись на этих местах. Большое кресло, как-то попавшее в комнату, представляет предмет зависти для более самостоятельных личностей — для дворовой девочки и других. Как только один вздумает сесть на кресло, другой уже по его взгляду узнает его намерение, и они сталкиваются, мнутся. Один выжимает другого, и перемявший разваливается головой гораздо ниже спинки, но читает так же, как и все, весь увлеченный своим делом. Во время класса я никогда не видал, чтобы шептались, щипались, смеялись потихоньку, фыркали в руку и жаловались друг на друга учителю. Когда заученный у пономаря или в уездном училище ученик приходит с такой жалобой, ему говорят: что же ты сам не щипешься?

Два меньшие класса разбиваются в одной комнате, старший — идет в другую. Учитель приходит и в первый класс, все обступают

его у доски или на лавках, ложатся или садятся на столе вокруг учителя или одного читающего. Ежели это писание — они усаживаются попокойнее, но беспрестанно встают, чтобы смотреть тетрадки друг у друга и показывать свои учителю. По расписанию до обеда значится 4 урока, а выходит иногда три или два, и иногда совсем другие предметы. Учитель начнет арифметику и перейдет к геометрии, начнет священную историю, а кончит грамматикой. Иногда увлечется учитель и ученики, и вместо одного часа класс продолжается три часа. Бывает, что ученики сами кричат: «Нет, еще, еще!» и кричат на тех, которым надоело. «Надоело, так ступай к маленьким», — говорят они презрительно. В классе закона божия, который один только бывает регулярно, потому что законоучитель живет за две версты и бывает два раза в неделю, и в класс рисования — все ученики собираются вместе. Пред этими классами оживление, возня, крики и внешний беспорядок бывают самые сильные: кто тащит лавки из одной комнаты в другую, кто дерется, кто домой (на дворню) бежит за хлебом, кто пропекает этот хлеб в печке, кто отнимает что-нибудь у другого, кто делает гимнастику, и опять так же, как и в утренних вознях, гораздо легче оставить их самих успокоиться и сложиться в свой естественный порядок, чем насильно рассадить их. При теперешнем духе школы остановить их физически невозможно. Чем громче кричит учитель — это случалось, — тем громче кричат они: его крик только возбуждает их. Остановишь их или, если удастся, увлечешь их в другую сторону, и это маленькое море начнет колыхаться все реже и реже — и уляжется. Даже большей частью и говорить ничего не нужно. Класс рисования, любимый класс для всех, бывает в полдень, когда уже проголодались, насиделись часа три, а тут еще нужно переносить лавки и столы из одной комнаты в другую, и возня поднимается страшная, но, несмотря на то, как только учитель готов, ученики готовы, и тому, кто задерживает начало класса, достается от них же самих.

Я должен оговориться. Представляя описание Яснополянской школы, я не думаю представлять образец того, что нужно и хорошо для школы, но думаю представить только действительное описание школы. Я полагаю, что такие описания могут принести пользу. Если мне удастся в следующих номерах представить ясно историю развития школы, то читателю будут понятно, почему характер школы сложился именно такой, почему я считаю такой порядок хорошим и почему изменить его, ежели бы даже я захотел, мне было бы совершенно невозможно. Школа развилась свободно из начал, вносимых в нее учителем и учениками. Несмотря на все преимущество влияния учителя, ученик всегда имел право не ходить в школу и даже, ходя в школу, не слушать учителя. Учитель имел право не пускать к себе ученика и имел возможность действовать всей силой своего влияния на большинство учеников, на общество, всегда составляющееся из школьников. Чем дальше идут ученики, тем больше разветвляется преподавание и тем необходимее становится порядок. Вследствие того, при нормальном, ненасильственном развитии школы, чем более образовываются ученики, тем они становятся способнее к порядку, тем силь-

нее чувствуется ими самими потребность порядка и тем сильнее на них в этом отношении влияние учителя. В Яснополянской школе это правило подтверждалось постоянно, со дня ее основания. Вначале нельзя было подразделить ни на классы, ни на предметы, ни на рекреацию и уроки, — все само собой сливалось в одно, и все попытки распределений оставались тщетны. Теперь же в первом классе есть ученики, которые сами требуют следования расписанию, недовольны, когда их отрываешь от урока, и которые сами беспрестанно выгоняют вон маленьких, забегающих к ним.

По моему мнению, внешний беспорядок этот полезен и незаменим, как он ни кажется странным и неудобным для учителя. О выгодах этого устройства мне часто придется говорить, о мнимых же неудобствах скажу следующее. Во-первых, беспорядок этот, или свободный порядок, страшен нам только потому, что мы привыкли к совсем другому, в котором сами воспитаны. Во-вторых, в этом, как и во многих подобных случаях, насилие употребляется только вследствие поспешности и недостатка уважения к человеческой природе. Нам кажется, беспорядок растет, делается все больше и больше, и нет ему пределов, — кажется, что нет другого средства прекратить его, как употребить силу, — а стоило только немного подождать, и беспорядок (или оживление) сам естественно улегся бы в порядок, гораздо лучший и прочнейший, чем тот, который мы выдумаем. Школьники — люди хотя и маленькие, но люди, имеющие те же потребности, какие и мы, и теми же путями мыслящие; они все хотят учиться, затем только и ходят в школу, и потому им весьма легко будет дойти до заключения, что нужно подчиняться известным условиям для того, чтоб учиться. Мало того, что они люди, они — общество людей, соединенное одной мыслью. «А где трое соберутся во имя мое, и я между ними». Подчиняясь законам только естественным, вытекающим из их природы, они не возмущаются и не ропщут, подчиняясь вашему преждевременному вмешательству, они не верят в законность ваших звонков, расписаний и правил. Сколько раз мне случалось видеть, как ребята подерутся — учитель бросается разнимать их, и разведенные враги косятся друг на друга и даже при грозном учителе не удержатся, чтобы еще больнее, чем прежде, напоследках не толкнуть один другого. Сколько раз я каждый день вижу, как какой-нибудь Кирюшка, стиснув зубы, налетит на Тараску, зацепит его за виски, валит на землю и, кажется, хочет жив не остаться — изуродовать врага, а не пройдет минуты, Тараска уже смеется из-под Кирюшки; один, раз за разом, все легче отплачивает другому, и не пройдет пяти минут, как оба делаются друзьями и идут садиться рядом. Недавно, между классами, в углу сцепились два мальчика; один — замечательный математик, лет девяти, II класса, другой — стриженый дворовый, умный, но мстительный, крошечный, черноглазый мальчик, прозванный Кыской. Кыска сцапал за длинные виски математика и прижал ему голову к стене; математик тщетно цеплял за стриженую щетину Кыски. Черные глазенки Кыски торжествовали. Математик едва удерживался от слез и говорил: «Ну, ну, что, что?», — но ему, видно, плохо приходилось, и он только храбрился. Это про-

должалось довольно долго, и я был в нерешительности, что делать. «Дерутся, дерутся!» закричали ребята и столпились около угла. Маленькие смеялись, но большие, хотя и не стали разнимать, как-то серьезно переглянулись, и эти взгляды и молчание не ушли от Кыски. Он понял, что делает что-то нехорошее, и начал преступно улыбаться и отпускать понемногу виски математика. Математик вывернулся, толкнул Кыску так, что тот ударился головой о стену, и, удовлетворенный, отошел. Кыска заплакал, пустился за своим врагом, из всей силы ударил его по шубе, но не больно. Математик хотел было отплатить, но в ту же минуту раздалось несколько неодобрительных голосов. «Вишь, с маленьким связался! — закричали зрители. — Удирай, Кыска!» Дело тем и кончилось, как будто его и не было, исключая, я предполагаю, смутного сознания того и другого, что драться неприятно, потому что обоим больно. Здесь мне удалось как будто подметить чувство справедливости, руководившее толпой, но сколько раз решаются такие дела так, что не поймешь, на основании какого закона, но решаются, удовлетворяя обе стороны. Как произвольны и несправедливы в сравнении с этим все воспитательные приемы в таких случаях! «Вы оба виноваты, станьте на колени!» говорит воспитатель, и воспитатель неправ, потому что виноват один, и этот один торжествует, стоя на коленках и пережевывая свою не всю вылившуюся злобу, и вдвойне наказан невинный. Или: «Ты виноват в том, что ты то-то и то-то сделал, и будешь наказан», скажет воспитатель, и наказанный еще больше ненавидит своего врага за то, что на его стороне деспотическая власть, законности которой он не признает. Или: «Прости его, так бог велит, и будь лучше его», скажет воспитатель. Вы ему говорите: будь лучше его, а он хочет быть только сильней и другого *лучше* не понимает и не может понимать. Или: «Вы оба виноваты: попросите друг у друга прощения и поцелуйтесь, детки». Это уж хуже всего — и по неправде выдуманности этого поцелуя и потому, что утихавшее дурное чувство тут вновь загорается. А оставьте их одних, ежели вы не отец, не мать, которым просто жаль свое детище и которые потому всегда правы, оттаскав за вихры того, кто прибил их сына, оставьте их и посмотрите, как это все разъясняется и укладывается так же просто и естественно и вместе так же сложно и разнообразно, как все бессознательные жизненные отношения. Но, может быть, учителя, не испытавши такого беспорядка, или свободного порядка, подумают, что без учительского вмешательства беспорядок этот может иметь физически вредные последствия: перебьются, переломаются и т. п. В Яснополянской школе с прошлой весны было два только случая ушибов с знаками: одного мальчика столкнули с крыльца, и он рассек себе ногу до кости (рана зажила в две недели), другому обожгли щеку зажженной резинкой, и он недели две носил болячку. Не больше как раз в неделю случится, что поплачет кто-нибудь, и то не от боли, а от досады или стыда. Побоев, синяков, шишек, кроме этих двух случаев, мы не можем вспомнить за все лето, при 30 и 40 учениках, предоставленных вполне своей воле.

Я убежден, что школа не должна вмешиваться в дело воспита-

ния, подлежащее только семейству, что школа не должна и не имеет права награждать и наказывать, что лучшая полиция и администрация школы состоит в предоставлении полной свободы ученикам учиться и ведаться между собой, как им хочется. Я убежден в этом, но, несмотря на то, старые привычки воспитательных школ так сильны в нас, что мы в Яснополянской школе нередко отступаем от этого правила. Прошлым полугодием, именно в ноябре, было два случая наказаний.

Во время класса рисования недавно прибывший учитель заметил мальчика, который кричал, не слушая учителя, и неистово бил своих соседей без всякой причины. Не найдя возможности успокоить его словами, учитель вывел его с места и взял у него доску — это было наказание. Мальчик обливался все время урока слезами. Это был тот самый мальчик, которого я вначале Яснополянской школы не принял, сочтя его за безнадежного идиота. Главные черты мальчика: тупость и кротость. Товарищи никогда не принимают его в игры, смеются, издеваются над ним и сами с удивлением рассказывают: «Какой чудной Петька! Побьешь — его маленькие и те бьют, — а он встряхнется и пойдет прочь». — «Совсем у него сердца нет», — сказал мне про него один мальчик. Ежели такого мальчика довели до того состояния ярости, за которое его наказал учитель, то виноват был, верно, не наказанный. — Другой случай. Летом, во время перестройки дома, из физического кабинета пропала лейденская банка, несколько раз пропадали карандаши и пропали книжки уже в то время, когда ни плотников, ни маляров не работало в доме. Мы спросили мальчиков: лучшие ученики, первые школьники по времени, старые друзья наши, покраснели и заробели так, что всякий следователь подумал бы, что замешательство это есть верное доказательство их вины. Но я знал их и мог ручаться за них, как за себя. Я понял, что одна мысль подозрения глубоко и больно оскорбила их: мальчик, которого я назову Федором, даровитая и нежная натура, весь бледный, дрожал и плакал. Они обещались сказать, ежели узнают, но искать отказались. Через несколько дней открылся вор — дворовый мальчик из дальней деревни. Он увлек за собой крестьянского мальчика, приехавшего с ним из той же деревни, и они вместе прятали краденые вещи в сундучок. Открытие это произвело странное чувство в товарищах: как будто облегчение и даже радость и вместе с тем презрение и сожаление к вору. Мы предложили им самим назначить наказание: одни требовали высечь вора, но непременно самим, другие говорили: ярлык пришить с надписью вор. Это наказание, к стыду нашему, было употребляемо нами прежде, и именно тот самый мальчик, который год тому назад сам носил ярлык с надписью *лгун,* настоятельнее всех требовал теперь ярлыка на вора. Мы согласились на ярлык, и когда девочка нашивала ярлык, все ученики с злой радостью смотрели и подтрунивали над наказанным. Они требовали еще усиления наказания: «Провести их по деревне, оставить их до праздника с ярлыками», — говорили они. Наказанные плакали. Крестьянский мальчик, увлеченный товарищем, даровитый рассказчик и шутник, толстенький белый карапузик, плакал просто распущенно, во всю ребячью мочь;

другой, главный преступник, горбоносый, с сухими чертами умного лица, был бледен, губы у него тряслись, глаза дико и злобно смотрели на радующихся товарищей и изредка, неестественно у него в плач искривлялось лицо. Фуражка с разорванным козырьком была надета на самый затылок, волосы растрепаны, платье испачкано мелом. Все это меня и всех поразило теперь так, как будто мы в первый раз это видели. Недоброжелательное внимание всех было устремлено на него. И он это больно чувствовал. Когда он, не оглядываясь, опустив голову, какой-то особенной преступной походкой, как мне показалось, пошел домой, и ребята, толпой бежа за ним, дразнили его как-то ненатурально и странно жестоко, как будто против их воли злой дух руководил ими, что-то мне говорило, что это нехорошо. Но дело осталось как было, и вор проходил с ярлыком целые сутки. С этого времени он стал, как мне показалось, хуже учиться, и уже его не видно бывало в играх и разговорах с товарищами вне класса.

Раз я пришел в класс, все школьники с каким-то ужасом объявили мне, что мальчик этот опять украл. Из комнаты учителя он утащил 20 коп. медных денег, и его застали, когда он их прятал под лестницей. Мы опять навесили ему ярлык, — опять началась та же уродливая сцена. Я стал увещевать его, как увещевают все воспитатели; бывший при этом уже взрослый мальчик, говорун, стал увещевать его тоже, повторяя слова, вероятно, слышанные им от отца-дворника. — «Раз украл, другой украл, — говорил он складно и степенно, — привычку возьмет, до добра не доведет». Мне начинало становиться досадно. Я чувствовал почти злобу на вора. Я взглянул в лицо наказанного, еще более бледное, страдающее и жестокое, вспомнил почему-то колодников, и мне так вдруг стало совестно и гадко, что я сдернул с него глупый ярлык, велел ему итти, куда он хочет, и убедился вдруг, не умом, а всем существом убедился, что я не имею права мучить этого несчастного ребенка и что я не могу сделать из него то, что бы мне и дворникову сыну хотелось из него сделать. Я убедился, что есть тайны души, закрытые от нас, на которые может действовать жизнь, а не нравоучения и наказания. И что за дичь? Мальчик украл книгу, — целым, длинным, многосложным путем чувств, мыслей, ошибочных умозаключений приведен был к тому, что взял чужую книжку и зачем-то запер ее в свой сундук, а я налепляю ему бумажку со словами «вор», которые значат совсем другое! Зачем? «Наказать его стыдом», скажут мне. Наказать его стыдом? Зачем? Что такое стыд? И разве известно, что стыд уничтожает наклонность к воровству? Может быть, он поощряет ее. То, что выражалось на его лице, может быть, было не стыд? Даже наверно я знаю, что это был не стыд, а что-то совсем другое, что, может быть, спало бы всегда в его душе и что не нужно было вызывать. Пускай там, в мире, который называют действительным, в мире Пальмерстонов, Кайэн, в мире, где разумно не то, что разумно, а то, что действительно, — пускай там люди, сами наказанные, выдумают себе права и обязанности наказывать. Наш мир детей — людей простых, независимых — должен оставаться чист от самообманыва-

ния и преступной веры в законность наказания, веры и самообманывания в то, что чувство мести становится справедливым, как скоро его назовем наказанием...

Продолжаем описание дневного порядка учения. Часа в два проголодавшиеся ребята бегут домой. Несмотря на голод, они, однако, еще остаются несколько минут, чтобы узнать, кому какие отметки. Отметки в настоящее время, не дающие никому преимущества, страшно занимают их! — «Мне 5 с крестом, а Ольгушке нолю какую здоровую закатили!.. А мне 4!» — кричат они. Отметки служат для них самих оценкой их труда, и недовольство отметками бывает только тогда, когда оценка сделана неверно. Беда, ежели он старался, и учитель, просмотрев, поставит ему меньше того, чего он стоит. Он не даст покою учителю и плачет горькими слезами, ежели не добьется изменения. Дурные отметки, но заслуженные, остаются без протеста. Отметки, впрочем, остаются только от старого порядка и сами собой начинают падать.

В первый после обеда урок, после роспуска, собираются точно так же, как утром, и так же дожидаются учителя. Большей частью это бывает урок священной или русской истории, на который собираются все классы. Урок этот начинается обыкновенно еще сумерками. Учитель становится или садится посредине комнаты, а толпа размещается вокруг него амфитеатром — кто на лавках, кто на столах, кто на подоконниках.

Все вечерние уроки, а особенно этот первый, имеют совершенно особенный от утренних характер спокойствия, мечтательности и поэтичности. Придите в школу сумерками — огня в окнах не видно, почти тихо, только вновь натасканный снег на ступени лестницы, слабый гул и шевеленье за дверью, да какой-нибудь мальчуган, ухватившись за перила, через две ступени шагающий наверх по лестнице, доказывают, что ученики в школе. Войдите в комнату. Уж почти темно за замерзшими окнами; старшие, лучшие ученики прижаты другими к самому учителю и, задрав головки, смотрят ему прямо в рот. Дворовая самостоятельная девочка с озабоченным лицом сидит всегда на высоком столе, — так и кажется, каждое слово глотает; поплоше ребята, мелкота, сидят подальше, они слушают внимательно, даже сердито, они держат себя так же, как и большие, но, несмотря на все внимание, мы знаем, что они ничего не расскажут, хотя и многое запомнят. Кто навалился на плечи другому, кто вовсе стоит на столе. Редко кто, втиснувшись в самую средину толпы, за чьей-нибудь спиной занимается выписыванием ногтем каких-нибудь фигур на этой спине. Редко кто оглянется на вас. Когда идет новый рассказ — все замерли, слушают. Когда повторение — тут и там раздаются самолюбивые голоса, не могущие выдержать, чтобы не подсказать учителю. Впрочем, и старую историю, которую любят, они просят учителя повторить всю своими словами и не позволяют перебивать учителя. «Ну ты, не терпится?.. молчи!» — крикнут на выскочку. Им больно, что перебивают характер и художественность рассказа учителя. Последнее время это была история жизни Христа. Они всякий раз требовали рассказать ее всю. Ежели

не всю им рассказывали, то они сами дополняли любимый конец — историю отречения Петра и страдания Спасителя. Кажется, все мертво, не шелохнется, — не заснули ли? Подойдешь в полутьме, взглянешь в лицо какому-нибудь маленькому — он сидит, впившись глазами в учителя, сморщивши лоб от внимания, и десятый раз отталкивает с плеча навалившуюся на него руку товарища. Вы щекотите его за шею — он даже не улыбнется, согнет головку, как будто отгоняясь от мухи, и опять весь отдается таинственному и поэтическому рассказу: как сама разорвалась церковная завеса и темно сделалось на земле, — ему и жутко и хорошо. Но вот учитель кончил рассказывать, и все поднимаются с места и, толпясь к учителю, перекрикивая один другого, стараются пересказать все, что удержано ими. Крик поднимается страшный, и учитель насилу может следить за всеми. Те, которым запретили говорить, в уверенности, что они знают, не успокаиваются этим: они приступают к другому учителю, ежели его нет — к товарищу, к постороннему, к истопнику даже, ходят из угла в угол подвое, потрое, прося каждого их послушать. Редко кто рассказывает один. Они сами отбираются группами, равными по силам, и рассказывают, поощряя, поджидая и поправляя один другого. «Ну, давай с тобой», — говорит один другому, но тот, к кому обращаются, знает, что он ему не по силам, и отсылает его к другому. Как только повысказались, успокоились, приносят свечи, и уже другое настроение находит на мальчиков.

По вечерам вообще и в следующих классах меньше возни, криков, больше покорности, доверия учителю. Особенное отвращение заметно от математики и анализа и охота к пению, чтению и особенно к рассказам. «Что все математику да писать — рассказывать лучше... о земле, или хоть историю, а мы послушаем», — говорят они. Часов в 8 уже глаза соловеют, начинают позевывать, свечки темнее горят — реже снимают, старшие удерживаются, младшие — худшие засыпают, облокотившись на стол под приятные звуки говора учителя. Иногда, когда классы бывают интересны и их было много (иногда бывает до семи больших часов в день), и ребята устали, или перед праздником, когда дома печки приготовлены париться, вдруг, не говоря ни слова, на втором или третьем послеобеденном классе два или три мальчика забегают в комнату и спеша разбирают шапки. «Что вы?» — «Домой». — «А учиться? Ведь пение!» — «А ребята говорят: домой!» — отвечает он, ускользая с своей шапкой. «Да кто говорит?» — «Ребята пошли!» — «Как же, как? — спрашивает озадаченный учитель, приготовивший свой урок. — Останься!» Но в комнату вбегает другой мальчик с разгоряченным, озабоченным лицом. «Что стоишь?» — сердито нападает он на удержанного, который в нерешительности заправляет хлопки в шапку: — «Ребята уж во-он где, у кузни уж небось». — «Пошли?» — «Пошли». И оба бегут вон, из-за двери крича: «Прощайте, Иван Иванович!» И кто такие эти ребята, которые решили итти домой, как они решили, — бог их знает. Кто именно решил, вы никак не найдете. Они не совещались, не делали заговора, а так вздумали ребята домой. «Ребята идут!» — и застучали ножонки по ступенькам, кто котом свалился со ступеней, и, подпрыгивая и бултыхаясь в снег, обегая по

узкой дорожке друг друга, с криком побежали домой ребята. Такие случаи повторяются раз и два в неделю. Оно обидно и неприятно для учителя — кто не согласится с этим, но кто не согласится тоже, что вследствие одного такого случая насколько большее значение получают те пять, шесть, а иногда семь уроков в день для каждого класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками. Только при повторении таких случаев можно быть уверенным, что преподавание, хотя и недостаточное и одностороннее, не совсем дурно и не вредно. Ежели бы вопрос был поставлен так: что лучше — чтобы в продолжение года не было ни одного такого случая или чтобы случаи эти повторялись больше, чем наполовину уроков, — мы бы выбрали последнее. Я, по крайней мере, в Яснополянской школе был рад этим, несколько раз в месяц повторявшимся случаям. Несмотря на частые повторения ребятам, что они могут уходить всегда, когда им хочется, влияние учителя так сильно, что я боялся последнее время, как бы дисциплина классов, расписаний и отметок, незаметно для них, не стеснила их свободы так, чтоб они совсем не покорились хитрости нашей расставленной сети порядка, чтобы не утратили возможности выбора и протеста. Ежели они продолжают ходить охотно, несмотря на предоставленную им свободу, я никак не думаю, чтоб это доказывало особенные качества Яснополянской школы, — я думаю, что в большей части школ то же самое бы повторилось и что желание учиться в детях так сильно, что для удовлетворения этого желания они подчинятся многим трудным условиям и простят много недостатков. Возможность таких убеганий полезна и необходима только как средство застрахования учителя от самых сильных и грубых ошибок и злоупотреблений.

По вечерам бывает пение, постепенное чтение, беседы, физические эксперименты и писание сочинений. Любимые из этих предметов — чтение и опыты. В чтении старшие укладываются на большом столе звездой — головами вместе, ногами врозь — один читает и все друг другу рассказывают. Младшие по два усаживаются за книжки и, если книжечка эта понятна, читают, как мы читаем — пристраиваются к свету и облокачиваются попокойнее и, видимо, получают удовольствие. Некоторые, стараясь соединить два удовольствия, садятся против топящейся печки — греются и читают. В классы опытов пускаются не все — только старшие и лучшие, рассудительнейшие из II класса. Этот класс по характеру, который он принял у нас, самый вечерний, самый фантастический, совершенно подходящий к настроению, вызванному чтением сказок. Тут сказочное происходит в действительности — все олицетворяется ими: можжевеловый шарик, отталкиваемый сургучом, отклоняющаяся магнитная иголка, опилки, бегающие по листу бумаги, под которым водят магнитом, представляются им живыми существами. Самые умные, понимающие объяснение этих явлений мальчики увлекаются и начинают ухать на иголку, на шарик, на опилки: «Вишь ты! Куды? куды? Держи! ух! закатывай!» и т. п.

Обыкновенно классы кончаются часов в 8—9, ежели только столярство не задержит старших мальчиков дольше, и вся ватага с криком бежит вместе до двора и оттуда группами, перекрикивающимися

друг с другом, начинают расходиться по разным концам деревни. Иногда они затевают скатиться на больших санях, выдвинутых за ворота, под гору к деревне, — подвязывают оглобли, валятся на средину и в снежной пыли с визгом скрываются из глаз, кое-где на дороге оставляя черные пятна вывалившихся ребят. Вне училища, несмотря на всю свободу его, на воздухе, между учениками и учителем устанавливаются новые отношения — большей свободы, большей простоты и большего доверия, — те самые отношения, которые представляются нам идеалом того, к чему должна стремиться школа.

Недавно мы в I классе читали «*Вия*» Гоголя; последние сцены подействовали сильно и раздражили их воображение, — некоторые в лицах представляли ведьму, и все вспоминали последнюю ночь.

На дворе было не холодно — зимняя безмесячная ночь с тучами на небе. На перекрестке мы остановились; старшие, трехлетние школьники, остановились около меня, приглашая проводить их еще; маленькие поглядели — и закатились под гору. Младшие начали учиться при новом учителе, и между мной и ими уже нет того доверия, как между мной и старшими. «Ну, так пойдем в заказ» (небольшой лес, шагах в 200 от жилья), сказал один из них. Больше всех просил Федька, мальчик лет 10, нежная, восприимчивая, поэтическая и лихая натура. Опасность для него составляет, кажется, самое главное условие удовольствия. Летом всегда бывало страшно смотреть, как он с другими двумя ребятами выплывал на самую средину пруда, сажен в 50 ширины, и изредка пропадал в жарких отражениях летнего солнца; плавал по глубине, перевертываясь на спину, пуская струйки воды и окликая тонким голоском товарищей на берегу, чтобы видели, какой он молодец. Теперь он знал, что в лесу есть волки, поэтому ему хотелось в заказ. Все подхватили, и мы вчетвером пошли в лес. Другой — я назову его Семка — здоровенный и физически и морально, малый лет 12, прозванный Вавило, шел впереди и все кричал и аукался с кем-то заливистым голосом. Пронька — болезненный, кроткий и чрезвычайно даровитый мальчик, сын бедной семьи, — болезненный, кажется, больше всего от недостатка пищи, — шел рядом со мной. Федька шел между мной и Семкой и все заговаривал особенно мягким голосом, то рассказывая, как он летом стерег здесь лошадей, то говоря, что ничего не страшно, а то спрашивая: «Что, ежели какой-нибудь выскочит?» и непременно требуя, чтоб я что-нибудь сказал на это. Мы не вошли в средину леса — это было бы уже слишком страшно, но и около леса стало темнее: дорожка чуть виднелась, огни деревни скрылись из виду. Семка остановился и стал прислушиваться. «Стой, ребята! Что такое?» — вдруг сказал он. Мы замолкли, но ничего не было слышно; все-таки страху еще прибавилось. «Ну, что же мы станем делать, как он выскочит... да за нами?» — спросил Федька. Мы разговорились о кавказских разбойниках. Они вспомнили кавказскую историю, которую я им рассказывал давно, и я стал опять рассказывать об абреках, о казаках, о Хаджи-Мурате. Семка шел впереди, широко ступая своими большими сапогами и мерно раскачивая здоровой спиной. Пронька попытался было итти рядом со мной, но Федька сбил его с дорожки, и Пронька, должно быть, по своей бедности всегда всем покоряющийся,

только в самых интересных местах забегал сбоку, хотя и по колено утопая в снегу.

Всякий замечал, кто немного знает крестьянских детей, что они не привыкли и терпеть не могут всяких ласк — нежных слов, поцелуев, трогания рукой и т. п. Мне случалось видеть, как дама в крестьянской школе, желая обласкать мальчика, скажет: «Ну, уж я тебя поцелую, милашка!» — и поцелует, и как этот поцелованный мальчик стыдится, обижается и недоумевает, за что именно это с ним сделали; мальчик лет пяти становится уже выше этих ласканий — он уж малый. Поэтому-то меня особенно поразило, когда Федька, шедший рядом со мной, в самом страшном месте рассказа, вдруг дотронулся до меня слегка рукавом, потом всей рукой ухватил меня за два пальца и уже не выпускал их. Только что я замолкал, Федька уже требовал, чтоб я говорил еще, и таким умоляющим и взволнованным голосом, что нельзя было не исполнить его желания. «Ну, ты, суйся под ноги!» — сказал он раз сердито Проньке, забежавшему вперед; он был увлечен до жестокости, — ему было так жутко и хорошо, держась за мой палец, и никто не должен был сметь нарушать его удовольствие. «Ну, еще, еще! Вот хорошо-то!» Мы прошли лес и стали с другого конца подходить к деревне. «Пойдем еще, — заговорили все, когда уже стали видны огни, — еще пройдемся». Мы молча шли, кое-где проваливаясь по рыхлой, плохо наезженной дорожке; белая темнота как будто качалась пред глазами; тучи были низкие, как будто на нас что-то наваливало их; конца не было этому *белому,* в котором только мы одни хрустели по снегу; ветер шумел по голым макушкам осин, а нам было тихо за лесом. Я кончил рассказ тем, что окруженный абрек запел песни и потом сам бросился на кинжал. Все молчали. «Зачем же он песню запел, когда его окружили?» — спросил Семка. «Ведь тебе сказывали — умирать собрался!» — отвечал огорченно Федька. «Я думаю, что молитву он запел!» — прибавил Пронька. Все согласились. Федька остановился вдруг: «А как, вы говорили, вашу тетку зарезали?» — спросил он, — ему мало еще было страхов. «Расскажи! расскажи!» Я им рассказал еще раз эту страшную историю убийства графини Толстой, и они молча стояли вокруг меня, глядя мне в лицо. «Попался молодец!», — сказал Семка. «То-то страшно ему было ночью ходить, как она зарезанная лежала! — сказал Федька, — я бы убежал!» и он все дальше забирал себе в руки мои два пальца. Мы остановились в роще, за гумнами, под самым краем деревни. Семка поднял хворостину из снегу и бил ею по морозному стволу липы. Иней сыпался с сучьев на шапку, и звук одиноко раздавался по лесу: «Лев Николаевич, — сказал Федька (я думал — он опять о графине), — для чего учиться пению? Я часто думаю, право, зачем петь?»

Как он перескочил от ужаса убийства на этот вопрос — бог его знает, но по всему: по звуку голоса, по серьезности, с которой он добивался ответа, по молчанию интереса других двух, чувствовалась самая живая и законная связь этого вопроса с предыдущим разговором. Была ли эта связь в том, что он отвечал на мое объяснение возможности преступления необразованием (я говорил им это), или в том, что он поверял себя, переносясь в душу убийцы и вспоминая свое

любимое дело (у него чудесный голос и огромный талант к музыке), или связь состояла в том, что он чувствовал, что теперь время искренней беседы, и поднялись в его душе все вопросы, требующие разрешения, — только вопрос его не удивил никого из нас. — «А зачем рисование, зачем хорошо писать?» — сказал я, решительно не зная, как объяснить ему, для чего искусство. — «Зачем рисование?» — повторил он задумчиво. Он именно спрашивал: зачем искусство? Я не смел и не умел объяснить. — «Зачем рисование? — сказал Семка, — нарисуешь все, всякую вещь по ней сделаешь!» — «Нет, это черчение», — сказал Федька. — «А зачем фигуры рисовать?» Здоровая натура Семки не затруднилась: «Зачем палка? зачем липа?» — сказал он, все постукивая по липе. «Ну-да, зачем липа?» — сказал я. — «Стропила сделать», — отвечал Семка. — «А еще летом зачем, — покуда она не срублена?» — «Да ни зачем». — «Нет, в самом деле, — упорно допрашивал Федька, — зачем растет липа?» И мы стали говорить о том, что не все есть польза, а есть красота, и что искусство есть красота, и мы поняли друг друга, и Федька совсем понял, зачем липа растет и зачем петь. Пронька согласился с нами, но он понимал более красоту нравственную — добро. Семка понимал своим большим умом, но не признавал красоты без пользы. Он сомневался, как это часто бывает с людьми большого ума, чувствующими, что искусство есть сила, но не чувствующими в своей душе потребности этой силы; он так же, как они, хотел умом притти к искусству и пытался зажечь в себе этот огонь. — «Будем петь завтра *Иже*, — я помню свой голос». У него верный слух, но нет вкуса, изящества в пении. Федька же совершенно понимал, что липа хороша в листьях, и летом хорошо смотреть на нее, и больше ничего не надо. Пронька понимал, что жалко ее срубить, потому что она тоже живая: «ведь это все равно, что кровь, когда из березы сок пьем». Семка, хотя и говорил, но, видимо, думал, что мало в ней проку, когда она трухлявая. Мне странно повторить, что мы говорили тогда, но, я помню, мы переговорили, как мне кажется, все, что сказать можно о пользе, о красоте пластической и нравственной.

Мы пошли к деревне. Федька все не пускал моей руки, — теперь, мне казалось, уже из благодарности. Мы все были так близки в эту ночь, как давно уже не были. Пронька пошел рядом с нами по широкой дороге деревни. — «Вишь, огонь еще у Мазановых! — сказал он. — Я нынче в класс шел, Гаврюха из кабака ехал, — прибавил он, — пья-я-я-ный, распьяный; лошадь вся в мыле, а он то ее ожаривает... Я всегда жалею. Право! За что ее бить?» — «А надысь батя, — сказал Семка, — пустил свою лошадь из Тулы, она его в сугроб и завезла, а он спит пьяный». — «А Гаврюха так по глазам свою и хлещет... и так мне жалко стало! — еще раз сказал Пронька. — За что он ее бил? Слез да и хлещет». Семка вдруг остановился. — «Наши уже спят, — сказал он, вглядываясь в окна своей кривой черной избы. — Не пойдете еще?» — «Нет». — «Пра-а-а-щайте, Лев Николаевич!» — крикнул он вдруг и, как будто с усилием оторвавшись от нас, рысью побежал к дому, поднял щеколду и скрылся. — «Так ты и будешь разводить нас — сперва одного, а потом другого?», — сказал Федька. Мы пошли дальше. У Проньки был огонь; мы заглянули в окно: мать, высокая,

красивая, но изнуренная женщина с черными бровями и глазами, сидела за столом и чистила картошку; на средине висела люлька; математик II класса, другой брат Проньки, стоял у стола и ел картошку с солью. Изба была черная, крошечная, грязная. — «Пропасти на тебя нет! — закричала мать на Проньку. — Где был?» — Пронька кротко и болезненно улыбнулся, глядя на окошко. Мать догадалась, что он не один, и сейчас переменила выражение на нехорошее, притворное выражение. Остался один Федька. — «У нас портные сидят, оттого свет», — сказал он своим смягченным голосом нынешнего вечера. — «Прощай, Лев Николаевич», — прибавил он тихо и нежно и начал стучать кольцом в запертую дверь. — «Отоприте!» — прозвучал его тонкий голосок среди зимней тишины деревни. Ему долго не отворяли. Я заглянул в окно: изба была большая; с печи и лавки виднелись ноги; отец с портными играл в карты, — несколько медных денег лежало на столе. Баба, мачеха, сидела у светца и жадно глядела на деньги. Портной, прожженный ерыга, молодой мужик, держал на столе карты, согнутые лубком, и с торжеством глядел на партнера. Отец Федьки, с расстегнутым воротником, весь сморщившись от умственного напряжения и досады, переминал карты и в нерешительности сверху замахивался на них своей рабочей рукой. — «Отоприте!» Баба встала и пошла отпирать. — «Прощайте! — еще раз повторил Федька. — Всегда так давайте ходить».

Я вижу людей честных, добрых, либеральных, членов благотворительных обществ, которые готовы дать и дают одну сотую своего состояния бедным, которые учредили и учреждают школы и которые, прочтя это, скажут: не хорошо! — и покачают головой. «Зачем усиленно развивать их? Зачем давать им чувства и понятия, которые враждебно поставят их в своей среде? Зачем выводить их из своего быта?» — скажут они. Я не говорю уже о тех, выдающих себя головой, которые скажут: «хорошо будет устройство государства, когда все захотят быть мыслителями и художниками, а работать никто не станет!» Эти прямо говорят, что они не любят работать, и потому нужно, чтобы были люди, не то что неспособные для другой деятельности, а рабы, которые бы работали за других. Хорошо ли, дурно ли, должно ли выводить их из их среды и т. д. — кто это знает? И кто может вывести их из своей среды? Точно это какое-нибудь механическое дело. Хорошо ли, или дурно подбавлять сахар в муку или перец в пиво? Федька не тяготится своим оборванным кафтанишком, но нравственные вопросы и сомнения мучат Федьку, а вы хотите дать ему три рубля, катехизис и историйку о том, как работа и смирение, которых вы сами терпеть не можете, одни полезны для человека. Три рубля ему не нужны, он их найдет и возьмет, когда они ему понадобятся, а работать научится без вас — так же, как дышать; ему нужно то, до чего довела вас жизнь ваша и ваших десяти незабитых работой поколений. Вы имели досуг искать, думать, страдать — дайте же ему то, что вы выстрадали: ему этого одного и нужно, а вы, как египетский жрец, закрываетесь от него таинственной мантией, зарываете в землю талант, данный вам историей. Не бойтесь: человеку ничто человеческое не вредно. Вы сомневаетесь?

Отдайтесь чувству, и оно не обманет вас. Поверьте его природе, и вы убедитесь, что он возьмет только то, что заповедала вам передать ему история, что страданиями выработалось в вас.

Школа — бесплатная, и первые по времени ученики — из деревни Ясной Поляны. Многие из этих учеников вышли из школы, потому что родители их сочли учение нехорошим; многие, выучившись читать и писать, бросили ходить — нанялись на станцию (главный промысел нашей деревни). Из соседних небогатых деревень привозили сначала, но по неудобству ходить или отдавать на харчи (у нас берут самое дешевое 2 руб. сер. в месяц) скоро взяли назад. Из дальних деревень побогаче мужики польстились бесплатностью и распространившейся молвой в народе, что в Яснополянской школе учат хорошо, отдали было детей, но в нынешнюю зиму, при открытии школ по селам, взяли их назад и поместили в платных сельских школах. Остались в Яснополянской школе дети яснополянских мужиков, которые ходят по зимам, летом же, с апреля по половину октября, работают в поле, и дети дворников, приказчиков, солдат, дворовых, целовальников, дьячков и богатых мужиков, которые привезены верст за тридцать и пятьдесят.

Числом всех учеников до 40, но редко бывает больше 30 вместе. Девочек 10-й, 6-й процент, — от 3 до 5 у нас. Мальчики от 7-го до 13-го года — самый обыкновенный, нормальный возраст. Кроме того, всякий год бывает человека 3—4 взрослых, которые походят месяц, иногда всю зиму — и совсем бросят. Для взрослых, поодиночке ходящих в школу, порядок школы весьма неудобен. Они, по своим годам и по чувству достоинства, не могут принять участия в оживлении школы, не могут отрешиться от презрения к ребятам и остаются совсем одиноки. Оживление школы им только мешает. Они приходят большей частью доучиваться, уже кое-что зная, и с убеждением, что учение есть только то самое заучивание книжки, про которое они слыхали или которое даже испытали прежде. Для того, чтобы притти в школу, ему нужно было преодолеть свой страх и дичливость, выдержать семейную грозу и насмешки товарищей: «Вишь, мерин какой учиться ходит!» И, кроме того, он постоянно чувствует, что каждый потерянный день в школе есть потерянный день для работы, составляющей его единственный капитал, и потому все время в школе он находится в раздраженном состоянии поспешности и усердия, которые больше всего вредят ученью. За то время, которое я пишу, было три таких взрослых, из которых один и теперь учится. Взрослые в школе — точно на пожаре: только что он кончает писать, в тот же момент, как кладет одной рукой перо, он другой захватывает книжку и стоя начинает читать; только что у него взяли книгу — он берется за грифельную доску; когда и это отнимут у него — он совсем потерян. Был один работник, который учился и топил в школе нынешней осенью. Он в две недели выучился читать и писать, но это было не учение, а какая-то болезнь вроде запоя. Проходя с дровами через класс, он останавливался и, с дровами в руках, перегибаясь через голову мальчика, складывал *с-к-а — ска* и шел к своему месту. Когда он этого не успевал сделать, то с завистью, с злобой почти, смотрел

на ребят; когда же он был свободен, то с ним нельзя было ничего сделать: он впивался в свою книгу, твердя *б-а — ба, р-и — ри* и т. д., и, находясь в этом состоянии, он лишался способности понимать что-либо другое. Когда взрослым случалось петь или рисовать, или слушать рассказ истории, или смотреть опыты, видно было, что они покорялись жестокой необходимости и, как голодные, оторванные от своего корма, ждали только минуты опять впиться в книгу с азами. Оставаясь верен своему правилу, я не заставлял как мальчика учить азбучку, когда ему этого не хотелось, так и взрослого учиться механике или черчению, когда ему хотелось азбучку. Каждый брал то, что ему было нужно.

Вообще взрослые, *заученные* прежде, еще не нашли себе места в Яснополянской школе, и их учение идет дурно: что-то есть неестественное и болезненное в отношении их к школе. Воскресные школы, которые я видел, представляют то же самое явление относительно взрослых, и потому все сведения об успешном и свободном образовании взрослых для нас были бы драгоценнейшими приобретениями.

Взгляд народа на школу много изменился с начала ее существования. О прежнем взгляде нам придется говорить в истории Яснополянской школы; теперь же в народе говорят, что в Яснополянской школе всему учат и всем наукам, и такие дошлые есть учители, что *бяда:* гром и молнию, сказывают, приставляют! Одначе ребята хорошо понимают — читать и писать стали. Одни — богатые дворники — отдают детей из тщеславия в полную науку произвесть, чтоб и деленью занялся (деление есть высшее понятие о школьной премудрости); другие отцы полагают, что наука очень выгодна; большинство же отдает детей бессознательно, подчиняясь духу времени. Из этих мальчиков, составляющих большинство, самое радостное для нас явление представляют мальчики, отданные так, но до такой степени полюбившие учение, что отцы теперь покоряются уже желанию детей и сами бессознательно чувствуют, что что-то хорошее делается с их детьми, и не решаются брать их из школы. Один отец рассказывал мне, как он целую свечу раз сжег, держа ее над книгой сына, и очень хвалил и сына и книгу. Это было евангелие. «Мой батя тоже, — рассказывал другой школьник, — сказку другой раз послушает — посмеется да и пойдет, а божественное — так и до полуночи сидит слушает, сам светит мне». Я был с новым учителем в гостях у одного ученика и, чтобы похвастаться пред учителем, заставил ученика решить алгебраическую задачу. Мать возилась у печи, и мы забыли ее, слушая, как сын ее озабоченно и бойко, перестраивая уравнение, говорил: $2ab - c = d$, разделенному на 3, и т. п., она все время закрывалась рукой, насилу удерживаясь, и, наконец, померла со смеху и не могла объяснить нам, чему она смеялась. Другой отец, солдат, приехав за сыном, застал его в классе рисования и, увидав искусство сына, начал говорить ему «вы» и не решился в классе передать ему котелки, привезенные в гостинец. Общее мнение, мне кажется, такое: учат всему (так же, как господских детей), многому и понапрасну, но и грамоту выучивают скоро, поэтому детей отдавать можно. Ходят и недоброжелательные слухи, но имеют уже теперь мало весу. Два славные маль-

чика недавно выбыли из школы на том основании, что в школе будто бы не учат писать. Другой солдат хотел отдать своего сына, но, проэкзаменовав лучшего из наших учеников и найдя, что он с запинками читал псалтырь, решил, что учение *плохая*, только слава, что *хороша*. Кое-кто из яснополянских крестьян еще побаивается, как бы не сбылись слухи, ходившие прежде; им кажется, что учат для какого-то употребления и что того и гляди подкатят под учеников тележки да и повезут в Москву. Недовольство на то, что не бьют и нет чинности в школе, почти совсем уничтожилось, и мне часто случалось наблюдать недоумение родителя, приехавшего в школу за сыном, когда при нем начиналась беготня, возня и борьба. Он убежден, что баловство вредно, и верит, что учат хорошо, а как это соединяется — он не может понять. Гимнастика еще иногда порождает толки, и убеждение, что от нее животы откудова-то срываются, не проходит. Как только разговеются или осенью, когда поспеют овощи, гимнастика оказывает наибольший вред, и бабушки, накидывая горшки, объясняют, что всему причиной баловство и ломание. Для некоторых, хотя и малого числа, родителей даже дух равенства в школе служит предметом неудовольствий. В ноябре были две девочки, дочки богатого дворника, в салопчиках и чепчиках, сначала державшиеся особняком, но потом свыкшиеся и забывшие чай и чищенье зубов табаком и начавшие славно учиться. Приехавший родитель, в крымском тулупе нараспашку, войдя в школу, застал их раз в толпе грязных лапотников-ребят, которые, облокотившись рукой на чепчики девочек, слушали учителя; родитель обиделся и взял своих девочек из школы, хотя и не признался в причине своего неудовольствия. Есть еще, наконец, ученики, которые выбывают из школы, потому что родители, отдавшие их в школу для того, чтобы подольститься к кому-нибудь, берут детей назад, когда надобность подольститься миновалась.

Итак, предметов 12, классов 3, учеников всех 40, учителей 4, уроков в продолжение дня от 5 до 7. Учителя составляют дневники своих занятий, которые сообщают друг другу по воскресеньям и сообразно тому составляют себе планы преподавания на будущую неделю. Планы эти каждую неделю не исполняются, а изменяются сообразно требованиям учеников.

(Полное собрание сочинений, изд. 1913 г., т. IV.)

СВОБОДНАЯ ШКОЛА

(Из статьи «Воспитание и образование», 1862 г.)

Под словом «школа» я разумею не дом, в котором учатся, не учителей, не учеников, не известное направление учения, но под словом «школа» я разумею в самом общем смысле *сознательную деятельность образовывающего на образовывающихся*, т. е. одну часть образования, все равно как бы ни выражалась эта деятельность: учение артикулу рекрут есть школа, чтение публичных лекций — школа, чтение курса в магометанском училище — школа, собрание музеума и открытие его для желающих — также школа. Отвечаю на первый вопрос. Невмеша-

тельство школы в дело образования значит невмешательство школы в образование (формирование) верований, убеждений и характера образовывающегося. Достигается же это невмешательство предоставлением образовывающемуся полной свободы воспринимать то учение, которое согласно с его требованием, которое он хочет, и воспринимать настолько, насколько ему нужно, насколько он хочет, и уклоняться от того учения, которое ему не нужно и которого он не хочет.

Публичные лекции, музеумы суть лучшие образцы школ без вмешательства в воспитание. Университеты суть образцы школ со вмешательством в дело воспитания. В этих заведениях ученики связаны определенным курсом, программой, сводом избранных наук, связаны требованием экзаменов и преимущественно основанным на них, т. е. на экзаменах, предоставлением прав, или, что будет вернее, лишением прав в случае несоблюдения предписанных условий. (Студент IV курса, держащий экзамен, находится под угрозой одного из самых тяжких наказаний — потери 10 и 12-летних гимназических, университетских лишений и отнятия тех выгод, ввиду которых он переносил 12-летние лишения.) В этих заведениях все придумано так, чтобы ученик под угрозой наказания принимал на себя в образовании тот воспитательный элемент и усваивал те верования, те убеждения и тот характер, который нужен учредителям заведения. Принудительный воспитательный элемент, состоящий в исключительном выборе одного круга наук и в угрозе наказания, столь же силен и очевиден для серьезного наблюдателя, как и в том заведении с телесными наказаниями, которое поверхностные наблюдатели ставят в противоположность университетам.

Публичные лекции, число которых постоянно возрастает в Европе и Америке, наоборот, не только не обязывают к известному кругу знаний, не только не требуют внимания к себе под угрозой наказания, но требуют от учащихся еще известных пожертвований, чем самым доказывают, в противоположность первым, совершенную свободу выбора и оснований, на которых они строятся. Вот что значит вмешательство и невмешательство школы в воспитание. Если мне скажут, что такое невмешательство, возможное для высших заведений и взрослых людей, невозможно для низших и малолетних, потому что мы не видим тому примеров — публичных лекций для детей и т. п., я отвечу, что если мы не станем слишком частно понимать слово школа, а примем его в вышеприведенном определении, то мы для низшей степени знания и для низших возрастов найдем много свободно-образовательных влияний без вмешательства в воспитание, соответствующих высшим заведениям и публичным лекциям. Таковы выучивания грамоте от товарищей и братьев, таковы народные детские игры, об образовательном влиянии которых мы намерены поместить особую статью, таковы публичные зрелища, райки и т. п., таковы картины и книги, таковы сказки и песни, таковы работы и таковы, наконец, попытки Ясно-полянской школы.

Ответ на первый вопрос дает отчасти ответ и на второй: возможно ли такое невмешательство? Теоретически доказать эту возможность нельзя. Одно, подтверждающее эту возможность, есть наблюдение, доказывающее, что люди, вовсе не воспитанные, т. е. подлежавшие

одним свободно-образовательным влияниям, люди народа — свежее, сильнее, могучее, самостоятельнее, справедливее, человечнее и, главное, нужнее людей, как бы то ни было воспитанных. Но, может быть, и это положение для многих требует доказательства. О доказательствах этих мне еще придется говорить многое. Приведу только одно. Почему зоологически не улучшается поколение воспитываемых? Порода воспитываемых животных улучшается; порода воспитываемых людей ухудшается и ослабевает. Возьмите наудачу сотню детей от нескольких воспитанных поколений и сотню невоспитанных детей народа и сравните их в чем хотите: в силе, ловкости, уме, способности воспринимать, в нравственности даже, и во всех отношениях — громадное преимущество поражает вас на стороне детей невоспитанных поколений, и тем более будет преимущества, чем будет ниже возраст, и наоборот. Это страшно сказать по выводам, на которые оно наводит, но оно так. Окончательно же доказать эту возможность невмешательства в низших школах для людей, которых личный опыт и внутреннее чувство ничего не говорят в пользу такого мнения, можно только добросовестным изучением тех свободных влияний, посредством которых образовывается народ, всесторонним обсуждением вопроса и длинным рядом опытов и отчетов о них.

Чем же должна быть школа при невмешательстве в дело воспитания? Школа, как сказано выше, есть сознательная деятельность образовывающего на образовывающихся. Как ему действовать, чтобы не преступить пределов образования, т. е. свободы? Отвечаю: школа должна иметь одну цель — передачу сведений, знания (instruction), не пытаясь переходить в нравственную область убеждений, верований и характера; цель ее должна быть одна — наука, а не результаты ее влияния на человеческую личность. Школа не должна пытаться предвидеть последствий, производимых наукой, а, передавая ее, должна предоставлять полную свободу ее применения. Школа не должна считать ни одну науку, ни целый свод наук необходимыми, а должна передавать те знания, которыми владеет, предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать их. Устройство и программа школы должны основываться не на теоретическом воззрении, не на убеждении в необходимости таких-то и таких-то наук, а на одной возможности, т. е. на знаниях учителей. Объяснюсь примером. Я желаю учредить учебное заведение. Я не составляю программы, основанной на своих теоретических воззрениях, и на основании этой программы не приискиваю учителей, но предлагаю всем людям, чувствующим призвание к сообщению знаний, читать те уроки или лекции, какие они могут. Само собою разумеется, что прежний опыт будет руководить нас в выборе этих уроков, т. е. в том, что мы уже не будем пробовать преподавание тех предметов, которые неохотно слушаются, мы не станем в русской деревне читать испанский язык, астрологию или географию, точно так же как в этой же деревне купец не откроет лавки хирургических инструментов или кринолинов. Мы можем предвидеть требование на наше предложение, но окончательный судья наш будет только опыт, и мы не считаем себя вправе открыть ни одной лавки, в которой бы мы продавали деготь только с тем условием, чтобы у нас брали на 10 фунтов дегтю фунт имбирю или помады. Мы не заботимся о том,

какое употребление из наших товаров будут делать потребители: мы верим, что они знают, что им нужно, и для нас достаточно труда угадать их потребность и только отвечать на нее. Очень может быть, что найдется один учитель зоологии, один учитель средней истории, один — закона божия и один — топографического искусства. Если эти учителя будут в состоянии сделать свои уроки занимательными, уроки эти будут полезны, несмотря на свою кажущуюся несоответственность и случайность. Я не верю в возможность теоретически придуманного гармонического свода наук, но верю в то, что каждая наука при свободном ее преподавании гармонически укладывается в свод знаний каждого человека. Скажут, может быть, что при такой случайности программы могут войти в курс бесполезные, даже вредные, науки и что многие науки невозможно будет преподавать, потому что ученики недостаточно для них приготовлены. На это отвечу, во-первых, что вредных и бесполезных наук нет, для кого бы то ни было, и что есть здравый смысл и потребность учеников, которые при свободе учения не допустят бесполезные или вредные науки, если бы такие были; во-вторых, что подготовленные ученики нужны для дурного учителя, для хорошего же легче начинать алгебру или аналитическую геометрию с учеником, не знающим арифметики, чем с учеником, плохо знающим ее; легче читать среднюю историю ученикам, не учившим наизусть древней. Я не верю, чтобы профессор, читающий в университете дифференциалы и интегралы или историю русского гражданского права и который не может читать арифметику и русскую историю в первоначальной школе,—я не верю, чтобы он был хороший профессор. Я не вижу пользы и заслуги и даже возможности в хорошем преподавании одной части предмета. Главное же я убежден, что предложение будет отвечать всегда на требование, что на каждой ступени наук будет достаточное число и учеников и учителей.

Но как же, скажут мне, образовывающему не желать посредством своего преподавания произвести известное воспитательное влияние? Стремление это самое естественное, оно лежит в естественной потребности при передаче знания образовывающего образовывающемуся. Стремление это только придает образовывающему силы заниматься своим делом, дает ту степень увлечения, которая для него необходима. Отрицать это стремление невозможно, и я об этом никогда не думал; существование его только сильнее доказывает для меня необходимость свободы в деле преподавания. Нельзя запретить человеку, любящему и читающему историю, пытаться передать своим ученикам то историческое воззрение, которое он имеет, которое он считает полезным, необходимым для развития человека, передать тот метод, который учитель считает лучшим при изучении математики или естественных наук; напротив, это предвидение воспитательной цели поощряет учителя. Но дело в том, что воспитательный элемент науки не может передаваться насильственно. Не могу достаточно обратить внимание читателя на это обстоятельство. Воспитательный элемент, положим, в истории, в математике передается только тогда, когда учитель страстно любит и знает свой предмет; тогда только любовь эта сообщается ученикам и действует на них воспитательно. В противном же случае, т. е. когда где-то решено, что

такой-то предмет действует воспитательно, и одним предписано читать, а другим — слушать, преподавание достигает совершенно противоположных целей, т. е. не только не воспитывает научно, но отвращает от науки. Говорят, наука носит в себе воспитательный элемент (erziehliges Element); это справедливо и несправедливо, и в этом положении лежит основная ошибка существующего парадоксального взгляда на воспитание. Наука есть наука и ничего не носит в себе. Воспитательный же элемент лежит в преподавании наук, в любви учителя к своей науке и в любовной передаче ее, в отношении учителя к ученику. *Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбят и тебя, и науку, и ты воспитаешь их; но сам не любишь ее, то сколько бы ты ни заставлял учить, наука не произведет воспитательного влияния.* И тут опять одно мерило, одно спасение, опять та же свобода учеников слушать или не слушать учителя, воспринимать или не воспринимать его воспитательное влияние, т. е. им одним решать, знает ли он и любит ли свою науку.

Итак, чем же будет школа при невмешательстве в воспитание?

Всесторонней и самой разнообразной сознательной деятельностью одного человека на другого с целью передачи знаний (instruction), не принуждая учащегося ни прямо насильственно, ни дипломатически воспринимать то, что нам хочется. Школа не будет, может быть, школа, как мы ее понимаем, — с досками, лавками, кафедрами, учительскими или профессорскими, она, может быть, будет раек, театр, библиотека, музей, беседа; свод наук, программы, может быть, везде сложатся совсем другие. (Я знаю только свой опыт: Яснополянская школа с тем подразделением предметов, которые я описывал в продолжение полугода, частью по требованиям учеников и их родителей, частью по недостаточности сведений учителей, в полгода совершенно изменилась и приняла другие формы.)

Но что же нам делать? Неужели так и не будет уездных училищ, так и не будет гимназий, не будет кафедры истории римского права? Что же станется с человечеством? — слышу я. Так и не будет, коли их не понадобится ученикам и вы не сумеете их сделать хорошими. Но ведь дети не всегда знают, что им нужно, дети ошибаются и т. д., слышу я. Я не вхожу в такой спор. Этот спор привел бы нас к вопросу: права ли пред судом человека природа человека? и пр. Я этого не знаю и на это поприще не становлюсь; я только говорю, что если мы можем знать чему учить, то не мешайте мне учить насильно русских детей французскому языку, средневековой генеалогии и искусству красть. Я все докажу так же, как и вы. Так и не будет гимназий и латинского языка? Что же я буду делать? — опять слышу я.

Не бойтесь, будет и латынь и риторика, будут еще сотни лет и будут только потому, что «лекарство куплено — надо его выпить» (как говорил один больной). Едва ли еще через сто лет мысль, которую я, может быть, неясно, неловко, неубедительно выражаю, сделается общим достоянием; едва ли через сто лет отживут все готовые заведения: училища, гимназии, университеты, и вырастут свободно сложившиеся заведения, имеющие своим основанием свободу учащегося поколения.

(Полное собрание сочинений, изд. 1913 г., т. IV.)

ПЛАН УСТРОЙСТВА ДЕЛА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(Из статьи «О народном образовании», 1874 г.)

Разлад между требованиями педагогики и действительности обнаруживается особенно резко в последнее время не только в самом деле обучения, но и в другой очень важной стороне школьного дела, именно в деле администрации школ. Для того, чтобы показать, в каком положении находилось, находится и могло бы находиться это дело, я буду говорить о Крапивенском уезде Тульской губернии, в котором живу, который знаю и который по своему положению составляет тип большинства уездов средней России...

...Начиная с 1862 г. в народе у нас все больше и больше стала укрепляться мысль о том, что нужна грамота (образование): с разных сторон — у церковнослужителей, у наемных учителей, при обществах — учреждались школы. Дурные или хорошие школы, но они были самородные и вырастали прямо из потребности народа; со введением положения 1864 г. настроение это еще усилилось, и в 1870 г. в Крапивенском уезде по отчетам было до 60 школ. С тех пор, как в заведывание школьного дела стали влипать более и более чиновники министерства и члены земства, в Крапивенском уезде закрыто 40 школ и запрещено открывать новые школы низшего разбора. Я знаю, что те, которые закрыли школы, утверждают, что школы эти существовали только номинально и были очень дурны; но я не могу верить этому потому, что из трех деревень — Тросны, Ламинцова и Ясной Поляны — мне известны хорошо обученные грамоте ученики, а школы эти закрыты. Я знаю тоже, что многим покажется непонятным, что такое значит воспрещение открывать школы. Это значит то, что на основании циркуляра министерства просвещения о том, чтобы не допускать учителей ненадежных (что, вероятно, относилось к нигилистам), училищный совет наложил запрещение на мелкие школы — у дьячков, солдат и т. п., которые крестьяне сами открывали и которые, вероятно, не подходят под мысль циркуляра. Но существуют зато 20 школ с учителями, которые предполагаются хорошими, потому что получают по 200 руб. сер. жалованья, и земством разосланы книги Ушинского, и школы эти называются одноклассными, в них учат по программе и учат круглый год, т. е. и летом, за исключением июля и августа.

Отрешившись от вопроса о самом качестве прежних школ, посмотрим на административную их сторону и сравним с этой стороной, что было, с тем, что делается теперь. В административной внешней стороне школьного дела есть пять главных предметов, так тесно связанных с самым школьным делом, что от хорошего или дурного их устройства зависит в большей степени успех и распространение народного образования. Эти пять предметов следующие: 1) школьное помещение, 2) распределение времени учения, 3) распределение школ по местностям, 4) выбор учителя, 5) главное — материальные средства — вознаграждение учителей.

По вопросу о помещении народ, когда он сам для себя устраивает школу, редко затрудняется, и если общество богато и есть какое-

нибудь общественное строение — хлебный магазин, опустевший кабак, общество отделывает его; если нет, оно покупает, иногда даже у помещика, иногда и само строит. Если общество небогато и невелико, то оно нанимает помещение у мужика или даже устанавливает черед, так что учитель переходит из избы в избу. Если общество, как оно большею частью делает, избирает учителем кого-нибудь из своей среды — дворового, солдата, церковнослужителя, то школа помещается в доме этих лиц, и общество берет на себя только отопление. Во всяком случае, мне никогда не приходилось слышать, чтобы вопрос о помещении школы когда-нибудь затруднял общество и чтобы не только половина всей суммы, назначенной на учение, тратилась, как это делается училищными советами, на постройки, но даже чтобы тратилась $^1/_6$ или $^1/_{10}$ часть всей суммы. Так или иначе устраивались крестьянские общества, но вопрос о помещении никогда не считался затруднительным. Только под влиянием высшего начальства встречаются примеры того, что общества строят каменные дома под железо для школ. Крестьяне полагают, что школа не в строении, а в учителе, и что школа не должна быть постоянным учреждением, а как скоро выучатся родители, то следующее поколение и без школы будет грамотное. Земско-министерское же ведомство везде предполагает, так как для него вся задача состоит в том, чтобы ревизовать и классифицировать, что главное основание школы есть здание, что школа есть устройство перманентное, и потому, сколько мне известно, тратит теперь около половины денег на постройки и пустые школы записывает в списки школ 3-го разряда. В Крапивенском земстве из 2000 руб. на постройки тратится 700 руб. Земско-министерское ведомство не может признать того, чтоб учитель (тот учитель, образованный педагог, который предполагается для народа) мог унизиться до того, чтобы, как портной, ходить из избы в избу или учить в курной избе. Но народ ничего не предполагает, а знает только то, что на свои денежки он может нанимать кого хочет, и если хозяева-наниматели живут в курных избах, то и наемнику-учителю не пристало этим брезгать.

По второму вопросу, о разделении школьного времени, народ всегда и везде неизменно заявляет одно требование: это то, чтобы учение шло *только зимою*.

Везде одинаково родители с весны перестают посылать своих детей, и дети, остающиеся в школе, около $^1/_4$ или $^1/_5$ части, — мелкота или дети богатых родителей, — ходят неохотно. Когда народ сам нанимает учителя, он всегда нанимает его помесячно — на зимние месяцы. Земско-министерское ведомство предполагает, что как в учебных заведениях заведено 2 месяца вакации, то так же должно быть и в одноклассном сельском училище. С точки зрения земско-министерской, это совершенно резонно: дети не забудут учения, учитель обеспечен на весь год, и ревизору удобно летом ездить по школам; но народ этого ничего не знает, а здравый смысл его говорит ему, что зимою дети спят по 10 часов, поэтому головы их свежи, что зимою забав и работ для детей нет, и если зимой учить подольше, захватывая вечера, на что нужно в зиму в $1^1/_2$ руб. лампу и на столько же керосина, то учения будет довольно. Не говоря уже о том, что летом всякий мальчик мужику

нужен, и что летом идет ему жизненное учение, которое важнее школьного. Народ говорит, что за год платить нам учителю не за что, лучше мы прибавим ему на зимние месяцы — ему будет лестнее. И мы скорее найдем учителя за 25 руб. в месяц на семь месяцев, чем за 12 руб. в месяц на весь год. А на лето учитель наймется в другое место.

По третьему вопросу, о распределении школ по местностям, распоряжения народа в особенности отличаются от распоряжения училищного совета. Во-первых, распределение школ, т. е. больше или меньше их распространено в известной местности, всегда (когда народ сам распоряжается) зависит от всего характера населения. Где народ больше занимается промыслом, ходит на заработки, где ближе к городам, где ему нужнее грамота, там и больше школ; где местность более глухая, земледельческая, там их меньше. Во-вторых, когда народ сам распоряжается, он распределяет школы так, чтобы каждый родитель имел возможность пользоваться школою за свои деньги, т. е. посылать в нее своих детей. Крестьяне маленьких неотдаленных деревень, в 40—30 душ, каких наберется большая половина всего населения, предпочитают иметь дешевенького учителя у себя в деревне, чем дорогого в центре волости, куда их дети не могут ходить и ездить. От этого распределения школ самые школы, устраиваемые крестьянами, правда, отдаляются от требуемого образца школы, но зато получают самые разнообразные формы, подделывающиеся повсюду к местным условиям. Тут церковнослужитель учит из соседней деревни 8 мальчиков в своей квартире, по 50 коп. в месяц. Тут маленькая деревня наняла солдата за 8 руб. в зиму, и он ходит по дворам. Здесь богатый дворник нанял к своим детям учителя за 5 руб. и харчи, и соседние крестьяне пристроились к ним, приплачивая учителю по 2 рубля за мальчика. Там большая деревня или тесно сидящая волость собрала по 15 коп. с души и с 1200 душ наняла учителя за 180 руб. в зиму. Там священник учит, получая в вознаграждение иногда деньги, иногда помощь работой, иногда то и другое. Главное различие в этом отношении взгляда крестьян от взгляда земства состоит в том, что крестьяне, по местным условиям, более или менее им выгодным, устраивают лучшего или худшего качества школы, но так, что нет ни одной местности, которая бы так или иначе не могла устроить у себя учение, тогда как при земском устройстве большая половина населения остается вне всякой возможности в каком бы то ни было *дальнем будущем* воспользоваться образованием. В отношении мелких деревень, составляющих везде половину населения, земско-министерское ведомство действует весьма решительно. Оно говорит: мы учреждаем школу там, где есть помещение и где крестьяне с волости собрали столько денег, чтобы держать учителя в 200 руб.; мы добавляем от земства сколько недостает. И школа вносится в списки, а деревни, которые отдалены от школы, могут возить своих детей, если хотят. Разумеется, крестьяне не возят, потому что далеко, а платят. Так, в Ясенецкой волости все платят за 3 школы, но пользуются школами 3 деревни в 450 душ, а всех душ 3000, так что пользуется школами одна седьмая населения, а платят все. В Чермошенской волости 900 душ, и есть школа,

но в школе учатся только до 30 учеников, так как все деревни волости разбросаны. На 900 душ должно быть около 400 учащихся. А, между прочим, и в Ясенецкой и в Чермошенской волости дело распределения школ уже считается удовлетворительно покончённым.

По отношению к выбору учителя народ тоже руководствуется совершенно другими взглядами, чем земство. Народ, избирая учителя, по-своему смотрит и ценит его достоинства как учителя. Если учитель побывал в околотке и народ знает, какие бывают результаты его учения, он ценит его по этим результатам, как хорошего или дурного учителя; но помимо учительских качеств, народ смотрит и на то, чтобы учитель был человек, близкий к мужику, умеющий понимать его жизнь и говорить русским языком, и потому всегда предпочтет сельского городскому учителю. Но при этом народ не имеет никаких пристрастий или антипатий к какому бы то ни было классу: дворянин, чиновник, мещанин, солдат, дьячок, священник — все равно, только бы был человек простой и русский. Поэтому крестьяне и не имеют никакого повода исключать церковнослужителей из учителей, как это делают земства. Земства выбирают учителей из чужих людей, выписывают из городов, народ же приискивает их в своей среде. Главное же различие в этом отношении между взглядом обществ и земства состоит в том, что у земства есть один тип — учитель, слушавший педагогические курсы, кончивший курс семинарии или училища, в 200 руб. У народа, который не исключает и этого учителя и ценит его, если он хорош, есть градации всех возможных учителей. Кроме того у большей части училищных советов есть определенные любимые типы учителей, большею частью типы, чуждые народу и чуждые народа, и есть нелюбимые типы. Так, очевидно, любимый тип многих уездов Тульской губернии есть учительницы; нелюбимый же тип есть церковнослужители, и во всем Тульском уезде и Крапивенском нет ни одной школы с учителем из духовных лиц, что в административном отношении очень замечательно. В Крапивенском уезде 50 приходов. Церковнослужители суть самые дешевые учителя, так как имеют оседлость и большею частью могут учить в своем доме с помощью жены, дочерей, и они-то, как нарочно, все обойдены, как будто они самые вредные люди.

По отношению к вознаграждению учителей отличие взгляда народа от взгляда земства уже почти все высказано в предыдущем. Оно состоит: 1) в том, что народ берет себе учителя по средствам и признает и знает по опыту, что учителя есть на все цены — от двух пудов муки в месяц до 30 руб. в месяц; 2) что учителя надо вознаграждать только за зимние месяцы — те, в которые может быть учение; 3) что народ как в устройстве помещения, так и при вознаграждении учителя всегда умеет найти дешевый путь вознаграждения; он дает муку, сено, подводы, яйца и различные мелочи, незаметные для мира, но улучшающие положение учителя; 4) главное то, что учителю платят и прибавляют — или родители учеников помесячно, или все общество, пользующееся выгодами школы, а не незаинтересованная прямо в этом деле администрация.

Земско-министерское ведомство в этом отношении и не может поступать иначе, как оно поступает. Норма жалованья для образцового учителя дана, следовательно, нужно собрать как бы то ни было эти средства. Например, предполагается обществом учредить школу — волость дает известное количество копеек с души. Земство соображает, сколько прибавить. Нет требований других школ, — оно дает больше, иногда вдвое, что дало общество; иногда, если все деньги распределены, дает меньше или вовсе отказывает. Так, в Крапивенском уезде есть общество, дающее 90 рублей, и земство к ним приплачивает 300 рублей на школу с помощником, и есть другое общество, дающее 250 руб., и земство приплачивает 50 руб., и третье общество, которое предлагает 56 руб., и земство отказывает ему в прибавке и в открытии школы, так как этих денег недостаточно для нормальной школы, а деньги уже распределены. Итак, главные различия в административном отношении взгляда народа и земства следующие: 1) земство обращает большое внимание на помещение и тратит на него большие деньги, — народ обходит эти затруднения домашними экономическими средствами и смотрит на школы грамотности как на преходящие временные учреждения; 2) земско-министерское ведомство требует учения круглый год, за исключением июля и августа, и нигде не вводит вечерних классов, — народ требует учения только зимою и любит вечерние классы; 3) земско-министерское ведомство имеет определенный тип учителей, ниже которого оно не признает школы, и имеет отвращение к церковникам и вообще местным грамотеям, — народ никакой нормы не признает и избирает учителей преимущественно из жителей местных; 4) земско-министерское ведомство распределяет школы случайно, т. е. руководствуясь тем только, чтобы могло составиться нормальное училище, и не заботится о той большей половине населения, которая при этом распределении остается вне школьного образования, — народ не признает не только определенной внешней формы школы, а самыми разнообразными путями приобретает себе на всякие средства учителей, устраивает школы худшие и дешевые на маленькие средства, хорошие и дорогие на большие средства и при этом преимущественно обращает внимание на то, чтобы все местности пользовались на свои деньги учением; 5) земско-министерское ведомство определяет одну меру вознаграждения, довольно высокую, и произвольно увеличивает прибавку от земства, — народ требует наивозможнейшей экономии и распределяет вознаграждение так, чтоб оно платилось прямо теми, чьи дети учатся.

Кажется, излишне распространяться о том, в какой мере ясно выражается в этих требованиях здравый смысл народа в противоположность тому искусственному устройству, в которое при самом его нарождении уже пытаются заковать дело народного образования...

...Как же поступить, что же делать земствам теперь для того, чтобы дело это не было игрушкой и забавой, а имело будущность? — Сообразоваться с требованиями народа, сколь возможно более удешевлять, освобождать формы школы и предоставлять обществам наибольшую власть в устройстве школ.

Для этого нужно, чтобы земства отказались совершенно от распределения сборов на училища и распределения училищ по местностям,

а предоставили бы это распределение самим крестьянам. Определение платы учителю, наем, покупка или постройка дома, выбор места и самого учителя — все это должно быть вполне предоставлено крестьянам. Земство, т. е. училищный совет, должен только просить общества сообщить ему о том, где и на каких основаниях устроены училища, и не с тем, чтобы, узнавши, запрещать эти школы, как это делается теперь, но с тем, чтобы, узнавши про условия существования училища, прибавлять (если условия эти согласны с требованиями совета) от земства в пособие основавшемуся училищу известную, раз определенную долю того, сколько училище стоит обществу: половину, треть, четверть, смотря по количеству училищ и средствам и желанию земства. Так, например, одна деревня в 20 душ нанимает прохожего на зиму за 2 рубля в месяц учить ребят. Училищный совет, т. е. доверенное от него лицо, о котором скажу после, получив о том сведение, выписывает прохожего к себе, расспрашивает его, что он знает, как учит, и если только прохожий хоть немного грамотен и ничего зловредного не представляет, назначает ему в прибавку ту долю, которая определена земством: половину, или треть, или четверть. Точно так же училищный совет поступает и в отношении священно-церковнослужителя, нанятого обществом за 5 руб. в месяц, или учителя, нанятого за 15 руб. в месяц. Само собой разумеется, что так поступает училищный совет в отношении тех учителей, которых общества нанимают сами; но если общества обращаются к училищному совету, то он рекомендует им учителей на тех же условиях. Но при этом земство не должно забывать, что учителя не должны быть, как теперь, только в 200 руб.; училищный совет должен быть адресною конторой для учителя всякого рода и всяких цен, от одного рубля до 30 руб. в месяц. На постройки училищный совет ничего не тратит и ничего не прибавляет, так как это один из самых непроизводительных расходов. Но земство не должно брезгать, как это делается теперь, дешевыми учителями в 2, 3, 4, 5 руб. в месяц и помещениями в курных избах или переходными помещениями по дворам. Земство должно помнить, что первообраз училища, тот идеал, к которому должно стремиться, не есть каменный дом, железом крытый, с досками и партами, какие мы видим в образцовых училищах, а та самая изба, в которой мужик живет, с теми лавками и столами, на которых он обедает, и не учитель в сюртуке и учительница в шиньоне, а учитель в кафтане и рубахе, или панёве и платке на голове, и не с сотней учеников, а с 5, 6 до 10. Земство не должно иметь пристрастий или антипатий к известным типам учителей, как это делается теперь. Теперь, например, в тульском земстве есть пристрастие к типу учительниц из гимназий и духовных училищ, и большая часть училищ в Тульском уезде заведуется ими. В Крапивенском уезде есть странная антипатия к учителям из духовенства, так что на уезд, в котором до 50 приходов, нет ни одного учителя из церковнослужителей. Земство при предложении учителей должно руководствоваться двумя главными соображениями: во-первых, чтобы учитель был как можно дешевле; во-вторых, чтобы он по своему воспитанию как можно ближе стоял к народу. Только благодаря противоположному взгляду на дело можно объяснить себе

то, например, непонятное явление, что в Крапивенском уезде (почти то же во всей губернии и в большинстве губерний) есть 50 приходов и 20 школ, и на все 20 школ нет ни одного учителя священно- или церковнослужителя, тогда как нет прихода, в котором бы не нашлись священник или дьякон, дьячок, их дочери, жены, которые не взяли бы на себя охотно учительское занятие за вчетверо меньшую плату, чем могут взять учитель или учительница, из города приезжающие в деревню. Но мне скажут: каковы же будут эти школы с богомольцами, богомолками, пьяными солдатами, выгнанными писарями и дьячками? и какой возможен контроль над такими бесформенными школами? На это отвечу, во-первых, что учителя эти — богомолки, солдаты и дьячки — совсем не так совершенно дурны, как это вообще думают. В моей школьной практике я имел дело часто с учениками этих школ, и некоторые из них знали читать бегло и писать красиво и очень скоро бросали дурные привычки, вынесенные из этих школ. Мы все знаем грамотных мужиков, выученных в таких школах, и нельзя сказать, чтобы грамота эта была бесполезна или вредна. Во-вторых, отвечу, что учителя этого разбора бывают особенно дурны потому, что они совершенно заброшены в глуши и учат без всякой помощи и наставлений, что теперь нет ни одного человека из старых учителей, который бы не сказал вам с сожалением, что он не знает новых приемов и учился сам на медные деньги, и что весьма многие из них, в особенности церковнослужители из молодых, весьма охотно готовы учиться новым приемам. Эти учителя не должны прямо быть отвергаемы, как абсолютно негодные. Между ними есть и худшие, и лучшие (и я видел из них очень способных). Их нужно сравнивать, выбирать лучших, поощрять, сводить их с другими — лучшими — учителями и учить их, что очень возможно и в чем именно должно состоять дело училищного совета.

Но как же контролировать их, следить за ними, учить их, если их расплодятся сотни по уезду? По моему мнению, дело земства и училищного совета должно состоять только в том, чтобы следить за педагогическою стороною дела, и это весьма возможно, если будут приняты следующие меры: в каждом земстве, если оно взяло на себя обязанность распространения или содействия народному образованию, должно быть одно лицо, будет ли то бесплатный член училищного совета или человек на жалованьи не менее 1000 рублей, нанятый земством,— одно лицо, заведывающее педагогическою стороною дела в уезде. Лицо это должно иметь общее свежее образование в пределах гимназического курса, т. е. основательно знать русский и отчасти славянский язык, основательно знать арифметику и алгебру и быть учителем, т. е. знать практику педагогического дела. Лицо это должно быть свеже-образованное, потому что я замечал, что очень часто сведения человека, давно кончившего курс даже в университете, не освежавшего свое образование, бывают недостаточны не только для руководства учителей, но даже и для экзамена в сельской школе. Лицо это непременно должно быть учителем в той же самой местности, для того, чтобы в требованиях своих и наставлениях оно постоянно имело в виду тот педагогический материал, с которым имеют дело дру-

гие учителя, и поддержизало в себе то живое отношение к действительности, которое есть главное средство против заблуждений и ошибок. Если какое земство не имеет такого человека и не хочет нанять такого, то, по моим понятиям, такому земству делать решительно нечего относительно народного образования, кроме как давать деньги, потому что всякое вмешательство в административную часть дела (что делается теперь) только вредно.

Этот член земства или нанятый земством образованный человек должен иметь лучшую в уезде образцовую школу с помощником. Кроме ведения этой школы и применения в ней всех новых приемов учения, главный учитель этот должен следить за остальными школами. Школа эта не должна быть образцовою в том смысле, чтоб он вводил в ней всякие кубики и картины и всякую глупость, которую выдумывают немцы, но в том смысле, что в этой школе он над теми же самыми крестьянскими детьми, из которых состоят другие школы, делает опыты наипростейших приемов, таких, которые бы могли быть усвоены большею частью учителей-дьячков, солдат, составляющих большинство в школах. Так как при том устройстве, которое я предлагаю, несомненно образуются в больших центрах большие достаточные школы (как я думаю, в отношении 1 к 20 всех других школ) и в этих больших школах будут учителя на степени образования кончивших курс духовных семинаристов, то главный учитель объезжает все эти большие школы, собирает к себе этих учителей по воскресеньям, указывает им недостатки, предлагает новые приемы, дает советы и книги для их собственного образования и приглашает их по воскресеньям в свою школу. Библиотека главного учителя должна состоять из нескольких экземпляров библии, славянской и русской грамматики, арифметики и алгебры. Главный учитель, насколько у него есть времени, объезжает и мелкие школы и приглашает к себе их учителей; но обязанность следить за мелкими учителями возлагается на старших учителей, которые точно так же объезжают, каждый в своем округе, эти школы и приглашают учителей к себе в воскресенья и будни. Земство или платит учителям на разъезды, или при своей приплате к тому, что дают общества, выговаривает от общества подводы для разъездов. Съезды учителей и посещение учителями школ равных и лучших есть одно из главных условий для успешного хода дела, и потому на организацию этих съездов земство должно обратить особенное внимание и не жалеть расходов. Кроме того, в больших школах, где будет более 50 учеников, вместо помощников, которые теперь есть в школах, должны из учеников и учениц выбираться более способные к учительской должности и быть помощниками по 2, по 3. Этим помощникам назначается жалованье от 50 к. до 1 руб. в месяц, и учитель отдельно занимается с ними по вечерам, с тем, чтобы они не отставали от других. Эти помощники, выбранные из лучших, должны составлять будущих учителей для замены низших в мелких школах. Само собой разумеется, что организация этих съездов учителей мелких и больших школ, и объезды старшего учителя, и образование учителей из помощников-учеников могут сложиться самыми разнообразными способами; но дело в том, что наблюдение над каким бы то ни было большим количеством

школ (хотя бы оно дошло до нормы одной школы на 100 душ) таким образом возможно. При таком устройстве учителя как больших, так и малых школ будут постоянно чувствовать, что труды их оцениваются, что они не зарылись в глушь деревни без выхода, что у них есть товарищи, руководители, и что как в деле обучения, так и в личном своем дальнейшем образовании и улучшении своего положения у них есть пути и выходы. При таком устройстве богомолец или дьячок, который способен учиться, сам будет учиться; тот же, который не способен или не хочет учиться, будет заменен другим. Время учения должно быть, как того желают все мужики, 7 месяцев зимы, и потому жалованье должно определяться помесячно. При таком устройстве, не говоря о быстроте и равномерности распространения образования, выгоды будут состоять в том, что школы оснуются по тем центрам, где необходимость в них чувствуется народом, где они самородно и потому прочно основываются. Там где характер народа требует образования, там оно будет прочно. Посмотрите: в городах, между дворниками, зажиточными крестьянами так или иначе, но дети выучатся грамоте и никогда не забудут; а в глухой местности, как мы часто видим, помещик оснует школу, дети выучатся прекрасно, но через 10 лет все забыто, и население такое же безграмотное, как и было прежде. Поэтому-то особенно дороги те центры, большие они или малые, где самородно зарождаются школы. Там, где такая школа зародилась, как бы плоха она ни была, она пустит корни, и раньше или позже население будет грамотно. И поэтому надо дорожить этими ростками, а не делать как сплошь да рядом — не запрещать потому, что школа не по нашему вкусу, т. е. не убивать росток и не втыкать искусственно в другом месте ветку, которая не пойдет. Только при таком устройстве, без учреждения дорогих и искусственных семинарий, выбранные — лучшие из среды учеников и учениц и образованные в самых школах — составят тот контингент народных дешевых учителей, которые заменят солдат и дьячков и будут вполне удовлетворять всем требованиям народа и образованного сословия. Главная выгода такого устройства та, что только такое устройство даст будущность развитию народного образования, т. е. выведет нас из того тупого переулка, в который зашли земства, благодаря дорогим школам и отсутствию новых источников для увеличения их числа. Только когда народ сам будет избирать центры для школ, сам выбирать учителей, определять размер вознаграждения и непосредственно пользоваться выгодой школы, только тогда он и прибавит средств на школу, если это понадобится. Я знаю общества, которые платили по 50 коп. с души на школу в своей деревне. Но платить на школу с волости по 15 коп. уже трудно заставить крестьянина, когда не все пользуются школой. На весь уезд, на земство крестьяне не прибавят и копейки, потому что чувствуют, что не будут пользоваться выгодами за свои деньги. Только при таком устройстве очень скоро найдутся те средства для хорошего содержания и всех школ, по одной на 100 душ, которые, кажется, так невозможно найти при теперешнем устройстве. Кроме того, при том устройстве, которое я предлагаю, интересы крестьянских обществ и земства, как представителя интеллигенции местности,

будут неразрывно связаны. Земство дает, положим, третью часть того, что дают крестьяне. Давая эти деньги, оно, очевидно, тем или другим путем будет заботиться о том, чтобы деньги не пошли тунею, и следовательно следить и за теми деньгами, $^2/_3$ которых даны крестьянским обществом. Земство, выдавая деньги, знает также, что общество действительно хочет школы, так как оно дало деньги. Крестьянское общество видит, что земство дает свою часть, и потому верит и признает право земства следить за ходом учения. И вместе с тем наглядно видит то различие, которое существует между школою, содержащеюся на более дешевые и содержащеюся на более дорогие средства, и избирает ту, какая ему нужна или возможна по его средствам.

Возьму опять известный мне Крапивенский уезд, для того чтобы показать, какое различие от существующего может дать предлагаемое устройство. Что при разрешении народу открывать школы, где и какие он хочет, явится тотчас же вновь очень много школ, для меня не может быть никакого сомнения. Я убежден, что в Крапивенском уезде, в котором находится 50 приходов, в каждом приходе всегда будет школа, так как приходы — всегда центры населений и так как из всех церковнослужителей всегда найдется один, который способен учить, имеет к этому охоту и найдет выгоду. Кроме церковнослужительских, вероятно, откроются те 40 школ, которые были закрыты (или вернее 30, так как в числе закрытых были церковнослужительские), и вновь откроется школ весьма много, так что с существующими 20-ю школами не в долгом времени явится количество, недалекое от 400.

Поверят или не поверят мне в этом, я предположу, что в Крапивенском уезде при передаче этого дела в руки народа вновь открылось 380 школ, итого будет 400 школ, и постараюсь определить, возможно ли существование этих 400 школ, т. е. почти в 20 раз больше того, что есть, при тех же условиях, которые я предполагал при рассмотрении существующего порядка.

Предполагая, что все крестьяне платят по 15 коп. с души и земство дает 3000 руб., собирается 9000 руб., которых только достает на 30 школ при прежнем устройстве. При новом же устройстве:

Полагаю, что осталось из старых нераздельными 10 школ; полагаю учителю в этих больших школах по 20 руб. в месяц, на семь зимних месяцев — 1400 руб.

Полагаю, что при каждом приходе основалась школа с платою по 5 руб. в месяц, на 50 школ — 1750 руб.

Полагаю, что остальных 340 — дешевых, по 2 руб. в месяц; по 15 руб. на школу, на 340 школ — 5100 руб. Итого на 400 школ выйдет жалованья 8250 руб. На училищные пособия и разъезды остается 750 руб.

Цифры жалованья учителям поставлены мною не произвольно; но дорогим учителям — дороже, чем они получают теперь помесячно круглый год. Точно так же и церковнослужителям столько, сколько в большинстве случаев берут они за обучение. Школы же дешевые, по два рубля в месяц, положены мною гораздо дороже, чем нанимают крестьяне в действительности, так что этот расчет может быть смело принят. При этом расчете составляется и то ядро старших учителей из 10 дорогих и 10 или более церковнослужителей. Очевидно, что

только при этом расчете школьное дело становится на степень серьезного и возможного дела и имеет ясную и определенную будущность.

Если высказанное мною теперь не убедит никого, значит, я не умел выразить то, что хотел, и переспоривать никого не желаю. Я знаю, что нет безнадежнее глухих, как те, которые не хотят слышать. Я знаю, как это бывает с хозяевами. Новая молотилка куплена дорого, поставлена, пустили молотить. Молотит дурно, как ни подвинчивай доску, нечисто молотит, и зерно идет в солому. Но хоть и убыток, хоть и ясный расчет бросить молотилку и молотить иначе, но деньги потрачены, молотилка налажена, — «пускай молотит», говорит хозяин. То же будет и с этим делом. Я знаю, еще долго будут процветать наглядные обучения: и кубики, и пуговки вместо арифметики, и шипение, и сикание для обучения букв и 20 школ немецких дорогих вместо нужных 400 дешевых народных. Но я тоже твердо знаю, что здравый смысл русского народа не позволит ему принять эту навязываемую ему ложную и искусственную систему обучения.

Народ, главное заинтересованное лицо и судья, и ухом не ведет теперь, слушая наши более или менее остроумные предположения о том, какими манерами лучше приготовить для него духовное кушанье — образование; ему все равно, потому что он твердо знает, что в великом деле своего умственного развития он не сделает ложного шага и не примет того, что дурно, и, как к стене горох, будут попытки по-немецки образовывать, направлять и учить его.

(Педагогические сочинения, изд. «Школа и жизнь», СПб, 1912.)

ИЗ ПОЗДНЕЙШИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ [1]

а) О воспитании и образовании

(1909 г.)

Постараюсь исполнить ваше желание, — ответить на ваши вопросы.

Очень может быть, что в моих статьях о воспитании и образовании, давнишних и последних, окажутся и противоречия и неясности. Я просмотрел их и решил, что мне, да и вам, я думаю, будет легче, если я, не стараясь отстаивать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю об этих предметах.

Это для меня будет тем легче, что в последнее время эти самые предметы занимают меня.

Во-первых, скажу, что то разделение, которое я в своих тогдашних педагогических статьях делал между воспитанием и образованием, искусственно. И воспитание и образование нераздельны. Нельзя воспитывать, не передавая знания; всякое же знание действует воспитательно. И потому, не касаясь этого подразделения, буду говорить об одном образовании: о том, в чем, по моему мнению, заключаются недостатки существующих приемов образования, и каким оно, по моему мнению, должно бы быть, и почему именно таким, а не иным.

То, что свобода есть необходимое условие всякого истинного образования как для учащихся, так и для учащих, я признаю, как и прежде, т. е.

[1] В приводимых ниже высказываниях Толстой особенно усиленно подчеркивает «религиозное основание» воспитания, не отделяя, как это было раньше, воспитания от образования. Реакционная сущность педагогического «учения» Толстого представлена здесь особенно выпукло. *Н. Ж.*

что и угрозы наказаний и обещания наград (прав и т. п.), обусловливающие приобретение тех или иных знаний, не только не содействуют, но более всего мешают истинному образованию.

Думаю, что уж одна такая полная свобода, т. е. отсутствие принуждения и выгод как для обучаемых, так и для обучающих, избавила бы людей от большой доли тех зол, которые производит теперь принятое везде принудительное и корыстное образование. Отсутствие у большинства людей нашего времени какого бы то ни было религиозного отношения к миру, каких-либо твердых нравственных правил, ложный взгляд на науку, на общественное устройство, в особенности на религию, и все вытекающие из этого губительные последствия, — все это порождаемо в большей степени насильственными и корыстными приемами образования.

И потому, для того, чтобы образование было плодотворно, т. е. содействовало бы движению человечества к все большему и большему благу, нужно, чтобы образование было свободно. Для того же, чтобы образование, будучи свободно как для учащих, так и для учащихся, не было собранием произвольно выбранных, ненужных, несвоевременно передаваемых и даже вредных знаний, нужно, чтобы у обучающих, так же как и у обучаемых, было общее и тем и другим основание, вследствие которого избирались для преподавания и изучения наиболее нужные для разумной жизни людей знания и преподавались бы в соответственных их важности размерах. Таким основанием всегда было и не может быть ничто другое, как одинаково свободно признаваемое всеми людьми общества как обучающимися, так и обучающими, понимание смысла и назначения человеческой жизни, т. е. религии...

И потому я полагаю, что первое и главное знание, которое свойственно прежде всего передавать детям и учащимся взрослым, это — ответы на вечные и неизбежные вопросы, возникающие в душе каждого приходящего к сознанию человека. Первый: что я такое и какое мое отношение к бесконечному миру? и второй, вытекающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим и что всегда, при всех условиях, дурным?

Ответы на эти вопросы всегда были и есть в душе каждого человека; разъяснения же ответов на эти вопросы не могло не быть среди миллиардов прежде живших и миллионов живущих теперь людей. И оно действительно есть в учениях религии и нравственности, — не в религии и учении нравственности какого-либо одного народа известного места и времени, а в тех основах религиозных и нравственных учений, которые — одни и те же — высказаны всеми лучшими мыслителями мира от Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелия, Конфуция, Христа, Иоанна апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидского Баба, индусского Вивекананды, Чаннинга, Эмерсона, Рескина, Сковороды и др.

И потому думаю, что до тех пор, пока эти два предмета не станут в основу образования, не может быть никакого разумного образования.

Что же касается дальнейших предметов знания, то думаю, что порядок их преподавания выяснится сам собой при признании основой всякого знания учения о религии и нравственности. Весьма вероятно, что при такой постановке дела первым после религии и нравственности предметом будет изучение жизни людей самых близких: своего народа, богатых, бедных классов, женщин, детей, их занятий, средств существования, обычаев, верований, миросозерцаний. После изучения жизни своего народа, думаю, что при правильной постановке дела образования столь же важным предметом будет изучение жизни других народов, более отдаленных, их религиозных верований, государственного устройства, нравов, обычаев.

Оба эти предмета, точно так же, как религиозно-нравственное учение, совершенно отсутствуют в нашей педагогике и заменяются географией — изучением названий мест, рек, гор, городов — и историей, заключающейся в описании жизни и деятельности правителей и преимущественно их войн, завоеваний и освобождений от них.

Думаю, что при постановке в основу образования религии и нравственности изучение жизни себе подобных, т. е. людей, то, что называется

этнографией, займет первое место и что точно так же, соответственно своей важности для разумной жизни, займут соответствующие места зоология, математика, физика, химия и другие знания.

Думаю так, но не берусь ничего утверждать о распределении знаний. Утверждаю же я только одно: то, что без признания основным и главным предметом образования религии и нравственности не может быть никакого разумного распределения знаний, а потому и разумной и полезной для обучаемых передачи их.

При признании же основой образования религии и нравственности и при полной свободе образования все остальные знания распределяются так, как это им свойственно, сообразно тем условиям, в которых будет находиться то общество, в котором будут преподаваться и восприниматься знания.

И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятых вопросами образования, может и должна состоять прежде всего в том, чтобы выработать соответственное нашему времени религиозное и нравственное учение и, выработав таковое, поставить его во главе образования. В этом, по моему мнению, в наше время состоит первое и, пока оно не будет сделано, единственное дело не только образования, но и всей науки нашего времени, — не той, которая вычисляет тяжесть той звезды, вокруг которой вращается солнце, или исследует происхождение организмов за миллионы лет до нашего времени, или описывает жизни королей, полководцев, или излагает софизмы — теологии или юриспруденции, а той одной, которая есть точно наука, потому что действительно нужна людям. Нужна же людям потому, что, наилучшим образом отвечая на те, одни и те же, вопросы, которые везде и всегда ставил и ставит себе всякий разумный человек, вступающий в жизнь, она содействует благу как отдельного человека, так и всего человечества.

Вот все, что имел сказать. Буду рад, если это пригодится вам.

б) О главной задаче учителя

(1909 г.)

Школьное дело такое, что оно может быть не только полезным, но одним из самых вредных и дурных дел, может быть и самым пустячным делом, может быть и одним из самых полезных дел, которому могут посвятить свою жизнь люди.

Пустячным оно будет, когда учитель, не поддерживая существующее направление и не противодействуя ему, ограничится одним внешним, механическим обучением арифметике, грамматике, орфографии.

Полезным и одним из самых хороших дел оно будет тогда, когда учитель по мере сил своих будет внушать детям истинно-нравственные, основанные на религиозных христианских началах, убеждения и привычки.

(Полное собрание сочинений, изд. 1913 г., т. IV.)

ГЛАВА III

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ И БУРЖУАЗНО-РАДИКАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА 60-х гг.

Н. А. Добролюбов [*]

О ЗНАЧЕНИИ АВТОРИТЕТА В ВОСПИТАНИИ

(1857 г.)

Умственное движение, возбужденное в нашем обществе событиями последних годов, обратилось недавно и к вопросам о воспитании. Теперь у нас основано уже два педагогических журнала и, кроме того, статьи о воспитании появляются от времени до времени и в других изданиях. Но первый обратил внимание на это важное дело «Морской сборник», поместивший в начале прошлого года статью о воспитании г. Бема, за которой последовали и другие статьи, более или менее новые и справедливые. Многие из этих статей находили сочувствие в читателях, но ни одна из них не имела такого полного и блестящего успеха, как «Вопросы жизни» г. Пирогова. Они поразили всех — и светлостью взгляда, и благородным направлением мыслей автора, и пламенной живой диалектикой, и художественным представлением затронутого вопроса. Все, читавшие статью г. Пирогова, были от нее в восторге, все о ней говорили, рассуждали, делали свои соображения и выводы. В этом случае общество предупредило даже литературную критику, которая только подтвердила общие похвалы, не пускаясь в подробный анализ статьи и не делая никаких своих заключений. Это явление весьма много говорит в пользу русской публики, и оно тем более замечательно, что статья г. Пирогова вовсе не отличается какими-нибудь сладкими разглагольствиями или пышными возгласами для усыпления нерадивых отцов и воспитателей, вовсе не старается подделаться под существующий порядок вещей, а, напротив, бросает прямо в лицо всему обществу горькую правду; не обинуясь говорит о том, что у нас есть дурного, смело и горячо, во имя высочайших вечных истин, преследует мелкие интересы века, узкие понятия, своекорыстные стремления, господствующие в современном обществе. Сочувствие публики к такой статье имеет глубокий, святой смысл. Значит, при всем своем несовершенстве, при всех увлечениях на прак-

тике, общество наше хочет и умеет, по крайней мере, понимать, что хорошо и справедливо, к чему должно стремиться. Оно уже имеет столько внутренней силы, что не пугается сознания своих недостатков, а сознание прошедшего и настоящего зла есть лучшее ручательство за возможность добра в будущем. С глубокой радостью и искренним сочувствием приветствуя этот благородный порыв русских людей, мы решаемся высказать по поводу статьи г. Пирогова несколько соображений, на которые наводит она всякого мыслящего читателя. Делаем это с тем большей смелостью, что до сих пор нигде еще не встречали более честного развития тех мыслей, которые заключаются в общих афористических положениях г. Пирогова.

Н. А. Добролюбов.

Сущность мыслей, изложенных в «Вопросах жизни», состоит в следующем: главные и высшие основы нашего воспитания находится в совершенном разладе с господствующим направлением общества. Из этого выходит, что, оканчивая курс воспитания и вступая в общество, мы находим себя в необходимости *или* отречься от всего, чему нас учили, чтобы подделаться к обществу, *или* следовать своим правилам и убеждениям, становясь таким образом противниками общественного направления. Но жертвовать святыми, высшими убеждениями для житейских рассчетов — слишком безнравственно и отвратительно, а итти против общества — где же взять сил на это? К такой борьбе с ложным направлением общества воспитание совсем не готовит нас. Оно даже совсем не заботится о том, чтобы вкоренить в нас высшие, человеческие убеждения; оно хлопочет только о том, чтобы сделать нас учеными, юристами, врачами, солдатами и т. п. Между тем, вступая в жизнь, человек хочет иметь какое-нибудь убеждение, хочет определить, что он такое, какая его цель и назначение. Всматриваясь в себя, он находит уже готовое решение этих вопросов, данное воспитанием, а присматриваясь к обществу, видит в нем стремления, совершенно противоположные этим решениям. Он хочет бороться со злом и ложью,— но здесь-то и оказывается вся несостоятельность его прежнего воспитания: он не приготовлен к борьбе, он должен сначала перевоспитать себя, чтобы выйти на арену бойца... А, между тем, годы летят, жизнь не ждет, нужно действовать... и человек действует, как попало, часто падая под бременем тяжелых вопросов, увлекаясь стремительным течением толпы то в ту, то в другую сторону, — потому что сам собой он не умеет действовать, в нем не воспитан внутрен-

ний человек, в нем нет убеждений. А убеждения даются не легко: только тот может иметь их, *кто приучен с ранних лет проницательно смотреть в себя, кто приучен с первых лет жизни любить искренно правду, стоять за нее горой и быть непринужденно откровенным как с наставниками, так и с сверстниками.*

На этом останавливается г. Пирогов. Он указывает зло в воспитании и доказывает свои положения с беспощадной, неотразимой логической силой. Он дает понимать и угадывать причину зла: преобладание внешности в самом воспитании, пренебрежение внутреннего человека. Но каким образом именно убивается в детях внутренний человек, отчего внешнее развивается в них более, от каких частных влияний они выходят на жизненое поприще неприготовленными, бессильными,— этого г. Пирогов не разбирает подробно, а опять предоставляет только угадывать. Мы решаемся высказать здесь несколько мыслей об этом, родившихся в нас по прочтении «Вопросов жизни».

Трактуя с своих педагогических высот вопросы о воспитании, мы до сих пор очень сильно напоминали басню, в которой поставили волков в начальники над овцами. Здесь все обстоятельства были прекрасно соображены, все голоса собраны, только одного не доставало, не спросили самих овец. Так точно, большая часть наших педагогических рассуждений, отлично разбирая вопросы высшей философии, представляя верные и полезные правила с точки зрения религиозной, государственной, нравственной, общепсихологической и т. п., упускает из виду одно весьма важное обстоятельство — действительную жизнь и природу детей и вообще воспитываемых... Оттого дитя нередко жертвуется педагогическим рассчетам. Вознесшись на своего нравственного конька, воспитатель считает воспитанника своей собственностью, вещью, с которой он может делать, что ему угодно. «Дитя не должно иметь своей собственной воли,— говорят премудрые педагоги: — оно должно слепо подчиняться требованиям родителей, учителей, вообще старших. Приказание воспитателя должно быть для него высшим законом и исполняться без малейших рассуждений. Безусловное повиновение — главное и единственное необходимое условие воспитания. Воспитание своей последней целью и имеет именно то, чтобы на место *неразумной* воли ребенка поставить *разумную* волю воспитателя».

Не правда ли, что все это кажется очень логическим и справедливым? Но, припомнив характеристику этого *разумного* воспитания, сделанную в «Вопросах жизни», и сами еще не слишком отдаленные от впечатлений собственного воспитания и учения, мы не можем без недоверчивой улыбки слушать логические рассуждения. Все они, очевидно, обнаруживают только одно: страшную педантическую гордость почтенных педагогов, соединенную с презрением к достоинству человеческой природы вообще. Говоря, что в лице воспитателя осуществляются для ребенка нравственный закон и разумное убеждение, они, очевидно, ставят воспитателя на недосягаемую высоту, непогрешительным образцом нравственности и разумности. Не трудно, конечно согласиться, что если бы возможен был такой идеальный

воспитатель, то безусловное, слепое следование его авторитету не принесло бы особенного вреда ребенку (если не считать важным вредом замедление самостоятельного развития личностей). Но, во-первых, идеальный наставник не стал бы и требовать *безусловного* повиновения: он постарался бы как можно скорее развить в своем воспитаннике разумные стремления и убеждения. А, во-вторых, искать непогрешимых, идеальных наставников и воспитателей в наше время было бы еще слишком смелая и совершенно напрасная отвага. Для этого требуется слишком много условий. Прежде всего, нравственные правила воспитателя должны быть безусловно верны и строго проведены по всем, самым частным и мелочным случайностям жизни. Темных вопросов, сомнительных случаев для него никогда и никаких не должно быть: иначе — что же он станет делать, если в подобном случае придется приказывать ребенку, который всякое предписание исполняет безусловно, следовательно, вызвать на рассуждение и соображение никак не может? Кроме того, в воспитателе предполагается еще при этом совершенное бесстрастие: он не может увлечься ни гневом, ни любовью, не может чувствовать лени и утомления, для него не может существовать хорошее и дурное расположение духа, он должен быть не обыкновенным человеком, а особенного рода снарядом, в котором должен, без всяких уклонений, осуществляться нравственный закон. Но, сколько нам известно, подобные снаряды еще не изобретены, а если иные и объявляют, будто они открыли секрет такого изобретения, то в этом опять выражается только их презрение к человеческой природе и желание, во что бы то ни стало, не походить на людей. Если же в воспитателе допустить возможность увлечения, то как можно поручиться за безусловную непогрешимость его действий в отношении к ребенку? И не лучше ли с самых первых лет приучать ребенка к разумному рассуждению, чтобы он как можно скорее приобрел уменье и силы не следовать нашим приказаниям, когда мы приказываем дурно?..

«Но,— говорят,— ребенок еще не может рассуждать правильно о частных случаях, потому что он не имеет данных: он еще так мало видел и знает». Это в высшей степени справедливо, и обязанность воспитателя в том именно и состоит, чтобы сообщить дитяти, сколько возможно скорее, возможно наибольшее количество всякого рода данных, фактов, заботясь при этом особенно о полноте и правильности восприятия их ребенком. Поводы к подобному сообщению фактов может представлять самое противоречие ребенка, на которое не отвечать может наставник только по лености или по трусости своей, а никак не по разумному убеждению. Вы заставляете вашего воспитанника сделать что-нибудь; он говорит, что сделать этого нельзя,— а вы ему покажите, *как* это сделать. Он сам что-нибудь хочет совершить, а вы говорите, что это невозможно, и спрашиваете его, как он хотел бы исполнить свое намерение. Он рассказывает свои мечтательные планы; вы последовательно и подробно доказываете неисполнимость его предприятия. И в этом одном сколько представляется вам прекрасных поводов передать ребенку множество верных, живых сведений о законах природы, о явлениях духовной жизни человека,

об устройстве общества? И поверьте, что ребенок сумеет понять ваши объяснения и принять их к сведению.

Вообще можно сказать, что в непонятливости детей большей частью виноваты сами взрослые. У нас обыкновенно жизненные случайности потрясают несколько твердость чистой логики; de jure и de facto неразрешимо переплетаются, и мы, по привычке к уклонениям, часто допускаем такие применения основных принципов, или такие общие выводы из частных фактов, которых чистое мышление никак принять не может. Чистая девственная логика детской головы этого не допускает, и потому все нелогичности, допускаемые нами незаметно для нас самих, из деликатного почтения к statu quo, упорно не понимаются детьми. Если вы наполнили ум дитяти верными данными, то вам трудно уже будет вбить ему в голову ложное заключение, выведенное из этих данных; если вы заставили его сначала принять ложное основание, то вы долго не добьетесь, чтобы он правильно смотрел на следствия, выводимые вами и логически несоответствующие принятому началу. Твердое настаивание на этих нелогичностях, без подробного и откровенного разъяснения обстоятельств, их вызвавших, непременно ведет к искажению природного здравого смысла в ребенке, и, к сожалению, такое искажение происходит у нас слишком часто.

Столь же много вредит понятливости детей и неестественный порядок, принятый у нас вообще в обучении. Познания могут быть приобретаемы только аналитическим путем; сама наука развивалась таким образом, а, между тем, даже в самом первоначальном обучении начинают у нас с синтеза! Порядок совершенно извращенный, от которого происходит в занятиях неясность, запутанность, безжизненность. Каждая наука начинается, например, введением, в котором говорится о сущности, важности, пользе, разделении науки и т. п. Спрашиваю вас, как же вы хотите, чтобы мальчик понял все это прежде, чем он изучит самую науку? История разделяется на древнюю, среднюю и новую: каждая часть делится на следующие периоды и прочее. На чем держится это деление, к чему оно примкнет в голове мальчика, который об истории понятия не имеет? География есть наука, показывающая и т. д.; она состоит из трех частей: математической, физической и политической. Первая говорит о том-то, вторая о том-то, и пр... Можно ли ожидать, чтобы, начиная с этого географию, ребенок мог разумно усвоить себе что-нибудь?

А между тем, посмотрите, сколько любознательности, сколько жадного стремления к исследованию истины высказывают дети. Инстинкт истины говорит в них чрезвычайно сильно, может быть, даже сильнее, нежели во взрослых людях. Они не интересуются призраками, которые создали себе люди и которым придают чрезвычайную важность. Они не занимаются геральдикой, не пускаются в филологические тонкости, не стремятся к чинам и почестям (разумеется, если им не натолковали об этом чуть не со дня рождения). Зато, как охотно они обращаются к природе, с какой радостью изучают все действительное, а не призрачное, как их занимает всякое живое явление. Они не любят отвлеченностей, и в этом спасение от насильственно втор-

гающихся в их душу умствований, которых доказать и объяснить часто не может даже тот, кто хлопочет о вкоренении их в душе воспитанников. Да, счастливы еще дети, что природа не вдруг теряет над ними свои права, не тотчас оставляет их на жертву извращенных, пристрастных, односторонних людских теорий!..

«Но,— скажут,— в детях сильно влечение ко злу; необходимо деятельно противиться злым от природы наклонностям ребенка». Не разбирая подробно этого мнения, позволим себе ответить на него словами г. Пирогова, которому, конечно, вполне можно поверить, когда дело идет о свойствах человеческой природы. Вот его слова: «Добро и зло довольно уравновешены в нас. Поэтому нет никакой причины думать, чтобы наши врожденные склонности, даже и мало развитые воспитанием, влекли нас более к худому, нежели к хорошему. А законы хорошо устроенного общества, вселяя в нас доверенность к правосудию и зоркости правителей, могли бы устранить и последнее влечение ко злу».

Но если даже и справедливо, что в природе нашей есть природное влечение ко злу, то разве вы можете взяться за его уничтожение? Вы ли, беспрестанно противоречащие сами себе, опровергающие своими поступками свои же правила, осуждающие теоретическими принципами свои же поступки, на каждом шагу падающие, жертвующие велениями высшей природы своекорыстным требованиям грубого эгоизма,— вы ли бросаете камень в невинного ребенка и с фарисейской надменностью восстаете против того немногого, что в нем замечаете? Нет, перевоспитайте прежде самих себя и тогда уже принимайтесь за поправление природы человека во вверенных вам детях.

Если в детях нельзя видеть идеала нравственного совершенства, то, по крайней мере, нельзя не согласиться, что они несравненно нравственнее взрослых. Они не лгут (пока их не доведут до этого страхом), они стыдятся всего дурного, они хранят в себе святые чувства любви к людям, свободной от всяких житейских предрассудков. Они сближаются со сверстником, не спрашивая, богат ли он, равен ли им по происхождению; у них замечена даже особая наклонность сближаться с обиженными судьбою, со слугами и т. п. И чувства их всегда выражаются на деле, а не остаются только на языке, как у взрослых; ребенок никогда не съест данного ему яблока без своего брата или сестры, которых он любит; он всегда принесет из гостей гостинцы своей любимой нянюшке; он заплачет, видя слезы матери, из жалости к ней. Вообще, мнение, будто бы в детях преобладающее чувство — животный эгоизм, решительно лишено основания. Если в них незаметно сильного развития любви к отечеству и человечеству, это, конечно, потому, что круг их понятий еще не расширился до того, чтобы вмещать в себе целое человечество. Они этого не знают, а чего не знаешь, того и не любишь.

Нет, не напрасно дети поставлены в пример нам, даже тем, пред кем с благоговением преклоняются народы, чье учение столько веков оглашает вселенную. Да, мы должны учиться, смотря на детей, должны сами переродиться, *сделаться как дети*, чтобы достигнуть ведения истинного добра и правды. Если уже мы хотим обратить вни-

мание на воспитание, то надо начать с того, чтобы перестать презирать природу детей и считать их неспособными к восприятию убеждений разума. Напротив надо пользоваться теми внутренними сокровищами, которые представляет нам натура дитяти. Многие из этих природных богатств нам еще совершенно неизвестны, многое, по словам евангелия, утаено от премудрых и разумных и открыто младенцам!..

Эта апология прав детской природы против педагогического произвола, останавливающего естественное развитие, имела целью указать на один из важнейших недостатков нашего воспитания. Мы не пускались в подробности, а выставляли на вид только общие положения, в надежде, что умные воспитатели, если согласятся с нашим мнением, то и сами увидят, что и как нужно им делать и чего не делать. Искусства обращаться с детьми нельзя передать дидактически; можно только указать основания, на которых оно может утверждаться, и цель, к которой должно стремиться. И мы думаем,— главное, что должен иметь в виду воспитатель, это — уважение к человеческой природе и дитяти, предоставление ему свободного, нормального развития, старание внушить ему прежде всего и более всего правильные понятия о вещах, живые и твердые убеждения, заставить его действовать сознательно, по уважению к добру и правде, а не из страха и не из корыстных видов похвалы и награды.

Исполнить это трудно, но не невозможно. Начало подобного обращения к естественному смыслу детей было уже положено, слишком за полвека назад, благородным и бескорыстным филантропом воспитателем — Песталоцци. По поводу его-то школы сделано госпожею Сталь многозначительное замечание, что «непонимание детей происходит всегда более от темноты изложения, нежели от трудности самых наук» («De l'Allemagne»). Тысячи опытов подтвердили это замечание с тех пор, как оно было высказано, и мы с гордостью должны сознаться, что оно и до сих пор не потеряло своей справедливости. И не только умственное, но,— что еще более грустно,— даже нравственное воспитание детей страдает у нас той же голословностью, внешностью, мертвенностью. Освободиться от этого жалкого состояния, обратить внимание не на мертвую букву, а на живой дух, не на исполнение внешней формы, а на развитие внутреннего человека,— вот задача, которой выполнение предстоит современному русскому воспитанию.

(Педагогические сочинения, Петроград, 1917.)

ВСЕРОССИЙСКИЕ ИЛЛЮЗИИ, РАЗРУШАЕМЫЕ РОЗГАМИ

(1860 г.)

...В № 11 «Журнала для воспитания» за 1859 г. напечатаны «*Правила о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа*», изданные г. Пироговым 22 июля 1859 г. Правила эти составлены для того, чтобы устранить разнообразие во взгляде начальников на проступки гимназистов и на значение самых наказаний.

Цель эта выражена г. Пироговым в следующих строках:

«Нехорошо, если в том же учебном округе (в котором иногда ученики переходят из одного заведения в другое), за тот же самый проступок один директор будет сечь или исключать ученика, а другие прощать его или слабо наказывать. При таких противоречиях и упущениях нельзя *развиться чувству законности* в учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядов и действий воспитателей, непременно придут к тому заключению, что действиями их управляет не закон, а случай, каприз, произвол и пристрастие. Доверие к законности действий в таком случае нарушается, а вместе с этим исчезает и всякое чувство правды и законности».

Чтобы предотвратить такое печальное явление, г. Пирогов считает необходимым не только составление общих правил для всех гимназий, но и ознакомление с этими правилами самих учеников, с самого вступления их в гимназию, для того, «чтобы учащиеся были убеждены, что никакой их проступок не останется скрытым и необсужденным и что *каждое наказание проистекает, как бы само собою, из сущности и характера проступка*».

Читая это вступление к «Правилам», мы еще продолжали чувствовать прежнее удивление к непреклонности и твердости г. Пирогова в проведении своих общих принципов. Мы видели в фразах, подчеркнутых нами выше, полнейшее отрицание розги, которая никак уж не может служить к развитию в детях *чувства законности* и никак не принадлежит к числу рациональных наказаний, *вытекающих из сущности самого проступка*. Читая далее, мы еще более утвердились в своей уверенности, увидевши, что «Правила о наказаниях» составлены были под председательством г. Пирогова целым комитетом, членами которого были: помощник попечителя Киевского округа, директоры гимназий, инспектор казенных училищ, некоторые профессора (истории — В. Шульгин, педагогики — Гогоцкий) и некоторые учителя. Такой состав комитета не мог внушать никаких опасений, и мы читали далее «Правила», в полной уверенности найти в них только рациональные, естественные, гуманные меры, пользу которых всегда проповедывал г. Пирогов. Тем тяжелее было наше разочарование.

Нас очень неприятно поразила уже и таблица о числе высеченных в 1858 г. гимназистов в Киевском округе. По сведениям, вытребованным г. Пироговым из разных гимназий, оказалось следующее:

В 1858 г. наказано было розгами:

В Киевской	2-й	гимназии	из 625—43
„ Житомирской		„	„ 600—290
„ Немировской		„	„ 600—67
„ Подольской		„	„ 400—37
„ Полтавской		„	„ 399—39
„ Ровенской		„	„ 300— 6
„ Нежинской		„	„ 260—20
„ Новгородсеверск.		„	„ 250— 8
„ Черниговской		„	„ 240—18
„ Белоцерковской		„	„ 220—38
„ Киевской	1-й	„	„ 215— 3

Одна эта таблица способна уже убедить внимательного педагога в том, как напрасно и неразумно употребляется розга в нашем воспитании. Одно сравнение этих данных может оправдать самое решительное изгнание розги из гимназий. Мы видим, например, что в Житомирской гимназии секут в *семь* раз чаще, чем в Киевской 2-й, и в *35* раз чаще, чем в Киевской 1-й. В Киевской 1-й было только *три* случая, когда понадобились розги, в Житомирской же их было 290, т. е. половина из всего числа гимназистов была пересечена! А если мы припомним § 205 «Училищного устава» 1828 г., по которому розги дозволяется употреблять *только в трех низших классах,* то окажется, что *каждый* мальчик был (по среднему рассчету) непременно раз высечен в течение года, а если кто избежал этого удовольствия, то, значит, вместо него, надо считать за другим *двойное* или *тройное* и т. д. розочное наставление... Да еще из выражения, употребленного в «Правилах», не видно, считается ли в этой таблице *каждый раз* или только *каждый человек*. Не сказано: «было *столько-то случаев сеченья»,* а говорится только: *«столько-то учеников* высечено».., т. е. может быть, если один и тот же ученик 50 раз в году высечен, так все это считается за *единицу*... Но даже если и так, то все-таки — какой ужас и мрак должна представлять собой Житомирская гимназия! В году менее двухсот учебных дней, а тут 290 человек подвергаются порке, значит каждый божий день в Житомирской гимназии порют, да еще и не по одному человеку!.. И все это делалось в 1858 г., который — кроме того, что вообще принадлежит *настоящему времени, когда* и пр. — замечателен в этом случае еще и тем, что в течение второй его половины (с августа) Киевский учебный округ находился под попечительством г. Пирогова! И заметьте еще, что цифра 290 стоит в отчете, доставленном попечителю самой дирекцией. Между тем, кто же не знает, что где наказания так обыкновенны и часты, там почти нет возможности свести им верный счет за целый год. Другое дело — 1-я Киевская гимназия, Ровенская и Новгородсеверская: там в целый год случилось высечь в одной — трех, в другой — 6, в третьей — 8 человек. Тут сосчитать не трудно, и мы не имеем причин прямо сомневаться в верности показаний. Но 290 в год — тут весьма не трудно сбиться в счете! Да и едва ли кому-нибудь из начальства Житомирской гимназии казалось особенно важным вести точный счет экзекуциям, которые оно раздавало так щедро и которым, как видно, вовсе не придавало какого-нибудь чрезвычайного значения.

Но г. Пирогов доверчиво останавливается на цифре, показанной дирекцией, и делает следующие соображения: «Разность в численности телесных наказаний нельзя объяснить различной численностью учеников и различной степенью их нравственного развития; мы видим, что в гимназиях, одинаково многолюдных и при сходных условиях, число телесных наказаний было далеко не одно и то же; потому *этот факт не может быть иначе объяснен, как неопределительностью взглядов гг. директоров и наставников на проступки и наказания учеников.* Неужели нравственное развитие учеников 2-й Киевской, например, и Житомирской гимназий так различно, чтобы им одним можно было объяснить, почему в одной из них, почти при одинаковом числе

учащихся (625—600), высечены были в прошлом году *только* (только!!) 43, а в другой почти 300 учеников!»

Как видите, г. Пирогов чрезвычайно легко и снисходительно смотрит на вопиющие ужасы, представленные ему в сведениях о числе высеченных мальчиков. Его не возмущает злодеяние, регулярно совершающееся над несчастными мальчиками в одном из подведомственных ему заведений; он имеет дух сказать даже: «*только*» в приложении к той гимназии, в которой секут несколько меньше. Всего более озабочивает его то обстоятельство, что взгляды разных директоров не приведены к единству... Признаемся, не такого тона, не таких чиновнических рассуждений ожидали мы от автора «Вопросов жизни»!

Но окончательно пристыжены мы были в своем прежнем восторге от г. Пирогова, когда дошли до того места «Правил», где почтенный педагог доходит до изложения теоретических и практических соображений своих относительно телесного наказания. Тут происходит в «Правилах» такое неловкое и неуклюжее балансирование на розгах, что невольно сердце замирает со страха за шаткое положение балансирующих. Сначала говорится, что розга «гнусна, вредна», что ее *нужно* вовсе изгнать; потом, что изгнать *нельзя;* потом, что это *трудно,* наконец — что ее следует употреблять, только редко... Все это так плохо вяжется с прежними убеждениями автора «Вопросов жизни», так несообразно само по себе, так противоречит основной цели составления «Правил», что мы, для полного вразумления, несколько раз прочитали этот странный пункт и, наконец, убедившись в печальной истине и вспомнив прежнюю защиту детей от розог г. Пироговым, могли только вскрикнуть внутренно: tu quoque, Brute!!

Но постараемся проследить с некоторой обстоятельностью эту странную игру фантазии и остроумия г. Пирогова. Постараемся сделать свои замечания возможно спокойными и умеренными. Предмет сам по себе, правда, таков, что о нем спокойно говорить почти невозможно: тут нужно — или оплакивать падение человека и принципа, или добродушнейшим образом смеяться над иллюзиями и разочарованиями человечества. Мы более были бы склонны к последнему; но нас отчасти останавливает следующее заключение, которым оканчивается первая часть «Правил» г. Пирогова:

«Я должен объявить дирекциям, что и таблицу, и мнения, обсужденные комитетом о проступках и наказаниях, нисколько не рассматриваю я, как совершенно уже законченные и не подлежащие улучшениям и изменениям, на которые может указать время и опыт. Потому *я прошу всех и каждого из воспитателей* сообщить мне, чрез педагогический совет, или в виде отдельных мнений, сделанные им замечания, замеченные недостатки и указать на придуманные каждым исправления».

Таким образом, г. Пирогов сам просит, чтобы на его «Правила» делали замечания все воспитатели. Мнения и указания их он желает принять к сведению. Но, кроме того, г. Пирогов сам печатает свои «Правила» в журнале и, следовательно, подвергает их обсуждению не одних уже воспитателей, а всей публики. Это черта такого просвещенного и благородного воззрения на свое дело, что уже ей одной значительно

умеряется раздражение, которое способны возбудить во многих сами «Правила». Г. Пирогов не ошибся, решившись обнародовать все, что ни предпринимает он в администрации Киевского учебного округа. Теперь многие из его распоряжений могут быть критикованы, могут обнаружиться ошибки, указываться уклонения от его собственных воззрений и т. п. Но никогда нападения на него не могут достичь той степени ожесточения и судорожной ярости, до какой они дошли бы непременно, если бы все дело велось втихомолку, и литература должна была бы выискать посторонние предлоги, чтобы добраться до г. Пирогова. Теперь, по крайней мере, дело чистое, и никто не может быть обманутым. Публика видит, что напечатано г. Пироговым, видит и то, что печатается против него. Следовательно, как бы ни жестоки были нападки, все-таки г. Пирогов в общем мнении получает лишь то, чего он действительно заслуживает.

Приведем же в подлиннике фатальную страницу «Правил», трактующую о розгах, чтобы читатели, не имеющие под руками «Журнала для воспитания», сами могли проверить наши замечания. Вот сентенции «Правил»:

«Опытом дознано, что уменьшение числа преступлений в обществе и улучшение нравственности зависит *не столько от строгости наказаний, сколько от распространения убеждения, что ни одно преступление не останется не открытым и безнаказанным*. Это же убеждение должно стараться распространить и между учащимися и доказывать им его на деле. Имея это в виду, предлагаемые здесь правила о проступках и наказаниях и определяют только для немногих, исключительных случаев, *строгие телесные наказания*. Известно, что как бы наказание ни было жестоко и унизительно, к нему можно привыкнуть. Человек приучится хладнокровно смотреть и на смертную казнь. Так розга, часто употребляемая, теряет свое нравственно-исправительное действие. Поэтому гораздо надежнее и несравненно сообразнее с правилами благоразумной педагогики принять в основание *не строгость, а соответственность наказания с характером проступка*. Идеал справедливого наказания есть тот, чтобы *оно проистекало*, так сказать, *само собою из сущности самого проступка*. Розгу из нашего русского воспитания нужно было бы изгнать совершенно. Если для доказательства ее необходимости и пользы приводят в пример воспитание в Англии, то на это нужно заметить, что розга в руках английского педагога имеет совершенно другое значение. Где чувство законности глубоко проникло все слои общества, там и самые нелепые меры не вредны, потому что они не произвольны. А там, где нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, заменяя в виновном свободу сознания робким страхом, с его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворством, розга окончательно разрывает нравственную связь между воспитателем и воспитанником; она и там не надежна, где еще существуют патриархальные отношения. И если грубое телесное наказание и от рук родного отца делается иногда невыносимым, то в воспитании, основанном на административном начале, оно делается унизительным. Но нельзя еще у нас вдруг вывести розги из употребления. Пока сеченные дома дети будут поступать в наши воспитательные учреждения, трудно еще придумать что-нибудь другое для наказания (по крайней мере вначале) в случаях, не терпящих отлагательства. Нам покуда ничего не остается более, как принять за правило: употреблять это средство с крайней осторожностью и только там, где позорная вина требует быстрого, сильного и мгновенного сотрясения. Но это сотрясение тогда только и может достигнуть своей цели, когда оно будет употреблено редко, но безотлагательно, следуя непосредственно за проступком, очевидность которого не подлежит никакому сомнению» («Журнал для воспитания» 1850, № 11, стр. 115.)

Сообразите этот пункт с общей целью «Правил», проследите отдельные положения этой самой тирады, и вам представится изумительная путаница понятий, бестолковейший разлад противоречащих мыслей. Как будто вы читаете нелепейшую хрию начинающего обучаться реторике семинариста, где все основания подобраны для подтверждения вывода, совсем противного тому, какой действительно сделан им в заключении, сообразно заданной теме. Возьмите, например, хоть следующие положения из «Правил».

Первая посылка. «При господстве административного начала в наших учебных учреждениях, первым шагом к улучшению нравственной стороны воспитания *может служить* т о л ь к о *развитие чувства законности и справедливости между учащимися*» («Журнал для воспитания», стр. 115).

Вторая посылка. «Где чувство законности глубоко проникло все слои общества, там и самые нелепые меры не вредны, потому что они непроизвольны. *А там, где нужно сначала еще распространить это чувство,* р о з г а н е г о д и т с я» (стр. 115).

Можно, конечно, спорить против второй посылки, можно спросить: отчего же развитие чувства законности дает привилегию на розгу? И что это за странное правило: пока в человеке нет чувства законности, так его пороть не следует, а как только это прекрасное чувство появилось — пори его: *не вредно,* дескать... Но оставим это в стороне, станем беспрекословно на точку зрения г. Пирогова и повторим его слова:

«*Чувство законности, так еще мало заметное в нашем обществе, нигде между тем столько не нужно, как у нас в России*» (стр. 110). Поэтому при воспитании общественном «*надо как можно более стараться о развитии чувства законности. Для развития этого чувства* «р о з г а н е г о д и т с я».

Ясно, стало быть, — возрадуемся: в Киевском округе детей не будут пороть, потому что розга совершенно противоречит достижению тех благих целей, какие имел г. Пирогов при составлении своих «Правил»... Не так ли?

Выходит, что не так! Весьма красноречиво доказавши гнусность и возмутительность розочной науки, г. Пирогов вдруг поражает нас крутым оборотом: «*Но нельзя еще у нас вдруг вывести розгу из употребления*».

Отчего же нельзя? — спрашиваете вы в изумлении. — Оттого *нельзя,* что «*трудно* придумать что-нибудь другое для наказания в гимназии детей, уже прежде сеченных дома»...

Но скажите, пожалуйста, неужели это удовлетворительный ответ? И, во-первых, — разве *трудно* и *нельзя* одно и то же? *Трудно* придумать что-нибудь другое; но, значит, все-таки *можно?* Ну и потрудитесь. На то ведь и существуют все эти педагогические советы, инспекторы, директоры, попечители и т. д. Не за исправностью же пуговиц смотреть они поставлены; не могут же они ограничить свою деятельность только механическим применением к новому поколению старой рутины... Не в том же только и состоит их задача, чтобы составлять полицейские расписания: за что лишать ученика пирога, за что супа,

а за что и целого обеда; за какой проступок держать его под арестом один день, за какой — три. Все эти подвиги на пользу воспитания слишком жалки, чтобы из-за них уволить себя от других забот — например, о том, чтобы приискать новые способы наказаний в училищах, более рациональные и менее позорные (особенно для наказывающего), чем розги...

Далее — что это значит: «Нельзя *вдруг* изгнать розгу»? Какая же тут может быть постепенность? Уменьшать число ударов, что ли? Так ведь тут дело не в числе ударов, а в самом способе наказания. Или вы хотите соблюсти постепенность тем, чтобы не определять розог даже и за некоторые такие случаи, за которые прежде пороли нещадно? Но в определении частных случаев вы должны руководиться уже частными педагогическими соображениями, которые, во всяком случае, должны согласоваться с принятыми в вашем кодексе принципами. Если вы допустили розгу в своем принципе воспитания, то вы тем самым признали уже законность ее, как полезной педагогической меры. Значит, вы и должны будете удерживать ее постоянно, покамест не изменится ваш взгляд на сущность самых проступков, признанных, по вашему, достойными розог... Таким образом, ваше *вдруг* не имеет никакого практического смысла, потому что ни одна человеческая голова не в состоянии вывести разумной постепенности, которой вы, повидимому, добиваетесь в отменении розог... Кажется, это ясно...

Нам могут заметить, что г. Пирогов, — или Киевский комитет, что одно и то же, — вовсе не признает *пользы* розог, а только видит *невозможность* от них избавиться. Но мы с этим никак не можем согласиться. Помилуйте, какая же может быть *невозможность — не сечь?*.. Если бы сечение мальчиков было такой же настоятельной, естественной потребностью и необходимым условием жизни, как, например, пища и питье, тогда бы можно говорить о невозможности. Не есть, не пить — действительно нельзя, но не сечь — это очень можно, кажется! А для попечителя округа очень легко даже и других остановить от сечения. Стоит только положить правилом, что сечь в гимназиях ни в каком случае не следует,— и не будут сечь... И, без всякого сомнения, г. Пирогов так бы и сделал, если бы он признавал розги решительно ни к чему не годными. Если же он допустил еще их оставаться в гимназиях, то, конечно, потому, что признал их пользу, хотя до некоторой степени. Иначе сказать — он признал, что в некоторых случаях розга составляет самое лучшее наказание, какое только возможно *в настоящее время*.

И выходит, стало быть, что розги торжествуют в киевской педагогике потому, что оказалось в них какое то удобство, а вовсе не потому, чтобы невозможно было их отменить!

Да тут, впрочем, даже и выводить-то нечего: г. Пирогов сам сознается, что розгу и можно бы заменить, но что только *трудно* придумать что-нибудь вместо нее!..

В чем же, однако, состоит это удобство розги, по мнению Киевского педагогического комитета? Он не объясняет своих воззрений, но дело ясно само по себе. Тем-то именно и хороша розга, что избавляет почтенных педагогов от придумывания новых, более гуманных и толковых педагогических приемов. «Нельзя же вдруг», — говорят «Правила»,

и в этом восклицании является перед вами вся прелесть, все барское блаженство обломовщины... Вы помните, как Обломов говорит: «Да как же это вдруг?», — когда ему является надобность переменить квартиру. Он, в своей барской наивности и лени, воображает, что квартиру менять можно исподволь, понемножку, — сначала переднюю сделать в другом доме, потом кухню перенести на новую квартиру, так, чтобы обед оттуда на старую носить, и т. д. Подобно этому и наши педагоги воображают, что розги отменить можно как-то исподволь, не вдруг... Может быть, на следующий год в Житомирской гимназии высекут уже не 290, а только 289 человек, потом 288, и т. д. Посмотришь — через три столетия дойдет до того, что и вовсе перестанут сечь. Значит, дело-то само собой обделается! А то — шутка ли? — Сиди да думай, чем и как заменить розгу! А это так *трудно!*..

Скажут, что мы преувеличиваем, — что сам г. Пирогов, с своим комитетом, вовсе не хочет розог, что он их оставляет только как временное, необходимое зло, что *вдруг* имеет значение — «сейчас же, в сию минуту», т. е. до тех пор, пока еще не придуманы другие меры в замену розог... Да, мы сами желали бы так думать: но, к сожалению, все это не ладится с «Правилами», — исключая, разумеется, того, что Киевский комитет действительно сам не хочет розог... Дело, видите ли, в том, что г. Пирогов отрекается от всякой инициативы в этом деле, не только теперь, но и в будущем, на неопределенные времена. Он говорит, что розгу нельзя изгнать из учебных заведений до тех пор, *«пока сеченные дома дети будут поступать в наши воспитательные учреждения»*. Значит, учреждения эти не подадут благого примера, а будут попрежнему пороть детей — более или менее — до тех пор, пока поронье это не будет истреблено во всех концах и закоулках России!.. Какая утешительная перспектива! И как она хорошо отвечает тем надеждам, какие мы имеем на близкое будущее, в отношении к развитию народного образования! Теперь, как известно, гимназическим учением пользуются почти исключительно дети дворян, чиновников и купцов. С развитием промышленности и освобождением крестьян можно ожидать, что в гимназии будет значительное число детей мещан, торговцев, ремесленников всякого рода и земледельцев. Ежели теперь из привилегированных классов общества поступают в гимназии дети, уже сеченные дома, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы в низших классах розга очень скоро вывелась в семейном воспитании. Следовательно, сеченные дома дети будут еще очень долго поступать в наши заведения, и на этом основании наша родная педагогика останется верной розге!.. А может, для ускорения возможности изгнать розгу, запретят поступать в гимназии детям ремесленников и вообще низших классов?

Что ж? судя по основательности и дальновидности, какие обнаружены Киевским комитетом, можно думать, что еще и эта мера когда-нибудь будет пущена в ход, — если не в видах изгнания розги, то по каким-нибудь другим соображениям.

А на каком основании, — спросим еще, — киевские педагоги решили, что с детьми, уже раз сеченными, иначе нельзя обойтись, как посредством розги?.. Этого они опять не объясняют в своих «Правилах». А так уж, видно, — коли прежде пороли, так и потом надо по-

роть... Способ воззрения, как видите, тот же самый, по которому говорили, бывало, иные мыслители: «нельзя мужика на волю отпустить, пока он коснеет в своей грубости и не имеет чувства законности и сознания собственного достоинства». Милые мыслители не хотели и слышать о том, что мужик до тех пор и не приобретет всех этих прелестных вещей, пока не будет на воле. Так точно и киевские педагоги ни под каким видом не хотят, как видно, допустить, что натура «сеченных дома детей» тогда только и смягчится и сделается чувствительной к наказаниям более человечным, когда хоть в школе-то не станут их драть, а будут обращаться с ними по-человечески. А то, разумеется, — дома дерут, в гимназии дерут, везде розочная круговая порука, — поневоле тут огрубеешь!..

И ведь хоть бы что-нибудь устраивалось и обеспечивалось этим умилительным допущением розог в педагогику киевских воспитателей! А то решительно ничего, кроме разрушения прямой цели «Правил» (розга мешает «развитию чувства законности», для которого составлены «Правила»)... Вероятно, те практики, которые из 600 гимназистов секут в год 290, остались очень довольны уступкой, сделанной в пользу их постоянных воззрений, и, признаемся, — только желанием сделать им угодное и можем мы объяснить торжество розог, допущенное г. Пироговым в сонме педагогов Киевского учебного округа. Только совершенным несогласием истинных убеждений г. Пирогова с принятой мерой можно до некоторой степени оправдать ту страшную легкомысленность и противоречия, какие встречаются в каждой строчке «Правил» там, где говорится о телесном наказании. Заглянем в *табличку* проступков и наказаний, которая, по словам г. Пирогова, должна быть развешена на стенах во всех классах гимназий Киевского округа, и к которой провинившегося ученика должно подводить и молча указывать ему то место, где поименован его проступок с соответствующим ему наказанием. В этой табличке мы найдем решительное уничтожение всех общих фраз, сказанных г. Пироговым в пользу розог в гимназиях.

Г. Пирогов утверждает, что поневоле приходится детей, уже сеченных дома, сечь и в гимназии — *«по крайней мере вначале»*. Из этих слов можно заключить, что розги принимаются в гимназии собственно для того, чтобы не слишком резок был переход от жесткого домашнего воспитания к гуманному обращению в гимназии. Сначала мальчика станут посекать понемножку, а потом постепенно будут отставать от этого приятного упражнения... Если бы так, то в таком образе действий была бы еще и некоторая последовательность. Но посмотрите в таблицу, и вы увидите совсем не то: каждый мальчик может быть наказан розгами *только один раз* и затем, после вновь сделанного проступка, *увольняется из заведения*. Значит, какой же смысл имеет оговорка г. Пирогова, что сечь *нужно — по крайней мере вначале?* Какие же тут *«по крайней мере»*, когда положено: высечь раз мальчика, а потом в следующий раз — уже выгнать из заведения? «Вначале» — хорошо начало!

Недурно также и общее определение случаев, когда розга необходима. Она, видите, необходима «в случаях, *не терпящих отлагательства,* и должна следовать *непосредственно* за проступком, там,

где позорная вина требует *быстрого, сильного и мгновенного сотрясения*».

Да простит нас почтеннейший кандидат филологических наук Н. А. Миллер-Красовский, которого мы так резко упрекали в прошлом году за изобретенное им *моментное действие!* Нам не шутя совестно перед ним... Мы почли его тенденции чудовищно-редким явлением в среде наших педагогов; мы имели наивность выразить мнение, что уже самая степень кандидата университета должна была бы оградить его от подобных нелепостей. Каемся: мы тогда имели слишком розовый, слишком лестный взгляд на наших педагогов вообще. Теперь мы видим, что г. Миллер-Красовский был только одним из представителей этого почтенного и премудрого сословия, — не более. Он в некоторых отношениях был даже последовательнее многих из своих собратий. Так, например, проводя свою идею о «моментном сотрясении», он находит, что розга берет все-таки, сравнительно, довольно много времени, и потому гораздо лучше вместо нее употреблять пощечину. Это, по крайней мере, логично. В «Правилах» Киевского округа и того нет. Там положено, что розги (долженствующие собственно следовать *непосредственно* за проступком, для произведения *быстрого, сильного и мгновенного сотрясения*) назначаются не иначе, как «по определению педагогического совета, по большинству трех четвертей голосов по закрытой баллотировке». Скажите же, скоро ли вся эта история может быть произведена в гимназии? И возможно ли, по поводу каждого из подобных проступков, немедленно собирать педагогический совет? Да, при том же, многие из проступков, подлежащих розгам, могут, по самому существу своему, нуждаться в предварительном расследовании, во время которого, по кодексу г. Пирогова, для виновного назначается арест. Где же тут *непосредственное* следование наказания за проступком? Где тут *мгновенное* сотрясение? Нет, уж, право, лучше пощечина г. Миллер-Красовского!

А не угодно ли полюбоваться, какие проступки наказываются розгами? Мы их сейчас перечислим, заметим только наперед, что все наказания имеют три степени, определяемые разными обстоятельствами проступка. Розгами наказывается: *воровство, к которому причисляется и кража собак*[1], — во второй степени. Затем розги определены — в третьей степени — за оскорбление посторонних и принадлежащих к заведению лиц вне их службы (т. е. начальников, надзирателей, чиновников и прислуги) — словом, письмом и делом, — за оскорбление товарищей словом, письмом и делом; во второй степени «за оскорбление начальствующих лиц во время исправления ими служебных обязанностей — словом, письмом и делом». Наконец, розгами наказываются — что бы вы думали?.. этого, кажется, и самому г. Миллер-Красовскому никогда бы и в голову не пришло! — розгами наказывается — дико повторить! — *«оскорбление товарищей за веру (фанатизм)»!!!* Мы долго не хотели верить глазам своим; но, наконец, не могли не убедиться. В графе проступков, под № 27, стоит в таблице: *«оскорбление товарищей за веру»*, в скобках поставлено:

[1] Так замечено в «Правилах»!

«*фанатизм*». В графе наказаний стоит против этого отметка «*наказывается, как оскорбление посторонних лиц, — см. № 14*». Смотрим № 14, там стоит: «оскорбление посторонних лиц» и пр. — наказывается: в первой степени — *выговором*, во второй — *выговором с угрозой розог*, в третьей — *розгами!*.. Итак, действительно, «Правила» предписывают *сечь за религиозный фанатизм!!*

Оставим пока в стороне все инквизиционное безобразие последнего случая и спросим об одном: какие из указанных *преступлений* могут быть подведены под те основания, которыми утверждает г. Пирогов необходимость розги? Отчего именно за воровством, к которому причисляется и кража собак, за оскорблением разного начальства и за фанатизмом должно следовать безотлагательное, мгновенное сотрясение посредством розги? И припомните еще, что розга назначается только в трех низших классах, да и там уже делается изъятие для 16-летних, если таковые случатся. Значит, в большинстве случаев будут пороть мальчиков, которых проступки еще не заключают в себе ничего серьезного. Мальчик раз стащил у товарища карандаш, — ему выговор от совета, в другой раз он завел к себе чужую собаку — его выпорют. Поссорился мальчик с гувернером, который сам его на это вызвал, под арест мальчика; опять поссорился уже без вызова с той стороны, — его секут. А за розгами — не надо забывать — следует непременно удаление из гимназии после вновь сделанного проступка! И это, при просвещенных «Правилах», может произойти вследствие брюзгливости или неуживчивости какого-нибудь гувернера, учителя или чиновника гимназии. «Правила» явно узаконяют эту брюзгливость и все капризы начальства, когда в графе обстоятельств, *определяющих три степени вины и наказания*, ставят против оскорбления начальства *вызов со стороны начальника!!* Это, конечно, признается за circonstance atténuante и *уменьшает наказание*. Какое великодушие! Мальчика не секут за то, к чему его сами же принудили! А нам кажется, что уж если непременно хочется сечь кого-нибудь, то во всех подобных случаях гораздо было бы основательнее — высечь этого начальника, который так ловко умеет вести себя с воспитанниками. Ему-то именно и было бы полезно мгновенное сотрясение, чтобы заставить его образумиться. Да притом, видя такое беспристрастие со стороны «Правил», гимназисты действительно подвинулись бы к уважению закона. А то ведь[1] стоит только повторить слова того же г. Пирогова в тех же самых «Правилах», чтобы видеть, как эта казнь за обиду, вызванную начальником, разрушает все здание законности, которое г. Пирогов желал построить на своем кодексе проступков и наказаний. «Произвол и каприз воспитателя, — говорит г. Пирогов, — вызывает, по закону противоречия, такой же произвол и каприз и в воспитаннике». Стало быть, сколько вы воспитанников ни сажайте под арест, сколько ни секите, сколько ни исключайте, — но пока у вас остаются воспитатели капризные и вызывающие на грубость, — до тех пор в остальной

[1] И это постановляется в правилах, имеющих целью развитие в учащихся чувства законности.

ных воспитанниках (хотя бы их, после вашего разгрома, осталась только десятая доля) неминуемо будет проявляться и дерзость, и оскорбление начальства, и произвол.

И — странное дело! — «Правила» *начертаны* для того, чтобы развить в воспитанниках чувство законности и справедливости определением *точных, положительных и одичаких правил о проступках и наказаниях;* а, между тем, произволу начальства везде оставлен самый широкий простор, и именно за проявление личности воспитанника, за его нежелание подчиняться произволу, каждое гимназическое начальство может, при первом удобном случае, выдрать его, а потом выгнать без дальних слов. Обязанности начальников всякого рода и учителей в отношении к гимназистам не определены, напротив, сам кодекс говорит, что начальник может быть безрассуден и груб — *может сам вызывать* на обиду. Представьте же теперь положение мальчика, воспитывающегося в одной из гимназий Киевского округа. У него в классе на стене висит *таблица проступков и наказаний;* возле этой таблицы стоит или сидит взбалмошный учитель (или таких уж не бывает никогда?), который назойливо напрашивается на грубость, подвергая ученика всевозможным оскорблениям. Но учитель в это время все-таки *исправляет свою служебную обязанность:* за грубость ему — строгий арест, розги, исключение... Мальчик это знает, что ему делать? Скрепиться и вынести все безропотно. А какие мысли, какие чувства прорежут в это время его молодую голову и сердце? Вероятно, в нем будет развиваться в эти минуты благоговение к кодексу г. Пирогова, чувство законности и справедливости?!...

Определяя значение своего кодекса, г. Пирогов боится, чтобы ученики не воображали, что теперь судьба их зависит от мертвой буквы, и для того говорит: «напротив, опыт должен скоро убедить их, что самое главное дело — *точное исследование и правосудное* приложение правил, содержащихся в кодексе, к каждому данному случаю — *все-таки предоставлено воспитателям*». Заметим, что воспитателям предоставлено кодексом *не только правосудное, но и совершенно неправосудное* приложение правил: они ничем не связаны в своих действиях, личность их строжайшим образом ограждена от всякого протеста гимназистов. Но положим, что воспитатели все идеально хороши, мы все-таки не понимаем, каким образом при этом условии кодекс г. Пирогова может достигать своей цели — развития чувства законности. Ведь сам же г. Пирогов сознается, что истинно-справедливое наказание есть только то, «которое естественно, само собою, проистекает из сущности проступка»... А из какого же проступка естественно проистекает розга? И каким образом случилось, что большинство наказаний телесных определяется за оскорбление начальства? Не вправе ли воспитанники уже в самом этом определении видеть — не законность, а самый неосновательный, самый возмутительный произвол? Кажется, у начальства и без розог довольно много средств оградить свою личность от оскорблений воспитанников. Да и, наконец, кто же мешает начальству всякой гимназии поставить воспитанника в такое положение: «Ты к нам поступил, так нас уважай и слушайся, если

же не хочешь исполнять этого условия, то убирайся вон». Мы знаем, что многие хорошие учителя употребляют эту меру в классах. Если ученик шалит и шумит, они говорят ему: «если не хотите слушать, то не угодно ли вам выйти из класса!» И после этого ученик обыкновенно присмиреет... Скажут, что выгнать из гимназии — вовсе не то, что выслать из класса; увольнение во многих случаях может доканать мальчика, если он не имеет возможности поступить в другое заведение. Но ведь, во-первых, мы предполагаем начальство идеально хорошее, неуважение к которому вполне заслуживает подобного распоряжения, во-вторых, и по кодексу г. Пирогова, за розгами следует непременно удаление ученика из гимназии, — да еще не просто увольнение, а *исключение,* которое всегда соединено с отметкой неодобрительного поведения и с повещением по всем гимназиям округа. Это значит,— если применить к учителю,— по-нашему учитель просто высылает ученика из класса, а по кодексу — прибьет сначала, потом выгонит, да еще в педагогическом совете пожалуется. Разумеется, таким образом действий учитель доказывает только свой мстительный характер и отсутствие всякого уважения к самому себе.

А какова соразмерность наказаний в «Правилах»!.. Воровство, как мы видели, наказывается в первой степени — *выговором от совета с угрозой розог,* во второй — *розгами,* в третьей — *исключением.* Лихоимство же — *черной доской, черной книгой* и, наконец, *увольнением по прошению!..* А между тем, что же такое лихоимство, как не самый гнусный вид воровства? И не должно ли его наказывать строже уж и потому, что в жизни всякого гимназиста, когда он будет служить, представится гораздо более поводов к лихоимству, нежели к простому воровству, следовательно, при самом воспитании, в самых юных летах, нужно как можно тщательнее следить за проявлением этого порока и уничтожать самые первые его зародыши. Какими же соображениями руководился г. Пирогов с своим комитетом, когда воровство так грозно карал сравнительно с лихоимством? Точно также, оскорбление начальства требует *розог и исключения,* а «уничтожение письменных распоряжений начальства» — только *карцера* и *увольнения,* которые могут быть назначены, например, и за *курение табаку,* наказываемое по «Правилам», «как нарушение благочиния и формы в школе». Вот какого свойства *законность,* вводимая «Правилами»!

Таких несообразностей много в «Правилах», но мы уже не станем разбирать их в подробности, потому что все «Правила» — в своей общности — составляют одну изумительнейшую несообразность с здравым смыслом. Предоставляем разбор их записным педагогам. Мы же остановимся только на том, что прямо относится к розгам, которыми мы занялись специально в этой заметке... В отношении к этому предмету есть еще весьма любопытные вещи в «Правилах».

Как вам понравится, например, то, что г. Пирогов заставляет самих же гимназистов низших классов сечь своих товарищей, т. е. не руками сечь, а определять им наказание розгами. Странно, как это учреждение пресловутого Ehrengericht могло совместиться с розочными понятиями, но это совмещение — несомненный факт. Под № 15 за оскорбление товарищей определено, кроме прошения извинения

у обиженного с удовлетворением его, — в первой степени для всех классов *выговор от совета;* во второй — выговор от совета с угрозой розог, для низших классов, и с угрозой исключения, для высших; в третьей — розги для низших, а для высших — исключение. Внизу этого номера приписано: «*определение степени вины и наказания предоставляется товарищам*». Таким образом, бедные мальчики принуждены выбирать одну из трех казней для своего товарища, и если они очень раздражены, то, определяя *третью* степень, должны сами обречь товарища на порку!..

Какой мир и согласие должны после этого господствовать в классе!.. И вот как прививаются нашим детям гуманные чувства!..

Не забудем еще, что к числу этих оскорблений товарищей отнесен потом и *фанатизм*. Вспомним и то, что такое постановление сделано в Киевском округе, где католиков в гимназиях едва ли не больше, чем православных. По крайней мере, в Киевском университете в прошлом году было православных только 376, а католиков 525, а известно, что большая часть поступающих в университет выходит из гимназий (в нынешнем году в Киевском университете — 864). Следовательно, религиозные споры и столкновения могут быть весьма часты, их нужно бы устранять, примирять. А тут г. Пирогов велит ученикам рассудить самим, высечь ли товарища их за религиозный фанатизм, или только выговор ему дать. Само собой разумеется, что при этом класс разделится на два враждебные лагеря; католики будут говорить свое, русские — свое, и которых больше, те и победят. Два-три случая таких — и раздражение товарищей друг против друга дойдет до неимоверной степени... Очень хорошо!

Но довольно. Нам самим стало как-то скверно, когда мы погрузились в этот грязный и темный омут, названный «Правилами о проступках и наказаниях». Боимся, чтобы того же самого не сделалось с читателем... Во всяком случае, читатель видит, что кодекс г. Пирогова вполне противоречит той цели, какая объявлена самим его составителем. Втиснув все детские проступки в 27 нумеров и в три степени, оговорив для каждого по 2—4 смягчающих и усиливающих обстоятельства, г. Пирогов надеется устранить этот произвол и разнообразие взглядов на поступки в разных гимназических начальствах. Какая наивность, достойная скорее какого-нибудь московского публициста, нежели автора «Вопросов жизни»! Как будто разница наказаний в школах зависит, главным образом, от разницы взгляда начальства на тот *род* проступков, к которому данный случай относится!.. Вовсе нет. Все начальники могут быть согласны в теоретическом воззрении на преступность, например, дерзости. Но один может видеть дерзость в нарушении учеником основных правил школы, другой — в противоречивом ответе, третий — в том, что мальчик смотрит ему прямо в глаза... То же самое и во всех других случаях. И поверьте, что и при вашем кодексе вовсе не устраняется возможность того, что в гимназиях будут сечь от 40 до 300 человек из 600!.. Поверьте, что не одни наказания зависят от наказывающих, а не от наказываемых, но и значительная доля самых проступков. Не оттого только в одной гимназии больше дерут, а в другой меньше,

что в одной смотрят на проступки иначе, чем в другой... Нет, в них и ведут воспитанников различно: к чему в одной гимназии не подают ни малейшего повода, о чем в ней и понятия не имеют, с тем ученики другой гимназии сталкиваются каждый день и часто поневоле должны изменять свое поведение. С человеком спокойным, рассудительным и благожелательным трудно завести ссору и пойти на грубость и оскорбление. Но человек грубый, взбалмошный, бестолковый — хоть кого выведет из терпения и вызовет на дерзость и даже на оскорбление более существенное... Это один вид школьных проступков, но в жизни училища много и других видов, которые точно так же обусловливаются общей организацией школы и той обстановкой, в какой находятся воспитанники... Вот на это-то и следовало бы обратить внимание г. Пирогову. Как попечитель округа он имел к этому полную возможность.

Но оставим г. Пирогова с его «Правилами» и скажем теперь несколько слов о себе и о той общественной морали, какая выводится из киевских розог. Для этого обратимся к началу нашей статьи и повторим: «Время сказочных богатырей давно прошло! Не нужно нам ни сказок, ни богатырей! Стыдно тому, кто еще до сих пор возлагает свои надежды на каких-то современных Добрынь и Русланов!»

Да, стыдно человеку современного общества быть столько малодушным и наивным, стыдно — это мы сами первые сознаем и заявляем публично. Не то горько нам, что мы, превознося в прошлом году г. Пирогова, показали себя легковерными и увлекающимися, не то горько, что между нашими похвалами знаменитому педагогу оказалось несколько незаслуженных преувеличений. Нет, нас смущает совершенно другое. Хвалить статьи г. Пирогова, восхищаться силой его логики, его последовательностью и твердостью — мы имели полное право, и в этом отношении нам не в чем раскаиваться. Но мы обнаружили крайнее тупоумие и совершенное непонимание жизни русской, когда осмелились выразить что-то вроде надежд на практическую деятельность восхваляемого писателя. Мы сами впали тогда в применение к нашему времени старинных сказок о богатыре, побившем целое войско... Сами не понимаем, как мы не сообразили тогда, что ведь это только в сказках и бывает... и нам до сих пор совестно за этот удивительный столбняк, нашедший на нас в то время...

Но еще это все бы ничего: не тяжело публично сознаться в своей ошибке, которую сам же первый я заметил, хотя и поздновато. Главное горе вот в чем: наши прошлогодние восторги сделали нас участниками в созидании того пьедестала мудрости, на котором возвышается теперь г. Пирогов. Мы поставили его в пример практическим педагогам, мы указали одному из них, сомневавшемуся в отвратительности розог, на непреклонные, незыблемые убеждения г. Пирогова, решительно отвергшего телесное наказание, как педагогическую меру, и заклеймившего розги рядом энергических, неопровержимых силлогизмов... Теперь этот сомневающийся педагог с торжеством скажет нам: «Вы опирались на авторитет Пирогова, смотрите

же, к чему пришел он, как только коснулся практики... Невозможно уничтожить розгу в гимназиях!»... И сотни, тысячи подобных сомневающихся педагогов покончат с своим сомнением и решат дело в пользу розог, узнав о том, что *сам Пирогов* признал их нужными и полезными... А сотни и тысячи других, давно уверенных в благотворности всяких экзекуций, поднимут голову и, под защитой имени Пирогова, яростно накинутся на *тех мальчишек*, которые кричат против розог, — до тех пор, как говорят, пока еще чувствуют боль от розог, ими самими полученных... И сами эти *мальчишки*, при всей своей уверенности, все-таки будут немало сконфужены, когда увидят, что против них выставлен любимый авторитет их, что их поражают их же собственным оружием... Может быть, многие *мальчишки* и не найдутся, что сказать, и может быть — некоторые потеряют бодрость и согласятся с почтенными старцами розгораздателями.

Вот что наделали восхваления и надежды, повсюду раздававшиеся в честь г. Пирогова со времени появления «Вопросов жизни». И мы, мы в этом сделались участниками!!.. Как хотите, а это очень горько!..

Потребность очистить себя от этого тяжелого греха составляет для нас нравственную необходимость. Вот почему мы поспешили обратить внимание наших читателей на новые тенденции г. Пирогова, проявившиеся уже в практической сфере...

(Педагогические сочинения, изд. «Школа и жизнь», Петроград 1917.)

Н. Г. Чернышевский [7]

КРИТИЧЕСКИЙ ОТЗЫВ О ЖУРНАЛЕ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА» Л. Н. ТОЛСТОГО

(1862 г.)

Этот педагогический журнал и эти книжки для народных школ издаются при школе, устроенной графом Л. Н. Толстым в селе и деревне Крапивенского уезда Тульской губ.— Ясной поляне. В первой же книжке журнала помещено описание школы. Часов в 8 поутру звонят в школе, созывая учеников из деревни. Они идут — и посмотрите на них, вы увидите замечательную черту:

«С собою никто ничего не несет — ни книг ни тетрадок. Уроков на дом не задают. Мало того, что в руках ничего не несут, им нечего и в голове нести. Никакого урока, ничего сделанного вчера он не обязан помнить нынче. Его не мучит мысль о предстоящем уроке. Он несет только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера. Он не думает о классе до тех пор, пока класс не начался. Никогда никому не делают выговоров за опаздывание, и никогда не опаздывают: нешто старшие, которых отцы другой раз задержат дома ка-

кою-нибудь работой. И тогда этот большой рысью, запыхавшись, прибегает в школу».

Что ж, это очень хорошо, что дети идут в школу с легким сердцем, без всяких тревог. В ожидании учителя ученики и ученицы болтают, играют, шалят, как бывает впрочем во всех школах. Но вот уже не во всех школах видит учитель при входе в класс то, что находит в классной комнате Яснополянской школы. В наших форменных училищах дети обыкновенно сторожат приход учителя и, завидев вдалеке своего наставника, торопливо рассаживаются по местам, принимают натянутый, чинный вид,— словом сказать, приучаются скрывать, лицемерить и подобострастничать. В Яснополянской школе этого нет.

Н. Г. Чернышевский.

«Учитель приходит в комнату, а на полу лежат и пищат ребята, кричащие: «Мала куча!» или: «Задавили ребята!» или: «Будет! брось виски-то» и т. д. «Петр Михайлович! — кричит снизу кучи голос входящему учителю,—вели ему бросить». «Здравствуй, Петр Михайлович!» — кричат другие, продолжая возню. Учитель берет книжки, раздает тем, которые с ним пошли к шкафу; из кучи на полу — верхние лежа требуют книжку. Куча понемногу уменьшается. Как только большинство взяло книжки, все остальные уже бегут к шкафу и кричат: «И мне, и мне». «Дайте мне вчерашнюю». «А мне *кольцовую* [1]» и т. п. Ежели останутся еще какие-нибудь два разгоряченные борьбой, продолжающие валяться на полу, то сидящие с книгами кричат на них: «Что вы тут замешались? Ничего не слышно. Будет». Уличенные покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только в первое время, сидя за книгой, поматывают ногой от неулегшегося волнения. Дух войны улетает, и дух чтения воцаряется в комнате».

Садятся по местам дети, где кто попал, кому где вздумалось, начальственного распределения мест нет. Зато, принимаясь учиться без всякого принуждения и стеснения, дети учатся с таким же полным усердием, с каким до начала класса шалили. «Во время класса (говорит автор статьи, вероятно гр. Толстой, а впрочем, не знаем — статья не подписана) я никогда не видел, чтобы шептались, щипались, смеялись потихоньку, фыркали в руку и жаловались друг на друга учителю». Оно и натурально, потому что учатся не по принуждению, а по охоте:

[1] Так дети называют стихотворения Кольцова.

кому показалось скучно, может уйти из класса, никто ему не мешает. Иногда случается в Яснополянской школе, особенно по вечерам перед праздником, когда дома топятся бани, дети расходятся, не досидев класса, но не от скуки, а потому, что вспомнив, что дома их ждут.

«На втором или третьем послеобеденном классе два или три мальчика забегают в комнату и спеша разбирают шапки. «Что вы?» — «Домой». — «А учиться? Ведь пение!» — «А ребята говорят, домой!» — отвечает он, ускользая с своей шапкой.— «Да кто говорит?» — «Ребята пошли!» — «Как же так? — спрашивает озадаченный учитель, приготовивший свой урок. — Останься!» Но в комнату вбегает другой мальчик с разгоряченным, озабоченным лицом.— «Что стоишь? — сердито нападает он на удержанного, который в нерешительности заправляет хлопки в шапку. — Ребята уж во-он где, у кузни уж, небось».— «Пошли?» — «Пошли». И оба бегут вон, из-за двери крича: «Прощайте, Иван Иваныч!» И кто такие эти ребята, которые решили итти домой, как они решили? Бог их знает. Кто именно решил, вы никак не найдете. Они не совещались, не делали заговора, а так вздумали ребята домой. «Ребята идут!» — и застучали ножонки по ступенькам, кто котом свалился со ступеней, и, подпрыгивая и бултыхаясь в снег, обегая по узкой дорожке друг друга, с криком побежали домой ребята. Такие случаи повторяются раз и два в неделю. Оно обидно и неприятно для учителя — кто не согласится с этим, но кто не согласится тоже, что вследствие одного такого случая, насколько большее значение получают те пять, шесть, а иногда семь уроков в день для каждого класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками. Только при повторении таких случаев можно быть уверенным, что преподавание, хотя и недостаточное и одностороннее, не совсем дурно и не вредно. Ежели бы вопрос был поставлен так: что лучше — чтобы в продолжение года не было ни одного такого случая или чтобы случаи эти повторялись больше, чем наполовину уроков,— мы бы выбрали последнее. Я, по крайней мере, в Яснополянской школе был рад этим несколько раз в месяц повторявшимся случаям. Несмотря на частые повторения ребятам, что они могут уходить всегда, когда им хочется, влияние учителя так сильно, что я боялся последнее время, как бы дисциплина классов, расписаний и отметок незаметно для них не стесняла их свободы так, чтобы они совсем не покорились хитрости нашей расставленной сети порядка, чтобы не утратили возможности выбора и протеста. Ежели они продолжают ходить охотно, несмотря на предоставленную им свободу, я никак не думаю, чтобы это доказывало особенные качества Яснополянской школы, я думаю, что в большей части школ то же самое бы повторялось и что желание учиться в детях так сильно, что для удовлетворения этого желания они подчинятся многим трудным условиям и простят много недостатков. Возможность таких убеганий полезна и необходима только как средство застрахования учителя от самых сильных и грубых ошибок и злоупотреблений».

Превосходно, превосходно! Дай бог, чтобы все в большем числе школ заводился такой добрый и полезный «беспорядок»,— так называет его в виде уступки предполагаемым возражателям автор статьи, его

панегирист, а по-нашему следует сказать просто: «порядок», потому что какой же тут беспорядок, когда все учатся очень прилежно, насколько у них хватит силы, а когда сила покидает их или надобно им отлучиться из школы по домашним делам, то перестают учиться? Так и следует быть во всех школах, где это может быть,— во всех первоначальных народных школах.

Такое живое понимание пользы предоставлять детям полную свободу, такая неуклонная выдержанность этого принципа подкупает нас в пользу редакции журнала, издаваемого основателем Яснополянской школы. В предисловии к журналу гр. Л. Н. Толстой говорит, что готов выслушать возражения против мыслей, кажущихся ему истинными, и что боится он только одного, чтобы мнения, противные его мыслям, «не выражались желчно, чтобы осуждение столь дорогого и важного для всех предмета, как народное образование, не перешло в насмешки, личности, в журнальную полемику», которая отвлекла бы от сущности дела к спорам и горячности из-за мелочей. Потому издатель «Ясной поляны» просит — «будущих противников его мнений — выражать свои мысли» спокойным и безобидным тоном. Из уважения к порядку, установленному им в Яснополянской школе, и к его горячей преданности этому доброму порядку, мы исполним его желание; а без этого обстоятельства — т. е. если бы не знали мы, как свободно и легко устроено для детей учение в Яснополянской школе,— мы вероятно не удержались бы от колкостей при разборе теоретических статей «Ясной поляны», потому что есть в них вещи, напоминающие о знаменитых статьях г. Даля и г. Белюстина.

Вот, например, первая статья 1-й книжки, содержащая profession de foi[1] редакции. На первой же странице автор высказывает недоумение, очень странное. «Отчего это,— говорит он,— народ постоянно противодействует тем усилиям, которые употребляет для его образования общество или правительство?» Это, говорит он, «явление, непонятное для меня». Оно стало непонятным только потому, что исключительные случаи возведены автором в общее положение. Мало ли чему может иногда противодействовать народ! При Иосифе II в Бельгии и Венгрии он противодействовал разрушению феодального порядка; при Аранде и Флориде Бланке в Испании он противодействовал отменению инквизиции; у нас он противодействовал попыткам ознакомить его с возделыванием картофеля. Если я из этих исключительных случаев выведу общее заключение, будто бы народ «постоянно» противодействовал уничтожению привилегий, преследований, улучшению пищи, то оно, действительно, выйдет вещь непонятная. Только эта вещь,— т. е. постоянство народного сопротивления всему полезному,— вовсе не будет «явление», черта исторической жизни; эта вещь просто будет моя мечта, моя ошибка в построении силлогизма. В некоторых,— пожалуй в довольно многих случаях,— народ довольно упорно противился заботам об его образовании. Что ж тут удивительного? Разве народ — собрание римских пап, существ непогрешительных? Ведь и он может ошибиться, если справедливо, что он состоит из обыкно-

[1] Исповедание веры. — *Н. Ж.*

венных людей. А почему трудно предположить и то, что в этих случаях виновата была какая-нибудь ошибка или какая-нибудь недобросовестность людей, принимавших на себя заботу о народном образовании? Ведь они тоже были люди; значит могли ошибаться или могли действовать по эгоистическим расчетам, не соответствовавшим народной потребности. Ни в той ни в другой альтернативе нет ничего непонятного.

Кроме того, что иногда (очень редко) случается, упорное сопротивление со стороны народа образованию по какой-нибудь случайной ошибке народа или его просветителей, есть еще один факт, который мог ввести редакцию «Ясной поляны» в заблуждение насчет существенных отношений народа к образованию. Это факт уже не исключительный, а общий, что когда кто бы то ни был, — сам ли народ, то есть большинство простолюдинов, образованное ли общество, правительство ли, — задумает какую-нибудь реформу в народном образовании, реформа на первых порах встречает более или менее сильную оппозицию, — но не исключительно в народе, а точно так же и в образованном обществе (если ею занимается оно) и в некоторых членах самого правительства (если реформу задумает правительство). Но тут нет никакой специальной черты, отнюсящейся именно только к частному делу народного образования или только к народу. Это общая принадлежность реформ или перемен — в чем бы то ни было и с кем бы то ни было, — что они не совершаются без некоторой оппозиции, проще сказать, не совершаются без хлопот, без надобности толковать, рассуждать, убеждать. Возьмите самое простое дело, например хоть в какой-нибудь деревне починку моста, который стал плох и который всем в деревне одинаково нужен, все-таки сначала потолкуют и поспорят — кто же? — сами же мужики между собой. Мужики, которые посообразительней или порешительнее, раньше других увидят, что надобно чинить мост, а другие думают, что можно еще погодить с этим делом; вот вам и неизбежность спора. Да разве в одном народе так? Во всяком классе то же самое. Помните, например, как шли дела о том, нужны или не нужны железные дороги, электрические телеграфы и пр. — и в английских и во французских парламентах, палатах, в парижском институте были споры: одним казалось, что эти вещи нужны, полезны, другим, что они неудобны, вредны.

Штука состоит в том, что везде по всякому делу обнаруживается существование двух партий, консервативной и прогрессивной, вечных партий, соответствующих двум сторонам человеческой природы: силе привычки и желанию улучшений. Натурально, что эти две партии являются и в деле народного образования, как в недрах общества, так и в самом народе. Есть мужики и мещане (как есть купцы, чиновники, дворяне), говорящие: «Будем жить по-старому и воспитывать детей по-старому»; есть другие мужики и другие мещане, подобно другим купцам, чиновникам и дворянам, говорящие: «Постараемся устроить жизнь получше прежнего и станем воспитывать детей лучше, чем воспитывались сами».

Ну, что же тут особеннюго? Отчего тут смущаться, терять «понимание»?

Есть еще один факт, тоже проходящий через всю историю, — его заметила даже редакция «Ясной поляны»: мужики стесняются посылать своих детей в школы потому, что сын или дочь помогали бы в чем-нибудь по хозяйству, оставшись дома, или зарабатывали бы несколько денег на фабрике или в каком-нибудь мастерстве. Это обстоятельство уж действительно прискорбное, когда дела родителей так стеснены, что мысль о пользе детей подавляется необходимостью как можно скорее извлекать из детей что-нибудь на подмогу хозяйству. Но и это разве у одних простолюдинов бывает? Сколько есть небогатых чиновников и дворян, которые принуждены не давать детям учиться, а как можно раньше определять их на гражданскую службу или в юнкера. Очень жаль, что это так: но разве это можно назвать упорством против образования? Вовсе нет, — очень многие из родителей, принужденных так поступать, самые горячие приверженцы образования. Плачут, что не могут дать детям такого образования, как желали бы, но что ж делать, когда нет средств? Ну, разумеется, относительно этого факта недостаточно успокаивать себя психологическими соображениями о врожденной силе консерватизма в человеческой натуре или о неизбежности ошибок, недоразумений и эгоистических целей, о чем рассуждали мы выше. Тут дело не в человеческой натуре, а в недостатке денег, значит деятели народного образования должны заботиться о том, как бы улучшить материальное положение народа. Но и это опять не какая-нибудь специальная черта только простонародного образования, — и во всяком сословии будет учиться большее количество детей, и будут учиться они дóльше, будут образовываться они лучше, если сословие будет пользоваться лучшим благосостоянием. Ни непонятного, ни особенного тут ровно ничего нет.

...Так что же оказалось у нас? Большою помехой ученью детей простолюдинов служит бедность простолюдинов; иногда заботы о народном образовании могут оставаться неудачны по какой-нибудь случайной ошибке или недобросовестности заботящихся, иногда по какому-нибудь случайному недоразумению самих простолюдинов, а во всяком случае и при успешном и при неуспешном ходе улучшения народного образования, как и всякое другое улучшение имеет против себя людей, в которых консерватизм слишком силен и которые составляют и в простом народе, как и во всяком другом сословии, довольно значительную долю (впрочем все-таки меньшинство), а другая, тоже довольно значительная доля простолюдинов (как и людей всякого другого сословия) будет очень горячо стоять за улучшение; впрочем, и эта доля, состоящая из людей, в которых прогрессивность решительно преобладает над консерватизмом, также только меньшинство в простом, как и во всяком другом сословии; а главная масса простонародья, как и всякого другого сословия, будет держать себя нерешительно, выжидать, приглядываться как идет дело: пойдет оно хорошо, вся эта масса примкнет к прогрессистам; пойдет оно неудачно, вся она примкнет к консерваторам. Что тут особенного и непонятного? Неужели сама редакция «Ясной поляны» не видела перед своими глазами всего, о чем мы говорим? Наверное встречала она между мужиками таких непоколебимых прогрессистов, которые ломят себе все одно:

«Ученье — свет, а неученье — тьма» и которых никакие ошибки или неудачи народных просветителей не могут сбить с этого пункта; и наверное видела она, что масса выжидает и говорит: «А посмотрим, что выйдет из начинающихся попыток».

Человек вообще, — не то что в частности простолюдин, а человек, genus homo, или по другим натуралистам species homo, двуногое млекопитающее, довольно тяжелое на подъем, — довольно склонен отлагать дело, если на первый раз видит неудачу или хоть не видит большой удачи с первого раза; но эти свойства он обнаруживает по всяким улучшениям не в одном деле образования, а все-таки, рассуждая хладнокровно, надобно сказать, что он всегда расположен улучшать свое положение по всяким делам; значит он скорее наклонен к образованию, чем упорен против него.

Но редакция «Ясной поляны», предполагая в мужике какие-то особенные свойства, которых нет в человеке, — т. е. просто в человеке, какого бы там звания он ни был, — думает, что народ «постоянно противодействует» заботам помочь его образованию. Но, что, если бы в самом деле было так? Ведь тогда всем нам следовало бы бросить всякие заботы о народном образовании; между прочим графу Л. Н. Толстому не следовало бы основывать школу, издавать ни его журнала, ни его книжек. Ведь насильно мил не будешь; а навязывать какое-нибудь дело людям, которые вечно должны упорствовать против него по своей натуре, значит напрасно мучить их, напрасно утруждать себя.

Нет, редакция «Ясной поляны» делает не такой вывод; оно и точно, не следует ей сделать такого вывода, потому что она не думает, что народ враждебен образованию: на второй же строке первой страницы первой статьи своей она говорит, что «народ хочет образования», и мы напрасно опровергали противное мнение: она сама его опровергает, как видно из этой второй строки. Но если так, какими же судьбами на 9-й строке той же страницы очутились слова, против которых мы спорили, что будто бы «народ постоянно противодействует» и т. д.? А вот каким способом улаживаются эти две мысли, мало идущие одна к другой: если народ, желающий образования, постоянно противодействует всем заботам о его образовании, это значит, по мнению «Ясной поляны», что мы, образованные люди, не знаем, чему его учить и как его учить, и никак не можем узнать этого. Что это за странность: возьмите неглупого человека какого хотите сословия, сведите его с неглупым человеком какого хотите другого сословия, и они могут растолковать друг другу, что кому из них нужно; отчего же это такая непостижимая вещь, что никак не могли нам растолковать неглупые люди из простолюдинов, чему нужно учить и как нужно учить их, простолюдинов. Сяду я на постоялом дворе, стану расспрашивать проезжих мужиков о чем хотите из их быта, — все их потребности и желания по всякому делу я могу узнать и понять, только будто бы по одному делу образования не могу.

Это что-то неправдоподобное.

Но если это такое непостижимое дело, то, почем знать, не нужно ли нашим простолюдинам учиться например латинскому языку? Редакция «Ясной поляны» хохочет. «Ну, этого уж им наверное не

нужно», — отвечает она. (Или она не в состоянии отвечать даже этого?) А если вы хотя об одном предмете знаете, что его не нужно преподавать в народных школах, так вы значит уже имеете некоторое понятие о том, что нужно народу. Ведь судить о том, что не нужно, можно только на основании знания о нужном. Ведь отрицательные ответы основываются же на чем-нибудь положительном.

Или вы ничего не знаете не то, что о предметах учения, а только о методах учения? Полноте, и об этом у вас есть верные понятия. Если бы кто-нибудь захотел поступить в Яснополянскую школу преподавателем и объяснил, что учить мальчиков нельзя иначе, как таская их за волосы, кормя оплеухами и так далее, ведь вы не приняли бы такого преподавателя? (Или приняли бы?) Нет, у вас положен принцип: учить не только без всяких наказаний, даже без всяких наград, и совершенно никакого принуждения не употреблять. Метод прекрасный, за твердость в котором нельзя не сочувствовать вам; но пока дело не в том, что ваш метод хорош, а в том, что у вас есть метод. Зачем же вы говорите, что вы не знаете метода, когда не только знаете, но даже исполняете.

«Да это еще не метод преподавания, это лишь система обращения с учениками». Положим, но из этой системы уж непременно происходит и метод преподавания, и притом очень определенный. Если наказывать и принуждать нельзя, нужно преподавать так, чтобы учение было интересно и легко. Вы так и стараетесь делать. «Да нет, это все еще не метод». Как не метод? Ну, вот, если кто-нибудь вам скажет: «Преподавать русскую историю надобно, заставляя детей зубрить наизусть руководство г. Устрялова», — что вы на это скажете? Опять расхохочетесь. Значит вы знаете, как не следует преподавать русскую историю, а из этого обнаруживается, что вы знаете, как следует ее преподавать.

Быть может напрасно мы говорим таким тоном с редакцией «Ясной поляны». Быть может она найдет его обидным. Но воля ваша, ведь досадно слушать, когда люди, основавшие школу и преподающие в ней и даже утверждающие, что устроили свою школу очень хорошо и преподают в ней недурно, — когда эти люди говорят, что не знают, чему учить и как учить народ, и не знают даже, нужно ли его учить. Полноте, господа, говорить про такие пустяки.

А ведь нет, они говорят про себя не пустяки; они действительно не знают, чему и как учить, и есть в их программе, в передовой статье, которую мы разбираем, такие места, что даже ослабляют надежду на возможность им когда-нибудь узнать и понять это. Слушайте, читатель!

Стр. 8: В России «народ большей частью озлоблен против мысли о школе». Где же озлоблен против школы? Против дурных школ, в которых ничему не выучивают, в которых только бьют, терзают детей, притупляют их, развращают их, — против таких школ народ точно озлоблен; но ведь против них озлоблены и мы с вами. Это значит только, что и мы с вами думаем, и народ думает об этом, как следует думать порядочным и неглупым людям.

Стр. 8: В той же России «все школы, даже для высшего сословия, существуют только под условием приманок и чина. До сих пор детей

везде почти силою заставляют итти в школу». Это было с грехом пополам правдою лет 20 тому назад или побольше. А теперь разве то? Из нескольких тысяч человек нынешних университетских студентов вы наверное не найдете даже одного десятка человек, которые были бы силою заставлены пойти в университет. Где вы видели таких студентов? Бог с вами, вы говорите бог знает что. А что касается до чина, даваемого за ученье, то из людей небогатых, которым надобно будет жить жалованием, конечно многие интересуются получением чина по праву ученой степени, но и то мало; поверьте, никто из них не учится собственно для чина; но не давать им его было бы несправедливостью, потому что ведь получают его на службе их сверстники, которые прямо из гимназии пошли служить. Неужели справедливо было бы, чтобы молодой человек проигрывал по службе тем, что посвятил несколько лет на лучшее приготовление себя к ней университетским образованием?

Стр. 11: «Образование, имеющее своею основой религию, т. е. божественное откровение, в истине и законности которого никто не может сомневаться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, насилие в этом случае законно».

Стр. 15: «В Германии девять десятых школьного народного населения выносят из школы столь сильное отвращение к испытанным ими путям науки, что они впоследствии уже не берут книг в руки». В противоположность этому можно привести ходячий в низших слоях нашего среднего класса рассказ о том, как «немец землю пашет, а сам в руке книжку держит, читает». Надобно быть слишком легковерну, чтобы утверждать то или другое.

Стр. 22: В народных школах Марселя преподается «счетоводство», т. е. бухгалтерия. «Каким образом счетоводство может составить предмет преподавания, я никак не мог понять, и ни один учитель не мог объяснить мне». Это очень странно. Чего тут не понимать? Марсель — город торговый, и бухгалтерия может пригодиться всякому простолюдину. А что она может быть предметом преподавания, это доказывают все коммерческие училища, в которых читается курс бухгалтерии. Нет, по мнению автора статьи, делать бухгалтерию предметом преподавания не стоит потому, что «она есть наука, требующая четыре часа объяснения для всякого ученика, знающего четыре правила арифметики». Нет, бухгалтером сделать не так легко; иначе порядочные бухгалтера не были бы так редки и не получали бы такой большой платы в торговых конторах. Автор статьи не потрудился познакомиться с делом, иначе не порицал бы марсельские школы за преподавание бухгалтерии.

Стр. 26: «Хорошо немцам на основании 200-летнего существования школы исторически защищать ее; но на каком основании нам защищать народную школу, которой у нас нет?» Что такое? что такое? Глазам не верим. Неужели редакция «Ясной поляны» думает, что это только немцам нужны народные школы, а нам не нужны? Да, повидимому так, — в этом духе тянется рассуждение на всей странице 26. Не нужно, дескать, нам народных школ, потому что «мы, русские, живем в исключительно счастливых условиях относительно народного образования». На следующей странице сначала как будто не то, что не нужно нам школ, а только то, что наши народные школы

не должны быть рабским сколком с западных; но дальше опять то же, что в школах нет надобности у нас, потому что уже и «в Европе образование избрало себе другой путь, обошло школу», не нуждается в ней (стр. 28). Удивительно!

Тут же, на странице 27, другая удивительная вещь: автор статьи убедился, что «народ подчиняется образованию только при насилии», — ей богу, так и написано на строке 24-й этой страницы 27. Тут же, пятью строками ниже, третья удивительная вещь: автор статьи убедился, что «чем дальше двигалось человечество, тем невозможнее становился критериум педагогики, т. е. знание того, чему и как должно учить». Неужели? Чем больше приобреталось людьми опытности в деле образования, тем менее могли они судить об этом деле. Неужели так? Это противоречило бы тем законам рассудка и жизни, по которым всегда бывает, что, чем больше знакомишься с предметом, тем больше знаешь его.

Стр. 29: «Основанием нашей деятельности служит убеждение, что мы не только не знаем, но и не можем знать того, в чем должно состоять образование народа, что не только не существует никакой науки образования и воспитания — педагогики, но что первое основание ее еще не положено, что определение педагогики и ее цели в философском смысле невозможно, бесполезно и вредно». Повторяем: если не знаете, то нельзя еще вам быть основателями школ, наставниками в них, издателями педагогических журналов; вам надобно еще учиться самим, — отправляйтесь в университет, там узнаете. Но вы думаете, что даже и не можете узнать, очень жаль, если так — но это свидетельствовало бы только о несчастной организации вашей нервной системы: если вы не можете понять такой простой вещи, как вопрос о круге предметов народного преподавания, то значит природа лишила вас способности приобретать какие бы то ни было знания.

Берем 2-ю книжку «Ясной поляны» и просматриваем в ней руководящую статью, которая называется: «О методах обучения грамоте». Общий смысл статьи — развитие мысли, что все методы обучения грамоте одинаково хороши или одинаково дурны, так что по какой ни учить, все равно. С такой точки зрения пришлось бы говорить точно то же обо всем на свете. Например, какой способ добывать огонь самый удобный — трение двух кусков дерева друг о друга или кремень и огниво, или фосфорные спички — все равно, каждым из этих способов можно достичь огня. Какая бритва самая хорошая: наша ли доморощенная из обломка косы или плохая английская или хорошая английская? — все равно, всякой можно сбрить бороду. Какое делопроизводство самое лучшее: бухарское ли или наше, или французское? — все равно, по каждому можно решать дела. Ведь подобные ответы свидетельствуют только, что у человека, их дающего, не установились понятия о предмете. Я, например, о многих предметах принужден давать такие ответы: например — спросите меня, какой метод интегрирования лучше — лейбницевский или ньютоновский, — я решительно не знаю, но слыхивал, что по тому и другому выучивались интегрированию; вот я и отвечаю: все равно, каждый годится. Или спросите меня, какой паровой плуг лучше: бойлев или фаулеров? Я не могу судить ни о том ни о другом, но слыхивал, что можно тем и другим пахать; вот

я и должен отвечать: оба хороши. Эти ответы показывают только, что я не гожусь быть ни преподавателем высшей математики, ни управляющим завода земледельческих машин, ни английским фермером; ими только прикрывается мое незнание. Помилуйте, как скоро есть два способа делать что-нибудь, то непременно один из этих способов вообще лучше, а другой вообще хуже; а если есть исключительные обстоятельства, в которых удобнее применяется менее совершенный способ, то знающий человек умеет в точности определить и перечислить эти исключительные случаи. А кого эти исключительные случаи смущают так, что он не может разобрать разницу между их особенностями и общим правилом, тот мало знаком с делом. Такое впечатление и производит общий смысл статьи: «О методах обучения грамоте». Но кроме общего смысла всей статьи изумляют в ней многие отдельные места, например:

Стр. 9: «Народ не хочет учиться грамоте». Это напечатано на строке 15-й.

Стр. 10: «Факт противодействия народа образованию посредством грамоты существует во всей Европе».

Стр. 11: «Спор в нашей литературе о пользе или вреде грамотности, над которым так легко было смеяться, по-нашему мнению, есть весьма серьезный спор». Неужели? Неужели может казаться не лишенным основательности мнение людей, утверждающих, что грамотность вредна? Да, на их стороне не менее основательности и правды, чем на стороне людей, признающих пользу грамотности, — таков смысл последней половины страницы 11. Защитники грамотности — теоретики, противники грамотности — наблюдатели фактов «и те и другие совершенно правы» (стр. 11, строка 20), — т. е. по теории грамотность полезна, а на практике оказывается вредной. Но это еще пока только колебание между двумя мнениями, а в начале страницы 12 автор уже склоняется на сторону противников грамотности. Он говорит: если ближе всмотреться в действительные результаты нынешнего обучения грамоте, то «я думаю, что большинство ответит против грамотности» (стр. 12, строка 1).

Далее следуют на той же странице 12 очень неосторожные колкости против людей, занимающихся преподаванием в воскресных школах. Это уж решительно нехорошо. Каковы бы там ни были эти люди, умны ли они по-вашему или глупы, но они честные люди, любящие народ, делающие для него все, что могут. Если вы поднимаете на них руку, от вас должны отвернуться все порядочные люди.

На странице 23 находятся такие же колкости против людей университетского образования, занимающихся обучением народа, с пояснением, что «пономари учат лучше их».

Редакция «Ясной поляны» может оскорбиться тем, как мы обозревали передовые статьи ее педагогического журнала, может сказать: «Зачем же вы брали из наших статей только те места, а не брали других, имеющих совершенно противоположный смысл?» Действительно, мы были бы несправедливы, если бы подбирали дурные места с целью сделать из них вывод, что редакция «Ясной поляны» проникнута духом мракобесия. Но мы этого вовсе не хотим сказать, а хотим только указать ей, какие странные вещи попадаются в ее мыслях по отсутствию надле-

жащего знакомства с предметами, о которых она рассуждает. Мы говорим ей: прежде чем станете поучать Россию своей педагогической мудростью, сами поучитесь, подумайте, постарайтесь приобрести более определенный и связный взгляд на дело народного образования. Ваши чувства благородны, ваши стремления прекрасны, это может быть достаточно для вашей собственной практической деятельности; в вашей школе вы не деретесь, не ругаетесь, напротив, вы ласковы с детьми, — это хорошо. Но установление общих принципов науки требует кроме прекрасных чувств еще иной вещи: нужно стать в уровень с наукой, а не довольствоваться кое-какими личными наблюдениями да бессистемным прочтением кое-каких статеек. Разве не может например какой-нибудь полуграмотный заседатель уездного суда быть человеком очень добрым и честным, обращаться с просителями ласково, стараться по справедливости решать дела, попадающие ему в руки. Если он таков, он очень хороший заседатель уездного суда, и его практическая деятельность очень полезна. Но способен ли он при всей своей опытности и благонамеренности быть законодателем, если он не имеет ни юридического образования, ни знакомства с общим характером современных убеждений? Чем-то очень похожим на него являетесь вы; решитесь или перестать писать теоретические статьи или учиться, чтобы стать способными писать их.

Редакция «Ясной поляны» извинит нам жестокость этого приговора, если поймет, как в самом деле дурны многие из вещей, отысканных нами в ее статьях. Она убедится тогда, что мы говорим неприятную ей правду собственно из желания, чтобы она увидела опасность компрометировать себя такими странными тирадами, дурную сторону которых не замечала прежде, конечно, только по непривычке к теоретическому анализу мыслей, к выводу последствий и отыскиванию принципов. Просим ее не сердиться, но если она и рассердится, все равно мы обязаны перед публикой не селадонничать с «Ясной поляной», а прямо указать недостатки теоретического взгляда редакции этого журнала, потому что хорошие стремления его могли бы иначе подкупить многих на неразборчивое согласие со всем, что наговорено в «Ясной поляне». А наговорено в ней все без разбора; и хорошее и дурное.

Сущность дела состоит вот в чем.

За издание педагогического журнала принялись люди, считающие себя очень умными, наклонные считать всех остальных людей — например и Руссо и Песталоцци — глупцами; люди, имеющие некоторую личную опытность, но не имеющие ни определенных общих убеждений, ни научного образования. С этими качествами принялись они читать педагогические книги: читать внимательно, дочитывать до конца они не считают нужным — это, дескать, все глупости написаны, до нас никто ничего не смыслил в деле народного образования. Но в прочтенных ими отрывках книг и статей излагаются взгляды очень различные: у одного автора рекомендуется один метод преподавания, у другого — другой, у третьего — третий; у одного автора один взгляд на потребности народа, у другого — другой и т. д.; по одному автору круг предметов преподавания для народа один, у другого — др.

гой и т. д. Чтобы разобрать, кто прав в этой разногласице, нужно тяжелое изучение, нужна привычка к логическому мышлению, нужны определенные убеждения. А эти люди не постарались приобрести ни одного из этих условий и потому не в силах ничего разобрать. Вот и явился у них вывод, что ничего нельзя разобрать, что все вздор и все правда, и все системы никуда не годятся и все системы справедливы, и науки нет, и предмета нельзя знать, и методов нельзя определить. И осталось им руководиться только своими случайными впечатлениями да своими прекрасными чувствами. Но кое-что они все же читали и запомнили, и обрывки чужих мыслей, попавшие в их память, летят у них с языка как попало, в какой попало связи друг с другом и с их личными впечатлениями. Из этого натурально выходит хаос.

(Полное собрание сочинений, изд. 1906 г., т. IX, стр. 124—126.)

Д. И. Писарев [8]

НАША УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА

Статья вторая. Общее образование

(1863 г.)

II

У нас составилась привычка различать два рода образования: общее и специальное. Эта привычка, как большая часть наших привычек, не оправдывается ничем, кроме давности лет, и оказывается несостоятельною при первом прикосновении анализа. В самом деле, что такое специальное образование? Не что иное, как навык в каком-нибудь ремесле, уменье взяться за какое-нибудь дело, уменье приложить к этому делу именно те приемы, которые в данное время признаны опытом наиболее удобными. Что такое образованный специалист? Если отвечать на этот вопрос так, как того требует здравый смысл и правильное понимание употребляемых слов, то нам придется сказать, что образованный специалист есть человек, получивший общее образование и потом изучивший какое-нибудь ремесло. Если же отвечать на этот вопрос так, как того требует обыкновенное разговорное употребление слов, то нам придется сказать, что образованный специалист есть человек, изучивший основательно избранное им ремесло. Я, конечно, беру тут «ремесло» в самом обширном смысле этого слова. Под это понятие подходят все профессии, требующие знаний и сноровки. Ремесленниками оказываются и земледелец, и портной, и медик, и артиллерист, и законовед, и педагог, и литератор. Все эти занятия требуют известного напряжения мускулов и нервов; в одних преобладает умственный труд, в других — физический; одни производительны, другие непроизводительны, — но эти различия не имеют для нас в настоящее время никакого значения, потому что для нашего рассуждения важно только то, что

все они требуют практического навыка и некоторых знаний. Чтобы быть полезным членом общества, необходимо работать, следовательно — иметь какое-нибудь ремесло, следовательно — быть специалистом.

Польза, которую я приношу обществу, а следовательно и самому себе, будет тем значительнее, чем успешнее идет моя работа; а работа моя пойдет тем успешнее, чем основательнее я изучил свое ремесло. Общество видит и ценит результат моей работы, и если результат оказывается хорошим, то общество заключает, что я знаю хорошо свое ремесло, и называет меня образованным специалистом. Но общество не всегда поступает так: если я сапожник и шью превосходные сапоги, то оно только заваливает меня заказами и называет меня отличным сапожником, а об образованном специалисте не говорит ни слова; если же я горный инженер и хорошо разыскиваю золотоносные жилы, то меня производят в образованные специалисты, потому что я ношу эполеты, и потому что общество считает невежливым назвать меня хорошим ремесленником. Если я технолог и управляю каким-нибудь сахарным заводом, то и тут я еще могу, по мнению общества, носить титул образованного специалиста. Ну, а если я агроном, и управляю чьим-нибудь имением, да еще небольшим, тогда титул образованного специалиста начинает колебаться, и общество начинает находить, что меня удобнее называть хорошим приказчиком. Разрозненность сословий и чиновная иерархия перепутали все наши понятия и исказили наш разговорный язык. Очевидно, что образованный специалист такой же титул, как «ваше превосходительство» или «ваше высокоблагородие». Но последние два титула совершенно безвредны, а первый подает повод к недоразумениям и к неясности представления. Известно, что неправильное употребление слов ведет за собою ошибки в области мысли, и потом в практической жизни. Когда мы называем человека образованным специалистом, то нам уже кажется неправдоподобным, чтобы этот человек был неучем и полудикарем. Если мы даже видим факты, ясно намекающие на эти печальные истины, то мы стараемся перевесить эти факты другими фактами утешительного свойства. Конечно, рассуждаем мы, этот господин имеет много предрассудков; конечно, он имеет самые смутные понятия о достоинстве человека, об интересах общества, об отношениях гражданина к своим согражданам, и семьянина к своему семейству,— но зато он отлично умеет ввести корабль в гавань или подыскать статью в своде законов, или навести понтонный мост, или выстроить колонну к атаке. Мы красноречиво разрабатываем

Д. И. Писарев.

это *но,* и доходим до того, что основательные ремесленные познания начинают нам казаться такою штукою, которая имеет сходство с образованием и во многих случаях может заменить его, с пользой для отдельного лица и для общества. Дойдя до такого результата, мы очевидно потеряли уже из виду и действительное знание специальности, и настоящую цель общего образования. Начинается погоня за двумя зайцами, которые уходят от нас по двум разным дорогам. Возникают общеобразовательные заведения с намеками на специальность; являются специальные заведения с претензиями на общее образование. Наконец, что всего хуже, в обществе укореняется мысль о том, что можно в одно и то же время, одними и теми же уроками делать Васиньку или Колиньку образованным человеком и, например, хорошим моряком, или дельным юристом. Развелась пропасть разных образований: это, говорят, юридическое, а вот это — техническое, а вон то — военное. Идя по этому пути, можно дойти до образования кирасирского, отличающегося от гусарского и уланского, до образования свойственного чиновнику казенной палаты, и совершенно непохожего на образование сенатского или почтамтского чиновника, до образования кожевника, не имеющего ничего общего с образованием мыловара или мясника. Когда мы доведем свое развитие до такого невиданного совершенства, то нам останется только утешаться, глядя на тысячи образованных специалистов. Радость наша будет так беспредельна, что мы даже не заметим того, как общее образование совершенно уничтожилось и превратилось в миф, потому что сотни различных образований растащили его по кусочку. Образованных людей у нас не будет, а так как только образованные люди составляют и поддерживают благоустроенное гражданское общество, то и общества не будет, а будут сотни цехов, находящихся между собою в таких же дружеских отношениях, в каких находятся к прусским гражданам прусские офицеры, поминутно обнажающие оружие против безоружных своих соотечественников за такие обиды, которые понятны только этим храбрым воинам. К сожалению, всякий ошибочный принцип только в теории может быть доведен до своей нелепой крайности: жизнь редко бывает логична, и обыкновенно сворачивает в сторону, когда натыкается на нелепый вывод, прямо вытекающий из принятого ею принципа. Поэтому принцип остается непобежденным, скрывается на время внутрь и притихает, а потом опять поднимает голову и производит разные мелкие глупости, которые обыкновенно замазываются такими же мелкими паллиативными средствами. Так и ползет жизнь через пень-колоду, обходя нелепые крайности, сражаясь ежеминутно с крошечными аномалиями и безропотно уживаясь с основной причиной этих аномалий.

Таким образом нельзя продвигаться вперед быстро и успешно, но об этом почти никто и не заботится. Об образовании толкуют все, кому только есть время и охота толковать; составляются проекты, изменяются программы, увеличивается или уменьшается число учебных часов, передвигается порядок занятий, чувствуется во всем ходе образования какая-то общая нескладица, — но переделки производятся робко и нерешительно, и все в одном и том же узком кругу идей, составившемся бог знает когда, и охватившем нас бог знает зачем. Раздаются голоса,

говорящие решительно и ясно, о том, что следует формировать человека, а не моряка, не чиновника, не офицера. Все слушают — и умиляются и начинают действовать, а между тем в результате оказываются только переименования и передвижения. Призрак специального образования никак не решается исчезнуть и до сих пор мешает нашему обществу разглядеть действительный смысл и настоящую задачу образования. Вместо того, чтобы с корнем вырвать ошибочный принцип, вместо того, чтобы навсегда прогнать нелепый призрак, мы все хлопочем о том, чтобы заключить невозможную мировую сделку между призраком и действительностью, как будто возможны какие-нибудь сделки между истиной и бессмыслицей, между здравым смыслом и предрассудком. Мы в наших учебных заведениях служим богу и мамону; мы никогда не относимся к образованию просто и бескорыстно; всякое знание мы забираем в голову, как источник будущих доходов; на всякую книгу мы готовы смотреть, как на руководство к изучению поваренного искусства, или как на рецепт для соления грибов и брусники; эти корыстные цели конечно никогда не достигаются; каждая кухарка знает, что никто еще не сделался поваром по книжке; каждая деревенская хозяйка скажет вам, что человек неопытный при самом подробном рецепте испортит грибы и бруснику. Но лукавые виды на грибы и бруснику не дают нам покоя и не позволяют нам дорыться до правильного взгляда на образование. Да и как дорыться, когда мы сваливаем в одну кучу воспитание, образование и изучение ремесла? Воспитанием мы очень дорожим, потому что нашему сердцу бесконечно отрадно видеть в детях и юношах благонравие и кротость. Изучением ремесла мы тоже дорожим по-своему, потому что жалованье и казенная квартира отыскивают себе чувствительное место в самом стоическом сердце. А что такое образование — этого мы не знаем. Там, на границе между воспитанием и изучением ремесла, есть какая-то неопределенная амальгама, какая-то переходная тень, которую мы и называем образованием и к которой мы, по правде сказать, чувствуем глубочайшее равнодушие. Но так как нам совестно питать такие неевропейские чувства к такому великому делу, как образование, то мы, ради приличного замаскирования, и придумали назвать образованием всю кучу наших педагогических отправлений, т. е. и воспитание, и изучение ремесла, и узенькую полоску неинтересной для нас амальгамы. Тут дело не в словах: можно, пожалуй, стол назвать стулом, но зачем же садиться на стол. Это и неудобно и неприлично. Можно как угодно назвать наши педагогические упражнения над детьми и юношами, но зачем же сдавливать образование между воспитанием и изучением ремесла? Зачем отодвигать образование на самый задний план и выдвигать вперед воспитание и специальность, которые должны иметь второстепенное значение. Воспитывать вообще следует как можно менее, а выбор специальности всегда должен быть безусловно предоставлен самому молодому человеку, получившему уже хорошее и полное образование. Я говорю здесь о такой специальности, которая требует сильной и постоянной умственной работы и которая дает всей последующей жизни человека определенное направление. Что же касается до простого ручного ремесла, то ему можно учить ребенка с малолетства, потому что тако-

ремесло нисколько не мешает общеобразовательным занятиям, не направляет ума в ту или другую сторону и, не вредя никаким другим умственным или житейским успехам, развивает здоровье и всегда остается запасным капиталом, на случай нужды или неудачи.

IV

Я особенно настоятельно обращаю внимание читателя на ту мысль, что у нас образование сдавлено между нравственным воспитанием и учением специальности. Эта мысль, к которой мы пришли путем предшествующих рассуждений, дает нам ключ к пониманию многих странных явлений нашей педагогической практики. Когда ребенок начинает ходить и говорить, то первые старания родителей направляются на то, чтобы покорить возникающую силу, подчинить ее посторонней воле, не допустить ее до сознания того, что она сама — сила, способная крепнуть, развиваться, расширять свою деятельность и свои права. Прежде всего ребенок должен быть послушным сыном или послушной дочерью; поэтому ему внушается ежеминутно, что он сам ничтожен, слаб, зависим, неспособен понимать, что ему полезно и вредно; стараются даже доказать ему, что он не умеет различать приятное и неприятное; но этому последнему посягательству на его чувства и волю ребенок не поддается никогда. На различии приятного и неприятного он основывает всю свою оппозицию против притязаний взрослых. Он знает очень хорошо, чего ему хочется и чего не хочется; его желания называют капризами, но это его не смущает; в капризах проявляются первые задатки характера, и эти задатки, против которых направлены все усилия воспитателей, все-таки развиваются и в конце концов заставляют признать свою законность. Ведь и Меттерних считал национальные стремления итальянцев предосудительным капризом, а теперь непризнавание итальянского королевства покажется всякому здравомыслящему человеку пустым дипломатическим упорством. Так точно бывает и в частной жизни с теми воспитателями, которые ведут ожесточенную войну с так называемыми капризами своих питомцев. Эта ожесточенная война нисколько не ослабевает тогда, когда начинается книжное учение. Напротив того, книжное учение дает каждый день новые материалы для педагогических распрей. Ребенок ленив, ребенок невнимателен, все это надо побеждать и искоренять; где же тут думать о перемирии. Воспитание широкой волной врывается в собственное поле образования. Знания превращаются в нравоучения. Учитель не спрашивает об умственных потребностях ребенка, не старается их пробудить и не заботится об удовлетворении тех потребностей, которые уже пробудились сами собою. Всякая умственная потребность, являющаяся без призыва, встречается, как незванная гостья, — а известно, что незванный гость хуже татарина. Такая нескромная потребность обыкновенно считается таким же капризом, как и всякое другое желание ребенка, не входящее в педагогические расчеты воспитателя. Учение не отвечает на вопросы ребенка и никогда не бывает расположено так, чтобы ребенок сам понимал его необходимость. Ребенку говорится с самого начала, что он должен учиться для своей же пользы. Эти сакраментальные слова: «Это, душенька,

для твоей же пользы» — хорошо известны всякому ребенку. Эти слова всегда произносятся в заключение каждого нравоучения, каждой распечки, даже каждого наказания розгой или другим орудием. Это последний аргумент, ultima ratio, после которого воспитатель говорит себе, что он все объяснил ребенку и что ребенок окажется неблагодарным животным, если не даст с радостью завязать себе глаза и не побежит с завязанными глазами, по голосу своего воспитателя, всюду, куда прикажут. И действительно, надо сказать правду, только особенно даровитые ребята оказываются неблагодарными животными. Большинство детей так благовоспитано, что путешествие с завязанными глазами не представляет уже для них ничего необыкновенного. Нельзя сказать, чтобы слова: «Это, душенька, для твоей же пользы» — особенно глубоко врезались в их ум; они вовсе не думают, что это их польза; они не пылают фанатической верой в непогрешимость своих учителей, потому что такую фанатическую веру способна возбудить только высоко даровитая личность. Они просто измяты и усыплены воспитанием; они привыкли кому-нибудь повиноваться и не умеют ни рассуждать, ни горячо верить. Они смотрят на свои уроки, как мужики на барщину: «Нельзя же без этого; добром не сделаешь, так насильно заставят». Они и делают добром, чтобы не вышло неприятности. Таким образом приобретается привычка, которая всегда сохраняется далеко за пределами детства и часто сопровождает человека до гробовой доски. Ребенок учит урок, потому что так велено; гимназист зубрит к экзамену, потому что так заведено; студент записывает бестолковую лекцию, потому что она назначена по расписанию; гимназический учитель требует от ученика твердого знания урока, потому что он на то поставлен; профессор читает бестолковую лекцию, потому что его за тем посадили на кафедру. Словом, один толкает другого, не зная куда и зачем, и другой также не знает, куда и зачем толкает его один, — но не расспрашивает об этом, следует импульсу, и затем в свою очередь начинает толкать невинного третьего. Perpetuum mobile, которого тщетно ищет механика, блистательным образом найдено и осуществлено в нашей педагогической и житейской практике. Так как образование наше нисколько не обусловливается собственными потребностями ребенка, то чем же определяется круг предметов, входящих в его состав? Если ребенку следует поступить в казенное заведение, то круг предметов определяется печатной программой, а если ребенок — девочка, и если ей предстоит закончить свое образование в родительском доме, то круг предметов определяется теми требованиями, которые возбуждают неопределенный идеал — jeune personne charmante et bien éleveé. Вы видите, что к воспитательному элементу примешивается элемент специальности. Иногда примешивается с первых дней жизни ребенка. Бывают родители, которые знают заранее, что старший их сын будет фельдмаршалом, второй адмиралом, а третий министром финансов. Сообразно с этими предначертаниями располагается и воспитание, но таких родителей уже теперь немного; кроме того, это уже крайности, а я хочу говорить только о лучших явлениях нашей педагогической практики. Даже в этих лучших явлениях элемент специальности примешивается к образованию очень рано.

Что касается до женщин, то они все специалисты, потому что воспитываются или для светской жизни, или для кухни, или для места гувернантки. Но о женском воспитании я говорить не буду. Посмотрим, какой же круг предметов назначается и требуется печатными программами, которые имеют такое неотразимое влияние на ход образования мальчиков в достаточных и просвещенных классах нашего общества. Мы можем принять за норму программу гимназии, потому что все другие программы гражданских и военноучебных заведений представляют, по крайней мере в низших классах, очень незначительные уклонения от программы гимназии.

V

Перечислить отдельные предметы, входящие в гимназическую программу, очень легко, но определить, хоть в общих чертах, план и характер нашего гимназического образования совершенно невозможно, по той простой причине, что плана и характера в нем положительно нет.

Представьте себе, что я держу в руках маленькую и очень простую акварельную картинку. Вы умеете рисовать и сидите в другой комнате; перед вами лежат на столе лист бумаги, кисти и все те краски, которыми нарисована моя картина. Я начинаю вам диктовать: полвершка желтой краски, три штриха зеленой, два вершка в длину и полтора в ширину лиловой и т. д. Я диктую совершенно верно, и систематически последовательно иду сверху вниз, и от левой руки к правой, но несмотря на то, и несмотря на ваш художественный талант, я позволю себе усомниться в том, чтобы на вашей бумаге изобразилась моя картина, или вообще какая-нибудь другая картина. Именно таким образом диктовала нам Европа, и особенно Германия, программы своих заведений, такие программы, которые и на своем-то месте не приносили никакой пользы. А уж что из них вышло у нас — так этого и рассказать невозможно. В последнее время, с легкой руки «Русского вестника», за подобную диктовку хотела приняться Англия. Являлось в журналах мнение, что следует усилить у нас классическое образование, потому, дескать, что оно господствует в Англии, а Англия, держава просвещенная, и граждане ее пользуются всеми благами общественной жизни, и ораторы ее очень замечательны, и государственные люди дальновидны, и ученые глубокомысленны. Покуда мы с приверженцами классического образования не будем ни спорить, ни соглашаться. Заметим только, что школьное образование в Европе находится еще под влиянием тех идей, которые вложили в него гуманисты, жившие в эпоху возрождения и во время реформации. В конце XV и в начале XVI столетия все мыслящие люди Европы были увлечены обожанием классической древности, и это было хорошо, потому что лучше увлекаться идеями Цицерона и Платона, лучше восхищаться красотами Гомера и красивыми словами Вергилия, чем тупеть над средневековой схоластической гнилью. Увлечение греками и римлянами конечно хватило через край. Латинский язык, постоянно оставшийся языком церкви и права, вытеснил народные языки из литературы и науки. Даже Лютеров перевод библии на немецкий язык не положил предела тиранническому гос-

подству латинского языка. На латинском писались и стихотворения, и богословские трактаты, и ученые исследования, и политические памфлеты. При таком положении дел, латинский язык должен был твердо укорениться в школах.

Кроме того, все школьное образование должно было сложиться по образцу классической древности, с теми только изменениями, которых требовала христианская религия. Таким образом и явилось на свет так называемое гуманное образование, которому противополагают образование реальное, и которого жалкие и искаженные лохмотья составляют наш гимназический курс. В Греции и в Риме образование было исключительно словесное. Преподавались грамматика, риторика и философия. К этому присоединялось кое-что из математики и разные гадания об астрономии. Естественных наук не было. Наука вообще в древнем мире не существовала, потому что соображения Аристотеля и Платона о мироздании и человеке, нравившиеся так сильно древним и средним векам, конечно не могут быть названы наукой. Математика была еще мало развита, и влияние ее на общее образование было незначительно. Стало быть, грек или римлянин в школе выучивался только хорошо говорить и хорошо писать. Апофеоза фразерства была доведена до такой наивной крайности, до которой она не может дойти в наш лицемерный век. Мы фразерствуем стыдливо и стараемся уверить всех, что говорим просто и дельно, а грек и, глядя на него, римлянин фразерствовали гордо и откровенно, потому что фразерство было и наукой, и искусством, и высшим достоинством человека, и лучшею доблестью гражданина, и вернейшим средством ворочать, по своему благоусмотрению, судьбой городов и республик. Фразерство пользовалось всемогуществом во время лучших дней греческой и римской свободы, и это всемогущество фразы было, конечно, одною из мрачных сторон этого быта. Когда пала свобода Греции и Рима, тогда фраза потеряла свою силу, потому что эта сила перешла в македонскую фалангу и в преторианскую когорту. Но в школе фраза продолжала господствовать, потому что больше не на чем было построить обучение. Из римских школ фраза, потерявшая смысл и силу, перешла в средневековые училища, потом в школы гуманистов, где она немножко освежилась от соприкосновения с литературными памятниками классической древности, и наконец от гуманистов к нам, через Польшу и Киев, через Заиконоспасскую академию и бурсы; та же самая классическая фраза забралась в гимназии и даже в кадетские корпуса. Кое-что приставили, кое-что урезали, и образовался гимназический курс, в котором, как я уже говорил, все предметы враждуют между собою и неутомимо преследуют и истребляют друг друга. Чтобы доискаться до какого-нибудь смысла в нашем гимназическом или общем образовании, необходимо было отправиться в историческую экскурсию и добраться до греков, потому что только там, в этом первобытном источнике, словесное или гуманное образование имело смысл и значение, а мы донашиваем теперь чужие обноски, в которых уже не видно ни цвета, ни покроя, ни качества материи. Я, конечно, оставляю, в моем обозрении, преподавание закона божия в сторону; судить о том, хорошо или дурно ведется это преподавание, я предоставляю специалистам,

как людям более компетентным. Но, кроме закона божия, мы имеем великое множество наук.

История, география, математика, физика, русская грамматика, риторика с пиитикой, носящие более современное название теории словесности, история русской литературы, латинский язык, в некоторых гимназиях греческий; языки французский и немецкий. Помилуйте! Да может ли быть что-нибудь роскошнее этой программы, особенно если мы вспомним, что вместо греческого языка в большей части гимназий преподаются законоведение и естественная история? (Sic!) Но замечаете ли вы странное явление? Математика и физика стоят совершенно одиночно в этой роскошной программе, точно незванные гости, зашедшие по ошибке в незнакомое общество. Они так и жмутся друг к другу; обыкновенно учитель математики преподает и физику. А в тех классах гимназии, где еще нет физики, математика оказывается совершенной сиротой, и потому поневоле применяется к обычаям и манерам всего остального общества. Все другие предметы обращаются к памяти учеников; такое обращение вовсе не нравится математике, но с своим уставом в чужой монастырь не ходят, и она, скрепя сердце, покоряется господствующему порядку. Значит, математику и физику как личности страдательные и ни в чем не повинные мы можем оставить в стороне. Они бы и рады помочь горю и предохранить гимназистов от угрожающего им отупения, но сила остальных наук слишком велика, так что против них невозможно бороться. Вот, например, история. У нас принято думать, что это великая и прекрасная наука, что дети и юноши должны развивать свой ум и облагораживать сердце, читая деяния патриотов Греции и Рима и умиляясь душой над священными страницами отечественного бытописания. У нас принято даже говорить об истории высоким слогом, что я и старался исполнить в предыдущей моей фразе. У нас, далее, принято негодовать против гг. Кайданова, Смарагдова, Зуева и Устрялова; принято утверждать, что эти почтенные деятели написали очень плохие учебники, и что только по милости этих учебников не достигаются те возвышенные цели, к которым должно вести преподавание истории в гимназиях. Кто только не бранил поименованных господ, кто не изощрял над ними своего копеечного остроумия? «Нам, — говорят эти остряки, — необходимы хорошие исторические учебники для гимназий. Это наша настоятельная потребность. Пора, пора обратить на нее внимание». Затем следуют знаки восклицательные, многоточия и другие печатные выражения взволнованных чувств. А между тем, все это пустяки. Учебники никуда не годятся, это правда. Но новых учебников совсем не нужно; они также никуда не будут годиться, потому что учебник истории для гимназий — бессмыслица, невозможная книга, неосуществимая мечта. Рациональное преподавание истории в гимназии также мечта, которая ни при каких условиях осуществиться не может.

XIII

Мы рассмотрели, таким образом, недостатки нашего гимназического образования и показали слабую сторону наших университетов. Теперь нетрудно будет обозначить в самых общих чертах те пре-

образования, в которых нуждаются гимназии и университеты. В гимназической программе нет общего плана; собрания слов и фраз называются науками; рассказы и гипотезы вытесняют собою серьезные знания; память учеников работает постоянно, а мыслительные способности их находятся в бездействии. Конечно, все это должно быть переделано. В программу должно быть внесено строгое единство общего плана; фразы, называющиеся в своей совокупности историей, политической географией, теорией словесности и т. д., должны быть оставлены за штатом; рассказы и гипотезы должны уступить место научным аксиомам и теоремам; мыслительные способности учеников должны вступить в отправление своих естественных обязанностей. Все эти метаморфозы могут быть произведены только в том случае, когда будет изменена самая подкладка образования. До сих пор в наших школах изучали преимущественно человека и его духовные произведения, а теперь надобно изучать природу. Это единственное средство выйти из области догадок и предположений, фраз и возгласов, красивых теорий и бессмысленного зубрения. Это единственное средство ввести учеников в область точного знания, добросовестного исследования и живого мышления.

Я доказал уже, говоря о преподавании истории и географии в гимназиях, что изучение человека и его гражданской жизни по своей сложности недоступно гимназистам; я доказал также, что изучение это в действительности не существует, и что исторические и географические знания гимназистов составляют самый печальный оптический обман. Одного этого обстоятельства уже достаточно, чтобы навсегда отложить попечение о так называемом гуманном образовании; об этом образовании не стоит жалеть; оно кажется удовлетворительным только тогда, когда нет лучшего; оно считалось хорошим тогда, когда естественные науки были в колыбели; оно существует теперь по тому же самому, почему существуют многие антики, давно осужденные на смерть наукой и здравым смыслом; существует потому, что крепка наша рутина, велико наше невежество, безгранично наше равнодушие к умственным интересам подрастающих поколений. Благодаря невежеству и рутине, естественные науки так оклеветаны в нашем обществе, что совет положить их в основу нашего школьного образования покажется многим просвещенным педагогам преступным посягательством на умственную непорочность учащегося отрочества. За естественными науками стоит призрак материализма, выдуманный от нечего делать волхвами и кудесниками московской журналистики. Доказать, что материализм нам вовсе неопасен, что он у нас даже вовсе не существует — конечно нетрудно, но это доказывание ни к чему не поведет; когда общество наслушалось нелепых толков, когда оно напугано ими, тогда оно не верит доказательствам. Попробуйте доказать крестьянскому мальчику, что нет на свете домового, и вы увидите, как блистательная аргументация ваша разобьется об укоренившийся предрассудок, превратившийся уже в инстинктивное чувство. Я очень хорошо знаю, что мои мысли о гимназическом образовании и о необходимости положить в его основу естественные науки будут приняты в обществе очень недоверчиво; я знаю, что об осуществлении подобной мысли

смешно даже мечтать. Но я думаю, что между журнальной статьей и деловым проектом существует значительная разница. Проект должен быть практичен и непосредственно приложим к делу; он должен принимать в соображение взгляды, мнения и даже современные предрассудки общества. Что же касается до простой журнальной статьи, то ее дело просто бросить в общество ту или другую мысль. Автор отвечает только за честность этой мысли и за искренность собственного убеждения. Дело общества принять или отбросить эту мысль, оспаривать ее или оставить ее вовсе без внимания. Поэтому, не смущаясь добродетельным отвращением общества к естественным наукам и к материализму и в то же время не заботясь о практической приложимости моего рассуждения, я покажу, почему именно одни естественные науки, положенные в основу общего образования, могут развить ум и сообщить учащемуся прочные знания.

Во-первых, знания о природе вполне соответствуют естественным потребностям детского ума. Первые проблески ребяческой любознательности направляются прямо на окружающие впечатления. Спрашивает ли когда-нибудь ребенок о том, что было тысячу лет тому назад? Нет, он и представить себе не может такую крупную цифру и такую далекую эпоху. Стало быть, история дается ребенку помимо его желания; она не отвечает никакой потребности его ума. Спрашивает ли ребенок: что такое красота, добро, истина? Когда ему нравится картинка или игрушка, спрашивает ли он: почему это мне нравится? Конечно, нет. Отвлечение и анализ собственных впечатлений — такие процессы, которые совершенно несвойственны уму ребенка. Стало быть, логика, эстетика и весь хлам теории словесности даются ребенку помимо его желания. Но ведь известно, что ребенок постоянно пристает к взрослым с вопросами. О чем же он спрашивает? Конечно, о том, что он видит. Отчего месяц сегодня стоит на небе серпом, а неделю тому назад был круглый? Отчего собака ест хлеб, а кошка не ест? Отчего бутылка с водой лопнула на морозе? Отчего облака по небу ходят? Отчего дождь идет? Вот вопросы ребенка, и ребенок так разнообразит их, что вам становится очевидным, как они родятся в голове его под влиянием свежих и постоянно изменяющихся впечатлений.

Период такой живой любознательности обыкновенно продолжается недолго; взрослые большею частью отвечают на вопросы ребенка так глупо, что ребенку надоедает спрашивать. Ему приходится думать одно из двух: или то, что на его вопросы вовсе не существует удовлетворительного ответа; или то, что окружающие его взрослые не понимают нелепости своих ответов. В первом случае он мирится с незнанием, и любознательность его засыпает; во втором случае он ищет ответа, как искал ответа Ломоносов. Конечно, второй случай гораздо реже первого. Но в том и в другом случае знакомство с естественными науками должно привести ребенка в восхищение. Разумный ответ на один вопрос порождает в уме десяток новых вопросов, и ребенок приобретает прочные сведения, даже не подозревая того, что он начал учиться. Если естественные науки преподаются ребенку сколько-нибудь разумно, то, конечно, удовольствие, испытанное им при первом знакомстве с законами природы, будет увеличиваться по мере того, как это

знакомство будет делаться более коротким и сознательным. Знание природы ни в каком случае, ни при каких условиях жизни, ни в каком общественном положении не может быть мертвым капиталом ни для ребенка, ни для взрослого человека. Всякая школьная мудрость забывается за порогом школы, потому что самое существование этой мудрости поддерживается и обусловливается только затхлою атмосферою школы; но природа окружает человека везде; стало быть, человек, однажды заинтересовавшийся изучением ее сил и законов, уже никогда не забудет того, что он о ней знает, и всегда будет стремиться к расширению своих сведений. Только одни естественные науки глубоко коренятся в живой действительности; только они совершенно независимы от теорий и фикций; только в их область не проникает никакая реакция; только они образуют сферу чистого знания, чуждого всяких тенденций; следовательно, только естественные науки ставят человека лицом к лицу с действительной жизнью, не подкрашенной нравоучениями, не обрезанной системами, не сочиненной досужим мышлением философов. И между тем эти самые естественные науки до сих пор считаются достоянием заклятых специалистов; историю, теорию словесности должны знать все образованные люди, а законы и отправления жизни, которая проявляется во всех органических существах, начиная от лишаев и водорослей и кончая обезьяной и человеком, эти законы писаны только для двух-трех десятков чудаков, называемых натуралистами. Остальному обществу, называющему себя образованным, до них нет никакого дела, — ему, по русской пословице, закон не писан. Конечно, такое непостижимое равнодушие к тому, что нас постоянно окружает и постоянно действует на нас, может быть объяснено только крайней неразвитостью, которую, без малейшего преувеличения, можно назвать полной умственной слепотой. Лечить от этой слепоты взрослых уже, может быть, поздно; но предохранить от нее детей — это должно быть святою обязанностью всех отцов и воспитателей. Общество наше погружено в спячку; у него нет никаких серьезных умственных интересов, а между тем великая книга природы открыта перед всеми, и в этой великой книге до сих пор, трудами немногих замечательных деятелей, прочтены только первые страницы.

Кто же виноват в том, что наши достаточные и soi-disant образованные классы ничего не делают и ничем не интересуются? Виновато очевидно направление их образования; школа ничем не заинтересовала их, и это обстоятельство даже делает честь их природному уму, потому что в наших школах действительно заинтересоваться нечем. Если бы Александр Гумбольдт учился в русской гимназии или в русском кадетском корпусе, то, по всей вероятности, он сделался бы ревностным посетителем балов и балетов, вместо того чтобы быть натуралистом и путешественником. Ведь Александр Гумбольдт был бароном и богатым человеком, — стало быть, нет ничего несбыточного в той мысли, что, при разумном направлении образования, даже высшие классы нашего общества могут перейти от танцев к другим занятиям, более достойным человека и более полезным для человечества. Кому же удобнее всего разрабатывать науку, как не тем людям, которые обеспечены в материальном отношении? И эти люди действительно стали бы

разрабатывать науку, если бы были заинтересованы ею с детства. А заинтересовать человека с детства может только изучение природы.

Говорить о практической пользе естественных наук, указывать на паровые машины, на железные дороги, на электрические телеграфы, на микроскоп, химический анализ и успехи физиологии — значило бы повторять фразы, встречающиеся в предисловиях ко всевозможным оригинальным и переводным книгам по естественным наукам. Я воздержусь от этого словоизвержения. Читатель сам понимает, что все материальное благосостояние человечества зависит от его господства над окружающей природой и что это господство заключается только в знании естественных сил и законов. Но читатель, может быть, не обращал внимания на то обстоятельство, что эти знания до сих пор вырабатывались только десятками людей; сотни и тысячи принимали уже выработанные результаты, питались готовыми кушаньями и, следовательно, сами нисколько не помогали стряпне. А почему они не помогали? Неужели потому, что они все были неспособны помогать? Такое предположение совершенно неправдоподобно. Неужели наши мужики потому неграмотны, что неспособны выучиться азбуке? Ведь это уже очевидная нелепость. Мужики неграмотны, потому что разные посторонние обстоятельства мешали им учиться; точно так же сотни и тысячи образованных людей оставались равнодушными к изучению природы потому, что направление их образования не давало им познакомиться с азбукой естествознания. Но между мужиками находились и находятся люди, в которых желание учиться так сильно, что оно вырывалось даже из-под гнета неблагоприятных обстоятельств. Точно так же между образованными людьми попадаются личности, замечательные по своей любознательности, личности, умеющие вырваться из того ограниченного круга идей и понятий, в который ставит их господствующее направление общего образования. Эти-то немногие личности, превращающиеся в чудаков и натуралистов, несут на плечах своих весь труд материального прогресса человечества. Если бы этих личностей было больше, то, очевидно, завоевания человечества в области естествознания совершались бы быстрее; а вместе с тем и вся жизнь человечества представляла бы меньше лишений и страданий, меньше горя и бедности. Если бы азбука естествознания была также распространена, как та азбука, по которой мы учимся читать, то число исследователей природы наверное увеличилось бы в несколько десятков раз, и труды этих исследователей сделались бы также гораздо плодотворнее, чем теперь, потому что все результаты исследования обобщались и прилагались бы к жизни несравненно быстрее и полнее теперешнего. Рутина и предрассудки погибли бы навеки, потому что они держатся теперь только благодаря тому обстоятельству, что самые простые законы природы неизвестны даже образованному обществу.

Наконец, самый закон умов сделается тверже, когда естественные науки будут положены в основу общего образования. Естественные науки важны и замечательны не только по предмету своего изучения, но и по своему методу. Это — науки, основанные исключительно на наблюдении и опыте. Собственно говоря, только математические и естественные науки имеют право называться науками. Только в них

гипотезы не остаются гипотезами; только они показывают нам истину и дают нам возможность убедиться в том, что это действительно истина. Эти науки сообщают человеку, посвятившему себя их изучению, такую трезвость и неподкупность мышления, такую требовательность в отношении к своим и к чужим идеям, такую силу критики, которая сопровождает этого человека за пределы выбранных им наук, которая не оставляет его в действительной жизни и кладет свою печать на все его рассуждения и поступки.

По всем этим причинам я полагаю, что изучение математических и естественных наук должно быть положено в основание нашей гимназической программы. Кроме этих наук должны оставаться только закон божий, русская грамматика и новейшие языки.

(Собрание сочинений, СПБ, 1912, т. III.)

ШКОЛА И ЖИЗНЬ

(1865 г.)

Представьте себе, что вы входите в москательную лавку и требуете какого-нибудь снадобья для истребления тараканов и клопов; вам подают склянку, наполненную жидкостью неопределенного цвета; вы спрашиваете, как употребляется эта жидкость.

«Надо, — отвечает вам купец, — поймать таракана или клопа и капнуть ему из этой склянки на голову. Через полчаса после этой операции он непременно издохнет». — Выслушав эту инструкцию, вы, вероятно, подумаете, что купец принимает вас за идиота и смеется над вами в глаза. Вы, вероятно, сообразите, что жидкость, действующая таким образом, совершенно бесполезна, потому что когда таракан пойман, тогда его можно истребить безо всякой жидкости. Не знаю, существуют ли на свете москательщики, способные давать своим покупателям подобные наставления, но знаю наверное, что очень многие добродушные писатели, стремящиеся обновить и возродить общество силою великих идей, преподают своим читателям точь-в-точь такие советы касательно этого будущего обновления и возрождения. Если вы хотите провести в жизнь ваши плодотворные идеи, говорят эти писатели, старайтесь реформировать воспитание; если хотите искоренить в обществе вредные предрассудки, старайтесь, прежде всего, охранить от этих предрассудков подрастающее поколение. Словом, действуйте на школу для того, чтобы подействовать на жизнь. Именно так: поймайте таракана, облейте ему голову вашей жидкостью, и тогда он наверное издохнет через полчаса. Добродушные писатели, мечтающие о торжестве новых идей посредством школы, упускают из виду только одно крошечное обстоятельство, именно то, что школа везде и всегда составляет самую крепкую и неприступную цитадель всевозможных традиций и предрассудков, мешающих обществу мыслить и жить сообразно с его действительными потребностями. Все члены общества, питающие искреннюю или притворную нежность к традициям и к предрассудкам, охраняют школу от влияния новых идей так же старательно, как

старая нянька охраняет своего питомца от дурного глаза. Все бескорыстные или корыстные приверженцы укоренившихся заблуждений понимают как нельзя лучше, что если новая идея заберется в школу и успеет в ней утвердиться, тогда эта новая идея, по прошествии двух-трех десятилетий, а может быть и раньше, охватит своим влиянием все жизненные отправления и стремления общества. Этому они, разумеется, будут сопротивляться всеми силами, и их сопротивление будет неодолимо до тех пор, пока числовой перевес будет находиться на их стороне, т. е., пока пассивное и безгласное большинство будет, по старой привычке, считать их софизмы за выражения чистейшей истины. Таким образом, не трудно понять, что овладеть школой и перестроить воспитание может только та идея, которая давно перешла в наступательное положение и одержала решительную победу в сознании самого общества, а совсем не та идея, которая, по своей крайней молодости, принуждена еще бороться за свое собственное существование. Когда взята уже школа, тогда борьба кончена, победа упрочена, таракан пойман... Взятие школы составляет важнейший результат и драгоценнейший плод победы, а никак не первый акт борьбы. Взять школу — значит упрочить господство своей идеи над обществом. Но мечтать о том, чтобы через школу пробить себе дорогу в жизнь, через воспитание пересоздать общество, — это значит принимать окончательный результат за вспомогательное средство, компрометировать свою идею бестактными попытками, обрекать самого себя на вечное бессилие и тратить жизнь на маниловские фантазии о великолепных мостах с каменными лавками. Это еще нелепее, чем истреблять тараканов по рецепту моего вымышленного москательщика. Поймать таракана все-таки возможно, хотя и нелепо ловить его для того, чтобы мочить ему голову; а перестраивать воспитание, не переделавши предварительно основных понятий общества, — нет даже ни малейшей возможности.

Само собой разумеется, что со временем последовательный реализм, т. е. строго-научный и совершенно трезвый взгляд на природу, на человека и на общество, силою своей собственной разумности одержит непременно решительную победу над всеми произвольными построениями праздной фантазии. Фантастический элемент, вытесненный из жизни и миросозерцания общества, конечно, не удержится и в школе. Система воспитания сложится по тому же принципу, которым будут проникнуты все остальные отправления общественной жизни. К такому порядку вещей идет вся образованная Европа; вслед за нашими европейскими учителями, мы также волей или неволей тянемся к тому же самому результату, по известной пословице: куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Этот окончательный результат неизбежен, но мы придем к нему еще не очень скоро. Невежество, умственная робость, неповоротливость и вялость наших так называемых образованных соотечественников окружают нас со всех сторон такими непроницаемыми девственными лесами, в которых могут гнездиться совершенно беспрепятственно, втечение целого столетия, все возможные фантастические нелепости. При существовании этих непролазных лесов, в которые не заглядывал до сих пор

ни один луч строго-научного, положительного мышления, нечего и думать о том, чтобы проводить в общественное воспитание принцип последовательного реализма. Если бы даже само правительство, при всех своих громадных средствах действовать на общество, взялось за эту задачу, то и тогда задача оказалась бы неразрешимой. Попавши в наши учебные заведения, последовательный реализм быстро принял бы в себя такое множество нереальных ингредиентов самого сомнительного достоинства, что в общем итоге получилась бы такая же бессмысленная смесь французского с нижегородским, какая господствовала в светских манерах высшего общества «времен Очакова и покоренья Крыма». Второстепенные и третьестепенные исполнители реальнейших предписаний оказались бы, в большей части случаев, так же хорошо приготовленными к своей новой роли, как хорошо приготовлены чины земской полиции к собиранию статистических материалов и к заседанию в статистических международных конгрессах. Имея в виду эти печальные истины, в которых могут сомневаться только очень наивные оптимисты, «Русское слово», как известно нашим читателям, созерцало с невозмутимым равнодушием великую и славную борьбу наших классиков с нашими так называемыми реалистами, которых «Русское слово», по правде сказать, даже и не признает за настоящих реалистов. В течение последних лет, когда эта борьба находилась в самом разгаре, «Русское слово» всего только два раза коснулось вопроса о нашем общественном образовании: в первый раз, в 1863 г., посредством статьи: «Наша университетская наука»; во второй раз, в 1865 г., посредством статьи: «Педагогические софизмы». Обе эти статьи держатся на чисто отрицательной точке зрения и посвящены систематическому разоблачению педагогического шарлатанства и доморощенной бездарности. Обе клонятся не к тому, чтобы исправить существующие недостатки — такая наивная претензия заключала бы в себе слишком много младенческой неопытности и самонадеянности, — а к тому, чтобы предостеречь от этих недостатков тех юных и доверчивых людей, которые способны восхищаться шарлатанами и благоговеть перед бездарностями.

Еще в 1863 г. «Русское слово» выразило очень определенным образом то мнение, что наши учебные заведения очень плохи и очень долго останутся еще в своем неудовлетворительном положении, потому что их недостатки зависят не от каких-нибудь частных несовершенств гимназического устава, а от неверности того основного понятия, которое общество составляет себе о цели общего образования. В последние два года это основное понятие не могло измениться и действительно нисколько не изменилось. Поэтому и «Русское слово» естественным образом остается при своем прежнем убеждении. Нисколько не сочувствуя классицизму, мы однако нисколько не сокрушаемся о том, что гимназический устав решил вопрос о нашем общественном образовании в пользу классических гимназий. Если бы вопрос был решен в пользу реальных гимназий, то эти гимназии во всяком случае были бы реальными только по своему названию, и их реализм мог бы показаться вполне удовлетворительным только для скромных и невзыскательных публицистов «Го-

лоса». Нас такой реализм нисколько не прельщает; а так как реализм более чистой пробы долго еще не проникнет в наши школы, то мы считаем совершенно лишним делом ратовать против неизбежного хода вещей, который может быть исправлен только действием и добросовестной работой мысли, направленной не на специальный педагогический вопрос, а на общие вопросы общественного миросозерцания. Нам очень жаль, что наша учащаяся молодежь может тратить, пожалуй, непроизводительным образом значительную часть того времени, которое она проводит в школе или употребляет на заучивание уроков. Но с этой тратой времени мы готовы помириться. Мы видим и знаем, что очень многие молодые люди по окончании полного учебного курса принимаются очень серьезно за свое самообразование, начинают свою работу, если не с азбуки, то во всяком случае с арифметики и, благодаря усиленным трудам, успевают делаться мыслящими людьми, последовательными реалистами и полезными гражданами. Значит, заплативши в своем отрочестве и в своей первой молодости тяжелую дань неразвитому обществу, т. е., истратив лет десять на бесполезные учебные занятия, человек еще сохраняет в себе достаточное количество энергии и умственной свежести на то, чтобы выработать себе самостоятельные понятия о жизни. Значит, школа не убила в человеке ни здравого смысла, ни любознательности, ни трудолюбия. И за то спасибо! За неимением лучшего и в ожидании этого лучшего с существующими школами можно совершенно помириться на следующем простом и скромном условии: пусть школа поглощает время воспитанников, не давая им за это время прямо полезных знаний, но пусть она, по крайней мере, не посягает на их здоровье. Неприкосновенность здоровья — вот, по моему мнению, то единственное условие, на исполнении которого есть возможность настаивать в настоящее время, имея дело с нашими учебными заведениями. Пожалуй, можно было бы придумать очень много других требований, но наверное можно сказать, что большая часть их, при нынешних обстоятельствах, может остаться неисполнимой.

(Собрание сочинений, т. IV, стр. 515.)

О ВОСПИТАНИИ ЖЕНЩИН

(Из статьи «Мысли Вирхова о воспитании женщин», 1865 г.)

Некоторые умные и честные люди высказали в нашей периодической литературе ту мысль, что женщина должна быть деятельным и полезным членом общества, что, следовательно, она должна учиться и трудиться. Другие возразили на это, также в нашей периодической литературе, что женщине в обществе нечего делать, что ее место у семейного очага, что она должна быть исключительно женой, матерью и хозяйкой. Я называю этих возражателей людьми неумными и нечестными, потому что они прикинулись защитниками очень почтенных вещей, на которые никто не думал нападать. По поводу вопроса о серьезном научном образовании женщин они защищали целомудрие девушки, которое не подвергалось ни малейшей опасности.

По поводу вопроса об артельном труде они защищали семейные добродетели супруги, против которых также никто не говорил худого слова. Такими дешевыми средствами они ухитрились набросить на своих литературных противников неблаговидную тень и сумели упрочить за собой репутацию зорких и благонамеренных блюстителей общественной нравственности. Публика, при которой производились эти незамысловатые фокусы, по своему обыкновению благодушествовала, хлопала глазами, развешивала уши. Женский вопрос при таких условиях, разумеется, сел на мель, и снимать его с этой мели стало делом почти опасным.

Мне кажется, однако, что вопрос сел на мель собственно потому, что у наших прогрессистов нехватило практической находчивости и изворотливости. Располагая некоторой дозой этих драгоценных качеств, можно было извлечь для данного вопроса самую существенную пользу даже из возражений; можно было совершенно неожиданно стать на точку зрения этих софистов и разбить их наголову их собственным оружием. Эти благодетели нашего общества твердят без умолку, что женщина должна быть исключительно женой, матерью и хозяйкой. Прекрасно! Это очень хорошо, что они высказали свои желания, и притом высказали их так неоднократно, так громко и торжественно, что им уже невозможно от них отпереться. Теперь остается только спросить у них, желают ли они, чтобы женщина была хорошей женой, хорошей матерью и хорошей хозяйкой? Если на этот вопрос они ответят нет, то, может быть, даже наша благодушная публика перестанет пить шампанское за их здоровье. Если же они, как и следует того ожидать, ответят да, то прогрессисты могут считать свое дело выигранным и могут прочитать мистификаторам очень блистательное и очень назидательное поучение. «Послушайте вы, благодетели, — скажут прогрессисты: — знаете ли вы, что значит быть хорошей женой, хорошей матерью и хорошей хозяйкой? Знаете ли вы, какие для этого требуются обширные и основательные сведения? Знаете ли вы, какое тут необходимо высокое развитие? Знаете ли вы, какие радикальные преобразования надо произвести во всей системе женского воспитания для того, чтобы это воспитание действительно давало обществу хороших жен, хороших матерей и хороших хозяек? Если вы этого не знаете, то вы — пустые фразеры. Если же вы это знаете, то вы, толкующие без умолку о женах, матерях и хозяйках, должны действовать с нами заодно и хлопотать еще усерднее нас о серьезности и разносторонности женского образования. А так как вы сами стараетесь помешать всему, что клонится к образованию хороших жен, хороших матерей и хороших хозяек, то вы опять-таки пустые фразеры и ничтожные мистификаторы. Те люди, которым действительно дорого процветание и совершенствование русского семейства и русского хозяйства, должны отвернуться от вашей лицемерной болтовни и прислушаться к тому, что говорят честные граждане и мыслящие наблюдатели общественной жизни».

Такой филиппикой прогрессисты могли зажать рот непризванным оберегателям общественного целомудрия. Затем, вырвав из их рук знамя семейных добродетелей и убедив общество в том, что эти добро-

детели не подвергаются ни малейшей опасности, прогрессисты могли развернуть программу того образования, которое действительно формирует жен, матерей и хозяек. Эта программа силой своей очевидной разумности привлекла бы к себе полное сочувствие и полное доверие всех беспристрастных и неразвращенных людей нашего общества. Самые робкие и недальновидные умы поняли бы без труда ее несомненную практическую пользу, и великая идея женского образования и женского труда привилась бы к нашему обществу именно благодаря тому обстоятельству, что она явилась к нему в самой скромной, элементарной и неблестящей форме.

(Собрание сочинений, т. IV.)

ПРИМЕЧАНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ К ЧЕТВЕРТОМУ РАЗДЕЛУ

[1] Устав гимназий и прогимназий министерства народного просвещения утвержден был 19 ноября 1864 г. Этому утверждению предшествовала длинная история работы над проектами и борьбы по вопросу о том, в какую форму должна вылиться реформа средней школы. Первую постановку данного вопроса, вызвавшую возражения со стороны Александра II, сделал еще министр народного просвещения Норов, предложивший в 1856 г. восстановление гуманитарно-классической системы образования. Подготовленный им и опубликованный уже после его отставки (1860 г.) «Проект устава низших и средних учебных заведений» предусматривал устройство гимназий двух типов: классической — с двумя языками и реальной — с латинским языком, с практическими при каждой из них курсами. Но никаких мероприятий кроме простого сбора замечаний и их публикации в виде «свода» по данному проекту проведено не было. В 1862 г. новый министр Головнин организовал переработку проекта. Намечены были три основных типа школ: народное училище, прогимназия и гимназия. Все они мыслились как общеобразовательные учебные заведения. Гимназия в составе четырех классов снова запроектирована в двойном типе: филологическая — с двумя древними языками и реальная — с латинским языком. Последнему типу отдавался численный перевес. Однако и этот проект дальше канцелярии министерства народного просвещения не пошел. К 1863 г. собраны были 6 томов новых общественных отзывов по данному проекту, и, отчасти ссылаясь на эти отзывы, Ученый комитет министерства выработал третий вариант реформы, в котором фигурировали уже только гимназии и прогимназии и тоже двух типов. Этому проекту пришлось впервые переступить порог министерства. 27 февраля 1864 г. он был доложен Гос. совету и возвращен в министерство для новой переработки. Лишь после вторичного доклада в Гос. совете проект реформы стал законом. При этом, в момент подписания закона реформе нанесен был еще один и, пожалуй, наиболее существенный, удар. Предполагавшееся ранее равенство двух типов гимназий устранялось ст. 122, согласно которой свободный доступ в университет предоставлялся только для оканчивающих классическую гимназию.

[2] «Положение о начальных народных училищах» утверждено было 14 июля 1864 г., т. е. на несколько месяцев раньше Устава гимназий. Но подготовка Положения шла параллельно Уставу и первоначально составляла общий с ним план реформы общеобразовательной школы. Летом 1861 г. дело об устройстве начального образования было, однако, обособлено от вопросов средней школы, и в специально созданном для того комитете в ход реформы народного образования впервые вмешался Синод. Представитель последнего в комитете заявил особое мнение о необходимости предоставить духовенству в первоначальной народной школе «естественное законное первенство». Вслед затем с претензией на то же выступил и сам Синод. В своем заключении от 10 ноября 1861 г. на проект, разработанный комитетом, Синод заявил протест против предполагаемого сосредоточения дела народного образования в руках министерства народного просвещения и в обоснование своей претензии на руководство этим делом привел неведомо откуда взятые статистические данные о наличии в его распоряжении 9283 фактически существующих школ с 159 тыс. учащихся. Этим вмешательством духовенства реформаторская линия министерства народного про-

свещения оказалась в сильнейшей степени поколебленной, так как на уступки Синоду считал необходимым итти даже «либерал» Головнин. «Высочайшим повелением» 18 января 1862 г. за духовенством было закреплено право учреждать свои начальные школы и заведывать ими. Министерство народного просвещения призывалось оказывать содействие их преуспеянию, будучи и со своей стороны поставлено в необходимость «пользоваться содействием духовенства во всех случаях, когда последнее найдет возможным оказать это содействие». Дальнейшее движение «Положения» осложнилось еще одним обстоятельством. К 1864 г. должны были возникнуть земства как органы местного общественного самоуправления, в руки которых подлежали передаче местные финансы. Без опоры на последние народная школа в деревне, разумеется, не могла ни возникнуть, ни сколько-нибудь нормально развиваться. Поэтому в 1863 г. возникло предположение заменить запроектированные ранее училищные советы как органы местного заведывания школой соответствующими земскими учреждениями. Но на это предложение не пошли ни министерство народного просвещения, ни Гос. совет. Участие земства в управлении начальными народными училищами оказалось ограниченным всего лишь назначением от земств членов в уездные и губернские училищные советы.

[3] Пирогов Н. И. (1810—1881 гг.). Родился в Москве в семье чиновника. В 1828 г. окончил медицинский факультет Московского университета. После дополнительной научно-образовательной работы в Дерптском университете в 1832 г. получил звание доктора медицины и научную командировку в Германию. Совершенствуясь в немецких университетах по своей специальности, Пирогов одновременно изучает и высоко оценивает достоинства университетской системы Германии вообще. Не раз впоследствии в статьях по университетскому вопросу он будет отмечать то свойство немецкого университета, что здесь, с одной стороны, еще не потеряно теоретическое единство между факультетами (как это уже проявилось во Франции), с другой — научная деятельность университета еще пока не оторвалась от учебно-воспитательной деятельности (как это имеет место в ряде европейских академий наук). Нет сомнения, что в положительном отношении Пирогова к немецким университетам оказались заложенными также и корни его общепедагогических взглядов, которые он впоследствии имел случай конкретизировать применительно главным образом к средней школе. Вернувшись после пятилетнего пребывания за границей в Россию, Пирогов начал работу профессора по кафедре хирургии, напечатал большое количество научных трудов по медицине, получил широкую практику и по должности военного хирурга некоторое время работал на Кавказе. Во время Крымской войны Пирогов просил о назначении его на фронт и в октябре 1854 г. отправился туда во главе впервые сформировавшейся общины сестер милосердия. Убедившись в неспособности бюрократического военного аппарата поставить медицинское дело на должную высоту, он, как только кончилась война, бросил военно-медицинскую службу. В 1856 г. Пирогов опубликовал свою знаменитую педагогическую статью «Вопросы жизни» и вскоре после этого принял предложение занять место попечителя Одесского учебного округа. В этой должности Пирогов пробыл 2 года, после чего провел еще 3 года в должности попечителя Киевского учебного округа. За 5 лет этой деятельности он проявил себя как умеренный буржуазный либерал. В результате неодобрительного отзыва со стороны Киевского генерал-губернатора Пирогов в марте 1861 г. должен был уйти с должности попечителя. В период 1862—1866 гг. он еще сохранял некоторую связь с министерством народного просвещения, руководя подготовкой молодых русских ученых за границей и давая ряд заключений по разрабатывающимся проектам учебной реформы. Но с 1866 г. обрывается, наконец, и эта связь. Последние 15 лет своей жизни Пирогов провел в своем поместье (Подольская губ.), и преобладающим его интересом снова стала медицина. Из огромного литературного наследства Пирогова в области педагогики, распадающегося на два основных раздела: а) работы теоретического содержания, б) работы в области практической педагогики, в ряду которых центральное место занимают его попечительские циркуляры, — даем наиболее известные произведения того и другого раздела.